ТАЙНЫ И

Век XX

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

Том 2

ИСТОРИИ

в романах, повестях и документах

ТАЙНЫ И ИСТОРИИ

Век XX

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

Том 2

МОСКВА
«ТЕРРА»—«TERRA»
«Книжная лавка—РТР»
1996

ББК 63.3(2)712
Т65

Составитель В. ТРЕТЬЯКОВА

Художник Р. АЮПОВА

Оригинал-макет подготовлен
Гуманитарным центром «ЭКРОСФ»

Т65 **Трагедия** казачества: В 2 т. Т. 2: Краснов П. Венок на могилу неизвестного солдата императорской российской армии; «Крестная ноша» / Сост. В. Сидоров; Донсков П. Дон, Кубань и Терек во второй мировой войне. — М.: ТЕРРА; «Книжная лавка — РТР», 1996. — 536 с. — (Тайны истории в романах, повестях и документах).

ISBN 5-300-00684-X (т. 2)
ISBN 5-300-00682-3

Во вторую книгу вошли воспоминания бывшего атамана войска Донского П. Краснова «Венок на могилу неизвестного солдата...»; письма сотен казаков, собранные В. Сидоровым, в которых прослеживается народная трагедия 20–30-х годов, и историческая повесть П. Донскова о попытках организованной борьбы казаков против Советской власти, за казачью вольность, а также судьбах казаков, оказавшихся на занятых немцами территориях во время второй мировой войны.

Т $\frac{0503020400\text{-}460}{\text{А30(03)-96}}$ Без объявл.

ББК 63.3(2)712

ISBN 5-300-00684-X (т. 2)
ISBN 5-300-00682-3

© Издательский центр «ТЕРРА», 1996
© «Книжная лавка — РТР», 1996

П. Н. Краснов

ВЕНОК НА МОГИЛУ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИЙСКОЙ АРМИИ

В Париже на площади Eetolle, где правильной звездою сходятся двенадцать широких, красивых улиц, стоит триумфальная арка. Под ее высоким сводом покоится в могиле «неизвестный солдат» французской армии.

Чье тело, после боевой грозы мирно успокоившееся в изрытой снарядами, залитой человеческой кровью, пахнувшей порохом земле, торжественно выкопали и с почетом похоронили в центре города-великана? И лежит оно в шуме и грохоте в центре подземных и надземных дорог, в тонком шелесте резиновых шин бесчисленных автомобилей, среди суеты праздной, веселой парижской жизни, немым напоминанием подвигов французской армии и жертв французского народа.

На могилу возлагают венки. Зелено-пестрой громадной клумбой цветов и листьев высятся они среди немолчного шума и грохота двенадцати улиц.

Всякий раз, когда я проходил мимо нее, или читал, что то Болдуин от имени английского народа, то Муссолини от итальянцев, то генерал Богаевский возлагали на нее венки, мне вспоминались другие могилы, где лежали не неизвестные мне солдаты, а солдаты, хорошо мне знакомые, те, кто был мне дорог, кого я любил и кого видел, как он умирал.

И вижу я пустынное голое шоссе между Тлусте и Залещиками, и справа — помню точно — шоссе входит там в выемку, и край его приходится на высоте плеч человека, сидящего на лошади, — стоит низкий, почти равноплечный косой крест, сделанный из двух тонких дубовых жердей. На их скрещении кора снята и плоско застругана. Там химическим карандашом написано... Дожди, снега смыли почти все написанное, и видно только:

...«Казак 10-го Донского казачьего, генерала Луковкина, полка... 4-ой сотни... за Веру, Царя и Отечество живот свой положивший... марта 1915 года»...

Я его знал. Это мой казак... В первые бои под Залещиками он был убит у Жезавы. Потом были еще и еще бои под Залещиками. Я проезжал мимо этой могилы в мае 1915 года. Крест покосился и уже мало походил на крест... Надпись выцвела и стерлась. Для всех это была могила неизвестного сол-

дата, мне же она была известна и издали приветствовала меня дорогими словами: «За Веру, Царя и Отечество».

Теперь... там, вероятно, и могилы не осталось... как не осталось там ни Веры, ни Царя, ни Отечества... Пустое место. Там Польская республика, и что ей за дело до бравого станичника, за Веру, Царя и Отечество живот свой положившего? Обвалился крест, упали жерди в придорожную канаву, и на оставшейся могиле бурно разросся бурьян. Синий, звездочками, василек, высокая, пучком, белая ромашка да алые, на пухом поросших гибких стеблях, маки цветут на шоссе. Три цветка — белый, синий и красный — проросли из тела этого неизвестного солдата. Полевой жаворонок прилетит иногда из небесной выси, камнем упадет на цепкие травы и коротко прощебечет недопетую песню. Быть может, он скажет прохожим:

«Как жил-был казак далеко на чужбине,
И помнил про Дон на чужой стороне»...

Еще и другие вспоминаются мне могилы...

За селом Бельская Воля, в Польше, между реками Стырью и Стоходом, южнее Пинска, севернее Луцка, на песчаном бугре конносаперы под руководством есаула Зинина (1-го Волгского казачьего полка Терского казачьего войска) построили ограду. Резанные из цветных — темных еловых и белых березовых сучьев — красивые ворота аркой ведут за ограду. Там, в стройном порядке выровненные, в затылок и рядами, лежат солдаты Нижнеднепровского полка, донские, кубанские и терские казаки 2-й казачьей сводной дивизии, убитые в боях под Вулькой Галузийской, 26—30 мая 1916 года — это когда был Луцкий прорыв генерала Каледина.

На воротах надпись из сучьев:

«Воины благочестивые, славой и честию венчанные».

Тогда думали об этом. Тогда можно было об этом думать. Был Бог... Был царь... Была Россия.

И еще одна могила. На склонах Агридагского хребта за Сарыкамышем, среди камней горных ущелий, лежит тело сибирского казака 1-го Ермака Тимофеева полка, Пороха. Того самого Пороха, у которого было веселое, загорелое и круглое лицо, ясные, карие глаза и чистые, ровные и белые зубы. В течение почти трех лет ежедневно утром он встречал меня радостной улыбкой и говорил: «Так что, Ваше Высокоблагородие, лошади, слава Богу, здоровые», а иногда прибавлял: «Только Ванда чегой-то скушная стоит, овес не ела и воды совсем чуток пила. Однако температуру мерили: нормальная...» С ним, Порохом, я изъездил все Семиречье, и он добывал барана на ужин в пустыне, где, казалось, кругом на сотни верст никого не было.

— У знакомого киргиза достал, таймыр он мне...

Вечером у палатки я слушал, как он быстро говорил с кем-

то по-киргизски. Носовые, неясные звуки сплетались в гирлянду слов, как песня.

На песке, поджав ноги, сидели киргизы и с ними мой Порох.

Он убит в ноябре 1914 года, в конной атаке под Сарыкамышем. Тогда 1-й Сибирский Ермака Тимофеева полк атаковал батальон турецкой пехоты, изрубил его и взял знамя.

Во имя всех их... а их миллионы неизвестных — на их могилу мне хотелось бы возложить мой скромный венок воспоминаний...

Имя — честию и славою венчанным.

Да стоит ли?

Разве не помните вы, как густой толпой стояли они, 4 мая 1917 года на станции Видиборг, кричали, плевали подсолнухами и требовали вашей смерти? У них на затылках были смятые фуражки и папахи, на лоб выбились клочья нечистых волос, на рубашках алели банты, кокарды были залиты красными чернилами, и почти все они были без погон.

Разве не помните вы, как в этот час трусливо прятались по вагонам, не смея выручить своего начальника, сотни 17-го Донского генерала Бакланова полка, те, чьи братья лежат так тихо и спокойно у селения Бельская Воля, славой и честью венчанные?

Разве не помните вы, что они изменили присяге, они поносили царя, они предали врагу — немцам — родину, они подчинились жидам.

Нет... Не об этих будет моя речь. Я хочу сказать о тех, кто свято помогал неизвестному французскому солдату тихо и честно лечь в шумную могилу на площади Eetolle в Париже.

Я хочу сказать, как сражались, жили, томились в плену и как умирали солдаты Русской императорской армии.

Мой венок будет на могилу неизвестного Русского солдата, за Веру, Царя и Отечество живот свой на бранях положившего.

Ибо тогда умели умирать.

Ибо тогда смерть честию венчала.

I

Как они умирали

Мой первый убитый... Это было 1 августа 1914 года на Австрийской границе, на шоссе между Томашевым и Равой Русской. Было яркое солнечное утро. В густом мешанном лесу, где трепетали солнечные пятна на мху и вереске и пахло смолою и грибами, часто трещали ружейные выстрелы. Посвистывали пули, протяжно пели песнь смерти, и от их невиди-

мого присутствия появился дурной вкус во рту, и в голове путались мысли.

Я стоял за деревьями. Впереди редкая лежала цепь. Казаки, крадучись, подавались вперед. Из густой заросли вдруг появились два казака. Они несли за голову и за ноги третьего.

— Кто это? — спросил я.

— Урядник Еремин, Ваше Высокоблагородие, — бодро ответил передний, неловко державший рукой с висевшей на ней винтовкой, голову раненого Еремина.

Я подошел. Низ зеленовато-серой рубахи был залит кровью. Бледное лицо, обросшее жидкой, молодой, русой бородой, было спокойно. Из полуоткрытого рта иногда, когда казаки спотыкались на кочках, вырывались тихие стоны.

— Братцы, — простонал он, — бросьте... Не носите... Не мучьте... Дайте помереть спокойно.

— Ничего, Еремин, — сказал я, — потерпи. Бог даст, жив будешь.

Раненый поднял голову. Сине-серые глаза с удивительной кротостью уставились на меня. Тихая улыбка стянула осунувшиеся, похудевшие щеки.

— Нет, Ваше Высокоблагородие, — тихо сказал Еремин. — Знаю я... Куды ж. В живот ведь. Понимаю... Отпишите, Ваше Высокоблагородие, отцу и матери, что... честно... нелицемерно... без страха...

Он закрыл глаза. Его понесли дальше.

На другое утро его похоронили на Томашевском кладбище у самой церкви. На его могиле поставили хороший, тесаный крест. Казаки поставили.

Я не был на его похоронах. Австрийцы наступали на Томашев. На Зверижинецкой дороге был бой. Некогда было хоронить мертвых.

Потом их были сотни, тысячи, миллионы. Они устилали могилами поля Восточной Пруссии, Польши, Галиции и Буковины. Они умирали в Карпатских горах, у границы Венгрии, они гибли в Румынии и в Малой Азии, они умирали в чужой им Франции.

За Веру, Царя и Отечество.

Нам, солдатам, их смерть была мало видна. Мы сами в эти часы были объяты ее крыльями и многого не видели из того, что видели другие, кому доставалась ужасная, тяжелая доля провожать их в вечный покой... Сестры милосердия, санитары, фельдшера, врачи, священники.

И потому я расскажу о их смерти, о их переживаниях со слов одной сестры милосердия.

Я не буду ее называть. Те, кто ее знает, а в Императорской армии ее знали десятки тысяч серых героев, — ее узнают. Тем, кто ее не знает, ее имя безразлично.

Сколько раненых прошло через ее руки, сколько солдат умерло на ее руках и от скольких она слышала последние слова, приняла последнюю земную волю!..

В бою под Холмом к ней принесли ее убитого жениха....

Она была русская, вся соткана из горячей веры в Бога, любви к царю и родине. И умела она понимать все это свято. В ней осталась одна мечта — отдать свою душу Царю, Вере и Отечеству. И отсюда зажегся в ней страстный пламень, который дал ей силу сносить вид нечеловеческих мук, страданий и смерти. Она искала умирающих. Она говорила им, что могла подсказать ей ее исстрадавшаяся душа. Стала она оттого простая, как прост русский крестьянин. Научилась понимать его. И он ей поверил. Он открыл ей душу, и стала эта душа перед нею в ярком свете чистоты и подвига, истинно, славою и честию венчанной. Она видела, как умирали русские солдаты, вспоминая деревню свою, близких своих. Ей казалось, что она не жила с ними предсмертными переживаниями, но много раз с ними умирала. Она поняла в эти великие минуты умираний, что «нет смерти, но есть жизнь вечная». И смерть на войне — не смерть, а выполнение своего первого и главного долга перед родиной.

В полутемной комнате чужого немецкого города, прерывающимся голосом рассказывала она мне про русских солдат, и слезы непрерывно капали на бумагу, на которой я записывал ее слова.

Теперь, когда поругано имя государево, когда наглые, жадные, грязные святотатственные руки роются в дневниках государя, читают про его интимные, семейные переживания и наглый хам покровительственно похлопывает его по плечу и аттестует как пустого молодого человека, влюбленного в свою невесту, как хорошего семьянина, но не государственного деятеля, быть может, будет уместно и своевременно сказать, чем Он был для тех, кто умирал за Него. Для тех миллионов «неизвестных солдат», что умерли в боях, для тех простых русских, что и по сей час живут на гонимой истерзанной родине нашей.

Пусть из страшной темени лжи, клеветы и лакейского хихиканья людей раздастся голос мертвых и скажет нам правду о том, что такое Россия, ее Вера православная и ее Богом венчанный Царь.

Шли страшные бои под Ломжей. Гвардейская пехота сгорала в них, как сгорает солома, охапками бросаемая в костер. Перевязочные пункты и лазареты были переполнены ранеными, и врачи не успевали перевязывать и делать необходимые операции. Отбирали тех, кому стоило сделать, то есть у кого была надежда на выздоровление, и бросали остальных умирать от ран, за невозможностью всем помочь.

Той сестре, о которой я писал, было поручено из палаты, где лежали 120 тяжело раненных, отобрать пятерых и доста-

вить их в операционную. Сестра приходила, с носилками, отбирала тех, в ком более прочно теплилась жизнь, у кого не так страшны были раны, указывала его санитарам, и его уносили. Тихо, со скорбным лицом и глазами, переполненными слезами, скользила она между постелей из соломы, где лежали исковерканные обрубки человеческого мяса, где слышались стоны, предсмертные хрипы и откуда следили за нею большие глаза умирающих, уже видящие иной мир. Ни стона, ни ропота, ни жалобы... А ведь тут шла своеобразная «очередь» на жизнь и выздоровление... Жребием было облегчение невыносимых страданий.

И всякий раз, когда входила сестра с санитарами, ее взор ловил страдающими глазами молодой, бравый, черноусый красавец унтер-офицер лейб-гвардии Семеновского полка. Он был очень тяжело ранен в живот. Операция была бесполезна, и сестра проходила мимо него, ища других.

— Сестрица... меня... — шептал он и искал глазами ее глаза.

— Сестрица... милая... — Он ловил руками края ее платья, и тоска была в его темных, красивых глазах.

Не выдержало сердце сестры. Она отобрала пятерых и умолила врача взять еще одного — шестого. Шестым был этот унтер-офицер. Его оперировали.

Когда его сняли со стола и положили на койку, он кончался. Сестра села подле него. Темное, загорелое лицо его просветлело. Мысль стала ясная, в глазах была кротость.

— Сестрица, спасибо вам, что помогли мне умереть тихо, как следует. Дома у меня жена осталась и трое детей. Бог не оставит их... Сестрица, так хочется жить... Хочу еще раз повидать их, как они без меня справляются. И знаю, что нельзя... Жить хочу, сестрица, но так отрадно мне жизнь свою за Веру, Царя и Отечество положить.

— Григорий, — сказала сестра, — я принесу тебе икону. Помолись, тебе легче станет.

— Мне и так легко, сестрица.

Сестра принесла икону, раненый перекрестился, вздохнул едва слышно и прошептал:

— Хотелось бы семью повидать. Рад за Веру, Царя и Отечество умереть...

Печать нездешнего спокойствия легла на красивые черты русского солдата. Смерть сковывала губы. Прошептал еще раз:

— Рад.

Умер.

В такие минуты не лгут ни перед людьми, ни перед самим собою.

Исчезает выучка, и становится чистой душа, такою, какою она явится перед Господом Богом.

Когда рассказывают о таких минутах — тоже не лгут
Эти «неизвестные» умирали легко. Потому что верили. И вера спасет их.

И так же, с такими же точно словами, умирал на руках у сестры лейб-гвардии Преображенского полка солдат по имени Петр. По фамилии... тоже неизвестный солдат.

Он умирал на носилках. Сестра опустилась на колени подле носилок и плакала.

— Не плачьте, сестрица. Я счастлив, что могу жизнь свою отдать за царя и Россию. Ничего мне не нужно, только похлопочите о моих детях, — сказал умирающий солдат.

И часто я думаю, где теперь эти дети семеновского унтерофицера Григория и преображенского солдата Петра? Их отцы умерли за «Веру, Царя и Отечество» восемь лет тому назад. Их детям теперь 12—14—16 лет. Учатся ли они где-нибудь? Учились ли под покровительством какого-нибудь пролеткульта или стали лихими комсомольцами и со свистом и похабной руганью снимали кресты с куполов сельского храма, рушили иконостас и обращали святой храм в танцульку имени Клары Цеткин?

Почему жизнь состроила нам такую страшную гримасу и почему души воинов, славою и честию венчанных, не заступятся у престола Всевышнего за своих детей?

Десять месяцев провела сестра на передовых позициях. Каждый день и каждую ночь на ее руках умирали солдаты.

И она свидетельствует:

— Я не видала солдата, который не умирал бы доблестно. Смерть не страшила их, но успокаивала.

И истинно ее свидетельство.

И не только умирали, но и на смерть шли смело и безропотно.

Когда были бои под Ивангрaдом, то артиллерийский огонь был так силен, снаряды рвались так часто, что темная ночь казалась светлой и были видны лица проходивших в бой солдат.

Сестра стояла под деревом. В смертельной муке она исходила в молитве. И вдруг услышала шаги тысячи ног. По шоссе мимо нее проходил в бой армейский полк. Сначала показалась темная масса, блеснули штыки, надвинулись плотнее молчаливые ряды, и сестра увидела чисто вымытые, точно сияющие лица. Они поразили ее своим кротким смирением, величием и силой духа Эти люди шли на смерть. И не то было прекрасно и в то же время ужасно, что они шли на смерть, а то, что они знали, что шли на смерть, и смерти не убоялись.

Солдаты смотрели на сестру и проходили. И вдруг отде-

лился один, достал измятое письмо и, подавая его сестре, сказал:

— Сестрица, окажи мне последнюю службу. Пошли мое последнее благословение, последнюю благодарность мою моей матери, отправь письмецо мое...

И пошел дальше...

И говорила мне сестра: ни ожесточения, ни муки, ни страха не прочла она на его бледном, простом крестьянском лице, но одно величие совершаемого подвига.

А потом она увидела. По той же дороге шла кучка разбитых, усталых, запыленных и ободранных солдат. Человек тридцать. Несли они знамя. В лучах восходящего солнца сверкало золотое копье с двуглавым орлом, и утренней росою блистал черный глянцевитый чехол. Спокойны, тихи и безрадостны были лица шедших.

— Где ваш полк? — спросила сестра.

— Нас ничего не осталось, — услышала она простой ответ...

Когда я прохожу по площади Eetolle и вижу бескрестную могилу-клумбу неизвестного солдата, мне почему-то всегда вспоминаются эти скромные, тихие души, ко Господу так величаво-спокойно отошедшие.

Не душа ли неизвестного французского солдата, такая же тихая и простая и так же просто умевшая расстаться с телом, зовет и напоминает о тех, кто умел свершить свой долг до конца?

А умирать им было нелегко.

Там же, в Ломже, в госпитале, умирал солдат армейского пехотного полка.

Трагизм смерти от тяжелых ран заключается в том, что все тело еще здорово и сильно, не истощено ни болезнью, ни страстью, но молодое и сильное, оно не готово к смерти, не хочет умирать, и только рана влечет его в могилу, и потому так трудно этому молодому и здоровому человеку умирать.

Пить просил этот солдат. Мучила его предсмертная жажда. В смертельном огне горело тело, и, когда сестра подала ему воду, сказал он ей:

— Надень на меня, сестрица, чистую рубашку. Чистым хочу я помереть, а совесть моя чиста. Я за царя и родину душу мою отдал... Ах, сестрица, как матушку родную мне жаль. Спасите меня хоть так, чтобы на один часочек ее еще повидать, чтобы деревню свою хоть одним глазком посмотреть...

Сестра надела на него чистую белую рубашку.

Он осмотрел себя в ней, улыбнулся ясною улыбкой и сказал:

— Ах, как хорошо за родину помирать.

Потом вытянулся, положил руку под голову, точно хотел поудобнее устроиться, как устраивается на ночь ребенок, закрыл глаза и умер.

II

Как они относились к своим офицерам

Те же люди, что клеветали на царя, стараясь снять с него величие царского сана, и печатанием гнусных сплетен, чужих писем хотят вытравить из народной души величие символа «За Веру, Царя и Отечество», так же всячески старались зачернить отношения между солдатом и офицером. А отношения эти были большею частью простые и ласковые, а нередко и трогательно-любовные, как сына к отцу, как отца к детям.

Лишь только спускались сумерки, как на тыловой линии, там и сям, появлялись согнутые фигуры безоружных солдат. Шрапнели неприятеля низко рвались в темнеющем небе, и уже виден был яркий желтый огонь их разрывов, бухали, взрывались тяжелые и легкие гранаты, и в темноте их черный дым вставал еще грознее и раскаленнее, светясь, летели красно-огненные осколки. Казалось, ничего живого не могло быть там, где едва намечалась клокочущая ружейным и пулеметным огнем линия окопов.

По полю перебегали, шли, крались, припадали к земле и снова шли люди.

Это денщики несли своим офицерам в окопы кто теплое одеяло, чтобы было чем укрыться в холодном окопе, кто тщательно завернутый в полотенце чайник с кипящим чаем, кто хлеб, кто портсигар с папиросами. Им это строго запрещали их же офицеры. Но они не слушали запрещений, потому что видели в этом свой долг, а долг для них был выше жизни. Они помнили, как провожали их матери и жены этих офицеров и говорили им:

— Смотри, Степан, береги его. Помни, что он один у меня, единственный, позаботься о нем.

— Не извольте сумлеваться, барыня, сам не доем, не досплю, а о их благородии позабочусь.

— Иван, — говорила молодая женщина с заплаканными глазами. — Иван, сохрани мне моего мужа. Ты же знаешь, как я его люблю.

В эти страшные часы расставания, когда полк уже ушел на плац строиться и денщики торопились собрать вещи, чтобы везти их на вокзал, матери и жены становились близкими и родными всем этим Иванам и Степанам и в них видели последнюю надежду. Денщики отыскивали своих раненых офицеров, выносили тела убитых, бережно везли их домой к родным.

— Куда вы, черти, лешие? Убьют ведь, — кричали им из окопов.

— А что же, робя, я так что ль своего ротного брошу? Мы его, как родного отца чтим, и чтобы не вынести?

— Убьют.

— Ну и пущай, я долг свой сполню.

И выносили оттуда, откуда нельзя было, казалось, вынести.

Помню, двое суток сидел я с Донской бригадой своей дивизии в только что занятых нами немецких окопах у Рудки-Червище, на реке Стоходе. Это было в августе 1916 г. Противник засыпал все кругом тяжелыми снарядами, подходы к мосту простреливались ружейным огнем. Оренбургские казачьи батареи принуждены были выкопать в крутом берегу окопы для орудийных лошадей. Между нами и тылом легло пространство, где нельзя было ходить.

Смеркалось. Пустые избы деревни, вытянувшиеся улицей, четко рисовались в холодеющем небе. И вдруг на улице показалась невысокая фигура человека, спокойно и бесстрашно шедшего мимо домов, мимо раздутых трупов лошадей, мимо воронок от снарядов, наполненных грязной водой.

Мы из окопа наблюдали за ним.

— А ведь это ваш Попов, — сказал мне начальник штаба, полковник Денисов.

— Попов и есть, — подтвердил старший адъютант.

Попов шел не торопясь, точно рисуясь бесстрашием. В обеих руках он нес какой-то большой, тяжелый сверток.

Весь наш боевой участок заинтересовался этим человеком. Он шел, как ползает беспечно по столу муха, в которую бросают горохом. Снаряды рвались впереди, сзади, с боков, он не прибавлял шага. Он шел, бережно неся что-то хрупкое и тяжелое.

Спокойно дошел он до входа в окопы, спустился по земляным ступеням и предстал перед нами в большом блиндаже, накрытом тяжелым накатником.

— Ужинать, Ваше Превосходительство, принес, — сказал он, ставя перед нами корзинку с посудой, чайниками, хлебом и мясом. — Чай, за два дня-то проголодались!..

— Кто же пустил тебя?

— И то на батарее не пускали. Да как же можно так без еды! И письмо от генеральши пришло, и посылка, я все доставил.

Этот Попов...

Но не будем говорить об этом. Этот Попов тогда, когда он служил в Русской императорской армии, даже и не понимал того, что он совершил подвиг христианской любви и долга!

А был он сам богатый человек, с детства избалованный конезаводчик и сын зажиточного торгового казака Богаевской станицы войска Донского.

В казармах нашей Императорской армии висели картины. Это были литографии в красках, издания Ильина или типографии Главного штаба, уже точно не помню. Изображали они подвиги офицеров и солдат в разные войны. Был там майор Горталов в белом кителе и кепи на затылке, прокалываемый со всех сторон турецкими штыками; был рядовой Осипов в укреплении Михайловском с факелом в руках, ки-

дающийся к пороховому погребу. Запомнился мне еще подвиг Архипа Бондаренко Лубенского гусарского полка, спасающего жизнь своему офицеру, корнету Воеводскому. Улица болгарской деревни, белые хаты с соломенными крышами, вдоль них скачет большая гнедая лошадь и на ней двое — раненый офицер и солдат!

Это было воспитание солдата. Дополнение к беседам о том, что «сам погибай, а товарища выручай». Молодыми офицерами мы ходили по казарменному помещению, окруженные молодежью, показывали картины и задавали вопросы. Называлось это «словесностью» и считалось одним из самых скучных занятий.

— Что есть долг солдата? — спрашивали мы, останавливаясь у картины, изображавшей подвиг Бондаренко.

— Долг солдата есть выручить товарища из беды. Долг солдата, если нужно, погибнуть самому, но спасти своего офицера, потому как офицер есть начальник и нужен больше, чем солдат.

— А что здесь нарисовано?

— Изображен здесь подвиг рядового Бондаренко, который, значит, под турецкими пулями и окруженный со всех сторон башибузуками, увидев, что его офицер, корнет Воеводский, ранен и лошадь под ним убита, остановил свою лошадь и посадил офицера в седло, а сам сел сзади, и, отстреливаясь и прикрывая собою офицера, спас его от турок...

Думали ли мы тогда, что двадцать пять лет спустя подвиг братской христианской любви к ближнему, подвиг высокого долга солдатского при обстоятельствах исключительных и гораздо более сложных, чем в 1877 г., будет повторен в мельчайших подробностях? Тогда казалось, да так и говорили, что красоты на войне не будет, — красоты подвига и любви, что война обратится в бездушную бойню.

И пришла война. Неожиданно грозная и кровавая, и захватила все слои населения и подняла все возрасты. Старых и малых поставила в смертоносные ряды, и офицера и солдата смешала в общей великой и страшной работе. И явились герои долга и высокой христианской любви.

Легендарные подвиги, запечатленные на картинах для воспитания солдатского, повторились с математической точностью.

То ли, что мы хорошо их учили и сумели так воспитать солдата, что он стал способен на подвиги, то ли, что чувство долга и любви к ближнему в крови русского солдата и привито ему в семье и в церкви?

Это было в самые первые дни войны на турецком фронте, в долине Евфрата. 1 ноября 1914 г. конный отряд Эриванской группы занял с боя турецкий город Душах-Кебир. Наше наступление шло в Ванском направлении к Мелазгерту. 2 ноября от отряда была послана разведывательная сотня. Но, отойдя версты на четыре, она наткнулась на значительные силы

конных курдов и принуждена была остановиться. Попытки разъездов пробиться дальше не увенчались успехом, и начальник отряда генерал-майор Певнев решил 6 ноября произвести усиленную разведку отрядом трех родов войск и оттеснить курдов. В разведку был назначен 3-й Волгский казачий полк Терского казачьего войска под командой полковника Тускаева, два орудия 1-й Кубанской казачьей батареи под командой подъесаула Певнева и два пулемета дивизионной команды под командой 1-го Запорожского императрицы Екатерины II казачьего полка сотника Артифексова.

3-й Волгский полк, только что мобилизованный, состоял из немолодых казаков, отдыхавших от строя, со случайными, призванными со льготы офицерами и с командиром, только что назначенным из конвоя его величества и отвыкшим управлять конными массами.

Напротив, батарея и пулеметчики — все были кадровые казаки с двух- и трехлетним обучением, молодежь, горевшая желанием помериться силами с врагом, прекрасно воспитанная и дисциплинированная, сжившаяся со своими офицерами.

Ранним утром яркого солнечного дня отряд вышел из Душаха. Пройдя четыре версты, на линии селения Верхний Харгацых, где горные отроги рядом холмов, прорезанных круторебрыми балками, спускаются в долину реки Евфрата, — отряд услыхал выстрелы. Головная сотня была встречена пешими и конными курдами. Искусно пользуясь глубокими оврагами и складками местности, террасами, спускающимися к реке, курды маячили кругом сотни, обстреливая ее со всех сторон.

Полковник Тускаев, не рискуя принять бой в конном строю, спешил две сотни, около 130—140 стрелков, — и повел наступление на конные массы. Противник, укрывавшийся по балкам, развернулся. Перед волгскими цепями была организованная курдская кавалерия — тысяч до пяти всадников.

Курдская конница охватила головную сотню, бывшую в версте от казачьих цепей. Курды, джигитуя, подскакивали к казакам шагов на четыреста и поражали их метким прицельным огнем.

В сотне появились раненые и убитые. Она подходила к обрывистому берегу евфратского русла, вся каменистая долина реки пестрела курдскими толпами. Гул голосов, неясные вскрики, ржанье коней раздавались от реки. Повсюду были цели для поражения огнем и так велика была вера в технику, в силу артиллерийского и пулеметного огня, что полковник Тускаев приказал артиллерийскому взводу выехать вперед цепей и огнем прогнать курдов.

Лихо, по конноартиллерийски, вылетел по узкой тропинке к берегу подъесаул Певнев, развернулся за двумя небольшими буграми у самого берега и сейчас перешел на поражение, ставя шрапнели на картечь.

Курды не дрогнули. Нестройными конными лавами, сопровождаемые пешими, с непрерывной стрельбой, они повели наступление на головную сотню, стоявшую в прикрытии батареи, и на орудия.

Терцы Волгского полка не выдержали атаки. Три взвода сотни оторвались и ускакали. Под берегом остался один взвод — человек пятнадцать и два орудия, яростно бившие по курдам.

Им на помощь был послан пулеметный взвод сотника Артифексова.

Широким наметом, имея пулеметы на вьюках, пулеметчики выехали вперед орудий и сейчас же начали косить пулеметным огнем курдские толпы.

Курды отхлынули. Пулеметный огонь был меткий на выбор, но курды чувствовали свое превосходство в силах, и, отойдя на фронте, они скопились на левом фланге и, укрываясь холмами Евфратского берега, понеслись на бывшие сзади батареи сотни волгцев полковника Тускаева. Курды обходили их слева и сзади. Волгцы подали коноводов и ускакали, оставив и орудия под речным обрывом.

В величавом покое сияло бездонное синее небо над розово-желтыми кремнистыми скатами Евфратских холмов. Тысячам курдов противостояла маленькая кучка казаков, едва насчитывавшая тридцать человек. Орудия часто стреляли, непрерывно трещали пулеметы, отстреливаясь во все стороны и осаживая зарывавшихся курдов. Телами убитых лошадей и людей покрывались скаты холмов, но крались и ползли курды, и меток и губителен становился их огонь.

Два молодых офицера, подъесаул Певнев и сотник Артифексов, с горстью все позабывших и доверившихся им казаков бились за честь русского имени.

Пулеметные ленты были на исходе. Взводный урядник Петренко — красавец и силач — доложил Артифексову полушепотом:

— Ваше благородие, остались три коробки...

В то же мгновение первый пулемет замолчал. Номера были ранены, а сам пулемет поврежден. И сейчас же ранило 1-й номер второго пулемета. Огонь прекратился.

Сотник Артифексов сел сам за пулемет, тщательно выбирая цели и сберегая патроны.

Из тыла прискакал раненый казак-волжец.

— Командир полка приказал отходить! — крикнул он.

Из-за бугра показался Певнев.

— Сотник, прикрывайте наш отход, а мы прикроем ваш.

— Ладно. Будем прикрывать отход.

Заработал пулемет.

Сзади звонко звякнули пушки, поставленные на передки. Загремели колеса. Орудия со взводом терцев поскакали назад... На месте батареи остался зарядный ящик с убитыми

лошадьми, трупы казаков, и блестели медные гильзы артиллерийских патронов.

На береговом скате офицер и десять казаков отстреливались от курдов пулеметом и из револьверов. Курды подходили на сто шагов. В неясном гортанном гомоне толпы уже можно было различать возгласы:

— Алла... Алла...

Одному Богу молились люди, и молились о разном.

Прошло минут десять. Сзади рявкнул выстрел и заскрежетал снаряд. Подъесаул Певнев снялся с передков. Пулеметам надо было отходить. Курды бросили пулеметы, и конная масса человек в пятьсот поскакала стороною на батарею. Нечем было их остановить. Орудия стояли под прямым углом одно к другому и часто били, точно лаяли псы, окруженные волками... Артиллерийский взвод умирал в бою.

— Вьючить второй пулемет, — крикнул Артифексов и сел на свою лошадь. Сознание силы коня и то, что на нем он легко уйдет от курдов, придало ему бодрости.

Курды кинулись на казаков.

— Ребята, ко мне!

И тут, в 20-м веке, произошло то, о чем пели былины на пороге девятого века. Петренко, как новый Илья Муромец, врубился в конные массы курдов и крошил их, как капусту. На бескровном лице дико сверкали огромные глаза, и сам он непроизвольно, не отдавая отчета в том, что он делает, хрипло кричал:

— Ребята, в атаку... Ребята, в атаку... в атаку...

Рядом с ним, на спокойной в этом хаосе людских страстей лошади, стоял казак 3-го Волгского полка, Файда, и с лошади, из винтовки, почти в упор бил курдов.

Пулеметы ушли... От отряда оставалось только трое: сотник Артифексов, Петренко и Файда. Петренко был ранен в грудь и шатался на лошади...

— Уходи! — крикнул Артифексов, отстреливаясь из револьвера, и, как только Петренко и Файда скрылись в балке, выпустил своего могучего кровного коня...

Впереди было каменистое русло потока. Сзади нестройными толпами, направляясь к агонизировавшей батарее, скакали курды. Часто щелкали выстрелы.

Большие камни русла заставили сотника Артифексова задержать коня перевести его на рысь и потом на шаг. Лошадь Артифексова вдруг как-то осела рядом, заплела ногами и грузно свалилась. Сейчас же вскочила, прянула и упала на Артифексова, тяжело придавив ему ногу.

Мимо проскакали курды. Они шли брать батарею. Иные соскакивали у трупов казаков и обирали их. Громадный курд увидал Артифексова, бившегося под лошадью, соскочил с коня и с ружьем в руках бросился на офицера. Он ударил Ар-

тифексова по голове прикладом, торчком. Мохнатая кубанская шапка предохранила голову, и был только тяжелый удар, вызвавший минутное помутнение в голове. Артифексов схватил курда одною рукой за руку, другой за ногу и повалил его, зажав его голову под мышкой правой руки, а левой рукой старался достать револьвер, бывший под лошадью. Курд зубами впился в бок Артифексова, но тому удалось достать револьвер, и он выстрелом в курда освободился от него.

Мутилось в голове, как в тумане, увидал Артифексов двух волгских казаков, скакавших мимо.

— Братцы, — крикнул он, — помогите выбраться.

Казак по фамилии Высококобылка остановился.

— Стой, ребята, пулеметчиков офицер ранен.

— Я не ранен, а только не могу встать...

Высококобылка закричал что-то и стал часто стрелять по наседавшим курдам. Другой казак, Кабальников, тоже что-то кричал Артифексову. Артифексов рванулся еще раз и выкарабкался из-под лошади. Но сейчас на него налетело трое конных курдов. Одного убил Артифексов, другого — кто-то из казаков, третий поскакал назад.

— Ваше благородие, бегите сюды, — крикнул Артифексову Высококобылка.

Казаки из-за больших камней русла не могли подъехать к офицеру. Артифексов подошел к ним. Они стали по сторонам его, он вставил одну ногу в стремя одному, другую — другому, и, обнимая их, поскакал между ними по дороге. Но дальше шла узкая тропинка. По ней можно было скакать только одному. От удара по черепу силы покидали Артифексова.

— Бросай, ребята. Все равно ничего не выйдет.

— Зачем бросай, — сказал Высококобылка и спрыгнул со своей лошади.

— Садитесь, Ваше благородие. Кабальников, веди его благородие. За луку держитесь. Ничего, увезем.

На мгновение Артифексов хотел отказаться, но машинально согласился. Высококобылка опустился на колено у покрытой в холме тропы и изготовился стрелять. И как только курды сунулись в промоину, меткими выстрелами стал их класть у щели.

Выпустив пять патронов, он догнал Кабальникова, вскочил на круп лошади, и все трое поскакали дальше. Но не проскакали они и двухсот шагов, как курды прорвались в щель и стали стрелять по казакам. Высококобылка соскочил с лошади, лег и остался один против курдов, выстрелами на выбор он опять остановил их преследование, потом подбежал к Кабальникову и, взявшись за хвост лошади, бежал за Артифексовым.

Они уже выходили из поля боя. Стали попадаться казаки отряда. Курды бросили преследование. Сотник Артифексов был спасен.

Глухою ночью он проснулся. Нестерпимо болела ушибленная нога. Кошмары давили. В пустой хате, где его положили, было темно и страшно. Шатаясь, он вышел на воздух. В бескрайней пустыне горел костер. Кругом сидели казаки.

— Братцы, дайте мне побыть с вами, страшно мне одному. Голова болит, — сказал Артифексов.

Молча подвинулись казаки. Офицер сел у костра. Он прилег. Чья-то заботливая рука прикрыла его ноги буркой.

Тихо горел костер. Трещали чуть слышно мелкие сучья. В стороне жевали кони. Высоко в небе ткали невидимый узор звезды, точно перекидывались между собою лучами-мыслями.

Молчали казаки.

Подвиг братской христианской любви и самопожертвования был совершен.

По уставу.

Как офицер «дома» учил. Как наказывал отец. Как говорила, провожая, мать. Как обязан был поступать каждый казак, как поступали тогда все...

Теперь...

Высококобылка и Кабальников, где вы? В белой армии, на тяжелых работах в чужой неприятной стране?.. Или дома, в разоренном хуторе под чужой, не русской властью?.. Или служите 3-му Интернационалу, не за совесть, а за страх, выколачивая из русских мужиков продналог...

Откликнитесь, где вы?..

Или спите в безвестной могиле, в широкой степи, без креста и гроба похороненные, и души ваши, со святыми у Престола Всевышнего... славою и честию венчанные...

Ибо подвиг ваш, награжденный царем земным, не останется без награды и у Господа Сил.

III

Как они томились в плену

Есть еще на войне страшное место. Страшное и больное.

Плен.

Так много грязного и тяжелого рассказывали про пленных, так много ужасного.

В марте 1915 года были бои на р. Днестре, под Залещиками. Я со своим 1-м Донским казачьим полком занимал позицию впереди Залещиков, на неприятельском берегу. Перед нашими окопами, шагах в шестистах, был редут, занятый батальоном 30-го Александрийского пехотного полка. Это был ключ нашей позиции.

Австро-германцы — против нас была венгерская пехота и германская кавалерийская бригада — сосредоточили по этому

редуту огонь двух полевых и одной тяжелой батареи. Нам были видны разрывы снарядов и темные столбы дыма подле редута. Это продолжалось полчаса. Потом огонь стих. В бинокль мы увидали большую белую простыню над редутом, а потом серую толпу, перевалившую к неприятелю.

Я никогда не забуду того отвратительного чувства тоски, обиды и досады, что залила тогда сердце. Эта сдача александрийцев дорого стоила нам, принужденным отстаивать позицию без них и без их редута.

И еще помню.

На Стоходе, на рассвете мы увидали, как два солдата армейского западного полка прошли из окопа к копне сена, бывшей между нами и австрийцами. Что-то поговорили между собою, навязали на штык белый платок и ушли... к неприятелю.

И потому к пленным было у нас нехорошее чувство. Такое чувство было и у той сестры (рассказы которой про солдатскую смерть я записал), когда она в 1915 году была назначена посетить военнопленных в Австро-Венгрии. Она знала, что неприятель там вел противорусскую пропаганду, и потому приступила к исполнению своего поручения не без страха.

«После всего пережитого мною на фронте, в передовых госпиталях, после того, как повидала я все эти прекрасные смерти наших солдат, — рассказывала мне сестра, — было у меня преклонение перед русским воином. И я боялась увидать пленных... И увидала... подошла к ним вплотную... Вошла в их простую, томящуюся душу... И мне не стало стыдно за них».

С тяжелым чувством ехала сестра к немцам. Они были виновниками гибели стольких прекрасных русских. Они убили ее жениха. Когда пароход, шедший из Дании, подошел к Германии, сестра спустилась вниз и забилась в свою каюту. Ей казалось, что она не будет в состоянии подать руки встречавшим ее немецким офицерам. Это было летом 1915 г. На фронте у нас шло плохо. Армии отступали, враг торжествовал.

У маленького походного образа в горячей молитве склонилась сестра. Думала она: «Я отдала свою жизнь на служение русскому солдату. Отдала ему и свои чувства. Переборю, переломлю себя. Забуду Германию в любви к России».

Тогда еще не выплыли в армии шкурные интересы, не торопились делить господскую землю, не говорили: «Мы пензенские, до нас еще когда дойдут, чаво нам драться. Вот когда к нашему селу подойдут, тады покажем». Тогда была Императорская армия, и дралась она «за Веру, Царя и Отечество», а не за «землю и волю», отстаивала Россию, а не революцию.

С верою в русского солдата вышла сестра к немцам и поздоровалась с ними.

Сейчас же повезли ее в Вену. Если у нас шпиономания процветала, то не меньше нашего были заражены ею и враги. За сестрою следили. Ее ни на минуту не хотели оставить с

пленными наедине, чтобы не услышала ничего лишнего, не узнала ничего такого, что могло бы повредить немцам. Пленным было запрещено жаловаться сестре на что бы то ни было, и уже знала сестра стороною, что тех, кто жаловался, наказывали, сажали в карцер, подвешивали за руки, лишали пищи.

Первый раз она увидела пленных в Вене, в большом резервном госпитале. Там было сосредоточено несколько сот русских раненых, подобранных на полях сражений.

С трепетом в сердце, сопровождаемая австрийскими офицерами, поднялась она по лестнице, вошла в коридор. Распахнулась дверь, и она увидела больничную палату.

О ее приезде были предупреждены. Ее ждали. Первое, что бросилось ей в глаза, были белые русские рубахи и чисто вымытые, бледные, истощенные страданием, голодом и тоскою лица. Пленные стояли у окон с решетками, тяжело раненные сидели на койках, и все, как только появилась русская сестра, в русских косынке и апостольнике, с широким красным крестом на груди, повернулись к ней, придвинулись и затихли страшным, напряженным многообещающим молчанием.

Когда сестра увидела их, столь ей знакомых, таких дорогих ей по воспоминаниям Ломжи и полей Ивангорода, в чужом городе, за железными решетками, во власти врага — она их пожалела русскою жалостью, ощутила чувство материнской любви к детям, вдруг поняла, что у нее не маленькое девичье сердце, но громадное сердце всей России, России-Матери.

Уже не думала, что надо делать, что надо говорить, забыла об австрийских офицерах, о солдатах с винтовками, стоявших у дверей.

Низко, русским поясным поклоном, поклонилась она всем и сказала:

— Россия-Матушка всем вам низко кланяется.

И заплакала.

В ответ на слова сестры раздались всхлипывания, потом рыдания. Вся палата рыдала и плакала.

Прошло много минут, пока эти взрослые люди, солдаты русские, успокоились и затихли.

Сестра пошла по рядам. Никто не жаловался ни на что, никто не роптал, но раздавались полные тоски вопросы:

— Сестрица, как у нас?

— Сестрица, что в России?

— Сестрица, чья теперь победа?

Было плохо. Отдали Варшаву, отходили за Влодау и Пинск.

— Бог милостив... Ничего... Бог поможет... — говорила сестра, и понимали ее пленные.

— Давно вы были в церкви? — спросила их сестра.

— С России не были! — раздались голоса с разных концов палаты.

Сестра достала молитвенник и стала читать вечерние мо-

литвы, как когда-то читала их раненым. Кто мог — стал на колени, и стала в палате мертвая, ничем не нарушаемая тишина. И в эту тишину, как в сумрак затихшего перед закатом леса, врывается легкое журчание ручья, падали кроткие, знакомые с детства слова русских молитв.

Молитвою была сильна императорская Православная Россия, сильна и непобедима.

На секунду оторвалась от молитвенника сестра и оглядела палату. Выражение сотни глаз пленных ее поразило. Устремленные на нее, они видели что-то такое прекрасное и умиротворенное, что стали особенными, духовными и кроткими. Сердца их очищались молитвою. «Блаженни чистии сердцем, яко тии Бога узрят», — подумала сестра и поняла, что они Бога видели.

Когда настала молитвенная тишина, один за другим стали выходить из палаты австрийские офицеры, дали знак — и ушли часовые. Сестра осталась одна с пленными.

Она кончила молитвы. Надо было идти в следующий этаж, а никого не было, кто бы указал ей дорогу.

Сестра пошла на лестницу и там нашла всех сопровождавших ее.

— Мы вышли, — сказал старший из австрийских офицеров, — потому что почувствовали Бога. Мы решили, что вы можете ходить по палатам и посещать пленных без того, чтобы мы ходили за вами.

Они поверили сестре.

Сестра боялась, что пленные, жаловавшиеся ей, будут наказаны. Она знала, что хотя австрийцы и не следят больше за ней по палатам, но в каждом помещении есть свои шпионы и доносчики. Эту роль на себя брали, по преимуществу, евреи, бывшие почти везде переводчиками.

Генерал-инспектором всех лагерей военнопленных был генерал Линхард. Он отлично относился к сестре и был с нею рыцарски вежлив.

— Генерал, — сказала сестра, отдавая ему отчет о первом посещении пленных, — теперь такое ужасное время. Я послана как официальное лицо, и вы являетесь тоже лицом официальным. Но забудем это... Будем на минуту просто людьми. Мы, русские, любим жаловаться, плакаться, преувеличивать свои страдания, клясть свою судьбу, это нам облегчает горе. Солдаты видят во мне мать, и как ребенок матери, так они мне хотят излить свое горе. Верьте мне — я не буду пристрастна, я сумею отличать, где правда и где просто расстроенное воображение. Я не позволю себя использовать во вред вам. Я даю вам слово русской женщины. Но мне говорили, что тех, кто мне жалуется, будут жестоко наказывать... Так вот, генерал, дайте мне честное слово австрийского генерала, что вы отдадите приказ не наказывать тех, кто будет мне жаловаться.

Генерал встал, поклонился и коротко и сурово сказал:

— Даю вам это слово.

Сестра посетила более ста тысяч пленных. Жаловавшиеся ей не были наказаны.

IV

Что были для них Россия и царь

Вместо Российской империи — большевистский застенок, с хамом, сумасшедшими и жидами у кормила в Святом Кремле. Там повсюду развевается красное, кровавое знамя. Поруганы семья и церковь. Самое слово — Россия — не существует, и все-таки «мы в изгнании сущие» тоскуем по ней и жаждем вернуться.

Что же испытывали пленные, заточенные по лагерям и тюрьмам и оставившие Россию целою, с государем, с ее великой, славной армией. Их тоска была неописуема.

Любили они горячо, страстной любовью то, за что принимали страдания...

Высокого роста, красивый солдат в одном из лагерей отделился от строя и тихо сказал сестре:

— Сестрица, мне нужно поговорить с вами с глазу на глаз.

Сестра перевела его просьбу сопровождавшему ее генералу. Генерал разрешил.

— Пожалуйста, — сказала сестра, — генерал позволил.

Они отошли в сторону, за бараки. Солдат смутился, покраснел и заговорил теми красивыми, русскими певучими словами, что сохранились по деревням вдали от городов и железных дорог, словами, подсказанными природой и жизнью среди животных, зверей и птиц.

— Сестрица, дороже мне всего на свете портрет царя-батюшки, что дал он мне, как я служил в его полку. Зашит он у меня в сапоге. И ни есть и ни пить мне не надо, а был бы цел его портрет. Да вот горе-беда, пошли помежду нами шпионы. Проведают, пронюхают, прознают про тот портрет. Как бы не отобрали? Как бы он не попал в поганые вражеские руки? Я, сестрица, думал: возьми и свези его на родину и дай, куда сохранить... Али опасно?

Сестра сказала ему, что все ее бумаги и документы просматриваются австрийскими властями и скрыть портрет будет неудобно. Задумался солдат.

— Тогда не могу его вам отдать. Неладно будет. Присоветуйте... хочу записаться я, чтобы в полях работать. И вот, скажем, ночь такая, погода светлая, и наклею я портрет на дерево и пущу его по тихим водам речным и по той реке, что с какой ни есть русскою рекою сливается, чтобы прича-

лил он к русским берегам. И там возьмут его. Там-то, я знаю, сберегут.

— Бог спасет, оставь у себя в голенище, — сказала сестра.

У сестры на груди висели золотые и серебряные Георгиевские медали с чеканным на них портретом государя. Когда она шла вдоль форта военнопленных по лагерю, ей подавали просьбы.

Кто просил отыскать отца или мать и передать им поклон и привет. Не знает ли она, кто жив, кто убит? Кто передавал письмо, жалобы или прошения.

И вдруг — широкое крестное знамение... Дрожащая рука хватает медаль, чье-то загорелое усатое лицо склоняется и целует государев портрет на медали.

Тогда кругом гремело «ура». Люди метались в исступлении, чтобы приложиться к портрету, эмблеме далекой родины — России.

И был такой подъем, что сестре становилось страшно, не наделали бы люди чего-нибудь противозаконного.

Положение военнопленных в Германии и Австрии к концу 1915 г. было особенно тяжелым, потому что в этих странах уже не хватало продовольствия, чтобы кормить своих солдат, и чужих пленных едва-едва кормили, держали их на голодном пайке.

И вот что мне рассказывала сестра о настроении голодных, забытых людей.

Это было под вечер ясного, осеннего дня. Сестра только что закончила обход громадного лазарета в Пурк-Штале, в Австро-Венгрии, где находилось 15 тысяч военнопленных. Они были разбиты на литеры по триста человек, и одной литере было запрещено сообщаться с другой. Весь день она переходила от одной группы в 100-120 человек, с которой беседовала, к другой. Когда наступил вечер и солнце клонилось к земле, она пошла к выходу.

Пленным было разрешено проводить ее и выйти из своих лагерных перегородок. Громадная толпа исхудалых, бедно одетых людей, залитая последними лучами заходящего солнца, следовала за сестрой. Точно золотые дороги потянулись с Запада на Восток, точно материнская ласка дневного светила посылала последние объятия далекой России.

Сестра выходила к воротам. Она торопилась, обмениваясь с ближайшими солдатами пустыми, ничего не значащими словами:

— Какой ты губернии?

— В каком ты полку служил?

— Болит твоя рана?

У лагерных ворот от толпы отделился молодой, высокий солдат. Он стал перед сестрой и, как бы выражая мнение всех, начал громко, восторженно говорить:

— Сестрица, прощай, мы больше тебя не увидим. Ты свободная... Ты поедешь на родину в Россию, так скажи там от нас царю-батюшке, чтобы о нас не недужился, чтобы Манифеста своего из-за нас не забывал и не заключал мира, покуда хоть один немец будет на русской земле. Скажи России-Матушке, чтобы не думала о нас... Пускай мы все умрем здесь от голода-тоски, но была бы только победа.

Сестра поклонилась ему в пояс. Надо было сказать что-нибудь, но чувством особенным была переполнена ее душа, и слова не шли на ум. Пятнадцатитысячная толпа притихла, и в ней было напряженное согласие с говорившим.

И сказала сестра:

— Солнце глядится теперь на Россию. Солнце видит вас и Россию видит. Оно скажет о вас, какие вы...

И заплакав, пошла к выходу.

Кто-то крикнул: «Ура государю императору». Вся пятнадцатитысячная толпа вдруг рухнула на колени и едиными устами и единым духом запела:

«Боже, царя храни...» Звуки народного гимна нарастали и сливались с рыданиями, все чаще прорывавшимися сквозь пение. Кончили и запели второй и третий раз запрещенный гимн.

Австрийский генерал, сопровождавший сестру, снял с головы высокую шапку и стоял навытяжку. Его глаза были полны слез...

Мир во что бы то ни стало. Мир через головы генералов. Мир, заключаемый рота с ротой, батальон с батальоном по приказу никому неведомого Главкомверха Крыленко.

Без аннексий и контрибуций...

Когда была правда? Тогда, когда за Пуршктальским лагерем, за чужую землю закатывалось ясное русское солнце, или тогда, когда восходило кровавое солнце русского бунта?

Гимн и молитва были тем, что наиболее напоминало родину, что связывало духовно этих несчастных, томящихся на чужбине людей со всем, что было бесконечно им дорого. Дороже жизни.

Это было в одном громадном госпитале военнопленных. Весь австрийский город был переполнен ранеными, и пленные, тоже раненные, помещались, в здании какого-то большого училища.

В этом госпитале было много умирающих, и те, кто уже поправлялся и ходил, жили в атмосфере смерти и тяжких мук.

Когда сестра кончила обход палат и вышла на лестницу, за нею пошла большая толпа пленных. Ее остановили на лестнице, и один из солдат сказал ей:

— Сестрица, у нас здесь хор хороший есть. Хотели бы мы вам спеть то, что чувствуем.

Сестра остановилась в нерешительности. Подле нее стояли австрийские офицеры. Регент вышел вперед, дал тон, и вдруг по всей лестнице, по всем казармам, по всем палатам отдаваясь на улицу, величаво раздались мощные звуки громадного, давно спевшегося хора.

— С нами Бог, разумейте языцы и покоряйтеся, яко с нами Бог, — гремел хор по чужому зданию, в городе, полном «чужих» языков.

Лица поющих стали напряженные. Какая-то странная решимость легла на них. Загорелись глаза огнем вдохновения. Скажи им сейчас, что их убьют, всех расстреляют, если они не перестанут петь, они не послушались бы.

А кругом плакали раненые. Сестра плакала с ними.

После отъезда сестры весь госпиталь, все, кто только мог ходить, собрались в большой палате. Калеки приползли, слабые пришли, поддерживаемые более сильными. Делились впечатлениями пережитого.

— Ребята, сестра нам хорошего сделала. Надоть нам так, чтобы беспременно ее отблагодарить. Память, какую ни на есть, ей по себе оставить. Слыхали мы, остается сестрица еще день в нашем городе, давайте сложимся и купим ей кольцо о нас в напоминание.

— Или какое рукоделие ей сделаем?

Посыпались предложения, но все не находило сочувствия. Все казался подарок мал и ничтожен по тому многому, что оставила сестра в их душах.

И тогда встал на табуретку маленький, невзрачный на вид солдат, совсем простой, и сказал:

— Ей подарка не нужно, не такая она сестра, чтобы ей подарок или что поднести. Мы плакали о своем горе, и она с нами плакала. Вот если б мы могли из ее и своих слез сплести ожерелье — вот такой подарок ей поднести.

В палате после этих слов наступила тишина. Раненые молча расходились. Все было сказано этими словами.

Вольноопределяющийся, бывший свидетелем этого, рассказал сестре. Говорила мне сестра:

— Когда мне делается особенно тяжко и мысли тяжкие о нашей несчастной родине овладевают мною, и болезни мучат, мне кажется тогда, что на шее у меня лежит это ожерелье из чистых русских солдатских слез — и мне становится легче.

Молитва в сердцах этих простых русских людей всегда соединялась с понятием о России. Точно Бог был не везде, но Бог был только в России.

Может быть, это было потому, что у Бога было хорошо, а хорошо было только в России.

В Венгрии, в одном поместии, где работало четыреста че-

ловек пленных, к сестре, после осмотра ею помещений и обычной беседы и расспросов, подошло несколько человек, и один из них сказал:

— Сестрица, мы построили часовню. Мы хотели бы, чтобы ты посмотрела ее. Но не суди ее очень строго. Она очень маленькая. Мы хотели, чтобы она была русской, совсем русская, и мы строили ее из русского леса, выросшего в России. Мы собирали доски от тех ящиков, в которых нам посылали посылки из России, и из них построили себе часовню. Мы отдавали последнее, что имели, чтобы устроить ее себе.

Было Крещение. Сухой, ясный, морозный день стоял над скованными полями. Жалкий и трогательный вид имела крошечная постройка в пять шагов длины и три шага ширины, одиноко стоявшая в поле. Бедна и незатейлива была ее архитектура.

Но когда сестра вошла в нее, странное чувство овладело ею. Точно из этого ящика дохнула светлым дыханием великая в страдании Россия. Точно и правда русские доски принесли с собою русский говор, шепот русских лесов и всплески и журчанье русских рек.

— Когда нам бывает уж очень тяжело, — сказал один из солдат, — когда за Россией душа соскучится, захотим мы, чтобы мы победили, чтобы хорошо было царю-батюшке, пойдешь сюда, и чувствуешь, точно в Россию пошел. Вспомнишь деревню свою, вспомнишь семью.

Солдаты и сестра сели подле часовни. Почему-то сестре вспомнились слова Спасителя, сказанные Им по воскресении из мертвых: «Восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему, и к Богу вашему». «Не погибнут эти люди, и не может погибнуть и Россия, пока в ней есть такие люди, — думала сестра. — Если мы любим Бога и Отечество больше всего, и Бог нас полюбит и станет нашим Отцом и нашим Богом, как есть Он Бог и Отец Иисуса Христа».

Сестра, как умела, стала говорить об этом солдатам. Они молча слушали ее. И, когда она кончила, они ей сказали:

— Сестрица, споем «Отче наш».

Спели три раза. Просто, бесхитростно, как поют молитву Господню солдаты в ротах. Казалось, что это было не в Венгрии, а в России, не в плену, а на свободе.

В стороне стоял венгерский офицер, наблюдавший за пленными в этом поместье. Он тоже снял шапку и молился вместе с русскими солдатами.

Провожая сестру, он сказал ей:

— Я венгерский офицер, раненный на фронте. Когда вы молились и плакали с вашими солдатами, и я плакал. Когда теперь так много зла на земле, и эта ужасная война, и голод, я вдруг увидел, что есть небесная любовь. И это меня тронуло, сестра. Не беспокойтесь о них. Я теперь всегда буду отно-

ситься к ним сквозь то чудное чувство, что я пережил сейчас с вами, когда молился и плакал.

В одном большом городе, в больнице, где администрация и сестра очень хорошо и заботливо относились к пленным, сестра раздавала раненым образки.

Они вставали, кто мог, крестились и целовали образки. Один же, когда она к нему подошла, сел.

— Сестрица, — сказал он, — мне не надо вашего образка. Я не верю в Бога и никого не люблю. В мире одно мученье людям, так уж какой тут Бог? Надо одно, чтобы зло от войны прекратилось. И не надо мне ни образов, ни Евангелия — все зло и обман.

Сестра села к нему на койку и стала с ним говорить. Он был образованный, из учителей. Слушал ее внимательно.

— Спасибо вам, — сказал он. — Ну дайте мне образок.

Из немигающих глаз покатились слезы. Сестра дала ему образок, поднялась и ушла от него.

Прошло много времени. Сестра вернулась в Петербург. Однажды в числе других писем она получила открытку из Австрии. Писал тот солдат, которому она дала образок:

«Дорогая сестрица, откуда у Вас было столько любви к нам, что когда Вы вошли в палату, я почувствовал своим ожесточенным, каменным сердцем, что Вы любите каждого из нас. Я благословляю Вас, потому что Вы — сердце, поющее Богу песнь хвалы. У меня теперь одна мечта — вернуться на родину и защищать ее от врагов. Хотелось бы увидеть еще раз Вас и мою мать».

V

Они бежали из плена, чтобы снова сражаться за Россию

Эта мечта — увидеть снова родину и драться, защищая ее от врагов, была наиболее сильной и яркой мечтой у большинства пленных. Как ни сурово было наказание за побеги, из плена постоянно бежали. Бежали самым необыкновенным образом и, что замечательно, при поимке никогда не говорили, что бежали для того, чтобы повидать семью или жену, или детей, но всегда заявляли, что бежали для того, чтобы вернуться в родной полк смыть позор плена и в рядах полка сражаться против неприятеля.

Особенно много бежало казаков. Надо и то сказать, что с казаками в плену обращались строго. В Австро-Германской армии было убеждение, что казаки не дают пощады врагу, что они не берут пленных, и потому в лагере мстили казакам. И еще одно. В казачьих частях плен по традиции считался не несчастьем, а позором, и потому даже раненые казаки старались убежать, чтобы смыть с себя позор плена.

В Дании был интернирован казак, три раза убегавший из плена в Германии. У него была одна мечта — вернуться в полк и снова сражаться. Чтобы бежать, он прибегал к всевозможным уловкам. Притворялся сумасшедшим. Сидел на койке и выдергивал на себя волосы, по одному волосу в минуту, ничего не ел, бросался на приходящих. Его отправили в сумасшедший дом. Он связал из разорванной простыни канат и ночью бежал из окна уборной. На границе его поймали. Его мучили, держали в карцере, подвешивали к стене. Он притворился покаявшимся и устроился на полевые работы. Едва затянулись реки, бежал снова глухой осенью. Более недели скитался, питаясь только корнями, оставшимися в полях, упал от истощения и был пойман. Его отправили в Данию.

— Бегу и отсюда, — говорил он. — Надо смыть позор. Я казак, а во время войны в плену сижу.

И бежал...

В Моравии, на сахарном заводе, у помещика работало двести русских военнопленных. Партией заведовал русский еврей. Русский же еврей был и поваром при партии. Евреи-переводчики, евреи, заведующие партиями, — это было одним из самых тяжелых бытовых явлений плена. Они контролировали почту, они читали письма пленных, они доносили на строптивых, и из-за них были цепи, подвешивания, карцеры, бичевания и расстрелы. Они знали язык, но не были русскими, они не любили России. Суровое молчание и глухое недовольство было на заводе. Голодные, забитые люди только что кончили рассказы о своем горе и, мрачно столпившись, стояли около завода.

Вдруг тишину вечера нарушили крики, грубая брань и стук. Пленные тревожно заговорили...

— Ах, ты, Боже мой... Царица Небесная... Он попался... Он ушел, а его-таки поймали.

Сестра увидела: два австрийских солдата волочили какого-то почти голого человека. На худом, грязном, изможденном теле болтались обтрепанные лохмотья шинели, и, шатаясь, как пьяный, он брел. В глазах горела мука.

Увидев сестру, он остановился.

— Сестрица, ты свободная? — спросил он хриплым голосом.

— Да, я свободная, я приехала, чтобы передать вам поклон от Матушки-России.

— Ты вернешься в Россию?

— Да...

— Так вот... Я знаю, что меня убьют... Мне расстрела не избежать. Скажи там, на родине, что я хотел пробраться туда, чтобы воевать, чтобы смыть с себя срам плена...

Он вдруг повернулся к лесу. Его лицо просветлело. Загорелись внутренним огнем большие, в темных веках, глаза. Несколько секунд смотрел он на прекрасные дали и вдруг

всхлипнул с таким чувством, с такою силою, что никогда не могла забыть этого сестра:

— Вот поле, вот лес... а за ним... Россия-матушка... И не видать мне тебя...

Кругом все замерли. В крике этого пойманного пленного было столько силы, столько мольбы, что казалось, лес расступится, холмы распадутся и за ними, в зеленых далях, покажутся низкие домики русских деревень и купола православных церквей, казалось, что дали ответят на этот призыв и примут в себя беглеца...

VI

Они умирали в плену, помня Россию

Но еще тяжелее было положение, еще тяжелее настроение у пленных больных, умирающих, у тех, кто не мог надеяться когда бы то ни было увидеть родину.

Там было одно отчаяние, одна молитва, одна вера в будущую жизнь, и нельзя было видеть тех людей без тоски, без слез.

Когда сестра навещала лазарет туберкулезных пленных в Моравии, — это были одни сплошные слезы. Там лежали люди, которым оставалось 3-4 недели жизни. Каждый день из палаты уносили мертвецов, и оставшиеся знали, что их час был близок.

— Сестрица, сделай так, чтобы нам Россию еще повидать... Тяжело умирать со срамом плена на душе... Ты скажи там, что мы больные, что умираем, а свое помним... Все одно как на фронте — «За Веру, Царя и Отечество».

На одной из коек лежал солдат Васильев. Он был очень плох. Сестра села к нему на койку.

— Чувствую я, сестрица, что умираю. До конца был верен царю и отечеству и в плен не по своей воле попал. Все сдались. Я и не знал, что это уже плен. Так хотел бы жену свою и детей повидать. Шестеро их у меня. Что с ними будет? Одному Богу известно. Ни коровы, ни лошади, ничего у них нет. По миру пойдут. А мир-то каков! Тяготит это меня, сестрица!

Сестра заговорила о Боге. Она заговорила о небесных обителях, о великой премудрости Бога, о Его всевидении, о том, что Он не оставит, не попустит так погибнуть его семье. Она говорила о вечной жизни, о свете незримом, о счастье чистой совести.

Она сама верующая много могла сказать солдату, умирающему в тоске плена. Он слушал внимательно, и радостным становилось его лицо.

— Господи, — прошептал он, — умереть бы скорее. Как хорошо так умирать.

VII

В русской деревне их понимали

Незримые нити к государю и родине, уверенность в правоте своей смерти тянулись от этих страдальцев домой, в их семьи, и в далеких углах деревенской России было горение любви, удовлетворенность и любование солдатской смертью, как подвигом. Быть может, из деревни, так многими захаянной, и шли эти здоровые токи, что давала мужество нашим солдатам так прекрасно умирать и на поле брани, и в плену.

Сестра проезжала через австрийскую деревню. Вдруг кто-то бросил в автомобиль букет. Это были простые полевые цветы, искусно подобранные и связанные зелеными стеблями. Сестра посмотрела, кто бросил цветы. Это был русский солдат. Она его подозвала.

— Благодарствую, — сказала она. — Зачем ты бросил мне эти цветы?

— Я слышал в городе, что через наше село проезжает сестра из России. Я хотел, чтобы она знала, что мы и здесь, в плену, не забыли России и любим ее всем сердцем.

— Ты один здесь?

— Нет, тут есть больница, и в ней несколько наших.

Сестра попросила разрешения навестить эту больницу, не показанную в ее маршруте.

Это была совсем маленькая деревенская больница. В ней лежали сербы и румыны. Сестра передала союзникам братский привет из России и спросила: «Есть ли здесь кто русский?» В небольшой палате с приспущенными от солнца ставнями стояли прозрачные сумерки. В углах было темно. Из темноты раздался слабый голос умирающего:

— Я — русский.

Сестра подошла к нему.

Едва она подошла к койке, как очень худой больной, с истощенным болезнью лицом, приподнялся, схватил ее плечи, обнял и зарыдал.

— Успокойся, — сказала ему сестра.

— Сестрица, я умираю. У меня чахотка, и знаю я, что не проживу долго. Сестрица, выпроси у начальства, чтобы отпустили меня в Россию. Все равно, какой я теперь воин? Хочу сказать, чтобы знали там дома, чтобы знал царь-батюшка, что не изменой я попал в плен.

Сестра поговорила с австрийским генералом, и он обещал ей устроить это. Но доктор сказал сестре, что больной так плох, что не перенесет дороги и умрет по пути.

— Все равно отправьте, — сказала сестра, — волнения сборов в Россию дадут ему много радости.

Недели через две она получила известие, что больной переведен в Вену в один из больших госпиталей и оттуда отправлен в Россию. Проездом через Вену она навестила его.

Он уже не лежал беспомощно на койке, но сидел и был веселый и оживленный. Он сейчас же узнал сестру и стал ей рассказывать, как он сначала поедет к отцу и матери, в Уфимскую губернию, повидать их, а потом поедет в полк, сражаться за родину.

Сестра благословила его иконою.

Прошло несколько времени. Сестра вернулась в Петербург. Ей доставили письмо, посланное через Красный Крест. Письмо было деревенское. На плотной бумаге с зелеными линейками прыгали нескладные, круглые буквы и говорили о сложных, тонких душевных переживаниях старых крестьянина и крестьянки. Письмо было от родителей этого самого солдата.

«Торопимся скорее исполнить последнюю волю нашего родного сыночка, Петеньки, — говорили рыжими чернилами написанные строки. — А была та последняя его воля — передать Вам, что кланяется до самой сырой земли и благодарит Вас, что дали ему спокойно, на родной земле умереть. А прожил он с нами всего три часочка. В пять привезли к нам, а в восемь преставился к Господу. Еще всем нам и сельчанам сказал, что не изменой он попал в плен, а был ранен. Пишем Вам, отец и мать, что мы не пожалели, что отдали его за Веру, Царя и Отечество»...

VIII

В плену гордились Россией и свято берегли ее имя

Солдаты умирали на чужбине. В плену было тяжело. Безрадостные вести шли с родины. Их не понимали на родине. Но к ней они тянулись. Ее боялись посрамить.

В 1915 году в России вышел приказ, чтобы семьям военнопленных выдавать паек в половинном размере. Приказ этот дошел и до лагерей военнопленных.

В лагере Кинермец, в Венгрии, был барак, где содержались только одни подпрапорщики и унтер-офицеры. При обходе этого барака сестрой к ней подошел один из подпрапорщиков.

— Мы слышали, — сказал он, — что вышел приказ, чтобы лишить наши семьи пайка. Мы сражались до конца. Мы были ранены и оставлены на поле сражения. Не по своей вине мы попали в плен. Мы и сейчас готовы здесь умереть и умрем все, была бы только победа. Мы просим вас похлопотать, чтобы жены наши не страдали безвинно.

— Напишите прошение, — сказала сестра. — Я еще побуду часа два в лагере. Перед отъездом я зайду к вам, и вы его мне дайте. Я доставлю куда надо.

Когда сестра зашла в барак, ее встретил тот же подпрапорщик.

— Прошение мы, сестрица, написали, а только взяло нас сомнение, отдадут ли его или нет?

— Почему же нет?

— А что, увидит наше прошение австрийское правительство?

— Да, все бумаги у меня будут осматривать. Вы сами понимаете, что иначе нельзя.

— Так мы решили, что тогда и прошение порвать. Нам будет очень неудобно, если враги наши узнают, что Россия не заботится о женах тех, кто за нее же сражается. Нехорошо, если через нас или жен наших будут худо думать о России. Пускай и жены наши за Россию заодно с нами погибают.

IX

Для солдата Императорской армии — Россия была единая

Широкое чувство любви и уважения к России было общим для всей массы русских солдат — военнопленных, без различия национальностей. Россия была действительно, а не на словах, — великая, единая и неделимая. Вся масса русских солдат составляла единую Императорскую Русскую армию.

Австро-германское командование, озабоченное раздроблением России и порождением розни между народами, составляющими Русскую империю, тщательно выделяло в особые лагеря поляков, украинцев и мусульман.

Когда сестра подъезжала к одному из таких лагерей, сопровождающий ее австрийский офицер спросил, говорит ли она по-польски.

— Я не знаю польских солдат. Я знаю только одну русскую армию, и в ней всякий солдат — русский солдат. Я буду здороваться по-русски.

Но вопрос этот смутил сестру. «Неужели, — думала она, — немцы успели так распропагандировать солдат, что они забыли Россию и отвернутся от меня, когда я им заговорю о России?»

Во избежание чего-либо тяжелого для русского самолюбия сестра решила быть сдержанной и изменить форму своего обычного привета — поклона от «Матушки-России».

У лагеря в строгом войсковом порядке были выстроены солдаты. Они были чисто одеты. Все сохранили свои полковые погоны и боевые кресты и медали.

Когда сестра подошла к фронту, раздалась громкая команда:

— Смир-рна... Равнение направо.

Сотни голов повернулись на сестру.

— Вольно, — сказала сестра и пошла по фронту.

Дойдя до средины строя, сестра остановилась и сказала:

— Я очень рада навестить и низко кланяюсь вам, так много пострадавшим. Вся ваша земля занята противником. Много горя выпало на долю ваших семей. Но Бог не без милости. Я верю, что скоро будет день и час, когда враг будет изгнан из родной нашей земли.

Сестра не успела договорить, как правый унтер-офицер громко крикнул:

— Государю-императору — ура!

По польскому лагерю загремело перекатами русское «ура», и сестра поняла, что опасения ее были неосновательны, что польских солдат не было, что перед нею были императорские русские солдаты.

Она шла по лагерю, расспрашивала солдат о их нуждах, и, когда собралась уезжать, они все столпились вокруг нее.

— Хотя нас и заперли в польский лагерь, — говорили ей пленные, — «реклямации» нам давали, мы остались верными царю и родине. Мы очень счастливы, что вы нас навестили, и скажите в России, что мы своего долга, как русские солдаты, не забыли.

Император Вильгельм собрал всех пленных мусульман в отдельный мусульманский лагерь и, заискивая перед ними, построил им прекрасную каменную мечеть.

Я не помню, кто именно был приглашен в этот лагерь, кому хотели продемонстрировать нелюбовь мусульман к русскому «игу» и их довольство в германском плену. Но дело кончилось для германцев плачевно. По окончании осмотра образцово содержанного лагеря и мечети на плацу было собрано несколько тысяч русских солдат-мусульман.

— А теперь вы споете нам свою молитву, — сказал осматривающее лицо.

Вышли вперед муллы, пошептались с солдатами. Встрепенулись солдатские массы, подравнялись, и тысячеголосный хор под немецким небом, у стен только что отстроенной мечети дружно грянул:

— Боже, царя храни...

Показывающий лагерь в отчаянии замахал руками на них. Солдаты по-своему поняли его знак. Толпа опустилась на колени и трижды пропела русский гимн! Иной молитвы за родину не было в сердцах этих чудных русских солдат.

X

Они соблюдали присягу и готовы были на смертные муки, но не изменили ни России, ни союзникам

Одно из самых тяжелых явлений жизни военнопленных было то, что, вопреки Женевским и иным конвенциям, пленных заставляли работать на заводах, изготовлявших военное снаряжение, рыть окопы, т. е. делать то, против чего до всей глубины возмущались души простых русских солдат.

В том же лагере Кинермец, где подпрапорщики и унтерофицеры отказались писать прошение об улучшении судьбы своих жен, один подпрапорщик во время беседы сестры с пленными вдруг громко крикнул:

— Смирно, все! Пусть Россия знает... Скажи в России всем. Скажи царю-батюшке, что мы остались верными долгу и солдатской присяге. Такой-то (он назвал фамилию и полк) был расстрелян за то, что не хотел рыть окопы на фронте союзников.

И сейчас же раздались голоса из солдатской толпы:

— Против союзников мы не можем также идти.

— Не пойдем и против союзников. Не нарушим своей присяги и своего долга.

— Сестрица, скажи, что нам делать? Заступись за нас. Нас посылают рыть окопы. Многие отказываются и через то погибают, другие, еще хуже, слабеют...

— Лучше жизнь свою положить, — говорила сестра, — но только не идти против совести.

И они отдавали жизнь.

В лагере Харт солдаты при обходе их сестрой все время забегали к ней и, когда видели, что за ними никто не следит, шептали ей:

— Сестрица, обязательно навести 17-й барак.

— Сестрица, добейся своего, а в 17-й барак непременно загляни. Сестрица, 17-й барак не забудь, там ужас что делается.

Когда были обойдены все бараки лагеря, сестра обратилась к сопровождавшему ее генералу. Был же тот самый генерал, который обещал всякую ее просьбу исполнить и относился к ней с особым уважением.

— Я хотела бы осмотреть и 17-й барак, — сказала ему сестра.

Генерал улыбнулся.

— Да, — ответил он, — тут есть барак, где сидят солдаты, заключенные до конца войны за упорное неповиновение властям. Туда никого не пускают. Ну да уж пойдемте. Что с вами делать?

Барака снаружи не было видно. Он был окружен высоким,

выше его стен, деревянным забором. И забор этот подходил так близко к бараку, что казалось, что барак поставлен в деревянный футляр. От этого сумрак был в бараке. Не светило в него солнце, и было в нем сыро.

На нарах сидели солдаты. Поражало то, что все это были унтер-офицеры. Они были опрятно одеты, у большинства были Георгиевские кресты, у кого два, у кого три. Сестра попросила оставить ее одну с этими людьми. Просьбу ее исполнили.

— За что вы сидите? — тихо спросила она.

Из группы выделился унтер-офицер с тремя Георгиевскими крестами и стал рассказывать:

— Через недолгое время, как забрали нас в плен, собрали нас сто человек, и все унтер-офицеры, и погнали неизвестно куда, потом распознали мы — на итальянскую границу. Приказали рыть окопы... Мы отказались. Нас наказали. Подвешивали по часу и более и снова отдали приказ рыть окопы.. Мы снова отказались. Сказали: «Против присяги не пойдем». Тогда вывели нас в поле и сказали, что через десятого расстреляют: построилась против нас рота солдат их с ружьями. Я старшим был. Скомандовал: «Смирно... за Веру, Царя и Отечество» и сказал переводчику: «Пусть стреляют»... Нас увели. Не стреляли и стали опять мучить и подвешивать, и потом снова вывели и сказали, что, если не станем рыть окопы, теперь всех до единого расстреляют. А было нас ровно сто человек. И вот стали из наших рядов выходить больные и слабые, которые, значит, заробели. Мы не смотрели на них. Тридцать пять человек их вышло малодушных, Бога и царя позабывших. Нас шестьдесят пять осталось. Стояли мы, как каменные. На все решились. Богу помолились, чтобы принял нашу жертву. Опять командовали к расстрелу, но не расстреляли, а мучили и подвешивали к стене, а потом посадили нас отдельно сюда, лишили права писать письма и получать посылки, держат уединенно, никого к нам и нас — никуда не пускают. Кормят — хуже нельзя. Одно слово — арестанты. Но мы рады, что так терпим. И нам ничего не нужно...

Другие унтер-офицеры стояли вокруг сестры, слушали рассказ своего старшего, многие плакали, но никто ничего не сказал, не возразил и ни о чем не спросил.

Они знали, что делали...

Когда сестра вышла из барака, просветилась она сама светом солдатского подвига и понимания присяги.

Сказала генералу:

— Генерал, я никогда ничего не просила у вас противозаконного. Я не пользовалась тем, что вы мне предоставили просить за пленных. Но вот теперь умоляю вас этих отпустить. Они не виноваты. Они исполнили только свой долг по присяге.

Генерал сказал:

— Они свободны от ареста. Пойдите выпустите их сами.

Сестра вошла в барак.

— Вы свободны, — сказала она, — можете идти в общий лагерь к своим товарищам.

Они сначала не поверили. Но вот по приказу генерала стали снимать и уводить часовых, раскрыли настежь ворота ограды. За ними толпились остальные пленные лагеря.

С глухим гомоном стали они собираться в полутьме барака тюрьмы, увязывая свои котомки. Столпились подле сестры, благодарили ее.

— Постарайтесь поддержать свое знамя, свою честь и дальше так же. Учите других, — сказала сестра.

— Постараемся.

Они расходились по лагерю. Сильные духом, высокие ростом, стройные, мощные — русские унтер-офицеры! Сливались с серой толпою пленных и все-таки были видны. Счастьем исполненного долга сияли их просветленные лица...

Было это в Моравии, под осень, на полевых работах. Партия военнопленных была небольшая, прочно сжившаяся, хозяева хорошие, мир и лад царили в ней. Темнело. Все вышли за дом, проводить сестру. И как-то не могли расстаться — так хорошо говорили о России. Заходящее солнце посылало лучи на восток, и в синей дымке тонули поля и леса. Казалось, что там такие же поля, такие же леса, та же Богом созданная земля, а было все там по-иному, было бесконечно, до слез, до печали на сердце дорого.

Солдаты рассказывали о своем тяжелом житье в плену, пока не попали к помещику. Рассказывали, кого расстреляли, кого замучили, кто от тоски умер.

Печален был их рассказ.

— Давайте, — сказала сестра, — споем молитвы.

Они встали. Были среди них люди с хорошими голосами. Молитвы знали. В умирающем дне, в тихой осенней прохладе тоскою звучали молитвенные напевы. Им вторил шелест от падения позлащенных осенью листьев широкого каштана. Рождался из этих молитв печальник о земле Русской. Когда кончили петь, сестра стала прощаться с пленными и, как их было немного, прощалась с ними за руку.

Один протянул ей ладонь, и заметила сестра, что на правой руке не было вовсе пальцев.

— Ты раненый? — спросила сестра.

Раненый сконфузился.

— Нет.

— Да как же. А пальцы-то где?

— Это я так. — И смутился еще больше.

Тут стали товарищи сзади него говорить:

— Чего пужаешься... Расскажи... Сестра ведь... Худого ничего нет...

Стал он рассказывать.

— Как взяли в плен, послали меня на завод, поставили угольев в печь подкидать. Работа нетрудная. Я молодой и сильный был. Подкидываю его день, подкидываю другой, и стала меня мысль разбирать: а что на этом заводе делают? Можно ли мне на нем работать? А не делаю ли я чего против присяги? И узнал: пули на союзников точат. Тогда я пришел и сказал: «Работать больше не буду. Это против присяги, а против присяги я не пойду». Стали меня подвешивать, так мучили, что кровь пошла из шеи и носа. Отправили меня в больницу, подлечили и опять на завод. Ну, я думаю: «Не выдержу, больно пытка тяжела. Ослабел я совсем. А не выдержу, стану работать — душу свою загублю». Иду, и тоска во мне сидит страшная. Самому на себя смотреть тошно. И как проходил двором, словно меня что-то толкнуло. Гляжу, топор лежит на чурбане возле дров. Стража отстала, один я почти был. Подошел я, перекрестился, взял топор в левую руку, правую положил на чурбан и — «за Веру, Царя и Отечество» — отхватил все пальцы. Теперь не стану работать. Меня отправили в госпиталь, залечили руку и послали сюда, чем могу, одной рукой помогаю.

— Он, Петра-то, славный помощник, — раздались голоса. — Он и одной рукой, а за ним и двумя не угонишься.

Тиха и проста была исповедь веры и преданности, как тих был мягкий осенний вечер. Солнце зашло. Прозрачные надвигались сумерки.

Я спросил сестру:

— Вы посетили сотни лазаретов, лагерей и больниц. Вы видели десятки тысяч пленных, вы говорили им о Боге и царе. Неужели ни разу не слыхали вы никакого протеста? Мы знаем, что среди военнопленных велась противорусская пропаганда австро-германским командованием, что с его разрешения туда были пущены украинские агенты Грушевского и слуги III Интернационала, который только что в Киентале и Циммервальде постановил, что поражение России в этой войне явилось бы благом для русского народа. Неужели их работа не имела никакого успеха, не оказала никакого влияния на эти сотни тысяч русских солдат?

Сестра задумалась.

— Да, — наконец сказала она, — я могу смело сказать, что все пленные были хорошо настроены, потому что на сотни тысяч посещенных мной пленных я могу указать лишь два случая, где я была грубо прервана и оскорблена, когда начала говорить о государе и родине. В одном большом городе, в громадном госпитале, где в палате лежало несколько сот пленных

и их койки стояли вдоль и поперек, загромождая проходы, где всюду я видела забинтованные головы, ноги на оттяжках, руки на перевязках, я раздавала образки, присланные пленным императрицей. Когда я передавала привет от России и государыни и сказала, что государыня болеет их скорбями и болями и посылает им свое материнское благословение, все, кто мог, встали и низко мне поклонились, но в это мгновение из дальнего угла палаты раздался исступленный, желчный, полный ненависти крик:

— Не надо нам ваших царских образков и благословений. Лучше бы нас в России не мучили и кровь нашу не пили!

Все повернулись к кричащему. Палата ахнула, как один человек, и притихла. Неподдельный ужас был на лицах раненых. В молчании я пошла по койкам, останавливалась у каждого, тихо говорила, давала образки. Мне пожимали руку, иные целовали и говорили: «Оставьте его... он сумасшедший... он помешался от мук».

Тот, кто кричал, повернулся лицом к стене, закутался в одеяло и лежал, не шевелясь. Я подходила к нему. Мне было очень трудно сесть к нему на койку и заговорить с ним. Но я все же опустилась на койку и заговорила:

— Не верю я, не верю, — сказала я, — чтобы ты мог отказаться от привета родины и от царского благословения. Не верю, чтобы ты мог забыть Россию и ее царя...

Он быстро повернулся ко мне, слезы были в его глазах.

— Дайте мне образок, — порывисто воскликнул он.

Я подала образок, он схватил меня за руку, стал целовать образ и вдруг громко зарыдал. Кругом раздались плач и рыдания. Вся палата переживала его страшные слова и приняла эти слова, как непередаваемый ужас дьявольского дыхания...

Другой раз — это было в 1916 году в Австрии — я обходила военнопленных в большом лагере. Они были построены поротно. Всюду я кланялась солдатам и говорила, что Россия-Матушка шлет им привет. И когда подошла к одной из рот, из рядов ее раздался выкрик:

— Не желаем мы слушать ваших приветов, лучше бы в окопах нас офицеры нагайками не били, посылая сражаться.

Меня поразило тогда сходство, почти одинаковость выкрика, точно протест был выработан по трафарету и кем-то подсказан, как тут, так и там. Я молча прошла мимо этой роты, и, когда подошла к следующей, солдаты как-то особенно меня встретили, точно хотели они всеми словами своими, вниманием ко мне, показать, что они не согласны с тем, кто отказался от царя и России.

Во время войны, до революции — два случая на сотни посещений. Потом... Потом все переменилось. Они стали правилом. Для солдат, даже и в плену, стало как будто каким-то

шиком богохульствовать, смеяться над Россией, отрекаться от родины.

Но кажется мне, что, если сейчас войти в красноармейское стадо и так вот тихо и сердечно сказать, как я тогда в госпитале сказала тому исступленному, о России, о ее замученном царе, так же, как они, терпеливо переносившем все муки плена и страшную кончину от рук палачей, сказать им о Боге, зарыдают несчастные заблудшие и станут просить прощения...

Права сестра... Храмы поруганные, церкви оплеванные, с ободранными иконами, полны народом. Чудеса идут по Руси. Ищет народ знамений Бога и находит. Уже целует невидимую руку, протянутую к нему с образком, рыдает и кается в прегрешениях.

Ждет царя... Царя православного... Царя верующего, царя, любящего народ свой, знающего его, царя с чистым, незапятнанным именем и законного. Народ давно сказал свое слово. И не только сказал — и кровью полил, подвигами неисчислимыми подтвердил, мужественно отстоял его в чужой стране, в страшном плену, где мог заплатить за него и платил муками страшными и самой смертью.

И слова эти:

«За Веру, Царя и Отечество».

Им на могилу — не знаю, где их могила, — им, так хорошо мне известным, хотя не знаю их имени: вернее, не помню, ибо слишком много их было, и слаба человеческая память, особенно в изгнании... Им, бесчисленным, по всему свету рассеянным, кладу я свой скромный венок.

На нем цветы с их могил. Белые, в нежных лучах ромашки, что растут при дороге, синие васильки, что синеют на русской ниве, ветром колышимой, и алые маки на гибких стеблях, нежным пухом покрытых. Дорогие мне цвета — белый, синий и красный, что реяли в пустыне, что гордо шелестели на кормах кораблей в далеких синих морях и висели торжественно-спокойные по улицам родной столицы при звоне церковных колоколов и пушечной пальбе в табельный день царского праздника.

Мой скромный венок им — «Честию и Славою. венчанным...»

«Яко с нами Бог»

Это было очень, очень давно, в 1915 году, во время моего посещения пленных в Австро-Венгрии. Тогда еще Божией милостью была Императорская армия. В госпиталях умирающие раненые. В лагерях, на полевых работах — все как один

тянулись к своей Матушке-России. Многие от одной тоски по ней умирали. Семья, деревня, села, церковь, поля и леса звали и звали их к себе... Но что всего больше поражало — это их простая вера в Бога, их поразительная покорность воле Божией и православное величание Бога. Сквозь весь этот мир чувств и страданий и молитвы сиял для них тихий образ царя-батюшки. Все для них начиналось и кончалось им. Он был их Отец везде — в деревне, в бою, в ранении, в плену... Ибо все добро, все счастие все было от Бога и от батюшки-царя и могло только быть в России.

В одном громадном здании, устроенном для лазарета, лежало много раненых, умирающих, выздоравливающих. Собрали всех работавших пленных в этом городе. Сердце было залито их слезами, страданием, тоской и верой в Бога. Казалось, от этого исповедания земля соединялась с небом в сердце человека.

Обход кончался, стемнело. Кто-то подошел ко мне попросить начальство разрешить спеть. Хотим спеть вам все, что чувствуем. Себя и вас утешить на прощание...

Где-то задали тон — его передали по коридорам, палатам, лестницам... все замерло. И вдруг, где-то далеко, пронизывая и побеждая собою все, один чистый голос канонарха зазвенел: «С нами Бог, разумейте, языцы, и покоряйтеся». И еле-еле слышно, все расширяясь, дивный хор запел: «Яко с нами Бог». Из другой палаты прозвучал малиновый голос канонарха: «Услышите до последних земли». А хор, как ангельские крылья, все выше и выше поднимал эти слова Великого Повечерия... спустилось на землю благословенное молчание, никто уже не мог говорить. Все безмолвно толпились у выхода, как вдруг все это море людей упало на колени и запело: «Боже, царя храни». Рыдание перебивало пение. В плену запрещено было петь гимн за строгое наказание. Но эта любовь и верность смели все законы войны. Австрийское начальство сняло головной убор, вытянулось и стояло смирно...

Склонились невидимые знамена перед великим призванием России.

Октябрь 1923 года

Составил В. Сидоров

«КРЕСТНАЯ НОША»

Часть I[1]

КАК НАУЧИТЬ СОБАКУ ЕСТЬ ГОРЧИЦУ

Национальная катастрофа — коллективизация по-сталински, в конечном итоге сгубившая, по нашему разумению, русское крестьянство, русскую деревню как воспроизводящую почву страны Россия, — эта катастрофа, казалось, не оставила свидетельств жертв. Есть, и то не под руками, свидетельства коллективизаторов. Это в первую очередь современная событиям печать. Она выражала господствующую точку зрения, однако, соответственно прочитанная, дает представление о сути дела. Но все-таки голоса жертв, массовый вопль ужаса, боли, бессильного гнева, звучит в этой реставрации глухо и ненатурально. Похоже на многократное переписывание со старой пластинки на нынешнюю магнитофонную кассету.

Да вроде б и рассчитывать тут особенно не на что. Крестьяне вообще, в хорошие-то времена, писали поскольку постольку. Тем более не до того им было под ударами сталинских нойонов и темников, средь потока и разграбления, на этапах, в гиблых тайгах, в тундрах. И вдобавок опасались писать, чтобы не навлечь беды на адресата, не усугубить собственный жребий. А те боязно-сдержанные весточки, что когда-то и куда-то дошли от них, едва ли сохранились в яростном и ко всему беспощадном ускорении жизни, в катаклизмах переустройств и войн.

Есть еще воспоминания немногих уцелевших. По примеру замечательного опыта Светланы Алексиевич, записываются такого рода свидетельства о нашествии Батыя-коллективизатора. Но, безусловно приветствуя эту работу, нельзя не видеть ее некоторой жанровой, что ли, ограниченности. Воспоминания — пепел жизни. Здесь, в геенне коллективизации, жизнь сгорела полвека назад и читателю воспоминаний ест душу головешечным чадом, а не палит огнем.

Так что же, значит, этому кино так и оставаться навсегда немым? Эти миллионы мужчин, женщин, стариков в детей, казненных верховной больной, бредовой мыслью и бесчеловечной решимостью, так и пребудут навеки безгласными? Так и придется нам удовольствоваться блестящей, да, но — лите-

---

[1] Печатается с сокращениями по журналу «Дон», 1990, № 5, 6, 7, 1991, № 10, 11.

ратурой Платонова и Шолохова, не слыша неблестящих, зато подлинных голосов?..

По счастью, голоса все-таки звучат. Они разобщены, заперты в спецхранах, никто не внемлет им, но они не смолкают уже более полустолетия.

В двадцатые-тридцатые годы за границей — во Франции, в Чехословакии, в Германии — выходили, кряду с иными, журналы казачьей эмиграции. Многие тысячи казаков вынесло гражданской войной за кордон. Ежемесячный обзор их жизни журналы так я печатали под рубрикой «На чужбине». А рядом — рубрика «На родине». Перепечатки или выборки информации из советских газет, и неизменно письма. С Дона, Кубани, Терека, реже — из Оренбуржья, Сибири. География крупнейших казачьих войск: Донского, Кубанского, Терского, Уральского.

Вот эти письма и есть современные коллективизации свидетельства. Собранные вместе, они составляют целый пласт уникального материала, литературного и жизненного.

Письмо по своей природе сочинение лирико-психологическое, индивидуальное. Но сотни писем о людях одной судьбы складываются в единое произведение. Это своеобразная народная драма, народная трагедия — и потому, что говорит о судьбе народа, и потому, что выражает народный взгляд на мир, и потому, что написана самим народом. Единственное в своем роде произведение, вызванное к жизни смертью, массовой гибелью, геноцидом этноса. Вынужденная анонимность придает ему фольклорный колорит. Это как бы первая, полуфабрикатная ступень на пути от человеческого документа к фольклору.

Историк, экономист, социолог найдут здесь для себя немало ценных сведений. Примеры самобытного русского слова, художественной образности, философского глубокомыслия дают масштаб оценки потерь, сопутствовавших этому апокалипсису. И все же самое сильное впечатление общее, нравственное. Всегда больно задевает мысль, что человек, оставивший вот этот след: это письмо, фотографию, вещь — мертв. Его нет и никогда не будет. И людей, написавших эти письма, нет, они злодейски, дьявольски умерщвлены. Эти письма — их последнее слово, тем более страшное, что зачастую — самое будничное. Завещанием или похоронкой его делает опять же общая участь сословия.

Мы сказали: «дьявольски умерщвлены» — не для ради фразы. Люди могут уяснить себе любую крайность, жестокость, но не бессмыслицу. Когда прекрасное хозяйство, пусть «кулацкое», но дающее товарную продукцию, то есть кормящее страну, когда такое хозяйство не отнимается, не реквизируется (что можно хотя бы понять), но разоряется в наказание хозяину-неплательщику и в пример остальным пускается по ветру, крестьяне не могут этого уразуметь. Они расстраиваются рассудком. Это злобная нелепость, потому

что от нее никому нет пользы, только вред. Так издевается над людьми «враг человека», дьявол; и к тому же не дьявольско-басурманское ли дело — рушить одновременно храмы... Конец света для русского крестьянства был особенно тяжел еще потому, что не имел никакого смысла.

Читатели, конечно, обратят внимание на то, что драматизм этого повествования нарастает, и могут заподозрить составителя в организации материала по художественно-сюжетному принципу. Нет, отбор, достаточно жесткий ввиду «счастливого» обилия материала, производился для того, чтобы не повторялись ситуации, мотивы и т. п., хотя вполне избежать этого трудно. Драматичность нарастала в самой действительности. «...И хочется жить, а никак не дают жизни!» Не только хотелось, но поначалу, в двадцать четвертом—двадцать шестом годах, и жилось, тут не редкость благополучные письма. Жизнь явно налаживалась, выправлялась после лихой годины, смутного времени, гражданской междоусобицы. Засухи, недороды и нехватки были привычны и преодолимы. Жить бы да жить — по своей землеробской корневой природе, по крестьянскому ладу, осваиваться в новой, кооперативной и машинизированной, артели, в социализме. Жить!.. Не дали.

То монологи — письма пространные, целиком, а то разноголосица — краткие выдержки из разных писем, дополняющие, перебивающие друг друга, ропот жалобы, мольбы, протеста, зова о помощи. Читаешь — и чувствуешь себя в основании всей русской жизни, в ее глубочайшем и широчайшем низу. Чувствуешь, как эта жизнь, этот мир гибнет, разламывается, погружается в пучину времени неким казачьим Китежем, крестьянской Атлантидой. Так и воспринимаешь ее сегодня, стоя на развалинах и пустошах изнасилованной, опоганенной русской веси. На солончаковых лишаях, обеспложивших эту почву российской народности, мать-сыру землю русского духа.

Перед читателями пройдет галерея лиц и характеров — хлебороб казачьего сословия и казачьей интеллигенции. Следует, очевидно, предуведомить, что это было сословие воинов-профессионалов, и бойцовский дух содержался в генетике казака. Ну и, конечно, помнили, гордились, как «тряхнули Москвой» в девятнадцатом году. Ни один белогвардейский наступ не удостоился такой высокой оценки Ленина, как его призыв «Все на борьбу с Деникиным!», его директива о подготовке к возможному переходу партии на нелегальное положение. Ударную же силу Мамонтова (правильнее — Мамантова), острие деникинской пики, составляла казачья конница. «...В глубине глаз, за полуопущенными веками, жуткий волчий блеск», — удивительно по-шолоховски сказано в одном письме о донцах двадцать девятого года. Этот блеск лежит и на многих письмах.

Сверка писем с официальными советскими материалами показывает их высокую фактическую достоверность. Все сокращения оригиналов сделаны первыми публикаторами. Пометка «Редакция» к примечанию в скобках также означает соответственно «Родимый край», «Вестник Казачьего союза», «Вольное казачество» или другой журнал. Мы только позволили себе, для удобства читателей, развернуть некоторые сокращения и тактично разрядить очень уж густые зрительно письма абзацами и простейшими знаками препинания.

Поскольку эмигрантские журналы внимательно читались в СССР теми, «кому ведать надлежит», редакторы большей частью заменяли обращение и подпись — отточием. Однако для сборника писем отточий много, новая книга кажется засиженной мухами. Поэтому мы только первое для каждого года письмо начинаем отточием, а в дальнейшем условливаемся подразумевать их.

Итак, это в полном смысле письма с того света. Туда, туда, в глухие, неведомые для нас с вами двадцатые, тридцатые годы, где кровит разорванное надвое живое тело казачества. В дебри истории, в океанскую глубоководную мглу времени...

ГОД 1924-й.
«...СЛАВА БОГУ, ЖИТЬ МОЖНО — МЫ СЫТЫ»

С Кубани, между Пасхой и Первомаем:

«...Во время летних каникул собираюсь в станицу. Не хочется допускать хозяйства до полного разорения, но в то же время ясно сознаю, что строить гнезда не придется, нет смысла. Ты обосновывайся там, если имеешь к тому возможность. Ехать тебе теперь сюда — это значит отдать себя на довольно долгое время или, вернее, на неопределенный срок в руки безгласного будущего. Если тебе там надоело жить по чужим углам без определенной цели, без плана на будущее, то здесь неопределенность еще большая.

Ты не будешь знать, для чего существует завтра и что ты в нем увидишь... А чем дома займешься? Нечем.

Идти учительствовать — глупо. Этим делом можем заниматься только мы, проработавшие по нескольку лет в школе, сроднившиеся с ней, способные терпеть все лишения, неспособные бросить работу. Все более или менее предприимчивые из учителей давно уже бросили школьную работу и пустились кто во что горазд. Все они лучше обеспечили свою жизнь.

С нас слишком много требуют и слишком мало дают. Всем нам предложено переподготовиться политически и педагогически, так как наша подготовка неудовлетворительна для советской школы, именующейся «единой трудовой». Время от времени нас подвергают экзаменам с результатным делением

на три категории: первая категория — «вполне соответствующая», вторая — «терпимая за недостатком», третья — подлежащие увольнению, или, как теперь говорят, — «снятию с работы». Учительский труд у нас самый неблагодарный.

Вообще можно сказать, что чем больше технических познаний, тем жизнь обеспеченнее, а следовательно, и удовлетворенность от труда выше. Когда здесь я соприкоснулся с настоящим по тем заданиям, которые ставит себе советская власть, власть интернациональная, то я не мог не улыбнуться горькой улыбкой, прочитав название вашего союзного органа «Казачий Путь». Интересно познакомиться бы с этим органом и его направлением, какой он «путь» намечает? Для казачества, находящегося здесь, отрезаны всякие пути... Оставлено одно — служба в кавалерийских частях, как для природных кавалеристов, и это дано только в настоящее время, в связи с территориальностью войск, а то было так, что один станичник направляется в пехоту в одну губернию, а другой — в артиллерию, в другую. Вернуться сюда — это значило бы обречь себя на мучительное созерцание развалин былого благополучия, на вечную тоску о невозвратных светлых днях, на ежедневное терзание настоящим.

Была Пасха. Народ в массе своей готовился по-прежнему: красили яйца, пекли куличи, готовили всякую снедь, говели, исповедовали свои грехи, получали прощение их, платя попрежнему попам деньги. В среде рабочих большой процент совсем обезбожился, или, как говорят здесь, освободился от религиозного «дурмана». По отношению, например, к учителям применяется «снятие с работы», если кто-либо попробует иметь религиозные убеждения и проявлять их наружу хождением в церковь, выполнением разных обрядностей вроде крещения, говения и т. д.

Церковь разделилась на так называемую «живую», признающую советскую власть как власть, тоже исходящую от Бога, идущую на компромиссы и в этом видящую свою жизненность, — и церковь тихоновскую, т. е. приверженцев патриарха Тихона. Это что-то вроде нового старообрядчества. Народ в большей мере держится тихоновщины и праздники устраивает себе по старому календарю. Даже в крестьянской среде многое исполняется просто по привычке или же потому, что неудобно не делать перед стариками. По школам, другим учреждениям и разным профсоюзам идет подготовка к 1 Мая. Это, брат, что и царские табели[1], — попробуй служащий не выполнить или нарушить, так влетит по первое число, что называется.

Как ни тяжела у нас жизнь, а все-таки иногда и мы сме-

[1] Точнее, табельные дни — именины («тезоименитства») царя, царицы, наследника, годовщины коронации и т. п.

емся, хотя смех этот сквозь слезы. Господство одного класса заменилось господством другого — в полном смысле этого слова: все пролетарию (которого нет в том виде, в каком он был прежде). Иногда крохи с пролетарско-господского стола перепадают и нам, но это вызывает только горькую улыбку у нас, т. е. у трудовой интеллигенции, отдающей все свои знания и силы государству.

Тяжелее всего на нас отражаются различные эксперименты власти. Какую массу допускают разных несуразностей, противоречий, абсурдностей и т. д., и на все у них одно оправдание: ошибки неизбежны, не ошибается тот, кто ничего не делает...»

Из Ростова, 12 мая:

«В Верхнедонском округе сам не был, но часто вижусь с приезжающими оттуда казаками. Жизнь помаленьку начинает налаживаться.

По хуторам Мигулинской станицы вновь возникают кредитные товарищества на прежних местах. В хут. Мешковском товарищество работает хорошо.

Уже три месяца живем с твердой валютой. Развивается кустарный промысел и кустарная кооперация. В северной части области появилась молочная кооперация, а в других округах организуются специальные товарищества — пчеловодов, виноделов, огородников и семеноводов...»

Предположительно — из Новочеркасска:

«Идет сокращение студентов. Из Политехнического института выйдет 1300 человек, даже некоторые без права поступления в вуз. Среди исключенных есть такие, кому осталось до получения диплома 2-3 экзамена. Куда деться, чем жить! Ведь работ нет.

Ты спрашиваешь — когда домой? Да скоро и мы его бросим. Ведь теперь нет родины. Ясно? Много можно было бы сказать против власть имущих, хотя я и за советскую власть — но не за коммуну.

Если нам еще страдать, то лучше пусть вы в стороне живы, чем с нами мертвы. Год опять будет, верно, засушливый, а это — голод. Рубль золотой опять падает.

С Дона, 20 июня:

Сейчас у нас прикрепили земельный душевой надел, пахотную, сенокосную и луговую площадь, а также живой и мертвый домашний инвентарь, за который едва ли придется расплатиться в течение трех лет.

Сенокосные заливные луга состоят в ведении Волземкомитета и продаются населению за приличную плату. Рыбная ловля так же, как в Дону, так и в озерах, без ордера (за плату. — *Ред.*) ни в коем случае не разрешается.

Скоро, говорят, будут взимать за право пользования воздухом по копейке с ведра в сутки, так как вычтено медициной — человек поглощает в сутки 800 ведер.

С Дона, 22 июня:

«Господи, благослови!

Здравствуй, дорогой сыночек Ваня.

Получили твое письмо, с которого видим твое полное здравие.

Спешим тебе ответить, что мы все еще живы. Какова наша жизнь, то будет дальше написано. Шлем тебе дорогой привет, родители твои и братья.

Ваня, ты пишешь, что не получаешь наших писем. Я не знаю, ты еще мне не врал, да думаю, что и врать не станешь. Я тебе скажу, что мы посылаем письма каждого полмесяца. Почему ты их не получаешь, этого уж я не знаю.

Ваня, ты пишешь, что твой конь хромает, так что поездки не будет никакой. Не стремись его ковать, пусть хромает: ехать некуда.

Если не получал наших писем, то напишу еще раз: вам здесь места нет, которые за границей живут.

Дорогой сыночек Ваня, мы этот год собираемся умирать, потому что голод предстоит еще больше, чем был в 21-22 годах. Весенний хлеб совсем погиб, а на озимые тоже мало надеи. А налог само собой отдай, хотя заработай, а им выплати.

Дитенок Ваня, не думай, что мы не хотим, чтобы ты приехал домой. Представь себе — сердце разрывается, когда станем думать и обсуждать, что за это время у нас глаза засыплются землей и больше не увидят тебя. Но все-таки мы обдумали и решили оставить тебя на свете. Если же мы будем умирать, то думаем, что ты не должен умирать.

Ваня, это письмо писал на саду, сидя над огурцами, которые выгорели от засухи, и покушать нечего. Арбузов тоже не будет, потому что нет дождя, жуть такая да жара, что невозможно худобой работать.

Дорогой Ваня, должен я тебе написать что-нибудь интересного для твоего любопытства. Законы у нас очень свободные насчет супружества. Старый и малый женится, когда хочет, хотя и на Страшной неделе[1]. Это безразлично. Женился, неделю прожил, бросил жену и опять свободно женится, и никому нет дела до этого. Если все примеры описывать, то у меня целой тетради не хватит.

Ваня, сейчас некоторые старые люди живут и не знают, какой сегодня день, а это потому, что у нас всю неделю понедельник, а среды не бывает, да страшные думки в голове,

---

[1] Страшная неделя — Страстная, последняя предпасхальная неделя Великого поста.

как бы этот налог отдать. Это наше убийство, которое так тяжело переживать.

Эх, дети Донцы, что произошло с нашим столичным городом: назвали его — село Демьяна Бедного, а нашу станицу назвали волостью или уездом, черт его знает, я сам запутался. Умирать нужно казаку, а не жить. Что хотят, то и делают с казаком.

До свидания, сын наш.

Родители твои...»

Из Усть-Медведицкого округа, 24 июня:

«Нонешний год складывается очень неурожайный, так что рожь покосили на корм, а пшеница совсем пропала.

Травы совсем нет.

Скотина очень дешевая. Хорошую корову, которая на Пасху стоила 150 руб., теперь можно купить за 25 руб., овцы — 5 руб. пара.

Пшеница пока 1 руб. 40 коп., рожь — 1 руб. 20 коп., пшено — 1 руб. 20 коп. ...»

Из Сальского округа, 28 июня:

Этот год будет очень тяжел для народа. Старого хлеба нет, а новый не родился. Скотина дешевая. Хутора раскочевываются.

Вместо яровых хлебов — черные загоны. Что поел суслик, а более пожгло ветром и солнцем. Жара такая, что Сал совсем высох...»

Со Ставрополья, из Святокрестовского уезда, 3 июля:

«Хлеба уже не воскреснут, скошены на сено. Бахчи тоже выгорели.

Немножко держится кукуруза.

Цены на хлеб растут с каждым днем».

С Кубани, 5 июля:

«Ты спрашиваешь — как мы живем? Знаешь поговорку, как жили калмык с отцом? То у них был хлеб — сала не было. Было сало — хлеба не было. А когда калмык стал жить без отца — то не стало ни хлеба, ни сала. Теперь и мы так живем.

А какая у нас торговля — видно по тому, что за один аршин мануфактуры мы платим два пуда пшеницы... Посевом я перестал заниматься, потому то нет смысла. Худобы нет, машины все поизносились, а взять негде, и ремонт производить нечем».

С Кубани:

«У нас продукты питания очень дешевы, например, пшеница 90 коп. пуд, — покупает государство, яйца 10 коп. десяток, мясо 15 коп. фунт, масло сливочное 30 коп. фунт. Но

беда в том, что полный застой в делах, крестьянин бедный, покупная способность пала вследствие разорения войной, голодом прошлым, а тут еще и в этом году придется пережить голод. У нас урожай средний, а начиная от Медвежинского уезда Ставропольской губ., Сальский округ Донской области, Поволжье, там уже окончательно ничего нет, оттуда идет масса голодного народа в наши края на заработки. А здесь каждый хлебороб сеет столько, сколько он может обработать со своей семьей, без найма рабочих, ибо за пользование рабочими нужно платить налог в пользу государства и работать должны только известные часы.

Душит нас полное безденежье. Скот очень дешев, овца — 3 руб. 50 коп., предложений много, а спроса нет. Что и как будет дальше, один Бог знает. Масса безработных, особенно в городах. Частные торговые фирмы ликвидируют свои дела вследствие огромных налогов на торговлю, вообще на частую торговлю у нас делают давление. Жизнь становится ужасная, ожидали лучшего, а оно наоборот, пока ничего хорошего не видно, вспомнишь, что было и что теперь стало, Боже, Боже, что же будет еще дальше. Все валится и рушится, некому исправить за неимением ни денег, ни материалов, ни инструментов, даже мастеров нет, которые были раньше, где только все подевалось.

Пасека моя в этом году мне никакой прибыли не дала, по случаю сильной засухи взяток для пчел бы плох, а поэтому теперь надо подкармливать пчел. С 13 июля у нас начались сильные дожди. Молотьба уже началась, урожай пшеницы средний — десятина от 40 до 60 пуд. Ячмень с захватом от 20 до 30 пуд. на десятине».

С Дона, из Хоперского округа, 17 июля:

«Прежде всего я должна сказать тебе, что нас выселили из дома с требованием уплаты за пользование ком-услугами $7^1/_2$ червонцев, т. е. 75 руб. Флигель, который мы продали, уже кончается, вещи почти все проданы, остался твой костюм, но мы его продадим тоже, потому что у меня нет зимнего пальто. Жить становится нечем. Что касается службы для меня, то ее нет, там как у нас безработных $^3/_4$ всего населения, да и те члены профсоюза, а я не зачислена в него, так как меня туда не принимают.

Притом у нас этот год неурожай, я просто не знаю, что мы будем делать. У нас сейчас еще тянется мука, и мы сидим исключительно на хлебе, денег совершенно нет, и что дальше предпринимать — не знаю. В учреждениях всюду сокращение, сокращение и сокращение, и все-таки, если некоторых вытряхивают, то они члены профсоюза и получают пособия, мы же совершенно люди «за бортом», с нами нигде не считаются и на нас смотрят, как на собак. Идет зима, мы же совершенно

не устроились и живем, как цыгане. Степа живет в нашем доме, занимает одну комнату, тоже без службы, несмотря на то, что он красноармеец демобилизованный, и ему места нет, везде переполнено.

Ты, пожалуйста, и не думай ездить сюда, иначе ты здесь с семьей пропадешь. У нас здесь с таким образованием, как ты, грузчиками служат, и наоборот...»

Из 2-го Донского округа, 8 августа:

«В настоящем году была сильная засуха. Вся растительность замерзла, а в поле все выгорело, рожь, пшеница и жито, и просо, одним словом, погиб весь посев хлеба.

Я уже прожил определенный срок, но такой засухи не встречал. Хлеб так выгорел, что нечего было и косить, трав также не было... Приходится мириться с бедствием и переживать, но, к сожалению, мы не привыкли жить без хлеба.

На Дону вода так пала, что даже повыше водокачки переходят вброд, что при моей жизни не было. Вода в балках повысохла, скот пришлось разбирать и поить в Дону. Творится небывалое при нашей жизни.

За неимением кормов для скота цены на скот пали. На базарах покупают скот мало, а то совсем не берут.

Земледелец находится в безвыходном положении. Озимовые поля останутся незасеянными, потому что старых запасов нет, а посторонней помощи ждать неоткуда.

Только и слышно в народе, как зиму зимовать будем, нет корма для себя и для скота.

Нового у нас ничего нет. Дела еще не налажены, трудно достать иголки и гвоздя...»

Из Хоперского округа, 14 августа:

«Мой совет обождать и кушать кусок хлеба там, где он есть. Видишь, что случилось у нас: опять голод. Не только дождя, даже росы не было. На чистом черноземе все-таки кое-что хотя для скота поросло, а чуть-чуть песчак — все, конец. Земля потрескалась от суши так, что кошки в щели лазят и деревья повяли.

Что мы будем делать, я не знаю. Вот настанет зима, ударят трескучие морозы — и гибель людям и домашним животным. А откуда ждать помощь? Кто поможет? Хозяевам нашим не до помощи к голодным, они смотрят, как бы забраться в чужое хозяйство, да и там подогнать под одну колодку.

Продналогу требуют от меня больше, чем удастся его набрать. Что делать? Да и вообще что делать? Из Германии пишет Б. и спрашивает, неужели верно, что наше правительство вывозит хлеб за границу? Да, вывозят, проклятые!

Ты подумай: люди волнами уже передвигаются по России, убегая от голода, а они хлеб вывозят.

Неужели на все эти проделки Европа спокойно смотрит? Неужели же не подымется меч казни над этими драконами и не отсечет им главы?

Из газеты видно, что в Америке собираются профессора говорить с Марсом. Почему же они не стараются поговорить с нашим народом, побывать и повидать, что делают они в России?

Сообщаю для сведения, что приехавший от вас В. К. умер че (! — *Ред.*) хоткой[1]. Я думаю, что перемена климата для тебя тоже будет плоха, тоже «чехотку» схватишь...»

Из Ростова, 1 сентября:

«В этом году в нашем районе урожай трав был прекрасный, хлебов — средний, подсолнуха — хороший.

В других районах (Поволжье, Северн. и Восточная части Дон. области, на Тереке, Воронежской губернии и друг.) урожай плохой. Придется хлеб перебрасывать в эти районы.

Необыкновенно хорош урожай винограда. Кооперативный союз рассчитывает в этом году сделать до 40000 ведер вина. Сейчас идет усиленно подготовка к заготовке вина.

Ростов живет старой жизнью: масса магазинов, ресторанов, пивных, увеселительных мест.

Базары ломятся от продуктов. Цены на продукты сельского хозяйства довоенные, на фабрично-заводские значительно выше.

Валюта у нас с марта месяца твердая, рубли и копейки, как это было до войны.

Выпущена в обращение серебряная монета, выпускается медная.

...О положении в наших краях (Верхне-Донской округ. — *Ред.*) имеются печальные сведения.

В этом году там полный неурожай, плохо было и в прошлом году, а по тому можно судить, что там творится. Собирался я летом проехать туда, но дела не пустили, да и ехать туда страшно...»

Без обратного адреса:

«Разрухе нашей не видно конца...

По-прежнему ходим раздетыми и босыми, так как самого приличного по нашим временам жалованья не хватает на необходимое обмундирование. Дорога мануфактура, но особенно дорог кожевенный товар, ибо нет заводов, нет соответствующих мастерских и, главное, нет разных химических материалов для выделки кожи.

Не лучше обстоит дело с мельницами. Государственных не

[1] Намек на Чека

построили, частные разорили и разграбили, и в результате мы вынуждены довольствоваться примитивными старинными «рушилками» на курьих ножках с ручными жерновами. Крутят эти жернова люди, худые, изможденные, одетые в рубахи из мешков. Работа тяжелая, потеют, с худых спин, с мокрых мешочных рубах поднимается пар.

— Вот она, настоящая мельница-то... паровая... коммунистическая... — острят незлобиво несчастные над самими собой и над своей горькой долей.

Все живущие на жалованье занимаются теперь попутно и земледелием, чтобы хоть как-нибудь сводить концы с концами.

Но и это занятие не избавляет от нужды и нищеты, потому что хлеб в сравнении с фабричными изделиями баснословно дешев.

Но все-таки, слава Богу, жить можно — мы сыты. До мирного времени далеко, а все-таки — относительно сыты...»

ГОД 1925-й.
«ВСЕ ЖДЕМ И НАДЕЕМСЯ...»

С Дона, зима:
«Здорово, эмигрант.

Как живешь, чем занимаешься и что думаешь делать в дальнейшем, продолжать ли позорную работу на службе буржуазии или думаешь хотя поздно, но вернуться домой и послужить своему родному народу? Если бы ты приехал да посмотрел, что творится на хуторе, тебе бы стыдно стало. Изба-читальня, красный уголок, культ.-просвет. ячейка «МОПР»[1], редакция газеты «Будильник».

Чуть не каждый вечер лекции, митинги, спектакли и др. научные вещи. Ты хоть послушал бы, как дети школьного возраста выступают с докладами на общих собраниях граждан, и уже взрослые против их в ораторском искусстве никуда не годятся. А как все политически возросли, я думаю, ты был бы самым отсталым в хуторе...»

Тому же адресату — о его корреспонденте:
«Дорогой N.

Отвечаю тебе на твои вопросы. Частная торговля неважна. Она подавляется со стороны кооперации, то есть государственная торговля занимает первое место, а за Евграфа повторю свои слова и укажу на события настоящего времени.

При хуторе Разсошанском открыта кооперация. Евграф, никем не избираем, уселся там членом правления, а со вре-

[1] Международная организация помощи революционерам

менем выдвинул себя за председателя кооперации. Сперва нащупав, где концы наживы. Например, сделав поездку в Борисоглебск, за двое суток сделав расходов 80 рублей, а в Царицын обернулся за 100 рублей.

Но так как это всем членам не по нраву, он нашел пути еще лучше. Сумел подойти к членам кооперации, которые более слабые и доверчивые, а за ними втянул и остальных, угрожая выписать из кооперации, переписав все имущество членов, а при описи уговорив, чтобы все как можно расширили свои хозяйства, указывая на то, что согласно нашего имущества отпустится в любом банке сумма, на которую мы начнем торговать при кооперации. Что и было.

Но не успев получить указанных денег, задумал другое. Набрал быков и коров для отправки в Москву. Назначил каждому хозяину хорошие деньги, но только по возвращении из Москвы. Прошлое воскресенье я, будучи в Урюпинской, наблюдал эту картину. Выехало не менее пятидесяти хозяев, которые имеют крайнюю нужду. Ожидая поезда и графа с деньгами, но получив лишь телеграмму: «Скот продал с убытком», а на следующее воскресенье прибыл сам Евграф, но вместо денег привез разной мануфактуры и разных предметов и предложил получать за скот товаром или ждать, пока выручит деньги за товар.

Возможно ли это для честного человека? Так что есть вдовы, сдали последнюю корову или быка, имея крайнюю нужду, а самая крайняя нужда — в деньгах. В настоящее время деньги в России очень дороги. Хорошая пара быков стоит 150 рублей, а корова хорошая стоит 40 руб.

Вот Вам будут наглядны его поступки. Дальше писать за него не желаю».

С Кубани:

«Дорогой братец!

...Земли наши занимают восемь десятин, но и эту не в состоянии обработать, как следует. Прошлое лето сеяли мы семь десятин: три озимой, две с половиной яровой, десятина — семечек, а остальное — мелочь.

Налогу заплатили девяносто девять рублей. Это только сельскохозяйственного налога. А сколько еще государственных платежей? Так что в запасе не только ничего не остается, но вряд ли хлеба хватит до нового урожая. Оборотные концы на год не сходятся никак. С февраля начинают уже занимать хлеб под урожай; после молотьбы — отдача, а на следующий год опять то же.

Вообще хозяйство не улучшается, а, наоборот, все падает и падает.

Например, теперь ни дома, ни в степи не надорвешься работой. Солнце на полдень, и все — домой! А в станице, как

только солнце село, не выходи со двора: хуже, чем было в 18-м году, — сейчас же налетит шайка реброломателей, изувечит, а жаловаться некуда.

Не во всякий день и не во всяком месте можно спокойно пройти даже днем...»

«Дорогой сынок!

Когда ты покинул нас, знаешь, что у нас оставалось. Пришли наши благодетели и все забрали: лошадей, коров, тачанку, линейку и один ход[1], а два хода я спрятал в навоз. Только и осталось. Да они оставили одну корову и серую кобылу.

В 21-м году был голод, но мы пережили тем хлебом, что прятали с тобой. В 22-м году я кое-как приобрел себе еще одну лошадь. Отелилась корова. И вот это сейчас у нас все хозяйство. Посеял я 3 дес. озимой пшеницы, 2 — ячменя, одну — подсолнуха, а больше но могу, так как работать не на чем. Весна сырая, хлеба пока хороши.

Дорогой сынок! Ты во всех письмах пишешь, что можно ли тебе явиться домой. Если не боишься, чтобы ежеминутно выглядывать из окна, не идет ли большевик с винтовкой, то езжай. Видел я молодых казаков, которые ходят на занятие. Чудно, смешно, и вместе сердце сжимается от боли, глядя на такое войско. Один в сапогах, другой — а опорках, третий — в валенках; один — в шапке, другой — в фуражке; точно так же и одежда — и казачья, и мужичья, и женская.

Это я видел потому, что носил в Управление продналог, которого не успеваешь выплачивать. А сидеть в погребе охоты нет, да еще и порки дают...»

С Кубани:

«Ты просишь писать новости, которые происходят в станице. К сожалению, у нас их нет, кроме налога. Размер налога деньгами — по 12 руб. 30 коп. за десятину. Кроме того, облагается рабочий скот и дойные коровы, зачисливают их в десятины. Так, каждую лошадь обкладывают как десятину, на пару возов — $^{2}/_{10}$ десятины, на дойную корову — $^{3}/_{10}$ десятины.

Целый год платим, только и бываем свободны весною, пока еще хлеб не поспеет. А потом — новая волокита: пошли с карандашами писать то семейство, то скотину, то посев, — и опять давай, только в этом время и проходит...»

Урожай хорош соломой, но зерном не особенно; ячмень хороший. В садах овощей почти нет.

Тебе интересно знать, как живет молодежь. Есть много молодежи, которая не понимает Бога, не чтут родителей и старших — разбаловала их советская власть. Днем спят, вечер —

[1] Тачанка, линейка — легковые повозки Ход — грузовая телега

в клубе, а ночью охотятся по хатам. На улицах без стеснения раздевают...»

С Дона, старый казак — сыну-студенту:

«По окончании Высшего Учебного Заведения устраивайся как-нибудь там, за границей. Сейчас здесь все равно нечего делать не только инженерам, но даже простым техникам. Главным препятствием на пути к возрождению нашего края является отсутствие необходимого для всякой творческой работы правопорядка. Не менее серьезна другая причина, тормозящая работу по восстановлению разрушенного, причина эта — недостаток денежных средств. Обеднел народ. И еще больше обеднело государство. А потому никому ничего не хочется делать.

— Эй, кум, тебе не мешало бы курень переставить: покосился уж...

— Иде там... Авось не помрем и в этом...

Это теперь типичный разговор по нашим хуторам и станицам.

Остановилась у нас еще в 20-м году водокачка и продолжает стоять до сих пор. Несчастное население вот уже пять лет вынуждено таскать воду ведрами на коромыслах. Дело это — каторжное. И тем не менее о ремонте водокачки пока ни слуху, ни духу.

В актовом зале бывшей женской гимназии провалился потолок: казалось бы, что его следует поднять немедленно же. Увы! Начальство, сующее теперь свой нос и куда нужно, и куда не нужно, разрешило эту задачу проще: приказало актовый зал заколотить досками. Невзыскательная учащаяся молодь устраивает теперь свои «танцульки» на лестнице и в коридорах.

Четыре года тому назад красноармейцы сожгли здание нашей больницы. О постройке нового здания поговаривают, но дальше разговоров дело это не идет.

Все паровые и водяные мельницы в нашем районе разрушены до основания. Выручают нас теперь, как и встарь, крошечные ветрячки.

Донская область, как известно, и раньше славилась своим бездорожьем. Теперь же, когда по всем дорогам буквально уничтожены все гати и мосты, Дон стал диким и совершенно непроходимым краем. Достаточно указать хотя бы на тот факт, что весной мы целыми месяцами бываем отрезаны от внешнего мира, не получаем ни писем, ни газет. Попытки начинать созидательную работу бывают, но пока что они всегда оканчиваются неудачей.

Маленький пример. Решили наши кооператоры восстановить местный кожевенный завод, разрушенный в результате всяких «национализаций» и «социализаций». Обратились в

«центр» с просьбой не столько о материальной, сколько о моральной поддержке. Им ответили отказом, так как там не оказалось ни денежных средств, ни инструкторов-специалистов, ни оборудования, ни химических препаратов, словом, ничего не оказалось. Все необходимое для этого «центр» сам терпеливо ждет из-за границы. Посоветовал и нашим кооператорам последовать его примеру.

«Центру», конечно, ждать можно, а вот нашему брату казаку приходится туго: ведь мы до сих пор еще ходим в сапогах из кожи-самоделки, обработанной одной только дубовой корочкой. Пока сухо — хорошо. Стало мокро, и уж не поймешь, в сапогах ты или без сапог.

Наша электрическая станция (если можно ее так назвать) работает, но с половинной нагрузкой. Слишком уж дорога энергия, и электрическое освещение теперь не по карману большинству наших обывателей.

Суди сам, можно ли тебе применить здесь твои знания?

Кстати, твои товарищи Андрей Иванович и Николай Петрович, вернувшиеся из-за границы, купили себе сообща пилу и ходят теперь по дворам, нанимаются пилить и колоть дрова. Как видишь, не цветут. Вообще, найти теперь здесь какую-нибудь работу по специальности интеллигентному работнику чрезвычайно трудно.

В большой сейчас моде у нас на Дону избы-читальни. Дело хорошее, на первый взгляд. И тут, казалось, интеллигенция казачья могла бы приложить свой опыт и свои знания. На самом же деле и здесь ей нет места, ибо все хорошо оплачиваемые должности заняты своими людьми, в большинстве случаев юными комсомольцами, образовательный ценз которых не больше 2-3 классов бывших реальных училищ. Читальни эти являются очагами коммунистической пропаганды, а потому интереса к ним у казаков нет никакого. Даже на лекции об электрификации перестали ходить, потому что надоело слушать сплошную хлестаковщину наезжих коммунистических спецов. Эти гастролеры обычно наболтают, наобещают всяких благ, соберут «добровольные пожертвования», хорошо пообедают у какого-нибудь спекулянта и уедут. А у нас все остается по-старому.

Только вот коммунистов теперь стали меньше побаиваться. И нельзя сказать, чтобы они режим смягчили. Даже как будто наоборот... А вот поди ты, никто не боится — и баста! Что за диковина такая, никто не знает. Может быть, урожай бодрости поддал?

С Дона:

«Слава Богу! — урожай в этом году прекрасный. Народ воспрянул духом. Уборке хлеба немного помешали дожди, но это все сущие пустяки в сравнении с теми бедствиями,

какие посылала нам неумолимая природа в течение последнего ряда лет.

Траву в этом году косили два раза.

Цена на пшеницу сейчас — 1 руб. 20 коп., рожь — 75 коп.

Благодаря урожаю сильно поднялась цена на скот. Спекулянты делают большие дела, продавая сейчас по высокой цене скот, скупленный зимой за бесценок. Тогда из-за недостатка корма быков, например, продавали за 60 руб. пару (теперь 250 руб.). Молодая телка стоила зимой 10 руб., теперь — 70. Бычки-годовики стоили 15 руб., теперь — 90. Такая же пропорция в цене на коров и лошадей.

Фрукт в этом году уродилась такая масса, что люди за неимением времени не успевают собрать всего из-под деревьев, и все это гниет на месте. Сушить эти фрукты благодаря непрекращающимся дождям нельзя, а специальных сушилок в нашей некультурной, отсталой стране нет. В результате большая часть урожая пропадает даром.

Цены на базаре: арбузы — 80 коп. сотня, дыни — рубль сотня, огурцы — 10—15 коп. за сотню, помидоры — 7—8 коп. ведро, яблоки — 5—10 коп. ведро, груши — 2 ведра за 5 коп.

Против предыдущих лет это баснословно дешево.

Есть у нас тут интересные новости.

В станице N сейчас отбывают лагерный сбор собранные со всего округа народные учителя и учительницы. Даже практиканты не избавлены от этой своего рода воинской повинности. Вот уже в течение целого месяца проходят так называемую «физкультуру».

Не избавлены от этого ни седые старики, ни юные девицы. Все, независимо от пола и возраста, участвуют в играх, делают прыжки, медленное приседание на носках и т. п. Учат их приехавшие из центра спецы-инструктора — один мужчина и одна женщина. В общем, у нас теперь обращено серьезное внимание на физическое развитие молодого поколения. Очевидно, живем по пословице: хочешь мира, готовься к войне.

Появились у нас в продаже казенные напитки, как то: русская горькая, зубровка, всевозможные вина, ликеры и наливки. $^{1}/_{20}$ ведра русской горькой (бутылка) стоит 1 руб. 98 коп.

Дороговато, но народ истосковался и валом валит. Власти, как опытные коммерсанты, зазывают, обещая барыши пустить на ремонт казенных зданий, школ, больниц и проч. Пока еще порядка нет, но жажда порядка огромная. Близок тот час, когда беспартийные массы проявят свою растущую не по дням, а по часам активность и вплотную подойдут к делу строительства народного хозяйства. Тогда Россия и Дон быстро оправятся от тяжелых потрясений.

Сейчас у нас приходится наблюдать повышение трудолюбия по нашим станицам и хуторам. Как ни давили, как ни жали нашего казака, хлебороба и скотовода, Дон, работая

дни и ночи, мало-помалу начинает восстанавливать свое хозяйство.

Только вот изделия фабрично-заводского производства попрежнему очень дороги. Ситец от 50 до 60 коп. за метр (аршин у нас заброшен), бязь — 65—70 коп. за метр. Кооперация наша замерла. Частные торговцы загнали ее в гроб. Довели кооперацию до такого положения «назначенцы» от компартии, совершенно бесконтрольные перед народом. На следующих перевыборах их больше не будет. Мы сами выберем, кого мы желаем и кому доверяем».

Из Ростова:

«Получила твое заказное письмо и была поражена, что оно в целости и сохранности дошло. Трудно надеяться, что так всегда будет.

Новое огорчение: контора, в которой работает С., расформировывается, причем даже выходных пособий не дают. Для мужчин пока единственная возможность устройства на работы в леса, а женщины не нужны, и возникает вопрос, где и как достать кусок хлеба и сколько на это потребуется времени, а есть случаи, что и $1^1/_2$ и 2 года места не находят.

Многим злодеям судьба улыбается. На наших глазах стали «буржуями», завели магазины и дома, что не мешает им буквально с визгом ругать буржуазию и нас, «бывших».

Сколько я негодяев насмотрелась особенно в домовых коллективах (собрание жильцов, взявших отобранный у хозяина дом. — *Ред.*). В каждой комнате по семье, и в каждой семье обязательно один мерзавец, иначе не получили бы комнаты.

Дай Бог, чтобы Л. не ошиблась в своих расчетах на возвращение. Есть ли у нее хоть кто-нибудь, кто поддержал бы ее материально, ибо я уверена, что ей не меньше шести месяцев придется быть в одиночестве и еще иметь капитал на хлопоты...»

«Прости, что сразу не ответил на письмо, ибо был занят делами чисто служебного характера. Эти дела слишком для меня, как благочинного[1], в последнее время доставляют много хлопот и душевного беспокойства в связи с Собором и тем громадным в церкви расколом, какой обрисовывается в настоящее время.

Полное отсутствие порядка и дисциплины среди духовенства, иначе сказать, — анархия церковная, и во что она выльется, трудно предвидеть.

Одно только можно сказать, что картина безотрадная, небывалая, и с такой разнузданностью и разгильдяйством едва

[1] Благочинный — священник, помощник епископа

ли справится заседающий в Москве Собор поместный всероссийской церкви, а также и будущий Вселенский.

Безотрадная картина жестоко отражается на всех сторонах церковно-приходской жизни...»

С Дона, начало ноября:

«Погода у нас стоит дивная, теплая, хорошая — не сухая и не сырая. Урожай хороший на все. Картошка у некоторых останется зимовать — некогда копать, молотят все.

Нижняя часть казанцев приобрела трактор, бобинцы тоже покупают своим хуторком, шумилинцы, как говорят, тоже приобрели. Теперь только надо ученых машинистов, а то сами управляют, неучи, и толк едва ли выйдет.

Кооперации наши все закрываются. Не имеют хороших работников — служат такие, что лишь бы деньги растратить и улетучиться.

Из Болгарии:

«14 ноября возвратились в Варну из поездки в советскую Россию 50 человек, в том числе пять терцев; Марченко, Мальцев, Скляров, Тищенко и Крылов. Прибывший в Ямбол 17 ноября рассказывает:

«30 сентября мы в числе 56 человек казаков (донцов, кубанцев и терцев), неказаков и офицеров погрузились в Варне на моторную шхуну. 1 октября в 6 час. утра мы тронулись в поход. Шхуна была маленькая, а народу много, и не то что лечь, но даже и сидеть было невозможно, и в довершение всех неудобств, была сильная качка. В дороге один донец сошел с ума.

После десяти дней мучения, наконец, 11.X. прибыли в Одессу и еще сутки выдержали на шхуне. 12.X. высадили и сделали допрос и всех офицеров в числе 6-ти человек и подхорунжего Марченко отправили в центральную тюрьму, а остальных в ГПУ на пристани. Заполнили анкеты; несколько раз допрашивали, задавая всякие каверзные вопросы. Так, например, одного казака спросили: если белые начнут войну, пойдешь воевать против них? Казак ответил: добровольно не пойду, а мобилизуют, что ж, придется идти.

В тюрьме на стенках много надписей сидевших и между прочим подпись подхорунжего Токарева, уехавшего из Болгарии в начале 1924 года.

14.X. пришел старший ГПУ и сказал, ввиду того, что мы участвовали в подавлении коммунистического восстания в Болгарии (на самом деле не участвовали), приказано отправить нас в Новороссийск, и приказал обменять наши доллары на советские бумажные червонцы. После обмена денег нас посадили обратно на шхуну, и посадили еще, вместо сумасшедшего, какого-то подозрительного типа, и на буксире ка-

нонерки вышли в открытое море в направлении Варны и были предоставлены самим себе.

Когда мы немного отплыли от Одессы, начался сильный шторм, лодка дала течь, и шхуна должна была выброситься на берег близ Аккермана. Счастье наше, что шхуна была близко от берега, а то бы все утонули. Пришлось по грудь в воде добираться до берега, вещи понамокли, а в кармане бумажные червонцы, которые никто не берет. Доставили нас на болгарскую границу, но Болгария отказалась принять, и начались новые мытарства. Наконец после долгих мучений Болгария приняла и через Варну отправила по месту жительства, а 56-го пассажира, которого нам посадили в Одессе, задержали в общественной безопасности. В общем, пережил столько, что второй раз нет охоты ехать.

Все потерял, домой не попал, и слава Богу, что не расстреляли и не утонул в море, а ведь был на волоске и от того, и от другого».

С Кубани:

«Последнее письмо получила, также получили Ваши письма в станице Тенгинской. Писать много не стану о своей судьбе, я с нею примирилась. Как Вы уже знаете из писем, то И. И. как был взят в плен Красной Армией в 1920 г., отвезли его в Екатеринодар, где со многими посадили в тюрьму. В этом же году я ездила к нему, к свиданию допустили на несколько минут, а потом запретили мне вообще приезжать...

После этого о нем ни слуху ни духу. Сколько я ни старалась нелегально приезжать в Екатеринодар, чтобы получить какие-нибудь сведения о нем, так и не добилась никаких сведений о нем. Много было слухов, что всех расстреляли, что сами поумирали от голода и тифа, что угнали всех белых пленных в Соловки и что по дороге часть расстреляли, часть позамерзла, поумирала от голода, тифа и др. болезней, в то время свирепствующих, и другие слухи неутешающие.

Вот уж сколько времени до сих пор никаких сведений. Если бы он где-либо был жив, то всегда бы за это время мог дать сведения, чтобы мы не волновались.

Сколько я уж раз по гадалкам, хиромантам и ясновидящим ходила, чтобы найти хоть какое-нибудь утешение, и так безрезультатно.

Теперь уж примирилась с судьбой. Что ж поделаешь, знать, так хотел Господь покарать за грехи, но за чьи?

Все мы грешны перед Богом, забыли Бога.

В. тоже нет, он был совсем мальчик. Когда его не стало — ему, как вы знаете, было лишь 16 лет. Злосчастный 1920 год. В один год потерять и сына, и мужа. О Господи!

Теперь я живу дома в городе М. с Олей и Тоней, которые обе учатся в гимназии.

Живу я, чтоб Вас не огорчить, плохо, что ж поделаешь — есть еще хуже. Иногда торгую спичками, яблоками, борщами, а иногда шью у Е. (у которой, как вы знаете, в 1918 году белые повесили мужа). Вот судьба — ее мужа повесили белые, моего — красные, и мы, две несчастные женщины, влачим жалкую судьбу. Она шьет белье красноармейцам (ей дают шить, как жене повешенного, погибшего за революцию) и некоторое пособие получает.

Многих соседей Ваших нет в живых, некоторые без вести пропали... Город разрушается, на той стороне реки Белой образовался целый хутор новых жителей.

В саду городском и на станции поставлены памятники жертвам за революцию, с проклятием белым, и много других перемен.

Н., что приехал в 1920 г. из Контстантинополя, большевики не тронули, но запретили жить в городе, и он живет в садах, занимается огородничеством.

Ваня служит в милиции, но пока бесплатно. В милиции ничего не делает, перемаргивается с комсомолками (как пишет сам).

Другие Ваши племянники занимаются земледелием, и все без толку.

Вот поэтому Ваня оказался хитрее, взял плюнул на все и пошел служить в милицию, правда, бесплатно, но зато ничего не делает.

Старший их брат служит в Красной Армии в Новочеркасске, теперь ушел на призыв. Что ж поделаешь, все мы здесь живем и должны подчиняться власти, какая над нами поставлена.

Ваши бывшие знакомые Вам завидуют, завидуют потому, что Вы, хотя и на чужбине, но смогли поступить в высшее учебное заведение и учиться. Здесь они того не могут. Вы учитесь, это хорошо, но много здоровья не кладите на ученье, здоровье — прежде всего.

Храни Вас Господь. В будущих годах встретимся.

О новостях писать не могу, потому что, я думаю, Вам будет неинтересно, а главное, я написать написала то, что могла, а что не могу, то при встрече в будущем все передам словами.

Я и забыла Вас поздравить. Вы уже кончаете. Поздравляю, дай Бог найти место по своей специальности, теперь Вы инженер. Господь за Ваши страдания дал Вам милости, дай Вам счастья. Можете теперь жениться и жить счастливо, мы тоже будем рады Вашему счастью.

Теперь к Вам просьба, ты, Петя, писал, что собираешься ехать во Францию, смотри не езжай в Марокко или Сирию, а то французы народ хитрый, завезут вас туда, пообещают многое, а потом вместо какой-либо постройки железной до-

роги Вас заберут в легион[1], а оттуда возврата нет. Лучше оставайся там, в Чехии...»

С Дона:

«Любящий друг В., по получению твоего письма, в котором вижу много твоих печальностей, не медля одной минуты, стараюсь тебе ответить и обрисовать наш рай. Я вполне надеюсь, что ты заключишь нашу райскую жизнь из моего письма. Во-первых, постараюсь описать биографию Василя, ввиду того, что, видя из твоего письма, он очень о многом трепется, даже позволяет себе сверх ожиданного. Он вам писал, что якобы окончил школу красных офицеров, затем, когда вернулся из армии, служил в станице начальником милиции и после всего служил хуторским председателем.

Вы, конечно, знали его, и для вас кажется странным, чтобы он мог добиться всего того, и запрашиваете меня по этому поводу, что неужели у нас нет людей, которые бы могли заместить такого трепача, как Василь. Да, вы в этом вполне имеете право осуждать нас, потому что людей порядка к власти не притянешь, а такие, как Василь и ему подобные, от них не отобьешься, вот почему они у власти, а Василь, собственно, даже и не был тем, чем он хвалился. Он, правда, был тогда в армии и заслужил не красного офицера, а чин, равен старому приказному, назывался он «отделенный».

Как выражается, был он начальником милиции в станице, то же самое не с его носом. Был он не начальником милиции, а караульщиком потребиловки, как раньше был дед Максим, но разница в том, что дед Максим караулил с колотушкой, а Василь с винтовкой.

Затем, председателем он тоже не был, а был только уполномоченным, ввиду того, в эти дрязги тоже никого не упросишь, а ему лишь бы больше шляться по бабам и пр. Таковые должности много даже и бабы занимают, конечно, те, которые любят разевать рот.

Вопче я тебе, дорогой В., должен сказать то, что таким верить, как Василь, нельзя. Правда, ведь он думает, что вы за границей ничево не знаете, а вот мы-то, дескать, до чево дошли в сов. России.

Ты спрашиваешь меня, дорогой, о всем, но все я не в состоянии обрисовать, ибо на это нужно время, труд и бумаги, а ее, к сожалению, и не хватает у нас. Много, много у нас есть всево, но только не писать, а Бог даст, увидимся, тогда я всем поделюсь с тобой. Я приведу вначале маленькие примеры тебе, и вполне убежден, что после чево ты лишь будешь приходить в ужасы.

---

[1] Подразумевается иностранный легион.

Как тебе известно, хутор наш составлял населения 900 душ обоего пола в доброе время, а сичас, после этой бури, населения только 433 души, из коих мужского пола 66 душ, а все остальное женский пол, стариков у нас всего 11 человек, а то все молодежь. А где остальные — Бог знает, погибли, конечно, в войну, померли в голодовку 922 года и немало без вести пропавши, и вас за границей, которых мы знаем, 16 человек.

Скота в хуторе тожа почти нету, коров очень мало, лошадей совсем почти нет, только 3. Быков во всем хуторе только в 3-х дворах по 2 пары и редко по одной паре. Сам хутор превзошел в неузнаваемость. Дома, сараи полураскрытыми стоят, похилившись в различные стороны, невольно просят и кланяются Богу о помощи. Благодаря того, что наш хутор на реке, вербы покрывают ево стыд летом, а зимой кошмар посмотреть со стороны. В поле выйдешь — уверит полная пустота, даже жутко делается, да и вернешься в хутор, тожа самое мало утешительного.

Предполагается рубка леса в этом году, рубить будем дальний буерак. Но на чем его будем возить, неизвестно, а на себе носить не так-то близко. Тожа горе, куда ни повернись — кругом шестнадцать. Летом будет у нас передел земли юртовой, теперь ведь у нас земля делится не на паи, а на души, но главное то, что земли много, но она мало привлекает нас, ибо ее не на чем обрабатывать.

Итак, дорогой В., только у меня и хватило силы написать, а дальше писать относительно Религиозного и законнобрачного форменно ручка из рук валится. Все ждем и надеемся, а пока в темноте и в пыли ничево не видно...

Целую тебя, твой преданный друг N.N.».

ГОД 1926-й.

«...ПРОДОЛЖАЕМ ПЕРЕЖИВАТЬ РАЗНЫЕ КРИЗИСЫ...»

Из Парижа:

«...Описую я Вам свое похождение в Россию.

Когда я получил в 1924 г. из консульства (советское консульство в Варшаве — *Ред.*) отклонение, — не приняли меня в Россию, — оставался я с того часу жить на ст. И-чи, откуда я имел большую переписку с своим родителем, в которых письмах из дому он меня приглашал домой.

Начал я решать свои вопросы, как мне поступить теперь, чтобы попасть домой. Начал решать так: поехать снова в консульство и заполнить анкеты... Потом говорю сам себе: что я поеду просить их другой раз? Не дождут они этого. Пойду я лучше нелегально. Перейду границу, пройду дальше от границы, возьму билет, сяду на поезд и уеду домой.

Слухом пользовался таким, что, говорят, у большевиков, если перейти границу и отойти от границы верст 50, то бери билет и езжай, куда хотишь, документа никто не спросит, лишь бы был билет.

То я решил так и сделать.

Начал усердно работать, собирать себе денег на дорогу, чтобы не без денег удариться в путь. Когда я насобирал немного денег, решил я 1926 года 12 января двинуться в путь.

Тогда я беру билет и еду по направлении Баранович, ближе к русской границе. Не доехал я верст 30 до границы, слезаю, нанимаю подводу, еду подводой до местечка Клецки, которое находилось от границы верст 9, но в которую сторону была граница, то мне неизвестно. Тогда я стал спрашивать жителей Клецка, в какую сторону здесь русская граница. Жители пытают: — на что Вам? — Я говорю, что приехал купить себе скота, но боюсь, чтобы не попасть к большевикам. Тогда мне жители показали, что вправо — 9 верст, влево — 20 верст.

Тогда я в 10 часов утра двинул в ту сторону, куда было 9 верст. Шел я помалу, боясь, чтобы не попасть на польского агента или полицию. Думаю себе: подойду ближе к границе, там у деревни расспрошу, где можно будет перейти границу.

То когда я в деревне стану говорить за русскую границу, то меня жители боялись как волка, считая меня польским агентом. То я бродил там от 10 час. утра до 7 вечера, ходил — топтал снег то взад, то вперед, но ни у кого не мог добиться, где можно перейти границу.

Все-таки на одного жителя наскочил, который мне сказал, что Вы не перейдете. Вас, говорит, убьют, что граница обведена проволокой.

Тут я и задумался, что делать: чи идти, чи не идти? Говорю: убьют, пропадешь ни за что. А снег метет, и света не видно. Тогда я решил: пойду! Говорю себе: в это время хозяин собаки не выгонит на двор, а не то, чтобы часовой стоял, — и пошел. Шел не больше часу, как смотрю вперед меня шагов 5 — проволочное заграждение.

Я тут напряг свои силы, пересигнул через проволоку, — ну, говорю, слава тебе, Господи, перебрался!

Прошел немного от границы, смотрю, огни горят. Я направился туда. Прихожу — деревня! По ней молодежь бегает из хаты в хату. Я иду вдоль деревни, встревается со мной молодежь, никто ничего не говорит. Тут я не уверен, что это большевики. Потом я заглянул в один дом, где была вечеринка, и я там услыхал слово «гражданин». Тогда я пошел смело вдоль деревни.

Вышел я за деревню — идти дальше некуда. Метель заносит мой след, и дороги не видно. Тут я стал думать, что делать. Ждать до утра, под гумном, — очень долго и холодно. Время было приблизительно 8 $^{1}/_{2}$ часов. Тогда я решил зайти

в дом жителя, немного обогреться, и, может, удастся мне побыть до утра. А рано утром встану и уйду своей дорогой. Но не так делается, как думаешь.

Я зашел к жителю. Меня принял хорошо, как прохожего человека. Смотрят на меня, стали спрашивать, откуда иду и куда. Я стал говорить, что иду из Польши, иду домой, а сам я с Кубани. Стал я его просить, нельзя у вас побыть до утра, а утром я уйду в свой путь. Хозяин мне говорит, что можно, — только я, говорит, пойду заявлю в заставу, а иначе нельзя, могу я, говорит, пострадать за вас.

Тогда я думаю: если на меня кто-нибудь будет заявлять, то пойду лучше сам.

И вот я иду, встревается мне эта застава: стоит красноармеец в буденновской шапке, в серой шинели. Окликает меня: стой! кто идет? — Я говорю: свои! — Кто свои? — Я говорю: перебежчик с Польши... Тогда он меня вводит в помещение, где помещалась застава 17-го пограничного отряда.

Красноармейцы состояли из уральских и оренбургских казаков. Обращались очень хорошо. Когда узнали, что я казак такой-то, тогда начали мне говорить: у меня брат в Польше, а у меня — дядя (уральско-оренбургский полк во время польско-большевистской войны 1920 г. перешел к полякам. Много казаков этого полка продолжает жить в Польше. — *Ред.*)

Продержали меня ночь и отправили во вторую комендатуру этого отряда. Там меня допросил начальник 2-й комендатуры, здоровый коммунист, с кривой ногой. Он отправил меня в штаб 17-го пограничного отряда в местечко Тимковичи, где я просидел в депозе три недели. Депозе называется тюрьма[1].

На допрос меня не вызывают, денег, отобранных у меня при обыске, не дают, а кормят очень и очень плохо: 1 раз в день вареная похлебка.

Потом вызывает меня на допрос судебный следователь — жид в очках.

— Ну, — говорит, — гражданин, почему вы сидели до этих пор? Почему не ехали раньше по амнистии? все хотели войны? большевики вам не нравились?.. А теперь до большевиков идете!.. Я отправлю тебя в Минск, в распоряжение Гепеу! Пусть с тобой разберутся там!

Я тут и думаю: это попал!..

На второй день после допроса гонят меня вместе с другими перебежчиками в Минск через город Слуцк. До Слуцка от местечка Тимковичи было 48 верст. Гонят пеших, а конвой конный. И за 7 часов мы очутились в Слуцке, где нас отдают в исправдом. Гнали нас очень зверско, и где меня вместе с

[1] ДПЗ — дом предварительного заключения

другими сажают в камеру холодную и мокрую, и кровати голые, на 2 человека одна. Я стал просить матрас. Мне отвечают, что у нас сидят по 5 лет и без матрасов. Кормили очень плохо. В камере можно лежать только ночью, а днем кровати поднимают, и стой целый день на ногах или садись на мокрый цементовый пол. Я стал просить надзирателя, чтобы разрешил спустить кровать, чтобы можно было немного полежать, бо, говорю, после такого большого походу у меня болят ноги. А он мне говорит, что привыкай, гражданин. И не разрешил спустить кровать. Я тут и думаю: хорошо это, а еще, наверно, лучше будет.

Но благодаря Богу побыл я там всего 3 суток. Приходит начальник тюрьмы и говорит — собирайся, сегодня тебя отправим в Минск в Гепеу.

До Минска — 185 верст. Я говорю: а как, пешком или поездом? Мне отвечают: поездом, в столыпинском вагоне.

А я не имел понятия, что такое столыпинский вагон. Слыхал и раньше, что Столыпин был во время Николая начальником полиции. Наверное, говорю, хороший вагон.

Когда приводят меня, заводят в вагон, а там решетки и клетки. Сажают меня в одну клетку и везут в Минск, как зверя в зверинец. Везли целую ночь, с вечера и до утра, и привозят в Минск.

Сдают меня в Гепеу. Там меня сажают в подвал, где я увидел арестантов, все равно как зверей. Когда меня впустили в этот подвал, то до меня бросились арестованные, як звери. Но благодаря старшине этого подвала со мной обратились ничего. Старшина был сам инженер. Узнав, что я — казак и перебежчик, то не дал с меня насмеяться.

Посидел я в Минске, в Гепеу, около 3 недель. То увидел, как прибывало туда людей со всех концов России, и наполнился я разными слухами о положении России. Одни говорят, что как бы кто-нибудь зацепил Россию, то мы, говорят, их сами тут поели бы. И какие были споры между арестованными крестьянами и коммунистами и комсомольцами! Крестьяне даже до драки доходили. Говорят, что вы у помещиков землю отобрали да коммуну посадили, а крестьянам ничего не дали. А за меня одни говорят, что домой отправят, а другие говорят, что назад в Польшу. Я тут думаю: раз попал, то сиди!

Наконец, вызывает меня следователь Гепеу на допрос. Допрашивал он неохотно. Говорит: чего же ты раньше не въехал? — А я отвечаю, что не имел средств.

— А теперь, — говорит, — есть средства, но, голубчик, поедешь назад в Польшу. Нам такой сволочи не надо. Вы едете домой бунтовать людей и делать восстания. Вы отправитесь назад в Польшу. Подпиши вот бумагу!

Я беру подписную бумагу. На тот день переводят меня из

Гепеу в тюрьму в Минске, которую называют Допр[1], где я увидел также брашку всей России. Все недовольны большевистской властью. Побыл я в Допре 4 дня. Направили меня назад в Польшу через Гомель и местечко Житковичи. Пригоняют меня в Гомель, в исправдом, и сижу я там 2 недели, дожидаю этапу на Житковичи. В Гомеле со мной обратились иначе. Тюремная шпана забрала сапоги, штаны, рубашки и золотое кольцо и говорит мне: если ты заявишь, что мы у тебя забрали, то мы тебя завтра будем хоронить. Я видел уже, как они обращаются с теми, которые заявляют, то я решил молчать, ибо убьют. В тюрьмах обращаются очень зверско.

Через 2 недели отправляют меня в местечко Житковичи, которое было 30 верст от границы. Там отдают мне мои документы и немного из моих денег и гонят пешим до границы.

Это был март месяц. Была оттепель. Скрозь вода и болото. Меня гнали с 4 час. вечера и до самого света, гнали скрозь болотом до самой последней заставы.

Там дали мне стакан чаю, и 2 красноармейца повели к границе. Приводят и говорят: вот русские посты, а там стоят польские. Иди вот так прямо, чтобы не попался польским постам.

Тут я и двинул. Шел я лесом. Скрозь вода. И думаю сам себе: вот это попал домой! Но говорю: быть так!

Вышел я из лесу, зашел в деревню, немного обогрелся и пошел на станцию. Беру билет и... даешь старое место!

И вот я побыл в России с 15 января по 11 марта. Приехал на старое место, как вам известно, куда, и там хорошего ничего не нашел. Тогда я решил и выехал во Францию, где нахожусь по сей час...

Кубанец».

Из Сибири:

«Пишу тебе и сам не уверен, дойдет это письмо до тебя или нет? Да и как-то страшно писать тебе, живущему совершенно в другом мире, чем я и многие другие твои друзья и станичники. Почему-то кажется мне, что вот вот постучатся ко мне в двери и потребуют немедленно открыть их для производства обыска, но я себя утешаю мыслью, что этого не будет, а если будет, то в комнате моей топится русская печь, и она, на случай опасности, не выдаст меня и проглотит мою жестокую правду. Так вот, друг мой, письма твои я получил, очень рад, что ты жив и здоров, учишься, чувствуешь себя свободным гражданином, все мы завидуем твоему счастью, наши, а главное, и моя в том к тебе просьба, если любишь и уважаешь нас и желаешь искренне нашей скорой встречи: не пиши больше нам.

[1] ДОПР — дом предварительных работ.

Хорошо, что мы знаем друг друга и с полуслова понимаем, поэтому к твоему особенно осторожному письму никак не могли придраться, хотя меня и вызвали со службы в отделение ГПУ, прочли мне твое письмо, расспросили о тебе и предложили мне написать тебе, что ты можешь приехать, что тебе ничего особенно не причинят, разве только немного подержат в тюрьме, а потом, как полагается, пригласят подсушиться на солнышке. Письмо мне не вернули. Я несколько дней был в панике за свою службу, но так как держат, не увольняют, по-видимому, изучают, наблюдают за мной, как бы покрепче ухватить свою жертву, чтобы больше уже ее не выпустить.

Так вот, друг мой, уже шесть лет прошло, как мы с тобой расстались, и я до сего времени продолжаю вариться в этом кошмаре. За все безбожно штрафуют. Налогами буквально задушили. Спецы все выдумывают всевозможные изыскания денежных средств и дошли до величайшей виртуозности. Недавно промелькнула в газетах заметка, что долг каждого служащего профсоюза отчислять 5% из жалования для поддержания пролетариата Индии, так жестоко угнетаемого англичанами. Англия у нашего Совнаркома поперек горла стоит. Я и все служащие обязаны каждую субботу являться вечером на лекции, где политический руководитель преподносит нам «О признании нас всеми угнетаемыми народами всего мира, а в особенности народами, находящимися в кабале Англии». «Не будь ее, мы бы давно уничтожили всю эту гидру капиталистического террора. Она всюду нам ставит спицы на нашем пути революционных завоеваний».

Недавно слушали доклад какого-то негра или араба, не знаю, кто он будет, на ломаном русском языке обращался к нам со словами: «Братья, спасите нас от угнетателей и палачей английского капитала». Доклад этот произвел на всех весьма отрадное впечатление. Все, в том числе и я, хоть на склоне своих лет посмотрели и узнали, что из себя представляют чернокожие люди. Всем было очень весело, когда докладчик постоянно повторял слова: «Братья, братья». Да он еще не выговаривал и вместо «братья» вызывал нас «бати». Один из толковых мужиков взял слово и задал угнетенному делегату вопрос: «Ведь ты, гражданин, хотя и сажей замазан, как будто бы черт из трубы вылез, и называешь нас батями, но мы в сыновья тебя не возьмем. Довольно выручать всех вас незнамо откуда. А вот мануфактура-то у нас шестой месяц как исчезла. Наверно, вас одевать всю отправили». За это говорун жестоко поплатился — он ночью же был арестован, и вот уже скоро будет другой месяц, как о нем ни слуху, ни духу. Наверно, на солнышке погреться отправили. Жена и родные за упокой души его молятся.

Жалованья я получаю 35 рублей в месяц, кое-как свожу концы с концами. Все, что имел припрятанного от «спасителей угнетаемых», продал, дальше продавать уже нечего.

Теперь опишу тебе, что случилось после вашего ухода. Не успели мы уйти, как в городе нашем часа два была мертвая тишина. Многие позакрывали ставни окон и попрятались по углам. Всем было страшно. Вдруг раздался страшный взрыв — это взорвались артиллерийские снаряды, лежавшие в вагонах, оставленных вами. Вот с этого-то момента и началась вакханалия.

Откуда-то повылезли темные личности, перевязали себя красными тряпицами, и пошла потеха. Искали, главным образом, казачьих офицеров, врагов и противников революции. Просто вламывались в квартиры со словами: «У вас спрятаны бандиты» — и искали этих бандитов по сундукам, комодам и письменным столам, и все ценные вещи забирались с собой как вещественные доказательства и имущество, оставленное белобандитами при их бегстве. С меня сняли шевровые сапоги, требовали снять и костюм, но от этого я категорически отказался. Сапоги были объявлены «офицерскими» и оказались поэтому реквизированными.

В течение нескольких дней по городу тянулись крестьянские обозы, груженные всевозможным военным обмундированием. Это обмундирование везлось со станции Тайга, где было брошено все обмундирование адмиралом Колчаком. Вагоны с интендантским добром никем не охранялись. Выставленная было вначале местная самоохрана была просто насильно разоружена и в конце концов сама примкнула к стихийному разгрому. С вагонов срывались пломбы, ломались замки, все вытаскивалось и выбрасывалось наружу со словами: «Бери, товарищи, это все ваше». И вот это «ваше» немедленно же растаскивалось и рассовывалось по саням и кошевам[1].

Через несколько дней пришли первые эшелоны Пятой советской армии, и приезжие представители власти стали наводить свои порядки по охране пролетарского благополучия. Прежде всего на одной из главных улиц в большом отеле было организовано учреждение с весьма кратким обозначением, но страшным по своим функциям. Это было ужасное Чека. В городе начались массовые аресты. Тюрьмы не хватило, для чего были реквизированы специальные подвалы, где валялись арестованные, заподозренные в замыслах против советской власти. Люди были просто натолканы в эти подвалы; мужчины, женщины и дети сидели все вместе. Первые два дня пища совершенно не давалась, только на третий день

[1] Кошева — санки на двоих с деревянным или плетеным из лозы кузовом.

стали бросать в подвалы по полфунта ржаного хлеба и холодную некипяченую воду.

Расправа шла в полном разгаре. Расстрелы, расстрелы и расстрелы... Причем о более активных деятелях советской властью объявлялось в газете «Красный стрелок».

10 февраля 1920 года вечером в квартире моей раздался сильный звонок и страшный стук в двери. Я сразу понял, что это пришли за мною. Я открыл двери сам, и на меня было наставлено сразу несколько дул револьверов, и мне был предъявлен ордер на мой арест. У меня были взяты все документы, газеты и книги. Квартира моя была вся перевернута, и после двухчасового обыска я был препровожден в губернскую тюрьму и был посажен в общую камеру. В этой камере уже сидело до 70 человек, хотя камера была предназначена в прежнее время на 25 человек. Люди валялись на каменном полу.

Среди арестованных лежало несколько человек в сильном бреду. Тиф косил арестованных. Наутро три человека были уже мертвыми. Сидевшие арестованные были до того жалкими, издерганными, что никто и не думал об обратном уже выходе из этого учреждения. По ночам являлись агенты Чеки, выстраивали всех арестованных и, проходя по фронту, внимательно всматривались в лица, что-то записывали молча в свои записные книжки и, кончив осмотр, громко говорили между собой: «Сегодня необходимо расстрелять из этой банды 15 человек. Это злостные враги угнетенного пролетариата». После этих слов они покидали нашу камеру.

Что творилось в нашей камере, описать и передать никакими словами невозможно. Всякий думал, что он является жертвой в числе 15 человек. Ночь проходила в страшном тревожном ожидании предстоящей расправы. Агенты отлично знали, какой эффект произвели они своей игрой на нервы несчастных страдальцев. Такие эксперименты под различными вариантами происходили чуть ли не каждую ночь. Люди совершенно потеряли образ человеческий, были совершенно инертны, а тиф делал свое дело. Ежедневно умирало 3-4 человека, а ряды нашей камеры пополнялись новыми жертвами.

Через пять месяцев я был вызван в приемную камеру для допроса. Меня допрашивал какой-то еврей, который, по-видимому, на военной службе никогда не был, так как он мне задавал такие странные вопросы, напр.: «Вы были добровольцем в армии Колчака? Каким батальоном командовали вы в своем отделении? Сколько у вас было рот в вашей батарее? Вы казак? Офицер? Когда вы получили чин унтер-офицерского урядника?»

После тщательных перекрестных допросов мне было предложено выдать двух человек активных деятелей антисоветско-

го строя с обещанием немедленного моего освобождения, и когда я категорически, наотрез, отказался, я был немедленно же отправлен обратно в свою камеру. Ночью пришли за мной и привели обратно к советскому следователю. Следователь мне сказал, что я через полчаса буду расстрелян, если не выдам злостных врагов советской власти. При вторичном моем отказе следователь передал какую-то бумажку моим конвоирам со словами: «Немедленно же исполнить». Меня привели в канцелярию, где прочли бумажку и спросили: «Вещи на хранении имеешь?» — и через полчаса выдали мне отобранные вещи, кроме документов, бумаг, и заявили: «Каждый день являться в ЧК для регистрации», — и я неожиданно оказался за воротами тюрьмы.

Не буду описывать тебе о моей годичной нужде, когда я без службы, еле влача жалкое существование, продавая из-под полы крестьянам свои вещи, менял их почти за бесценок, да еще в течение $8^1/_2$ месяцев ежедневно являлся в ЧК для регистрации. Наконец с меня сняли эту нравственно тяжелую пытку.

Голод, который помог большевикам укрепить свою власть в России, не особенно отразился в Сибири. Правда, хлеба стало меньше, но голодовки такой у нас не было. Мы, правда, голодали, но с голоду не умирали. Все, главным образом, страдали от отсутствия мануфактуры, ну а о сахаре, спичках, свечах и керосине, конечно, не могло быть речи. У кого были вещи еще не проданными, все перелицовывалось, перешивалось и носилось. Хорошо только были одеты партийные служащие. Военные ходили в красивых защитного цвета френчах. Комиссары — в кожаных куртках и фуражках и в красных штанах. Агенты Чеки в свободное время от своей службы были одеты с иголочки и раскатывали на автомобилях. Появился новый «капиталистический класс» особого отдела Чеки.

Жизнь нашего города совершенно замерла. Магазины были все опечатаны, рестораны закрыты, заводы стали. Появились различные «Губкожи», «Покомы», «Комбезы», и таких учреждений было бесчисленное множество, но они были доступны лишь для партийного класса, а население было предоставлено само себе.

Наконец, советские власти расклеивают всюду объявления о разрешении частной торговли, и создается, таким образом, особый класс спекулятивного направления, т. н. «нэп». Жизнь начала понемногу оживать. Снова появились лотки торгашей. Толкучки закипели, меняя старье, применяя обманы, уловки, доходя просто до обыкновенной кражи у зазевавшегося обывателя, пришедшего прицениться и купить что-нибудь для своего желудка.

Но вдруг нас постигают опять страшные репрессии, вы-

званные крупным восстанием крестьян[1] и примкнувших к ним казаков Сибирского полка. Во многих деревнях и селах были перебиты все ответственные советские работники. Отряд, высланный на усмирение взбунтовавшихся крестьян, перешел на сторону повстанцев, и с этого момента вспыхнуло восстание 3-х уездов. Повстанцы, руководимые ген. Беловым, бывшим начальником штаба Сибирской армии в 1918 году, взяли с боем город Петропавловск, где продержались в течение 2-х дней.

К этому времени советская власть подвезла крупные надежные части, состоящие исключительно из надежных коммунистов, т. н. курсантов. Это советские юнкера, из которых готовится надежный командный состав для Красной Армии. Курсанты и карательные отряды после упорного боя выбили повстанцев из города, и вот после этого началась расправа. Прежде всего арестовали все казачье население, не принимавшее никакого участия в восстании, и расстреляли каждого пятого. В нашем городе было арестовано до 800 человек, из них 317 человек куда-то было увезено и до сего времени не вернулись. Уезды, принимавшие участие в восстании, были жестоко наказаны. Там в течение недели хватали кого попало и расстреливали, конечно, без всякого суда и следствия. Многие станицы и поселки были сожжены дотла. Жители со слезами смотрели на пожарище своих родных гнезд и молча ушли в тайгу искать новых укромных пристанищ. За это восстание было выжжено 11 сел, 6 станиц и 12 поселков. По подсчетам крестьян, было расстреляно до 20 тысяч человек, совершенно не причастных к этому повстанческому движению.

На всю нашу местность наложили громаднейшую продналоговую разверстку. Просто все задыхались от этих налогов, но никто не смел пикнуть; поэтому крестьянин и наши станичники везли в город свой последний скот и продавали его за бесценок. Появление червонца стало налаживать нашу экономическую разруху. На базарах появилась масса товаров

[1] Это редчайшее свидетельство о Сибирском восстании 1921 г. Вот как характеризовал его А. Т. Твардовский (по рукописи К. Лагунова «Двадцать первый»): «...Что-то вроде пугачевского бунта у нас в 1921 г. Антоновщина, о которой у нас много писали, — не идет ни в какое сравнение с восстанием зауральских, сибирских мужиков. О нем в наших историях ни слова. И причина этого отчасти загадочна, отчасти ясна: масштабы восстания ни с чем не сравнимы. И особенности восстания таковы, что его не подведешь под знак кулацкого, эсеровского восстания, хотя и кулаки, и особенно эсеры, когда это восстание разгорелось, конечно, примкнули к нему. Но восстание против Советской власти началось как крестьянское, мужицкое и охватило огромную территорию от казахских степей (Петропавловск — это казахстанские, ишимские края. — *В. С.*) до Салехарда. Они Тобольск сорок дней держали в своих руках. Причем вооружены были в основном пиками, огнестрельного оружия было у них мало, но и с пиками они брали и захватывали пушки и пулеметы И тем уже вооружались». — Урал, 1989, № 5, с. 160.

и с ними, конечно, бесконечное множество спекулянтов. Повсюду стали открываться кооперативы. Вначале сов. правительство само начало насаждать кооперативы, для чего отпускало из казначейства значительные денежные суммы. Заведующими кооперативами назначались люди совершенно неопытные, а главная обязанность их была — пропаганда среди крестьян и казачества «о всеобщем мировом пожаре против капиталистических угнетателей». Торговля велась плохо; часто товар не попадал в руки крестьянина, а продавался из-под полы частному торговцу или спекулянту. При этом на обязанности заведующих кооперативами было собирать с крестьян подати натурой, как, например, пшеницу, картофель, рожь, ячмень, яйца, молоко, сметану, капусту и проч.; все это должно было идти на содержание детских приютов, госпиталей и больниц. На эти цели крестьянин безропотно приносил дань, но эти продукты складывались в общий склад, где они лежат по целым неделям, портятся и часто выбрасываются вон.

Крестьянина это страшно возмущало, и вот здесь-то только крестьянин решил пошевелить своими ленивыми мозгами и сказать: «Нет, так далеко не уедешь, надо самому браться за ум», — и он взялся. Крестьяне, собравшись, выбрали инициативную группу, которая и начала энергично работать и создавать крестьянские кооперативы. В правление попали люди опытные, честные, хорошо знающие свое дело. Сов. власти такая организация была не по вкусу, и они стали в правление навязывать своих партийных коммунистов. На собраниях выставленный коммунистами список целиком провалился, в правление проходили одни лишь беспартийные и хорошо известные местному населению. Такие организации — самостоятельные — вспыхнули по всей нашей Сибири.

Власти ничего не могли сделать. Тогда они издали декрет, что всякая организация может существовать лишь в том случае, если там имеются ответственные партийные работники. Крестьянину пришлось немного податься назад и сдать свои, так молниеносно захваченные позиции. В ревизионную комиссию входили два ответственных работника, но этим дела сов. власть, конечно, не поправила. В результате появилось два противника. Первый — это власть, окаймленная бесконечной цепью различных учреждений и управлений, зорко охраняемая ГПУ и опирающаяся на красноармейские штыки, и наряду с ним убогий, жалкий, почти неграмотный крестьянин, совершенно ничтожный в своем одиночестве и страшно сильный в своем единении. И вот сейчас на арене политического плацдарма разгуливают два эти врага. Правда, ходят они пока молча по этой арене, и каждый, по-видимому, выбирает и ждет удобного момента умело и ловко нанести смертельный и верный удар.

Теперь дальше перейду относительно возвращающихся с повинной эмигрантов. Въезд сюда весьма легкий, но выход почти невозможный. Расскажу случай, о котором, по-видимому, еще никто не знает. В 20-м году атаман Семенов уволил со службы казаков, достигших 40-, 42-, 43-летнего возраста, и они при оставлении г. Читы атаманом Семеновым остались в этом городе. Сов. власть приняла их сначала с распростертыми объятиями. Всех оставшихся казаков было 527 человек, из них 14 офицеров. Все они были отпущены по своим местам и жили мирной жизнью, но ровно через два года каждый получил повестку к определенному числу, к определенному часу и в определенно назначенном месте собраться. Все собрались. Их посадили в вагоны и увезли, и так этих стариков до сего времени где-то возят.

Всякого приехавшего эмигранта сначала оставляют на свободе, а по прошествии некоторого временно арестовывают, подержат немного для фильтра в течение 6-7 месяцев в тюрьме, а потом освобождают или ссылают куда-нибудь в глушь с так называемым «волчьим билетом», с которым нигде уже ни на какую службу не принимают...»

Из Парижа:

«Шесть с половиной лет прошло с тех пор, как судьба разлучила нас на боевых полях Кубани. Теперь мы встретились неожиданно среди шумной европейской столицы. Я — эмигрант, он — солидный, дышащий довольством профессор советского вуза.

Встреча была радостная. Еще бы! Товарищи по оружию в великой войне, участники перипетий в лимитрофе[1], наконец, сослуживцы на Кубани. Отправленный по службе на южный край ее, он не мог уже возвратиться к нам. Кто-то говорил, что он пошел пешком через Сухумский перевал, а другие сообщали, что погиб в горах.

Ан нет! Живой мертвец передо мною.

— Знаете, — начал он, — пришлось вытерпеть ужасно, но теперь уж ничего, слава Богу, а если бы спросили меня с год тому, когда еще был под надзором, то сказал бы, что неважно и очень неважно. Теперь же я полноправный гражданин и даже выпущен, как спец, на месяц за границу в командировку, на казенный счет.

Да, много пришлось пережить. Исполнивши на Кубани задачу, я начал пробираться к армии, вдоль фронта. Мы знали, что она отошла за реку и идет на Туапсе. Кое-как добравшись до Белореченской, я заночевал у начальника артиллерийского парка, уверившего меня, что фронт еще далеко и что спать

[1] Лимитроф — здесь государство из т. н. «санитарного кордона» на западной окраине бывшей Российской империи, включавшего Латвию, Литву, Эстонию и Финляндию.

можно спокойно. Бедняга был в тифу, с температурой 40, но выбирать было поздно, и я остался ночевать у него, в хате на краю станицы. Утром обратил мое внимание какой-то странный шум, вроде частой стрельбы. Когда же я вышел на двор, то услышал треск пулеметов и увидел, что бой идет за вокзал, — красные были тут.

Думать было нечего. Сообщив капитану приятную новость, я кинулся запрягать парную повозку. В жизни еще не занимался таким делом и не знаю уж, каким образом, но запряг ее. Взвалил туда капитана и помчался на мост через р. Белую. Пришлось огибать станицу, и вот тут-то было скверно, красные осыпали нас пулеметным огнем. Когда же мы подскакали к мосту, оказалось еще хуже, — наши были уже за рекой, зажгли мост и вели через него бой. Кони на мост не шли, пришлось их бросить, я предложил капитану бежать через пламя, но он перекрестился и бросился в реку. Вижу, дело дрянное — р. Белая бурная, и несет его здорово, а я плавать не умею, так взял и бросился через мост. Уж не помню, как его проскочил, под ногами ничего не видел от дыма и огня, и пули как-то не задели.

Вдруг слышу крики капитана: «Спасите меня», — а он к берегу-то доплыл, а выбраться из воды не может, силы оставили его. Бросил я вещевой мешок, взял капитана на плечи и потащил на опушку леса. Вот тут-то и ошибку сделал: надо бы налево, по дороге на Хадыжинку, а я пошел направо. В конце концов дотащился до какого-то хутора, оставил там больного, а сам просил показать дорогу к армии. Жители были очень любезны, вывели на дорогу и показали, куда идти, но тут-то мы увидели, как буденновская кавалерия под мостом переходит вброд и поднимается на берег. Дело было пропащее, я был в форме и даже погон с шинели не снял.

— Спасайте, — говорю, — все равно деваться некуда.

Одни начали советовать мне спрятаться под солому, другие — переодеться бабой и мазать хату, но где уж там с моей физиономией было наряжаться бабой. Невдалеке стояла группа молодежи, я подошел к ним и заявил: как хотите, но вы должны спасти меня.

— А вы бы пошли в зеленые? — спросили они.

— Отчего бы нет, мне ведь все равно.

— Ну так вот, с вами нам идти нельзя, выдали бы зеленых, так вы идите так-то, через бугор по тропинке, потом лесом, а на ручье мы сойдемся.

Я отпорол погоны и отправился в дорогу. Действительно, на ручье уже поджидал меня мальчишка.

— Идите за мной, — сказал он, и мы отправились сначала по тропинке, потом просто лесом. В конце концов остановились среди молодой поросли, и мальчишка свистнул.

Представьте мое удивление, когда вдруг елки начали ша-

таться, потом подниматься вверх и упали, а из-под них вылезли люди. Это и были «зеленые». Они в уровень с почвой сделали себе ямы, там и жили. Единственное отверстие служило и входом, и окном, и вентилятором, оно маскировалось свежей срубленной елкой.

Все это были мирные «зеленые», которые скрывались от мобилизации.

Вот в этой-то берлоге пришлось и мне прожить несколько дней. Жизнь там прямо-таки медвежья, и воздух был ужасный; так целыми днями и сидели, не вылазя. Перед вечером приходил посыльный, давал знак, что все благополучно, и мы ходили партиями подкармливаться на хутора. Все было точно регламентировано, приняты меры предосторожности, установлена сигнализация. Каждая партия знала только определенную хату и, наевшись, уходила в берлоги.

Через несколько дней «зеленые» решили сдаться, переговоры были благоприятные, но красные поставили условием, чтобы не было офицеров, а разве разберешь там, кто офицер, а кто нет: все — черные, грязные, заросшие. Только вот я выделялся — и одежда лучше сшита, и папаха на мне новая, хорошая.

Вышли мы на хутора, где нас уже ждал конвой. Окружили рабов божьих и повели в Белореченскую.

Скребло, признаться, на душе, и я был несказанно рад, когда вдруг почувствовал, как чья-то рука сняла у меня с головы папаху и надела на нее что-то, что оказалось серым вшивым гнездом, перешедшим с головы одного из конвойных на мою.

Однако это мало помогло. В станице, в штабе одной из буденновских дивизий, во мне сразу определили офицера, стащили с меня одежду и отправили к коменданту, который в это время развлекался танцами, под звуки оркестра, на площади. Сдали ему, и я должен был развлекаться тоже.

Издевались надо мной сильно, волокли к изрубленным трупам офицеров, порядком и колотили.

Когда комендант особенно увлекся каким-то замысловатым коленом, я удрал от него, и дальше началось мое мытарство. Нигде не хотели меня принять на ночлег, т. к. красные угрожали сжечь хату и перебить хозяев, если найдут кого-нибудь без документов. Наконец меня приютил какой-то грузин, живший в лачуге. У него большевики расстреляли брата-офицера, и он, нюхом почуяв, кто я, в память брата сказал, что спасет меня. И правда, благодаря его советам я добрался домой, хотя меня раз пять и арестовывали, но я всегда удирал. По прифронтовой полосе было ужасно трудно продвигаться, всюду кишело войсками, везде хватали, а вот в Екатеринодаре было ничего. Там красные в первое время «фасон держали», показывали, что и у них дисциплинированные войска. Только

все же мертво там было и голодно — базар долго не мог наладиться.

Жил я спокойно и даже получил разрешение на выезд в Петербург, закончить свое высшее образование, а то ведь я уже 10 лет был студентом, вечно что-то мешало. Но на дороге мне не повезло. За Новочеркасском меня сняли с поезда ни за что, как говорил военный контроль — «физиономия ваша что-то мне очень нравится».

Долго пришлось мне сидеть, потом был суд, и присудили меня как кубанского офицера в концентрационный лагерь до окончания войны. Приуныл было я совсем, но выручил тиф — заболел я сыпняком, и пока лечился, конечно, своими средствами да Миколой-угодником, всех уже сослали, а я выпросился отправить меня в родной город в Губчеку — для установления личности. Губчека-то и помогла, хоть и под надзор, но все же меня выпустили и доучиваться позволили.

Так вот я и кончил, а по окончании пошел работать на фабрику, тогда уже спецы очень нужны были.

Мало-помалу начало налаживаться и школьное дело, но был страшный недостаток в персонале. Профессура меня знала хорошо — еще бы, за столько лет «учения», — и я получил предложение готовиться к профессорской деятельности. Засел как следует, скоро показал свои познания и теперь, слава Богу, занимаю самостоятельную должность.

Хоть и перенес много, но выбился в люди — удачное время было в смысле устройства ученой карьеры. Теперь живу прилично — получаю 200 руб. жалованья, но т. к. на эти деньги жить трудно, то каждый из профессоров еще где-нибудь состоит в тресте или на заводе. И я имею от фабрики — 200 руб. в месяц, да часто бывают приглашения куда-нибудь на консультацию, так у нас установилась такса — 50 руб. суточных, на всем готовом. Так что в среднем зарабатываю руб. 600, а в хороший месяц и около 1000.

Спецы у нас нарасхват, и платят хорошо, даже из-за границы выписывают, потому что свои «красные инженеры и спецы» никуда не годятся, их много безработных. Это еще наследие рабфаков и периода военного коммунизма, когда в вузы совали полуграмотных ребят. Теперь уже не то, все эти режутся на конкурсных экзаменах, а если какие вне нормы и назначаются, то они не успевают. Средняя школа наша из рук вон плоха, приходится для «своих» устраивать потом особые курсы с определенным «уклоном» в сторону наиболее подходящих профессий. Только таким путем и удается определять потом по конкурсному испытанию свою, интеллигентную, молодежь в вузы.

Ну и школы мы подтянули. Сначала трудно было; как только начнешь наводить порядки, сейчас это за контрреволюцию считают, ну а теперь не то. Уже в галошах в лабора-

торию не ввалится, швейцар предложит и пальто снять, и по коврику идти, — а в свое время повоевали вдоволь.

Главное внимание сейчас обращают на электротехнику и теплотехнику, в почете и радио, в связи с выполнением нашей широкой электрификационной программы. Специалистов этого рода страшная нехватка, все нарасхват. Часто бывает, что фабрики и заводы просят рекомендовать студентов, и многие, даже второкурсники, хорошо зарабатывают.

Недавно мы завели при вузах курсы для разного рода специалистов и техников, не имеющих достаточной теоретической подготовки. Там они работают несколько месяцев и по сдаче экзамена получают диплом. Эти курсы пользуются чрезвычайною любовью монтеров и рабочих высшей квалификации и приносят несомненную пользу.

Специалисты-эмигранты, возвратившиеся в СССР, тоже недурно зарабатывают. Вообще же можно сказать, что «они» очень разборчивы с впуском вашего брата в свои палестины — людей энергичных, подготовленных, спецов своего дела они охотно принимают и дают приличные места, особенно если этого эмигранта живущие в СССР знают как работника, или если он занимал положение. Ну а так себе — мелкую сошку или там среднего человека они не хотят, таких и у самих много.

Меня прямо здесь[1] умиляет, когда солидный кадровый офицер, которого я и раньше знал в чинах, теперь студент и живет и чувствует себя по-студенчески. Меня, конечно, будут «там» расспрашивать, да я и буду должен прочитать лекции четыре о своей поездке, и я не премину это сказать там — как много эмиграция приобрела за границей. Один полковник, смеясь, даже говорил мне, что он особенно благодарен большевикам за то, что выставили его из СССР — там бы в лучшем случае коптил небо где-нибудь на границе, а теперь он окончил два высших заведения и получил ученую степень — обязательно передам это «им».

Кстати о военных — у нас они теперь совсем подтянулись, только и разница от старых, что носят ромбики и шлемы, в остальном во всем хотят быть похожими на старых офицеров. В особенности же стараются и тянутся юнкера кавалерийских школ, которые в большей части комплектуются из «подозрительного» элемента для «них».

Старые кадровые офицеры приспособились вовсю и научились вести себя лояльно в отношении властей. Особенно заметно это у генштабистов, — ведет с вами разговоры, ходит вокруг и около, а сам никогда не проговорится о том, о чем думает, хоть и видишь, что на языке у него одно, а на душе свои мысли. Несомненно, что армию они создали и сумеют

[1] В Париже

повести за собой. Я нарочно как-то ходил посмотреть на парад: совсем как и в «доброе старое время», только и разницы, что между начальством стоят и штатские фигуры — высокая власть.

Через генштабистов достаем и читаем и вашу эмигрантскую прессу. Она проходит через их разведывательные и информационные отделения, для остальных же смертных это запрещенный плод, и даже ученой профессуре не вкусить его.

Большое внимание отдается у нас украинизации, но результата удовлетворительного пока не видно, по крайней мере в больших центрах; политика эта проводится так, что не видно в ней твердого желания центра. Но как-то недавно рассылали по вузам анкеты с опросами — как профессура относится к украинизации их, как знает язык и когда сможет перейти к чтению лекций на этом языке. Ответы получились весьма неутешительные — самые лояльные не думают приступать ранее 4-х лет. Совсем весело стоит это дело на Кубани, кубанцы и здесь оказались самостийниками — желают учиться, управлять и иметь книги на своем языке. Это предмет многочисленных споров и обвинений центра в потакательстве кубанским стремлениям, разбивающим единый национальный фронт. Тем не менее буквари и книги для начальных школ уже составляются на «кубанском языке».

Екатеринодар цветет и в самом деле развивается в крупный экономический и культурный центр, зато Киев в упадке — вся тяжесть перенесена на Харьков. Одно время поговаривали перенести столицу обратно в Киев, но удержались из опасения близости границ и отдаления от центра, побаивались усиления стремлений украинцев оторваться от московского руководительства.

Харьков же вырос в столицу, расширился, украсился новыми постройками; в этом отношении у нас — «американизация», строим даже небоскребы. В особенности стараются тресты, только вот сомнительно, достроят ли, уже были случаи, когда пришлось сокращать масштаб, а то и совсем приостанавливать постройки. Тем не менее, конечно, нам очень далеко не то что до Америки, но даже и до Европы.

Забавно, что у нас там еще существуют люди, главным образом старики, которые живут как бы вне времени и пространства, признают только старый стиль, старые законы и порядки. На этой почве бывает много курьезов. Услышит такой «застывший» человек о каком-либо безобразии и возмущается — «да что же власть смотрит». Какая же власть, — отвечают ему, — ведь старой-то нет, а при новой все возможно. А он посмотрит так на нас выразительно — ерунду, мол, порешь, должна быть где-то там власть и старая...

Так вот и с церковью у нас до сих пор — у одних праздник, у других нет. В Киеве три митрополита: тихоновский, автоке-

фальный и живоцерковный, — только что-то у живцов дела неважны. Сначала с ними власти нянчились, а теперь забросили, — не оправдали надежд на сдвиг народа при помощи приспособившейся церкви, и бывает, что живец, и церковь — «живая», а службу служит по старому стилю. В станицах иначе и нельзя — жители ездили в соседнюю станицу в старую церковь, только бы в свою, захваченную «живым» попом, не ходить.

Так вот и живем среди всяких неразберих и противоречий, но нам это особенно не мешает. Мы, спецы, создали свой особый мир и в нем живем и вращаемся, в дела наши никто не вмешивается. Коммунисты в управлениях, на фабриках и заводах занимают только ответственные административные места, а в техническую часть дела не вмешиваются, даже нередки случаи, когда защищают своих спецов, даже и подозрительных, от нападений и давлений не только рабочих, но и своего брата-коммуниста. Спецу можно и вольнодумствовать.

Если вы приличный техник, то для вас обеспечено приличное существование, тогда никакие профставки и таблицы не существуют — все кроет спецставка. Спецы и взаимно поддерживают друг друга. От каждого, стремящегося на завод или техническую должность, требуют рекомендации, и существует такой уж уговор — по тому, как бывает написана рекомендация, так и относятся к человеку. Иной раз неудобно отказать, не дать, обвинили бы в небеспристрастии или недоброжелательном отношении к семитам и партийцам, ну вот и пишут так, чтобы нежелательный элемент никуда не попал...»

ГОД 1927-й.
«ЧТО-ТО НЕПОДОБНОЕ СРЕДИ ЛЮДЕЙ»

Из 1-го Донского округа, от пятнадцатилетней девочки, 20 января.

«Наши под это Рождество не резали пацана[1], как делали это раньше. Это объясняется тем, что не хватает средств, чтобы его кормить, так как папа всюду и без того должен.

Я еще одета ничего, а бедная мама, Дуся и папа ходят в лохмотьях, почти раздеты. И как посмотришь на все... Ну, да сейчас все так живут.

Я ведь вам не писала, где я учусь. Учусь я в 7 группе, или III группе во второй ступени, в И... Я села в ту же группу потому, что здесь куда выше программа, и мне учиться тяжелей.

Ты сейчас рвешься сюда к нам, в это захолустье. Я уверена, если бы ты пожила здесь с месяц, то прокляла бы все на свете. Ты пишешь, что чехи любят только своих детей, не по-

[1] Пацан — здесь: поросенок.

могают друг другу. А русские то же самое, да к тому же, что еще беднее ваших чехов. И в конце концов можно заключить: везде хорошо, где нас нету».

Мать этой девочки, на том же листе:

«Учится Феня (автор предыдущих строк. — *Ред.*) неважно — способности у нее плохие, и она плохо владеет разговорной речью. Одно только хорошо, что она на кавалеров не обращает никакого внимания, а все сидит и зубрит на квартире.

Все праздники у нас погода не холодная, то несколько градусов холода, а то и 1 градус тепла бывает. Сегодня солнышко светит, только ветер восточный холодный. Папа был в церкви, так озяб, холодно на дворе, а у нас тепло в комнате. Я ради праздника угля положила, а как лепешки или штыб[1], то не так тепло, а как потухнет, то и очень холодно бывает.

Ты знаешь Н. Н., так он стал босиком ходить по снегу и в церковь. А сегодня он, его сестра да еще три человека, один с нашего хутора, а два с хутора Х... вышли из церкви, пошли искупались в речке, босиком, без шапок, одеты, как летом, и отправились к Н. Н. Он стал молиться, бросил курить, в карты играть, пить водку. Это чудо над ним совершил какой-то портной, его зовут Петром, а он и его последователи называют отцом Арсением и считают его за святого, а последователей отца Арсения называют «арсеньевцами». Вот к этим-то арсеньевцам и принадлежат все эти люди, которые купались. У нас их порядочно, в хуторе Х. тоже их немало.

Пришла Дуся, пообедали, она пошла на собрание, а потом в клуб. Школа ставит платный спектакль, деньги пойдут на приобретение школьной библиотеки. Папа или я пойдем.

К. П. жаловался нам, что он в месяц зарабатывал уроками 250 руб., за это на него так взъелись, что он вынужден был от части уроков отказаться и теперь зарабатывает 190 руб.

Сегодня у нас мороз 21 градус...»

Письмо заканчивается строками Дуси — народной учительницы:

«Примите и от меня поздравления с пожеланием только здоровья, в котором вы все очень нуждаетесь.

Когда мы получили для Фени 20 руб. от N. N., то я разревелась, так они были необходимы нам...

Сейчас у нас идут, одна за другой, три ударные кампании: 1) хлебозаготовка, 2) крестьянский заем, 3) самообложение. Приходится очень много работать. Меня пощадили, не командировали никуда на хутор, а мои коллеги кооперированы.

На наш хутор выпало вывезти 6000 пудов (9,6 вагона вмес-

[1] Угольная крошка. Штыбом топили как в естественном виде, сильно смачивая, прежде чем сыпать в печь, так и делая из него «лепешки».

тительностью по 10000 клг. каждый) хлеба, мы ведем усиленную агитацию. Крестьянский заем понемногу распространяется, хотя результаты еще неизвестны.

Самообложение проходит у нас по решению XV партсъезда. В нашем хуторе на общем собрании граждан решили провести таковое, привлекая к денежному взносу и всех служащих. С граждан приблизительно 22% уплачиваемого налога, а с нас 25% жалованья. Средства останутся на месте и пойдут на поддержку народного хозяйства.

Милая, устала я жить, как никогда. Порою хочется, чтобы наступившая ночь была бесконечной, чтобы рассвет никогда не наступал. Рада ночи, но часто она меня не успокаивает.

В школе у меня все идет хорошо, только очень холодно, и я замерзаю. Я жду с нетерпением выигрыша на облигацию займа индустриализации, а потом крестьянского, чтобы отремонтировать свою хижину. Жду также с нетерпением весны, когда пойду бродить по нашим живописным балкам, по нашим холмам, седеющим от нежных стройных кустиков полынка. Я люблю тех, кто понимает шепот наших степей...»

С Кубани, 18 марта:

«Если бы разрешили выехать к вам на заработки, я уверен, что чуть ли не вся станица выехала бы.

К. Г. (недавний возвращенец. — Ред.) шлет тебе привет и не советует «зимой» ехать домой, т. к. здесь «холодно».

С Кубани, 20 марта:

«В последнее время приходится очень много переживать за участие в белой армии. Переживем ли...»

С Дона, из станицы Вешенской, 27 марта:

«Да вот еще новости некрасивые: в августе забрали Павла Андреевича да Ена (Иону. — *Ред.*) Канаевича, да еще из Дударевки Павла Андреевича, какой вместе с ними, и погнали тут же. Ена Канаевича забрали на третий день, а дударевского захватили еще на дороге и домой не пустили, погнали в Вешки, а потом в Миллерово в ГПУ, теперь они все сидят в тюрьме в Ростове. Шесть месяцев сидели в одиночной, а теперь сидят с народом (т. е. в общей камере. — *Ред.*).

Потом зимой забрали Кондрата Илларионовича Беланова. Он сейчас сидит в Миллерово, каждый день идет допрос. Не знаем, за что они сидят. Да еще забрали отца и Андрея Андреевича Егорова, тоже сидит в Миллерово, никто не знает, за что.

Еще с Дударевки двух человек забрали да с Базков Харлана Вас. Ермакова[1] — вы, наверно, его знаете. Евгений Алексее-

[1] Харлампий (Харлан) Васильевич Ермаков — прототип Григория Мелехова из романа М. А. Шолохова «Тихий Дон».

вич Шнырев из Чиганак пришел домой из Франции, да из Польши пришел один хутора Лиховидовского — эти пока живут дома, их не трогают.

Жизнь наша ни туда, ни сюда: налогу было порядочно. Ну, пока все прошло, теперь надо ожидать нового. Посевом занимаемся еще ничего, ну, налог осиливает, что не выкарабкаешься, а скрыть какую десятину или скотиняку ни в коем случае нельзя. Если скроешь что-нибудь, то посадят или вдвойне заплатишь, и скрывать нет смысла.

Пропишите нам, какая ваша служба и сколько получаете жалованья, и сколько времени, думаете, продлится ваша служба. Нам гребтится[1] это узнать, и мы этим храбримся здесь».

С Кубани, 5 апреля:

«В воздухе висит война. Очень хочу, чтобы слухи о войне оправдались — может быть, тогда скорее увидимся».

25 мая:

«Грабежи сильные, драки большие, тюрьмы переполнены. Частые по тюрьмам разгрузки, но скоро и наполняются.

В это время хорошо быть коммунистом: везде доступно, всем обеспечен и перед судом не страшно. Какие бы ни были преступления — будет свободным, а если и накажут, то всегда по самой легкой мере.

При выборах в Совет в нашей станице было лишено голоса до 400 человек, кулаки — кто арендовал землю и кто нанимал рабочих. Теперь у нас рабочих боятся нанимать и землю не арендуют; есть, но очень мало. Вся тяжесть налога ложится на середняка».

15 апреля:

«Не думай пока о возвращении. Здесь такая смута, без конца разоблачают всяческие монархические заговоры и всякие контрреволюции. Только и читаешь в газетах об этом».

15 апреля:

«У нас есть новый декрет, по которому все, хоть чуть имеющие политическое прошлое, лишаются земли».

Из Таганрога:

«В Таганрогской гимназии, где была церковь, устроен клуб. Михайловская церковь уже лет семь, как закрыта и разорена, на одном из куполов лежит звезда — ее хотели пристроить вместо креста, но почему-то не сделали, и она валя-

[1] Гребтится — хочется.

ется на куполе. В средине церкви живут, держат там же собак, кошек и даже свиней».

С Кубани:

«У нас и баптисты, в которые каждый год крестится несколько человек. Раскол в народе получился большой. Отрекаются от церкви, а теперь ходят в какую-то хату. Где колодезь на перепутье — не дают воды: ты, говорят, не православный...

Запрещают заходить к ним в хаты — «посвящать», мол, надо. «Посвящаются», отрекаются от церкви, плюют три раза назад, а правило одно и то же, что в церкви, то и у них.

И не только у нас в станице, но и по всей Кубани это делается — то баптисты, то живаки, то коммунисты, то православные».

С Дона:

«Внучка идет на поденную работу в наш бывший лес, хотя плата пустяковая — 35 коп. в день (т. е., 4 франка 60 сантимов по казенному курсу, а в действительности около 2 франков. — *Ред.*), но кроме заработать копейку негде. Я не буду дома, т. к. обеим уходить никак нельзя. Квартиру нельзя оставить на замке — дети воспитательного приюта такие воры, что до ужаса, замки ломают и тащат все, что понравится. Цветы «новой жизни» мы уже видим. Не дай Бог, если и плоды придется нам же кушать. Детей все прибавляется, и, конечно, вытесняют они нас, старых. Что же будет? Какие же члены общества из них выйдут? Это «хорошие» плоды нового воспитания. Бедные, несчастные дети, они ничем не виноваты, они лишь служат оружием для плохой цели — и никому до этого нет дела.

Ни дома, ни огорода нельзя оставить ни днем, ни ночью, все тащат бесцеремонно, и никто не вправе их остановить. Этот год особенно стали разорять, так как стало много уже больших, трудиться не хотят, а принуждения на них не полагается. Нас за людей не признают, много нас бездомных, и сразу нас некуда деть. Огороды нас до некоторой степени поддерживают, сами едим и если что излишек — продаем на базаре, но этот год нам не только продать, а и самим купить не хватает.

Еще у нас на горе над Доном много рабочих ломают камень, и все эти рабочие тоже воруют по огородам. У нас много картошки порыли, когда еще молодая была, есть почти нечего — подергали, ни себе, ни людям. Неужели и всюду так рабочие и вообще люди воруют, как у нас? Что-то неподобное среди людей. Как же жить дальше и что же делать остается? Наконец, может статься так, что и воровать нечего будет и все будем пухнуть с голоду. Отпадает охота трудиться.

Когда бываю на поденной работе, наблюдаю тоже печальные факты. Еще нашего возраста люди трудятся добросовестно, а молодежь плохо к труду расположена, и не дай Бог с ними работать. Всегда вспоминаю твои слова: за что, за кого мы терпим, в чем наша вина? Молодость работали, старость пришла — мы же работать, а молодежь никуда! Очень и очень редкие сносно себя держат. Люди благочестивой жизни предсказывают, что следующему поколению жизнь доживать будет еще тяжелее».

«Мой знакомый из Ростова н/Д, работающий со мной вместе на фабрике, год тому назад потерял правый глаз. Сделавшись инвалидом, пал духом и решил вернуться в Россию. О своем желании написал своему двоюродному брату, бывшему командиру роты (большевистской. — *Ред.*). Тот ответил, что разрешение на въезд выхлопочет.

На днях этот знакомый получил от своей матери из Ростова н/Д письмо такого содержания: «Сидите, пожалуйста, на одном месте, лучше пока и не двигайтесь за поисками счастья, потому что лучше вам не будет. Примите мой совет, а то будете вспоминать, да будет поздно...»

С Дона:

«Дорогой братец Кузя, у нас урожай не особо был. У меня было посеяно 10 десятин: 3 дес. жита, 7 дес. пшеницы. Набрал пшеницы 56 мешков, жита — 48 мешков, всего-всего 104 мешка хлеба.

2 пары быков, и пара бузов[1], и одна корова, и телка 3-х лет, и козу у матери взял за уголь. Есть и косилка, и плуг. Я работаю один, кошу и вожу, но пахать принимаю[2]. Нужды покуда нету, только куреня нету, а живу в каменке[3].

Дорогой братец, я налогу уплатил 34 руб. 24 коп., а страховки — 6 рублей, всего 40 рублей уплатил...»

Из ст. Есауловской:

«Родные станичники!

Вы уже знаете, что наша станица Есауловская переведена в хутор Тормасин и названа Стеньки-Разинской станицей, а поселение старой станицы названо хутором Степана Разина, Сталинградской губ. Из поселения старой станицы много жителей поушло в разные хутора ближе к полю, и там, где они жили, остались одни пустыри, так как новых построек не производится. Храм божий стоит в самом плачевном виде, весь облупился, ремонт производить не на что. Народ сильно

---

[1] Буз, бузевок — молодой бычок

[2] Пахать принимаю — то есть нанимаю работника

[3] Каменка — летняя кухня

обеднял: на 2-х хозяев одна пара быков или один бык, другая корова, и многие ездят чуть не на телятах. Служба в храме производится, и молящихся много, а на престольный день 8 ноября старого стиля Архистратига Михаила было большое стечение молящихся со всех хуторов станицы.

Председателем стика (станичного исполнительного комитета) служит Николай Хрисанф. Пономарев, казак хутора Елкина, человек неплохой, и жители сравнительно им довольны (а до этого какие служили пришлые — все исчезли). Помощниками у него Ященков и Карнаухов (иногородние). В выборах должностных лиц участвуют все, достигшие 18 лет. возраста. В хуторском совете поселения старой станицы состоит 13 человек, из них две женщины. В стике учреждено много разных отделов, в каждом отделе имеется по делопроизводителю из выростков[1], которые раньше служили в станичном правлении писцами, как, например, Герман Фил. Плешаков, Александр Сем. Загудаев и др. 3-я часть населения освобождается от продналога, потому что с них нечего взять.

Станичные леса считались государственными, а теперь отошли в общество, и лесными сторожами стали почти все казаки, до этого же объездчиками и контролерами были пришлые люди. Минувшей осенью была рубка хвороста по всем лукам[2], а зимой назначена рубка леса. Десяток хвороста стоил 2 руб. 35 коп., в десятке 40 душ. Перед общей раструской[3], которая была 25 октября, весь хворост, растущий над Доном, от рубежа Суворовской до Потемкинской станицы, на 15 саженей, не исключая всех кос, был продан, и что не могло быть продано, отдавали из половины. От продажи было выручено 1200 руб., а на наем лесных сторожей требовалось 3000 руб. — недоимка 1800 руб. должна быть взыскана с души.

Возле хут. Тормасина, на месте, принадлежавшем священному Покровскому, открыли «Школу Крестьянской Молодежи» с общежитием; 40 человек учащихся — мальчиков и девочек, из них 20 на полном пансионе, а 20 приходящих. Платят по 5 руб. в месяц. В этой школе могут быть только комсомольцы. Заведующим школой сначала был Корецкий Михаил Антонович, бывший сотник (был на о. Лемнос)[4], а затем поступил Прокофий Иванович Беляевсков, хутора Алешкина. Дом под эту школу привезен из старой станицы — здание бывшей женской школы. А дом Алексея Никандрови-

---

[1] Выросток — по официальной дореволюционной войсковой терминологии, казачок до 18 лет.

[2] Лука — лесистый мыс

[3] Раструска — жеребьевка

[4] Остров Лемнос в Эгейском море — место первого лагерного поселения казаков-эмигрантов.

ча, где была почта, увезен под школу в хут. Ольховский. Учителями в поселении старой станицы Римма Иванов. Кореньков и Илья Петр. Никулин, хутора Алешкина. Станичный хлебный магазин[1] предполагали перевезти в хут. Тормасин для постройки школы-семилетки. Разобрали, и он вот уже год в разобранном виде лежит — гниет.

На Чулковом заводе не осталось камня на камне, но теперь туда перевезли одну конюшню, бывшую под войсковыми жеребцами, и приходский дом, где жил священник Мик. Назаров, для устройства хлебной ссыпки и лесной биржи. Последняя конюшня войсковых жеребцов, которая года два лежала на боку, куплена потребиловкой (ЕКО)[2] и будет перевезена в хут. Тормасин для устройства там хлебного магазина — для ссыпки хлеба, взыскиваемого от продналога.

В Тормасине есть Оперная школа 1-й ступени. Заведующий таковой — Иван Никанд. Караичев. Начальником почты там Андрей Калин. Баулин.

Двор старого станичного правления отремонтирован О-вом Потребителей. Председатель О-ва Николай Вас. Кореньков, члены[3] Иван Яков. Кравцов и Алексей Пав. Донсков (он же бухгалтер), а ответственный приказчик Иван Ал. Чешков. Торговля бойкая, покупают хутора Потемкинской, В.-Курмоярской и Нагавской станиц. Цены на товары такие: сарпинка[4], (которой больше всего) 45—50 коп. метр, ситец, которого мало, 65—70 коп. метр; на верхнюю одежду до 3 руб. метр, и есть сукна для советских служащих до 12 руб. метр. Сахар 34 коп. фунт, керосин 5 коп. фунт, спички 15 коп. дес.

Раструска травы была такова: в Алешкинские — 28 десятков, Вилы и Большаков — 28 дес., старая станица и к ней в лесу Затонный Зимовник — 26 дес. К Вилам — Закартышная и Кабацкая, а в Алешкинским — Сладкая и Гнутов остров; в десятке по 20 душ. Из всей площади юртовой земли засевается одна 20-я часть, только до подов[5] и около, а дальше — сено косят, а еще далее растут бурьяны, до самой Цымлы, да такие, что верхового человека не видно. Участок конно-плодового табуна под хуторами Н.-Гнутовом, Воробьевом и Чикомасьином засевается хлебом, а остальные 10 тыс. десятин отошли в государство, для разводки сусликов. Вообще хлеб сеется около базов[6], за Тонкими сеют жито для самого хутора Солоного.

В августе и сентябре землемер обрезывал лесные поляны — только в лесу и только если площадь занимает не менее 3-х

---

[1] Хлебный магазин — амбар, склад.
[2] ЕКО — единое кооперативное общество.
[3] «Члены»... — правления
[4] Сарпинка — тонкая хлопчатобумажная ткань в полоску или в клетку.
[5] Поды, пады — поля.
[6] Базы — скотные дворы.

десятин. Эти поляны будут принадлежать поселению старой станицы и хутору Соцкому от Затонной до Аксайской, а Тополевая и Яковлевская — хуторам Генералову и Бирючему. Цымлянские хутора не пользуются займищной[1] травой, а лесом пользуются все хутора станицы.

В минувшем 1926 г. урожай был ниже среднего. Обработка под пад дала 40—50 пуд. с дес., а наш обычный посев озимый 10—15 пуд. с дес. и яровой между 15—25 пуд. десятина. В хуторах, расположенных вверх по р. Цымле, урожай был плохой.

Цены в станице на хлеб: рожь 75 коп. пуд, пшеница 1 руб. 20 коп.; сена, как полевые, так и луговые, неплохи были. Лето во время уборки хлеба было дождливое, и уборка была тяжела. Посев озимого начался с первых чисел августа, в период сильных дождей. Всходы озимого очень хороши были, ранний посев совершенно уклочился[2], даже колышется от ветерка, а травы в лугах были — хоть коси! Погода в октябре и ноябре стояла очень теплая, а также половину декабря, а под Новый Год выпал глубокий снег.

В хуторе Н.-Гнутовом имеется школа-семилетка, и проектируется открыть 2-ю ступень. Есть почта и потребительское общество, заведует им Михаил Стекольников (выросток); теперь хотят поставить его псаломщиком. Председателем хуторского совета Петр Тихон. Донсков (выросток). Казенные винные лавки имеются уже год в поселении старой станицы и в хут. Тормасине, а в январе сего 1927 г. открыли и в хут. Н.-Гнутовом на старом месте. Цена бутылки 40 градусов 1 руб. 16 коп.

В 20 числах сентября в Н.-Чирской ст. была выставка лошадей-приплодков, высшая ставка награды была в 20 руб.

Станицы Суворовская, Потемкинская, Нагавская и др. подлежат расформированию, а хутора их будут присоединять к другим станицам. Всего в округе предполагается оставить пять станиц.

Посылаемые из-за границы деньги выдаются на месте примерно за 250 динар 1 руб. 76 коп. Деньги доходят скоро и аккуратно.

Привет Вам, родные станичники».

С Кубани:

«В. не может послать вам карточки, это сделать нам трудно. Она раз в неделю обедает, потому что уже месяца три не служит, получает 13 руб. в месяц как безработная, дети (трое) совсем раздетые. Я Ване свои сорочки перешивала, но у меня ведь ничего нет тоже. Хлеба мы в этом году с двух десятин

---

[1] Займища — заливные луга
[2] Уклочиться — хорошо, густо куститься

набрали мало, намололи всего три чувала муки. Как проживем этот год, и не знаем.

Платок, что вы послали из-за границы, стоит здесь 60 руб. (В Париже этот платок был куплен за 19 франков. — *Ред.*)

С. тоже более месяца, как сокращен. Получает как безработный 7 руб., что это для него — на четыре души. У него, как вам известно, двое детей...»

С Дона, от большевика:

«Ваших благодетелей теперь нет на территории России — они все, вероятно, на том свете, в раю и в «земельном отделе». Они ведь здорово любили много земли, а потому им и предоставлено право быть полноправными в земле и в Черном море.

Родные пишут тебе, чтобы ты ехал домой, — если хочешь, приезжай, будет тебе вечная память, как твоему дяде Леону. Вы все, бывшие собаки, помните, что рано или поздно я вас найду и вы мне покажете всю правду. Я проверяю твои письма и письма твоих родных, мне все ясно, что ты пишешь родным, я тебе покажу, кто собака и грабитель».

Из района «станицы К.»:

«У нас 8 кур и петушок. Пацана нет, теперь нечего резать. Ко дню твоего ангела я ничего не могу подарить, а только посылаю тебе образ Божией матери, да хранит она вас от всякого зла и да поможет вам во всем.

Б. Д. предлагает У. быть групповодкой IV группы и учительницей немецкого языка — в V—VI—VII группе. Жалованье 100 руб. в месяц, а немецкий она без практики (прошло 16 лет после окончания женской гимназии) знает неважно и отказалась от него, а за группу только 50 руб., которые она и здесь получает, а у нее нет платья, одно, в котором ходит, и то постирано. Нет одеяла, и тюфяка, и полотенец, и простынь, ну, словом, ничего нет, а за Д. (ученица семилетки. — *Ред.*) за квартиру надо платить ежемесячно 20 руб., да книги и тетради каждый месяц больше 5—10 руб. Г. прислала Д. на ботинки 20 руб., и Д. купила себе ботинки и галоши за 24 руб. 35 коп.

Сейчас у нас оттепель, а то 11 декабря было у нас в хуторе 32 гр. мороза, а на станции 35 градусов. В школе 3 градуса мороза, и У. приморозила себе ноги. У Д. все есть, и одеяло, и тюфяк, и все, а у нас ничего. Ну, как нибудь справимся, переживем.

Должно быть, не придется мне вас увидеть — часто стала прихварывать. Д. не знаю, когда распустят; так слышали, что с 1 января по 10-е, а У., должно быть, не будет иметь перерыва, потому что они в ноябре отпускали детей на 2 недели, потому что корь была, и учителя сделали постановление,

чтобы не распускать детей на перерыв, и послали в район; что им ответят.

У нас была школьная перепись. Пришлось У. посидеть несколько ночей за нею. Г. живет в 7 верстах от города. Есть и жел. дорога до рудника, и ходит автобус с рудника до города. Квартира у нее (Г. — жена спеца. — *Ред.*) 4 комнаты, везде электрические лампочки и даже в кладовой, водопровод у дверей, все новое, крашеное, тепло, светло. Муж ее получает больше 200 руб. Своей дочурке ($3\ ^1/_2$) она из Ростова привезла шубку за 18 руб. Я очень рада, что Г. живет хорошо и одевается и кушает хорошо. У нее прислуга хорошая — готовит обед, и стирает, и крахмалит, и полы каждый день моет, и с детьми играет. Платит она ей 10 рублей в месяц».

Приписка У., племянницы автора предыдущих строк:

«Я занимаюсь в ликбезе, поэтому прихожу из школы, когда уже стемнеет. Я много не пишу. От моих строк всегда веет такой тоской, что я избегаю много писать».

С Дона:

«О. был недавно на 1-м государственном руднике (бывший Парамонова. — *Ред.*) и провел там около 10 дней. Он рассказывает, что там рабочих не видел пьяных. Рабочие там в праздничные дни и в свободное время ходят то в кино, то в театр, то в столовой пиво пьют.

У нас же рабочие всегда грязные, а в воскресенье такое пьянство, что ужас. При 1-м государственном руднике и театр хороший, у нас же убожество».

Из Хоперского округа:

«Зима у нас небывалая. Снега нас замучили, морозы 26—33 градуса, словом, зима не дает покою, и силы наши слабеют.

К. М. в тюрьме. Из станицы его увезли куда-то» (К. М. в 1924 г. уехал из Франции домой. — *Ред.*).

ГОД 1928-й.
«...ВСЕ ПОТЕРЯЛОСЯ И НЕ СТАЛО»

Из Черкасского округа:

«Морозы у нас стоят чертовские. У кого нет угля — страшно.

За неуплату страховки и самообложения в сумме 6 рублей у нас описали корову, оценив в 90 рублей. Пришлось продать дроги и уплатить.

Были мы в кино, слушали музыку и доклады по громкоговорителю. По радио сообщали: товарищи, везите хлеб — мы со всех сторон окружены врагами. Через 1 или 4 года война неизбежна, везите хлеб Красной Армии».

С Дона:

«Здравствуй, брат! Мы живы и здоровы, чего и тебе желаем. На днях я получил от тебя письмо с просьбой о деньгах. Я тебе послал письмо, но ты его не получил. А относительно денег Михаил Родионов обижается, не обижается, а прямо злится, говорит, что он роднее. И я закрутился, не знаю, что делать. Обожду еще.

Перед Рождеством ко мне приехала теща, а перед масляницей поеду домой. У нас там урожаи незавидные, и народ до сих пор никак не отвяжется от нужды. У Василия было две пары быков, из них один по какому-то случаю погиб. Он живет с нуждой.

На заводе мне уже надоело быть, и я подыскиваю себе службу в другом месте. Я не сам стараюсь, у меня есть близкие здесь люди, они служат во власти и за мою добросовестную работу, какую я продолжаю 5 лет, хотят за меня похлопотать на лучшее место.

Быть хлеборобом — моя мысль раздвоилась. Эта охота стала отпадать потому, что я больше стал всматриваться в жизнь хлебороба и нашел в нашу эпоху их жизнь никуда не годной, очень тяжелой и с малыми результатами.

На одно последнее письмо я ответа не получил от тебя. Всем семейством шлем тебе привет, остаемся живы и здоровы.

Твой брат».

Из 2-го Донского округа:

«У нас в округе умерли Потап Романович Федоров (агроном), Вильгельм Карпович Бушман (аптекарь), Анна Ивановна Яковлева (Гречина), Иван Григорьевич Текутов (адвокат).

Член Войскового Круга Лев Федотович Зотов, ст. Пятиизбянской, вернувшийся в 1923 г. по амнистии из Болгарии, до сих пор сидит в тюрьме. Михаил Ефимович Генералов, ст. Потемкинской, вернувшийся из Болгарии несколько лет назад, все время был на свободе, пока состоял на учете. К 1-му января 1928 г. с учета его сняли, сделали «свободным» гражданином и в начале февраля арестовали и отправили в Ростовскую тюрьму».

С Кубани:

«Получили вчера ваше письмо и вот отвечаем. Скажу, что здоровье наше пока ничего, но что касается жизни, так лучше и не спрашивай. Вы сами знаете, какова жизнь женщины без мужчины в хозяйстве, да еще для такой жизни. По поводу этой жизни я и хочу вам сказать, что жизнь никуда не годится.

Как я вам уже писала за урожай 1927 года и за разлив нашей кровной реки Кубани, за что взыскивается налог — урожай или нет, а налог выплачивай. Так вот, с нас причиталось налогу 31 руб. 43 коп., снизили 14 руб., следовательно,

платить нужно было 17 руб. 43 коп. При нашем условии жизни для нас это было много, и мы, конечно, вовремя не уплатили. Два раза делали опись имущества, а в 3-й раз приехали и взяли буфет, сказав, что если завтра не внесете таковую сумму, то буфет будет продан с торгов. Безусловно, буфет стоит дороже, поэтому нужно было его выкупить. Пошли вновь брать его, и за пропуск вновь налог на 4 руб. 50 коп.

Я и забыла написать, что у нас дают всем, хочешь или нет, не спрашивают, — облигации. Наложили всем самообложение. У кого паровые молотилки, с того по 1000 руб. Ты пишешь, чтобы мы насаживали сад. Ты не знаешь, что сейчас творится там. Подумай, восемь лет без мужчины. Будет ли в порядке что?.. Первым долгом везде нет горожи. Канавы пообваливались, ворот нет. У кого мужчина, и то нет ничего, а что касается женщины — не спрашивай. Воровство такое, что с корнем все рвут.

Ты пишешь, чтобы я не выходила замуж за мужика, а ведь не знаешь, что ребят-то казаков у нас нет. Раньше их было много, сейчас же — нет. Да за казака я и не собираюсь выходить. Выходить из-за того, что он казак! Так я скажу, что здесь казачество ничто, но самый бедный и самый грязный человек. В старое время они действительно выделялись и жили хорошо, но здесь — хуже иногородних. Иногородний здесь или служащий, или имеет в руках какое-либо мастерство, а казак — казак в стене ковыряет и лишь кое-как зарабатывает на жизнь...

Прости, что так пишу, но я тебе высказала все свое сердечное мнение.

Целую тебя.

Твоя сестренка».

«Вы спрашиваете у меня, что заставило меня бросить родные края и забраться к чертям на кулички. О многом распространяться не хочу да и нельзя. Со всего моего имущества осталось только то, что Вы мне дали в школе, т. е. маленькие познания, которыми я сейчас и кормлюсь. Найти на Кубани место писаря, или счетовода, или конторщика нашему брату-казаку совершенно невозможно. Все места, все дырки заполнены пришлым элементом, партийными коммунистами. Вы можете встретить в стансовете, в кооперативах жидов, грузин, латышей, москвичей, некоторые из них и по-русски говорить не умеют, но казаков если и найдется 1-2%, то это много.

Вы интересуетесь нашими станичными коммунистами П., К. и другими. Укусили бы теперь себя за локоть, да не достанут. Такие же отрепанные и они, как все остальные...»

«Получила Ваше письмо, очень благодарна за память и подарки. Теперь я сделаю себе совершенно необходимые при-

обретения — пару рубах и пару полотенец. Вы только не смейтесь: я не умею рассказать, как это случается, я все учитывала копейки, кушали очень скромно, а все же не могли приобретать простейших необходимых вещей. У дочери больше трех перемен белья не бывало, а у меня двух, а полотенец наволочек и пр. и совсем ни разу не покупали, ну и дождались, что все разлезлось.

Укажу некоторые цены по-нашему: мясо поприличнее 25 коп., так же баранина и свинина. Масло коровье свежее и топленое 1 руб. — 1 руб. 20, летом постное доходило до 45 коп., все фунты, фунты, а не кила. В кооперативных лавках можно было бы дешевле иметь, но надо было состоять членом-пайщиком, причем масло продавалось в одном помещении с керосином и одним лицом, так что и масло отдавало керосином, лучше было совсем отказаться.

Рыбы совсем не покупаю, она в одной цене с мясом. Яйца 75—90 коп. десяток, а перед праздниками доходили до 1 руб. 50 коп., песок-сахар фунт 25 коп., кусковой 29—30 коп., молоко 15 коп. бутылка.

Птица совсем дорога, особенно перед праздником и теперь. Гусь плохенький 1 руб. 80, чуть получше 2 руб. 20—2 руб. 50, утка 1 руб. 20—1 руб. 50, индейка 2 руб. 50—3 руб., и т. д.

А о материях и говорить нечего. Полотно и батист 1 руб. 50 метр и дороже, что-то бумажное похуже 80—90 коп., бязь — 60—62 коп. метр (8-10-12 коп. была), и теперь о бязи мечтают, как о недостижимой, потому, чтобы получить ее, надо иметь членскую книжку, а чай 10 руб., где взять? Да и пайщикам в 3 месяца дают 6—7 метров бельевого материала вообще, а к чужой книжке не пристроишься, всякий себе старается запасти, потому что материалы вырабатываются скверные и скоро рвутся.

Дочка вышла замуж, и осталась теперь я сама. Ее письмо дышит смутой, все-таки мало знает человека, да и нравы, вообще, у нас пошли очень легкие. В женитьбе тоже, как и в службе, не поручишься за завтрашний день. Я и к дочери не собираюсь переселяться. Так много пришлось видеть за это время подлого отношения не только зятьев, а и детей к родителям, что я сидеть на шее у зятя не хочу. Письма мало пишу — боюсь, что могу подвести перепиской зятя или сына под «алименты», которых вы никак не разберете, — не знаю и сама, что получится из моей жизни.

У нас, как на грех, вся зима пошла и идет сурово, а последние дни еще был сильный снежный буран, повырастали в вроде снежные стены, я больше недели носа не показывала во двор. Сегодня начало таять, и теперь, верно, будет половодье».

«Брат, ты пишешь, что тебе на наши праздники приходится работать, но теперь и у нас не поймешь, по-какому праздновать, потому что поп свое, а черт свое.

Брат, ты пишешь, скоро буду дома и заживем по-старому — из чего тебе видно, что ты скоро будешь дома? Мы так думаем в своем советском раю, что вам не быть скоро дома, потому что еще много лет пройдет, пока построим свой рай или скажем: идите и управляйте нами.

У нас сейчас идет усиленная заготовка хлеба, и помолы на мельницах производятся только два пуда на душу на месяц, а если хочешь больше смолоть, то купи облигацию выигрышного займа. Если возьмешь на 2 руб. 50 коп., то смелешь сверх нормы 10 пудов, а за 5 рублей — 25 пудов.

Ты мне советуешь зря не тратить свои силы и не работать на кого-то. Я теперь не знаю, как и жить. Налогу заплатил 140 рублей, ну, думаю, все, а теперь еще какое-то самообложение — начислили на меня 66 рублей да еще предлагают взять облигацию выигрышного крестьянского займа. Но это еще небольшая беда, если предлагают, а если так и сделают, как самообложение, то я не знаю, что народ тогда будет делать. Во-первых, что хлеба в народе хоть шаром покати, а продать на базаре скотину некому. Вольных купцов поарестовали, а покупают только товарищества, и то можно сказать, что не покупают, а обдирают: если у кого возьмут, то без денег, а деньги через месяц, а то и два, а когда придешь получать деньги, то в первую очередь возьми на десять рублей облигацию, а потом вступи членом в товарищество — тогда получай рожки да ножки, как это у нас говорят. И теперь получилось то, что нам говорили: вы раньше своему товару цену не уставляли, а теперь наоборот, вы своему товару будете сами цену уставлять; — все сказанное полетело в воздух.

В старое время с вас — говорят — косвенные налоги брали, а теперь только прямые, — так это как раз наоборот. Все одно и то же — берут и косвенные налоги, как то за водку, что стоила раньше одна «двадцатка» 50 коп., а теперь стоит 1 руб. 22 коп. Только одно изменилось, — правда, по-новому, потому что не одни монополии торгуют водкой, а еще и потребиловки, и к тому же и по прямому налогу сдерут так, что во сне полыхаешься.

С тем до свидания».

Из хутора ст. Некрасовской., 28 апреля:

«У нас большое несчастье в посевах. Озимые хлеба все повымерзли и повыгорели, степь вся черная, пожалуй, что нечего надеяться и ожидать не только озимого, но и весеннего. Сейчас дуют такие ветры, что выжигают все растения, а крыши рвет до снования и разваливает некоторые постройки.

Нет ничему спокою на земле. По-видимому, весной будет большой голод, а нашему брату-хлеборобу купить хлеба негде да и не за что.

В нашем хуторе было хлеба столько, что хватило бы для хутора на целых три неурожайных года, но вывезли все до зерна, и даже мукой по самообложению, а деньги вымогали за облигации. Пришла весна, а пахать нечем, лошади голодные не возят, падают в плугах, кормить нечем, нет половы, нет посыпки и зерна. Раскрывают крыши соломенные и загаты[1], и этим навозом кормят лошадей.

Сеять многим нечем. Народ ходит как мертвый из-за этого горя и несчастья. Озимые посевы все перепахиваются. Многие начали голодать еще до Рождества, а что дальше будет, страшно подумать.

Некрасовский казак Ефим Колыбельников скупил и вывез пшеницы около семи тысяч пудов, и деньги остались за облигации, а потом он попал на три года в тюрьму и на два года в ссылку. И много некрасовцев попало с ним же...»

«Як жылы колысь нащи батькы пры царях та царыцях, то булы и бабы у спидныцях[2]. А як стал совет, так стало и сраке свет. Просты за такое выраженье, извыняюсь».

С Дона:

«Дорогой ты наш атаман! Теперь бы тебя хоть поглядеть... Мы тут живем хорошо. Я за дочку принял зятя. Они ушли со двора — это у нас ничего.

Дом продал, живу со старухой в кухнешке, это чтобы не быть богатому. У нас всего много есть. Потребиловка на хвост... Там всего много: гвоздей, лопат, ламп, — а ты, дорогой, пришли мне хоть небольшой клочок материалу, я сошью кисет, а то не в чем носить табак...

Желаю Вам всем быть здоровыми».

«Жить трудно, хлеб дорог, мануфактуры не добьешься нигде, больше дают по карточкам «основы», и то не более 6 метров.

Если вы сообщите, что остаетесь там еще, то мы приедем к вам летом, а то умрем и не увидим. Так что пишите серьезно и подробно о нашем приезде к вам, укажите кратчайший срок, надо же, наконец, решить что нибудь, или вы к нам, или мы к вам.

Долларов совершенно у нас нет, не добьешься нигде, даже в банках. Безденежье страшное. Если кто придет с 200 рублями, то станет сразу хозяином».

---

[1] Загата — ограда, часто саманная (глина с соломой).

[2] Спидныця (*укр.*) — нижняя (исподняя) женская рубаха, сорочка.

С Кубани:

«Несмотря на то, что у нас проповедуются атеизм и безбожие во всех видах, религиозное чувство народа все же здорово. Антирелигиозное движение занимает у нас выдающееся место, этому направлению уделяется много внимания, издается специальная литература, устраиваются выступления, клубы и т. д. В нашей православной церкви произошел раскол, и само духовенство распалось на два враждебных лагеря: «тихоновщина», «живая церковь».

Я не могу разобраться основательно в принципиальных вопросах расхождения — вижу только, что злые духи в людях усилились и на партии разбились. В станице Раздольной на общем церковном собрании при обсуждении церковных дел завязался между верующими спор. Старший священник был тихоновец, а остальной причт — синодальцы. Страсти разгорелись, стали раздаваться выкрики уличного тона, на место прибыл исполком с милицией, но ничего не могли поделать: толпа шумела. Настала ночь. Дали телеграмму архиерею в Краснодар. Во избежание конфликта владыка обратился в областной исполком за содействием. В Раздольную прибыл эскадрон конной милиции, арестовал 60 чел. и под конвоем отправил в городскую тюрьму. Разобрав дело причта и мирян, окружной суд присудил священника-тихоновца и двух мирян к пяти годам тюрьмы, четырех человек сослали в Россию, остальных освободили.

В ст. Ново-Бейсугской разыгралось дело еще печальней. Тут вражда между священниками перешла в открытую драку в самой церкви. В то время, когда один священник служил вечерню и читал Евангелие на амвоне, к нему быстро подошел обиженный, быстро выхватил из-под рясы пятифунтовый молоток и нанес им тяжелый удар своему противнику в голову. Тот упал, обливаясь кровью, а преступник бросился через боковые двери в милицию, прихожане бросились догонять, но не успели — виновник сидел уже в милиции, которая его не выдала, заявив, что она не вмешивается в церковные дела. Говорят, что суд сослал этого священника в Соловки.

Расскажу еще про одну станицу. В сторожке при церкви, с разрешения священников и церковного совета, поселился регент[1]. Когда потом потребовали, чтобы регент освободил сторожку, он отказался. Никакие меры не помогали. Однажды в отсутствие регента кто-то (кто именно — точно не доказано) вымазал всю мебель и одежду регента человеческими испражнениями. Регент ушел, но предъявил к причту и церковному совету иск в сумме 600 рублей. 80 человек свидетелей прошли перед судом, развернув очень грустную картину кутежей, ухаживаний, богоотступничества, грязи, сплетней и всех

[1] Регент — дирижер церковного хора

ненормальностей больной нашей церкви. Суд продолжался четыре дня; антирелигиозные кружки проявили особый интерес к этому делу и хлопали в ладоши, священники и церковный совет признаны виновными, и с них присуждено 600 рублей. Приехавший из Усть-Лабинской благочинный уволил священника и диакона, но тихоновцы объявили новый причт еретиками и стали все ходить молиться Богу в хут. Братский, где священник — тихоновец. Там они и говеют[1], туда возили пасхи святить, там же и крестят, а в случае похорон привозят батюшку с Братского в станицу с хоругвями и иконами, он в доме совершает заупокойную панихиду, и, не ходя в церковь, несут покойника на кладбище. Если приходится проходить при этом мимо церкви, то против нее останавливаются с гробом, отпевают и несут дальше.

Хут. Братский стал центром — туда ездят на богомолье из Болгова, Александровского, Атапина и многих других хуторов. Каждая местность имеет своих тихоновцев.

Из ст. Ново-Бейсугской тихоновцы ездят в Ново-Малороссийскую, где священник тихоновец, а свою станичную церковь объявили еретической и богохульнической.

Приведу пример, показывающий резкость отношений между тихоновцами и живоцерковниками, синодальцами. У одного казака много лет жил на квартире, в стоявшей на отлете хатке, монах — убежденный тихоновец. Хозяин, посещающий свою станичную церковь, где священник синодалец, пришел на Троицу проведать своего квартиранта и принес ему просфору[2], монах отвечает: «Я не могу ее принять. — «Почему?» — спрашивает хозяин. «Она проклята». — «Как так?» — «Она была в проклятых руках...» Возмущенный резкостью монаха, старик выгнал его с квартиры.

Народ не пал, чувствует в душе Бога, воскрешает времена паломничества, хождения по святым местам. «Девятая Пятница» в станице Некрасовской за эти годы приобрела громадное значение. Раньше к этому колодцу приходило очень мало богомольцев, а теперь за живой водой идут тысячи народа. Идут сюда богомольцы с дальних станиц Ейского, Кавказского, Екатеринодарского и Майкопского отделов. В веригах[3], с посохами в руках идут старики, женщины, девушки, дети, идут в пыли, уставшие, но полные веры и надежд. Многие станицы выступают в паломничество к источнику жизни с хоругвиями и певчими, идут они через зеленеющие поля, через вишневые хутора, славословя всюду святые гимны — яко с нами Бог...

---

[1] Говеть — поститься и готовиться к причастию Святых Тайн.

[2] Просфора — белый хлебец особой формы, применяемый в богослужении.

[3] Вериги — железные цепи на теле, знак и средство покаянного умерщвления, смирения плоти

Здесь же — около колодца и в станице, в церкви — колышется людское море, приезжает сюда на богослужение лучшее духовенство из Ставрополя и Краснодара, говорятся сильные проповеди, оратор сменяет оратора... духовное насыщение пяти тысяч народа пятью хлебами. Наша станица ходила к колодцу почти вся, с певчими и хоругвями, услышать живое слово; несмотря на то, что стояла страдная пора, — степь и станица были безлюдны. Закубанские хутора и зеленчуки встречали архиерея с хлебом-солью, он благодарил за привет и потом обращался с речью: «Покайтесь, братья! Помните, что мы — люди, что вы отделены от тварей земных и небесных тем, что вам дан язык и разум. Потеряете веру в Бога — потеряете подобие человеческое» и т. д. Многие мужички плачут.

Как раз перед Девятой Пятницей град выбил буквально все юрты — Болговский, Ново-Лабинский и часть Некрасовского, а на паломников это выбитое поле произвело жуткое впечатление.

Старая традиция праздновать престолы у нас не потеряла своего значения. Каждый приход церкви собирает к своему престольному празднику пожертвования на обед, который в ограде и готовится. Несут пятаки, яйца, кур, овец, рыбаки налавливают много рыбы, жертвуют продуктами, деньгами. К престолу съезжаются богомольцы со всех соседних станиц, в ограде ставятся столы, скамьи. Сначала кормят нищих досыта, до отвала — сытым станичным борщом, круглыми пирогами и прочим, а потом уже станичники сами себя угощают, пьют горькую, едят и вспоминают за дружной трапезой своих верных сынов... После всего этого гул по станице, голоса и песни «Ей, шукаючи да атамана на раду собі!»

Так сопровождаются, по старинной обыклости, престольные праздники одинаково по всем станицам. Колокола перезвона пробуждают в памяти былое, и сердцу станет больно за себя, за свой край родной...»

Из 2-го Донского округа:

«Дорогому дружку...

С получением Вашего дорогого письма с той милой страны, в которой я проживал с любящими друзьями, уведомляю тебя, что я жив и здоров. Слава Богу, коль дышу в горькой, несчастной своей жизни в утомленных краях. Я проклял сам себя — зачем выезжал оттуда.

Замучили налоги, за все платишь. Каждый год получаешь окладные листы да извещения: 4 дес. земли — 95 руб. 55 коп., один десяток сенокоса — 7 руб. 68 коп., пара быков — 28 руб., одна корова 16 руб., две мелкого скота — 30 руб., пастухам со штуки скота 1 рубль 50 коп., с телка и свиньи по 50 коп. А потом нужна одежда, обувка; метр ситца 45 коп., кто имеет

книжку, а посторонним не дают ничего. Вот наша жизнь, не приведи Бог лихому лиходею.

Люди все — равные; не считают; что старый или женщина, все равно. Жена не слушает мужа, как чуть — расходятся. Поэтому, дорогой... я пишу тебе и говорю — не ходи домой, будешь ревом реветь, это я знаю по себе и по здешней жизни. Я живу не в избе, не на дворе, не сыт, а голоден. Работаю, как конь, нигде не упускаю: и чеботарю, и плотничаю, и кадушки сбиваю. Прошлый год ни пшеницы ни зерна не взял, и жита, а налоги плати к сроку. Не заплатишь — растет пеня, а дальше придут, оценят и продадут, а тебя в замок. Вот, дорогой мой товарищ, как!..

Посылаю тебе от души чистосердечный привет.

Пишу тебе от всего сердца — не ходи в Россию, живи там. На нас глядят не токмо что чужие люди плохо, и своя семья хуже, чем на собак. Жене подчиняюсь уже третий год. Сына женил прошлую зиму и ему подчиняюсь, и снохе, и сыновой теще — и нет терпения. Не могу выдуться. Работаю я по людям — хоть в месяц раз приду домой: не зовут обедать; и день полежишь да и уйдешь к хозяину на работу. Или на станции купишь да и покушаешь.

Через месяц или два узнаешь, где я буду...»

С Кубани:

«Эх, и жизнь у нас — лучше не говорить! Как получила письмо от младшей дочки, так даже слегла от огорчения — оказывается, она уж несколько месяцев переживала большие затруднения с домом, который у нас хотели опять отобрать: станицу перечислили в другой округ, и «власти» хотели воспользоваться случаем. Не знаю, надолго ли, но пока вопрос как будто улажен, но это вовсе не значит, что он опять не возникнет при «удобном» случае. Такое-то уж наше положение, «як той горох при дорозі, хто не хоче, той і не скубне»[1].

Кому до того дело, что я его четырнадцать лет выплачивала по грошам, во всем урезывая от жалования, думала, на старость угол будет и вроде пенсии, а вот что получилось. Нельзя ни в чем и никогда поручиться теперь за завтрашний день.

Она, бедняжка, конечно, без службы и работы. Не пишет, чем живет, чтобы спрятаться от меня со своей нуждой, только призналась, что уж очень жутко было думать, что еще и на улицу выгонят, страшится наступающей зимы.

А в довершение всего была у нас по Лабе грандиозная буря, настоящий ураган. Так здорово потрепала крышу, окна, забор, что и чинить не на что, у других же совсем хаты по-

[1] «Не скубне..» (*укр.*) — не дернет, не рванет.

разворачивало, а каких бед наделало по садам да на поле — и не описать.

Сама им ничем помочь не могу, просто страшно подумать, что бы я сама делала, не будь вашей помощи — идти под церковь с рукой, как наша полковница Р., у которой много детей за границей, не смогу, значит, ложись и помирай.

Теперь вот по слабости здоровья позволила себе роскошь — полбутылки молока в день да иногда яблоки — дешевые. Главным образом теперь на питании отдуваются арбузы и дыни, которые недороги, а я еще к тому же умею по лицу отгадывать на базаре станичана-казака, которые тоже по лицу отгадывают своих в городе — всегда уступят по совести и хорошее дадут. Вот было на днях — купила арбуз за пятак такой, за который гривенник платят, и за 8 коп. бутылку молока (10—12 коп.), да еще и такое свежее, что два дня не скислось.

Бывает, что когда в город заезжают те, кто служили у сына, так тоже привезут в подарок то муки, то пшена или еще чего, что никогда бы я не купила.

Поистине можно сказать — «казак казака видит издалека», и понимают, и помогают...»

Из Москвы:

«...Новейшее и пока хранимое в строжайшем секрете открытие: даже при хорошем урожае и при отсутствии несчастных потерь — зерно в новых самарских совхозах обойдется не дешевле трех рублей пуд, а в задонских, вероятно, еще дороже. Вам это может показаться странным: «ну, пусть обойдется, а почему сие важно?» Между тем, это не только важно — это открытие означает, что приходится признать крах в центральном пункте внутренней политики.

Надо вам сказать, что самарские и задонские степи до хлебозаготовительных неудач последнего времени считались у нас запасным фондом для особо благонадежных переселенцев. Но когда пошли неудачи с хлебом, тогда Политбюро вернулось к мыслям Ильича о хлебных фабриках. Так как в Наркомземе к хлебным фабрикам относились сдержанно и даже с усмешками, то наркомземщиков перешерстили, обновили, а в пустынные заволжские и задонские степи перебросили особо надежные кадры партийцев и техников. План создали быстро, и он казался простым: поднять в ближайший срок хотя бы 150 тысяч гектаров целинного чернозема, это даст в 1929 году урожай от 10 до 15 млн. пуд., а с таким запасом собственного социалистического зерна «мы» получим свободу маневрирования и сможем по-иному поставить вопрос о смычке с крестьянством. Когда же мы наладим социалистическое производство зерна, то вопрос о социализме в одной стране будет разрешен и подавить мелкобуржуазную стихию будет совсем легко...

Сталин чрезвычайно увлекся этим проектом. Новые совхозы стали считать первым гранитным устоем огромного здания — социалистического зернового производства. По вычислениям выходило, что в течение ближайших пяти лет «мы» сможем занять командующую высоту уже не только в индустрии, но и в сельскохозяйственном производстве. Туда, за Волгу и Дон, направили вместе с отборными кадрами работников все лучшие тракторы. Там развернулась бешеным темпом работа. Туда для посевов направили и весь наличный фонд отборнейших семян. А оттуда вот уже третий месяц летят требования: давайте волов, обработку земли нельзя вести одними тракторами, давайте коров, давайте верблюдов, давайте лошадей, свиней, овец, давайте, давайте... Каждое требование технически обосновано — комар носа не подточит. Одно неопровержимо вытекает из другого. Сначала давали, скрепя сердце. Потом стали кряхтеть. Потом явился вопрос: «Позвольте, да сколько же понадобится всего?» И вот тут оказалось, что если «мы» хотим ставить действительно хлебные фабрики, «а не черт знает что», то требуется, считая постройки и дороги, в среднем до 2000 рублей на гектар — значит, первый гранитный устой социалистического зернового производства дешевле 300 миллионов не заложить. «Позвольте, но почем же, в таком случае, обойдется пуд зерна первого урожая?» Тут уже сосчитали не вообще: «Посеем, вырастет, клади в карман доходы», а по-настоящему, как хозяева считают, и открыли, что при самых благоприятных условиях себестоимость пуда зернового урожая дешевле трех рублей не обойдется. Казенная же цена около одного рубля.

Кинулись проверять, как дело обстоит в существующих уже «старых» совхозах... Оказалось, совхозная себестоимость пуда базарной ржи колеблется от 3 до 5 руб. От этих цифр обалдели даже такие твердокаменные социалисты, как Ларин и Бухарин.

Все главные предпосылки полетели к черту. Оказалось, что хлебозаготовки являются способом отбирать у мужика зерно за половину, если не за треть производственной цены. Открылся секрет, почему мужик сокращает зерновые посевы и хлеб заменяет картошкой. Открылся и секрет аграрного переселения — страшного наплыва рабочей силы из деревень в города: иного способа покрыть убытки от полеводства население, очевидно, не имеет. Открылось, наконец, и то, что единственный сук, на котором висит социалистический сектор, это индивидуальное крестьянское хозяйство.

Теперь вы поймете, надеюсь, почему маленькое открытие, для которого понадобилось лишь четыре арифметических действия, — произвело впечатление взорвавшейся бомбы. Сторонники «социализма в одной стране» смяты, сбиты со всех позиций, Сталин оказался круглым дураком, а недостро-

енные, требующие денег, которых нет и взять негде, заволжские и задонские совхозы превратились в наглядное и вопиющее доказательство коренного просчета...»

«Не могу умолчать, что поражаюсь дешевизной ваших цен на продукты. Вы перещеголяли когда-то славившуюся Кубань, тем более, как дешевкою цен на посуду и материю, это в четыре-пять раз дешевле нашего, так, по-видимому, и во всем заводско-фабричном. Да и фрукты поражают дешевкой — у нас самая паршивая жердела была, как ваши абрикосы, а уж об абрикосах и черешне и не рисковала спрашивать, вначале она была 40, потом 20 коп. за фунт. У нас в этом году был недород на фрукты, а к тому же и неурожай благодаря длительной и холодной зиме.

С хлебом до сих пор неблагополучно, то был в продаже черный, как земля, теперь посерел, но все же полон кукурузы и ячменя, вечно от него пыхтит в животе. Выпекается ведь только один сорт, и помол только один — где ты, Кубань, со своим белым хлебом, от которого наши теперь властители, а раньше косари-«лапоточки», оторваться не могли?.. Вот по старой памяти все зерно себе и забирают, а нам «по норме» приказывают кушать смесь из отрубей, ячменя и кукурузы с самой малостью муки пшеничной.

А на франзольках не просидишь, маленькая-маленькая стоит десять копеек, ну и делишь ее уж, как лекарство, на два дня к чаю. Вообще Кубань наша так загажена, что и не узнать...

Хотела бы написать побольше, да по опыту знаю, что не дойдет до вас; как только пожалуюсь вам в письме чуть больше, так и пропадет. Потому-то вы никак не можете понять моего и мне подобных положений, а когда я пыталась разъяснить вам, так вы писем не получали. Вы все забываете, что я парий, а не пролетарка, хоть и крестьянка по происхождению, вина-то мол, что за казака-офицера пятьдесят лет назад замуж вышла, так вот потому не могу рассчитывать при своей инвалидности не только на общественную или государственную помощь, а даже и на сочувственное отношение к себе — подыхай, как собака...

Господи! и когда уже это минет линия всяких огорчений! Так давно уж она тянется, и до смерти недалеко, а и перед концом, кажется, не удастся отдохнуть телом и душой в своем одиночестве.

А еще и всегда боишься, что не дойдет письмо. Изливаешь, изливаешь душу, а оно и пропадет...»

«У нас есть один очень важный симптом, говорящий за будущее: крестьянство учится, да так, как никогда! Вот пример: открывают старшую группу трудовой школы, которая стоит

3700 руб. Это на свой счет. Родители учеников этой группы, помимо разных расходов, вносит еще по 10 руб. Словом, вещь никогда не виданная прежде в матушке России!

Крестьянство предъявляет самые серьезные требования к школе, и горе тому учителю, что прежде «неохоч к науке был».

«И все, как новая напасть у меня случится, я вам и жалуюсь — хоть так душу отвожу, здесь же вступиться за меня некому. Вот и теперь новое злоключение: зима на носу, а меня на старости лет выкидают из моего угла в девять квадратных метров. Вышло постановление — высылать «частников» из коллективных домов, а я с тех пор, как нас из родного дома в станице выжили, запряталась в городе. Дочка, моя кормилица, на службу поступила, вот и удалось нам, как служащим, поместиться в «коллективном» доме, тоже так, как и мой, национализированном.

Дали нам чулан на двоих, девять метров квадратных, по жилищной норме, темный, окно выходит в коридор, а тот напротив стены и на северную сторону, печки нет, ходить через чужую комнату, собачий ящик какой-то, а не квартира, все зимы только тем и отогревались, что все тряпье на себя надевали. Спасибо, хоть дешево — сначала рублевку в месяц платили, а потом стали набавлять, хоть бы было, за что.

Раньше-то хоть жильцы приличные были, все служащие, а потом меняться стали, пришли мастеровые, рабочие, а с ними пьянство, драки, матерщина. Как получка, так дым столбом стоит и все по нашей части — интеллигенции да казачеству прохаживаются, на детей нуль внимания, и дети так же матюкаются.

Трудно было, доносы, в суды тягали, сколько горя да неприятностей вытерпели, да слава Богу, как невинны были, так и остались. А потом дочку уволили, уехала она, и осталась я одна-одинокая, а с тем и в «частницы» перешла.

Летом платила еще трешку в месяц, а потом комитет сказал, что прибавят, соседка одна донесла, что, мол, меня дети поддерживают. Я так и думала, на осень пошла платить и рублёвку лишнюю припасла, а они с меня по 85 коп. за квадратный метр посчитали, и заплатила я за свою собачью конуру больше семи с полтиной.

— Бойтесь Бога, — говорю, — да я в месяц 12—15 рублей на все свое житье получаю, сами же контролировать можете, вся почта через ваши руки проходит...

— Не те времена теперь, чтобы Бога бояться, — отвечают, — да опять же вы и частный человек, на октябрь еще прибавка будет, всего десятку отдадите!..»

Из Франции — в Чехословакию:

«Из дома имею письма очень печальные. Супругу мою отец отделил. Досталось ей очень мало хозяйства. А хлеб раз-

делили поровну, досталось ей 6 пуд. муки, 24 пуда пшеницы и 10 пудов ячменя. Вот и ее хозяйство на двоих детей.

Пишет отец о появлении меня дома так. Вот, говорит, пришел домой И. В. Ч. (выехал в СССР осенью 1927 г. из Франции. — *Ред.*). Ихняя бахша летом недалеко от нашей, и приходилось Ивану на бахше ночевать, но он заснуть не может. Мать его караулила и целую ночь плачет — «Ваня, усни». А за дом и говорить нечего: вот и никто не трогает, наверно, сам боится».

Казак из Праги просил родных сообщить, какие песни теперь играют[1] в Хоперском округе. Отвечает девочка-подросток, сирота:

«Играют песен очень много, вот одна из них:

На заре было на зорюшке,
На заре было на утренней.
На восходе солнца ясного
Да денечка прекрасного
Сокол с орлом вместе солеталися,
Вместе с собой они здоровлялися:
— Ты скажи, орел сизокрылый молодой,
Чем русское поле разукрашено?
— Не буграми, не долинами,
А все казачьими могилами.
На могилке стоял кипарисовый крест,
Под крестом лежал разукрашенный гроб.

Эту песнь у нас часто играют на хуторе. Правду я Вам скажу: кто своих ближних и родных хоронил, тот и гроб разукрашивал, и крест становил, а нам, страдальцам, не пришлось гроб убирать и крест поставить и не пришлось на могилке поплакать, и доселя никто не ходит на эти могилки, но мы надеемся, прилетят господние небесные птички и пропоют: помяни их, Господи, когда приидешь в царствие твое».

Она же:

«Книг у нас в школе (начальной. — *Ред.*) пять: «В борьбе за лучшую жизнь», «Века и труд людей», «Вчера и завтра», «География СССР», а задачник у нас старинный. Все эти книги казенные.

С учением дело обстоит у нас неважно, потому что тема неважная — как жилось крестьянам при крепостном праве. Желала бы дальше учиться, но ученье очень плохое: то внушают, что Бога нет, то говорят, что человек от обезьяны произошел, и не велят в церковь ходить. Но я их не послушала, и отговела на 7-й неделе. Служба была очень хорошая. Ходили Христа похоронять».

[1] На Дону песни не поют — «играют».

Из письма донского казака, уехавшего в начале этого года на родину:

«Я приехал домой благополучно, пока живу дома, в кругу своего семейства, но ручушки мои не могут поднесть, потому что ничего нет, все разорилось, взяться не за что, но думаю как-нибудь привыкнуть.

Извините, что мало написал, потому что ништа не знам, како дале[1]. Пока, слава Богу, живу, а дальше, что Бог даст.

Водочки сколько хотите. Кто зажил — погуливает, но мы пока будем терпеть и без гульбы».

С Кубани:

«Здравствуй, дорогой... Ты простишь, я думаю, за мое нескольколетнее молчание. Через наших я отделывался от писания лишь одним приветом и поклоном тебе. Я думаю, ты из писем тебе пишущих сестер догадывался, почему я лично сам не писал, а теперь я сам напишу, именно почему.

Я был в Красную Армию призван и служил в Ростове, в городе тебе памятном очень хорошо. Писать из этого города, будучи красноармейцем, да еще с «лычкой», неудобно, не хотел навевать на тебя какие-либо подозрительные мысли. Кроме того, в Красной Армии политикой здорово заставляют заниматься, только, конечно, не белой, а нашей, красной. Всех получающих, даже через руки других, письма из-за границы держат в Красной Армии под лучами красного зрения.

Поэтому у нас все красноармейцы, в том числе и я, не получаем писем из-за границы, а только получаем приветы от родных или родственников и шлем свой привет нашим за границу. И пока — только. Теперь я службу отмахал и живу в станице... занимаюсь земледелием, скоро, думаю, буду иметь своих лошадей.

Мама наша уже, можно сказать, бабушкой выглядывает, но зато мы все четверо — богатыри. Все живем вместе, работаем. Вот только В. занимается политикой, и, главное, его не поймешь. Он служит в милиции пятый год, года два служил бесплатно. С самого начала службы своей он враждебно относился к коммунистам, но с комсомолками перемаргивался и был, значит, на чету свой. Последнее время стал бить морду коммунистам и говорит: «Это паразиты», — и добавляет: «Должен каждый заниматься делом, которое он умеет и любит, а милиция и красноармейцы внимание на запад и восток, все беды идут оттуда. Своим трудом мы будем сыты, со своими винтовками будем сильны и в почете».

Ты знаешь, наш отец как убежал в двадцатом году с Хвос-

[1] Ништа не знам, како дале (*сербск.*) — не знаю, что будет.

тиковым, что ли, так и до сих пор его нету и слуху. Где он? Быть может, его уже нет в живых?

Здесь все говорят о войне. Я не пойму власть — или она боится и пугает всех, или на самом деле затевает войну. Я вращался и среди нашей интеллигенции, и среди красноармейцев, среди наших казаков, и крестьян, и рабочих, то я вывел следующее заключение — воевать мало кто будет, но если на нас пойдет какая-нибудь Англия или Европа, то пойдут все. На Европу, если она на нас пойдет войной, все гамузом двинем и никого живьем не выпустим. «Нам чужого не надо, но и своего не дадим...» В общем, получится, как в 17-м году, вперед не пойдут, а кто сунется сюда, будет беспощадное наступление и восстание.

Я написал бы еще что-нибудь, но, думаю, пока довольно. Теперь я политики не боюсь, если чего там, то на Зеленчук в камыш или в горы махнем. Теперь было наводнение, есть куда в болотах спрятаться.

Как вы там да ты как поживаешь? Скоро ли думаешь домой вернуться, да вообще, что вы там делаете, собираетесь ли когда-либо вернуться сюда? Или вы уже навсегда решили там остаться?.. У нас уже неплохо. А почему не женишься?.. Э, понимаю! Какая жена потом от своих родителей захочет уезжать. Да, впрочем, наши женщины, наверное, вам больше нравятся. Свои, русские!

Пиши обо всем, за меня не бойся. Приезжай. Если там чего, все пятеро в камыши пойдем. Приезжай и ничего не бойся. Будем все вместе работать, а если там Европа сунется, все пятеро лупить пойдем.

Живы и здоровы, что и тебе желаю. Привет всем. До свидания. Пиши новости».

ГОД 1929-й.
«СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ПЕЧАЛЬНОЕ...»

«Когда получили письмо от вас, распечатали... Крест! Поднялся крик, не дочитали, позвали меньших братьев, — живут они недалеко.

В этот день в 3 часа ночи я была у заутрени, подавала просвиру о здравии Саши, а он, горемычный, давно уже в сырой земле. Сырая земля прикрыла на вечные веки крепким своим слоем нашего дорогого ненагрубного братца, безсродственного, беззащитного страдальца. Теперь не дождаться нам милого страдальца вовеки.

Пропишите нам — может быть, он в последнее время тосковал по своей родимой сторонушке, может, ему было тошно и грустно. Эта разлучница, нерусская земля Франция, разлу-

чила с нами нашего путешественника, страдальца молодого... Почему вы его не сфотографировали в гробу? Деньги — что стоило — мы бы выслали.

Этот день такой несчастный, такой печальный. Такое несчастное положение перебило всю мою энергию, и я не могу вам написать письма как следует. Спасибо вам, что вы так хорошо его похоронили и передайте всем друзьям и знакомым Сашиным спасибо от всех нас».

Мать — сыну:

«Еще раз повторяю: не скучай и не жалей, что ты не здесь. Жить в Новочеркасске очень тяжело, безработных масса, заработать трудно.

Часто писать не можем по разным причинам; вот и теперь пишу тебе, но ты мне не пиши пока. В моей жизни ничего нет интересного — работаю, и кусок хлеба достается нелегко. Ты тоже трудись и работай и будь доволен тем, что все же можешь сам заработать себе кусок хлеба».

Жена — мужу, январь:

«Праздники празднуем по старому стилю, да, кроме того, и календарей по новому стилю пока в продаже не имеется — за отсутствием, вероятно, бумаги.

Детей выбросили из школы[1] — не наших одних: повсюду прореживают. Отдали их учиться к одной учительнице, но она оказалась бывшая попадья — и ей учить запретили.

Учиться нельзя. Мастерству? Мастера избегают брать учеников, потому что как два ученика, так он уже кулак — и налог на такого мастера другой, и права голоса его лишают как «эксплуататора чужого труда»... Да если и окончишь какое-либо мастерство, то без профсоюза работы получить нельзя. Кроме того, по всем профессиям у нас организовывают артели, а не имеющие права голоса попасть в артель не могут.

Заработать почти негде, проживаем — какие были — хурдишки. Все ужасно вздорожало. С хлебом вопрос стоит не очень бойко, пшеницы совсем в продаже нет, мука однорукавка (темная, первый помол, с отрубями. — *Ред.*) от 2 руб. 50 коп. и выше, белой муки совсем нет; на мельницах в обязательном порядке подмешивали жито и ячмень. На Украине недород — туда хлеб посылают. Птицы перед праздниками на базаре было сравнительно много, но крестьяне и цену ставят немалую: все фабричные продукты стоят дорого, так и они свой товар ценят дорого.

[1] «В следующем, тридцатом, году Совнарком РСФСР принял постановление, воспрещавшее «ч и с т к у д е т е й» (разрядка наша. — *В. С.*), учащихся в первой и второй ступенях, — по социальному признаку...». — «Беднота», 2.6.30 г.

Мануфактурой торгует одна потребиловка. Привезли всего кусков 20-30, а народу было чуть ли не 500 чел., так что милиции пришлось разгонять толпу. В первую очередь дают тем, кто привозит хлеб с хуторов — их встречают с музыкой...»

С Кубани, 15 января:

«Жора! Я в настоящее время пишу тебе новости, которые не написал раньше. Прошлую зиму у нас многих арестовали на 1 мес., 3 мес. и на 6 мес., но в настоящее время их выпустили, только при таких условиях — за выкуп от 100-300-500 руб.

Среди арестованных был Е. П. Б. — бывший судья и другие должностные лица. А Федора Мат. и Якова Петровича отправили на Соловки...»

С Терека:

«Ни мужики, ни казаки, ни служащие не хотят быть коммунистами, и, наверно, к социализму их можно притянуть только веревкой, если она выдержит и не оборвется. Все ждут переворота... На днях даже казаки в станицах Зольской и Горячеводской начали почти восстание. Раскрыт был заговор, поарестовали человек 200, и, конечно, с ними расправятся умело, а остальные, несмотря на зиму, захватили оружие и поуходили в горы.

В общем, у нас в данный момент, можно сказать, мирной обстановки нет. Народ живет как-то на нервах и в ожидании еще худшего, а вся армия на военном положении. Мы и сами не знаем, что происходит в нашем Союзе. Среди казаков и мужиков только ходят слухи. Хотя у нас и допущена самокритика, но про это говорить опасно — сочтут за контрреволюционеров, а потому все молчат».

В Польшу:

«Приезжайте к нам и помогите нам, а мы поможем Вам и выгоним коммуниста, а выберем народиста, ибо коммунисты запечатывают церкви и священников за решетки хоронят, а народ отпирает церкви и священников вызволяет...»

Из рассказа донца, побывавшего на родине:

«О себе могу сказать: здоров, чувствую себя хорошо; о жизни — что она мудра, и все, что ни делается, к лучшему. Говорю это не для красного словца — жизнь и путешествие убедили меня в этом. Встряска была нам нужна, и мы ее получили. Нет оснований преувеличивать ее, не нужно петь панихиды: никто не умер и не собирается умирать. Россия жива. А вот работать нужно. «Авось», «воля Господня» — вот наши якоря, и мы все удивляемся: «почему? до сих пор?»... И пух с места без ветра не двинется, и глиняный горшок без толчка не рассыплется. Не нужно придавать особого значения словам

приезжающих «оттуда»: это народ для дела конченный — пуганая ворона и куста боится, а другие — чиновники, и только.

Я остался оптимистом. Хоть и говорят «там»: «Ну что мы можем? Мы темный, забитый народ, безоружные», — совсем как сироты казанские — а в глубине глаз, за полуопущенными веками, жуткий волчий блеск... Звериный оскал и подергивание скул говорят, что хватка будет мертвая.

Активная крестьянская часть о монархии и не думает. Подробности после».

С Кубани:

«Голод действительно надвигается, и скотину прокормить нечем, продадут быка, купят корм, а за месяц другая худоба съест все. Вот и бросают хозяйство и бегут куда попало.

Я знаю таких, которые ушли. Оставили скот, снарядье порядочным бедным казакам, а сами пошли на Мугань, в Сибирь — вернемся, мол, отдадите, а нет, так и нет, все равно пропадет.

Мука-то у нас давно 8 рублей за пуд перевалила, и что дальше будет, не знаем. Деньги наши здорово оплошали, за всякую малость платить в три-пять раз больше ее стоимости. Если вдвое — то это уже считаешь дешево, а есть и такое, что в 7—10 раз дороже, да еще ребра тебе переломают в очереди.

Я же говорил, что чувствую себя счастливым, что по старости могу одеваться в обноски, а жить на 6—8 рублей.

Недавно к нам воры забрались в коридор ночью и повыкрали посуду. Понаделали мы новых замков, крючков, позабивали стекла досками, но... все это самоутешение, лезут к другим, придут к нам и еще раз.

Хочу спросить у Вас: когда будете праздновать Рождество и день св. Николая?.. Мы-то по старому стилю, хоть и ходим по старости в «живцовскую» церковь — ближе. На весь Екатеринодар-то «тихоновская» только одна — бывший монастырь Георгиевский.

А учебные заведения и служащие совсем не будут праздновать — праздники перенесены на 21—22 января, день смерти Ленина. Религию ведь у нас совсем затаптывают, очень уж мы умны стали.

И детишек тоже обидели — елочки совсем запретили. В прошлом году хоть и запрещали рубить деревца, да в город знакомые станичане потихоньку возили, а теперь никак нельзя — штрафы большие и тюрьмой грозят. Все тоже антирелигиозное, даже в магазинах запрещено продавать елочные украшения и в витринах выставлять...»

Краснодарская студентка — брату:

«Ты не представляешь, как тяжело у меня на душе и как надоело мне жить одной. Будет ли всему этому конец?.. Ты

просишь у меня совета. Что я могу сказать тебе? Чем могу утешить тебя?..

Еще раз повторяю, что мне безумно хочется видеть тебя, но боюсь, что приезд твой сюда не принесет тебе ничего хорошего. Тебе очень трудно представить, что ждет тебя здесь. Я же уже прочувствовала все это полностью и вовсе не желаю тебе того переживать, что пришлось пережить мне.

Ведь ты там можешь учиться, там больше считаются с тобой, чем будут считаться здесь. Если же у тебя есть еще и желание окончить институт, то прежде, чем ехать сюда, распрощайся с этой мыслью. Сколько здесь без дела окончивших гимназии и оказавшихся за бортом. Ведь в высшую школу у нас попадают, как говорят, счастливцы — один из немногих.

По приезде сюда, кроме всевозможных испытаний, которые тебе придется пережить, ты заделаешься, в конце концов, каким-либо техническим рабочим. О службе и о высшей школе тебе здесь мечтать не придется. Не обижайся только на меня и не обвиняй меня в нечуткости. Наоборот, я слишком прочувствовала все то, что говорю... Мне безумно жаль тебя. Но тебе не придется жить здесь так, как об этом мечтаешь ты.

Здесь большая часть студенчества настроена так, что хотя бы сегодня уехать. Это думают местные. А ты представь себя здесь.

Если тебе обидно, что с тобой не считаются там, то что ты будешь чувствовать, когда Родина не признает тебя, а если и признает, то не как равного, а как раба?! Говорю это тебе для того, чтобы ты ясно мог представить себе, что ждет тебя здесь, и мог бы сделать выбор. Говорю страшно неприятные вещи, которые мне пришлось пережить и которые ожидают тебя. Как я боюсь этого!

...Огорчены мы сильно: Екатеринодарский Войсковой собор постановлено закрыть и передать на культурные цели. Городской совет постановил единогласно; и так собор был обобран и ободран, а теперь и совсем Бог знает что из него сделают».

После поездки в СССР:

«Проездил я по советскому царству недели с две, и надоело порядочно. Внешне был я забронирован всякими бумажными гарантиями, и ничего, помогало; только один раз наш общий друг (теперь партиец), кажется, готов был отдать меня в руки ГПУ, но я его успокоил, сказав, что влипнет сам за сношения с нами.

Он страшно ругал нашего бывшего командира за «измену и предательство родины»; о нас они знают. Видел я, между прочим, пару наших знакомых и о других спросил, все они живут неважно, только и сыты, кто в столицы попал.

А в общем там паршиво вообще и грязно в частности. Народ какой-то пошел там иной, на людей, имеющих внешне европейский вид, косится... Разница колоссальная, и не только во внешности, но и в манерах, в обращении, в образе мышления.

«Иностранец» попадется сразу.

Всех, кажущихся надежными нам из заграницы, надо проверить. Необходимо иметь в виду, что много хороших, надежных людей за последние десять лет волею-неволею превратились в гепеистов.

Жизнь тяжела, тяжела и материально, против прошлого вздорожала вдвое. На Кубани, в городах, готовятся завести хлебные карточки, а это значит для «непролетарского» люда новые лишения, т. к. они права на карточки не имеют.

Все это вызвано чрезмерным падением курса червонца и боязнью, что червонец еще будет падать, что, конечно, своевременно и сбудется.

Из пограничных государств нельзя даже посылать денег по официальному курсу, т. к. советчики не хотят ни выпускать денег, ни получать их (конечно, для частных лиц и отдельных своих граждан). А червонцы у нас в пограничье значительно дешевле их официального курса — за 10 руб. берут 80—90 чехословацких крон; официально же — 178 крон. Были времена, когда за червонец брали всего 2 доллара — 68—70 крон, но из заграницы никто не берет червонцев для пересылки в СССР, и поэтому товар этот совсем не ходкий, контрабандный.

Казачьей интеллигенции на местах существовать трудно, ее всячески выживают, и многие вынуждены служить в Центральной России или на окраинах для того, чтобы жить таксяк и помогать своим. Да и то помощь стесняется, напр., недавно было воспрещено пересылать по почте хлебные продукты, крупы и т. д., а на днях воспретили пересылку мануфактуры и галантереи не в сшитом виде, а этими видами значительно поддерживали своих «лишенцев» те, кто имел возможность как служащий получать паек».

С Дона, из ст. Усть-Медведицкой:

«Наш чудный монастырь с дивным по архитектуре собором ликвидировали, там устроили детскую колонию. Из собора хотели сделать театр, но казаки ближайших к монастырю хуторов не дали осквернить святыню. Много домов монастырских распродано, а гостиницу совсем разобрали безо всяких денег. Вообще у нас в станице дома распродаются по дешевке, от 100 до 500 рублей...

Игуменья монастыря и 40 монашек арестованы, сидят в тюрьме. Церкви Остроженскую и духовного училища закрыли, в Воскресенской церкви трех священников арестовали.

С Кубани:

«Опять у нас начались страшные времена для интеллигенции — снимают со службы, отдают под суд, ссылают. Вот N. N. еще до войны был акцизным инспектором и при большевиках оставался им восемь лет, а сейчас сняли и ведут следствие — мол, когда кубанская армия покидала Кубань, так он на два месяца ушел в горы, а потом вернулся и служил все время. Доказывай теперь, что ты боялся большевиков! Соловков не миновать бедняге.

И от сестры получила отчаянное письмо — сын, единственный кормилец, снят со службы только за то, что «бывший» человек, хотя больше восьми лет усердно служил по кооперации и адреса благодарственные получал, был безукоризненного поведения, поседел в 30 лет и нажил туберкулез. Исключат и из профсоюза, у нас это делается. Словом, волчий билет, другими словами — смертный приговор всей семье. Старик отец снят с биржи[1] по старости лет, мать — больная старуха, жена с туберкулезом и тоже без места — ее вина, что она жена «бывшего» человека. И ничего нет, и никого нет, кто бы хоть чем-нибудь поддержал. Что это будет, не знаю. У них даже мелькает мысль о коллективном самоубийстве, выхода нет. Дочь моя тоже так — бежала от нашей жизни в Забайкалье, там хоть не знают.

С сыном опять хуже — только в прошлом году восстановили в правах, а теперь опять лишили права голоса как «домохозяина» (у нас ведь домохозяева — преступный элемент). Хотя домохозяйство его всего-навсего заключается а том, что он живет в моем, к тому же национализированном и условно возвращенном, доме (чтобы не развалился). А дом совсем бездоходный, только теперь 25 руб. приносит, да и те уходят на ремонт — печи попортились, пожар был, а теперь подгнивший потолок провалился и с балками. Ведь квартиранты платили по закону — % от жалованья. Один за комнату в 42 квадр. аршина 95 коп. (брал пятак сдачи), а жалованье имел 80 руб., а доктор, занимавший зал и кабинет, — 2 руб. в месяц, а он был заведующий больницей и практику имел.

Квартиранты вселялись и выселялись сами, нас не спрашивали, а за водой все соседи к водопроводу — лужа вечно во дворе стояла, и кран обломали, а запретить нельзя — народное достояние. Я же, как «частница», платила за свои $7^1/_2$ кв. аршин — 7 руб. 50 коп., весь же мой доход (от детей) и 20—25 руб. в месяц не составлял. Так вот и живу — 8—10 руб. проедаю, остальное за квартиру, воду, лечение, почту. И не голодна, слава Богу, обед сварю из одного блюда на 3-4 дня, а так подкармливаюсь...»

[1] Имеется в виду биржа труда

С Дона, 10 февраля:

«Дорогой брат, прописал бы я вам о своей жизни, но страница мала — потому как раз бумаги не было. Рождество, Крещение и Новый Год только и ходим, что на собрания, да деньги носим: то налог, то самообложение — не то, так другое — и так все годы платим и платим. Доплатились до того, что у каждого осталось по одной паре быков.

Жизнь получшела: последний хлеб забрали, оставили только на посев, а больше ничего, ни курям, ни гусям. Сказали нам так: нехай хоть все с голоду подохнет, а нам дай — что же, говорят, вы нас на свиней заменяете?

И вот, дорогой брат, посмотри на эту страницу, которую я написал. Писать, конечно, здорово не будем — ни хвалиться, ни корить, а посуди лучше сам. Вы, наверное, получше нас развиты, я думаю, что пришлось вам развиться в чужой стране, даже на все языки.

Писал Кольцов — не разбери концов.

Ваш брат...»

Казак-красноармеец — отцу-эмигранту:

«Нас, донцов, тут очень мало, но нас учат, у нас же не лежит душа обучать кацапов.

Нас кормят на тарелочках да с вилочки, а дома все забирают. Все недовольны этой властью, кроме шершени[1], она хорошие деньги получает, ей и жить ничего».

Возвращенец — земляку:

«Помните бывшего — при Подтелкове — главнокомандующего Смирнова?.. После гражданской войны он явился в свою станицу в 1923 году. Сейчас разочаровался в коммуне — и его посадили: сидит в Царицынской тюрьме. Много и других посадили вместе с ним».

«Приехал ко мне[2] на днях мой старый приятель-чех, имел в Ростове небольшую механическую мастерскую, так, тысяч за пятнадцать рублей, еще довоенную. Разумеется, ее национализировали, а потом, как пришел НЭП, так разрешили старому хозяину работать в ней как заведующему, на зрительных началах. А артель-то там может быть не менее как из пяти душ, и обязательно коммунист должен быть в ней. Так вот и работали: все получали содержание по ставкам профсоюза, хозяину за пользование отчисляли 600 руб. в год, а излишки от заработка должны были сдавать в профсоюз, иначе никак нельзя.

---

[1] Шершень — здесь. никчемушники, пустяковые люди

[2] В Чехословакию.

Коммунист в артели был невредный, да он осенью ушел, а на его место прислали другого — комсомольца. Тот и решил выжить хозяина, а надо было под закон подвести, потому хозяин-то тоже в профсоюзе состоял, и подвели. Нашли, что он получает свои 600 руб. в год как нетрудовой доход, а следовательно, эксплуатирует чужой труд, а эксплуататор не может состоять в профсоюзе, а кто не состоит в нем, тот не может быть в артели.

Видит Франц Францевич, что дело плохо, и решил поехать домой на Мораву — поосмотреться, подыскать дело, а потом вернуться в Россию ликвидировать мастерскую, да и обратно в республику. Советы его пустили, дали паспорт на два месяца, а когда тот пошел в консульство за визой на обратный въезд, ему и сообщили: воспрещено возвратиться на Дон.

А через неделю пишут и из Ростова, что мастерскую его взяли в Машинтрест, в зачет полученных им раньше амортизационных по 600 руб. в год. Так и остался Франц Францевич не при чем — там хоть как «зав» своего же добра и мастер имел 90 руб. в месяц да 50 — «нетрудовой» аренды, а теперь ни рубля, ни работы...»

«Ты десять лет живешь вне родины, но если бы теперь глянул хоть на одну свою станицу, убежал бы куда подальше еще лет на 20. Не нужда и голодовка страшны — это ничто в сравнении с торжествующим победу хамом, глумящимся и попирающим все святое, будь то предметы и здания религиозного культа или другие сокровенные чувства людей.

Страшнее же всего то, что подрастающее поколение в своем большинстве растет совершенно без всяких нравственных принципов, впитывает в себя идеологию старых негодяев-разрушителей, охотно выполняя все обезьяньи штучки и прочие хулиганские действия по указке своих преступных главарей».

С Кубани, 28 марта:

«Добрый день, многоуважаемый братец Даниил Феодорович, за долгое и скучное время спешу сообщить, что все живы и здоровы, чего и тебе желаем, счастья, благополучия жить на белом свете. А теперь, Даниил Феодорович, буду писать или продолжать, получил и твое письмо, за которое очень и очень благодарю, в котором пишешь много новостей, как проживает народ в настоящее время за границей, и вспоминаешь родной край. Я тоже вспоминаю 10 лет тому назад вольную жизнь и все то, о чем ты говоришь, чем богаты Кубань и Дон.

В настоящее время у нас то же самое, на все большой кризис, потому что три года подряд неурожай, а хлебороб тогда богат, когда урожай. Сейчас у нас на днях весна, мы будем выезжать хлеб сеять, почти каждый хлебороб не имеет своего

зерна на посев, хоть кричи «ала», но помощь дает государство, дают на посев хлеба всем в кредит, а по осени отдай. Даниил Феодорович, я тоже осенью взял 24 пуда, озимых посеял 2 десят., сейчас беру на 4 дес. пшеницы, ячменя есть на одну десятину, 2 дес. подсолнуха, 1 дес. кукурузы, 1/2 десят. баштана. Всего думаю посеять десять с половиной десятин, на одну лошадь. Даниил Феодорович, как и тебе уже известно, что мы 8 лет жили без лошадей, но в этом году я купил себе лошадь — я знаю, что тебе это сдается странно, что одна лошадь, как это было раньше, но в настоящее время по новой жизни не тот богач, что 5 штук лошадей, а если есть всего харчей на год, то и богач. Сейчас почти каждый хозяин имеет одну лошадь, даже можно взять пример — Иван Миронович, тоже одна лошадь, который имел раньше 15 штук лошадей.

Даниил Феодорович, я просил тебя на свадьбу, но ты не мог присутствовать на моей свадьбе, это я отлично понимаю, что нам нельзя сегодня сойтись вместе и поговорить, повидать друг друга. Свадьбу я свою покончил и гулял, но о тебе вспоминал, дождемся ли мы с тобой того дня, чтобы мы сошлись, как братья, и повидались, и друг друга всегда видели, жили вместе.

А теперь, Даниил Феодорович, прими мой братский привет. Затем посылает мамаша родительское благословение, которое существует по гроб жизни, великодушный привет. А еще посылают М. Ф., Г. Ф., М. Ф., А. Ф., шлют все по низкому дорогому привету.

С тем до свидания...»

Из-под Оренбурга:

«Спешу уведомить вас, что мы живы и здоровы, чего и вам желаем — доброго здоровья и всего наилучшего в делах ваших.

К 10-летию октябрьской революции мы обжились с большевизмом, попривыкли к нему, узнали его декреты и платили только сельхозналог. Но с начала 1928 года политика резко изменилась — повернула к социализму: кроме сельхозналога, дали самообложение на 35 процентов к налоговому рублю, затем надбавку его же — смотря по оседлости хозяйства, затем крестьянский государственный заем облигациями — взамен денег — по 6 процентов годовых на три года. До этого происходила нутролизация[1], воздух, флот — все это смотря по оседлости хозяйства, дальше проходит страховка строений от пожара, посевных полей от градобития, страховка рогатого и рабочего скота от падежа — и все в обязательном порядке. Затем идут членские взносы в сельскохозяйственный кооператив 10 руб. 50 коп., в Общество потребителей — 10 руб. 50

[1] Нутролизация — индустриализация

коп., в Комитет взаимопомощи членский взнос (размер смотря по оседлости) ежегодными платежами, в союз охоты — 10 руб. 50 коп., союз рыбаков — 10 руб. 50 коп. и так далее, даром ногой не ступишь. Далее пошла государственная заготовка всего сырья — цены с рынком сильно расходились, и в кооперативы советские никто не вез. Милиция охватывала весь базар и насильно ссыпала в кредитную; ввиду этого вольный рынок аннулировался. Далее стали требовать с хлебороба зерновые излишки, не считаясь ни с какими расходами крестьянства. Куда сдал хлеб? дай документы. Сколько сеял, какой вышел урожай, какой урожай вашего соседа, но у соседа урожай один, а у меня другой.

Поощрения никому не было. Если у кого было 400 или 700 пудов, то сейчас же вывози по 86 коп. за пуд пшеницу высокой натуры на 130 золотников, а овес по 56 коп. Чуть заартачился — суд на месте, 107-я статья уголовного кодекса, хозяина лишают прав-преимуществ и на ссылку в Сибирь с конфискацией всего имущества.

Затем — частную спекуляцию; которые имели права, им дали непосильную уравниловку, а потом припечатали лавки и распродали товар. Так же поступили и с кустарями всякого рода — сперва взяли деньги, которые у них оказались во время обыска, затем описали товар, но суда им пока еще не было.

Видел я вашего родственника (он уже годами сидит в тюрьме. — *Ред.*), и он мне сообщил, что их табун здорово пополнился арестованными из округа.

За это время жизнь наша как во мраке сна: все слышится и видится новое и новое, что мы еще не переживали. С 1928 года ввели коллективную обработку земли. Братья ваши по крови уезжают на заработки на Черное море или в Семиречье, а нам деваться некуда, и приходится переживать все трудности. А что было прошлой весной? Подошла весна, а у нас ни у кого нет овса, и на приобретение его бумаг не дают, а вывоз хлеба из чужого района не разрешают. Были у нас опыты: граждане купят овса по 1 руб. 45 коп. за пуд, а у них его свалят и заплатят по 56 коп. ... Сеять заставляют больше, чем было, а само государство семенами средняку не бросается. Как выходить из положения, не знаем.

Мельницы помол на сеянку прекратили, простой размол 8 $^{1}/_{2}$ фунтов зерном на пуд. Нанимать в пастухи можно только профсоюзников, а они не в курсе нашего дела. Пасут только семь часов в сутки и ночного караула на себя не принимают, а ставка им 25 руб. в месяц да спецодежда и страхование (13 коп. с рубля) с хозяина, а за праздничные дни особая плата по 80 коп. в день...

До свидания. Пиши.

Ваш дядя, известный вам».

С Кубани, апрель:

«Теперь вот у нас опять началась музыка — с конца марта начали выдавать карточки на хлеб, а с первого апреля получаем по ним 1 фунт в день на человека. Фунта-то я не съем, да лишь бы доброкачественный был да не стоять бы за ним в очереди до изнеможения. Бывало, в прошлом году добьюсь хлеба, принесу да и брошу его, а сама еле до постели доберусь, больная стану, какая тут еда. Года два назад был у нас хлеб ржаной — 3 коп. фунт, пеклеванный[1] — 4, а с прошлогодней весенней голодовки — 6—7 коп. Тогда до нового урожая бегали, высунувши язык, по пекарням, в очередях по несколько часов торчали, а хлеб получали цветом-то похожий, а вкус — унеси ты мое горе, со всякими отбросами. Я чуть было катарра с ним не нажила, да благо вскоре появились благодетели — армяне, с каким-то хоть и серым, и дорогим, но пшеничным хлебом, и я стала у них покупать и избавилась от болей.

Теперь вот, чтобы выхлопотать себе хлебную книжку, я потратила два дня. Если бы не удостоверение племянницы, что на ее иждивении состою, так и не дали бы; как знаешь, так и кормись, неорганизованная масса, хоть бы тебе в субботу сто лет кончалось, а мне уже до них и недалеко. Сперва простояла в очередях семь часов, и из-за пустяковой формалистики не дали, пришла разбитая совсем, думала, что на другой день и не выйду, а 31-го был последний день — не получить, значит, апрель без хлеба, а там смотри еще какая-нибудь формальность. Но на второй день мне повезло, простояла с утра до 4-х и получила книжку, но тоже пришла хороша — руки, ноги дрожат, голова от крика разболелась. Почки и селезенка, верно, от стояния долгого разболелись, ноги застыли на мокром тротуаре стоявши, хоть и тепло одеты были; и хоть с утра ничего не ела, все же не могла есть, а прежде легла отдохнуть. Так-то вот теперь достается на Кубани хлеб.

А пока еще в продаже у частников есть хлеб, так решила, что буду есть по $^1/_2$ в день, а в очередях стоять не буду.

Теперь еще новость — исчез из продажи сахар. Я поймала себе 2 кило «с нагрузкой» двух коробок по $^1/_2$ фунта препоганого кофе за 6 руб. фунт, счастливый случай представился, ну, хоть теперь пародию на настоящий кофе пить буду, а то и такого не было — ячменным пробавлялись. Взяла бы и больше, да не было, думала, на следующий день захвачу где-нибудь еще, сунулась потом, да уже и не было, исчез и у частников, верно, расхватали, а в «основах» дают только по книжкам, а я таковой не имею.

---

[1] Пеклеванный, пеклеванник — ржаной хлеб улучшенного качества, из мелко размолотой, хорошо просеянной муки

Говорят, что будто это временное затруднение, а черт его знает, у нас всегда так, что временное тянется очень подолгу. На месяц обеспечена, а там видно будет. Так и живем теперь — хватай, лови (мануфактуру, кожу, которых сейчас и совсем нет), как собака».

Из Оренбуржья:

«Во время встречи Святой Пасхи, когда отблаговестили к утрени и началось богослужение и пошли вокруг храма с плащаницей и иконами — в это время с улицы через ограду комсомольцы стали бросать камнями в духовную процессию и в народ, чтобы нарушить церковное богослужение. Но народ нисколько не колебался, а, напротив, стал больше прибывать в церковь. Было вышиблено в алтаре окно. Но комсомольцы не унялись этим и зажгли станицу. Первой загорелась квартира диакона. В поле, в четырех верстах от речки, был сложен хлеб немолоченый у казаков. Был сорганизован поджог хлеба в девяти местах для того только, чтобы нарушить богослужение. Но народ из церкви не вышел на пожар, храм был переполнен людьми.

В станице сгорело семь домов, а хлеба в поле на несколько тысяч, все у разных лиц, зажиточных казаков. Руководили поджогами сыновья казаков N. N. ..., которые всегда занимались воровством и пьянством.

Так мы встретили Светлое Христово Воскресение.

...Большевики жмут в артели и кооперации, в которой пользуются только те, которые взносят членский взнос по 50 рублей, а кто не вкладчик — тому ничего не дают и купить никак невозможно.

Хулиганам дают самую лучшую землю — где захочет, и ближе к станице, хотя они ее и не обрабатывают. А кто с ними не якшайничает — езжай дальше от станицы. Поле лежит, как море, необработанное, покрылось бурьяном и ковылем, а трогать не смей. Такова власть.

То же делается и в других станицах. Люди в большом упадке духа. Замухортели совсем. Ходят, как больные, и не знают, что делать. На жизнь прямо бы глаза не глядели, хоть беги, но куда побежишь?..»

С Хопра:

I

«Дорогой папаня! Жизнь наша незавидна — даже и писать вам очень стыдно. Что творится у нашей власти? Одне лишь страсти! Такой налог — весь народ занемог. Когда пишется раскладка, все мило и очень гладко, а в уплате — касается

наших платьев. Избави Бог попасть в тот черед — натерпишься, страсть!..

Ваша помога исковеркала план нашего хозяйства немного. И неудобно мне это сказать, что нужно прекратить нам писать: через наши переписки нарастают хлебные излишки, а на кого наложат выполнить излишки — плохи того делишки.

Чтобы от налогу не страдать, спешим скотинку всю продать. Если успеем и все сбудем, тогда спокойнее будем. А сейчас как ни плачь, не миновать нам общий калач.

Что ж писать? Никаких нет анекдот, т. к. занят пышкой рот. Когда пышку прожую да денька два проживу, вот тогда и напишу, ни крошки не сбрешу.

II

Дорогой папаня! Живем мы здесь очень тяжко, а особенно в тот день, когда святили пасхи. Святили пасхи не так, как в безопаске: когда шло пасхоокропленье, то с горы в нас бросали каменья. Это проделали русские комсомольцы — еврейские богомольцы.

Жизнь наша не совсем благополучна, так как не ноне, так завтра будем все в куче: собирают нас всех в коммуну, куда ни под каким видом не уговоришь нашу мамуню. Едим через два дня на третий — таковы у нас обычаи, чтобы не выходить у товарищей из приличия.

Относительно нашего совету? Лучше на свете нету! Что касается нашей власти, то живем мы не так-то без страсти. Собрания у нас часто бывают, но граждане на них редко бывают, ибо их к дверям прибивают[1]. Значит, этому быть, что полхутора не стало говорить. А когда стало много без избирательных прав, то и председателя могли выбрать не под наш нрав.

Председатель райсовета нашего Фолимонов — чисто царь Парамонов. В кабинете, что в палате, бархатный диван, плетеные кресла. На столе у него разные бумажки — чтобы не было какой промашки. На стенах разные афишки: «Как завести хороший скот», как сполна получить недород, а самое главное: «Сдавай хлебные излишки». По углам всевозможная плакада[2] — как будто так и надо. Есть плакада крепостных прав, совсем под его нрав: хоть плетью не сечет, но с живого кожу всю сдерет.

Берут у граждан, что попадает на глаза, даже описать нельзя. Берут коров, быков — говорят: урезываем кулаков. И на старости лет пришлось держать такой строгий ответ. Не открывайте щедрую руку, ибо тем надеваете на нас муку.

---

[1] Списки лишенных прав («лишенцев») прибивались к стенам и дверям
[2] Плакада — плакаты.

Описанию наших новостей нету и конца, а покудова извините и на этом молодца».

С Терека:

«Вот вы все посмеиваетесь надо мной, а как, например, посмотрите вы на такой случай. Есть у нас квартирантка-учительница: сама она самого чистого пролетарского происхождения — отец рабочий и сейчас еще служит на заводе. Училась она здесь на медные гроши в учительской семинарии, способная была, а потом поехала доучиваться в институт, в Россию, не кончила, правда, и начала опять учительствовать. В 19-м году вышла замуж за учителя тоже, которому пришлось в 17-м году быть мобилизованным и получить чин прапорщика. В 20-м году его снова потребовали, да так о нем с тех пор ничего и не знает. Оставил ее беременной, а сам или погиб, или бросил, а она теперь отвечать должна, за что — неизвестно.

Теперь при чистке поставили ей в вину, что была замужем за офицером; бедняга убита совершенно, просит пересмотреть дело. Ей даже в вину поставлено, что училась в «семинарии». Одна умница из комиссии никак не могла уяснить себе «учительскую», а все твердила «поповская». Что выйдет, неизвестно. Недаром иронизируют у нас, что беда, если бабушка была влюблена в попа или купца, а уж не дай Бог офицер ей приглянулся, совсем пропащее дело для внучат...»

«Вы там живете по-старому и ничего не знаете нового, вы против нас теперь барашки, а нас каждый день и час учат жить по-новому. Так научили, как один ученый человек научил собаку кушать горчицу. Пришел он на собрание и говорит: а что, товарищи, собака может горчицу есть? Все засмеялись: конечно, нет! — Вы говорите — нет, а я заставлю, и она будет есть: я ей напихаю в зад горчицы, и она не то что будет кушать, а даже все вылижет. Товарищи грахнули и сказали: ты прав.

Вот и мы сейчас находимся в такой школе. Покупаем охотно облигации внутреннего займа, везем последнее зерно хлеба в государственные ссыпки, продаем последнюю скотину и берем облигации — помогаем своему дорогому государству, которое мы так любим. Словом, дело все идет в порядке...»

С Кубани:

«Возвращенцам живется ужасно плохо, по приезде они сразу же попадают под опросы и на черную доску. Работы им никакой не дают, и никто из знакомых не имеет права рекомендовать. Ты сиди, а время придет — всех попросим, как Рюрика и других звали наши предки.

В Белоглинке убит комиссар, арестовали 40 человек. В Ильинке безбожники хотели спалить церковь, но их поймали.

Река Белая и Лаба выступили из берегов и начали купать по домам сонных. Все это суждено от Бога, и это будет до тех пор, пока русский народ не покается в своих грехах.

Думаю, что вы все же там будете праздновать Праздник Покрова — разреши поздравить не только тебя, а и всех твоих близких и Войскового Атамана, который, наверное, для тебя он ближе и роднее нас всех, говоря чистую правду».

29 мая:

«Хлеб в степи пропал — озимый вымерз от морозов, а яровой погиб от засухи. Пшеница у меня погибла, нет ничего, самой бурьян. Если не будет скоро дождя, ячмень тоже погибнет. Придется голодать. Старого хлеба хватит еще месяца на три, придется идти куда-нибудь зарабатывать кусок хлеба.

...Была у нас вольная скачка. На рубке лозы первый приз получил казак, лишенный права голоса, и ему выдать приз отказали.

Привет всем казакам, которые ушли от нас».

21 июля:

«Если в ответ на Ваш вопрос я напишу Вам, что живем мы хорошо или плохо, то думаю, что это Вас не удовлетворит, а потому лучше просто приведу факты, которые совершаются в советской жизни. Не подумайте, что таковые происходят каким-нибудь нелегальным путем — нет, наоборот, творятся они при строгом законном порядке административной властью.

Вот, например, ЦИК потребовал от соседней станицы державный налог хлебом в пользу кого-то. К сожалению, хлеба у граждан не только лишнего, но и насущного у многих нет. В первой половине мая станичный исполком приступил к исполнению приказа центральной власти и потребовал от граждан хлеб. Три четверти граждан ответило: у нас хлеба нет. Чтобы выполнить к сроку приказ ЦИКа, местная власть разделила подвластных по категориям: кулаки, средняки, бедняки, бездомники, — и постановила разложить весь налог на кулаков и средняков, но, увы, и из них далеко не все были в состоянии уплатить налог.

Тогда власть приступила к реквизиции, вместо хлеба, скота в пятикратном размере; если у кого не хватало скота, составлялась опись имуществу, какое нравилось властям... У ... взяли 15 овец, 3 лошади, 2 пары волов, корову, 4 штуки гулевого скота, а когда и того оказалось недостаточно — взяли еще припашник, садилку, косилку, возилку, забрали хомуты с разводом[1], из дома взяли комод, зеркало и кое-что из одежи,

[1] Припашник — плуг Садилка — сеялка Развод — раздвижная повозка.

оставив лишь дом, амбар, сарай и конюшню, одну корову, одну лошадь, 4 овцы и больше ничего, да еще и заявили, что, если останешься недоволен, отберем и все остальное, потому что ты кулак, а кулаков мы раскулачиваем.

Такой случай постиг не одного хозяина. У ... взяли 70 овец, 7 штук гулевого скота, жеребца, корову с телком и кузню, из дома взяли полушубок, пальто, у снохи шубу, 6 стульев. Так как других подходящих вещей не нашлось, то тем и кончили, но предупредили бывшего владельца вещей: дом пока оставляем тебе, но если он потребуется нам, отберем, потому что ты состоишь на точке кулаков, а их всего в станице оказалось лишь 27 человек — вот мы их теперь и раскулачиваем...»

С Дона, 14 августа:

«Ваше письмо от 30/VII получил. Конечно, было вскрыто цензурой в Харькове. Письму Вашему очень обрадовался, хотя уже две недели назад знал, что мое первое письмо из Ростова Вами получено. В. прислал письмо сестре, где передал и мне привет, сообщив, что ты, В., ему писал обо мне. Черт возьми, какая цепочка через всю Европу!

Теперь про обстановку. Сначала скажу, что, пользуясь оказией, посылаю Вам это письмо из Ростова. Так-то оно лучше. Добавлю, что всякая переписка с родными — дело, конечно, щекотливое. Изредка, два-три раза, еще ничего, но часто... берут на заметку. Мне лично, на мое имя, здесь получить нельзя. За мной непрерывная слежка, и все письма ко мне, конечно, негласно читаются. Это я знаю.

Да и вообще, всякое сообщение со мной не рекомендуется. От меня исходит чума. Я не могу, например, навещать, встречаться и иметь знакомых среди советских служащих. Для них это — пятно. Эту весну я закрутил небольшой роман с учительницей. Власти узнали, и немало пришлось ей выслушать намеков и упреков, что отдала свое сердце «бандиту», а не им, когда некоторые из них его искали.

У себя, в лавке Потребительского о-ва (а иных у нас теперь почти не водится), и притом единственной на три соседних хутора (а товару-то в них во всех не больше, чем когда-то у нашего «купца» А.), я не могу лично для себя абсолютно ничего купить, даже папирос. Такими же удобствами жизни пользуются еще 10 дворов в хуторе, состоящих под так называемым «общественным бойкотом». Это тяжелое лишение всех прав гражданства.

Кстати, еще о наших лавках. В нашей станице сейчас три лавки. Из них в первой имеются признаки мануфактуры (сукно, шерсть), но из легкой материи нет аршина. Покупать можно 2-3 раза в году. Всегда на все и всюду очередь и норма. Красота! Ни о цветах, ни о сортах уже тут не думай. Лопай,

что дают. Зимой — кисея, а летом бумазея. По пословице: «Зимой готовь телегу, а летом сани».

Если бы вас, свежих людей, окунуть в наш рай, то на вас нашел бы столбняк от всех наших прелестей. В городе с зимы хлеб дают по карточкам — 1 фунт. только гражданам, а «лишенные», коих весьма изрядно, могут питаться манной небесной. Ни хлеба, ни муки на рынке нет. Казак за торговлю мукой на базаре предается бойкоту. Предается суду, ссылается, а имущество конфискуется за то, что переработал свой хлеб и сбыл на базаре мукой.

Хлеб зерном, кроме нормы на людей и лошадей (птица, собаки, свиньи у нас теперь не едят!), подлежит сдаче государству по ценам, которые оно само устанавливает. Всю зиму и весну у нас беспрерывно сидят продовольственные агенты по сбору хлеба. Дошло до того, что собирают по чашке муку, по фунтам зерно, фасоль, и если у кого будет обнаружен излишек зерна или муки (хотя бы 2-3 пуда), предают суду: тюрьма и ссылка. Притом такие чудеса! Выбирается группа более зажиточных в хуторе, и хуторская же власть им определяет (сколько Бог на душу положит) — подай сюда двести, туда триста-четыреста пудов, а у них-то весь урожай был не больше.

Если нет хлеба, значит, предполагается, что скрыл, и конфискуется имущество на сумму в пятикратном размере из расчета цены хлеба. Так у нас пока конфисковано имущество с домами у трех...

Такая же история творится всюду. Дань собирается, точно в татарскую эпоху. Даже сам Рыков у нас назвал это «азиатской политикой».

Богатеть у нас теперь нет охотников, ибо это сулит мало прелестей. Земли много пустует, скот не разводят, о свиньях и птице где уж там думать, когда людям жрать нечего. Еще в апреле я знал в Ростове, да даже и у нас в станице, семьи служащих покупали печенье для супа, ибо не было хлеба. В чем же секрет голода? А в том, что весь хлеб неизвестно куда девается, хотя нам говорят, что никуда за границу не вывозится. И это ведь ужасно! Своих морят голодом, делают нищими, а заграницe продают.

При такой тяжелой налоговой системе народ не хочет работать, ибо от труда своего он ничего не получает. В наших местах от прежней запашки пустует 60%. Сеют по 3-5-6-8 десятин середняки, и нет выше 20-25 дес., у кого большая семья, ибо нанять работника нельзя. Страна пришла в упадок. Сельское хозяйство печальное, и дальше все хуже. Настроение выжидательное, ропот глухой, задушенный даже в тех местах, где были первые борцы за «свободу»...

Режим ужасный, беспощадный. У людей не стало радостей, ни светлых надежд. Все угрюмы, печальны. Каждый бьет-

ся, а толку нет. Не знают ни праздников, ни старого родства, гостеприимства. Все сжалось, забилось в нору, а кругом всюду «глаза и уши». Опричников так много, что и в семье язык держать нужно на привязи.

И, может быть, теперь понятно станет Вам мое решение уйти отсюда навсегда, чтобы не видеть этого кошмара. Наше отечество Сахара, так хочется сказать. Пока домой не пишите. Шлю Вам горячий привет!

P. S. Жизнь наша зашла в глухой тупик. Скитаюсь без работы, и дальше все пути закрыты. Я имел крепкие нервы, твердое убеждение, упрямую волю, но теперь потерял все. А когда-то была надежда, охота работать на благо родины, чтобы чувствовать себя и человеком, и гражданином одной общей семьи — отечества. Но мы — «отверженные», и нас таких тысячи легионов...

Я понимаю вашу тоску по родине. В свое время она и мне была знакома. Не вы первые стремитесь сюда ехать. За эти годы я видел многих «блудных» сыновей, возвратившихся под кров отца, но... может быть, лишь 1% не сожалел об этом».

С Дона, 13 октября:

«Как в песне играется: не светило бы солнышко красное ровно девять лет, а на десятом году солнце просияло... А теперь и 12 прошло, а оно все еще не светит, либо уж и не будет светить.

Конфисковали все мое имущество, взяли 2 коров с телятами, двух телушек по третьему году, четыре пары быков, сарай, ручную машину, паровик и барабан и мельницу-ветряк, травную косилку, погонный ремень от двигателя, веялку. Коров продали — одну за 43, другую за 50, телушек за 50 руб., двигатель за 60 руб., молотилку за 26, мельницу на полном ходу за 51 руб., а в ней одна обойка[1] стоит 300 руб., быков с арбой за 60 руб., ремень за 10 руб. (за него заплатил 100 руб.), косилку за 25, ветряк за 25 руб., четыре стула за 15 руб. И еще будут брать на 250 рублей... не знаю уж, что будут брать, предполагаю, что дом или фураж.

Это — конфискация за невыполнение хлебозаготовки, за 100 пудов в 5-кратном размере. Словом, зажиточный класс бьют по морде, словно хотят задавить, равняют на хохла. У ... все продали, кроме дома, у ... то же, как у меня».

С Кубани, 20 октября:

«Вы очень скучаете, мы тоже. С началом Китайской войны[2] мы боялись, что вас заберут на Дальний Восток, но

---

[1] Обойка — здесь зерноочистка

[2] Китайская война — конфликт на Китайско-Восточной железной дороге

теперь успокоились и очень рады, что все вы остались на прежнем месте, так как живое дело было бы для вас и для нас гораздо хуже. К этому же — мы уже привыкли...

У нас жизнь с каждым годом все новая и новая. Теперь вот, например, после нэпманской эры наступает эра пролетарская. Всю нашу станицу собираются разбить на коллективы. Сначала самых зажиточных, причем вся степь будет заселена отдельными хуторами коллективных хозяйств. Партия в 15 дворов уже заселилась по реке Челбасам, по обе ее стороны, но жизнь очень скверная.

Скота остается очень и очень мало. Коров — 1 и редко 2. Лошадей пока у большинства по 1 паре и редко 2 пары. И это уже считается кулак, буржуй.

Идет постепенное раскулачивание. Пока раскулачили, т. е. забрали все, у ... и других. Всех не помню. Сами же они «выехали» в Армавир, а оттуда, наверное, на Белое море, «ловить рыбу», ... (войсковой старшина[1]) со всеми своими товарищами «выехал» туда еще летом. ... (вдова генерала, старушка) в башмаках и суконных чулках станичного покроя занимается с коровой и свиньею — ведет сама свое хозяйство...

Осень хорошая, но хлеба посеяно мало. Помол зерна трудный. Хлеба мало. Урожай был плохой, самое многое — десятина дала 40 пудов, а то и 15. Это объясняется истощением земли, ежегодной ее вспашкой, дроблением и засухой. Все лето у нас не было дождя, и как будто жара была сильнее. По-видимому, произошли периодические климатические изменения, повторяющиеся чрез промежутки лет 40-50. Кубань стала совсем мелководна. Вместо лесов — по берегу остался один кустарник. Крупного леса, бывшего войскового, осталось очень мало. Весь он вырублен на дрова. Железный мост через Кубань, на Гулькевичи, почти пропал. Железные быки проржавели и грозят падением.

Дороговизна у нас растет с каждым днем. Мука на базаре до 10 рублей пуд, несеяная, отбиты лишь только крупные отруби. Сеянки, крупчатки — нет. И не мелют ее. Белого хлеба на базаре не видно ни в одной лавке. Как живут все кубанцы — ты бы ужаснулся. Настроение жителей угнетенное. Все убиты каким-то горем. Все больны неврастенией. Хозяйства разрушаются. Дворы пустуют. Плетни и заборы валятся. Одежда все более и более укорачивается, и уже дамская юбка выходит из одного метра и даже выше колен. Зимних теплых шуб нет. Черкесок в станицах не видать, за исключением Казанской, Тифлисской и Темирбекской, где бабы сами ткут сукно и по старинке сами же и шьют мужьям. Последняя считается «бандитской» станицей».

---

[1] Войсковой старшина — промежуточное офицерское звание между есаулом и полковником

С Дона, 28 октября:

«У нас сейчас идет выкачка хлеба такая усиленная, что сроду и не слыхали. Если задание не выполнил, то распродают хозяйство, а хозяина в тюрьму, отправляют на какой-то остров (Соловки в Белом море, очевидно. — *Ред.*). Всех загнали в коллектив, так что прятать некуда. Если бы ты взглянул на эту картину, то поразился бы. Тюрьмы все понабиты народом; как только одно слово, так ты и контрреволюционер. Не успевают отправлять арестованных. За свой хлеб приходится сидеть в тюрьме и получать такую норму, лишь бы с голоду не сдох. Ты подумай: люди и малозажиточные сидят в тюрьмах.

Не обижайся — я тебя просил, чтобы ты жестокостей не писал; это истинная правда, у нас сейчас так строго, что за малейшее — тюрьма. Мы уж и не гневаемся, что так плохо и так жмут, мы — как пленные. Но мужики ревом ревут, что им пришлось расстаться со своим хозяйством, выгоняют скот собственный — и иди, семейство, куда хочешь. Дожились, завоевали сами для себя... Кричали: сняли железное ярмо. Деревянное крепче надели. За пачкой спичек и то полдня стоять в затылок; куда ни повернешься, скрозь стой в затылок. У нас теперь если куда поедешь, а хлеба не взял из дому, то купить не думай — ни за какие деньги не продадут. Скоро будем жить по-собачьи: как вскочил в хату и видишь, что есть хлеб и одолеешь, то смело наступаешь и вырываешь...

С нашего хутора причитается вывезти 30 тысяч пудов — как суббота, так собирайся везти красный обоз с красным флагом, с музыкой. Просто насмешка с русского народа. Просто жить не хочется на свете. Ну, будь они прокляты, не хочу об них и говорить.

У нас в хуторе носятся слухи, где ты прилетишь на аэроплане. Ты писал как-то, что прилетите на аэроплане и бросишь нам письмо — вот проклятый народ и выдумывает.

Не пиши с угрозами — горе тем, кто получает...»

ГОД 1930-й.
«...И ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ, А НИКАК НЕ ДАЮТ ЖИЗНИ»

С Дона:

«Мы никак не можем привыкнуть жить по-новому, в особенности мама. Весь Хоперский округ коллективизирован, каждый хутор организован в коллективные хозяйства. Весь живой и мертвый инвентарь сельскохозяйственный на общем дворе, так что нашими быками, лошадью и косилкой распорядиться сами не можем. Осенью землю вею пахали сообща и потом сеять и убирать тоже общими силами. Захоперские

хутора живут уже на коммунальных условиях, к весне перейдем, наверно, и мы на этот устав, так как построить социализм мы должны не в 5 лет, как решило наше правительство, а еще скорее.

Ну, в общем, каша у нас сейчас большая. Прямо можно сказать, вторая революция. Старое разрушается, а новое строим. Народ никак не может переломить себя и понять того, что жизнь обещают устроить лучше. На одном конце хутора ходят описывают, т. е. обобществляют скот, кур, гусей, свиней, овец и т. п., на другом — режут, палят, вяжут. Куры кричат, а им головы отрубают, чтобы меньше досталось в колхоз, а поесть все мясо самим. Если бы кто посмотрел на нашу деревенскую комедию, так прямо смех и ужас, что творится».

Из Канады:

Правление Общеказачьего хутора в Нью-Вестминстере, в Канаде, сообщает, что казаками получено с Кубани письмо, рисующее ужасы террора, творимого на родине. Расстреляны — Земцовы Сергей и Даниил Ив., Борис Малама, Алексей Бурсак, два брата Султан-Гиреи, Василий Шкуропацкий, Борис Белый, Сергей Козлов, Юлия Черник (дочь бывшего прокурора Екатеринодарского суда) и ее муж Даниил Савицкий (сын ген. Савицкого), Борис Хаджимуков. Арестованы — Антон Шкуропацкий, Поспельшаки, Николай и Мария Сазоновы, бывший атаман Соколянский (ст. Динской? — *Ред.*), Лилия и Елена Земцовы и многие другие».

С Дона, 16 января:

«Церковь отобрали, и на первый день Рождества служения не было. 25 декабря сняли колокола, на второй день повыкинули иконы, разбивали, надругались, как хотели. Праздник мы проводили в слезах да мученье. На третий день в церкви был спектакль. Кресты сняли, поставили красные флаги. Народ плакал, не давал, но ничего не поделали. Кто отстаивал церковь, того звали в Совет; сказали, что будут передавать дело в суд. А что было, не буду писать. Что у нас сейчас делается, нельзя описать.

Живем — не думаем о будущем, день прожил, и хорошо, завтра — что будет... Своего нет ничего, как будем жить — не знаем. По всему видно, что придется еще хуже терпеть холод да еще страшный голод. Не дай Бог никому...»

20 января:

«Сейчас у нас остался конь и корова, но мы их не считаем своими, потому что налог идет за налогом, придется и с хатой расстаться. Можно жить на воле, но лучше бы жить в такой неволе, как ты живешь. Не знаю, что еще будет до вечера;

одна комиссия из хаты, а другая в хату, одна приносит приказ, а другая — другой».

24 января:

«Сообщаю, что мы пока все живы и здоровы, но приближается к нам беда — начинают распродавать. У отца забрали 2 коровы, 15 овец — за что? что он не выплатил 15 пудов гардалу[1]. Наложили 25 пудов гардалу, а вон выполнил 10 пудов гардалу, 15 пудов пошаницы. За его забрали — почему не все гардалом. А яво больше ни было, как 10 пудов.

Наложили по восьми фунтов с овцы — за ето тожа берут в суды, как не выполнил. Но вы подумайте, что может ли овца дать по восьми фунтов шерсти?

И за все предметы судют, сажают в тюрьмы, в тюрьмы погнали за невыполнение разных налогов. За невыполнение повыгоняли из домов.

Мои дела очень плачевныя, каждую минуту ждешь, как бы ни пришли и ни взяли».

26 января:

«Нахожусь я в коммуне, т. е. собственного у нас ничего нет, кроме одежды и обуви. Жизнь эта новая, нам незнакомая. На местах по устройству этих штук идет громадная ломка, и много горя и слез людских проливается.

Казаков угоняют, куда попало, причисляя их к кулакам. Кулак — это зажиточные, а казаков считают всех таковыми, поэтому отправляют в места, нам неизвестные, быть может, безвозвратно. Жизнь трудная, безотрадная.

...даром, что был организатором колхозов, оказался в кулаках. Все его имущество разобрали, выгнали из дома, живет теперь на квартире».

С Кубани:

«Дорогой Хома!

Я получила за эти годы несколько твоих писем, но отвечать на них не могла, а потому не могла дать о себе весточки. Здесь все письма за границу вскрываются, а лица, получающие письма из-за границы или имеющие там родственников и поддерживающие с ними связь, берутся на особый учет, грозящий в случае чего весьма тяжелыми последствиями.

В анкетах, заполняемых при поступлении на службу, имеется даже специальная графа с вопросом о том, не имеется ли родственников за границей. Поэтому такой факт приходится скрывать, и теперь ты, конечно, поймешь, почему я тебе не отвечала.

---

[1] Гардал — горчица.

Когда мы получали твои письма, да еще с обозначением «собственный дом», мы просто приходили в ужас, ибо имение дома здесь тоже уже своего рода преступление, делающее тебя «нетрудовым элементом», со всеми вытекающими отсюда последствиями, т. е. лишением возможности служить, пользоваться квартирой, хлебом и прочим по нормированным ценам и т. п.

Вообще это тогда уже не человек, не полноправный гражданин, а отщепенец и парий. Дом (наш бывший), конечно, отобрали, «муниципализировали». Обобрали нас дважды до нитки — в 1920 г. и 1921 г. в порядке «ущемления буржуазии» и из дома выкинули.

Живем мы все время после этого по квартирам, т. е. в одной комнате, т. к. здесь редко кто имеет больше. И это несмотря на то, что Б. В. с момента прихода Сов. власти сюда все время служит (8 лет) то юрисконсультом в разных учреждениях, то советским нотариусом. Служба давала только на кусок хлеба. Теперь Б. В. уже второй год безработным. Все прожито, продано до нитки, и теперь зачастую голодаем, голые и босые. Один кошмар.

Ты бы ужаснулся, если бы увидел, в каких условиях мы сейчас находимся. От всего пережитого я уже седая, страшно похудела, вся иссохла, кожа да кость. Б. В. бел, как лунь. Найти работу, службу здесь сейчас невозможно, а тем более для немолодого человека, каким является Б. В. Всюду «режим экономии», сокращения штатов и чистка советского аппарата от «сора и мусора, чуждого элемента», т. е. старых чиновников и вообще интеллигенции. Достаточно быть бывшим дворянином, чиновником, сыном домовладельца, бывшим офицером, чтобы быть немедленно выброшенным со службы без права поступления вновь.

Кругом стоит стон и один ужас. Принимают на работу: партийных, комсомольцев (коммунистическую молодежь), демобилизованных из Красной Армии, вообще лиц «пролетарского» происхождения.

Кроме того, проводится «орабочение» аппарата, т. е. влитие в него рабочего элемента. А в этом аппарате и делать-то сейчас нечего, все одна видимость работы. При этих условиях тебе станет ясно, можно ли и легко ли получать службу. Кругом мертвечина, полный застой; частная торговля совершенно убита фантастического размера налогами, частных магазинов в городе нет, уцелели лишь единичные лавчонки на базарах. Бывшие купцы частью высланы в Нарым или Соловки, частью сидят по тюрьмам.

Взамен пытаются развить кооперацию, в которой ничего нет и у которой бесконечные очереди. Хлеб получаем (это на Кубани!) по заборным книжкам по $^3/_4$ фунта на человека, хлеб с ячменем и кукурузой, совсем темный. Сахару нехват-

ка, мыла тоже и, наконец, соли. Мануфактура, которой почти тоже нет и качество которой ниже всякой критики, выдается тоже по карточкам, для чего нужно быть членом кооперации. Книжки на хлеб, мануфактуру и пр. выдаются лишь трудовому элементу. Вообще рай, которого не пожелаешь и врагу.

Что будем делать дальше, как существовать и жить, сама не знаю. Безработных, а теперь и «вычищенных», полно везде. Люди бродят, как тени, и не знают, что им делать. Масса самоубийств и сумасшествий на этой почве. Все воют, и стонут, и ругаются. У всех на уме один вопрос — когда же это, наконец, кончится.

Если будешь нам писать, пиши от женского имени, без указаний на родство и только открытки самого невинного содержания... Все часто болеем.

Любящая тебя Н.»

«Здравствуйте, И. П.! Мы живы-здоровы, но не все... Вы пишете, чтобы мы прописали, кто умер, а кто живой?

Вот я Вам пропишу: Гордей С. Е., мой дорогой супруг, умер 23 марта 1930. Его болезнь и смерть такая, как вашего сына К. Осталась я с 4 малыми детьми.

Еще. Евсей П., Сергий С., Аким К., Василь П., Федор С., Герасим Е., Андрей З. — всех их поминайте. Смерть одна всем и одно число.

Афанасий Ник. один в Соловках, а Тим. Л. там с женой. А мы все оставшиеся — несчастные семьи. Говорят, что и нас — на высылку. Хозяйство у всех конфисковано.

Петр И. дома, но хозяйство конфисковано, а Евсей С. на Соловках. Там и Иван Г. с женой. Все М. готовятся на Соловки.

Много, много наболевшего на сердце. Вот пишу эту записку и всю обливаю слезами, не могу даже всего и описать.

Еще Т. умер, как Гордик, и кроме — много, много...

До свидания — Д.»

Из Архангельской губ., апрель:

«Пригнали нас на север, в 100 верстах от Белого моря. Жизнь наша находится в плохом направлении. Мало того, что забрали все и выгнали, а теперь и выселили, и не знаю, за что. Говорят, за то, что годовых работников имел, а у меня их сроду не было. Были, но срочные[1]. Живем в бараках. Тут нас хотят и привязать. Я думаю, не удастся ихнего дела. Надеемся на (дальнейшее иносказательно — расшифровать не удалось. — *Ред.*). Тут сейчас зима, холодно, дожди, и не тает.

[1] Срочные — временные На сев, на уборку

У меня в доме[1] сейчас евреи, человек 30; откуда — не знаю. Будут селить их. Население очень не хочет».

25 апреля:

«Папашу нашего выслали на хут. Яб. Из дома его выгнали два месяца тому назад. Ничего ему не дали, в чем был, в том и выгнали. В доме живут чужие люди. Имущества осталось на 12000, а он теперь без копейки живет. Он там не один: там 50 семейств со всех ближних хуторков. Все они за свое добро страдают. Т. А-ча увезли на машине[2] далеко, к Белому морю с семьею. Ивана Павловича посадили в тюрьму.

Жизнь у нас очень плохая. Настает очень большой голод, так что хлеба и поглядеть нигде нет — все забрали. Брали в горшках и мешках. Брали жир, масло, сало и сухари. Все брали, не считались ни с чем и забирали у всех. Теперь очень голод, но сейчас будто начали разбираться, может быть, как-нибудь жизнь направится.

У нас закрывали церкви четыре месяца. Колокола со всех церквей поспихали, какие поувезли, а какие не брали. На Пасху начали открывать, разрешили служить.

С хутора Р. 13 семейств выслали тоже на Я., самих хозяев».

«Забрали у нас все имущество, пару быков, 1 лошадь-стригуна[3], 2 коровы, 12 овец, старый дом, амбар и выпхнули на квартиру, и сидим, как сурки, боимся людей. Загнали моего родителя к Мурману, теперь проверяють каждый день наши пиньжаки, больше им взять нечево. Идешь мимо своего дома неживой...

Был мой отец на работе, нагружал вагоны хлеба и проводил своего отца[4], и через немного отправили его заследом. Слышим — говорят, будут спускать[5], но не знаю, будет правда или нет, но по газетам пишуть отправлять и семьи, чтобы мы не мешали строить социализму, но тоже не знаем достоверно, потому что мы недостойные люди.

Так что плохая наша жизня. Дальше что будет? Лишили нас всеми земельными наделами. Чего будем есть...»

«Здравствуй, дорогой мой И.

Находимся все мы в колхозе, быки и повозка там, а у нас одна хата да телка с поросенком, и то осенью заберут в колхоз.

В. кукует, как кукушка, день и ночь за Маней. Они с Г.

---

[1] На Дону

[2] На машине — по железной дороге.

[3] Стригун — жеребенок полутора-двухлетка, которому впервые подстригли гриву.

[4] То есть деда автора письма.

[5] Отпускать, освобождать

на Соловках. Бабушку О. выслали со двора (а ей около 100 лет). Детей у Мани 8 душ. Немало мы слез пролили, как их провожали голых и голодных.

Эх, И.! эх — жизнь! все на небо смотрим, а чего там увидим, сами не знаем. Ожидаем Божьей милости.

День прошел — слава Богу, так и живем.

До скорого свидания. Е.»

5 мая:

«У меня ничего нет — все продали, и меня присудили за невыполнение хлебозаготовки на 2 года содержания под стражей и на пять лет на высылку. М. выслали на 4 года; куда — сам знаешь,

Пришли, как ты живешь».

10 мая:

«Нам с вами не равняться. Вы живете в роскоши, а мы в нужде».

Из Архангельской губернии:

«Забрали у меня все, что осталось от 1918 года, и меня полуголого выслали в Архангельскую губернию без причины. Я догадываюсь, что мстят за сына, но пусть делают, что хотят, а мы были казаками, так ими и останемся.

А вот вам жизнь в Архангельской губ.: схватили меня, что называется, без гроша в кармане, высадили в лесу и говорят: вот здесь и добывайте себе своим трудом питание, одежду и обувь. И пошли мы по лесу шататься, как затравленные волки, голодные и холодные.

Дорогая моя дочь, выручай как можешь, не дай погибнуть от голодной смерти. Сообщи моему родному сыну И. А. в Сербию...»

С Кубани, из Лабинского отдела, 20 июня:

«Дождемся ли новой жизни, как ты писал раньше, что Россия еще будет торжествовать? Бог его знает. Будет торжествовать тот, кто останется живой!

День и ночь хлеб отправляется на элеватор в Лабинскую, а казаков многих повыселяли с семьями еще в феврале за Урал, в Сибирь, откуда пишут, что многие из них поумирали, а других позаедали несметные насекомые. А сейчас разносят повестки и списки, кого наметили к высылке в первую, вторую и третью группы. Творится такое, что описать нельзя. Большинство из казаков поразграбили, повыгоняли из домов, забрали мебель, скот.

Церкви почти все позакрыты. В некоторых из них биографы[1],

[1] Биографы (электробиографы) — раннее, начала века, название кино

где на престолах садятся и курят, а иконы выбрасывали из церквей и жгли. То же делается и с мечетями, где тоже производят кино и неподобные песни и пляски. У нас, в Лабинской и Засовской, церкви отстояли, а на Тереке и в Дагестане и по всей России Антихрист гуляет без удержу. Многие церкви и соборы повернули в вертепы, в другие ссыпают пшеницу или загоняют скот.

Вот на днях будут выселять многих, и в том числе твоего крестного отца, неизвестно куда. Из наших несколько сидели в Майкопской тюрьме, откуда угнали их неизвестно куда и побили. На днях ездили туда наши бабы, где им дали читать бумагу с перечислением убитых, и некоторые привезли одежду убитых. Так вот теперь семьи убитых тоже все выселяются.

Нашим станичникам за границей передай, что выслали их семьи: Певнева Матвея Тр. с семьей за Урал, где он корчует лес, Труфанова, что был с тобою, Соню Ковалеву и много других отцов и матерей, так и детей. Многие поумирали там с голоду и холоду.

Заходит зима, а мы все голые и босые. В лавке ни ситцу, ни обуви. А только полная лавка советских книг и детских игрушек, и черт знает чего...

Пиши, не стесняйся».

С Урала:

«В 12 часов ночи меня, твоего родителя, власть советская арестовала в хати. В сундуках и яки узелки все перетрусили, все шукали золото и ничего не нашли. До свита меня взяли в ГПУ и посадили в дипо, но не одного меня именно, а нас с станицы 5 человек, и продержали нас 19 суток в холодном сарае под строгим арестом. А через 19 суток привезли семейства, посадили в вагоны и повезли под строгим караулом.

Возили нас 9 суток, а на десятые сутки выгрузили за Уралом. Пожили 7 суток — нас послали в лес да в горы за 62 версты, а семьи остались в селе. Нас заставили строить бараки для себя. Вот мы построили бараки, через 29 суток привезли нам семейства и теперь живем в бараках. Бараки у нас такие — по 8 метров длины и 5 с половиной ширины, одни двери да 2 окна, помещаемся по 3 и 4 семейства в одном бараке. И сейчас работаем тоже бараки. Получаем по 4 килограмма муки житной, полкило соленой рыбы и полкило овсяной муки. Это порция на 6 суток. Со мною нашего семейства твоя мама и сестра.

Мама твоя тоже получает порцию 15 фунтов муки, $^1/_2$ крупы, 25 грамм постного масла. Это на один месяц. Бараки наши такие — крыши нет, одна горица[1], землею насыпано.

Брат твой со своим семейством пока дома, его тоже хотели

[1] Горица — полати

выслать, но оставили, живе в конюшняной хати, и с ним живе дедушка.

С тим до свидания. Остаемся твои Родители».

С Дона:

«Здравствуйте, многоуважаемые и горячо любящие наши дорогие дети Алексей Петрович, а равно и Елена Максимовна. Настоящим письмом спешим уведомить вас о своем здравии и не совсем благоприятных обстоятельствах нашей семейной жизни.

Дорогие мои чада, мы прогневали нашего Творца Всемогущего Бога, и он карает нас. Забрано у нас все достояние: взяли последнюю лошаденку и коровенку, но это все нажитое нами — поболим душой да поплачем, но потом и позабудем. Но самый главный гнев Божий и незабвенный — взяли нашего Петю. Арестовали и угнали в Сальский округ, и до сегодня нет никакого известия, жив ли он или уже нет. Нету письма. Ездили наши кой-кто к своим, но не видели, потому что масса сидит в клубах и подвалах.

Так вот, дорогие наши дети Алеша и Лена, я пока, ваша мама, жива, хотя здоровье мое уже стало покидать меня, но все-таки хотя плохое здоровье, но лучше хорошей смерти. Об отце сами не знаем, жив он, здоров или нет. Пока чувствую себя живой, посылаю вам мое материнское мир и благословение и родительский привет.

Новостей у нас много, но все не опишешь и не передашь. Затем до свидания».

Приписка на клочке бумаги:

«Здравствуйте, дорогой братец и дорогая сестрица. Письмо мы ваше получили и видим, что вы живы и здоровы. Вы пишете, что у вас время проходит хорошо, но у нас проходит плохо, потому что обобрали нас с ног до головы. Забрали последнюю корову и лошадь и в доме что было, взяли — два сундука, и две койки, и шкаф, и перину, и три подушки, взяли сани, теперь у нас ничего нету — ни дома, ни худобы.

Что забрали, это еще бы ничего, но когда взяли папу, то тогда стало до того тошно, до того горько, что не приходил бы и домой — все пусто. Пусто в доме, пусто на дворе, все разгромлено. У людей хотя отцов забрали, то у них есть братья, а у нас ни братьев, ни папы нету, и мама старая, и не знаем, что делать.

До свидания и шлю вам горячий привет. Сестра В.».

С Кубани:

«Здравствуйте, дорогой куманек. Сообщаю вам, куманек, шо пишу оце писмо у плавни, у камышах, там, де колысь мы былы дыких кобанив, и тут не одын, а нас 400, и борымось из коммунистамы. Не забудь, куманек, шо пышим тоби и ище

одно пышем коммунистам, так же, як колысь наши предки пысалы Султану Турецкому, так и мы объявляем, шо мы будем бытця огнем и мечом, землею и водою до послидней капли крови, и мы им ни вирым, шо воны пишут, шоб мы покаялись и нам ничего не буде.

Дорогой куманек, счастливый, шо пишов туда и живешь там спокойно, а мы тут воюем. Ты, дорогой куманек, ошибаешься, шо пышеш, шо мы тут ничого не робым, и кажеш, шо мы тут павср...сь. Э, ни, куманек, мы тут ны спымо, а бьемось на живот и на смерть и хочемо наш Край спасты и одстоять костями и кровью, як Бог нам поможе. Всякый день наше Вийско прибавляеця, приходят до нас Козакы, черкесы и городовикы, и таки поприходылы, шо булы у Красной Армии, приходылы, як ти собакы быти, хвосты попрыжымалы, ну мы их хотилы у куль та у воду, воны началы просыця. Мы подывылыся, посовитувалысь: шо зробыш? тоже наши козакы, простылы. Ну, думаем, у этому году шось изробым: или вси погыбнем, или ослободым нашу Кубань от красной сволоты. Все б було уже давно решено, но у нас тут дуже богато организаций, и одна другой мишалы, а теперь прыйшлы у одно — спасты Край, выгнать отих Ванькив.

Спасибо тоби, куманек, за Ваше письмо и дуже задовольны «Кавказским Казаком»[1], як читалы, так и плакалы, як воно ж наше ридне. Подавай опять через... Там тоже наши. А ще, куманек, скажы Генералу Науменку[2], що вин Батько ны тикы Ваш, а и наш, мы признаем тико его, як сыны своего ридного Батька, желаем ему крепкого здоровля, скажы ему, шо у нас ище есть порох у пороховницах и ще имием постоять за виру православну и за Кубань ридну. Ище б писал, так бумагы мало, а прокляты комари прямо заидають, а учера завоювалы большевицкий пароход, богато кой-чого забралы. Кой-кого у Кубани потопылы, кой-кого из собой забралы, а кой-кого пустылы на слободу. А у Томани[3] я пидложил Козацкого порошку пид совдеп, так разнесло все к чортов матери, двери аж у Фоногории найшлы, а коммунисты вси пропалы, отаки-то у нас дила. А ваших братьев забралы, мы хотилы спасти, но не удалось, завезлы бидних...

Ну, прощай, целуем».

4 августа:

«Хлеб у нас сняли. Писали и говорят, что урожай на Кубани отличный, а мука все еще 25 руб. пуд, и пророчат, что через месяц до 40 дойдет, и будут кушать ее и все, что у нас

---

[1] «Кавказский Казак» — одно из изданий кубанской эмиграции
[2] В. Г Науменко, генерал-лейтенант — кубанский войсковой атаман
[3] Тамань

поисчезло, не мы, а вы, заграничные люди. Я ничего в этом вопросе не понимаю, вижу только результаты на наших шкурах да знаю из писем, что наше зерно продали в Германию и в Голландию ровно в 40 раз дешевле, чем платим мы на базаре.

Простыня у нас подержанная, на толкучке 25—30 руб. штука, за сапоги 100 руб. просят, дамские же туфли за 50 не купишь. Поошалели мы все тут от всего и от голода — один сморщенный помидор и тот 5 коп., а стаканчик семечек — 10, и ничего-ничего нет, что бы можно было купить...»

«Папа пишет, что работает в лесу на берегу Белого моря, грузят лес на пароходы.

5 августа поедут туда же... Там уже наших много.

А нас 64 человека 7 августа направляют неизвестно куда, но ничего, что Бог даст — все к лучшему, зато мы казаки».

«Покинул я Кубань 9 августа... Кубанские леса и горы густо заселены беглыми казаками, ушедшими в леса для вооруженной борьбы с большевиками. В апреле и мае бегство молодых казаков и не сыскать было[1]. В лесах «гарнизуются» не только казаки — сюда бегут и крестьяне соседних Ставропольской и Черноморской губерний, и окружние горцы. В начале июня Кубанские леса пополнились обильно донцами и астраханцами. Кишат повстанцами и камыши, их наполняют, главным образом, черноморцы.

Много ли повстанцев в лесах и горах Кубани? Ответить на этот вопрос трудно, так как повстанческие отряды плохо между собой связаны, и учета их сил никто не производил. Есть станицы, пославшие в лес до 900 человек. Вряд ли можно найти станицу, которая не была бы представлена в лесу своим, хотя бы и небольшим, отрядом. Есть отряды, живущие в лесу с 1920 года. Возле них и идет, по преимуществу, собирание повстанческих сил. Оружие есть. Большинство казаков, бегущих сейчас в леса, приходят туда без оружия, но оружие они находят в лесу. Добывают его, главным образом, в стычках с красными, удается кое-что и купить у горцев, которые вообще оказывают немало услуг повстанцам. Питаются повстанцы плохо — трудно получать продовольственную помощь от станиц, но лес и сам кое-как кормит.

Пугает, однако, осень, а там уж зима не за горами. Это период гиблый для восстания, но казаки, пошедшие в леса, не имеют уже путей к отступлению и потому готовятся к зимней повстанческой кампании.

---

[1] Так в тексте

Вряд ли восставшая Кубань решит судьбу сов. власти. Ей одной это не под силу, но это — первоклассный боевой резерв. Если восстания вспыхнут в России, помощь Кубани будет исключительно полезной и действительной».

Из станицы Передовой, 14 августа:

«Урожай в станице хороший, хлеб убрали. Много всякой фрукты, но только все дорого. Мука 20 руб. пуд.

Все вспоминаем вас, все ожидаем».

Из Сибири, от ссыльного кубанца:

«По всему видно, что мы не успеем хат поставить. Харчи плохие, и вдобавок работать нельзя, мешают комары. Комашки и разного рода насекомые заедают так, что не только работать, но и жить невозможно, так что нам приходится погибать здесь в дремучих далеких лесах.

А обращение с нами такое, что будто хуже нас нет никакой твари на земле, никакой пощады нету и что дальше будет, Бог его знает. И нас здесь, выселенцев, по всей Сибири полно от Урала до Владивостока».

С Терека:

«Сбор хлебов ожидается хороший, но посев был малый, население голодает — в результате «сплошной коллективизации хозяйств».

Повстанческое движение усиливается. Абреки уничтожают представителей власти».

Из Майкопского отдела, 14 сентября:

«Проводили «кулаков». С нашего края станицы пошел Акульшин, которого мы возили на станцию и погрузили. Всего отправлено 50 дворов, а еще назначили 100 дворов на Соловки. Наверно, папаша, и мы попадем в эту партию. Уже нас обложили, не дают хлеба.

Мы еще не молотили, а казакам, каких с нами обложили, по обмолоту и фунта не дали, оставили им только одни азадки[1]. Наверное, придется пухнуть с голоду со своим хлебом, над которым работали весь год».

18 сентября:

«Жизнь у нас ужасная. Папу, несмотря на то, что он и ни в чем не был замешан, сослали в Сибирь, где, пишут, он умер, вернее — замучили.

Забрали положительно все: хлеб, скот, — и выдают по карточкам 500 грамм муки тем, которые состоят в партии, а тем, у которых забрали и старики сосланы в Сибирь, не дают ни-

[1] Азадки — отвеянные отходы.

чего, живи — как хочешь. Таким образом, мы обречены на голодную смерть.

Ссылки в Сибирь с каждым днем увеличивают, из станицы почти всех хозяев сослали. Мяса, масла, сахара давно и в помине нет. Вот такая жизнь у нас.

Просим ничего не писать, ибо всех, которые получают из-за границы письма, преследуют».

Из 2-го Донского округа, 25 сентября:

«Готовят хутором раскулачивать еще 4 семьи, записали и меня. Хуторяне смотрят на нас, как на каких-то каторжан, насмехаются над нами, разоряют, грабят наше достояние. Заразились люди грабить. Ну, пусть грабят до своего часа, а тогда нехай не плачут.

Урожай плохой. На степи все суслики вышли. Предвидится голод.

Когда Сталин спохватился насчет «головокружения», то всем немного полегчало, а то ведь настало было для хлеборобов время старого крестьянства (нужно понимать — крепостного права. — *Ред.*). Среди хлеборобов начало возрастать недовольство вследствие назначения безрассудных работ. Хлеборобы сами не могли решать ничего, а им давались задания, которые они обязаны были выполнять. Например: рубили всю зиму лес, оставили его на месте, а весной прибыла вода и укатила его. Всю зиму возили камни, разбирали у крестьянских дворов стены — на тротуары в хуторе, потратили на работах весь фураж, а когда пришла весенняя полевая кампания, погнали всех за 80 верст за сеном. Пока довезут — дорогой потравят, а дома опять скоту дать нечего. Осенью забрали 50 процентов задатку за тракторы, которые должны были представить к весне, но там, где должны были вырабатывать тракторы, были, видимо, еще только колышки вбиты, чтобы начать строить завод...»

Из Ессентуков:

«Картина у нас все та же, как я писал вам раньше, только жизнь становится все труднее и труднее. Как жить: мука в нашем городе была 30 руб. за пуд, сапоги простые рабочие до 75 руб.; масло коровье до 5 руб. фунт, стакан меда 2 руб., яйца 1 руб. 50 коп. десяток, мяса давно нет. Сахару давали 200 грамм на человека в месяц, а теперь, наверно, не получишь и этого. Если появляется что в кооперативе, то дают в первую очередь членам союзов, а простым смертным, т. н. несоюзным, в последнюю, если ты, конечно, член кооператива. Я не понимаю, что это делается: фабрики открываем, посевы расширяем, и ничего нет, хлеба хорошего не видим. Нет мыла, нет ниток, гвоздей — так что же может быть другое, когда нет такой мелочи?.. У лавок

каждый день стоят очереди в 150—200 человек, одна за хлебом, другие за керосином или за другою какою мелочью, а те регистрируют хлебные и продовольственные книжки, — вообще везде очереди без конца. Народ стоит в очереди и перемывает косточки заправил и клянут на чем свет стоит существующие порядки. Мимо проходящие с иронией задают вопрос, что это за хвост? «Это путь к социализму», — слышится ответ из толпы, а другой голос: «Мыло получено, мягкое — хоть стекла замазывай».

Наверно, не останется ни одного из примерных хозяйственных людей, всех сошлют и разорят вконец. Останутся только такие, для которых необходима дубина, иначе он работать не будет. Натравили разные отбросы на хороших людей, честных тружеников, и они душат вовсю. В исполкомах и советах состоят отъявленные негодяи — люди-звери, никогда ничего не имевшие, и вот это начальство вершит судьбу трудового народа...

Ссыльные пишут, что люди буквально пухнут с голоду, развилась цинга. Многих детей вернули обратно, ну что же из них получится и как они будут без родителей, не у каждого найдутся родственники, могущие приютить ребенка. И все эти мучения терпят люди, занимавшиеся личным честным трудом. Прежде преступников и грабителей ссылали на каторгу, но они не терпели таких мучений, их кормили и заставляли работать положенное время. Допекли народ до того, что все как на углях сидят. В разных местах образовываются «банды», на усмирении которых гибнет масса невинных людей.

Горцы поднимают восстания, но их усмиряют снарядами. Около Владикавказа три аула снесли до основания. На Кубани в горах тоже неспокойно.

Задавили мужика окончательно. Скоро настанет земной рай социализма, т. е. порабощение всего народа, когда каждого мужика превратят в животное.

Если сравнять прежний, царский режим с настоящим, то увидим, что при прежнем арестантам на 100 процентов жилось лучше, чем ныне всему русскому народу...»

«Кубанское ГПУ расстреляло 7 казаков Баталпашинской станицы. Расстреляны они без суда и не как обвиняемые, а как заложники, взятые от станицы после того, как в ее районе неизвестными была истреблена группа большевиков-ударников, разыскивавшая спрятанное казаками зерно.

В Краснодаре расстреляны католический епископ монсиньер Рот и Новороссийский ксендз Вольф.

В Ростове — также без суда — расстреляны кооператоры Ващенко, Мошкин и Селезнев, арестованные за «срыв продовольственных заготовок». Арестовано и много других кооператоров».

Из Сибири:

«Для меня очень понятно, как вы утешаетесь своим сыночком, но и не забудьте, дорогой сыночек, когда вы начинали вырастать, я тоже вами радовалась и ждала: на старости будет кому и меня пожалеть, а теперь дожилась, что с четырех ни одного и посмотреть не на кого.

Повыслали на высылку, а многих совсем с семействами. Сперва забирают мужчин, потом хлеб, муку и пшеницу до пыльки, потом грузят на поезд и везут, где живут дикие народы, да в шестьдесят градусов морозы. Хотят к новому году всех казаков с Кубани выслать и провести колхоз на сто процентов».

С Кубани:

«Искусственный голод.

Мука 20—25 руб. за пуд, да это еще не во всяком городе. Мёд — 2 руб. 70 коп. фунт. Сахару нет; только членам Ц.Р.К.[1] по 1/2 фунта на человека, а не члены Ц.Р.К. ничего не имеют, даже мыла.

Консервов не видим, ни колбасы, ни сыру — ничего. В это же время почти все указанные продукты экспортируются за границу. Даже конфекты в прекрасной упаковке, а нам только по книжке Ц.Р.К. по 1/2 фунта какой-то дряни по 4—5 рублей кило.

Крестьян раскулачили, т. е. попросту сделали с ними то же, что и с интеллигенцией, натравили друг на друга, пообобрали их, поссылали как «кулаков» в Соловки, в Сибирь, на Урал и т. д., порасстреляли массу. Народ стонет. Теперь крестьянство и часть рабочих поняли, что это, но разобрались поздно.

...Церкви почти все закрыты. Ходят в них только крестьяне-калеки и старухи, служащих выгоняют со службы за посещение церкви.

Теперь еще придумали. Банк не дает серебра, мелочи нет, купить ничего нельзя, а они чинят обыски, если найдут серебро, хотя бы на 10 руб., — ссылают. Ссылка — это эпидемическая малярия, от которой трясется каждый. При обысках забирают все — золото, вещи, деньги, припасы, материи, хотя бы купленные в их же «госмагазинах» после долгих стояний в очереди.

Приезжают из-за границы разные делегации, конечно, все коммунисты. Их откармливают, рассказывают. Если те увидят стоящих в очередях людей и спрашивают — в чем дело, «наши» объясняют, что это бедные люди за даровым обедом. А те едут домой и, вероятно, рассказывают про страну советов чудеса.

В газетах пишут, что в Европе за дезертирство на каторгу

---

[1] Ц.Р.К. — Центррабочкооп — Центральный рабочий кооператив.

ссылают, а здесь расстреливают, или в Европе рабочие плохо питаются, а у нас все с катарами и язвами в желудках, или в Европе безработица, а у нас безработных столько, что биржа труда перестала регистрировать. Иногда просто безумие охватывает человека от всех этих ужасов. Эту зиму не прожить. Все измучены, все задыхаются...»

С Терека:

«Вы нас укоряете, что мы не пишем Вам писем, но мы были бы рады с Вами переписываться, да невозможно. Вы, наверно, слышали, что нас выселили в 22-м году: станицы Ермоловскую, Романовскую, Самашкинскую и Михайловскую. Нас рассеяли по белому свету, кто куда смог, — к ингушам, чеченцам, осетинам, грузинам — так что сейчас мы, родные, не видимся друг с другом. Я и К. были взяты от мамы и увезены в соседние станицы, а мама и тетя — в Ставропольскую губернию.

Вашу семью в 23-м году угнали и 10 декабря ночью за г. Грозным расстреляли всех шестерых, только С. убили прямо на улице. Утром весь Ваш двор растаскивали — дом взорвали, сараи, амбары и ворота отдали чеченцам. Сады начали рубить и корчевать, курорт жечь... Когда выселяли, то тогда мы Вам писали, что многие умерли — это порасстреляли.

Нашу станицу разделили на три категории. «Белые» — мужской пол был расстрелян, а женщины и дети рассеяны, где и как могли спасаться. Вторая категория — «красные» — были выселены, но не тронуты. И третья — «коммунисты». Включенным в первую категорию никому ничего не давали, «красным» давали на семью одну подводу, на которую можно было брать все, что желали, а «коммунисты» имели право забрать все движимое имущество.

Дворы всей станицы поступили чеченцам и ингушам, которые и задрались за наше добро между собою, советам набили морду хорошо. Сейчас мы находимся на очень плохом учете, называют «белая сволочь», но надо терпеть. Тетя за Вас сидела два с половиной года в тюрьме — там распоряжаются ингуши.

Вы лучше денег не присылайте, а то их получает колхоз, а мы лишь расписываемся. Наши выселенные служат в пехоте и очень мало возвращаются домой — все говорят, что умер. Я уже забыла казачью форму».

ГОД 1931-й.
«НА СЕРЕДИНЕ БУШУЮЩЕГО МОРЯ»

С Северного Кавказа:

Хотя и невозможно сосчитать, но по глазомеру приблизительно везут на север народа раза в полтора больше прошло-

годнего. В прошлом году везли под тем предлогом, что кулака, теперь же везут больше всего за несдачу хлеба, а также за неплатеж налогов, еще везут родственников восставших. Если в станице или хуторе есть восставшие, то забирают всю родню, и кумовьев, и сватов. Десятого — к стенке, а остальных везут.

До холодов держали в страхе и заставляли пахать, сеять и убирать, а когда выпал снег, стали народ увозить. Заложников выпустили по домам, но им сказали, что если что-нибудь случится с теми, за кого их держали под залогом, то они ответят своею жизнью. Так рассказывают те, которые сами добровольно уезжали, побросав свои хаты и пожитки. Говорят, что стало опасно существовать в своем хозяйстве. Колхозы тоже ни от каких неприятностей не защищают. Таких, которые добровольно уезжают, мало, хотя к Ростову едут меньше — больше, надо полагать, пробираются на Грозный и Петровск.

С севера же через Ростов и Тихорецкую едет много народа под видом рабочих. Есть которые по командировкам, но есть и самотеком, но такие, что возле них лишнего слова нельзя сказать, — все у них контрреволюция. Народ это такой, который едет будто против контрреволюции, но казаки считают, что истинная цель — захватить кубанские и ставропольские земли, выгоняя и уничтожая старых жителей, а сами сажаясь на их место. Так как у них если не партийный билет в кармане, то сотрудницкая карточка, и от власти им полная поддержка, но старые жители ничего против них не могут. Народ считает так, что это будущие помещики едут, а советская власть, не разбирая дела, помогает им истреблять и выгонять тех, кто честно на земле трудился...»

Отец — сыну, донскому офицеру-инвалиду, работающему в Париже на фабрике, 30 января (розового цвета бумага обыкновенного почтового формата. Наверху, на левом углу — серп и молот, направо надпись; «Дело безбожников — дело Ленина». На левой стороне снизу вверх надпись: «Религия — орудие угнетения трудящихся». — Ред.):

«Здорово, дорогой М. Позавчера, 24-го, получил я твое письмо, мы его прочитали, мать твоя плакала. Мы все рады, что ты живой, слава Богу. И мы пока все живы и здоровы.

Теперь мы, М., в калевтиве, то есть, в артели состоим, но не все. А есть еще живут одноличниками, но их жмут идти в артель, да к весне все будут в артели, многие подают заявления, то их принимают в артель. М., теперь в артели, как быки на один баз и лошади на один баз, общия все, что было нажитое раньше, теперь все общее в Артели.

М.! колхоз, или калехтив, или артель — это все общее, как: хлеб сеять и вся забота общими силами, но по качеству человека есть плотник, есть колесник, а еще есть иное раскулачива-

ние: вытрясают. С. Д. с семейством отправили к Белому морю, на Соловки, М. А. с сыном, Г. с сыном, со всеми семьями, к Белому морю. С хутора Л.: Г. и В. в тюрьме в Саратове сидят. В. со всем, с женой и детьми, у Белого моря, и с женой-то врозь. Ну, что творится — никто мы не поймем простым умом, что творится на белом свете, и когда будет ему конец — неизвестно. Г. писала тебе все новости, что творится у нас здесь, в случае если получишь нашу письмо, то уведоми нас.

Да тут все более разгорается: как да где кто служил, кто в белых, а кто бегал. Кто богат, в особенности работников имел — трясуть. Но я более писать не могу, да я и писать все не умею. Ну, прощай до следующего письма, твой О.

Поклон от нас... М.! ты о приезде на родину не думай, а то на Соловки спрудят к Белому морю. Тут что творится — не дай Бог никому, это мой тебе совет от души, я тебе пишу, а посему буду ждать от тебя поклон.

Прощай. О.».

Приписка от брата:

М.! Н. я просватал на хутор Н. к Х. Теперь у меня осталось один сын и 5 дочек. Живется хорошо, за нуждой не ходим, да и не к кому идти, у всех через глаза.

Пиши письмо окуратнее оттоль. Привет. Эх, что сей час делается и докуль?

К.»

1 февраля:

«Здравствуйте, дорогие детки!

Мы пока живі и здорові, того желаем и Вам. Дорогие детки, нас уже выслали из родного дома и края. Так что не пишите письма у Г., аж пока мы не остановемось, где нас остановлят. Тогда мы вам напишем. А вы будете тогда нам писать. Так что, дорогие детки, еще раз повторяем, что мы уже вислани из Г. Дорогие сыночки, вы думаете нам посылку подават. Но просим — не нужно. Как будем мы где-нибудь на месте, тогда видно буде. Нам дали только две лошади, гарбу и некоторое барахло, а все хозяйство осталося на месте.

Пишем вам это письмо последне, чы мы живи будем или нет, може, позамерзаем дорогою. Бог знает, увидимся мы з вами или нет. Вы у чужому краю, а мы пошли блукать по-пыт тынею[1]. До свидания, очень все сильно рыдаем. Не пишите, пока мы не напишем, где будем, как живи будем...»

«Забило все памарки от этой проклятой жизни, а тут у меня украли со двора пару быков и корову. У моей соседки

[1] По-пыт тынею — по-над забором.

тоже увели худобу, и мы вместе с ней вели розыск больше месяца и без результата. Гибнет все кругом».

С Дона:

«Дорогой отец! Это письмо пишу тебе из одного места, марку купил в другом, а опущу письмо в третьем — осторожности ради. Ты ведь по нашим понятиям злостный враг, предатель своего народа и бандит. Пишу тебе это, а сама плачу — слезы так и льются. Отчего? И объяснить не могу. Да и нужно ли объяснение? Наши милые... сосланы и работают на одной из пристаней по принуждению. Хутор наш разорили. Все, что можно было взять, забрали, а постройки сожгли, и стоят теперь в степи на том месте одни черные обгорелые трубы. А у бывшего пруда и уцелевших немногих тополей (хорошие все вырубили) с дикими криками садятся теперь перелетные птицы и удивляются, вероятно, пустоте и тишине, заменившей кипучую когда-то жизнь здесь. Наше маленькое кладбище умышленно разорено до неузнаваемости, кресты снесены, могилы сровнены с землей, и по ним бродит теперь безнадзорный скот. Когда окружающее становится особенно невмоготу и на душу тяжелым камнем ложится тоска, отправляюсь на родное пепелище поплакать и в сотый раз задаю себе вопрос: неужели это не сон, не кошмар? Я никак не могу согласиться, что все это — действительность, а еще хуже того — никак не могу постигнуть, к чему все это ведет. Какие-то темные силы с неудержимой яростью тащат нас всех к гибели. На месте человеческого жилья — развалины, вместо тучных полей — бурные заросли татарника. А сами мы? С оплеванной душой, с заткнутым ртом, с надруганным телом — чем мы не рабы!

День ото дня становится хуже, и этот год напоминает памятный 21-й год. Уголь на деньги не продают, а тот, что получаем, выдают по летней норме, да и он остается неиспользованным, так как без дров не горит, а дрова — на вес золота. За дровами идет охота: налетит, этак, дружная шайка ночью темной на чей-нибудь малоохраняемый амбар или деревянный сарай — и к утру один фундамент стоит. Нередко по ночам доносится стрельба — точь-в-точь, как в 1918 году, — но только с той разницей, что теперь стрельба с борьбой не за власть, а из-за дров да из-за хлеба. Только об этом и забота. К голоду, при всем нашем желании, мы никак не можем привыкнуть. С продуктами питания дело обстоит так скверно, и так стало голодно, что люди уже теперь начинают падать от истощения на улице. Нигде ничего достать нельзя. В деревне хуже, чем в городе. В кооперативах пусто. Об обуви, о коже на сапоги мы перестали и думать. Об этих вещах мы можем только мечтать. Так же обстоит дело и с одеждой. Донашиваем старое. Ходить чисто и хорошо считается сейчас дурным тоном, не увязывающимся с моментом времени.

Теперь немного о моей работе. Хоть это и скучно, но раз начала, то следует написать и об этом. Скажу наперед: условия нашей работы очень тяжелые. Человек стал теперь как бы заведенной машиной. Работаешь, спешишь, часов уже не хватает, чтобы выполнить возложенное на тебя задание, а плата за труд самая мизерная. До октября месяца 1930 года ставка учителя была 54 рубля в месяц, в то время как мальчишки-рассыльные получали по 40—45 рублей, а наши ученики, окончившие 5—6 классов, получали по 120—140 рублей. С октября ставка увеличена до 80 рублей. Нет педагогических работников, а потому объявлена мобилизация учителей всех рангов, оставивших учительские места до 1925 г. Их всех сняли с частных работ и направили в школы. Хочешь не хочешь, а иди — твоего желания не спрашивают. Таким образом, мы считаемся прикрепленными к школам.

В старших группах требования предъявляются колоссальные, а ребята ничего не хотят делать, приходится работать за них. Теперь учеба проводится у нас по новым методам: материал должен увязываться с производством, местным и общим. Ученики выпускают свою групповую газету, и здесь работы очень много; надо раздать материал, подыскать соответствующие рисунки, а потом проверка работ, подготовка к урокам. Кроме того, занятия со взрослыми в профшколе и уйма общественной нагрузки. Сейчас у нас самая боевая задача — ликвидация неграмотности. К этой работе привлечены все грамотные. Бывают дни, что ухожу утром, выпив лишь стакан чая, и только в 7 час. вечера иду в столовку обедать, а если бывают собрания, то и поесть некогда, и тогда возвращаюсь домой в 11-12 ночи. Нагружена работой не только я одна — все учителя так нагружены, и все так работают, а особенно теперь, когда кончается первый триместр[1] и нужно готовить отчеты, писать характеристики о каждом ученике, составлять план работы на 2-й триместр — так что не знаешь, за что и взяться. Половину работы сделала, а другая половина лежит. Бросила: нет больше сил!

Теперь мы уже окончательно перешли на пятидневку: 4 дня работаем, пятый отдыхаем. Кое-кто и впрямь отдыхает, но не мы... Отдыхать не приходится. Все воскресения и праздники отброшены. Теперь праздников в году у нас только три: октябрьская революция (2 дня), первомайские праздники (2 дня) и единственный святой, в стране празднуемый, — Ленин — 1 день. Правда, рабочие, начав праздновать, двумя днями не удовлетворяются и не выходят на работу по целой неделе. Перерыв после триместров — одна неделя, а летом — большие каникулы. Этот год особенно тяжел, он отнял у меня здоровья на 5 лет. Много приходится переносить неприятнос-

[1] Триместр — четверть.

тей от учеников, которым дана полная свобода при отсутствии каких бы то ни было наказаний, а еще больше от школьных магнатов, страдающих переломом мозгов и усечением совести. Произвол их безграничен. При таких условиях работа обращается в лютую пытку. Прихожу домой всегда уставшая, разбитая, злая, с самыми невероятными мыслями в взбудораженной голове.

Так проходят дни за днями, так живет и работает твоя дочь. Нет тебе удовлетворения ни в работе, ни в жизни. Нет радости, нет утешения — нет ничего, чего требует душа, что нужно человеку...»

С Кубани, февраль:

«Дорогой и уважаемый М. М.!

Полтора года тому назад я подавал отсюда голос в надежде на братский отклик. Ваш тогдашний ответ сам по себе был для нас, одичавших под большевиками, особенно радостным, и мы не раз потом читали и перечитывали каждую строчку этого письма. После этого прошли долгие месяцы. Хватили мы за это время всякого лиха, но про Вас не забыли... Прежде всего сообщаю, что мы тут живы, несмотря на все напасти, и хочу поделиться с Вами наболевшим. Начну с вопроса.

Знаете ли Вы толком, что творится здесь у нас? Видимо, нет. Положение наше теперь невыносимое. Дело в том, что прошлогодние и позапрошлогодние попытки возрождения «военного коммунизма» — в виде принудительных хлебозаготовок — были только цветочками, ягодки произросли теперь в виде сплошной коллективизации, непрерывного хозяйственного разгрома станиц и варварского выселения «кулаков». С первыми признаками вытрезвления казачества и иногородних от застигшей нас врасплох весенней (1930 г.) кампании массового загона в колхозы начался т. н. «отлив», т. е. массовый же выход из колхозов. Рассвирепевшие «совпарторганизации» ответили новыми административными и карательными мерами, и таким образом теперь число колхозов непрерывно повышается.

Все это происходит на фоне непрекращающейся стихийной борьбы казаков против повседневного насилия. Доведенный до отчаяния казак ломает свои машины, режет скот, выгоняет в степь коня на голодную смерть. То там, то здесь разражаются неожиданные кровавые вспышки. Так было четыре месяца тому назад в ст. Платнировской и два с половиною месяца назад в Гиагинской (Майкопского отд.). Зимою и летом с Кубани выселили многих «кулаков», частью вместе с семьями на Урал, частью — в засушливые уезды Ставропольщины. В связи с этим в каждой станице много беглых. То возникают, то вновь распадаются «зеленые». Кое-кто сам переселяется. Много болеет, голодает. Посев озимых самый

пестрый, а много единоличных уже остались без посева. Хороший урожай наполовину пропал из-за колхозной бессмыслицы. В казачьих и иногородних массах царит большое возмущение и недовольство. Окончательно потеряла свою остроту рознь между казаком и иногородним, и лишь в отдельных местах коммунисты продолжают опираться на свои «партизанско-бедняцкие цитадели». Такова общая картина.

Мы не знаем, остались ли неизменными Ваши взгляды на положение у нас, но то, что Вы писали нам в прошлом году, совершенно неприменимо здесь в настоящей обстановке. Я не говорю о политической программе. Иначе, как демократический союз вольных казачьих областей, будущее нам не представляется. Казачьи массы достаточно испытали, чтобы не хотеть ни коммуны, ни доброволья. Но теперь на первом плане и глухая, и явная ненависть к большевистскому насилию. Выступить здесь с проповедью не действовать, а думать потихоньку, можно человеку, свалившемуся с луны. Действие-то развивается не организованно, само собою, и казачья кровь льется ежедневно и ежечасно.

Нередки случаи, когда к нашему брату являются казаки, видящие еще в нас своих верховодов, за советом и помощью. В такой обстановке немыслимо замыкаться в своей скорлупе. Предлагать «непротивление злу» не поворачивается язык. Таким ответом не удовлетворяются люди, доведенные до последней степени отчаяния, ограбленные, оплакивающие расстрелянных отцов и братьев. Естественно, что пускается в ход все, чтобы удержать наиболее безрассудных. Наконец, тактика пассивного ожидания у моря погоды — в надежде, что освобождение придет неведомо когда и само по себе, является теперь очевидной бессмыслицей и для самых трезвых голов. Для каждого, кто задумывается над нашей судьбой, очевидно, что, не встречая серьезного сопротивления, Московская В. К. П., опираясь на крепостное российское быдло, вконец обескровит и удушит Кубанское и все другие казачества, и в первую очередь наиболее живые его силы.

Оставить движение казачьих масс без головы в момент, когда уже совсем будет поздно, явится и для нас, и для вас преступлением перед родной землей. Нас охватывает одно чувство — нужно посильно, срочно и осторожно готовиться к борьбе. Чего же мы хотим от вас?.. Вдумайтесь в наше письмо, братья-кубанцы, отнеситесь серьезно к каждому слову. Не обижайтесь за резкость. Это письмо людей, исстрадавшихся и измотавшихся до последнего предела. Если есть еще там кубанское боевое товарищество, так подайте сюда весть, как и чем можете помочь тем, в ком живет дух борьбы за самостийную Кубань, за освобождение ее от кровавого кошмара. Поддержите нас советом и делом.

Шлем вам всем горячий привет...»

От переселенных на Дон терцев, 12 марта:

«Вы спрашиваете, не своей ли охотой мы выехали, — нет, нас выслал сельсовет. Все наше добро осталось в колхозе — и дом, и сады. Пару быков и корову дали нам, а то все осталось.

...с нами не было — он сидел в ГПУ, а потом его сослали в Архангельск, а потом перегнали на 500 верст на юг от Архангельска. Со мною выслана и... Мужья наши тоже с нами — мой сослан на 3 года, а ее на 5 лет.

Хаты, где мы живем, копаные. Глухая стена вся в земле, а передняя стена на два аршина вылепленная. Положены стропила, на стропила положены плетни, а на плетни насыпана земля. 20 арш. длины, 6 — ширины. В такой казарме живет 10 семейств, а всех нас, высланных в этот поселок, 58 семей».

«Мы строимся вовсю, заводы и фабрики. Зато убиваем все — в селе уже на 100 дворов 10 коров, свиней совсем нет, лошади додохнут эту весну совсем. Да, наверное, и люди к весне подохнут, так как жиров совершенно нет в станицах, даже постного масла и того не найдешь. Неудивительно, что нет в станицах, ибо хлеборобу уже ничего не дают — ни сахару, ни круп, ни масла, наоборот, у него забирают поголовно все, и то дают рабочим на производстве.

Масла постного не получаем от ноября месяца, сахар, правда, дают все время на каждого рабочего 1 кило 200 гр. да изредка селедку, больше ничего. Осталась нам только свобода и больше ничего. Штаны тоже уже стащили с нас, остались одни лохмотья, белья тоже нет, ходим в корзинках, но и этого, наверное, скоро не будет, потому что липу уничтожают и не с чего будет лапти плесть. Если бы вы посмотрели, до чего мы здесь дожили, вы бы ужаснулись».

С Кубани:

«Ты думаешь — мы справді так бідно живемо. Ні, купити конверта знайдеш за що, та тільки нігде купити, — усе нищиться, скуднота на все. Н та М. наміченіна переселення, а потім і ми. Х. зараз теж хорий дуже, мабуть тех піде «на той бік» — там зараз ліпше жити. Зараз, голубе, усім добре жити.

...Ми пока на місці, Х. також, та на осінь, здается, і нам припаде. Н. та М. уже в Астраханской губерніі, а відтіля приїхали комуністи, вже пошти половина ставропольців та астраханців, а наши там. Живуть по хатам висланих. Наші діляться по групах, що то рік[1] вислали: мужчини в Мурмані по берегам Білого моря, на Уралі — Пермь, Тюмень і т. д., розігнані усі,

[1] РИК — районный исполнительный комитет

а сімейства в Ставропольщині по-над Маничем — цілі села. Де хто з сімействами на Урали.

Одна група ще сидить до суда, а сімейства дома. Есть іще у З. на станції, сидят там і досі, бо погрузки немае. Кожний захватив що нужнійше — хліб, барахло, обстановка, зрідка по коняці брали й по корові. А було й так, що сами люди погрузилися, а те все осталося на станції, навіть і хліб зостався. Та група, що наші грузились, багато брала всього, ще в кого було, та тільки од станції трудна доставка, багато де чого пропаде, там сильна грязь і далеко та й перевозка на свій щот, — грошима платять, а в кого немае — мукою.

М. теж взяв корову й сидить і досі на станції. Н. уже на місці в селі, в одній хаті з Ч., — по дві сімі, у хаті. На паливо скудно. Остальне, що дома зосталося, все в колхоз перейшло, а де в кого за долги забрали. Перші вислані булы кулаки, другі й треті — зажиті, а далі і всім міиста не буде. Зараз так життя сказалось, що лучче, коли нійкоі собственности немае. Сплошная коллективізація...»

18 мая:

«Дорогой и жалкий мой братец, папаша из ссылки написал мне, что ты не пишешь мне потому, что боишься меня подвести. Не бойся за меня. Пускай меня куда хотят ссылают и выселяют, я желаю вести с тобой переписку. Все равно уже хуже того, что здесь творится, нигде не будет, а терять мне нечего. Все забрано до нитки, выгнали со двора, живу у кума Н.

Папаша пишет из Архангельской губернии, что здоровье его плохое, сильная задышка, просит помочи и сообщает, что будут перегонять еще на 1000 верст дальше, в какую-то Пищуру[1]. Я приготовила посылку и пошла сдать на почту, но там отказали в приеме, посылки в Архангельскую губернию не идут, запрещено спасать своих родных, умирающих с голоду. Мама тоже стара и плоха, сослана отдельно от папы и пишет, чтобы я скрылась от высылки — уж очень там плохо жить, морят голодом и холодом. Ей я успела послать 2 посылки и 30 руб. денег, зато сама осталась раздетой и голодной, и теперь у меня нет ничего совершенно.

Сейчас у нас очень трудно, хлеба купить не за что, менять не на что и заработать негде, все идет в колхоз, а там никакого порядка, и мы там не состоим. Что будет дальше, не знаем. Словом, жить нельзя. Куда деваться, тоже не знаем, хоть ложись и умирай с голоду. У нас сейчас нет мущин, все по тюрьмам, на высылках и принудительных работах, где тоже морят голодом. В тюрьмах ужас, какого раньше не было. В Майкопе и в Лабинской все тюрьмы забиты казаками, сидят

[1] Печора

по 5-6 месяцев в тюрьмах, хлеба не дают и помочь давать запрещают. Вот когда наелись все советской власти и рады были бы, если бы кто взял ее от нас хоть на время, чтобы нам отдохнуть.

Пиши скорей ответ и положи туда конверт со своим адресом, у нас некому это сделать...»

Из Архангельской губернии:

«Закрытых писем не пишите, не пропускают. Пишите открытки».

Из станицы Б-кой, Майкопского отдела, 19 мая:

«Кум Г. прислал из Ставропольской губ. маленькую дочку на родину, которая рассказывает, что там на людях пашут, форменным образом запрягают в плуг и погоняют. А если не пойдешь на работу, то гонят на принудиловку. Люди разбегаются во все стороны. Куму А. некуда бежать через четырех маленьких детей, старшему 8 лет.

Вынесут продавать барахло — никто не берет, не за что. Потайком муку покупают по 50—70 руб. пуд, и найти трудно, а весеннего заработка нет...»

С Кубани, 20 мая:

«Живу я сейчас у Вашей мамы. Меня выгнали из дома, а имущество разграбили. Колю в тюрьму загнали — девять месяцев уже сидит в тюрьме, а там с голоду погибают. До последнего фунта все забирают и даже до сухарика. Людей терзают и бьют без оружия, да лучше бы сразу, как голодом морить. Нигде не спрячешь — ни в земле, ни в горе, везде находят.

Одного начальства в нашей станице 20 человек, да в комиссии 40 человек, а пристяжных и не посчитаешь — один перед одним выслуживаются, кто больше, и все из жалованья. Набрали мы хлеба более 100 пудов, а сейчас умираем без хлеба. Купить негде, наш забрали, рынки закрыли, скотину поели, лошадей поморили — с голоду попадали. Свиней тянут, по переулкам бегают и где заметят — как звери, бегут за свиньями. Замки ломают в хатах, а кого застают — терзают и бьют. Люди кричат «караул», а спасать некому — все прячутся, кто куда попало.

Праздников нет, гонят на работу и на Пасху, и на Троицу, и в воскресенье. Народ чисто мертвый ходит, дети маленькие — как дыни, желтые. Не остается ни курочки, ни уточки, ни конька-скакунка — все перевели, редко у кого коровка есть.

Письма проверяют — из твоего письма вытащили бумагу. Грабеж до конца: одежду тянут, подушки, рядна, одеяла, перья, хлопья, где какая железка, где старый чугун, гвозди,

чулки — совершенно ободрали нас. Председатель сам грабит. Нет у нас во дворе ничего абсолютно, кроме нас, все забрали...»

«Напрасно вы упрекаете брата, его уже давно нет в станице, сидит в ГПУ в Армавире. Когда и куда его отправят — пока неизвестно.

Мамашу вашу тоже из станицы увезли...»

С Кубани, 22 мая:

«Ты за границей, а я в Ставропольской губернии — выслали уже 9-й месяц, а мой муж уже полтора года где-то на лесозаготовках, за свой труд осужден на год заключения и 5 лет высылки. Он работает уже полтора года, и не отпускают его до семейства, а у меня восемь душ семьи и нет хлеба и денег, и уже продаю барахло и, наверное, дорогой братец, и погибну с голоду. Дорогой братец, как хочется видеться, скучно, что не дай Бог такой тоски».

Из 2-го Донского округа, 24 мая:

«Колхоз оставил мне имения немало: кобеля, кошку, две курицы. Вот и все мои пожитки. Можно было бы нажить одну лошадь, но нет смысла, посчитают кулаком — нынче купишь, завтра отберут.

Груши, яблоки хорошо цвели, но мне ждать нечего, посева в поле у меня нет. Только кругом куреня взрыл лопатой и посадил картошку, арбузы, кабаки».

5 июня:

«Здравствуй, дорогая дочка А., уведомляем мы, что письмо мы твое получили и посылочку, за что остаемся очень довольны. Когда получили вашу посылку, то сильно заплакали, неожиданный гостинец. Мы думали, что нас совсем забыли, а теперь почувствовали твою милость и любовь к нам.

Теперь, дорогая дочка А., сама знаешь, за что мы пошли страдать, — за то, что день и ночь заботились обо всем, чтобы кормиться, и засчитали нас кулаками и сослали нас на Уральский дальний край, где уже две зимы мы переносим сильный холод и голод и работаем тяжкие работы под надзором милиции. Хлеба дают трудоспособному 2 фунта в сутки на едока, а нетрудоспособному полфунта на день муки, в месяц 15 фунтов. Больше ничего не дают, приварку никакого, и нигде ничего достать нельзя, страна такая, что ничего не родится. Одна картофель доспевает, и то мало садят, купить очень дорого — 3 рубля ведро. У кого есть что из одежонки или рубашонки, то выменивают то картошку, то муку, а у кого нет, то пухнут с голоду.

Дорогая дочка, у нас дома все забрали, даже подушки и

попонки, повезли на дальний холодный край, где нам не за что выменять куска хлеба, все мы попроели, что у нас было на дому, более из материных лохмотов, оставшихся от грабежа. Теперь живем голые и босые накануне гибели, одежи и обуви нам не дают, летом ходим в лаптях и зимой, другой обуви не достанешь нигде, кооперации нам не отпускают ничего. Дорогая А., может, вам доступно, то пришли материи хоть на кальсоны или готовые да брату на рубашку. Он, несчастный, страдает еще больше нас, его от нас взяли и угнали за 100 верст от нас на заготовку леса, где ему приходится переносить сильные морозы. Поотморозил на руках пальцы, и мы его не видим, только слышим, что живой, мать плачет день и ночь, но ничего не поделаешь.

Зима здесь продолжается 9 месяцев, снег с 1 сентябри, да такой — в два аршина глубины, дороги делаются узкими, как свернешь, так не вылезешь, как в воду влезешь. Первое время нас привезли в город Чердан[1], где расположили по квартирам, и прожили мы там 5 месяцев. Потом нас увезли в деревню П., где мы прожили 9 месяцев, а теперь перевезли в глубь дремучего леса, в бараки — такие хатки тесные и негодные для жилья. И поставили по 12 человек в каждый барак, и гоняют на работу рубить дрова, а чтобы ни один человек не сидел, дрова рубим кубометр—три кубометра на день на человека, а если не выработаешь нормы, то и не дадут хлеба. Я хожу на работу, изнурен, едва живой, и также и мама — одни мощи.

С тем остаемся...»

С Кубани, 9 июня:

«Здравствуй, дорогой... Прости меня за долгое молчание. Я тебе прислал только одно письмо, а больше не писал, потому что мне было некогда. Я все время был в станице У., работал в лесе, а к Троице пришел домой, и меня взяли и посадили в тюрьму, а маме сказали, чтобы они собирались на высылку. И когда я просидел трое суток, тогда меня вывели и посадили на бричку и повезли за станицу, а туда приехали мама и Оля со всеми вещами. И нас привезли в А. 4 июня, и еще сидим до сего времени на станции, ожидаем вагоны. И говорят, что придут вагоны не раньше 15 июня.

Приезжали к нам сюда Катя и Вера в гости, и вечером они уехали. Если бы ты посмотрел на нашу маму, то ты бы ее и не узнал — такая она стала старая и плохая здоровьем. Я подал заявление в ГПУ, чтобы оставили маму и Олю, а меня пускай высылают, я один как-нибудь буду. Но еще мне не сказали, оставят их или нет.

[1] Чердынь.

Высылают не одних нас, а из нашей станицы 7 семей и из В., и из хуторов. И все сидим в А. Итак, не обижайся, что мало написал, обнимаю и крепко целую. Твой...

Ожидай новый адрес из Соловков».

ГОД 1932-й.

«ГОЛОД. ГОЛОД НЕВЫНОСИМЫЙ»

С Кубани, 15 марта:

«Добрый день, дорогой брат, сестра и племянник. Шлю вам свой сердечный привет и целую вас, дорогой братец, сестрица и племянничек. Я ваши письма получила и узнала про вас, как вы живете. Мы тоже пока все живы, но только не знаем адреса... и где она, если узнаем, то напишу.

Дорогой братец, пока мы живем ничего, хорошо. Брат Иван работает каменщиком, бьет камень. Он обещал мне выслать фотографию, я пошлю тебе адрес его. Я знаю, ...презирает того, кто сообщение имеет из чужой державы, и мы поэтому опасаемся.

Миша, я буду все писать, а ты, дорогой братец, пока воздержись, не пиши, мы будем уезжать с этих мест, тогда я сообщу, где мы будем. Миша, я положу свою марку, а ты обратный адрес не пиши, а только наш, и налепи только нашу марку. Пиши на меня П. К. В.

С тем до свидания, остаюсь жива и здорова и вам того желаю от Господа Бога. Скоро поеду до сестры О.».

С Дона:

«Весна была дождливая, мокрая, а весеннее наводнение, как в 1917 г., достигло небывалых размеров. Лето было также дождливое. Во 2-м Донском округе обработка полей закончена, но посев был слабый. Урожай же в этом году был очень мал, так что округу грозит голод.

В станице Есауловской с церкви Архистратига Михаила сняты все 12 колоколов и там же на площади кощунственно разбиты вдребезги. До боли тяжело было смотреть на этот позор, когда коммунисты молотками разбивали стародавнюю медь, которую наши предки, казаки-есауловцы, с таким старанием многими годами добывали на свои трудовые гроши...»

С Терека:

«Дорогой Ф. И., письмо Ваше получили, за что очень Вам благодарны. Вашему сообщению и Вашим словам мы очень рады.

Вы обижаетесь, что мы не пишем, — нам теперь не до писем. Уже, можно сказать, подошел конец, жить нечем, тем

боле хлеба нет. На станциях люди часто ложатся под поезд, другие взбираются на высокую ветку[1] — и оттуда вниз головой, а то просто бросаются с мостов. Через голод мука страшная, а пуд хлеба стоит 130 руб., мяса же не увидишь, потому у кого даже есть курица, так ее нечем кормить.

Половина станицы разорена совершенно, а люди многие сосланы на Урал, можно сказать, самые примерные хлеборобы. Подворья их растащены. К. бондарем на Урале, Д. тоже где-то, А. З. в Закаспии, а я удрал со своими в Н., где работаю на заводе. А в станице ни в коем случае жить нельзя, тут хоть кукурузы больше. Даже с Украины народ хлынул сюда.

Ты обижаешься, Ф. И., что теща не отвечает тебе о своих. Она как получит оттуда письма, так скорее их уносит со двора, очень боится. Твою карточку тоже прислала мне, а то строго преследуют за это.

Народ весь худой, бледный — на кого ни глянь. Многие из наших покончили свою жизнь в Пятигорске. Под Машуком, напр., невинно погибли И. и С., П. и И. Ч., И. Ф. К., И. К., С. Н., В. М., В. и Е., М. Д., М. В., а в станице сейчас живут вдовы да самая шантрапа. Станицей правит сейчас Н., а тетка твоя — активная работница, получила красную повязку. Работаем, как моторы, без отдыха, а питаемся больше воздухом да водой. С тем и до свидания.

Затем передай привет всем станичникам. Желаю им много, много здоровья...»

С Дона, от казака-шахтера:

«Вы пишете, чтобы мы сообщили Вам новости. У нас только и новостей — что нечего шамать. Вот с утра сидим и дожидаемся хлеба, а он будет в 4 часа вечера. Вот тут и говорят: «За что мы боролись? — Чтобы меньше ели». А хлеб такой, что если бросишь кошке, то она не ест. Понюхает и пойдет от него, боится отравы.

Так вот какие у нас новости. И не думаешь, что надо работать, лишь бы день до вечера. Так — ни жив и ни мертв, только что ходишь. Скоро подохнем, а чтобы деньги не пропали — я их пропью сейчас. Водка у нас старинная, бутылка стоит 8 рублей, а зарабатываем упряжкой 2 руб. 80 коп., забойщик зарабатывает 5 руб. 75 коп. на упряжку. Одним словом, на водку не заработаешь.

У нас постановили, чтобы воров не было. Если колхозник возьмет один кочан капусты или горсть зерна, то его ссылают на 10 лет в каторжные работы.

Аресты идут большие.

Базаров у нас нет, и нечего покупать, а если кто покупает

[1] Ветка (*южнорусск.*) — дерево.

на дому, то обоих присуждают тоже на 10 лет. В колхозах хлеб молотят и прямо везут на станцию.

Маслины (подсолнух. — *Ред.*) косят косилками. Я ходил на эти работы.

Маслина никуда не годится, идет насмарку к... (ругательство. — *Ред.*) социализму.

Извиняй, что плохо написал. Сижу с утра до вечера голодный. У нас ведро картофеля стоит 8 руб.».

Из 2-го Донского округа, 30 декабря:

«Голод. Голод невыносимый[1]. Продналог невыдерживаемый. Кто не имеет ничего, все же должен платить продналог. Платят, то есть наложен и на тех, кто не имеет ни кола ни двора, а ходит с сумою, и тот должен платить по одному пуду жита с души.

Зима нехолодная. Пока еще косится. Хлеб молотят, так как летом и осенью шли проливные дожди. По хуторам хлеб лежит еще в копнах. Сеяный хлопок только собирается.

Простите, что Вам долго не писали, — нам ведь не до этого, не до писем. Живем все мы под большим страхом».

ГОД 1933-й.
«ЖИЗНЬ НАША ПРОПАЛА»

«Все те, которые принимали участие в «гражданской» войне и вернулись из эмиграции (начиная с 1921 года и кончая включительно 1932 г.), ликвидированы или сосланы в Сибирь и Соловки.

Дети эмигрантов лишены всяких прав гражданина, причислены к лишенцам, и им не дают никакой работы в союзе республик.

Все мы босые, голодные и раздетые, хлеб у нас забирают вчистую, а дают только полфунта муки на душу. Что делается — это просто ужас.

Письма пиши короткие, иначе огонь горит ужасный... Дела, брат, плохи. Брата убили, а дядя бежал неизвестно куда».

---

[1] В донесениях политотделов МТС сообщалось: в зоне действия политотдела Гражданской МТС в марте 1933 г. «продовольственное положение остается напряженным, случаи смертности от недоедания и голода не прекращаются», в зоне политотдела Черноерковской МТС зафиксировано «поголовное полное опухание, ежедневные смерти до 150 человек в одной станице и больше»; в Ейской МТС состояние людей в январе 1933 г. было жутким. За январь—апрель по ряду колхозов умерло от 365 до 290 чел. Итого по 4 колхозам свыше 1000 чел. (...) Был ряд случаев трупоедства и людоедства своих близких и родных; в Пластуновской МТС «весной 1933 г. 1300 чел. умерло (...) Большей частью мужчины и старики. Женщины оказались выносливее». — «История СССР», 1989, № 3, с. 51.

С Кубани, зима тридцать второго—тридцать третьего года. От сестры:

«Дорогой братец, мы пока живы и здоровы, но у нас все забрали — пшеницу и весь скот. Больше, чем в 200 дворах, в один день поднялся плач с утра до вечера, как будто в каждом доме умер человек. Волос дыбом становился, плакали те, у кого забрали, и плакали те, за которыми была очередь. Некоторые говорили: наверно, пришел свету конец... Но это все прошло, хотя и остались без куска хлеба и в слезах.

Наступает церковный праздник 12 октября — Казанской иконы Божией матери. Зазвонили в церкви в колокол, народ начал приходить в церковь, но безбожники поспешили остановить колокольный звон, взяли топоры и пилы и полезли на церковь, начали снимать главы и кресты и сбрасывать вниз. Люди, пришедшие в церковь, все плакали. Когда работу окончили наверху, пошли в церковь и стали снимать иконы и все выносить и складывать в кучу, а потом принесли соломы и все иконы подожгли. Народ рыдал, но всех разгоняли по домам.

На ночь поставили стражу из одного человека (из окрестных хуторов). Ровно в 12 часов ночи он, то есть сторож, услышал женский плач и увидел свет (в церкви не было ни одной лампадки). Рыдающий голос восклицал: «Боже мой, Боже мой, что вы наделали!»

Сторож, конечно, испугался, побежал в совет, то есть в наше нажитое веками станичное правление, в доложил обо всем. Собралось несколько милиционеров. Да, огонь горит и голос тот же.

Со взведенными курками винтовок двинулись они к церкви. Да, действительно видят свет и слышат голос. Только они одну ногу поставили, все прекратилось.

Наутро безбожники собрались и обсудили, потом заказали строго никому не говорить об этом, но мужичок[1], когда пришел домой, рассказал своей жене. Жена пришла в станицу и рассказала одной подруге, а от подруги узнали все, и вся станица уверилась, что это было видением Божией матери».

Тому же адресату — от матери:

«Дорогой сынок, мы уже старые и наверно нам не придется больше видеть вас, а потому просим тебя, нельзя ли через Американский Красный Крест уехать к вам, за границу. Ведь мы совсем пропащие люди, мы скоро должны умереть с голоду, у нас есть нечего, да и сеять нечего, и не на чем пахать.

Ходят девчата и подростки за Армавир, больше ста верст, где находятся большевистские колхозы, и там собирают зерно

[1] Сторож.

по полям и приносят домой. Первое время удавалось, потом начали разгонять плетями. Когда приносили кукурузу, варили и ели, а часть оставляли на семена. Копали огороды и садили...»

От нее же:

«Пришли милиционеры и заявили нам, чтобы готовились с отцом на высылку. Пригнали еще пять семей, с которыми мы должны вместе выселяться. Дали сроку неделю.

Через неделю, в субботу, приходят и говорят: «Вы по своей старости остаетесь, но через три часа освободите дом». Мы взяли свои вещи и пошли к своей дочери. Дочь, конечно, нас со слезами встретила, наплакались вдоволь и примирились.

Через три дня, смотрим, приходит милиционер, вручает повестку на 50 руб. продналога. Отец говорит: «Откуда я возьму, меня же всего три дня, как из дома выгнали». Он отвечает: «Я ничего не знаю, где хотишь, там и возьми». Опять плач.

Ну, утром посоветовались, и отец ушел пешки на Черный берег, в село. Там работают сын и зять на каменоломне. Говорит, заработаю 50 руб. и уплачу продналог».

От сестры:

«Папашу и брата нашего Петра арестовали и пригнали в станицу. У отца нашего не было документа, а у брата был просрочен.

Три дня подержали. Брату переменили документы, он уехал обратно, а отец заболел...»

От нее же:

«Папаша наш умер... Брат Петро приезжал проведать отца. Только он в дом зашел, его сейчас же арестовали и допрашивали целых три дня, зачем он приехал. Он говорит: «Отца приехал проведать, он лежит при смерти».

«А кто тебя уведомил, что отец больной?»

Он говорит: «Сестра написала, я и приехал».

«Ну, удирай, — говорят, — на место». И он сейчас же и уехал, а через несколько дней отец умер.

Дорогой братец, у нас не было досок на гроб, но я пошла в отцовский дом и попросила двери с амбара. Спасибо, человек был хороший, что стоял в доме, что дал двери с амбара. И похоронили мы своего папашу. Кто был, все плакали, что скоро и за нами очередь придет. Скоро потому, что ни куска хлеба нет в доме.

А сестра М. жила в лесу со своим мужем и с семейством. Было у них всего, сейчас большевики узнали и забрали все до зерна, даже тыквы и картофель на подводах увезли...

Вот какая у нас жизнь».

От матери:

«Дорогой сынок, я сейчас осталась одна, не к кому головушку приклонить, хожу голодная от одной дочери к другой, но ведь и у них тоже нет ни куска хлеба. Попросила я сыночка Петра, чтобы он мне помог. Он, спасибо ему, через несколько дней прислал мне 200 руб., но я только расписалась, мне их не выдали, негодяи. Что я буду делать, не знаю, наверно, придется умереть с голоду. Ходила я, ходила и плакала, но Москва слезам не верит...»

От зятя:

«Доживаем последнее время. Мы то едим, что раньше свиньи наши никогда бы не ели, а теперь мы стали вместо свиней.

Хлеб родит хорошо, но его нам не дают. Давали нам по пуду на душу, а некоторым по два, а бедняку дают по 6 пуд. на душу, то есть мужикам[1], а мы все время ходим по степи, целыми днями собираем колосья, зерно вечером варим и едим...

Извини, что плохо написал, иду на проклятую работу».

От сестры:

«Дорогой братец, мама наша умерла с голоду, послали телеграмму Петру — его не пустили похоронить мать! Он нам после сообщил в письме: «Меня не пустили, это, говорят, обман».

Боже мой, как мы мучились, ни одного мужчины не было дома, даже гроба сделать некому, а в каждом доме есть люди, но они нам чужие, не хотят даже и слушать о умерших.

Дорогой братец, вот до чего мы дожили».

Приписка от адресата всех этих писем:

«С тех пор, т. е. от Троицы, никаких писем не получаю, живы ли остальные — ничего не известно, хотя я и писал уже три письма».

От редакции:

«Эти письма из станицы К. Кубанского войска сообщил В. Ф. (Франция)».

Февраль — март:

«В казачьих краях все тревожнее. Население голодает. Русские пришельцы[2] начинают покидать наши края. Почти все железнодорожные станции переполнены обратными переселенцами. Снова ездят на крышах вагонов.

---

[1] Мужик — здесь не казак

[2] Переселенцы из России

По железной дороге от Кавказской на юго-восток (на Кубани и на Тереке) ходят бронепоезда, так как партизаны рискуют нападать на железнодорожные станции, разбивают продовольственные склады, бьют коммунистов. Под Армавиром был недавно обстрелян поезд, в котором ехало коммунистическое начальство. Недалеко от Кавказской часто разбирают рельсы (особенно в сторону Тихорецкой). Один раз даже разобрали небольшой мост.

На Кубани после выселения трех станиц население еще более озлобилось против оккупантской власти. Очень часты «происшествия» со стрельбой. На днях под ст. Усть-Лабинской был убит ревизор, приехавший из Краснодара и ехавший на лошадях.

Самочувствие сов. власти очень неспокойное, у казаков же озлобленно-приподнятое. И на Кубани, и на Тереке казаки убеждены в скором конце теперешней власти, проявившей, особенно в последнее время, полную бесхозяйственность».

С Кубани:

«Кто из нас пока еще остался в живых, то кое-как, при больших трудностях, живем. Искали лучшего, но нигде не нашли хорошего. Теперь прибыли в... и тоже живем очень плачевно.

У нас в настоящем году мало кто останется в живых — мрут с голода».

С Дона:

«Наше подворье отобрали. Нас выгнали из дома и все отобрали: животных, имущество и хлеб. Ничего у нас нет.

Жизнь наша пропала. Живем — нуждаемся, хлеба нет, и купить негде, никто не продает, у всех пусто. Больше картофелем питаемся... Хорошего ничего нет, кроме плохого».

В редакцию — от донца-эмигранта:

«Поздравляем Вас с прошедшим праздником Святой Пасхи.

Мы получили от отца с хутора Р. письмо, в котором он описывает свою печальную жизнь. Хлеба не помнят, когда кушали, а кушают, что нельзя назвать хлебом. Собирают по снегу траву рогатку, толкут ее и к ней примешивают травы: могар и барок, древесные опилки, 3 — 4 картошки, и из этой смеси пекут ладышки.

У моих родных, у отца и сестер, все, все забрали, вплоть до венских стульев и спальных подушек. Два месяца прошло, как они писали нам письма, теперь из них кто-нибудь давно уж от голода умер.

Отец писал, что народ от голода целыми семьями пухнет.

А улучшения не приходится ожидать. Придет весна, а семян на хлеб нет. Значит, и на урожай не приходится рассчитывать.

Люди голодают и от голода умирают, а советы хлеб отправляют на станцию. Мой брат работает в колхозе. О нем пишет его мальчик (9 лет): «Папа почти дома не живет, одну неделю возил хлеб из станицы на станцию. А теперь караулит амбар с хлебом на хуторе. Кроме того, он убирает быков».

Старшую мою сестру с хутора переселили куда-то в С. район. А К. сидит в тюрьме, арестована неизвестно за что...»

С Урала:

«...Дорогой наш папаня и жалкой наш папаня, мы жалимся вам как своему родненькому папани в том, что мы пропадаем с голода, и поясняем вам, что нас с работы посыпали и карточки никакой не дали, и кормиться нечем и не на что, ничево не дают. Бабуня уже умерла, и дядя тоже умер. Голодным шел с работы, работал на шахте, обезмочил, идти было 4 километра, на дороге упал и кончился...

Все мы на приготове, и Н. уже слегла, не поднимается, а ребенок кричит, кормить нечем, в грудях молока нет. Она лежит, не шевелится, а мы все брюзглые от голода, умираем.

Трава не растет, хотя бы траву ели, у нас снег выпал в колено. Из двора[1] слуху нет никакого. Просили, чтоб помогли, никто не отзывается уже 7 месяцев, наверно, не нужны никому.

Родимая мамочка и мы просим — помогите нам, не дайте погибнуть, просим вас со слезами и кланяемся мы вам все, дорогой наш папаня...»

ГОД 1934-й
«...СПЛОШНЫЕ ПУСТЫЕ МЕСТА»

«К. работает в совхозе, а папаня умер в сентябре 1932 г. на Урале.

Когда я был здоров, то все дети были со мной, а когда заболел, то мать не могла их содержать и сдала в приют. Теперь хоть и выздоровел, но никак не могу стать на ноги.

Работаю на своих лошадях, вожу лес. Жить трудно. На себя я получаю 1 кг хлеба, а на маму 300 гр. Получаю на месяц 5 кило бураков, 5 кило капусты, 3 кило морковки, 1 кило луку и 1 1/2 кило масла. Это все...»

«С начала 1931 года и до настоящего времени я живу в Грузии. О причине сам можешь догадаться. Таких, как я,

[1] То есть из дому, откуда высланы на Урал.

здесь чуть ли не полстаницы. Семья К. вся здесь, как много и других семейств.

О положении нашего хутора можешь догадаться сам. От него не осталось и потрохов — начиная от хаты Ш. и кончая хатой Г., сплошные пустые места. И. Ш. и его жена умерли в Ставропольской губернии. Кум Г. живет со своим семейством на Урале. Мария умерла, Дуня умерла еще в Тифлисе.

Твое семейство живет пока в станице, а А. — со мной в Грузии. Его хата отошла в станичный совет...

В общем, как видишь, все хорошо. Если хочешь, чтобы я описал тебе все, пришли мне буквы на тарабарском наречии[1]. Только пиши не прямо мне, а домой — мне перешлют. Хата моя на колесах, сегодня тут, а завтра в другом месте».

Отец — своим двоим сыновьям, 30 апреля:

«В 32-м году я, мама, Ш., Т. и ее трое деток жили Божией милостью. У нас не было ни крошки своего хлеба. Мне пришлось просить в церкви у своих знакомых. Побираясь, я прожил до Пасхи, а от Пасхи мы питались зеленью. А в 33-м году со второй недели поста мы не имели ни одной крошки хлеба, ни картошки, ни крупы...

За хозяйство, милые детки, не спрашивайте — сад высох, все остальное тоже. Да оно уже и не наше, о нем нечего беспокоиться.

Я не знаю, где придется жить зиму. Хотя мы живем в своей хате (занимаем одну кухню), но не знаем, разрешат ли нам зимовать в ней или нет. Хорошо, если Ш. возьмет нас к себе.

Все мы, несчастные, живем в страшных бедствиях. Недавно к нам приходила за помощью З. Дети ее — пухлые от голода. Об одежде и говорить не приходится, все мы голые.

Т. умерла в прошлом году от голода дома, П. — тоже, но в тюрьме. У нее осталось трое детей, что с ними, где они — нам ничего не известно».

ПОСЛЕСЛОВИЕ: СВЯТОГОРОВА СУМА

Предок наш, Святогор-богатырь, уже передав Илье Муромцу меч, а с ним и старшинство, ехал куда-то по своей ветеранской необходимости. Вдруг увидел на дороге суму. Должно быть, обронил кто. Невелика сума, лежит серой кочкой.

Спешился Святогор, нагнулся подобрать суму. Но рука сорвалась, как со склизкого. Он ухватчивей взялся — нет, не может оторвать суму от земли. Как пристала.

---

[1] Тарабарское наречие — издавна бытовавшие на Руси тайные языки раскольников, коробейников, нищих, воров и др.

Святогор повод кинул, обеими руками — за суму. Рванул изо всей мочи...

«Идиотизм деревенской жизни» — вот как это у них называлось. Блестящая фраза из «Манифеста Коммунистической партии».

«Буржуазия подчинила деревню господству города. Она создала огромные города, в высокой степени увеличила численность городского населения по сравнению с сельским и вырвала, таким образом, значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни (разрядка везде наша. — *В. С.*). Так же, как деревню она сделала зависимой от города, так варварские и полуварварские страны она поставила в зависимость от стран цивилизованных, крестьянские народы — от буржуазных народов, Восток — от Запада»[1]. Это гимн городу, это провозглашение коренной противоположности между городом и деревней. Потому-то странно, что редакторское перо позднего, зрелого, умудренного Энгельса не коснулось этого знаменитого абзаца. В издании 1872 г. Энгельс правит другое место в «Манифесте» — пункт 9-й перечня мероприятий, которые осуществит победивший пролетариат. «Соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению противоположности между городом и деревней» — было в тексте раньше. Энгельс вычеркивает «противоположности» и вписывает: «различия»[2]. Но ведь это принципиальная правка, совершенно снявшая пренебрежительно-дискриминирующую дистанцию между городом и деревней!.. Тем не менее Энгельс не замечает абсолютного несоответствия новой формулировки пункта 9-го — «идиотизму деревенской жизни».

В 1888 г. Энгельс опять возвращается к этому важнейшему моменту марксистской программы. В новой, третьей, редакции пункта 9-го вместо «содействия постепенному устранению различия между городом и деревней» появляется «постепенное устранение различия между городом и деревней путем более равномерного распределения населения по всей стране»[3]. Трезвеющая, обогащающаяся опытом мысль Энгельса движется от молодой хлесткости, литературного и интеллектуального щегольства — к основательности, взвешенности, глубине. Тем удивительней эта аберрация зрения, упорно не замечающего все большей расстыковки текста по одному и тому же вопросу.

Фраза об «идиотизме деревенской жизни» с самого начала

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., т. 4, с. 428.
[2] Там же, с. 447.
[3] Там же.

была сколь блестяща, столь и несостоятельна. «Конечно, нелепо было бы отрицать, что деревенский быт зачастую бывал и грязен, и страшен, и ужасающе беден, — говорит в своей «новомировской» статье Ксения Мяло, — но разве не был таким же и быт пролетариата в XIX веке — предмет ужаса и отвращения нескольких поколений философов и писателей? Стоит перечитать «Жерминаль» Золя, чтобы составить себе достаточно полное представление об этом»[1]. Ну, «Жерминаль» — это уже для читателей «Манифеста». А его авторы, наверное, знали раннюю книжку Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», где городская жизнь пролетариата страшна так же, как деревенская жизнь, и даже более, поскольку лишена чистого воздуха, общества деревьев и трав, животных и птиц — выключена из живой природы. Вполне такою же оставалась эта жизнь и много после «Жерминаля» — как показала, в частности, горьковская «Мать». Дело было не в грязи и бедности самих по себе, но в идиотической биологичности жизни, во вращении по замкнутому кругу «простого воспроизводства», в отсутствии духовного «расширения», в вырождении. Кстати сказать, это не мешало бы ныне помнить пишущему люду. Отравившись в приснопамятные годы ждановско-сусловским идеологическим ширпотребом, пишущие люди вдруг увидели Дореволюцию чуть ли не золотым веком. Очень полезно для трезвости мысли держать под рукой Толстого и Бунина.

Поздний Энгельс, помимо поправок в «Манифесте», затрагивал и в других местах крестьянскую тему, все не в плане «идиотизма». Совершенно поразительные строки принадлежат перу Маркса. «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием Крестьянской войны, — говорил он в письме к Энгельсу 16 апреля 1856 года. — Тогда дела пойдут превосходно»[2]. Законченная формула союза рабочих и крестьян!.. Однако мысль эта у Маркса и Энгельса развития не получила. Кажется, только Ленин вспомнил о ней, критикуя Суханова в заметке «О нашей революции»[3].

В этой же заметке брошены вскользь слова, которые пока не привлекли к себе достойного внимания. «Помнится, Наполеон писал: «On s'cngage et puis... an voit». В вольном русском переводе это значит: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет». Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидали такие детали развития (с точки зрения мировой истории, это, несомненно, детали), как Брестский мир или нэп и т. д. И в на-

---

[1] Ксения Мяло. Оборванная нить. — «Новый мир», 1988, № 8, с. 247.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., т. 29, с. 37.
[3] Ленин В. И. ПСС, т. 45, с. 378.

стоящее время уже нет сомнений, что в основном мы одержали победу»[1].

Может быть, взглянуть и на эту ассоциацию с Наполеоном «с точки зрения мировой истории» — из сегодняшнего дня, «по конечному результату»? Сопоставить ее с Эверестом историко-партийной литературы на тему о научности большевизма. Сообразить, что девиз этот у Наполеона звучит авантюрно и что кончил Наполеон плохо.

О крестьянской теме у основоположников марксизма точно сказал Бухарин: «Анализ Марксова «Капитала» ведется таким образом, что из этого анализа в значительной мере удаляется крестьянство, потому что это не есть специфический класс капиталистического общества»[2]. А библией социал-демократов оставался «Манифест». Это было самое распространенное марксистское сочинение, русские мальчики читали его в десятках изданий, на всех европейских языках. И сперва сами впитывали максиму насчет «идиотизма деревенской жизни», а потом начинали наставлять в кружках других. Иным, особо начитанным, известно было, что еще писали Маркс и Энгельс о крестьянстве. Но поскольку, во-первых, о крестьянстве писалось, как правило, в страдательной тональности, лишь как об объекте, но не субъекте истории, во-вторых, эти строки ведомы были все-таки тесному кругу (скажем, популярные нынче мысли Энгельса о среднем крестьянстве изложены в личном письме, но история с другим письмом — письмом Маркса о русской общине, которое Засулич и Плеханов утаили, показывает ограниченные возможности личной переписки), то господствующим у широкой социал-демократии мнением о крестьянстве было пренебрежительное мнение «Манифеста».

Русская революция, конечно, вносила свои поправки. Вообще, если оглянуться, отношение РСДРП — РКП(б) — ВКП(б) — КПСС к крестьянству выглядит как цепь корректировок, поворотов от абстракции — к жизни. Похоже, это уникальный в истории случай. В крестьянской стране крестьянство десятки лет не бралось по-настоящему во внимание.

Эти корректировки высоко ценились не только самими корректировщиками. «Для международного революционера крестьяне — «реакционный класс», революцию нужно делать без них и против них, — писал венгр Ласло Немет полвека назад в рецензии на сталинские «Вопросы ленинизма». — Но Ленин, который знал, что русская действительность — это русское крестьянство, дал место в классовой борьбе «союзу трудящихся классов», а пролетариату отдал лишь право пода-

[1] Ленин В. И. ПСС, т. 45, с. 381.
[2] Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., Политиздат, 1988, с. 68.

чи примера и воспитания»[1]. Любопытный взгляд со стороны. Насколько он правилен, можно судить по такому вот взгляду изнутри: «(...) Что было бы, если бы партия большевиков, руководствуясь в значительной мере утопическим представлением о возможности быстрого построения коммунизма, не сузила так резко (пролетариат и беднейшее крестьянство) социальную базу революции?»[2]. Но, мало того: Немет и берет аграрную платформу большевизма как нечто раз и навсегда сложившееся. У Маркса крестьянство — «реакционный класс», «идиотический», у Ленина — союзник «иных трудящихся классов». Нет, не так было дело.

Полемика с народниками свелась, по существу, в развитие тезиса об «идиотизме деревенской жизни». Заодно с народниками херилась деревня как таковая. Вполне по рецептам классического марксизма ей предписывалось капитализироваться — расслаиваться на кулачество и деревенский пролетариат, и лишь затем этот деревенский пролетариат допускался до участии в революции на общих основаниях.

И сколь ни значительны подвижки большевистской программы между девятьсот пятым и девятьсот семнадцатым годом и позднее, они все производят общее впечатление тактических, вынужденных, временных. За ними, под ними — стойкое понимание российского крестьянства как «реакционного класса».

Вот это поражает особенно. Неохота впасть в пошлость, вульгарность позиции умника, сегодня судящего вчерашних людей, которые не могли знать, как и что будет. Но ведь и не судить — нельзя! Потому что эти-то люди, в отличие от обыкновенных, уверены были в истинности, научности своего представления насчет завтрашнего дня. Это были необычайно самоуверенные люди, каких свет не видывал. Самоуверенные, надменные. Анна Ахматова прекрасно «портретировала» их:

...Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

Она, конечно, имела в виду людей своего круга, но, как и должно великому поэту, сказала больше — сказала обо всем своем поколении. И вот эти «бесслезные, надменные» люди на полной скорости налетели на препятствие.

В двух номерах «Известий» за восемьдесят девятый год — 10 и 11 марта — напечатана статья историка В. Сироткина «Уроки нэпа». «Когда наконец с выходом в свет шестого Полного собрания сочинений В. И. Ленина его «нэповские» до-

---

[1] Немет Л. Сталин: Вопросы ленинизма. — «Иностранная лит.», 1989, № 4, с. 240.

[2] Голованов В. Батька Махно, или Оборотень гражданской войны. — «Лит. газ.», 8.2.89, с. 13.

кументы за 1921 — 1923 годы полностью станут доступны всем читателям, — пишет, в частности, Сироткин, — мы, возможно, прочитаем и такую запись его личных секретарей М. И. Гляссер и Л. А. Фотиевой, сделанную ими под диктовку Ильича в самом конце 1923 года: «Конечно, мы провалились. Мы думали осуществить новое коммунистическое общество по щучьему велению. Между тем это вопрос десятилетий и поколений. Чтобы партия не потеряла душу, веру и волю к борьбе, мы должны изображать перед ней возврат к меновой экономике... как некоторое временное отступление. Но для себя мы должны ясно видеть, что попытка не удалась, что так вдруг переменить психологию людей, навыки их вековой жизни нельзя. Можно попробовать загнать население в новый строй силой, но вопрос еще, сохранили бы мы власть в этой всероссийской мясорубке». И затем Сироткин добавляет: «У меня нет сомнений в точности передачи мысли Ленина его секретарями; упоминается она и в «Архиве Троцкого», вышедшем за рубежом, но в наиболее полном виде эта запись воспроизведена пока лишь в воспоминаниях бывшего секретаря Сталина Б. Бажанова, изданных в Париже—Нью-Йорке в 1983 г.»[1].

Что-то очень скоро, неделю-полторы спустя, телезрители вечерней программы увидели озабоченное лицо драматурга М. Шатрова. Он объяснял ведущему передачи, что такой записи Гляссер и Фотиевой существовать не может. Полупарализованный Ленин ни продиктовать, ни как-то иначе сообщить свою мысль был не в состоянии.

Потом уже в печати кто-то посетовал: вот, мол, до чего докатились!.. Но тем и кончилось, больше, кажется, статью Сироткина не поминали. Множество материалов, один острей, сильней другого, половодьем идут на читателя, который пресытился, протестует — и в рознице замелькали «Дружба народов», «Октябрь», «Новый мир», даже «Огонек», и подписка упала, как ртутный столбик термометра, когда у человека спадает жар...

Однако быстрое реагирование со стороны Шатрова комично не потому лишь, что дело того не требовало. Небезынтересно, конечно: говорил так Ленин или нет, — но больше для характеристики самого Ленина. Для положения же вещей это значения не имеет. И ни Шатров, ни кто-нибудь еще из оппонентов Сироткина, сколько помнится, не возражали по с у щ е с т в у: не доказывали, что «мы» не «провалились», что «попытка удалась».

Сегодня трудно себе представить во всей полноте, что значило для вождей Октября крушение военного коммунизма. Ведь они практически уже победили в гражданской

[1] Сироткин В Уроки нэпа. — «Известия», 10.3.89, с. 3.

войне, которую, как они утверждали, развязали их противники. Это совершенно замечательное утверждение по двум причинам. Во-первых, одна-единственная партия призывала, начиная с августа четырнадцатого года, превратить мировую войну — в гражданскую. Во-вторых, если допустить, что большевикам действительно навязали гражданскую войну, то нужно допустить и детскую их наивность — ибо только детски наивные люди могли захватывать власть в уверенности, что это так им и пройдет. А поскольку в действительности большевики были не детьми, а политиками, постольку они знали в октябре, на что идут. И гражданская война, которая *не могла не возникнуть* после большевистского переворота, была — объективно — реализацией лозунга о превращении войны мировой в войну гражданскую. В этой так называемой гражданской войне России пришлось воевать даже не с одной из сторон, противоборствовавших в мировой войне, но с обеими — и с Германией, и с Антантой, и вдобавок еще с Японией, которая в мировой войне не участвовала.

То есть большевики к двадцать первому году победили весь мир. Они в большей степени, чем парижские коммунары, «штурмовали небо» (Маркс). И вдруг... Крестьяне увидели, что с окончанием военных действий ни прод-, ни заградотряды[1] не упразднены — и открыли свою гражданскую войну. «Власть Советам, а не партиям!..» Народ сохранял открытую им советскую форму государственности, но прогонял политические партии, узурпировавшие власть. Скоро к крестьянам примкнули рабочие, в том числе — питерские, затем — армия в лице восставшего Кронштадта. Вся Россия вставала на дыбы.

Мятеж удалось усмирить. Но назавтра после усмирения был объявлен нэп. Победители всего мира капитулировали перед собственной «смоленской грязью» — как элегантно выразится о деревне Сталин попозже. Это было поражение много страшней Варшавы. Под Варшавой мировая революция только отступила, здесь она — захлебнулась. Но мировой революцией буквально жили эти «бесслезные, надменные» люди, сложно переплетая в мечте о ней личные амбиции с общим благом. И вот эту прекрасную мечту затоптали какие-то навозные жуки. Нетерпимо и нестерпимо болезненный, уязвляющий самолюбие удар!..

«...В глубине души она оплакивала героическую попытку с оружием в руках пробиться к новому общественному строю», — писал Радек о Ларисе Рейснер[2]. Этому красивому психологиз-

[1] Уникальные сведения о заградотрядах содержатся в очерке М. Цветаевой «Вольный проезд«. — «Сов. Россия», 10 9 89, с. 4 (перепечатка из журн. «Современные записки», Париж, 1924, № 21)

[2] Радек К. Портреты и памфлеты. Худ. лит., М., 1934, с. 66.

му можно верить, Радек знал, что говорит, он сам это чувствовал — это было типичное для большевиков переживание. Но красивая героико-романтическая картинка, на которой сабельники Павки Корчагины, предводимые блестящим юным Тухачевским, рвались в Европу, — эта картинка имела некрасивую оборотную сторону. С оборотной стороны те же бойцы мировой революции рубили тамбовских и сибирских мужиков, расстреливали крестьянских вождей Думенко и Миронова, топили в Белом море баржи с кронштадтцами — вчерашними крестьянами в бушлатах и клешах. Э т о й ценой обеспечивалась мировая революция изнутри, с тыла. Ценой беспощадного («бесслезного») смирения громадного большинства населения родной страны. Собственно — смирения России.

«Идем на соглашательство с крестьянством и с мещанством (...)»[1], — сказал Троцкий. На соглашательство «авангард мировой революции»[2] мог идти, понятная вещь, только с противником — иными словами, крестьянство и в двадцать третьем году «реакционный класс» для «международного революционера». Скрепя сердце, стиснув зубы, поворачивались «лицом к деревне».

Валом хлынула литература с этим удивительным лозунгом на обложках. Удивителен он по невольному, скрытому сарказму: если сегодня — л и ц о м к деревне, то каким же местом обращены вы были к деревне вчера, позавчера, всегда? Какое место своих вождей, заслуживала лицезреть... хотя — нет, конечно, не лице — !.. зреть великая крестьянская страна вообще, в принципе, не в эту лишь нэповскую оттепель?..

Они крепко зарубили себе преподанный крестьянством урок. Они не забудут и не простят унижения. «Сейчас, листая газетные подшивки тех лет, поражаешься тому, — простодушно говорит Ксения Мяло, — что, собственно, никто из оставшихся после смерти Ленина у руководства страной н е л ю б и л д е р е в н ю к а к т а к о в у ю»[3]. Где простодушие, там и глубина. Однако из слов Ксении Мяло следует, что Ленин деревню — любил. Это далеко не общее мнение.

«Ленинская нетерпимость, непоколебимое стремление к цели, презрение к свободе, жестокость по отношению к инакомыслящим, — по нарастающей перечисляет Василий Гроссман — и суммирует, — и способность, не дрогнув, смести с лица земли не только крепости, н о в о л о с т и, у е з д ы, г у б е р н и и, оспорившие его ортодоксальную правоту (...)»[4].

[1] Доклад на VII Всеукраинской партконференции 5 апреля 1923 г. — В кн.: Троцкий Л. Д. О Ленине. М., ГИЗ (без даты), с. 164.
[2] Там же.
[3] К с е н и я М я л о. Указ. соч., с. 249.
[4] В а с. Г р о с с м а н. Все течет. «Октябрь», 1989, № 6, с. 94.

Волости, уезды, губернии — по преимуществу, деревенская Россия; сносить их с лица земли — довольно странный способ проявлять любовь к ним.

И А. И. Солженицын, как явствует из его интервью журналу «Тайм», считает Ленина «необычайно злонамеренным человеком». Журналист спросил, что понимается под словом «злонамеренный». «Полное отсутствие всякой жалости, — был ответ, — отсутствие человечности в подходе к людям, народным массам, к любому, кто не поддерживал его во всем (...)»[1].

Газета «Советская Россия», устами Игната Чебукина из Анапы, произвела Солженицына — не называя фамилии, а только цитируя про «необычайно злонамеренного человека», — в «наиболее маститые антикоммунисты»[2]. Но доктор исторических наук А. М. Совокин, который комментировал интервью там же в «За рубежом», обошелся — надо отдать ему должное — без «нина-андреевщины». «Надо обладать каким-то особым дефектом зрения, чтобы игнорировать великое ленинское культурное творчество, — сетовал он. — Не разглядеть (чего? — *В. С.*) в ленинском теоретическом наследии, словарный запас которого (наследия? — *В. С.*) Богаче, чем у лучших русских писателей (т. е. у Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого? — *В. С.*), идеи которого (опять же — наследия? — *В. С.*) и ныне — источник знаний и действий миллионов, — значит уйти от реальных фактов. Ленинская подвижническая жизнь, полностью, без остатка отданная трудовому народу и прогрессу человечества, и — обвинения его в злонамеренности и бесчеловечности... Что может быть более несообразным?

Приведу лишь один факт. Известно, как неоднозначно относился В. И. Ленин к К. Каутскому, как резко он его критиковал за искажение марксизма, за фальсификацию истории советской действительности. И вот после смерти Ленина Каутский, не отказавшись от своих взглядов, все же заявил, что Ленин — в пантеоне великих борцов за победу революции, что он колоссальная фигура, «каких мало в истории».

Известны тысячи отзывов, мнений о Ленине, создателе партии большевиков, вожде Великой Октябрьской социалистической революции, обаятельном человеке, которому ничто человеческое не было чуждо. Альберт Эйнштейн верно заметил, что люди, подобные Ленину, являются «хранителями и обновителями совести человечества».

Можно подумать, комментарий преследовал цель усилить позицию Солженицына! Вся эта аргументация вопиюще некорректна, вся — из подмен и подстановок. Солженицыным предъявлено конкретное обвинение: злонамеренность как безжалостность, бесчеловечность. Что противопоставляет

---

[1] «За рубежом», 1989, № 31, с. 22.

[2] Игнат Чебукин. Письмо коммуниста. — «Сов. Россия», 19.9.89, с. 2.

этому Совокин?.. «Великое ленинское культурное творчество». Но культурное творчество вообще само по себе не тождественно человечности. Скажем, одно дело 6-я симфония Чайковского, другое — пирамида Хеопса. В общекультурном плане это два пика. Но если 6-я симфония сама человечность и ничего не стоила людям, исключая добровольно сожженную часть души художника, то пирамида Хеопса стоит на костях людей. Этого раньше не брали во внимание, но сегодня мы не можем позволить себе такой этической невнимательности, такого «чистого искусства». Ведь на сегодняшний день нас, россиян, должно было быть, по расчетам историков и демографов, миллионов на сто больше. О громадном несчастье, случившемся с нацией, говорит эта статистика.

Далее — «ленинское теоретическое наследие», которое и ныне — источник знаний и действий миллионов». Эта патетическая тональность, к сожалению, фальшивая, она «из другой оперы», из сталинско-брежневской агитпроповской вампуки. Ленинское теоретическое наследие реализовалось в конкретной семидесятилетней советской практике. Разумеется, Ленин мечтал не совсем об этом. Однако к э т о м у пришел ленинизм как теория и практика в условиях саморазвития, без импульсов и коррекций со стороны своего творца, и практика все-таки критерий истины.

То же с «ленинской подвижнической жизнью, полностью, без остатка отданной трудовому народу и прогрессу человечества». Трагедия этой жизни, бессомненно — подвижнической, в том, что она, жизнь, оказалась отданной таким образом, что трудовой народ (советский, равно как и польский, венгерский и т. д. — см. страны СЭВ) от этого мало что получил. Прогрессу человечества досталось, наверное, больше, но прогресс и революция еще менее тождественны человечности, чем культура. Конечно, Каутский прав: Ленин — колоссальная фигура из пантеона революции, а мы так полагаем — уникальная фигура, — но Каутский-то здесь не оспаривает Солженицына, а подкрепляет. Очень бесчеловечны колоссы, «строители чудотворные». Напрочь свободны от обыкновенной, не разбирающей: свои, чужие?.. — человеческой жалости, от любви, которая, как это в особенности видно с макушки второго тысячелетия со дня рождения Христова, есть самое драгоценное в обиходе человечества.

Ну да о Ленине можно собрать и не тысячи — десятки тысяч отзывов. Только считать нужно, по справедливости, и «за», и «против». Этого никто пока не сделал.

«Обаятельный человек...»? Но это наружная, воспитуемая способность. О Рейгане английская королева сказала: чудо обаяния. Буш не умел улыбаться на людях, а захотел в президенты — научился. Вообще личное обаяние — норма для политика. Согласны, что ленинское обаяние другого характера,

но решительно не согласны, что оно сколь-нибудь значимо в оценке Ленина.

Совсем ерунда получается, если вдумаешься в пресловутое «ничто человеческое не было чуждо». Это шокированная Крупская бросила, когда самой великой новостройке пятилеток — Культовой Мифологии — потребовался мертвый бог, и прорабы тогдашней перестройки (слова «социалистическая перестройка» были наиходовыми) взялись наводить на Ленина глянец. Однако цитируется Крупская бездумно. Н и ч т о ч е л о в е ч е с к о е?.. Да ведь, к примеру, подлость, лицемерие, коварство и пр., и пр. — исключительно человеческие качества, у животных их нет. Получается, что таким образом аттестуемый человек обладает и всем этим букетом.

«Альберт Эйнштейн верно заметил, что люди, подобные В. И. Ленину, являются хранителями и обновителями совести человечества...» Мы бы отвели кандидатуру Эйнштейна в качестве оценивателя Ленина — по той причине, что роль Эйнштейна в судьбе человечества такая же, как и Ленина. Это две роковые фигуры гениев, из лучших побуждений приведших человечество на край гибели. Ленин расколол его на две враждебные части, Эйнштейн снабдил сверхоружием. Еще раз оговоримся, что побуждения были наилучшие, почему говорить о злонамеренности, собственно, нельзя. Но кому от этого легче...

Вся защитительная риторика Совокина критики не выдерживает. Это не значит, однако, что Солженицын абсолютно прав. Дефект, не дефект, но видит он избирательно. Ведь ясно же, что проштудированы все десятки ленинских томов, а там и жалость, и любовь, и человечность. Не декларированные, но выраженные теплом и светом искреннего, непосредственного, живого чувства.

Нет, Ленин отнюдь не нелюдь сталинского пошиба, он умел и любить, и жалеть. Ни малейшего сомнения на этот счет не оставляют его документы, касающиеся п а р т и й ц е в и р а б о ч и х. Естественно, Ленин справедлив и заботлив, если дело касается вообще «трудового народа», но сейчас мы говорим о чувстве любви. Закавычили же «трудовой народ» оттого, что странновато, диковато невключение в эту категорию, к примеру, людей типа булгаковского профессора Преображенского — труженика из тружеников. Это уже «кадетствующая профессура» (адвокатура, литература), «спецы», «бывшие»...

«Конечно, мы далеки от идеализации воззрений Ленина на крестьянство, — пишет Олег Платонов в «Нашем современнике». — Отличались ли его представления о крестьянской общине от представлений других социал-демократов того времени? Нет, почти не отличались...»[1]. Но «почти» примени-

[1] Платонов О. О Русь, взмахни крылами!. — «Наш современник», 1989, № 7, с. 119.

тельно к Ленину значило много Думается, он один усвоил урок, полученный от крестьянства, без йоты мстительности, затаенной ущербленности самомнения. Любви к крестьянству у него не прибавилось — но, бесспорно, прибавилось понимания, с кем он имеет дело.

Один из героев телевизионного фильма «Дети XX съезда» — политический обозреватель А. Бовин говорил: Маркс — и, если угодно, Ленин — допустили ошибку. Они считали, что человек есть сумма производственных отношений. Измените производственные отношения — изменится человек. Ленин обращался к делегатам III съезда комсомола: вам жить при коммунизме!.. Но производственные отношения изменили, а человек оказался куда менее податливым (это не дословно, но за смысл ручаемся).

Возможно, Маркс и Ленин ошибались — сейчас модно уличать их в ошибках, — однако считать это доказанным преждевременно. Пока что, думаем, ошибается Бовин. Если установлено, что обобществление средств производства было подменено у нас огосударствлением их и что партийно-советская бюрократия — правящий класс, то производственные отношения по существу не изменились. Что составляет существо производственных отношений?.. Есть эксплуатация или нет эксплуатации. Мы все крепки государству, а крестьянство эксплуатируется больше других. Оно всегда платило тот «дополнительный налог», о котором однажды сказал Сталин, — и до того, как он это сказал, и после. Так что «провода в соломе», «лампочка Ильича» — символы, нуждающиеся в уточнении. Принимая во внимание долю крестьянства в индустриализации, надо считать, что свет по проводам шел не из города в деревню, но, наоборот, из деревни в город. Как это делалось и чего стоило деревне, показывают письма, составляющие нашу книгу.

А к чему это привело в конце концов, кинематографически живо демонстрирует Эльдар Рязанов. Прощаясь с «Чонкиным», которого ему не дали снять, он пишет: «Мы поездили по Калининской, Ярославской, Рязанской и Московской областям. Более страшной картины представить себе трудно (...). От этих поездок (а мы повидали с полтысячи деревень и сел) возникает ощущение, что крестьянство много десятилетий находилось под оккупацией. Сколько нужно было приложить старания, чтобы так расправиться с собственной деревней, с собственным народом (...). Было ясно, что наша сельская жизнь поражена метастазами, казалось, что деревню невозможно поднять, что она умерла»[1].

Слово «оккупация» применительно к российской деревне (кстати сказать, постоянно присутствовавшее в эмигрантской

[1] Рязанов Э Прощай, Чонкин — «Огонек», 1989, № 35, с 28

печати двадцатых-тридцатых годов) — это неслучайное слово связано с представлением о войне. Рязанов описывает уничтоженную, разгромленную деревню. Но заблуждение думать, что российскую деревню п о б е д и л и. Такое же, по сути заблуждение, как то, в которое впал Гроссман, утверждая, что душа России — рабская. Как раз исторические судьбы русского крестьянства дают опровержение могучее, непреложное. Например, крестьянские войны под водительством казаков Разина и Пугачева, когда крестьяне видели своей целью республику наподобие казачьей войсковой.

Сам феномен казачества, собравшего в себе цвет нации. В июне семнадцатого года на Дону был восстановлен республиканский строй, корнями уходивший в казачью старобытность, в новгородские вечевые времена. Донцы первыми не признали Октябрь, «триумфальное шествие Советской власти» на них не распространилось.

Крах военного коммунизма, порушенного крестьянской же войной.

Угроза крестьянской войны в разгар коллективизации — в тридцатом году вынудившая Сталина к отступлению. Из закрытого письма ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1930 г.: «Поступившие в феврале месяце в Центральный Комитет сведения о массовых выступлениях крестьян в ЦЧО, на Украине, в Казахстане, Сибири, Московской области вскрыли положение, которое нельзя назвать иначе, как угрожающим. Если бы не были тогда немедленно приняты меры против искривлений партлинии, мы имели бы теперь широкую волну повстанческих крестьянских выступлений, добрая половина наших «низовых» работников была бы перебита крестьянами, был бы сорван сев, было бы подорвано колхозное строительство и было бы поставлено под угрозу наше внутреннее и внешнее положение. Этим было вызвано вмешательство ЦК, изменение Устава с/х артели, опубликование по специальному постановлению ЦК статьи тов. Сталина «Головокружение от успехов»[1]. Это — о рабах, о рабской народной душе?

И могли ли рабы спасти страну в Отечественной войне с Гитлером и — в сущности — со Сталиным?..

Наконец, сама гибель российского крестьянства тоже не что иное, как акт отчаянного, героического сопротивления. Ведь так-таки и не вышло с деревней, как измышляли — планировали! Погибла, в сущности, победительницей — не поддавшись, и все сельское хозяйство в катастрофическом положении, вся экономика, и власть готова сделать последнюю корректировку: к тому, с чего начиналось на другой день после Декрета о земле. Только деревни российской — нет.

---

[1] Сб «Документы свидетельствуют» М , Политиздат, 1989, с 390

Надо ревностно не понимать своей страны, чтобы выводить сталинизм из крестьянской психологии. У сталинизма действительно глубокие исторические корни, они — в приказной, чиновничьей традиции, чрезвычайно сильной на Руси. Но крестьянство тут ни при чем. Оно имело стойкие царистско-патриархальные склонности в форме расплывчато-сказочного культа царя («помазанник Божий») — но не культа л и ч н о с т и царя. Да Сталин и не царь, он деспот. Обыкновенно говорят: восточный деспот. Мы воздержимся от этого, ведь Гитлер — европеец.

В тысяча и одном томе собрания сочинений Ленина — Троцкого — Бухарина — Зиновьева — Каменева — Сталина — Рыкова — Томского и пр. бездна таланта, ума и — знаний о России. Но оказалось, что можно владеть массой сведений о родной стране — и не знать ее. В одном, главном. Можно писать замечательные статьи о национальной гордости великороссов и другие, восхищаться Толстым: «до этого графа настоящего мужика в литературе не было» — и декабристами, хотя «страшно далеки они от народа», — причем это, в сущности, то же, что сказать так о Пушкине. Можно, короче, быть вполне русским, однако полагать, что Россия позволит обойтись с собой, как это будет угодно «международным революционерам».

Детскими играми кажутся розыски, кто есть кто по национальности среди фигур первого ряда. Ведь они все н е м ц ы, в том изначально-чистом смысле слова, какой значит н е м ы е, н е р а з у м е ю щ и е п о - р у с с к и. В них ни в ком не было тени сомнения, что Россия даст использовать себя как исторический материал, сделать с собой то, что вздумалось им в озлобляющих, ожесточающих, утверждающих в дьявольской гордыне ссылках, эмиграции, подполье. Подпольные, запрещенные, бесправные люди, какой наполеоновский, цезаристский комплекс вырастили они у своей партии, как свысока глядели на реальность, как ослеплялись «научностью» своей теории!

А сегодня комментатор Гроссмана Г. Водолазов так определяет ленинизм: «Ленинизм выступает за развитие экономических (а не административно-командных) связей в народном хозяйстве страны, за принцип распределения по труду, запрещающий создание нетрудовых, кастовых, бюрократических привилегий, за превращение работника в реального хозяина — через механизм самого широчайшего плюрализма и демократизма» и т. д. и т. п.[1]. Но разве, к примеру, тэтчеризм не «выступает за развитие экономических (а не административно-командных) связей»? Или рейганизм не запрещал «создания нетрудовых, кастовых, бюрократических привилегий»? Или

[1] Водолазов Г. Ленин и Сталин. — «Октябрь», 1989, № 6, с. 27.

японская предпринимательская система, практически ликвидировавшая серьезные, не символически-театральные забастовки («весеннее наступление трудящихся»), не воспитала какими-то способами, в том числе — не снившимися нам плюрализмом и демократией, чувства реального хозяина у рядового рабочего?.. То есть у Водолазова — типичное для нынешней публицистики эссеистское, импрессионистское определение ленинизма. Но даже в пору безбрежной гласности необходима минимальная логическая строгость, иначе мы перестанем понимать друг друга.

Но есть ли строгое определение ленинизма?.. Есть, и мы напрасно забываем его. «Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности»[1]. Это десять раз нами законспектированное, вызубренное, сданное «на отлично». Это — Сталин, и поэтому сегодня мы, не задумываясь, отталкиваем это.

Вот, однако, известное меньше: «Я напомню марксовскую формулировку (...): «Мое учение и его сущность состоит не в том, что речь идет о классовой борьбе, и в том, что оно неминуемо ведет к диктатуре пролетариата» (...) Если теперь мы спросим себя, как мы можем характеризовать в общем и целом историческое лицо (...) *ленинского* (курсив мой. — *В. С.*) марксизма, то мне кажется, что его можно рассматривать как соединие, *как синтез троякого порядка. Во-первых*, это есть возврат к Марксовой эпохе, но не просто возврат, а *возврат, обогащенный всем новым*, т. е. это — синтез марксизма Маркса со всеми результатами анализа новейших социально-экономических явлений (...) *Во-вторых*, это есть соединение и *синтез теории и практики борющегося и побеждающего рабочего класса*, и, *в-третьих*, это есть синтез *разрушительной* и *созидательной* работы рабочего класса, причем последнее обстоятельство мне кажется наиболее важным»[2]. Это — Бухарин.

Можно процитировать определения ленинизма у Троцкого, Зиновьева, Каменева. Все эти определения сходятся. Конечно, Бухарин, Троцкий, Зиновьев, Каменев «умнее» Сталина. Но ленинизм они все понимали в главном однозначно — как теорию и практику диктатуры пролетариата. А они, надо согласиться, знали, что такое ленинизм. И в этом определяющем пункте — относительно диктатуры пролетариата — совершенно бесспорна цепочка Маркс — Ленин — Сталин. Шокирующая нас крылатая фраза 30-х годов «Сталин — это

---

[1] Сталин И. Об основах ленинизма. Собр. соч., т. 6, с. 71.

[2] Ленин как марксист., — В кн.: Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., Политиздат, 1988, с. 60, 62.

Ленин сегодня», к сожалению, основательна больше, чем этого хотелось бы. Только ударение нужно ставить на «сегодня».

Очень сомнительно, правда, что диктатура пролетариата когда-либо существовала в природе. С конца 20-х годов — никаких сомнений: это диктатура партаппарата, совбюрократии. Но переродилась в э т у диктатуру тоже не диктатура пролетариата, а диктатура партии. То есть возможно, что диктатура пролетариата закончилась вместе с военным коммунизмом и была лишь краткой романтической прелюдией к истинной драме. А драма состояла в том, что в своем основоположении марксизм и ленинизм не осуществились. Нигде. Ни у нас, ни в Польше — Венгрии — Чехословакии, ни в Албании, ни в Китае. Нигде не была реализована диктатура пролетариата как устойчивая, достаточно длительно существующая государственность. Везде была в лучшем случае диктатура партии, в худшем партаппарата.

Но это, как минимум, означает, что марксизм и ленинизм — историчны. И что, если придерживаться строгости в определениях и помнить: марксизм-ленинизм — это диктатура пролетариата, — значит, возвращение к ленинизму есть возвращение к диктатуре пролетариата (именно так — см. выше — как возвращение к основополагающей идее Маркса трактовал ленинизм Бухарин). Естественно, мы помним, что марксизм-ленинизм — не догма, а руководство к действию. Но вместе с тем он или содержателен, и тогда это — учение о диктатуре пролетариата, или беспредметен.

Однако перспектив у диктатуры пролетариата в нынешней реальности нет. Еще в брежневские застойные времена наше государство было совершенно справедливо переаттестовано в общенародное. Можно, конечно, употреблять термин «ленинизм» и сегодня — как он употребляется. Но это «не тот» ленинизм, это ленинизм «условный». Так сказать, общечеловеческие ценности в привычной для нас формулировке.

...Так вот, о Святогоре.

Ухватился он обеими руками за суму, дернул изо всей мочи. И — по колена в землю вгруз.

Дернул снова — вгруз по пояс.

В третий раз дернул — ушел в землю по самые плечи. Так и стоит, горой сделался. Святая Гора, или Святые Горы.

В малой суме, невидной, как дорожная кочка, была т я г а з е м н а я.

Владимир Сидоров

Часть II

«Россия № 2»

ИСХОД

1

16 ноября 1920 года на кораблях, которые принимали эвакуировавшуюся из Крыма белую армию, был получен приказ Главнокомандующего:

«Всем русским судам — с крейсера «Генерал Корнилов».

Русская армия, оставшаяся одинокой в борьбе с коммунизмом, несмотря на полную поддержку крестьян, рабочих и городского населения Крыма, вследствие своей малочисленности, не в силах отразить нажима во много раз сильнейшего противника, перебросившего войска с польского фронта, и я отдал приказ об оставлении Крыма.

Учитывая те трудности и лишения, которые Русской армии придется претерпеть на дальнейшем горестном пути, я разрешил желающим оставаться в Крыму, и таких почти не оказалось. Все солдаты Русской армии, все чины Русского флота, почти все бывшие красноармейцы и масса гражданского населения не захотели подчиниться коммунистическому игу. Они решили идти на вдвое тяжелое испытание, твердо веря в конечное торжество своего правого дела.

Сегодня была закончена посадка на суда. Везде она прошла в образцовом порядке. Неизменная твердость духа флота и господство на море дали возможность выполнить эту беспримерную в истории задачу и тем спасти армию и население от мести и надругания.

Всего из Крыма ушло 120 000 человек и свыше 100 судов Русского флота. Настроение войск прекрасное. У всех твердая вера в конечную победу над коммунизмом и в возрождение нашей Великой Родины.

Отдаю армию, флот и выехавшее население под покровительство Франции, единственной из великих держав сознавшей мировое значение нашей борьбы (...)

Врангель»[1].

В этом документе есть неточности. Покровительство Франции объяснялось отнюдь не «высокой сознательностью». Французы до последнего боролись за свои деньги, данные взаймы царской России. Мы говорим именно «французы»,

[1] Казаки в Чаталдже и на Лемносе Белград, 1924, с. 10—11

потому что держателями русских ценных бумаг являлись широкие слои населения Франции. Наша историческая псевдонаука фальсифицировала всю проблему этих займов. Об итоговом отказе Советского правительства платить долги повествовалось неизменно с удовлетворением, как о некоей победе. Между тем это — поражение вследствие элементарной неумелости вести дела такого рода, ну и, само собой, неуплата долга бесчестна для страны так же, как и для человека. Заплатить должно было в любом случае, даже когда бы кредиторами были Ротшильды. И тем более скверно — не возвратить деньги «маленьким людям», жившим на ренту с этих бумаг. Их презрительно зачислили в «рантье», «мелкую буржуазию» — в паразиты, словом. Пролетарская революция своих-то паразитов изводила, больно надо было печься о французских.

Увы, белая армия не оправдала ни надежд, ни расходов. Однако французы не бросили ее на произвол судьбы, что дешевле всего. Последующие события показали, что теперь-то они не имели на нее абсолютно никаких видов. Еще из Крыма Врангель предложил, чтоб его армия была переброшена кружным путем на Польский фронт, — французы оставили это без ответа[1]. Не откликнулись они и на отчаянную, в сущности, радиограмму Врангеля с предложением сменить оккупационные союзнические войска на Босфоре, то есть принять белую армию на иностранную службу[2]. Все, что готовы были сделать французы, это помочь белым эвакуироваться из Крыма и устроиться на первое время. Делалось это не бесплатно и под гарантию «в лице» оставшегося русского флота. «Я рассматриваю (...) эти корабли, — писал Врангель Верховному комиссару Франции в Константинополе де Мартелю, — как залог в уплату тех издержек, кои предстоят уже или будут предстоять для Франции, для оказания первой помощи, вызываемой текущими событиями»[3].

Второе уточнение — касательно того, что «настроение войск прекрасное». Психологически любопытно, как это можно сказать о людях, отправляющихся в изгнание, в неизвестность. Понятно, что главнокомандующему полагается в любой обстановке внушать армии бодрость, но все-таки чувство меры не должно б изменять ему. В этой фразе Врангеля, как и в другой — что «посадка на суда (...) везде прошла в образцовом порядке», звучит истерическая нота.

---

[1] См.: Врангель П. Н. Последняя ставка. — В кн.: Белое дело. Берлин, книгоиздательство «Медный всадник», 1928, т. 6, с. 234.

[2] Генерал Шатилов Памятная записка о Крымской эвакуации — Там же, т IV, с 107

[3] Врангель П Н Последняя ставка, т 6, с 101.

Кубанцев пароходы ждали в Феодосии. «Владимир», «Дон», «Корнилов» (не путать с крейсером), «Петр Регир». И на рейде дымили американский зерновоз «Faraby» и два миноносца — американский и французский.

Посадка на корабли началась 12 ноября. Первыми грузились тыловые части, штаб, Кубанское Войсковое правительство. Казаки артдивизиона, стоявшего под Феодосией, пустили на пристани коней на волю. Тоскуя, липли к бортам:

«— Он мій конь пішов и задумався...

— А мій повернувся. Дивись, йде сюди! Йому, мабуть, також хочеця на Кубань!»[1]

Часа в четыре в порту появился генерал Фостиков — командир Кубанского корпуса, начальник обороны Феодосийского района.

— Всех вон! — приказал Фостиков, имея в виду севших на пароходы. — Я никому не позволю грузиться, пока не будут погружены мои казаки.

Кубанский корпус был еще где-то на подходе и городу.

Фостиков заменил своими офицерами комендантов, назначенных на пароходы Войсковым правительством. Был пущен слух, что Перекоп у красных отбит, захвачено 100 тысяч пленных, эвакуация отменяется. Кое-где прозвучало жидкое «ура», послышались крики: «Слезайте!», «По квартирам!». Комендантские команды решительно помогали пассажирам очищать палубы и трюмы.

Но дальше причала никто не пошел. Ночь напролет, под ледяным норд-остом, тысячи людей — части, команды, служащие казенных учреждений, «частная публика», — погоняемые противоречивыми приказаниями, кидались от транспорта к транспорту. Никого никуда не впускали.

К десяти часам утра стали подходить части Кубанского корпуса. Вьюченные седлами, сумами, оружием, казаки поднимались на борт «Дона». На «Владимир» опять полезли все те, кого вечером оттуда высадили.

В городе в разных местах стреляли. Грабежи вспыхнули сразу с началом эвакуации. Теперь по трапам плыли вверх тюки шинелей, ящики с обувью, консервами, табаком, бочонки с сельдью.

Было солнечно, морозно, ветрено. В улицах вьюжило пылью, просыпанной второпях мукой, канцелярскими бумагами. Как эти же бумаги, кружились в гавани над идиллически-курортной морской «берлинской лазурью», чайки. Криков их, обычно не заглушаемых, слышно не было. Все придавило гулом толп, осаждавших гавань.

«Погрузка шла медленно, — вспоминает один из участни-

---

[1] Штовхань Ф На пароходе «Вольное казачество», Прага, 1929, № 47, с. 13.

ков и очевидцев. — Тысячи казаков толпились на пристани. У самих же пароходов творилось нечто неописуемое, как будто в огромном котле кипела и бурлила масса из человеческих тел. Но были части, которые стояли неподвижным строем, ожидая своей очереди на погрузку. Эти части «расстроились» лишь в последний момент, когда увидели, что пароходы собираются в море и без них. Тогда они не по трапу, а по борту, как муравьи, поползли на пароход, не обращая внимания на пулеметы, что были на пароходе направлены против них. А с севера подходили все новые и новые части. Бесконечными лентами втягивались обозы, совершенно запрудившие улицы города»[1].

Беспорядок увеличивался. Фостиков, обеспечивший погрузку своего корпуса, не высовывался с «Дона», ждал отплытия.

Когда стемнело, загорелись казенные склады с обмундированием и провиантом, вагоны с сеном. А потом Феодосию расплющило взрывами, точно внезапно придвинулся Перекоп, — в трех верстах от города подорвали артиллерийские склады, чтобы не достались красным[2]. Электрические фонари в порту светили как вполнакала, потому что от пожара было «светло, как днем» (очевидцы) — правда, день этот, огненно-черный, был вроде последнего дня Помпей. Французский миноносец «Сенегаль» поспешно отходил в море: там приняли взрыв артскладов за начало боя в порту. На этом миноносце эвакуировалось «человек 150 богатых армян»[3].

«Крики зависти и проклятия неслись вслед быстро уходившему кораблю с пристани, не попавшей в сферу военного порта, где скопились тысячи гражданских лиц, не имевших возможности пробиться сквозь тройной ряд очередей...»[4]

Не легче было войскам.

«Вдоль всей проволочной ограды военного порта тянулись, казалось, несметные толпы военных, все еще надеявшихся на погрузку. Вместе с нескончаемыми лентами повозок и лошадей они запрудили все прилегающие к центру улицы и прекратили всякое движение. Все это переплелось в одну сплошную компактную массу и точно замерло в страшном тяготении к центральным воротам порта, где крики, гул и шум достигали своего апогея. В военном порту — нервная по-

---

[1] Куртин Вл. Крым — Далмация. — «Вольное казачество», Прага, 1930, № 59, с. 17.

[2] Это — в нарушение приказа Врангеля от 9 ноября: «В случае оставления Крыма воспрещаю какую бы то ни было порчу и уничтожение казенного имущества, так как таковое принадлежит русскому народу» — Шатилов, с 99.

[3] Раковский Г Конец белых Прага, Воля России 1921 С 194, 193, 192—193.

[4] Там же.

грузка, высадка штатских и тыловиков, выкидывание вещей с борта...»[1].

Крики, вопли:

— Вы все равно не уедете!

— Стрелять будем!

— Давай сюда батарею! Подкатывай ее!.. Пропадать, так всем пропадать!

— Выбрасывай всех баб!

— Офицерья и бабья понатаскали, а нас бросаете, нас не хотите брать!

— Спекулянтов — в море!..

На пароходе тряслись беженцы, плакали женщины. Военные дергали затворы, готовясь отбивать все попытки высадить их.

С «Владимира» снова спустили трап, чтобы взять еще человек четыреста. Заклокотала, заревела давка. Люди сталкивали друг друга в воду. Комендант скомандовал поднимать трап: «Больше никого не приму!»

— В таком случае, я остаюсь со своими, — заявил начальник Терско-Астраханской дивизии Агоев.

Его казаки — седла, сумы на плечах — угрюмо смотрели снизу, с пирса. В шесть утра «Владимир» отвалил. Фостиков распорядился принять еще людей с устремившихся вдогонку катеров. Уходил «Владимир» с двенадцатью тысячами на борту вместо расчетных пяти. «Дон» загрузился по норме. Несколько счастливцев уехали с американцами — на миноносце и на «огромном пустом (!) «Faraby».

В море феодосийскую флотилию встретил крейсер «Генерал Корнилов». Врангель обходил назначенные под эвакуацию порты (кроме Севастополя — Керчь, Ялта, Феодосия), лично контролируя дело. Он переехал на «Дон», выслушал доклад Фостикова, «сразу вселивший сомнение в благополучии эвакуации Феодосии»[2]. Фостиков проявил «и недостаток распорядительности, и неуверенность»[3]. Как оказалось, часть брошенных терцев даже не знала, что можно погрузиться и в Керчи, и подалась в горы[4].

Другая же часть оставшихся в Феодосии терцев, астраханцев и кубанцев пристала к Донскому конному корпусу генерала Калинина. Отбиваясь от «зеленых» (красные далеко отстали), делая по 100 верст в сутки по размокшему шоссе, корпус Калинина влетел в Феодосию тем же днем, 14 ноября. Здесь уже распоряжался военно-революционный комитет. Калинин «ликвидировал» этих четырнадцать большевиков и без

---

[1] Раковский Г. Конец белых. Прага, Воля России. 1921. С. 194, 193, 192—193.

[2] См.: Шатилов, с. 106, 107

[3] Там же.

[4] Там же

остановки двинулся на Керчь, назначенную к эвакуации донцам. Они отходили на Керчь также от Джанкоя.

В Керчи Калинину тоже пришлось «ликвидировать» комитет, прекращать погром, обеспечивать плацдарм для посадки[1].

В порт казаки спускались пешим порядком, оружие и личное имущество несли на себе. Тысячи лошадей бродили по городу в поисках новых хозяев, сотни брошенных повозок загораживали проезд по улицам. Только для казенного имущества, тяжестей и запасов продовольствия оставили по нескольку подвод на полк.

Безобразий при посадке в Керчи не было, хоть и здесь пришлось высаживать-уплотнять шустрые тылы. «Подходившие части поднимались на баржи, которые затем и доставляли их на суда, стоявшие на рейде. Мелкие суда загружались с пристани. Где-то в полку играла музыка, — вспоминал участник эвакуации, — и веселые и бравурные звуки маршей широко разносились в порту, но казаки были невеселы, угрюмы и молчаливы. Не слышно было обычных песен...»[2].

16-го на суда сели 3-я Донская дивизия (около 5 тысяч казаков), интендантство — вообще тыловики Донского корпуса и 2-й армии, гарнизон и гражданские учреждения Керчи, беженцы. На ночь суда отошли на внешний рейд. 17-го погрузились части 1-й и 2-й Донских дивизий (заслон) и штаб Донского корпуса.

Часть донцов пошла из Джанкоя не на Керчь, как предписывалось директивой, а на Севастополь, вслед 1-му и 11-му армейским корпусам. Это были, главным образом, калмыки Дзунгарского (Зюнгарского) полка. В Севастополе их не ждали. Некоторые пароходы уже загрузились и вышли на рейд, а те, какие еще брали людей с Келенбухтской пристани, были расписаны плотно.

Все-таки адмирал Кедров, сначала «горячившийся, говоривший, что взять их (донцов. — *В. С.*) не может»[3], нашел выход. В Стрелецкую бухту подвели баржу, затем ее взял на буксир один из пароходов. Оставшихся катерами вывезли на внешний рейд и рассовали в ожидавшие там суда. «И это все благополучно разрешило вопрос о калмыках, — уверял Шатилов, — и к ночи на 1 (14. — *В. С.*) ноября они были все погружены»[4]. В эмиграцию ушло более 3 тысяч калмыков[5].

Всего из Крыма эвакуировалось до 22 тысяч донцов — воинских чинов и 6515 гражданских беженцев; они были разме-

---

[1] Раковский, с. 195.
[2] Казаки в Чаталдже и на Лемносе, с. 10.
[3] Шатилов, с. 104.
[4] Там же.
[5] Ленивов А. Донские калмыки. — «Вольное казачество», 1933, № 130, с. 12—15.

щены на 45 кораблях[1]. В Керчи вместе с донцами грузились кубанцы и терцы, пришедшие с Калининым из Феодосии. Правда, позднее товарищ (заместитель) кубанского войскового атамана Винников пенял, что не менее 3 тысяч кубанцев «остались на милость победителям»[2], то есть были брошены. Но это сложная материя. Напомним из приказа Врангеля: «Я разрешил желавшим оставаться в Крыму, и таковых почти не оказалось. Все солдаты Русской армии, все чины Русского флота, почти все бывшие красноармейцы и масса гражданского населения не захотели подчиниться коммунистическому игу...»

Близко к этому свидетельствует официальный историк Донского корпуса: «Неведомыми благодетелями по городу (Керчи. — *В. С.*) и отчасти в порту были расклеены номера местной, сделавшейся уже полубольшевистской, газеты, где был отпечатан приказ Главнокомандующего, разрешавший всем, кто считал себя слабым и предстоящим лишениям и не хотел разделить общую судьбу Армии, остаться в Крыму. Из уст в уста, ш е п о т о м (разрядка наша — *В. С.*) передавался между казаками этот приказ, но никто не хотел сдаться на милость красных, чему много способствовали имевшие несчастье остаться в Новороссийске (в марте 1920 г. — *В. С.*) казаки, перебежавшие затем обратно в Северную Таврию и на себе испытавшие все ужасы большевистской неволи — «лучше в море броситься, чем опять к красным попасть», — говорили они, рассказывая о тех унижениях, которым подвергали их красные, и ужасах, жестокостях, свидетелями которых они были.

Никто не хотел остаться в Керчи и подвергнуться расправе, предпочитая уйти в изгнание, чем оставаться в красном отечестве. Почти все прибывшие в Керчь, за малыми исключениями, погрузились на суда; остались лишь немногие, пожелавшие остаться, главным образом из военнопленных красноармейцев, мобилизованных жителей Крыма, санитаров и врачей-евреев»[3].

Но если желающих остаться «почти не оказалось» (Врангель), если «оставались лишь немногие», — откуда же взялись в Крыму те тысячи белых офицеров, которых расстреливали Бела Кун и Землячка?.. Пусть здесь преувеличение (вполне понятное и простительное); пусть офицеров были не тысячи, а сотни, даже десятки — все равно они могли быть только врангелевцами, и все равно нельзя сказать ни «почти не оказалось», ни «остались лишь немногие». Ведь именно чекистов-южан обозвал Ленин за расстрельное усердие «чекистской

---

[1] См.: Казаки в Чаталдже и на Лемносе, с. 13.
[2] Раковский, с. 195.
[3] Казаки в Чаталдже и на Лемносе, с. 10.

сволочью»[1] — так что кошмарные свидетельства Вересаева, Волошина, Шмелева и других отнюдь не эмоциональный миф. Однако тогда утверждения Врангеля и казачьих официальных историографов о почти поголовном исходе из Крыма — увы, пропаганда?..

Возможно, правда, здесь нужно разделить армейцев и казаков. «Я не знал, что отъезд носил добровольный характер, — сокрушался генерал Калинин. — Если бы мне сказали увозить только тех, кто действительно должен был спасаться, — я погрузил бы не более трети казаков. Я, командир Донского корпуса, не знал приказа Врангеля и такового приказа не видел. Ввиду этого выехали все, до красноармейцев, находившихся в наших рядах, включительно...»[2]

Не более трети казаков, по мнению командира Донского корпуса, имели действительные причины не встречаться с красными! Для полной ясности договорим: действительные причины — это, к примеру, попутная «ликвидация» феодосийского и керченского ревкомов. Огромное же большинство рядовых сабельников могло, по словам комкора, не страшиться кровной мести, не бежать с родины куда глаза глядят. Однако заметим, что Калинин это сказал в момент или вскоре после эвакуации. Вряд ли он остался того же мнения, когда пошли известия о смутной, туманной судьбе первой волны возвращенцев и уж тем более когда туман определенно проявился в отъявленную классовую месть Советской власти.

Свидетельство командира Донского корпуса, что он не знал исключительного по важности приказа Главнокомандующего, — тоже комментарий к утверждению Врангеля насчет «образцового порядка». Вместе с тем бесспорно, что эвакуация из Крыма была более упорядоченной, нежели мартовская эвакуация из Новороссийска в Крым. И хотя в те поры было мало надежды задержаться в Крыму, хотя не одно судно взяло курс прямо на Константинополь (в том числе и парамоновский «Петр» с членами Донского войскового круга на борту), все-таки Крым еще Россия. Теперь же расставались с последней пядью русской земли, плыли в изгнание, но самочувствие не было решительно хуже, чем в марте. Все-таки не сравнить, как обошлись с казаками в тот раз — и теперь. Ну и надеялись на скорое возвращение.

И здесь время сказать вот о чем. Недостатки крымской эвакуации, которые мы назвали и назовем еще, не должны заслонить для читателя грандиозность этого предприятия в целом. Такого морского десанта Крым не видел и мир не знал

---

[1] См Письмо Г В Чичерину от 24 10 12 г — «Известия ЦК КПСС», 1990, № 4, с 185

[2] Раковский, с 195—196

со времен Севастопольской кампании 1854—1855 годов. А последующие произойдут уже во вторую мировую войну. Причем и предыдущий, и последующие — все тщательно спланированные и подготовленные в отличие от импровизированного десанта Врангеля. Крымская эвакуация, уход от противника боеспособной, экипированной армии — вершина военного искусства Врангеля и одна из самых больших побед белых во всей гражданской войне. Это надо иметь в виду, чтобы не погрешить против историзма и справедливости.

2

Море сильно парило, и Феодосия с отходившего «Владимира» виделась размытой, смазанной. Как и забеленные инеем горы, откуда вот-вот должны были нагрянуть большевики.

Курсом на юго-запад «Владимир» шел в виду крымского берега. В начале восьмого Феодосия скрылась.

— Ну, як ты думаешь, куда поідемо?

— Начальство знае, куда поідемо, и знает, що будемо робити. Од починемо трохи, та й знову на Кубань.

— Та дай Боже!..

На «Владимире» действительно многие не знали, куда плывут. Иные не хотели б и знать — говорили, что это десант на Кубань, а кони и тяжелое вооружение брошены, чтоб «отвести глаза» крымскому населению и разведке красных. Оружие, мол, и кони для десанта — на других судах, отплывших раньше. Когда надо будет, все получим.

— Долго не будемо на пароходи, — щурились они значительно. — Суток двое-трое, а тамо...

Весь этот день так и шли, не выпуская Крым из виду. Точно чтобы наглядеться напоследок. Оставили позади Митридат-гору над Керчью, где в порту догружались заодно с донцами не взятые в Феодосии кубанцы и терцы. Скалистый Южный берег поднял на пики смутное, притуманенное солнце. Вот Аю-Даг. Вот Ай-Петри блеснул...

Против Ялты бросили якорь. Взвод казаков с винтовками протолкался к носовому мостику; неловко, неумело казаки цепочкой полезли наверх. Одновременно на палубу вынесли продолговатый сверток в темной холстине. Следом шел священник с крестом в руках. У борта само собою расчистилось место. Сверток стали на веревках спускать за борт, священник крестом чертил в воздухе другой крест, невидимый. На мостике застуженный голос крикнул команду — рвущейся рывками холстиной протрещал винтовочный залп...

Снялись уже в ночь Облепленные людьми палубы протя-

нуло широким дыханием открытого моря. Трюмы, набитые донельзя, задымленные махрой, слушали бьющую в железные стенки разгонистую на просторе волну.

На другой день Крым уже пропал из глаз. День был ясный и тихий. Людей потянуло на воздух из трюмной духоты. На палубе «Владимира» сделалось еще теснее.

Вдруг с мостика крикнули в рупор:

— Пароход кренится! Приказываю всем сойти в трюм!

Тысячи тревожных лиц, угрюмых глаз обратились в эту сторону. За стеклами рубки маячили капитан и полковник-комендант.

Уже во вторую очередь люди стали соображать: какой крен?.. И правда, «Владимир» скособочился. Как водится, шарахнулись к другому борту. Медленно и неуклонно пароход стал заваливаться на другой бок.

— В трюм! — гаркнул рупор. — Прикажу стрелять!..

Все кинулись вниз — преодолевая себя. Тонуть страшнее взаперти, внутри железного гроба. Минуты спустя на палубе остались только те, кто и плыл на ней, — тоже в немалом числе, но все же без угрозы перевернуть пароход.

Оказалось, нижние грузовые трюмы пусты. Когда казаки, набившиеся в верхние и средние трюмы, вылезли на палубу, «Владимир» утратил остойчивость. Кто там следил, на палубе, чтобы люди распределились бы к обоим бортам!.. И даже маленькая неравномерность стала кренить неустойчивое судно. Позднее вспоминали: еще бы два-три градуса — и были бы все 45, переворот «оверкиль». Вспоминали: «Владимир» бортом черпал воду. Наверное, преувеличивали, но риск опрокинуться, несомненно, был. И «Владимиру» повезло, что заштормило после, когда для него переход окончился.

Потом уже комендантская команда следила за передвижениями на пароходе, да и сами казаки большей частью валялись в трюмах, дурея от духоты, тоски, голодухи.

Первые день-два с едой было терпимо. Каждый имел какой-никакой запас, и до воды, хоть и в очередь, можно было достояться. Но свои харчи — вышли; кто был запасливей, делились нехотя, плыть предстояло неделю.

Из корабельного припаса на руки выдавалось где что. В одном трюме — селедка, в другом — консервы или галеты, в третьем — мука; были и такие, где ничего не выдавалось. Селедки, которую распределяли по воинским частям, в первую выдачу досталось по две штуки на брата. Голодные казаки съели их разом — и полчаса спустя уже пропадали от жажды. Вот когда началась драма с водой. На пароходе пили из дистиллятора, опреснявшего горько-соленую морскую воду. Но производительность его была рассчитана на нормальное число пассажиров и совершенно не соответствовала тому

переполненному ковчегу, в который превратился «Владимир». В первую очередь вода отпускалась раненым и больным, затем на кухню и лишь затем — общей очереди. Теперь эта очередь к крану (он открывался на час трижды в день) сделалась катастрофической. Многие, не выдерживая, пили забортную черноморскую воду.

То же было с кухнями, главными потребителями картофеля, крупы, муки, другого припаса. Ресторан обслуживал раненых, больных и детей. А с общей кухни все и выдавалось в общую очередь, где первенствовали наглость и сила. Вареной пищи далеко не хватало.

Люди приспосабливались, как могли. Казаки из того трюма, где была мука, замешивали тесто — и пришлепывали к горячей пароходной трубе. Получались недурные лепешки. Это открытие скоро переняли женщины — сестры милосердия и беженки из «палубных» семей. Образовалась еще одна очередь, тоже без привилегий, где дамы стояли в затылок казакам. Пекарей нетерпеливо прискоривали сзади — лепешки приходилось отрывать и есть полусырыми.

Такое питание удлиняло третью очередь — к уборной. Сотни народу томились в этой очереди днем и ночью, растянувшись лентой по всему пароходу. Были нездоровые, были такие, что не могли дождаться. А скольких еще выворачивала морская болезнь...

Хуже всех пришлось керченской флотилии, вышедшей в море последней и попавшей в непогоду. Жестоко треплемая норд-остом, флотилия в тридцать вымпелов остановилась и начала перегрузку с мелких судов. С десяти таких судов людей сняли и пересадили на более крупные, но теперь переполненные до невозможности.

— До Константинополя мы ехали неделю, — рассказывал генерал Калинин, — и пришли туда позже всех, когда керченскую эскадру считали погибшей.

Были замерзшие. Были смытые в море — и сошедшие с ума, бросившиеся сами за борт. Были озверевшие, потерявшие человеческий облик. Особенно сильно звучат обвинения в социальной несправедливости — совершенно большевистские, а ведь говорят из белых белые, сражавшиеся до конца, предпочившие потерять родину, но не сдаться, и позже, в эмиграции, не соблазнившиеся никакими амнистиями Кремля.

— Начальство устроилось с комфортом, — говорят они. — Откуда только понабралось столько всякого начальства. Разместились, конечно, в каютах. Был у них хлеб, были консервы, галеты... была и водка. Пьянствовали. В пьяном виде скандалили. Заставляли играть оркестры в то время, когда сидевшие в трюмах и испражнявшиеся под себя люди реагировали на это градом отборной, свирепой ругани. Устраивали на

кораблях военно-полевые суды и даже приводили смертные приговоры в исполнение. О, проклятые![1]

Все корабли керченской флотилии были с перегрузом против нормы. «Екатеринодар» — до 5 тысяч человек («кроме громадного груза зерна и интендантского имущества»), «Поти» — 3,5 тысячи, «Мечта» — столько же («не считая громадного количества керченских беженцев»), «Самара» — 2,5 тысячи и так далее. Люди сидели в угольных ямах, в шлюпках, на крышах кают, на мостиках — едва ли не до капитанского включительно. Трудно, а то и вовсе невозможно было пробраться с носа на корму либо в обратном направлении. Если в трюме «Владимира» спали на свернутых канатах, поневоле тоже сворачиваясь в кольцо, то в трюме «Мечты» не могли вытянуть ноги.

В такой тесноте вши делались общими. Трагикомическая деталь: на черных шинелях они были заметнее, чем на серых, и последние брезгливо сторонились первых, — однако вшей было там и там одинаково. В первые дни они еще помещались с исподу, но лихорадочная плодовитость скоро вытолкала их наружу. Как по приказу — в один день и час!..

Вначале человеку бывало в особенности неприятно, когда на него показывали. Он искал укромное место, где можно сгрести проклятую живность хотя бы снаружи, передавить ногтями. Но спрятаться на пароходе было негде, и люди волей-неволей привыкали. Тут же ели — и тут же по соседству толкли вшей.

В нечистоте сильнее страдали женщины. Много лет спустя кубанец с «Владимира» вспоминал:

«...Когда сошли по лестнице на такую высоту, с которой видно было расположение всего трюма, С. прошептал:

— Смотри направо...

В слабо освещенном углу, среди спящих офицеров и казаков, стояла в полуизгибе сестра милосердия. Одной рукой она держала немного приподнятый подол своего платья, а другой что-то выбирала (...) Она одна среди нас; мы ее не стесняемся, толчем их днем и ночью без нее и при ней, а она конфузится. Только вечером, когда все улягутся, она объявляет им войну»[2].

3

Переход до Константинополя занял от четырех до десяти дней — для разных кораблей по-разному. Свежеть начало в ночь на 22-е. Днем уже штормило, и в этот день затонул один из кораблей керченской флотилии — старый миноносец

[1] Раковский, с. 200.
[2] Штовхань, с. 15.

«Живой», шедший на буксире у парохода «Готланд». На нем было около двухсот человек. Их искали, но спасти никого не удалось.

Любопытно сравнить два свидетельства — взгляд с берега и взгляд с корабля. «С трудом продвигавшиеся, одни собственными средствами, другие на буксире, иногда по нескольку сразу, суда, приходившие на константинопольский рейд, переполненные сверх всякой меры людьми и имуществом, представляли собой зрелище, описывать которое мы не беремся»[1].

Но такое же впечатление неправдоподобности было у пассажиров этих судов: «Перед глазами побежала фантастическая панорама Босфора»[2].

Все корабли несли, помимо русского, еще и французский флаг — на передней мачте. Это было следствие компромисса, подытожившего довольно жесткую борьбу. «Сознательные» французы хотели бы превратить залог в свою собственность. Врангелевский премьер-министр Кривошеин склонен был согласиться поднять на русских кораблях французский «триколор». Однако этому категорически воспротивился адмирал Кедров. И максимум, чего добились французы — присутствие, так сказать, их флага на судах. Эта неуступчивость Кедрова в дальнейшем очень продлила русский контроль над флотом.

Итак, с обеих сторон — и с кораблей, и с берега — было на что поглядеть. «Палуба, все вышки и крыши, даже ванты были облеплены казаками, шумно делившимися впечатлениями. На набережной, на балконах домов, в окнах, всюду виднелись зрители, собравшиеся посмотреть на невиданное зрелище. Многие приветливо махали платками»[3].

Приветливо мелькающие платки подкрепляли в казаках радостное чувство конца невзгод и лишений. Беспредельно уставшие от войны, бегства, штормового моря, от голода и жажды, тесноты и грязи, большевиков и вшей, от страха, тоски, неопределенности, люди вздохнули с облегчением в виду берега. Возбуждающе сказочная картинность этого берега не только не перебивала чувство тихой гавани, надежной пристани, но добавляла человеку веры, что здесь-то, в этой сказке, найдется и для него место.

«Владимир» с кубанцами встал на якорь поздно вечером. Еще какое-то время казаки, волнуясь, всматривались в звездные россыпи стамбульских огней, вслушивались в распевные призывы муэдзинов, обрывки восточной и европейской музыки, технологические шумы громадного города-

[1] Фохт В. Б Lexil de l'armee russe. — «Казачий журнал», Париж, 1929, № 7, с. 21.
[2] Казаки в Чаталдже и на Лемносе, с 12.
[3] Там же, с. 13

порта. Но скоро полезли в трюмы — торопя последнюю ночевку на корабле, не чая дождаться утра, хлеба вдосыть, съезда на берег...

Утром, однако, наоборот — берег подступил к кораблям. Еще чуть светало, когда «Владимир» облепили лодки. В лодке турок или двое предлагали хлеб, копченую рыбу, фрукты, сладости. Предлагали и спиртное, но главное все-таки было съестное, разложенное «самым соблазнительным образом»[1]. Турок показывал на хлеб — «великолепный константинопольский хлеб[2]... небольшой хлеб, приблизительно около кила (как в тексте. — *В. С.*), правда, очень белый и пухкий»[3], и вязку-две инжира, фунта на полтора. Если с парохода отвечали знаками: мало!.. — он добавлял еще вязочку инжира или булочку.

Русские бумажные деньги были сразу напрочь отвергнуты. В лодки «посыпались револьверы, часы, портсигары, седла, а самое главное, что наполняло турецкую лодку, это английские шинели, френчи, брюки и ботинки»[4]. «...В жадные руки торговцев посыпались долго хранимые серебряные рубли и золотые монеты, часы, перстни, обручальные кольца, портсигары и даже нательные кресты»[5].

Почти в одних и тех же выражениях пишут об этом натурообмене разные — кубанские и донские — авторы-казаки. «Голод так вымучил, что никто ничего не жалел, и за самую маленькую плату (в переводе на деньги) отдавали дорогие вещи»[6]. «Цены при этом устанавливались самые произвольные, в зависимости от жадности торговца и сопротивляемости голодного казака»[7]. Случалось, за кусок хлеба отдавали золотое кольцо или часы.

Подчеркнем: на тот момент это типичная картина для всех кораблей, хоть с казаками, хоть с армейскими. Мы привели примеры, как виделось происходившее из двух противоположных точек — с корабля и с берега. Была и третья точка зрения.

«Огромная эскадра из 126 вымпелов находилась в ужасном положении.

Помню этот прохладный ноябрьский день (...), когда на катере Добровольного флота я объезжал корабли, расположенные у берегов Моды между Константинополем и Принцевыми островами. Вдали, в тумане, широким полукругом вырисовывалась причудливая панорама Стамбула. Впереди —

---

[1] Казаки в Чаталдже и на Лемносе, с 13
[2] Там же
[3] Там же и Штовхань, с 15
[4] Казаки в Чаталдже и на Лемносе
[5] Там же, с 13
[6] Там же и Штовхань
[7] Казаки в Чаталдже и на Лемносе

темные громады судов, сплошь покрытых людскими массами. Здесь было все, что осталось от антибольшевистской России. Это был последний стан белых... Здесь, на Босфоре, подводился итог трехлетней гражданской войны...

Потрясающая по своему жуткому трагизму картина.

Объезжаем корабли. Куда ни посмотришь, всюду, тесно прижавшись друг к другу, грязные, каменные, голодные люди. Стоят вплотную, сидят друг подле друга; изогнувшись, не имея возможности выпрямиться, выглядывают из-под лавок. А что же делается в трюмах?

Вот пароход с корниловцами, дроздовцами, марковцами. Это — цвет армии, ее гвардия.

— Хлеба, ради Бога хлеба!

— Мы умираем с голоду!

Бросают в катер записки.

Читаю: «Дайте за наган хлеба», «Отдам за хлеб часы и кольцо», «Пять дней не ел. Помогите».

Из катера выгружают хлеб. Тысячи голодных глаз впиваются в эти хлебы.

Сверху спускают веревку, к которой привязывается мешок с хлебом. Офицер с нижней палубы («поручик Голицын», «корнет Оболенский». — *В. С.*) пытается выхватить один хлеб. Сверху раздается дикий рев. Вниз летят жестянки от консервов. Кровь заливает рассеченное лицо офицера. На всех пароходах — та же картина...»[1].

В этой связи любопытно посмотреть, чем еще, кроме людей, были гружены врангелевские флотилии. По данным русского штаба, французы на Босфоре выгрузили зерна — 5 тыс. тонн (!), сахара — 333 тонны (!), чая — 283 (!), табака — 25 (!), разных грузов — 833 тонны. Обмундирования — 42 тыс. комплектов, белья — 340 тыс. пар, носков — 640 тыс. пар, полотенец — 285 тыс. штук, обуви — 58 тыс. пар, кожи — 5920 тонн, одеял — 140 тыс. штук, сукон и пр. — 810 тыс. аршин. Из этого добра многое принадлежало (как и многие мобилизованные суда) частным владельцам. Однако подавляюще большая часть груза числилась за интендантством. Это: продуктов, обмундирования, белья, обуви, сукна — на 60 млн. франков, боевых припасов и оружия — на 35 млн., «разных» — на 10 млн. и угля — на 6,5 млн.[2]

Во впечатляющих этих списках обращает на себя внимание прежде всего количество продовольствия. Врангель говорил:

— Запасы, вывезенные из Крыма, были так велики, что я бы полгода смог содержать на них армию, если бы все это не было взято у меня французами[3].

---

[1] Раковский, с 201
[2] См Фохт, с 23
[3] Раковский, с 205

Но французы наложили руку на казенное российское добро только при выгрузке. Стало быть, на переходе от Крыма до Босфора и в ожидании высадки люди голодали, сидя на горах еды!..

Выше были подчеркнуты совершенно большевистские ноты в мемуарах у белой гвардии. Процитируем и возвращенца Лунченкова:

«С злобой наблюдала серая рядовая, главным образом казачья, масса эти сцены.

— Пьер, Пьер, а где же место номер девятнадцать? Боже — где же моя девятая картонка?! Пьер, осторожней с Джимми, хвостик, хвостик не прищеми ей! — суетилась в турецкой лодке около парохода эмигрантская дама над вывезенным добром и собачонкой.

— Ишь, мать твою в три погибели, — пускалось ей с борта, — девятнадцать у тебя чемоданов, девять картонок, сучка в ручках, а у Пьера твоего ручки в брючках, а тут пузо голодное... За вас, бабушку вашу так, дураки, воевали!..»[1]

Подобными мотивами Лунченков объяснял возвращение бывших врангелевцев в Россию. Скажем кстати, что участь возвращенцев оказалась вдвойне трагичной. У нас нет сведений о судьбе самого Лунченкова, но, поскольку его книжка (с предисловием Буденного!..) была заперта в спецхране, — видимо, эти сведения надо искать в архивах ОГПУ. Сосед же Лунченкова по спецхрану Раковский, напечатавший свою книгу в Праге, большевиствует явно без умысла полюбиться Буденному:

«Эти графы, князья, бароны, эти сенаторы опереточного крымского сената, старые гвардейцы, бюрократы, их прихлебатели и, конечно, кадры бережно вывезенных из Крыма контрразведчиков беспрепятственно сходят с пароходов, концентрируются в здании русского посольства, устраиваются в каких-то никому не нужных комиссиях, распоряжаются, командуют, распределяют, беспрепятственно уезжают, получая благодаря деньгам, связям и протекциям визы. Здесь, в Константинополе, с первых дней эвакуации особенно рельефно выявляется вся мерзость, вся гнусность тех представителей старой России, которые после февральской революции были выброшены за борт русской жизни и теперь оказались в рядах эмигрантов.

— Неужели же и здесь, в Константинополе, будет продолжаться то, что и раньше? — с омерзением говорили в рядовой беженской массе.

В конце концов, как ни относиться к большевикам, а нужно прийти к заключению, что они оказали русскому на-

[1] Лунченков И. За чужие грехи. М.;Л., изд-во «Земля и фабрика», 1925, с. 26

роду огромную услугу: выбросили, выплеснули за границу весь этот сор, всю эту гниль...»[1].

Замечательно связывает Раковский февральскую революцию — с большевистской, Октябрьской. Не худо было бы поразмыслить над этими строчками нынешним отрицателям неизбежности, сужденности Октября, трактующим его как интригу демонов-эмигрантов, а то и анекдотических жидомасонов.

Очень нелишне поразмышлять над этой поразительной старороссийской, самодержавно-романовской, цензово-имперской закоснелой цельностью. Всего лишь осколок старой России доплыл до Босфора, но в этом осколке — вся она, как была. Ничему не научилась за три года кровавой междоусобицы — закармливает, запаивает своих погубителей и голодит голодом своих защитников. И где, где свои дни заканчивает! Это даже не ирония судьбы — это злая насмешка. Босфор, проливы, Константинополь — вековечная греза, цель, амбиция всех российских империалистов, от славянофилов и кадетов до «царствующих особ» и черносотенцев. Вы желали Царьград?! Нате Царьград!

911-й — 1920-й. От Олега, прибившего свой червленый щит на здешние ворота, — до Врангеля, не взятого в сторожа к тем же воротам.

...Особенно проторговались в это — самое тяжелое! — время кто были послабее характером и боялись, что тут еще не конец пути. Действительно, как оказалось вскоре, кубанцам предстояло дальнейшее плаванье, хоть и недолгое, — но голодом их уже больше не морили. Комендант «Владимира» часов в десять утра специально предостерег этих, очертя голову запасавшихся казаков, чтоб очень не распродавались, хлеб обязательно будет. Однако точно сказать — когда будет, не мог, а потому не мог и приказать голодной массе прекратить разорительные заготовки. Только получив известие, что продовольствие — везут, комендант отдал приказание свернуть обмен. Около 12 часов к «Владимиру» приткнулись две баржи. Каждому на руки выдали с килограмм хлеба и консервы. На пароходе заговорили, что готовится выгрузка раненых, больных и детей.

Французы, со своей стороны, тоже пытались остановить грабеж. Но, отогнанные от одного парохода, «кардаши» липли к другому. «Кардаш» — по-турецки друг — было самое ходовое слово в этой меновой торговле. «Кардаш», да еще «карашо», «русский карашо». В особенности навязчивы были кемалисты — агенты Кемаля-паши, готовившегося тогда в Ангоре к вооруженному выступлению. Эти торговали только оружием, давали хорошую цену. Потом они крупно рис-

[1] Раковский, с 202

ковали — «союзники» могли к стенке поставить. Однако приловчились и казаки. «К Кемалю уплыла не одна тысяча русских трехлинеек, наганов и даже не один десяток пулеметов»[1].

Назавтра с «Владимира» сняли раненых, больных и детей. Казаки с завистью провожали глазами катер, который через 10-15 минут был у причала. Ждали, что теперь-то причалит и «Владимир». Однако стоять пришлось еще до вечера. Когда стемнело, загрохотала якорная цепь. И, вместо того, чтобы придвигаться, созвездие Стамбула потекло мимо, мимо — назад к Черному морю, к красному Крыму. Тут и выяснилось, что кубанцам определен к высадке остров Лемнос в Эгейском море. Только через сутки всплыл он из осеннего, неласкового моря мифов и преданий...

Донцов ссадили в Константинополе, на набережной Серкеджи. 3-я дивизия выгрузилась относительно спокойно. Подвалил с сильным креном «Поти» со 2-й дивизией. Не успел он пришвартоваться, как затомившиеся казаки, с чувалами и сумками, начали прыгать на набережную прямо с высокого борта. Многие попали в море; к счастью, всех выловили, несмотря на темное время. Но прыганье продолжалось, даже когда спустили трап.

Затем донцов эшелонами по железной дороге отправили в Чаталджинский район (80-90 км от Константинополя) — в лагеря Чилингир, Хадем-Киой, Санджак-Тепе и Кабакджа. Позднее туда же перебросили несколько сотен 7-го Донского казачьего полка, первоначально принятых было на иждивение американцами и высаженных на острове Проти.

На другой день, также вечером, у набережной Серкеджи ошвартовался пароход «Лазарев». На нем эвакуировалось Атаманское военное училище, грузившееся в Севастополе, особняком от прочих донских частей. На борт поднялась французская санитарная комиссия. Начали свозить, сносить больных, юнкера готовились высаживаться. Вдруг «Лазарев» загудел, убрал трап, отдал швартовы и отвалил. Оказалось, в пароходной команде — чума.

Две недели маялись еще атаманцы на пароходе. Но хотя в команде двое умерли — для пассажиров карантин окончился благополучно. В конце концов, училище перегрузили на транспорт «Дон» и отправили на Лемнос, обживаемый кубанцами. Впрочем, и донцы тоже там имелись, где-то в суматохе отколовшиеся от своих...

Так в эпопее казачьей эмиграции завершился и с х о д и началось р а с с е я н и е. По недостатку места опускаем до отдельного издания главу о лагерных мытарствах. А далее повествование продолжат уже сами казаки, — своими письмами.

---

[1] Лунченков, с 27

РАССЕЯНИЕ

ГОД 1924-й.
«...БЕЛАЯ АРМИЯ ИЛИ БЕЛОЕ РАБСТВО?»

От есаула Б. — в Прагу:

«...Теперь перейдем к легионерской[1] обстановке. Прежде всего, почти все русские в легионе теперь имеют около трех лет службы в Африке, а потому получают «сверхсрочные деньги». Простой солдат в Алжире получает 20—30 франков в месяц, капрал — 45, сержант — 360. Сержант из жалованья оплачивает стол. В Марокко солдат получает 60—63 франка, капрал и сержант — 476, а во время похода — 3 франка добавочных. Питание солдат тоже неплохое. Объясняется это тем, что почти все «наши» научились говорить по-французски, узнали, сколько граммов мяса, сахара, кофе и пр. получается по раскладке на солдата в день. Говоря короче — окончательно «применились к местности».

Казаки — бывшие офицеры и студенты — теперь почти все капралы и сержанты. Многие, попав в сержанты, решили, что это предел человеческих достижений, забыли, что они понадобятся будущей России. Они уже собираются, не окончив срока службы, подмахнуть новый «ангажемент» еще на пять лет, тем более что сержанту, отважившемуся на такое дело, — платят премию в размере 2000 франков единовременно. В этом-то весь ужас!..

Если же он начал «закладывать» по традициям старого легиона и находить толк в вине, то уж «коготок увяз». А если он молод и неравнодушен к женскому полу, то, явившись из Марокко в гарнизон в Алжире, в какой-нибудь маленький городок или деревеньку, — сейчас же будет опутан какой-нибудь ловкой испанкой или африканской француженкой и женится, да еще перейдя в католичество. И пропадет тогда навеки для России. А на сержантов охотятся, как индейцы за скальпами.

Я вам скажу откровенно, что вопли из легиона будут доноситься все реже и реже и скоро совсем прекратятся. Но из этого не следует заключать, что жизнь в легионе сделалась

[1] Подразумевается французский Иностранный легион

иной. Нет! Дело далеко не так. Просто потому, что многие ушли в иной мир, сложив свою голову не за «святую Русь», а «pour la belle France» (за прекрасную Францию). И только кладбища с деревянными крестами, которыми усеяны все места сражений этого сезона, говорят о том, что многим казакам не хватило места на родине. А другие, оставшиеся в живых, устали кричать, надорвались».

С Дальнего Востока:

«...Вся беженская волна, бывшая армия, так распустилась, что с ней работать совершенно невозможно. Рассчитывать с нею на возрождение России — грубая ошибка. Вся надежда только на недовольное население Совроссии. В красной армии замечается дезертирство.

Наш забайкальский «монарх» Григорий Семенов находится в Японии. Немало награбил золота и живет с молодой женой припеваючи. Бывший правитель генерал Дидерихс живет в Шанхае, где открыл сапожную мастерскую и этим добывает себе средства к жизни.

Положение беженцев здесь довольно тяжелое, так как в течение трех лет все, от мала до велика, получали паек и даже казенные квартиры, теперь всего этого лишились. Работать отвыкли, последствия вполне понятны — жалкое существование и голод.

Больших объединенных групп беженцев (одним или несколькими лицами) нет, все разбросаны и не объединены. Есть только одна группа, довольно сильная, около 4000 человек. Это группа генерала Глебова, сибирского казака. Она находится где-то в море, так как захватила во время наступления пароходы и на них спасается на юге Китая. Кое-кто возвращается обратно в Россию, особенно из оренбуржцев и сибирских казаков.

Последнее восстание в Забайкалье, начавшееся в конце января настоящего года, под предводительством офицера Манькова, было подавлено жесточайшими репрессиями советских карательных органов. Расстреливали целыми сотнями. Отдельные партизанские отряды (есаул Шадрин, казак Бессонов) ушли на сопки...»

«Le Creusot, 15.VII.1924.

Я так быстро собрался из Сербии (в полтора дня устроил весь отъезд), что не успел даже написать тебе простой открытки, бегая собачьей рысью, ибо представлялась возможность или ехать немедленно, или же еще три недели ждать очередной отправки. А у меня уже оставалось всего 150 динар, и впереди никаких перспектив...

Ехали мы четыре дня, с бесчисленными пересадками. Недалеко Граца свернули на Тироль, и двое суток ехали живописным Тиролем, а затем по-парикмахерски примазанной

Швейцарией. От Базеля покатили на Туль, пробыли там полдня на распределительном пункте, где нас заперли, как зверей, — прививали оспу, делали медицинский осмотр. И 30-го днем мы приехали в Крезо.

Сначала нас расположили в общежитии, полном гвалта и ругани, и на другой же день, с 1 июля, запрягли на работу.

Вот это так работа! Ф-фу-у!..

Начать с того, что я сейчас с любым пролетарием поспорю насчет обилия и плотности мозолей на руках, не говоря об ожогах, пузырях, ссадинах и т. п. А посмотреть на меня во время работы — черный от угля, масла и копоти.

Но опишу по порядку.

Город Крезо, в сущности, обслуживает один лишь этот завод, на котором до 50000 рабочих. Кругом лес заводских труб, гарь, вонь, смрад. Если бы не обилие зелени да пруды, то выглядело (так в тексте. — *В. С.*) бы определенно гнусно. Магазинов много, и приличных, мостовые идеальные, по которым вереницами катят велосипедисты — словно весь город на колесах. Детей мало, да и те тощие. Много вдов, много старух, масса рабочих в синих саржевых комбинезонах.

Тут же на собаках возят тележки, хряпают своими копытами тяжелые першероны, воняют и трещат авто, гремят бициклы[1]. Но полисмена ни одного не видно, а порядок отменный.

Завод бесчисленными своими отделениями разбросан кругом. Я попал в сталелитейное. Работа идет круглые сутки, по 8 часов смена. Одну неделю мы работаем от 12 до 8 вечера, другую от 8 вечера до 4 утра и третью — от 4 утра до полудня. Хотя контракта мы не подписывали, но завод объявил нам, что он, видишь ли, гарантирует нам 12 месяцев работы. Если ж не хочешь, то уплати 220 франков проезда и неустойки и ищи работу в другом месте.

Хотя нас и опрашивали о специальности, но фактически ни один не оказался на своем деле. Всех с самого начала зачислили чернорабочими и дали по 12 франков в день.

Я сперва три дня вывозил всякий мусор, сгребая его со станционных путей. Но уже через три дня меня заметили, вызвали в контору, потом к главному инженеру.

— Хотите быть переводчиком для своих компатриотов[2] русских?

— Нон! Не хочу. Чувствую, мол, себя недостаточно сильным в языке после того, как 20 лет не говорил.

— Ну, тогда на паровой кран?

— Кран так кран. Ставьте... C'est egale[3].

Поставили. Франк прибавили. Стал получать по 13. Но

---

[1] Мотоциклы
[2] Соотечественников
[3] Мне все равно (*фр*)

тут началась работа, где поминутно и зверски орут тебя «Attention! Gardez-vous!»[1] и столь же поминутно шарахаешься от наваливающейся на тебя пышущей глыбы стали пудов этак в 400. Раза четыре спасся исключительно благодаря тому, что скакал горным козлом и взвивался пташкой. Но у меня, несмотря на, казалось бы, выгодное предложение быть на спокойной должности interpreta (переводчика), есть определенное желание пробыть и пройти искус простого рабочего, потому что для пробывшего на Крезо рабочим приобретается вскорости особая марка — как закаленного и весьма ценного.

Поработал я на паровом кране крючником всего четыре дня. Новый перевод — на паровоз, «товарищем» сцепщиком и стрелочником. Прибавили еще франк. Теперь после десяти дней работы получаю уже 14. А большинство еще на 12-ти.

Сейчас сцепляю вагоны, переставляю стрелки, нагружаю уголь, подаю паровозу воду. И тут «Attention!» поминутно, особенно когда лазишь между колес и буферов. На днях паровой кран грузил на свободную платформу глыбу стали. Я стоял на другом конце платформы, ожидая, пока глыбу сложат на пол. Да она вдруг оборвись и тарарахни по краю платформы. Было в ней пудов 500. От удара свободный конец платформы, со мной, конечно, вместе, ласточкой взлетел кверху и, сев, слез с рельс. Перед самым ударом я инстинктивно приготовился к прыжку, присел, и только потому удар пришелся не прямой, а по полусогнутым ногам, так что легко и без особого сотрясения порхнул на сажень вверх, так же плавно снизившись, присел в правильном приседании. Хорошо все же нас учили в свое время гимнастике. Пригодилось. Французы подошли, благодушно похлопывают по плечу, смеются и утверждают, что я побил заводской рекорд — так высоко никто еще не взлетал. А я на то им:

— Что взлететь? Ты сядь-то после, камрад! И где-то еще сядешь?!

Негру тоже очень понравился мой полет, и тоже зубы скалил, черная морда, благо сверкает белизна на фоне сапожной рожи.

А народы здесь действительно самые разнообразные, всех наций, всех рас, всех оттенков кожи. Китайцы, алжирцы, негры, малайцы, сенегальцы... грекосы с армянами, испанцы с португальцами, итальянцы с румынами, поляки... Поляки строго различаются на две группы — русских и «германских», причем первые с видимой гордостью называют себя так, бьют морды «германским» компатриотам при всяком неудобном случае, дружат с нами, водят тесное приятельство и неизменно сожалеют, что они «терас не под россиянами».

---

[1] Внимание! Берегись! (*фр*.)

Отношение и рабочих, и особенно администрации к русским более чем любезное и отрадное.

На днях опять мне предлагали быть переводчиком, тем более что уже несколько раз звали и зовут перевести при объяснениях русских и даже поляков. Я даже по-польски немного подмараковался. Но опять отказался, а тем временем ревностно возобновляю в памяти французский язык и говорю, говорю везде, где только можно.

Дня три тому назад, наконец, нашли мы с одним инженером (гражданским) комнату и переехали. Только после этого, имея свой угол, свой адрес, я и принялся за письма. А то и обалдел сперва от работы, и утомлялся очень, да в общежитии и негде было писать. Хотя условия, какие мы нашли здесь, совершенно не соответствуют широковещательным расхваливаниям общества, при помощи которого я приехал, но все же я искренно рад, что уехал, что выехал из Сербии, ибо тут и перспективы кой-какие есть, и заработать можно скорее.

Жизнь здесь дешева и очень скромна. За комнату с двумя кроватями, с электричеством, бельем и обстановкой мы оба платим 45 франков в месяц. Хлеб — 0,95 (франка. — *В. С.*) кило. Масло — 12,40 кило, мясо — 8,00, сахар — 3,80. Одежда дешевле сербской, особенно обувь — отличная в 60 франков. Костюм «шимми» — 250, хорошая верхняя рубашка 12—14. День, с квартирой и едой, обходится нам не дороже 6 франков. Значит, можно сберечь. Первое время удерживают за дорогу и, кроме того, не выдают 160 франков, которые выдаются только при оставлении завода.

Редко кто через год получает больше 25 франков в день. Есть работа аккордная (т. е. по соглашению), но эта совсем тяжелая и чрезвычайно опасная. Ежедневно вижу то перевязки, а то и закрытые носилки. Нужно иметь чисто звериное внимание, заставляя служить себе для охраны и слух, и зрение, и простое сотрясение почвы под ногами. По отношению к рабочему человеку отношение все же чисто машинное: ты — номер, вот и все. Я — № 10 009. Никто не знает и не спрашивает моего имени, а так и зовут: «Номер 10 009».

Работая теперь этаким трудом, я уже вполне отчетливо на своих боках, мозолях, ожогах и ушибах познаю разницу между капиталом и трудом, и от многих условностей прежнего миросозерцания освобождаюсь уже навсегда. Раньше думал в теории, теперь убеждаюсь в том же на практике... Больше всего доволен, что возобновляю язык. Поддается! Иногда лопочу, как французский пулемет, даже пытаюсь острить. Выходит! Месяца через четыре буду уже снова непринужденно болтать, дал бы только Господь благополучно пройти искус.

В. З-цкий»

«Мукден. 28 июля 1924 г.

...Я служу на английской табачной фабрике в знакомом тебе по русско-японской войне Мукдене. Китайский город, по отзывам бывших на войне, изменился мало. Те же узкие улочки, та же грязь или пыль, тот же гомон. Крики продавцов, рикш, малых китайчат, продающих нецензурные карточки, щелканье бичей, скрип арб, тошнотворный запах жареного бобового масла и прочих снадобий незатейливых уличных «ресторанов» под открытым небом. Здесь же бродят и ходячие парикмахеры, сапожники, старьевщики, а вперемежку с «купезами»[1] сидят уличные предсказатели.

Те же глиняные и высокие кирпичные стены, те же древние ворота, та же скученность и та же постройка фанз, которые зачастую от сильных дождей рушатся. Единственно, что нового, так то, что к китайскому городу с запада прирос европейски устроенный японский город с красивыми многоэтажными домами, прямыми улицами, обсаженными деревьями и большими и малыми палисадниками, садами, скверами и бульварами.

Я живу в японском городе, так как здесь и чище, и гигиеничней. Дома приходится ходить без обуви, так как пол устилают толстые японские циновки «татами». Вместо дверей — ширмы, все сделано как-то легко, ажурно. Масса домов без печей, несмотря на то, что холода стоят зимой основательные, так что нам приходилось ставить чугунные печурки. А сейчас стоят удивительно душные дни и ночи. От середины июня до середины июля лили дожди.

Сейчас я работаю днем, а перед этим около трех месяцев работал по ночам. Плата приличная — получаю до 120 китайских долларов в месяц, и при здешней дешевизне продуктов жить за эти деньги можно вполне сносно. У нас на фабрике работает до 50 человек русских, мужчин и женщин.

Есть церковка — памятник на братских могилах убитых в этом районе наших воинов. Наружный вид церковки — старорусский шлем, издали кажется головой русского богатыря, ушедшего по шею в землю. Богослужение совершает священник, назначенный Пекинской духовной миссией. Несмотря на то, что церковь вмещает не более 100 человек, молящиеся заполняют и притвор, ступени и площадку перед церковью. Кладбище содержится в образцовом порядке другим православным священником — японцем, и, кроме братских могил, на нем прибавляются все новые и новые могилки...

Отношение японцев к нам очень хорошее, несравнимо с отношением китайцев, которые пользуются часто слабостью или, вернее, беззащитностью русских. Это также способство-

[1] Купеза — китаизированное «купец».

вало тому, что я и многие русские живут не в китайской, а в японской части города. Во всяком случае, жить вполне возможно, и теперь я совсем заделался мукденским аборигеном.

Как все странно и трагично!.. С Россией теперь никто не считается, ее третируют, над ней насмехаются, и тот же китаец-«ходя», который еще так недавно униженно кланялся русскому, теперь, пользуясь слабостью нашей многострадальной России и нас, беженцев, лягает, подобно крыловскому ослу. «Моя ходя мэю, — гордо заявляет ныне китаез, — моя — канитана; луска — ходя», что в переводе значит: «Мы теперь не рабы, мы — господа, а вот вы — русские — ходи (т. е. рабы)».

Грустно, больно и тоскливо слышать это. Невольно вспоминается былое прошлое, и на ум приходит отрывок из «Элегии» Пушкина:

Мечты кипят... В уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток,
Воспоминанье предо мной
Свой длинный развивает свиток.

Ну, прощай! Иль до свиданья? Не знаю... Хочется верить, что свидимся.

З.»

«...В настоящее время во Франции вообще большой спрос на рабочих, и получить работу не трудно, ибо той безработицы и застоя, какими томятся другие страны, здесь нет, и тысячи русских, поляков, чехов все новыми и новыми партиями едут сюда. В местных газетах такого, например, промышленного центра, как Лион, всюду печатаются многочисленные объявления о найме рабочих всех видов и ремесел и просто рабочих. Лучше других платят на заводе Рено (Париж, автомобили), где плата начинается не ниже 22 франков в день, но, разумеется, чуть ли не вся эта сумма уходит на насущную жизнь одиночки рабочего вследствие столичной дороговизны. В провинции платят меньше, но и жизнь здесь много дешевле. Особенно хорошо платят в г. Кнютанж, в Эльзасе, но у меня там нет знакомых, да я поэтому остаюсь на заводе Крезо.

Опишу свои новые переживания, благо за это время я успел пройти кой-какой стаж.

Смазчиком и стрелочником я был всего неделю. Затем случайно попал на выплавку стали (случай здесь подлинное Его Величество!), и я быстро стал повышаться в заработной плате на 15, 16, 17 и 18 франков в день. А теперь, работая на литье стали, я, через три недели после прибытия на завод, получаю 19 франков.

Но ведь литье стали это не работа, это — сам ад!.. Вообрази, милый: стою я в специальном несгораемом костюме, в длинных, до плеч, асбестовых перчатках, и в расстоянии от

меня, из огромной, с комнату, бочищи бешено шипит нестерпимо палящая и ослепительная струя стали. Кипит, гудит, палит и брызжется мириадами искр, уколами своими прожигающих «несгораемый костюм».

С боков, сзади, сверху носятся и рычат мощные краны, лебедки, перенося и укладывая около гигантские раскаленные плиты и болванки. Жар нестерпимый, но даже его забываешь из-за более грозной опасности. Кругом грохот маневрирующих составов, потрясающие удары молота, визг пил и зубил, завывания сирен, лязг и звон. Я еще тогда работал в крепких солдатских ботинках (купил), но капли стали, попадая на ноги, мгновенно пронизывали кожу сапога, а под нею начинали тлеть носки. Вот и трешь нога о ногу, стремясь потушить «внутренний» пожар, но не смеешь оставить рукоятки рычага, регулирующего литье.

Пришлось мне, чтобы не спалить вовсе ни волос, ни ног, купить гнусную каскетку (шапочку) и еще более гнусные, дубинные «сабо». Вот уж подлинно преподлое приспособление для истязания собственных ног!.. Купил я и стал носить эти бревно-ботинки (восемь с половиной франков) и чувствовал себя в них не то как лошадь со шпатом[1], не то как корова в лакированных дамских туфлях. Бедные мои ноги отчаянно вопили всеми своими прежестокими мозолями на подъеме, и я ходил, спотыкаясь, падая и проклиная и французов, и окаянные «сабо», и нескончаемые ушибы свои, и свирепые мозоли. А тут тебе ежеминутно со всех сторон: «Attention! Garder-vous!» Шарахаешься, ковыляешь, и где уж тут раздумывать о своих вопящих мозолях, когда грозит совсем худое.

Как раз на днях рядом со мною работал несчастный француз, молодой и привычный. Надо было ему снять с только что налитой формы ванну — «panier», и он стал своею ногою, обутой в «сабо», на край формы. Да только от жара поторопился, а нога и скользни и ухни в белое кипение и погрузись до колена!.. Хоть он в то же мгновенье вытащил ногу, но она уже вся горела до живота, и с нее валились клочья кожи, куски горелого мяса, сгустки зажаренной крови. У-хх!.. Несчастный даже не кричал, а только тяжко отдувался. Нога его погибла, и ее ему отрежут, потому что осталась всего лишь кость.

Но все ж поганое «сабо» единственно пригодно для нашей работы — вот уж подлинно в воде не тонет, в огне не горит. И я теперь спокойно ставлю ногу в «сабо» на белую, еще шипящую плиту, плюю на нее, окаянную, и благодушно взираю, как по поленно-изящному «сабо» вмиг забегают веселые

---

[1] Шпат — конская болезнь Лошадь на ходу судорожно дергает задними ногами (Даль)

синие огоньки, как оно даже все вспыхнет. А ноге хоть бы что! N'import! (не беда!), как говорят французы.

Или приходится работать в той же гигантской бочке, уже через час после отливки, когда она, подлая, вся еще шипит и курится. Шлак хоть и застыл, но еще мягкий. Вот вскочишь в такую преисподнюю, дашь десять ударов мотыгой по кирпичной пробке, которую надо выбить, да и выскочишь вовсе ошалелый, не взвидя света и залитый потом.

Французы, черти, смеются, подмигивают: «Jl fait chard?» (Жарко?)

— Не столь «chard», — отвечаю, — как то, что «dans ce ventre l'air est bien gate» (в этом брюхе воздух здорово испорчен).

Хохочут, черномазые, говорят, что остроумное сравнение. А тут тебе не до сравнения, но поди-ка, выбивай эту подлую пробку, которая брызжется искрами и палящими осколками, а подается лишь после 70—100 ударов.

Или тоже недавнее испытание: стою у литья, но в другой роли, и вот передо мной француз лезет к самой струе кипящей стали взять «пробу». Для этого имеется специальный чугунный жбан, пуда в два весом, а когда в него налита сталь, то потянет и все четыре. И вот француз сдвигает кепку пониже, лезет вплотную к адскому фонтану и подставляет жбан. А потом осторожно, чтоб не разлить из него, подымает всю эту дьяволову чашу и, уже не обращая внимания на жар, а лишь кряхтя и сгибаясь, быстро несет в сторону.

Хоть я душевно и подготовился, но как подали мне команду «Allez!» (Иди!), я почувствовал, что дело не в простом выполнении задачи. Вижу, догадываюсь, что все французишки настороженно глазеют, как-де справится с тяжелой работой русский интеллигент, — благо и не все рабочие, даже старые и привычные, справляются с нею. Да и самое-то «Allez!» буквально цирковое: «А ну-ка, покажи свой номер!»

Тут меня выручает только самолюбие. Хоть нет ни сноровки, ни тем более привычной силы, но я лезу с мыслью, что неужели ж я не справлюсь с тем, что так или иначе выполнил предо мной француз?.. И, слава тебе, Господи, справляюсь, выношу да и не проливаю. Очевидно — хорошо, потому что французы одобрительно ухмыляются, скалят зубы — и тут же с любезностью: «Est-t-il lourd?» (Тяжело?).

— Lourd! Lourd! Остолопы вы этакие! — кричу я им и внятно по-русски добавляю: — По три таких огневых фонтана вам каждому пониже поясницы!..

— Que c'est que ce? (Что?) — переспрашивают.

И я уже благодушно, отдыхая, сыплю им, не поясняя заинтересовавшего их круглого русского слова.

Шеф определенно доволен мной и на днях брякнул мне: «Jl faut (нужно), чтобы вы прошли через все работы, как я, чтобы стать шефом».

Очевидно, он полагал восхитить меня предельно желанной мечтой. Вот бы я, после всех тех положений, какие прежде занимал, размечтался бы на склоне лет достигнуть волшебного поста — шефа на заводе. А шеф на заводе то же, что у нас фельдфебель в роте. Я ему буквально ответил:

«Mercі-c! Тронут!..»

Как я тебе писал, при той скромной жизни, которую я здесь веду, я трачу не более 6 франков в день на пищу и квартиру, и я определенно надеюсь кое-что здесь собрать и подработать. Неприятно лишь, что приходится тратиться на обувь, ибо «сабо» все же быстро изнашивается, и вообще одежда буквально горит. Ну, да ведь без трат невозможно.

Завод Крезо полон, русских масса, и новые партии из Сербии направляются уже не к нам, а в Северную Францию. По общим отзывам, открывшееся в Белграде второе вербовочное бюро действует много аккуратнее и заботливее, чем «Технопомощь» генерала Потоцкого.

Ну, пока довольно. Будь здоров.

3-цкий».

Казак-кубанец из Уругвая — родственнику в Сербию:

«Сообщу, что у нас сейчас уборка хлеба, косим.

Земли мы имеем 100 десятин посева. Сеем пшеницу, ячмень, овес, и с первого декабря начали косить. У нас здесь зимы нет никакой, всегда весна и лето. Всегда тепло, скот пасется целый год, корма мы никогда не собираем.

Жить хорошо здесь. Страна свободы, живи как хочешь, никакой службы нет и никому не подчиняемся. Живем, как мы хотим. Хлеб всегда хороший, урожай всегда.

Теперь я напишу, что мы имеем. 30 штук лошадей и 25 штук рогатого скота, пашем лошадьми, имеем 3 плуга. Имеем 3 мажары российских — здесь их делают, имеем еще на двух колесах одноконную бидарку. Теперь, — вставная косилка, сноповязалка, которая стоит 450 рублей, имеем две сеялки. Вы спрашиваете, как вы живете, то я вам сообщил.

Теперь я вам напишу: у нас здесь колония большая, люди все русские, занимаются все посевами. Есть машины, которые молотят хлеб, штук 7 паровых тракторов, которые орут[1] землю. Много близко город Поисанда с одной стороны. С другой стороны Хрaйбент-город.

Имеем пасеку, пчелы. Едим мед свой всегда».

«Уже давно как-то пронесся по Деказевиллю слух, что к нам прибывают на работы донские казаки — врангелевцы — атаманцы и лейб-казаки. А так как никто точно не знал, на-

[1] Пашут.

сколько слух верен, то, побрюзжав для разнообразия по адресу прибывающих (а врангелевцы здесь у соотечественников в весьма небольшом почете), о них скоро перестали говорить.

Но прошло три-четыре недели, и слух повторился — все закоулки завода облетела сенсационная новость: «Приехали!..» Скоро со станции появилась своеобразная, крайне неуклюжая — подобие наших кавказских арб, французская телега с багажом приехавших, а за ней — тридцать молодых, здоровых, рослых казаков. В своих казачьих широких синих штанах, только теперь без лампас, в модных, с тупыми носками и с высокими голенищами, сапогах, в защитных рубашках толстовского покроя, в защитных — набекрень — фуражках, из-под которых уже не выглядывают, как раньше, намасленные кольца чубов и которыми встарь так гордились степняки-донцы. Атаманский полк. Не много их!..

За ними, несколькими днями позже, уже далеко в большем боевом составе — в целых семьдесят человек, — прибыли и лейб-казаки. Эти куда уж, не чета атаманцам! Выправка, дисциплина совсем иная — воинская часть, да и только. Со станции маршируют строем. Правда, маленькая неприятность случилась: дорогой остановил французский полицейский — но мало ли с кем чего не случается... А у офицеров на фуражках кокарды, на рукавах нашивки. Ну совсем как у себя в России, то есть, пардон, в Сербии. Недостает только погон.

От выхода строем на работы отказались, больно уж много любопытных собирает это зрелище, да и местность не позволяет — где уж там промаршируешь в каменоломни. Зато за работой строго начальство следит. Французского наблюдения мало, поставили своего контромера (слово только такое странное, непонятное), а контромер-то русский, говорит только по-русски — полковник. Залезет это себе полковник на верхнюю террасу, и подчиненные тридцать человек как на ладони. Хоть и небольшое начальство, контромер, но с высоты каменоломни управляет отлично. Вид властный, команды отчетливые. Мат, падая с поднебесья, с террасы на террасу, катится вниз, заглушая треск камней под ударами кирок и лопат подчиненных, подгоняет всякого разогнувшего под работой спину.

И работа кипит! Восемнадцать, двадцать, а то и двадцать одна вагонетка камня за восемь часов — неслыханная до сего цифра в Деказевилле. Дирекция приятно поражена.

До сего времени считалось нормой девять, двенадцать вагонеток, а казаки выгоняют двадцать одну. Такие рабочие, несомненно, выгодны заводу, и администрация стала даже косо поглядывать на тех, кто работает по девяти, недвусмысленно намекая на то, что им могут и вовсе отказать. Рабочие ропщут, но что до того?!

«Нужно зарекомендовать себя, показать французам, что

значит — казаки». А казаки скотинка такая, что выдержит. Опасаться, что они разбегутся, не приходится, далеко не уйдешь без копейки: все перевезены на полковой счет.

А при 16-франковом заработке, при семнадцати, восемнадцати, благодаря климатическим условиям, рабочих днях в месяц, при вычете 5 фр. 20 сант. в день за стол и квартиру и, кроме того, на погашение долга полку, — далеко не разгонишься. И невольно спрашиваешь: где же те деньги, что казаки добывали в течение трех лет в Сербии? Неужели же их осталось лишь на пару неизменных синих штанов и сапог и защитной рубашки? Куда же все уходило, иль казак так дешево стоил в продаже?!

Сказать, то казаки пропивают деньги, было бы незаслуженной ложью. Тогда почему остальные казаки, те же донцы, которых в Деказевилле чуть ли не больше, нежели прибывших, свободные от повинности, живут во всю казачью ширь, разодеты, обуты и имеют в кармане деньгу?.. Смотришь и не понимаешь, что это: белая армия или белое рабство. Белое рабство в XX веке, на глазах культурной Европы!

Деказевиллец»

«Дорогой друг, как вы знаете, я получил визу по письму своего хорошего знакомого, ранее выехавшего в Америку и уже там устроившегося. Путь был без особых затруднений, а если возникало что-нибудь, всемогущий доллар быстро разъяснял положение. Мы — с мальчиком-сыном — счастливо миновали «Остров слез», вполне справедливо носящий это горькое имя. Трудно поверить, какие затруднения могут быть испытываемы на этом месте вступления в страну, о которой так много и сказок, и былей мы слышим. Приведу один пример. Муж и жена из Константинополя получают визу без всякой квоты, вследствие своих связей в Америке. В это время у них родилась девочка в Константинополе, и к моменту прибытия на «Остров слез» этой девочке было около месяца. Власти воспретили въезд этому младенцу, как родившемуся на турецкой территории, для которой нет квоты. И вот полтора месяца тянулось дело, газеты печатали портреты родителей и девочки, написали массу статей по этому оригинальному делу, пока влиятельные американцы не доказали властям, что ребенок родился хотя и в Константинополе, но на территории русского посольства, — тогда его включили в квоту и разрешили въезд, когда этому пришел срок. Таких и еще более удивительных случаев можно было бы рассказать сколько угодно.

Но вот мы на берегу, добираемся до своих знакомых. Становлюсь на работу. Вы не можете себе представить, как не мог представить и я сам, напряженности труда. Работают 4 часа до обеда и затем, после двухчасового отдыха, еще 4 часа,

но как?! Ни одного лишнего движения, ни остановки, ни слова — и напряжение всех сил. Никакая каторга не может сравниться с этим поистине нечеловеческим трудом. Я снимал рубашку, весь мокрый, на холодном осеннем ветру без страха простудиться, ибо я не отдыхал ни одной минуты.

Вы знаете, я крепкий человек, но я изнемогал до последней степени. Не раз мрачное отчаяние овладевало мною, казалось, силы оставляют меня — руки распухли, все тело онемевало. Заболеть — здесь нет милосердия и сострадания — пропал!.. Но мои добрые друзья ободряли меня примером всех и каждого. Все работают таким образом. Каменщик укладывает в 7 раз больше кирпича, чем у нас. Специалист такого ремесла — здесь только крайне узкие специалисты — достигает просто чудесных результатов, и все так устроено, что ты не можешь работать хуже или медленнее. Вот, к примеру, автомобильный завод Форда дает 7000 готовых автомобилей в день и скоро будет давать их 10000. Вы попадаете в сборочную мастерскую. Рядом стоит сотня рабочих, непрерывно движется лента, на которую каждый в точно рассчитанное время должен уложить свою часть автомобиля, завинтить болт и т. д. Человек — это часть машины.

Однажды был особо ненастный день, и меня на работу не взяли. Я решил использовать время и направился к местной власти получить бумаги. Так как я не мог объясняться более или менее удовлетворительно по-английски, хотя и учился этому языку, на моих бумагах отметили: «Неграмотный чернорабочий». Вот она, настоящая жизнь, результат моего диплома, моих всяческих статей — технических, общественных, административных. Неграмотный чернорабочий! Но, забыв навсегда свое звание, опростившись, опустившись на самую низкую ступень социального положения, я чувствую, что стал жить лучше, увереннее, обеспеченнее, чем жил в Европе на положении интеллигента, зачастую приживальщика у благотворителей. Через пять лет я гражданин Америки и, освоившись с языком, могу пустить в оборот знание инженера и совершенно спокойно относиться к вопросу о завтрашнем дне.

Нужно вам, впрочем, добавить, что интеллигентного труда здесь почти нет для русских, по крайней мере не усвоивших в совершенстве языка, и оплачивается он весьма скромно. В равной мере это относится и к инженерам. На недавнем конгрессе представителей свыше 20000 инженеров-механиков председатель заявил, что американский инженер зарабатывает меньше рабочего и живет хуже, чем рабочий. Здесь царство труда физического. Только мускулы, выносливость и ничего более.

Надо быть готовым к самым тяжким испытаниям и к самой неприятной работе. Обычно такую работу выполняют негры и, конечно, эмигранты. Мой знакомый, пожилой ин-

женер, чистил отхожие места в ночное время. К сожалению, он потерял и это место.

Получив от вас письмо, что довольно большая группа инженеров собирается к нам и учит язык, я пошел в Союз американских инженеров спросить совета. Выслушав, они ответили мне: только двое могут ехать из всей группы, один потому, что он хороший сапожник, и другой — с огромными мускулами, все остальные ехать не должны. За человека, имеющего здесь ценность, считается крепкий, сильный человек до 35-летнего возраста. Сверх этого возраста оценка уже понижается и самую работу находить труднее. Таковы здесь условия работы.

Теперь расскажу вам об условиях здешней жизни. На свой заработок около 100 долларов в месяц (отличные рабочие зарабатывают до 400 долларов) я имею: отличную комнату с бельем и обстановкою, с электрическим освещением, паровым отоплением и еженедельную ванну. Это стоит доллар в день.

Затем питание, оно соответствует тяжкому труду. Утром в 6 часов дают горячий мясной завтрак, кофе, масло, хлеб до сдобного включительно. В 12 часов дня, во время перерыва работ, снова завтрак — ветчина, яйца, молоко. Вечером, в 6 часов, обед, состоящий из холодной закуски — рыбные и всякие иные консервы, борщ — да какой борщ, наш казачий борщ, рыба жареная, сладкое, фрукты. Таков ежедневный стол рабочего. За свой тяжкий труд я получаю прекрасное жилище, обильное, богатое питание, пользуюсь полным комфортом американского благоустроенного дома.

Затем, у меня остаются сбережения, 20—30 долларов в месяц, и на них, на маленькие сбережения, здесь можно устроить необыкновенные вещи. Американцы «каторжного труда» создали у себя такую систему кредита, которая основана больше всего на персональном доверии к труду человека, к его характеру, не на материальном фундаменте. Если вы здоровы, если вы не бежите от работы, вы можете все купить в рассрочку из 6 процентов. Внеся чуть ли не 5 долларов и обязавшись еженедельно вносить 5—8 долларов, вы получаете в собственность автомобиль, мебель, дом. Имея в кармане 400—600 долларов сбережений, вы покупаете дом за пять-шесть тысяч долларов и платите потихоньку в течение десяти лет всю сумму. Но если вы лентяй, пьяница, жулик, то вам с неудовольствием отпускают даже за наличные. Такова жизнь. Значит, за напряженный физический труд вы имеете полную возможность устроить свою жизнь вполне по-человечески, обставить ее полными удобствами, в которых американцы знают толк.

Америка — это страна напряженного труда для мужчин и царство женщин и детей. К услугам женщины в доме все — газ, электричество, горячая вода, пылесос, холодильный

шкаф, автоматическая прачечная. На крыльцо ее дома автомобили из магазинов подвозят хлеб, молоко, лед, газету, мясо и все, что надо, о чем сговорились раз навсегда. В субботу приедет служащий и даст счет. Проводив в 6 часов на работу мужа, а в 9 часов детей, — до 6 часов вечера женщина остается в доме одна, легко справляется с хозяйством, с обедом. У нее достаточно времени, чтобы заняться газетою, книгою, музыкою или прослушать концерт по радио (стоимость последних от 2 до 3 долларов). Кроме того, манера американских магазинов доставлять в дом хозяйственные припасы в полуготовом виде освобождает женщину от грязного лишнего труда. Чистота, порядок — основа в американском доме. Все делается быстро, чисто, само собою. Даже грязная посуда моется сама в специальных ваннах под струями горячей воды. Посуду не вытирают, а ставят в специальные шкафы, где она просушивается теплым воздухом.

Общественная конкуренция, борьба за потребителя довели внимание промышленности к нуждам хозяйки-женщины до пределов возможного. Чего-чего только не выдумали. В доме женщина обставлена всем, что надо, и ею использован весь кредит, все доверие к ее мужу. Продавцы-агенты самое царство небесное готовы продать ей в рассрочку, если, конечно, ее муж стоящий работник и не гонит заработок на пропой, а это чаще всего случается со славянскими душами, почему живут они частенько по-свински. Однако обычай, закон и здесь приходят на помощь женщине и детям. Так, достаточно жене заявить в полицию, что муж ее грубо обошелся с нею, был пьян — то его без разбора дела заберут в полицию и держат там до тех пор, пока за ним придет жена. За беспокойство полиция возьмет штраф 7 долларов за автомобиль. Есть случаи, когда мужа-лентяя, не желающего содержать жену, отправляют на принудительные работы в тюрьму, а заработок выдают семье.

Чудеса, но факт: жена тут сила. У нас бы это право сажать мужа в тюрьму дало бы изумительные результаты, здесь это право почти не использовано слабой половиной. Дети также ограждены законом и общественным вниманием. До 16 лет детский труд запрещен — это стало обычаем. Обучение в школах бесплатное. Школы — полудворцы, снабженные всяческим комфортом. Книги изданы так, как издавали у нас только высокохудожественные издания. Веленевая толстая бумага, гравюры во много красок. Держишь в руках эти учебники и испытываешь чувство удивления и оцепенения: неужто это для ребят, которые еще умываться сами не умеют. Школы второй ступени расположены не так часто, как сельские. По всем направлениям идут автобусы, собирая детвору по дорогам и отвозя ее обратно. На улицах города, где на перекрестках царствуют полисмэны, дирижируя толпой и

движением, часто можно наблюдать случаи, когда полисмэн останавливает сотни автомобилей и за руку переводит через улицу какого-нибудь малыша.

Там, где муж работник, а жена разумная хозяйка, там все дышит довольством и дети живут хорошею жизнью Скажите по совести: можно ли при этих возможностях, что открываются для простого рабочего, можно ли не благословлять тяжелый труд, не благодарить судьбу за такую «каторгу»?..

Для казаков, которые пожелали бы выехать в Америку, сообщаю, что здесь имеются свободные земли для поселения, но люди для этого должны быть закаленными, способными без ропота выносить невзгоды первого времени и не рассчитывать ни на кого, кроме себя. Здесь благотворительности нет абсолютно, есть лишь широкий кредит людям, уже доказавшим свою работоспособность.

Вот вам ответ на вопрос, можно ли ехать в Америку и чего можно здесь добиться.

С. Г. Е.»

ГОД 1925-й
«РУССКИЙ ПУТЬ»

Из Ямбола (Болгария):

«...Казаки здесь разместились в нескольких корпусах пустовавших после войны казарм. Тут — Атаманское военное училище и Терско-Астраханский полк. Обычно вся масса казаков рассыпана по окрестным местам на работах — на постройке дорог, на виноградниках, каменоломнях, в сельских хозяйствах. Только в большие праздники собираются все сюда, «домой», здесь церковь, читальня, врачебный пункт, а главное — здесь-то все видят себя в сборе. Особенно трогательно проходят здесь Пасха и Рождество (казаки ведь живут здесь уже четыре года, стали местными «оседлыми») — эта единственная, можно сказать, высшая душевная радость на чужой стороне.

В будни в огромных казармах пусто. Но отдельные комнаты или уголки все же забиты народом. Это, так сказать, экстракт интеллигенции, или не могущий приспособиться к тяжелому физическому труду, или нашедший себе иной источник питания. Вот и сейчас в некоторых окнах и по двору на солнышко выставлены какие-то белые полотна. Это «холсты» для «ковров», а выставили их «художники». Оказывается, что изобретен (кем именно — неизвестно) способ изготовления художественных ковров Берется обыкновенно чувал (мешок), расшивается по швам, моется, сушится натянутым на временную рамку, а затем «художник» наводит грунт, де-

лает фон, на нем рисует быстро бегущую лань, или красноногую девицу, либо полосатого тигра — и ковер готов.

Цена такому ковру до 500 левов, а за день можно изготовить не один ковер. На болгарский вкус ковер понравился, идет. Выработались специалисты по сбыту — разносят и развозят ковры по городам и селам, ярмаркам и базарам; «художники», число которых увеличивается с каждым днем, знают только рисовать, сбывают сбытчики. Грешным делом, ковры, конечно, незатейливы, куда им до кустарных болгарских тканых ковров. Но новинка создала моду, и даже в кабинете уездного начальника красуется один из таких ковров.

Коврами занимаются художники попроще. Более тонкие мастера пишут «картины»: прозрачные воды с белыми кувшинками и плакучими деревьями неизвестного рода и вида, темно-зеленые озера с белыми лебедями, хаты в подсолнухах, белоснежные горы и проч. Тут же полковники и генералы, лишенные дара кисти, выпиливают и мастерят рамы или, в крайности, разрисовывают рамы по краям картин. И этот товар идет. Идет у коробейников, на ярмарках и базарах, даже в ателье художников.

Этот вид заработка гораздо легче, чем «обръштванье лозя», т. е. вскапыванье земли под виноградниками на один аршин в глубину. Плохо будет, если Болгария пресытится этими произведениями русских мастеров, как пресытилась иконами.

Идея икон зародилась в окрестностях Варны, среди кубанцев. Кто-то учел обстановку (кто именно — неизвестно, известно лишь, что прославился в дальнейшем уже не кубанец) и занялся фабрикацией икон. Из Германии выписывались олеографии на темы Нового Завета и священных преданий, наклеивались в бумажную рамку, укладывались в сумку — и казак превращался в коробейника. Иконка себестоимости в 7 левов шла за 35—40 левов. Особенным спросом пользовались святые на коне, и на этот вид рисунка цены были повышены. Когда естественного спроса не было, коробейники обращались к священникам за освящением икон. Это производилось публично у церкви, при стечении народа — и иконки шли. Применялись и другие методы воздействия, вроде водворения икон сразу в красные углы хат. Но в конце концов снабжение иконами страны закончилось, и «иконники» перевели свои оборотистые капиталы на другое. Ямбольцы в этом, правда, неповинны, я привел случай с иконами к слову, не больше.

Живут казаки-ямбольцы с болгарами в большой дружбе и во взаимном уважении. В этом сказался такт старших казачьих групп. Местный болгарский гарнизон считает казачьи группы своими, офицерам оказывается уважение, болгарское офицерское собрание для них всегда открыто. На все торжественные акты болгары приглашают старших казачьих офицеров, некоторые у них занимаются преподаванием.

С большим изумлением болгары смотрят на великодушие и щедрость казаков, зная их трудное материальное положение. Например, они были поражены, когда на памятник погибшему болгарскому воину казаки возложили сравнительно дорогой металлический венок, оказавшийся единственным среди цветов и венков из зелени. Также поражают болгар и неизменные «бенефиции» казачьих офицеров во всех случаях почетного приглашения их, с отказом платы за билеты, на благотворительные увеселения.

Так представляется жизнь казачьего Ямбола, жизнь преодоленных трудностей и высокого стоического терпения.

М. К-ий»

«...Высоко за воспеваемой в болгарском народном гимне рекой Марицей раскинулся тесный городишко Търново-Сеймеи, или Златен Дол, а за ним, на зеленом холме, большие казармы. Около них копошатся люди. Так — издали, а когда подойдете, навстречу вам станут попадаться английские шинели и тужурки — молодые казаки, с котелками, ведрами. Это казачье становище, как бы государство в государстве по отношению к старому городу, ибо нет с ним тесной связи. Жизнь идет своя, особенная.

Здесь Кубанское Алексеевское военное училище и Галлиполийская гимназия (общая для всех вообще беженцев). Училище, собственно, в свернутом виде, так как выпуск сделан, и молодые хорунжие рассеялись по шахтам, сооружениям, полям и виноградникам добывать свой горький хлеб беженца. Разошлись и преподаватели. Здесь, в резиденциях училища, народу мало — два-три человека, остальные соберутся, когда «пробьет час». Что это будет за час и чья рука его пробьет, никто не знает, но стены училища ждут, и так же терпеливо ждут этого часа рабочие-хорунжие.

Генерал Белховитинов разъезжает по местам работ и читает лекции, учитывая опыт минувших войн для войн будущих. Здесь — воины. Воинами выглядят и гимназисты. Разный здесь возраст, много весьма уже возмужалых молодых людей. Это те, кого гражданская война выбила из школы и бросила в ряды сражающихся. Это те, которые остались в живых из тех детей, многие из которых погибли в боях. Они учатся арифметике, словесности, алгебре, изучают русских классиков — и вместе с тем воспитываются как солдаты. Они тоже учатся до тех пор, пока «пробьет час», они ждут этого часа, как и все здесь, чтобы сложить тощую книжку психологии или анатомии и взять винтовку.

Но хорошо, что учатся. Многие из них глотали стеклянную пыль на зеркальных заводах, долбили шахты, таскали на молодых израненных спинах тяжелые кирпичи на постройках, в ледяной воде сплавляли лес, служили возницами и спали

вместе со своими быками. Желудок жгла непривычная и тощая «пиперка», а ум сверлили бои и походы да отчаяние одиноких будней тяжелого текущего дня. Здесь, в стенах школы, на зеленой поляне, перед живописной Марицей — легче и бодрее. И кроме боев, насилий и всякого разврата, в душу укладывается нежный образ пушкинской Татьяны, благоуханные вечера на хуторе близ Диканьки и много другого, чисто человеческого.

Таков казачий Златен Дон».

«Выполнила с успехом Кубанская дивизия трудную задачу. Идя шаг за шагом, в течение четырех лет, она провела стратегическое шоссе от Вранья к Босильграду. Через высокий хребет пришлось идти по большим кривизнам, где откапывая землю, а где взрывая камень. Высокий перевал через хребет, зимой непроходимый. Недаром он называется местными людьми «Весна кобыла», что по-русски означает — бешеная кобыла. Но прошли, прошли и перевал, укротили и «Весну кобылу», останутся дальше о ней только предания у местных жителей.

На семьдесят километров протянулось шоссе, идя во многих местах зигзагами по склонам гор. Строилось оно из-за соображений стратегических. Но с собой оно принесло переворот и в местном хозяйстве тех «селяков» деревни, поселения которых разбросаны по сторонам этого шоссе. До сего времени жители этих мест не имели телег, перевозя тяжести только вьюками. Теперь они имеют прекрасную дорогу, и вьючная перевозка постепенно тоже уйдет в область преданий.

Прекрасным и грандиозным получилось все сооружение. Оно не могло не поразить местных людей, и последние по праву уже окрестили его «Русским путем» — «Руски пут». Можно сказать, что «Русский путь» уже вошел в историю. Из поколения в поколение он пойдет под этим названием, и память о нем будет так же крепка, как крепка память о римских путях, сохранившихся в Сербии.

Неизвестно, что будет дальше, но пока «Русский путь» является самым крупным памятником пребывания русских беженцев в Сербии. Он особенно наглядно показывает, что русские явились полезными гостями. Этот один путь мог бы оправдать пребывание многих тысяч русских в Югославии.

Кто-то из иностранцев-путешественников, посетивших Кубань в начале прошлого века, восторженно описывает характер казаков. Его поразила личная отвага их, храбрость, находчивость, ловкость в езде и стрельбе, радушие, веселость и открытый характер. И вот судьба забрасывает большую группу этих людей, преимущественно молодежи, в глухие места Сербии. Как не вызвать любви и симпатии у простых людей, которым черты характера и жизни казаков показались еще более привлекательными, чем иностранцу? Местное население сжи-

лось с казаками и сдружилось с ними в течение четырех лет совместной жизни. Два десятка казаков даже поженились на болгарках и сербках.

Население искренним образом горевало, провожая казаков. Особенное горе проявили женщины. В селе Корбевац женщины, потерявши с горя голову, в течение трех дней перед отъездом казаков даже постились. В самый же день отъезда с самого раннего утра даже выли так, точно хоронили самого близкого человека. Да, мало кто из мужей спал спокойно с того времени, как обжились и осмотрелись кубанцы.

Теперь дивизия разделилась на две части. Одна часть перешла в Кральево на работы по проведению железнодорожного пути, другая в Майдан-Пек на рудники.

Но не все ушли казаки, есть такие, которые и остались не по доброй воле, а поневоле. Приняла их прах чужая земля. Нашли вечный покой их буйны головы не среди близких, родных, не на родной Кубани. Проплачут глаза казачки — жены и матери, напрасно ожидая их возвращения домой. Кто будет думать об их могилах здесь, на далекой чужбине?..

Сами казаки рады тому, что переехали. Уж очень надоела им однообразная жизнь в глуши, в горах в течение четырех лет. Рады, что вырвались на новое место. Тяжело было жить в течение четырех лет в землянках, выполняя изо дня в день все ту же однообразную, не свойственную натуре казака работу. Да и то уже в дивизии едва насчитывалась тысяча человек.

Понемногу уезжают и во Францию. Недавно одна группа уехала на химический завод, а другая на сельскохозяйственные работы.

Ушли казаки на новые места, но унесли с собой память о старом, унесли они ее в песнях. Сложили они песни и об этой эпопее своей жизни, положили на музыку и поют по сотням. Будут живы, привезут на Кубань. Пройдут годы, люди умрут, песни останутся. Прибавятся к ним работы ученых истории и быта, раскрывающие значение и смысл чужих слов, как «Бесна кобыла».

Г. Ш-ой»

«Открытое письмо оренбургских казаков»

Настоящее письмо доставлено в редакцию оренбургским казаком ген. И. Акулининым с просьбой напечатать его на страницах «Казачьего пути».

Редакция

В апреле месяце с. г. на Дальнем Востоке, в бухте Вузунг — близ Шанхая — произошел прискорбный факт: один из кораблей эскадры ген. Глебова — а именно транспорт «Монгугай» — поднял советский флаг и отплыл во Владивосток.

Ген. Глебов, как известно, прибыл в шанхайские воды после оставления Владивостока белыми войсками, в конце 1922 г., имел на борту своих кораблей несколько сот казаков разных казачьих войск.

В числе ближайших сотрудников ген. Глебова состоял ген. Анисимов, бывший представитель Оренбургского казачьего войска при адмирале Колчаке и затем игравший видную роль в противобольшевистской борьбе в Приморской области — во время правления Меркулова и ген. Дитерихса.

В период длительного пребывания в Шанхае между ген. Анисимовым и ген. Глебовым начались нелады, перешедшие затем в открытую борьбу. Часть команды ген. Анисимов склонил на свою сторону, и дело закончилось кровопролитием.

После этого ген. Анисимов вступил в сношения — сначала с советским консулом в Шанхае, а потом и с послом СССР в Пекине — Караханом.

Переговоры закончились принятием ген. Анисимовым советского подданства и отплытием его с частью команды на транспорте «Монгугай» во Владивосток.

По поводу своего перехода на советскую платформу ген. Анисимов опубликовал в дальневосточных газетах большое покаянное письмо, в котором, между прочим, именовал себя атаманом, не имея на это никаких оснований, т. к. никогда таковым не был.

Поступок ген. Анисимова на всех дальневосточных казаков произвел тяжелое впечатление, а оренбургские казаки сочли своим долгом выступить поэтому делу на страницах печати со следующим открытым письмом:

«Из газеты «Россия» и советской газеты «Трибуна», в Харбине, мы узнали о позорном факте сдачи большевикам транспорта «Монгугай» бывшим ген.-майором Анисимовым.

Позорную сдачу транспорта т. Анисимов омрачил пролитием крови верных сынов Родины, бывших на «Монгугае».

Для нас — оренбургских казаков — поведение т. Анисимова не является неожиданностью, как близко знающих его: другого выхода у него не было. Это последний этап падения случайного человека. Слишком много зла он сделал для когда-то родных ему оренбуржцев в период заместительства Войскового атамана (с 1921 по 1922 г.). Неспособный честным путем заработать кусок хлеба себе и доверившимся ему людям, привыкший жить не по средствам широко, Анисимов избрал легкий путь — путь не менее его «славных» генералов Зайцева, Рудакова и др. ...Придут иные времена, и войско Оренбургское по достоинству оценит «подвиги» Анисимова и ему подобных.

Настоящим письмом мы хотели лишний раз подчеркнуть и напомнить, что Анисимов с 1 февраля 1923 года не являлся заместителем Войскового атамана. Избранный на эту долж-

ность 1 марта 1921 г., Анисимов был лишен этого высокого звания, как недостойный его, теми же избирателями в 1923 г. за растрату войсковых, казачьих и казенных денег — всего около 150000 зол. рублей, о чем были своевременно уведомлены войсковые группы Оренбургского каз. войска, ответственные руководители всех казачьих войск на Дальнем Востоке, а также высшие чины Русской Армии, как здесь, на Д. В., так и на Западе. Документы, свидетельствующие об этом, находятся в нашем распоряжении, и Оренбургское казачье войско своевременно их получит.

Станичников-оренбуржцев мы призываем быть мужественными до конца, помня завет нашего родного «Ильича» — атамана Дутова (Александра Ильича). Нам с большевиками не по пути. Все наши силы отдадим на спасение Родины — великой и могучей России, в которой будет и славное казачество.

Потеря «Анисимовых» не так страшна нам, как это кажется тем, кто приобрел такое «золото». Без этих трупов, в моральном и физическом отношении, воздух чище...

Братьев-станичников других войск уведомляем, что оренбуржцы в целом остались такими же, какими они знают их с Великой войны народов — 1914 года и во весь период гражданской войны, начиная с 1917 г. до последних дней борьбы с врагами Русского Народа — большевиками.

Искренне жаль лишь тех нескольких наших станичников, которые доверились Анисимову и которых он так позорно предал. Всего с Анисимовым было 7 оренбургских казаков.

На высокое звание войскового руководителя Оренбургского казачьего войска был призван войсковой казак, Генерального штаба генерал-майор Акилинин, о чем и были разосланы надлежащие уведомления всем казачьим войскам и организациям.

Просьба настоящее письмо перепечатать во всех национальных газетах.

Оренбуржцы — офицеры и казаки.

15 апреля 1925 г.

Харбин».

«Дорогой Гриша!

Если бы ты знал, какое у нас несчастье. 17 сентября убит наш милый Сережа.

Да за что же это? Кому нужна была смерть этого ребенка? Да неужели же французы строят свое благополучие на трупах нашей молодежи?.. Душа разрывается на части, родной.

Бедный милый мальчик! Ненужная для нас война!.. Пуля попала ниже левого глаза и вышла в затылок, смерть — моментальная. Момент — и Сереженьки не стало. А ему ведь было только 19 лет.

Ты подумай, что будет с матерью».

«В ЛЕГИОНАХ»

Все эмигрантские газеты поместили траурный список русских легионеров[1], павших 16—17 сего сентября в бою с друзами в далекой Сирии.

Из 12 убитых 10 — уроженцы казачьего Юго-Востока.

Донского войска: Горбачев Евфимий, Новиков Назар и Кострюков[2] Сергей. Кубанского войска: Поволоцкий Сергей, Примак Михаил и Черненко Владимир. Терского войска: Колотилин Федор, Колесников Яков и Енин Василий, Ставропольской губернии Фомин Григорий...

Корреспондент «Русского времени» дает описание этого боя, оказавшегося таким трагическим для многих молодых казачьих жизней:

«В сентябре батальон Иностранного легиона вступил в деревню Муссе Фрей, направляясь к Суйде. Маленькие легкие отряды немедленно начали ощупывать пустынную местность, подготовляя дальнейшее продвижение колонны.

Муссе-Фрей — большая деревня, прикрывающая пути сообщения. Прибывший батальон, вместе со своим эскадроном, не мог рассчитывать удержать ее своими силами. Командир батальона Кратцер решил защищать только ее подступы и расположил в каждом из шести передних постов по сто человек.

И стал ждать друзов...

Вскоре французский разведывательный отряд встретился с сильной группой конных друзов. Не имея своей задачей вступать с ней в бой, отряд отошел в полном порядке, потеряв только одного убитого и двух раненых. Друзы, не имея надлежаще поставленной разведки, вообразили, что они заставили отступить французский авангард. Ночью они готовились к бою. Готовились несколько своеобразно: собравшись на площади в деревне, они танцевали и кружились часами без остановки, как дервиши. Орали песни и били в ладоши. Женщины плясали вместе с воинами, испуская воинственные крики и распевая дикие песни. Потом, вечером, сразу бросились в бой. Пешие впереди, окруженные конными с ружьями наперевес, чтобы остановить всякого, кто сделает хоть шаг назад.

...С первыми проблесками зари — нападающие обрушились на все шесть постов Кратцера. Было еще темно, и французские разведчики не могли сначала ничего различить, кроме неясных фигур, приближающихся осторожно.

Легионеры забили тревогу, но вдруг голос из рядов врагов крикнул на чистом французском языке:

---

[1] 4-й эскадрон 1-го Кавалерийского Иностранного полка.

[2] А не Костреков или Костюков, как сообщается в газетах.

— Не стрелять! Это — Легион!

Это была хитрость друзов. Капитан Ландрио, командир эскадрона, быстро сообразил обстановку, но у друзов все же оказалось достаточно времени, чтобы установить «марабу».

«Марабу» — особое переносное прикрытие, дающее возможность друзам безопасно для себя обстреливать легионеров на расстоянии 15 метров. Все прочие французские посты оказались окруженными, и когда солнце взошло и осветило местность, легионеры увидели, что до 4000 друзов в воинственном раже надвигаются на них, и до 25 знамен, красных, белых, зеленых и синих, развевается над вражескими рядами.

Пользуясь темнотой, какие-то вражеские руки отвязали коней и мулов эскадрона, и они с диким ржанием носились в линии огня. Но все крики и грохот выстрелов покрывал священный боевой клич друзов:

— Аллах! Аллах!

— Смерть нечестивым!

Три часа продолжалась эта дикая, страшная битва. Иностранный легион обманул надежды друзов на быструю и легкую победу. Этот бой стоил им около тысячи человек убитыми и ранеными.

Легионеры потеряли в своих рядах 60 убитыми и 70 ранеными».

Сообщив, что среди убитых есть «10 русских казаков», корреспондент старается убедить читателя, что они погибли в борьбе с III Интернационалом. Друзы-де восстали под влиянием Москвы, а следовательно, борьба с ними — борьба с красной Москвой.

Думаем, что каждый казак, воздавая должную почесть павшим смертью храбрых казакам-легионерам, все-таки с глубокой скорбью не может не осознать ненужность этих казачьих жертв — ценных молодых жизней...»

«В северо-восточной части Ч. С. Р., на границе с Польшей, расположен крупный угольный и промышленный центр — Моравская Острава.

Там, как и всюду в подобных пунктах Европы, нашла себе приют небольшая группа казаков-эмигрантов, зарабатывающих тяжелым трудом насущный кусок хлеба.

Несмотря на трудные условия жизни, казаки все еще остались казаками. Давно они задумали устроить казачий праздник-джигитовку, подобный тем, какие устраивались в родных краях в дни Войсковых, полковых и других праздников. Но одного желания мало, нужны и средства. Трудно было заинтересовать лиц, могущих денежно поддержать организацию этого дела.

Но «бог не без милости — казак не без счастья». Нашлись лица, которые пошли навстречу чаяниям казаков. Это группа

чешских общественных деятелей, Общеказачья Студенческая станица, студенты-пшибрамцы и др.

Били найдены лошади, седла, шашки, и после короткой подготовки, 13 сентября, при огромном стечении публики в предместье Мор. Остравы — дер. Петршковицах, протрубил трубач, и из опушки невдалеке расположенного леска, в черных черкесках, на прекрасных конях, с веселыми песнями, выехала группа лихих джигитов-казаков.

На правом фланге красавец усач, с бунчуком в правой руке, выскочил вперед, полным карьером промчался по стадиону, за ним другой, третий... Началась джигитовка. Оркестр Чешского пехотного полка играл марш. Публика, затаив дыхание, следила за каждым движением джигита. Номера программы: атака, прыжки, езда стоя, рубка, уколы, похищение невесты, подбор раненого, пирамиды и др. — исполнялись с безукоризненной лихостью и отвагой. Выделялись смелостью замысла и чистотой исполнения езда и джигитовка казака кубанца Школяра, а также Босенко, Филиппова, Думбровского, Зарецкого и др. Первые три получили призы за лучшее исполнение номеров.

Уже темнело. Джигитовка закончена, а публика стояла; расходиться никому не хотелось. В заключение было исполнено несколько казачьих танцев, и уже ночью, при темноте, стадион опустел.

По улицам Остравы шли отдельные группы и шумно делились впечатлениями дня.

Прошла неделя. И вновь на стадионе собирается публика в ожидании повторения джигитовок, но, к сожалению, джигиты разъехались, а лошади были разобраны хозяевами. Идея же повторения джигитовок не заглохла. Поступил ряд предложений от отдельных лиц и финансовых групп об устройстве джигитовок по всей Чехословакии. Если переговоры закончатся удачно, казаки купят собственных лошадей и по всей стране покажут лихую езду и джигитовку.

Т.»

Из Кантона:

«...Вовремя ты убрался отсюда, а у нас, братец ты мой, опять война началась. Все зашевелились, и на душе как-то легче стало: вооружили всех до зубов. Отношение моментально переменилось, а главное — сыты и одеты все стали.

Переходя границу Китая в 1920 г., я уже считал себя свободным человеком, а тут — на вот тебе! — опять взялся за пулемет и винтовку.

Война застала меня в г. Шамине, этот городок недалеко от Кантона. Я там ездил с товаром, продавая его вразнос китайцам. Всюду было спокойно, и вдруг со всех сторон застреляли.

Пришлось припрятать свой «шурум-бурум» и садиться в окопы. Вот уже два месяца сижу я в окопах, постреливаю понемножку. А стреляем мы так: целим в глаз, а бьем в переносицу.

За все время у нас убит 1 француз и 1 француз ранен, а нашего брата и пуля не хочет.

Много мне пришлось на своем веку повоевать, но такой войны никогда и не видел.

Как только солнышко взойдет, так китайцы идут в наступление. Идут кучами, как саранча. Отобьем наступление, а через полчаса — новое. Но если погода дождливая, тогда всем благодать. В такую погоду китайцы нас не трогают никогда, в дождь они воевать не любят — и палкой не заставишь их наступать. Сидят в палатках, чай в чайниках греют и что-то по своему улюлюкают.

...Твое письмо прочел всем станичникам. Они только охают да руками разводят. Счастливцем тебя величают.

Хотим сматывать удочки. Деньжонки себе на дорогу сколотили, да и махнем через океан в вашу Европу».

«...Эмигрантская нужда заставляет пускать в оборот всякую возможность добыть насущный кусок хлеба.

Иногда, к собственному удивлению, люди открывают в себе художественные и сценические дарования, организуют труппы, разъезжают по белу свету и потешают добрых людей своим искусством. Поют, пляшут, играют, часто с искренним увлечением, всегда до изнеможения, редко с действительным успехом.

Новая иллюстрация на старую тему «Нужда скачет, нужда пляшет, нужда песенки поет». Но иногда, совсем неожиданно, эта развеселая игра оставляет впечатления, на какие, пожалуй, совсем не рассчитывали невольные актеры.

В числе боевых номеров одной из таких трупп (кажется, «Синяя Мышь») шел как-то (вероятно, и теперь где-нибудь идет) лубок: возвращение казаков домой, в станицу.

Картина действительно развеселая.

На широком полотне ярко намалевана — в натуральную величину — группа бравых донских казаков, едущих по улице станицы или хутора. Нарисовано их много, так что хвост отряда теряется вдали в клубах пыли. На переднем плане, где так колоритно изображены на лошадях бравый урядник и ближайшие фигуры отряда, на месте их лиц оставлены круглые отверстия. Пять-шесть актеров в гриме бравых донских казаков с отчаянными хохлатыми чубами и лихо закрученными усами, плотно вставляют свои физиономии в оставленные отверстия — и вся картина (лубок) сразу получает жизнь и движение. Иллюзия действительно богатая.

В довершение этой иллюзии вы видите в правом углу

живые и подвижные физиономии двух-трех станичниц (женский персонал труппы), слышите заливистый лай веселой жучки (нарисованной), а в левом углу — откормленная свинья (нарисованная), не переставая, крутит хвостом в знак совершенного удовольствия от участия в родной картине.

Раздается звонкий привет урядника — дружный, захлебывающийся ответ отряда: «Здраем желаем, ваш бродь!..» — с отчаянной мимикой глазами и усами. И затем — дружная песня «Как ныне сбирается вещий Олег» со всеми приемами военно-донского исполнения и даже с комическими вставками. «Скажи мне, кудесник, любимец богов, что сбудется в жизни со мною?..» — «Не могим знать, ваш бродь!» — гремит в ответ дружина, и за тем песня льется дальше.

В зале стоном стоит хохот. Публика потрясена наслаждением видеть «любимых героев» донцов и слышать лихое казачье исполнение веселого мотива.

Это триумфальный номер труппы. Лучшего ничего не дашь, и потому он становится последним. Публика расходится, до верху души сытая смехом.

Актеры тоже рады. Несмотря на изнеможение, они тоже будут — на некоторый срок — физически сыты.

Но вслед за смехом, как всегда бывает, приходит размышление, и уже далеко не такое веселое.

В глубине казачьей души скоро встает чувство какой-то неловкости, а потом обиды, боли и как будто стыда. И то, что было дано на сцене, приобретает несколько иной смысл, посвоему знаменательный, символический...

М. Горчуков»

Из Польши:

«...Казаков в Беловеже и окрестностях около 150 человек. За исключением единиц, устроившихся иначе, все заняты физическим трудом — пилкой дров в лесу, погрузкой и работой на лесопилках.

До половины прошлого, 1925, года жизнь была сносная, так как все время была работа. Но когда разработка Беловежской Пущи была польским правительством передана английскому обществу, работы прекратились, и казаки живут теперь случайной работой, проживая сбережения. Возобновление лесных разработок ожидается к осени, но и в этом уверенности нет. Казаки очень жалеют об устранении предпринимателей-евреев, с которыми вполне ладили и которые платили больше англичан и никогда заработной платы не задерживали.

Теперь возникает вопрос о перемене места жительства. Многие думали возвратиться в Россию, но почти всем советская миссия отказала. Переезд в другую страну осложняется тем, что очень многие казаки поженились на месте, казачья

колония насчитывает уже добрую сотню молодых казаков и казачек.

Раньше каждую весну шли разговоры о походе — «садились на коней», а теперь стремятся сесть на землю. Вопрос о переселении в Южную Америку захватил не только эмигрантов, но и местных жителей. Имена Парагвая и Маракуева[1] у всех на устах, и, пожалуй, ни одно имя никогда не пользовалось такой популярностью, как эти два.

Политическими вопросами интересуемся мало...»

ГОД 1926-й.

«БОГ НЕ БЕЗ МИЛОСТИ, КАЗАК — НЕ БЕЗ СЧАСТЬЯ»

С Дальнего Востока:

«...Тебя интересует вопрос о положении на Востоке. Так вот, слушай. После того, как я познобил себе пальцы на ногах, я был отправлен в Мукденский госпиталь, где, провалявшись около двух недель, был неожиданно переведен во французский госпиталь, откуда по прошествии 3—4 дней был отправлен экстренно в г. Шанхай. Меня первое время удивило, что бы все это могло значить? Уже в Шанхае я узнал от двух раненых станичников, привезенных из отряда генерала Нечаева. Станичники были из одного со мною отряда. Оказалось, что китайцы, подкупленные агентами генерала У-Пей-Фу, хотели совершенно уничтожить нашу бригаду. Нас спасла исключительно наша осторожность.

Дело в том, что у нас было два оренбуржца-станичника, которые великолепно владели китайским языком. Им было приказано никогда не показывать виду, что они владеют в совершенстве китайскими диалектами. Метод такой предосторожности был нами заимствован от самих же китайцев. Оренбуржцам случайно удалось подслушать разговор двух китайских солдат о поголовном нашем истреблении, и срок исполнения предательского плана почти уже истекал. Немедленно же были приняты меры к предотвращению этой гнусно-предательской хитрости.

У китайцев было намерение прежде всего обезвредить боеспособность наших броневиков. Была послана на охрану их одна полусотня, но было уже поздно, китайцы налетели на броневики, совершенно не ожидавшие нападения от своих же... Броневики почти не оказали никакого сопротивления, и все команды были предательски уничтожены. Правда, во время рукопашной схватки было перебито до 80 человек ки-

[1] С. В. Маракуев — директор Русского кооперативного института в Чехословакии, представитель в этой стране Объединенного Совета Дона, Кубани и Терека, секретарь общества «Русские земледельческие колонии».

тайских солдат. Наших погибло до 50 человек, из них три офицера. Прибывшая полусотня уже попала к окончившейся расправе... Полусотня вступила в бой, и целый китайский полк бросился в панике в бегство. Обозленные предательством станичники уничтожили при преследовании до 500 человек — немногим удалось избегнуть заслуженной участи. Броневики были взяты обратно, но один из них был уже сильно попорчен. Из сибиряков наших погибло 11 человек.

Ген. Чан-Зо-Лин, узнав об этом, принял все необходимые меры предосторожности. Между прочим, китайским солдатам было выдано по 25 долларов наградных, как оставшимся верными своему долгу, а всем раненым из нашей бригады было выдано по 500 долларов, всем же участникам, отбившим броневики, было выдано по 250 долларов. В настоящее время ген. Чан-Зо-Лин с распростертыми объятиями принимает к себе каждого русского на службу. Он только теперь понял, что, не будь у него нашей кавалерии, давно бы была его песенка спета. Во время боевых операций нам платят по 10 долларов ежедневно. Многие, уже заработав деньжонок, решили искать счастья в более миролюбиво настроенных странах, я тоже думаю уезжать из китайского гама.

Ты писал, что там состоишь членом казачьей станицы. Поздравь от меня всех станичников с праздником Р. Х. и наступающим Новым годом».

Из Чехословакии:

«Казачья эмиграция год за годом пополняется новыми интеллектуальными силами.

Весною этого года окончил Сельскохозяйственный институт в Брно Клеев Павел Андреевич, казак станицы Михайловской Хоперского округа Донской области. По окончании института Клеев специализировался по молочному делу (сыроварение и маслоделие) и в настоящее время служит в качестве инженер-агронома в Прикарпатской Руси.

Весною этого года окончил Сельскохозяйственный институт в Брно со званием инженер-агронома Донсков Виталий Дмитриевич, казак станицы Милютинской Донецкого округа. В настоящее время работает на опытной зоотехнической станции при институте в Брно и готовится на степень доктора агрономии.

Месяц тому назад окончил инженерно-агрономическое отделение Пражского политехникума казак станицы Михайловской Хоперского округа Клонов Владимир Петрович. В России окончил Донское среднее сельскохозяйственное училище, был участковым агрономом и инструктором животноводства в Войске Донском. В настоящее время работает у известного чешского экономиста проф. д-ра Брдлика Владислава по сельскохозяйственной экономии.

Указанные лица принимают живое участие в общественно-политической жизни казачьей эмиграции. Так, В. Д. Донсков являлся постоянным представителем Общеказачьего Сельскохозяйственного союза в Брно и был там деятельным членом казачьей республиканско-демократической колонии.

В. П. Клонов, кроме обязанностей атамана Студенческой Казачьей станицы, принимает самое ближайшее участие в качестве сотрудника как казачьих журналов — «Казачий путь» и «Казачий сполох», так и общероссийских — «Записки института изучения России», «Сельское хозяйство и кооперация».

П. К.»

Женева, 7 февраля 1926 г.

«...Надо надеяться, что в этом году удастся добиться чего-либо существенного и в деле переселения зарубежников за океан. Пока же в этом отношении все еще остается в подготовительном и выжидательном положении.

Междуправительственная конференция, намеченная в сентябре 6-м Собранием Лиги Наций, должна собраться в марте. Если ей удастся разрешить вопрос об изыскании оборотного фонда на финансирование заокеанского переселения, дело будет сдвинуто с той почти мертвой точки, на которой оно находится сейчас. Но и тут было бы опасно преувеличивать надежды на исполнение всех наших пожеланий, т. к. каждое колонизационное общество собирается ходатайствовать о ссудах, много превышающих средства, которыми будет распоряжаться Международное Бюро Труда.

До получения оборотных средств беженская секция М. Б. Труда ограничивает помощь, оказываемую переселенцам, самыми исключительными случаями. К числу таковых относится выдача ссуд на переезд из Белграда в Парагвай группы лиц, приглашенных парагвайским правительством на государственную службу. Группа эта, всего 10 человек, частью уже отправилась, частью отправляется 20 февраля на средства, ссуженные М. Б. Труда.

О том, должны ли переселенцы будут принимать подданство нового государства или нет, я уже навожу справки по просьбе группы переселенцев из Константинополя. Как только получу поджидаемые мною разъяснения, не премину сообщить их вам».

Из Австралии:

«От уехавших из Шанхая в Австралию, в октябре 1923 г., казаков-уральцев сведения продолжают поступать вполне благоприятные. Никто из них не сожалеет, что судьба закинула их так далеко от России. Только в первое время по прибытии в Бризбан, пишут уральцы, было тяжело. Новая, неизвестная

страна, незнакомая обстановка, неприятные условия жизни, плохое знание, а для большинства и совершенное незнакомство с английским языком на первых порах ставили их в довольно затруднительное положение.

Когда ехали, предполагали не распыляться, а по возможности держаться вместе — своей уральской семьей. Думали, что, быть может, удастся сесть на землю, арендовав где-либо подходящие участки. Однако средств было слишком мало, пришлось разъехаться и каждому самостоятельно искать заработка.

Работу найти оказалось нетрудно, тем более что русские пользуются репутацией хороших работников и их берут всюду очень охотно. Первоначально работали на фруктовых фермах, расположенных вблизи г. Бризбана, получая от 8 до 10 шиллингов в день. А с июля месяца — начала сезона рубки сахарного тростника — перебрались на более отдаленные от Бризбана (к северу) сахарнотростниковые фермы, где заработок в сезон рубки значительно выше — от 16 до 18 $^{1}/_{2}$ шилл. за 8-часовой рабочий день. Сезон рубки продолжается от июля до октября—декабря месяца, в зависимости от урожая.

Жизнь в сравнении с заработной платой весьма недорога. Довольствие на одного рабочего обходится в неделю от 12—13 шилл. до полутора фунтов стерлингов. Работа вначале кажется трудной, но постепенно втягиваются и рубят через две-три недели уже сравнительно легко.

К сожалению, постоянную, столь же хорошо оплачиваемую, работу найти очень трудно. Большой спрос на каменщиков, плотников и других специалистов, постоянный средний заработок которых — 6 фунтов в неделю.

В настоящее время почти все уральцы имеют некоторые сбережения в банках. Многие выписали из Сов. России свои семьи (часть уже приехали) и мечтают впоследствии стать хозяевами, скопив 1000 фунтов стерлингов. На эти деньги можно приобрести ферму, что считается наиболее выгодным делом.

(...) Охрана труда находится под защитой Рабочих союзов, которые играют доминирующую роль в строительстве молодой страны (особенно в штате Квинсленд), широко распространяя свои экономические функции.

Все рабочие состоят членами таких союзов. Каждому члену за полтора фунта выдается годовой билет. Без билета нигде не дадут ни службы, ни работы... Если хозяин принял на работу безбилетного, он подвергается штрафу от 50 фунтов и выше. Деньги эти поступают в кассу союзов, из которых по мере надобности их выдают безработным. Каждого рабочего хозяин страхует. Если рабочий заболел на работе, то хозяин выдает ему половинную плату его заработка до выздоровления.

Труд оплачивается по ставкам, вырабатываемым Рабочими

союзами, и ниже этих ставок никто не имеет права платить и получать. В общем, положение рабочего отличное. Черный труд оплачивается очень часто не ниже интеллигентного. Безработных среди русских нет. Впрочем, почти все русские занимаются физическим трудом, так как другого найти невозможно.

(...) Всех русских в Австралии около 20 000. Они резко разделяются на два враждующих между собой лагеря.

Прибывшие задолго до Германской войны (после революции 1905 г.) без исключения социалисты. В большинстве они уже австралийские подданные, отлично владеют английским языком и при всяком удобном случае стараются вредить прибывшим новой волны, после гражданской войны, русским эмигрантам-антибольшевикам. Впрочем, последние мало обращают на них внимания и держатся обособленно.

В Бризбане, при благосклонном участии Бризбанского архиепископа английской церкви, открыта русская православная церковь. Поет хороший хор, бывает немало молящихся.

Несмотря на обеспеченное материальное положение, жить, жалуются уральцы, очень скучно. Никаких развлечений, увеселений нет, кроме кинематографов и баров, в которых австралийские рабочие проводят свой досуг и оставляют сбережения.

Жизнь заключается только в деньгах. С большим интересом прислушиваются уральцы к тому, что делается в Сов. России и что происходит в Европе среди остальной русской эмиграции...»

Из Уругвая:

«За 9 месяцев своего пребывания в Монтевидео работал на постройке электрической станции, по электрической части автомобилей, по нагрузке и починке аккумуляторных батарей, по починке динам (так в тексте. — *В. С.*) и моторов.

Бывал и без работы.

Сейчас работаю по проводке электричества в большом строящемся здании. Получаю теперь $2—2^1/_2$ доллара в день. Мечтать о должности инженера или даже помощника инженера здесь не приходится. Много их здесь, да и делать им нечего, ибо все машины привозятся сюда в готовом виде из Сев. Америки, Англии, а в последнее время и из Германии, которая быстро вытесняет с рынка фабрично-заводские изделия других стран.

Для самостоятельной работы нужны средства, а их нет. На этой постройке я продержусь еще 5-6 месяцев, а там уже легче будет искать новую работу, потому что получу на руки от этой фирмы удостоверение о 10-месячной практике, что имеет здесь огромное значение. Без рекомендации здесь и чернорабочим устроиться трудно.

Русских здесь много. Большинство по настроению левее нашего союза. Меньшинство — монархисты николаевского толка. Со дня на день ждут приказа о выступлении в поход. Приехали они сюда раньше других, а потому занимают командующие высоты, откуда жестоко обстреливают нашего брата... Эти люди похожи на бешеных собак. И горе тому, кто попадает в их лапы. Но последнее время дела их ухудшаются. Средства, по-видимому, приходят к концу. По крайней мере, вчера вечером я видел, как контрразведчик из эмигрантского дома, отрепанный и грязный, продавал на улице карамель. До этого широко жил и ничего не делал.

Многие из русских старожилов уезжают отсюда домой. Списались с родными и ранее уехавшими и едут. Около 1000 человек отправляются из русской колонии от «бога», Лубкова Василия Семеновича. Едут на Дон, на Маныч. Это — дикари, которые 12 лет порочили здесь русское имя, молясь живому «богу» — жулику и горькому пьянице. По ним судили о всех русских, и только теперь, когда хлынула сюда новая волна эмигрантов, к русским стали относиться с большим уважением.

Правда, Лубков со своими рабами произвел здесь и положительную работу — он первый начал правильно и умело культивировать лучшие сорта русской пшеницы. Он же первый начал сеять здесь арбузы и дыни. 15 лет тому назад уругвайцы не имели представления об этих растениях.

Наплыв эмигрантов все продолжается. Но зато и отсюда уезжают много, только уж не в классных пароходах, а на товарных и в качестве рабочих, чем и пользуются жадные коммерсанты.

Сейчас здесь начинается осень. Рабочий сезон прошел. Безработных на улицах все больше и больше. В этом году здесь был неурожай. Продукты дорожают. Начинаются забастовки. И вот мы с женой купили муки, керосину, сала, рису, сахару и соли, свалили все это в угол комнаты и ждем. Если что случится, будем сидеть дома, строго сохраняя нейтралитет... Должен отметить, что здешняя буржуазия совершенно не учитывает уроков русской революции, шикарно живет, кутит, в то время как десятки тысяч безработных голодных европейцев блуждают, озлобленные, в поисках работы, хотя бы за кусок хлеба.

Несмотря на все это, представители Лиги Наций, побывавшие здесь, и в печати, и в докладах продолжают ложно освещать здешнюю обстановку. На днях я встретил в эмигрантском доме бывшего кадрового офицера, который с женой и сыном жил в Швейцарии, зарабатывая 2 доллара в день починкой автомобилей. Представители Лиги Наций в личных разговорах убедили его переехать в Бразилию. Приехал. Около месяца искал работы и ничего не нашел. Французский консул

устроил его за полцены на французский пароход, и он прибыл сюда. Здесь тоже работы нет. Кормит в эмигрантском доме клопов и ждет от жены денег на обратную дорогу. Интересно отметить, что выезд из Советской России в Южную Америку с 1 янв. 1926 года категорически запрещен. Некто Кундрюцкий, выехавший из России полгода тому назад, уезжает теперь обратно, с большим трудом скопив деньги на обратную дорогу на товарном пароходе.

Считаю своим долгом предупредить казаков от поездки в Южную Америку. Сейчас здесь страшный кризис. Я говорил с десятками лиц, побывавшими во всех республиках Южной Америки. Говорят, что везде одно и то же. Безработных масса, и дома умалишенных заполняются бывшими русскими интеллигентами. Все это я пишу для того, чтобы удержать наших станичников от рискованного шага — от потери 300 долларов на дорогу сюда и обратно, которые придется отрабатывать каторжным трудом.

Моя задача — пополнить неприкосновенный запас на обратную дорогу, а там посмотрю, что делать дальше.

И. Г. Янюшкин»

С дальнего Востока:

«Дорогой друг!

Получил твое письмо и постараюсь как можно подробнее на все интересующие тебя вопросы ответить.

Положение эмигрантов с каждым днем становится все хуже и хуже. С тех пор, как в правление Китайской Восточной железной дороги вошли представители Советской власти, немедленно же начались массовые увольнения и сокращения штатов. Конечно, в эту рубрику попадали исключительно только эмигранты, их просто выбрасывали на улицу без объяснения каких-либо причин. Единственный ответ на вопрос увольняемого: «Вы не соответствуете своему назначению».

В особенности эти гонения распространились, главным образом, на нас, казаков. Представители власти всюду назначили ревизии, и лицо, представившее свою отчетность, уже заранее знало, что все будет найдено в образцовом порядке, но, принимая во внимание «казачье сословие», подлежит изъятию.

Из России, главным образом из центра, появилось много «советских спецов». Кого не спросишь: «Вы по какой специальности?» — получаешь почти один и тот же ответ: «Инженер, инженер», и редкий скажет: «Я просто кондуктор».

На дороге служащие были разделены на две категории — на сынков и пасынков. К нам, пасынкам, отношение самое отвратительное — как ни старайся, из кожи лезь, все равно подлежишь исключению.

В Харбине у нас появились возмутительные таинственные аресты. Неожиданно дом или квартира окружается китайской

полицией, в квартире забираются подозрительные вещи. У меня напр., при моем аресте, кроме бумаг, газет, книг, тетрадей, забрали и мой медный чайник и резиновый плащ. Через два месяца я был освобожден из-под ареста, где меня ни разу не допрашивали, а перед самым освобождением меня вызвали и заявили: «Твоя большевика есть». И вот такие вещи повторяются часто.

Лица, прибывшие из Советской России, разгуливающие по улицам Харбина в кепке и кожаной тужурке, доносят в китайскую полицию с указанием полного адреса квартиры своей жертвы. В коммунизме и в агитации против китайских властей обвиняются обыкновенно казаки, в особенности те, кто занимает крепкое место по службе и пользуется авторитетом среди населения и служащих. На вопрос мой: «А почему не все вещи я получаю, где же плащ и чайник?» — китайское начальство, пошептавшись между собой, громко заявило мне: «Иди, капитана», и я, махнув рукой выскочил на улицу, радуясь своему освобождению.

В последние два года весь Харбин начинает разгружаться от эмиграции. Более 3 тысяч уехали в Канаду, 2 тысячи расплылись по Китаю, и до $2^1/_2$ тысячи поступило на службу к маршалу Чжан-Цзо-Лину.

Зубами щелкают «военспецы» — им никак не удается захватить полосу отчуждения в свои руки, а там можно было бы половить много рыбки в мутной водице. А скольким тысячам так называемой «контрреволюции» пришлось бы навсегда проститься со своей жизнью! ГПУ снова ожило бы на несколько месяцев, но не дают... японцы.

Откуда они появляются? Никто и решить не может в течение последнего времени не видно было японцев, а тут вдруг неожиданно появились солдаты. Сразу притихли и китайцы, и коммунисты.

Большинство казаков занимаются здесь извозом. Всякий казак, имеющий хотя бы одну лошадь, может уже не думать о завтрашнем дне. Что касается физического труда, то найти его довольно трудно, потому что конкурировать с китайцами невозможно. Китаец согласен работать в день за пятнадцать центов, а прожиточный минимум для рабочего европейца не менее 50 центов.

Нас очень интересует жизнь казаков у вас в Европе, но очень жаль, что мы никак не можем наладить нормальной связи между собой. Ведь за все время пребывания мы единственный раз получили посылку с журналом «Казачий путь». Он был взят нарасхват, и мы немного познакомились с жизнью казаков Дона, Кубани и Терека. Все искренно радовались, что интеллигентные силы Ваши заканчивают высшее образование, а не прозябают, как здесь, ежеминутно заботясь о куске насущного хлеба. Мы радуемся, что единственная

страна — Чехия, которая так радушно приняла Вас, заботится о Вас, помогает Вам. Конечно, такая широкая помощь не изгладится из памяти многострадальных казаков-эмигрантов. Неужели Сельскохозяйственный союз не может послать нам хотя бы несколько виз? Ведь многие из нас имеют свои сбережения, на которые они могут приехать сами и жить, получая образование, не обращаясь ни к кому за помощью. Как жаль, что это, пожалуй, почти невозможно.

Думаю, что письмо будет получено к празднику, поэтому поздравь от меня с праздником Св. Пасхи всех дорогих станичников.

Б.»

Из Парижа:

«Франция переживает полосу тяжелого финансового кризиса. Никогда еще франк не был так капризен, как в течение последних трех месяцев. Чрезвычайные меры правительства то задерживали его падение, то даже немного повышали его стоимость, но ненадолго. Будто бы несколько оправившийся, он вдруг снова начинал ощутительно падать. Не будет преувеличением сказать, что внимание французского общества все это время с исключительной пристальностью было приковано к вопросу о спасении франка.

Падение франка не замедлило отразиться на всей экономической жизни государства. И совершенно неожиданно для нас, русских эмигрантов и казаков, серьезно пошатнуло наше положение.

Многим казакам, живущим вне Франции, понаслышке известен автомобильный завод Рено в Париже. Это — целый городок. 30 000 рабочих ежедневно заполняют огромные здания завода, рассыпаются по его обширной территории, чтобы вечером длинными лентами потянуться из ворот в предместья на ночной отдых. Значительную часть рабочих составляют иностранцы, из них 5000-6000 русских, среди которых много казаков. У администрации завода казаки, как старательные и аккуратные рабочие, на хорошем счету.

И вот с середины мая начались осложнения, которые, к нашему глубокому сожалению, не закончились и сейчас.

10—12 мая забастовали рабочие «малого Рено». Причина забастовки — малая заработная плата. По справедливости надо признать, что рабочие правы. На 600 франков — средняя заработная плата на Рено — раньше можно было жить прилично. Но с установившейся дороговизной даже одинокому прожить на эти деньги трудно. Каково же семейным?

Через 2-3 дня появились плакаты и на «большом Рено»: поддержите забастовку! Характерно, что часть листовок, писанных на машинке, была на русском языке — конечно, дело коммунистов.

17-го забастовал и «большой Рено»! В сущности, желающих бастовать, особенно среди иностранцев и, конечно, русских, было мало. С одной стороны, неверие в благоприятные результаты забастовки, а с другой — и главное! — наше особое положение.

Не буду писать о подробностях. Митинги, агитация, полиция, столкновения и прочие принадлежности всякой забастовки. Положение же нас, русских, просто было дурацким. Вот примерные настроения наших соотечественников в ателье, где я работаю.

— Конечно, следовало бы поддержать забастовщиков («гревистов»), они правы, мы, рабочие, должны быть солидарны. Ведь смотрите, хлеб стоит уже столько-то, крупа (следует перечень цен предметов первой необходимости)...

— Да, поддержите! И полетите кувырком с завода да с волчьим паспортом. Вот N (называет фамилию) однажды в день объявленной забастовки не явился на работу. Был понедельник. Накануне парень попьянствовал и просто проспал. Без всяких объяснений контора вернула ему сертификат с какой-то пометкой, и беднягу, чистой воды «контрреволюционера», имевшего рабочий стаж, не приняли ни на один завод в Париже. Восстанавливает свое реноме в глухой провинции...

— Тяжело быть международным штрейкбрехером! — мрачно острит кто-то из нашего импровизированного русского «митинга».

— Верно, — со вздохом замечает бывший капитан. — Но когда знаешь, что Москва и ее наемники уже хотят погреть здесь руки, так работал бы день и ночь, чтобы сорвать забастовку. Хотя это и неразумно...

Резюме делает сумрачный слесарь:

— Да, вот и выбирай. Уйдешь с работы — выгонят с завода, не уйдешь — могут голову пробить забастовщики. А станет надолго завод — что делать?

Согласитесь, настроения тяжелые.

Как к нам относилась администрация? Должен сказать — хорошо. Шефы ателье будто бы входили в наше положение. Даже советовались относительно прибавки к жалованью, но... но по окончании забастовки ряд русских получили расчет, и большая часть незаслуженно.

Но продолжаю.

21 мая дирекция разослала рабочим письма: указание причин забастовки, таблица прибавок по категориям (прибавки очень незначительны — от 10 до 50 сантимов в день), анкета, желает ли имярек возобновить работу. Для ответа предусмотрительно вкладывался конверт с адресом и маркой.

Наконец объявлено: 27-го возобновятся работы. Утром тысячные толпы рабочих собрались у всех ворот. 2-3 часа про-

должалась процедура впуска — рабочие строго контролировались. Сколько осталось за бортом завода, сказать трудно.

До сего времени (10 июня) работа идет с перебоями. А тут слухи: с одной стороны, будто синдикат французских рабочих потребовал от дирекции завода Рено, чтобы 10% иностранцев было уволено. В связи с тянувшейся историей с врачами и шоферами есть в этих слухах доля вероятности (вот вам и интернациональная рабочая солидарность!).

А с другой, что особенно неприятно, сведения о повторении забастовки. И действительно, прибавка мало удовлетворила рабочих вообще, а комхолопов особенно. Снова — призывы к забастовке. Снова волнуются иностранцы и особенно русские.

Одно у нас желание: пусть скорее утвердится франк и восстановится нормальная промышленная жизнь.

Ф.»

«...Ясным декабрьским утром 1923 года внимание прохожих на Набережной улице города Нанта привлекло шествие небольшой группы доселе невиданных людей, выстроившихся по-военному, марширующих под собственное хоровое пение с кирками и лопатами на плечах. Шествие замыкалось человеком маленького роста в ярко-красном длиннополом кафтане, с красной же шапочкой на голове...

В начале октября 1923 года одна группа донских казаков-калмыков в 25 человек, имея в своем составе и женщин, и детей, с бразильскими визами на паспортах, выехала из Болгарии с конечной целью пробраться во Францию и остаться там. Чуть ли не с болгарской границы начались для них всевозможные препятствия, а по прибытии в Вену они и совсем застряли. Только после двухнедельных хлопот, при помощи отделения Лиги Наций, удалось им выбраться и поехать дальше.

Наконец, преодолев все трудности, после всяческих мытарств, они прибыли в Париж. Но здесь для них начались новые испытания. Так как в партии не было человека, владеющего французским языком, а деньги у всех были издержаны и ниоткуда помощи нельзя было ожидать, то компания эта очутилась в довольно скверном положении. Неизвестно, что с ними было бы дальше, — во всяком случае, судьба сулила неприятные сюрпризы.

Но тут, к счастью, как раз оправдалась казачья пословица: «Бог не без милости, а казак не без счастья». Одна случайно проходившая француженка заинтересовалась этой группой странных людей. Владея кое-как русским языком, она узнала, что это за люди, в чем их нужда, и взялась помочь.

К вечеру того же дня она их накормила, нашла ночлег. А на другой день отправила в г. Нант на реке Луаре с запиской

к своему знакомому инженеру, заведующему работой по исправлению жел.-дорожной линии Нант — Верту. Этот инженер принял калмыков на работу и исхлопотал необходимые виды на жительство.

Пространствовавшие около месяца по разным этапам, нередко и голодавшие, бедно одетые, с женщинами и детьми, нагруженные всякого рода домашней рухлядью, эти люди, безусловно, не могли похвастаться хорошим внешним видом. Поэтому, наверное, в первое время им не нанимали частных квартир. Попечением местной администрации им был отведен пустой барак, где наши с благодарностью и поселились по-беженски.

Работа оказалась подходящей и не так дурно оплачиваемой. Скоро подкормились, все приоделись, зарекомендовали себя как хорошие рабочие, и ими стали дорожить. Местный инспектор труда по иностранному отделу очень внимательно отнесся к калмыкам, при его содействии скоро были найдены квартиры, а спустя некоторое время и лучшие работы с почти бесплатными сносными помещениями.

Так образовалась первая калмыцкая колония во Франции.

Основательнее устроившись, эта первая партия начала добывать и посылать сертификаты (контракты на работу) своим сородичам, живущим в худших условиях в Турции, Болгарии и Сербии. Благодаря прочно установившейся репутации калмыков как хороших рабочих местные работодатели, при содействии того же инспектора труда г. Г., без особенных затруднений давали им эти контракты на работу, что давало и право въезда во Францию.Таким образом, к концу 1925 года калмыцкая колония дошла до 200 с лишним человек, сосредоточенных, главным образом, в Нанте и его районе.

Приток калмыков небольшими партиями продолжается и по сие время. Работают калмыки преимущественно на фабриках и заводах. В Нанте на сахарной, в Верту на стеклянной, в Басс-Индре на железолитейной, на резиновой — в Монтаржи, в Ля-Рошелле на фосфатной и брикетной. Партии по 5—6 человек работают в Париже, Марселе, Кнютанже (Эльзас) и в Деказевилле. Два-три человека устроились уборщиками лошадей при сельскохозяйственном училище.

Взрослый рабочий за 8-часовую работу в среднем получает 20 франков в день, но при этом на каждом заводе есть различные работы по степени трудности, а следовательно, и размерам заработной платы. Кроме того, желающим часто даются сверхурочные работы. Сильный и усердный рабочий выгоняет по 30—35 франков в день. Меньше 17 франков взрослому рабочему платы почти нет. При этом с уверенностью можно сказать, что каждый из указанных видов работ может обеспечить скромные потребности рабочего при прожиточном минимуме не выше 10—15 франков в день.

Надо иметь в виду, что работы хорошо оплачиваемые вместе с тем весьма трудно переносимы. Например, на сахарной фабрике больше зарабатывают те, кто катает по рельсам большие котлы, наполненные горячим сиропом. Так как это такая тяжесть, что невозможно сдвигать силою рук, то приходится толкать ее при помощи нижней части спины, для чего у каждого имеется седелка из двух вчетверо сложенных мешков, но и тогда через месяц-два под мешком набивается сено, точно так же, как у лошадей от седла.

На стеклянной фабрике хорошо зарабатывают резчики горячего стекла. На железолитейной хорошо платят кочегарам и работающим на вальцах. На брикетной (выделка кирпичей из мелкого угля) кожа на лице и руках так чернеет от угольной пыли, попадающей в поры, что едва ли когда примет первоначальный цвет. На резиновой больше зарабатывающим приходится иметь дело с такими дурно пахнущими веществами, что многие не могут привыкнуть. Но здесь бывают периодические работы (шитье) нашим женщинам, и они недурно зарабатывают. Самыми подходящими являются работы средней трудности и соответственной платы. таковые работы большей частью и имеют калмыки и тем не менее, живя скромно, уже имеют кое-какие сбережения на черный день. Все сносно одеты и обуты.

Особенно экономны пожилые, не в пример молодежи, увлекающейся модой на костюмы и другими приятными для их возраста вещами. Молодые калмыки так одеваются и доставляют себе такие дорогие для кармана рабочего удовольствия, о каких калмыки-работники в других странах не имеют представления. Конечно, между ними встречаются приятные исключения, но, к сожалению, только исключения.

Отрицательной стороной для национально-моральных особенностей нашего народа могут оказаться слишком сильные здешние влияния. Кроме того, в районе группировки калмыков нет русской школы, куда можно и нужно было бы отдавать детей, а их в школьном возрасте через год-два будет уже немало.

Общественно-политических организаций, а потому и делений на враждебные друг другу партии среди калмыков там нет. Хотя и есть записавшиеся на возвращение в Сов. Россию, но взаимоотношение между могущими уехать и остающимся вполне нормальное... Отрадным явлением морального характера нужно считать наличие среди них прибывшего из Праги бакши[1] Нимбрушева, который своим неизменно строгим отношением к своим духовным обязанностям и религиозным требам поддерживает религиозно-нравственные устои тамошней группы калмыков.

[1] Бакша — калмыцкий (ламаистский) священник высшего разряда.

Помимо всего этого, нынешней весной сформировалась на товарищеских началах команда джигитов. Предприниматели — 5 калмыков, имеющих 14 собственных лошадей, все необходимые приспособления и 14 наемных джигитов. Благодаря исключительно хорошему подбору исполнителей выступления этой команды, как сообщают, сопровождаются успехом. Одним из главных руководителей этой организации является известный джигит подъесаул Саран Ремилев.

Зная по собственному опыту условия работ и жизни в Болгарии и Турции, а по рассказам знакомых — и условия труда в Сербии, я полагаю, что Франция все же одна из наиболее удобных стран для наших калмыков, живущих физическим трудом.

Санжа Балыков»

Из США:

«В нашей жизни особых новостей нет. Русских организаций в Чикаго очень много, но они как-то недолговечны, и, кроме ссор и дрязг, — ничего. Имеется офицерский союз, но и в нем не всегда благополучно, без ссоры ни одного собрания не обходится. Поэтому мы решили держаться подальше. Живем своей казачьей группой в восемь человек. Я и два брата около трех лет работали на автомобильной фабрике Форда, но в декабре 1926 года уволены по случаю сокращения выпуска автомобилей. С января работаю на фабрике по выделке водопроводных принадлежностей — обтачиваю на токарной машине чугунные, железные и стальные части. Работа нетяжелая, но оплачивается в два раза меньше, чем у Форда, у него труд вообще оплачивается несравненно лучше, чем у других.

Средний заработок рядового рабочего до 4 долларов в день. Минимальный прожиточный расход — 45—50 долларов в месяц. Лично нам заработок дает возможность сносно существовать и помогать семье. За четырехлетнее пребывание в Америке сбережений не сделали никаких, так как помощь семье на родине обходится нам больше 100 долларов в месяц. семья состоит из шести душ, все женщины и дети, из которых трое учатся, рабочих рук нет.

Раньше мы были в Бразилии, там слышали об Уругвае. Наш вывод: чем ехать простым рабочим в Южную Америку, лучше оставаться в Европе. Попасть из Южной Америки в Северную легально гораздо труднее, чем из Европы».

От кубанца, осень 1926 г.:

«...Не писал долго потому, что надеялся, что положение улучшится и я не напишу Вам много плохого об Аргентине, но — увы — положение все ухудшается. Эмигранты прибывают с каждым днем, а работ нет никаких.

Мы трое уже какой месяц сидим без работы. Доктор Тимченко участок свой продал и уехал в Парагвай. Братья Варавки тоже продали свой участок — вовремя, если бы не успели продать до уборки, то пришлось бы бросить даром. Их счастье, что нашлись эмигранты русские и, не зная, как родит земля, купили участки. Теперь и каются, что купили, да поздно — поела все саранча, аруга и исока. От посева не получили ничего — ни хлопка, ни кукурузы, ни фисташек. Все пропало.

Чорба приехал в Аргентину с большими деньгами, имел больше миллиона болгарских левов. Устроил великолепное хозяйство, имел трактор, плуги, дисковые бороны, сеялки, грузовой автомобиль, 12 лошадей, сеял по 150—200 десятин хлопка и кукурузы — и через два года стал гол, как сокол, ни разу не уродило. Лишился всего и теперь нанялся на службу шофером.

Хорошая земля уже давно занята. Вероятно, еще при Колумбе. А теперь дают землю, никуда не годную. Все эмигранты едут на землю, а понюхавши ее — идут в батраки, но и это не всегда удается.

Работы по специальности не найти. Всюду полно. Передайте тем, кто думает сюда ехать, что их ожидает печальная участь. Безработица страшная.

Я не знаю, как отсюда выбраться. Вся надежда на сборку урожая в плодородных провинциях. Как только заработаю, так и айда обратно в Европу — или в Сербию, или во Францию. Куда удастся.»

ГОД 1927-й
«ТАМ ХОРОШО, ГДЕ НАС НЕТ»

28 января на имя Донского атамана:

«Ваше превосходительство, достопочтимый Африкан Петрович[1].

...Будучи казаком, я считаю нравственным долгом написать всю истину, дабы кто-либо, обольстившись неверными сведениями, не впал в труднопоправимое положение, так как приезд в Австралию стоит очень больших денег, не менее 35 фунтов стерлингов.

Из шести штатов в пяти принят принцип «Все для рабочего», поэтому рабочие здесь чувствуют себя хорошо и заработок их в неделю далеко превосходит недельный расход. Заработок — 85 шиллингов, а содержание с полным пансионом — 30 шиллингов. Это для одинокого, но вполне хватает и для семейного, причем цифра заработка указана мною, как минимальная юнионская (т. е. рабочих союзов. — *Ред.*) ставка.

[1] А П Богаевский

Знающие язык и какую-либо профессию и работающие по своей профессии получают полуторный оклад при том же прожиточном минимуме.

Однако производство сокращается, предложение труда увеличивается. Власть — в руках рабочих, промышленность — в руках капитала, и между ними идет борьба — глухая, скрытая. Рабочие добьются повышения платы — капиталисты сокращают штаты, а при этом прежде всего страдают рабочие иностранцы. Кроме того, рабочие союзы стали отрицательно относиться к приему иностранцев в свою среду. Есть юнионы, которые совершенно закрыли нам доступ. С каждым годом становится все труднее и труднее получить работу. Сейчас в одном только Брисбане (главный город штата Квинслэнд) безработных более 2000 человек.

Теперь по вопросу сельскохозяйственному. Австралия населена слабо, около 20 человек на квадратную милю. Правительство старается всячески заселить страну, но избегает лишних расходов и в материальной помощи иностранцам отказывает, наделяя их только землей, в большинстве случаев находящейся под девственным лесом и требующей долгого, упорного и тяжелого труда, чтобы привести ее в порядок. Некоторые из наших соотечественников, в частности уральские казаки, приобрели уже готовые сахарные плантации у своих же хозяев, у которых до этого работали простыми рабочими, но приобрели в кредит, с рассрочкой, внеся лишь треть стоимости. Хорошо, если будет благоприятствовать погода, а если нет, как в прошлом году, то может пропасть весь задаток при неплатеже и ферма перейдет к старому хозяину без возврата прежних платежей. Такие случаи с нашими соотечественниками уже были, так как всецело зависишь от дождя. В прошлом году дождя не было шесть с половиной месяцев, и сельские хозяйства понесли громадные убытки.

От нас в конце февраля двое намерены уехать во Францию — один учиться, а другому стала невмоготу австралийская жизнь. По приезде будет у Вас и лично доложит обо всем.

Но, конечно, тех, кто получил здесь в каком-либо предприятии работу постоянную, нельзя и сравнивать с их коллегами во Франции. Здешние испытывают полное благополучие, включительно до автомобиля для собственного удовольствия. Но таких среди нас не особенно много, можно пересчитать по пальцам. Масса же (в Квинслэнде около 600 русских) не в состоянии содержать своего приходского священника, и главным источником существования для о. протоиерея является работа на мукомольной мельнице».

Из Австрии:

«5 сего марта Донской Казачий хор прибыл в Вену и в тот же день, вечером, выступил под управлением С. Жарова в

«большом концертном зале». 6-го хор дал другой концерт. Успех в художественном отношении колоссальный; вся музыкальная Вена брала с бою билеты, и у касс была положительно головокружительная давка. Можно сказать, что эти два дня Вена была покорена казаками и их пением.

Появление хора на сцене было встречено неистовыми аплодисментами. Вся программа концерта пользовалась исключительным успехом, особенно «Стенька Разин», «Вечерний звон» и «Двенадцать разбойников».

Поразительная дисциплина звука, то мощное, стихийно захватывающее наслоение, то едва слышимое пиано — неожиданностью чередования поражало венцев.

Нас, русских, оторванных от Родины, рассеянных на чужбине, концерт перенес в родную стихию. Казалось, что сидишь в Новочеркасске и слышишь пение дорогих станичников, доведенное до виртуозности. Казалось, что не было ни революции, ни крушения нашей государственности, что все это — одни разговоры. И действительно, разве может погибнуть народ, давший в своей духовной культуре столь высокие достижения, с песней которого так стремительно-ураганно переносишься от восторга к печали, от буйной радости к безысходной тоске. Дай Бог нам пережить это лихолетье и со спокойной душой снова услышать на Родине чудные русские и донские песни...

Русский»

Из Болгарии:

«Во Франции, в Каннах, трагически погиб казак Гниловской станицы Донского войска Иван Данилович Табунщиков, 30 лет.

Вечером, 27 марта, спеша домой, он повис на трамвайной подножке — по случаю праздника трамвай был переполнен. В узком месте, на повороте, встречным грузовым автомобилем ему раздавило грудь и разбило голову. Не приходя в сознание, он умер.

Да будет мне, его станичнику, позволено напомнить одну страничку из жизни этого героя-казака.

В первые дни декабря 1917 года атаман А. М. Каледин, с согласия Войскового Круга, вел операции против захваченного большевиками Ростова. Окружение города удалось, и большевики на траллерах бежали. На одном из них они увезли ростовского градоначальника В. Ф. Зеелера и командующего войсками Ростовского гарнизона ген. Потоцкого с его штабом. Попытка вывести в море яхту «Колхида» окончилась неудачей — в тумане она основательно села на мель у станицы Гниловской. Бросив ее, большевики решили на моторных лодках достичь Азовского моря.

Лейтенант Орлов с 9 большевиками-матросами пытались

проскользнуть мимо станицы. Покойный Табунщиков, тогда 20-летний, обстрелял лодку из винтовки и вынудил большевиков повернуть к берегу. При помощи двух подоспевших стариков[1] с винтовками Табунщиков забрал в плен всю компанию. Станичная администрация начала переговоры с начальником большевистской флотилии и выменяла Зеелера, Потоцкого и др. на захваченных большевиков.

Впоследствии за этот подвиг Табунщиков был награжден Георгиевским крестом. Всю гражданскую войну он провел в войсковых частях.

Мир его праху!

П. Ч.»

Из Франции:

«Осмотрев под Парижем несколько хозяйств, приезжаю в Овернь и попадаю в донское гнездо.

Глава — бывший окружной атаман г. В., состав рабочих-компаньонов — исключительно Гаврилычи, принесшие в окрестности Клермон-Феррана свой быт, язык и привычки. Со станции меня везут не на Финетке, а на Пулетке, которая окончательно окрещена, без интеллигентской деликатности и постепенности, в Резвую. Сначала она с недоумением слушала «Но!» и «Тпру!», а теперь уже забыла французское «Аллэ!».

Во дворе полная реформа. Собаки — Полканы и Жучки, поросенок — Васька, коровы — Буренки и Красотки и даже француз-петух, единственный иностранец на ферме, называет быка Миш-Миш, так как он переименован новыми хозяевами в Мишку.

Гаврилычи народ степенный, усатого атамана слушают так же, как слушались в станице. Ферма попалась хорошая, богатая, скота 40 голов, 30 свиней, 200 кур, три лошади, водопровод во дворе, земли больше ста гектаров... Казачьей сметки не занимать стать — и не мудрено, что хозяин имения, приглядевшись к арендаторам, понял, что это не варвары, о которых с ужасом говорили в 1814 г., а опытные, трудолюбивые земледельцы. Они и хозяину дадут пользу, и на свой пай заработают. Понял и предоставил им свободу действий.

Донцы собираются здесь развить большое хозяйство, не брезгуя ни одной отраслью. Увеличивают запашку, что их очень подымает в глазах хозяина и местного населения, делают масло, продавая его на ближайшем базаре по 16—18 фр., расширяют помещение для свиней, торгуют овощами, завели пчел и даже устроили в саду питомник улиток-эскарго.

Но их главный козырь — промышленный плодовый сад. Он составляет продолжение сада соседа-француза, сада, с

[1] Старики — казаки старших, сравнительно с 20-летним Табунщиковым, призывных возрастов

нашей точки зрения, безнадежно запущенного. У донцов все 1500 деревьев приведены в порядок, они вычистили сушь, побелили стволы, опрыскали раствором против вредителей, и их сад отличается от соседнего, как небо от земли. Это тоже производит хорошее впечатление на окрестных жителей, которые здесь, как и везде, относятся к русским очень благожелательно. Урожай сада, если будет дальше все благополучно, определяют в 50-60 тысяч кило.

Всего работает группа в 12 человек. Большинство является в большей или меньшей степени участниками в будущих барышах.

Отношение к хозяину на этой ферме, как и на других, сводится к обязательству хозяина дать землю, постройки, мертвый и живой инвентарь, включая и главные машины, иногда свиней и кур. Арендатор-испольщик обязан отдать хозяину половину суммы, вырученной от продажи избытка зерна и фуража, и половину стоимости прироста скота и свиней по весу или по оценке.

Условия эти варьируются в зависимости от средств хозяина и его отношений к арендатору. Иногда хозяева идут широко ему навстречу, нередко авансируя ему продукты и даже деньги, а иногда они заставляют делить кур, кроликов, яйца и очень часто молоко.

Если к такому хозяину, мелочному и скупому, попадет арендатор без денег, достаточных для дожития до урожая, положение его может стать трагическим.

Конечно, ферма, попавшая донцам, представляет из себя исключение и не имеет ничего общего с фермами в Дордони, куда я отправился из Оверни, решив по дороге заехать во владение второго казачьего войска — Кубанского.

Если у донцов аренда фермы покоится на демократических основаниях, кубанцы, севшие на землю в Коррез, построили управление на принципе единодержавия. Ферма также большая (135 гект.) с большим количеством скота, свиней, но постройки уже поскромней, чем у донцов.

Тип группы, берущей ферму в аренду, имеет решающее значение. Думается мне, что главная причина происшедших неудач и тех, которые еще в немалом числе будут, — недостаточная спайка членов группы. Случайные комбинации, создавшиеся в приемной парижского Земгора или даже по газетным объявлениям, осуждены на провал. Идеальная форма — сильная центральная ячейка, лучше всего — семья, с главой, ведущим единолично дело, и участники группы на жалование с участием в прибылях. Конечно, все зависит от лиц и обстановки, но форму артельно-коммунистическую с распоряжающимся коллективом следует считать непригодной.

Кубанец также пошел по пути завоевания доверия хозяина и 18-часовым тяжелым трудом добился этого доверия, как это

было ясно из моего разговора с собственником имения, крупным сельским хозяином. Он очень доволен своим арендатором, но очень желает, чтобы тот... женился.

В конце объезда Дордони попал на ферму, где встретился со всеми тремя войсками казачьими. Всевеликое покупало поросят у Кубанского, а сделка заключалась на ферме Терского. Тут же присутствовали и трое доверенных от хозяев.

Шум на дворе был страшный. Во-первых, известный спортивный интерес, а во-вторых, хозяева требовали разводить черную породу, а донцы ультимативно настаивали на розовых поросятах. Кончилось все благополучно на розовых, и пошло угощение. Хозяева пили вперемежку водку и вино, казачки пили за их «санте», французы провозглашали тост за «мадам ля казак», кубанец объяснял, какая у них дома черная земля и какие свиньи, француз ругал бошей, и все удивительно ясно и просто понимали друг друга, несмотря на ужасающий волапюк. А я протирал глаза, любовался в окно типичным пейзажем Дордони и думал, не во сне ли я.

Вина не хватило. Пришлось на велосипеде послать за подкреплением.

Все три войска, кажется, недовольны результатом своего хозяйства, особенно урожаем пшеницы, вспоминая свои родные степи. Но организация почти во всех казачьих фермах прекрасная. И особенно благоприятное впечатление оставила одна, где села группа из шести казаков, спаянных пятилетней службой во французском Иностранном легионе.

П. П. Юренев»

Из Бразилии от кубанца Б.:

«...Писал тебе, как устроился в Porto Alegre. Теперь напишу, как я выбрался из того очень невыгодного для меня положения, в котором я очутился здесь. Выбраться же мне пришлось оттуда по той простой причине, что не было денег платить долги, а также и на жизнь. В Porto Alegre можно было бы хорошо зарабатывать, если бы можно было бы выдержать несколько месяцев со своими деньгами, не рассчитывая на заработок, которого сначала ни у кого из врачей не бывает. Нужно сначала завоевать доверие публики. У меня же денег не было. Нужно было все делать в долг. Но долги надо платить. Прошло два месяца, а я смог только погасить долг за 1 мес. Нужно было что-то предпринимать... Состояние мое в это время было отвратительное, главное, потому, что я сдуру заложил было свой диплом. Ходил последнее время, как в воду опущенный... Недели две уже не обедал. И вот в это время получаю письмо от одного старосты итальянской колонии с предложением открыть у них маленькую больничку и аптечку. За это предложение я ухватился, как голодная собака за кость. Поехал туда посмотреть

Места чудные — горы, леса, большая река, много винограду, садов; в общем, местность напоминает наш милый Кавказ. Даже климат такой почти, как на Кавказе. Одно плохо: много, во-первых, змей, все они почти ядовитые, особенно «крестовые», которые никогда не убегают, а, наоборот, сами нападают; во-вторых, много больных проказой. Но это еще ничего. Беда в том, что и тут опять нужны деньги. Должен был поворачивать несолоно хлебавши. Но все же условились, что окончательный ответ с их стороны и с моей будет дан первого августа.

Ехал я «домой» и думу тяжкую думал, даже маленькой надежды на получение каких-либо денег я не имел. В поезде познакомился с одним итальянцем. Знакомству этому я не придал сначала никакого значения. О делах, меня волнующих, ни слова не сказали, говорили о всяких пустяках, о местной жизни, обычаях и пр. Местные жители здесь вообще охотно рассказывают о своих «нравах», что очень хорошо, так как, не зная местной жизни, ее мелочей, можно нередко попасть в неприятное положение...

Мой новый знакомый пришел ко мне в гости в Porto Alegre и прямо спросил меня, почему я медлю принять место в колонии. Я сказал ему правду. Посидел он у меня с полчаса и ушел и привел старосту той колонии и еще одного местного врача. Когда они узнали, что я не имею денег и что уехать с Porto Alegre не могу, пока не заплачу свои долги, этот врач мне предложил работать вместе с ним в той колонии. Оборудование больнички и аптеки он берет на себя и покупает у меня мой кабинет, чем дает возможность вылезти мне из долгов.

Дело сделали. Подписали контракт, получил я сейчас же деньги, заплатил долги, получил опять диплом на руки и хожу теперь гоголем, обедаю и ужинаю.

Я уже на новом месте. Забрался в такую глушь, что трудно себе и представить. Почта сюда ходит один раз в неделю, да и то с «оказией». Население, как уже писал тебе, итальянское, но есть много и черных. Живу я у доктора, жена у которого есть смесь: начало — итальянец с негритянкой, во втором поколении — смесь с бразильцем. Сам доктор — бразилец. Собственно, он не доктор. Он не только университет, но вряд ли и начальную школу видел. Здесь каждый, кто захочет, может быть доктором, инженером и всем, чем угодно. Никто здесь не спрашивает дипломов; да вряд ли и понимают, что такое диплом. Народ здесь страшно некультурный. Жизнь самая примитивная и довольно дикая. Все споры решаются или калибром револьвера, или длиною ножа.

Имею уже собственного довольно приличного коня, без которого здесь жить нельзя.

Я здесь не имею абсолютно никаких сведений о том, что делается «в свете». Совсем отрезан от мира.

В этой глуши, несмотря на дикость обычаев и дикость самих людей, привыкли лечиться, и заработок приличный. Сейчас очень занят оборудованием госпиталя и аптеки. Думаю, что дела пойдут прилично. Еще госпиталь не готов, а уже имеем пациентов, большей частью хирургические случаи. Мне придется работать почти исключительно по хирургии.

Думал вначале, что привыкну и все будет хорошо, но теперь начинаю опасаться, что привыкнуть здесь никогда не смогу. Смогу, пожалуй, выдержать некоторое время, чтобы подработать денег и перебраться в более культурное место... Одно здесь хорошо — это климат и природа. Сейчас здесь весна, все цветет, много зелени. Леса хороши... В этих лесах живут колонисты, большей частью итальянцы, потом негры и немного приручennых индейцев. Называются эти колонисты к о б о к л я м и, т. е. местными жителями. Очень интересный народ. Много между нами таких, которые почти совсем не умеют говорить, но все очень религиозны, почти фанатики. Занимаются виноделием, сеют кукурузу и немного хлеба. Почти все богатые, но живут наипримитивнейшим образом. Семьи очень многочисленны, дети считаются десятками. Женятся и замуж выходят 14-16 лет. Делается это для того, чтобы иметь как можно больше рабочих рук.

Если у тебя есть какие-нибудь книги для чтения, ради Бога, пошли их мне. От скуки и тоски можно сойти с ума...»

От «нашего молодого донского агронома»[1] *Л. И. С.:*

«Собственным опытом, за мое 12-ти месячное пребывание в Канаде, я убедился, что найти работу на хороших условиях чрезвычайно трудно. Не говоря уже о вновь прибывающей публике, даже здешние старожилы, знающие язык и страну, часто бывают в трудном положении, а зимой обращаются к городским властям за пайком для безработных, но этот паек могут получить лишь те, кто пробыл в Канаде не менее пяти лет. Конечно, бывают исключения, на тысячу один случай, когда человек по капризу судьбы устраивается на диво хорошо, чаще же плата очень низка — часто только за стол или за 10—15 долларов, на всем готовом, в месяц. На летних сельскохозяйственных работах получают в день 4—6 долларов, но эти работы продолжаются лишь два-три месяца, и было бы ошибкой думать, что за это время заработаешь 200—400 долларов. В прошлом году я работал на уборке хлеба, два месяца,

[1] Речь идет о донском казаке, получившем диплом агронома в эмиграции

получая по 6 долларов в день, я заработал всего лишь 66 долларов. Секрет в том, что 6 долларов платят лишь за полный рабочий день молотьбы (12—14 часов), за недостающие часы вычитывают, а некоторые хозяева в дождливые дни удерживают даже плату за стол. Труд специалиста применяется очень редко — на машинах, тракторах и т. д. чаще работают члены семьи фермера.

Рыбные промыслы на озерах Канады заняты специалистами, работающими и живущими колониями. Их заработок в среднем 50 долларов в месяц на человека с их снастями. Рыбный сезон длится не более трех-трех с половиной месяцев. Сведения о том, что за лето на одну удочку можно наловить рыбы на тысячу долларов, надо отнести к области сказок. На лесные работы можно зимой устроиться по 25—30 долларов в месяц на всем готовом, но на эти работы идут неохотно. Поработав одну зиму, можно на всю жизнь остаться калекой или потерять здоровье, а часто бывает и так, что компания оказывается разорившейся и не платит рабочим.

Птицеводство невыгодно. Очень видный русский специалист, обследовав здесь условия птицеводного хозяйства, решил уехать во Францию, чтобы там заняться этим делом.

Пустующих ферм, с привлекательными домиками и другими сельскохозяйственными постройками, мало — это из числа тех, которые были розданы правительством участникам мировой войны. Фермы брошены, несмотря на изрядные субсидии. Один русский соблазнился такой фермой, но сбежал, потеряв часть денег. Другой (Пахолкин), затратив 800 долларов, никак не вылезает из долгов и огромных налогов и, оставив жену на ферме, сам работает на стороне.

Уж такие прославленные земледельцы, как меннониты[1] (выходцы из России), и те, в числе 40 тысяч, оставляют Канаду и переселяются в Мексику и Парагвай, а много духоборов переезжает в Мексику. В связи с наплывом эмигрантов из Европы цены на рабочие руки сейчас сильно пали. Рабочих на фермах, по причине дождей, в этом году было вдвое меньше, и очень многие — в том числе несколько русских, недавно приехавших из Парижа (Линицкий, Цогоев, Попов), — вынуждены были работать за кусок хлеба. На фабрики и заводы новых рабочих — т. н. «зеленых», свежих эмигрантов — не принимают. На случай расширения производства везде имеются свои кандидаты — или прежде работавшие, или дети и родственники старых рабочих.

Лично я, хотя и твердо помню тяжелые условия европейской жизни, предполагаю скоро вернуться в Европу».

---

[1] Меннониты — протестантская секта

От инженера-агронома И. К. Окулича (казака Енисейского войска):

«Уважаемый Николай Михайлович![1]

В № 12 «Вестника Казачьего союза» помещено письмо молодого агронома Л. И. Силкина об условиях пребывания в Канаде.

Г-н Силкин пишет на основании 12-месячной жизни в провинции Манитоба, вернее — двухмесячного пребывания на сельскохозяйственных работах, а остальное время в должности псаломщика русской церкви в Виннипеге. Говорить о Канаде в целом он не может, он ее не видел — он знает, и то не основательно, только маленький уголок около Виннипега. Он не знает ее и по литературе, ибо не владеет английским языком. Отсюда крупные ошибки в суждениях.

Он пишет: «Птицеводство невыгодно. Один очень видный русский специалист, обследовав здесь (?) условия птицеводного хозяйства, решил уехать во Францию, чтобы там заняться этим делом». Этот «видный специалист», также молодой агроном, как и Л. И. С., также не выдержал условий рабочего на канадской ферме, не осилил доить 10—12 коров, переселился в Виннипег и служит у одной крупной торговой фирмы, рисуя рекламные картинки для объявлений. Завести свое птицеводное хозяйство он не имеет средств, а его брат ведет такое хозяйство во Франции. Отсюда желание уехать к брату.

Рост птицеводства в Канаде, наоборот, показывает, что эта отрасль доходна. Статистические данные и мой личный опыт в Британской Колумбии говорят, что курица в среднем дает 1,76 доллара чистого дохода в год. Желающие могут найти этому подтверждение в трудах только что закончившегося конгресса по птицеводству в Оттаве. Громадный экспорт яиц из Канады в Европу, все развивающийся, является лучшим тому подтверждением. Такое крупное племенное хозяйство, как, например, Боливар Лехгорн фарм, около Клевердаля, в Британской Колумбии, продающее 160 тысяч цыплят в весенний период, не могло бы существовать, если бы эта отрасль хозяйства была бы нежизненна.

Подобного же рода разбору можно подвергнуть и другие замечания г. Силкина.

Неудачи русских интеллигентов здесь основаны на отсутствии привычки к физическому труду, на отсутствие опыта и средств к устройству личного хозяйства. Эта категория эмигрантов нигде, ни в Америке, ни в Европе, ни в Боливии, не создаст удовлетворяющей их обстановки.

Ссылка г. С. на частичный уход духоборов в Советскую

[1] Н. М. Мельников — редактор «Вестника Казачьего союза».

Россию — совершенно неубедительна. Духоборы, прожив здесь около 40 лет, находятся на перепутье. Их коммуна после смерти вождя Веригина распадается. Канадское правительство настаивает на выполнении закона об обязательном школьном обучении детей и пр. Поэтому незначительная часть духоборов уехала в Советскую Россию и ныне возвращается обратно. Большие партии меннонитов с юга России переселяются в степные провинции Канады. Ими создана здесь отличная организация. Небольшая группа, располагающая средствами, действительно уехала в Парагвай, где получила на очень льготных условиях земли. Но 16 человек из них уже возвратилось в Канаду, не выдержав тамошних условий жизни.

Все это я пишу не в целях кого-либо увлечь Канадой, а считаю вредными для нашего казачьего дела неверные оптимистические или пессимистические сообщения. Как я сообщал и раньше, в Канаду могут ехать люди, не боящиеся сельскохозяйственного труда, не скучающие об развлечениях города. Лица, располагающие средствами, опытом, успешно устраиваются. Не имеющие таковых, вынуждены в продолжение двух-трех лет их создать и только тогда браться за личное хозяйство.

Я полагаю, что это требование одинаково и в условиях Европы и Австралии. Но для русских эмигрантов Канада, по существу, пока закрыта. Она будет закрыта до тех пор, пока при содействии Лиги Наций не будут даны гарантии экономической и политической благонадежности для желающих переселиться лиц, обладающих нансеновскими паспортами.

Примите уверение в искреннем уважении.

Инженер-агроном Иос. Окулич.

Абботсфорд, Бр. Колумбия»

ГОД 1928-й

«КАРЬЕРА КАЗАКА»

Из Сирии, от инженера В. И. Полякова:

«...Все, слава Богу, живы, здоровы, трудятся, и многие даже скопили небольшие суммы достатков и перешли на самостоятельные работы, занимаясь извозом на постройке шоссейных дорог. «Дамасцы» имеют по два-три коня с колымагами, «бейрутцы» все на интеллигентной работе, живут безбедно, но не лучше дамасцев.

Группа ген. Хрещатицкого по-прежнему в пограничной страже.

В Дамаске я посетил гробницы наших погибших героев-кавказцев и легионеров и в присутствии наших казаков и представителя Черкесского полка возложил на их могилы от имени Донского атамана и Казачьего союза цветы.

Командир Черкесского полка (горцы, эмигрировавшие во времена Шамиля) взял адрес Донского атамана. Шел разговор о желательности для них пополнения полка охотниками-казаками».

«КАЗАЧЬИ ХОРЫ»

Донской Казачий хор С. А. Жарова недавно имел чрезвычайный успех в Риге. Встречать и провожать казаков собирались тысячи народа.

Из Риги хор С. А. Жарова на днях переехал в Париж, и в самом большом концертном зале Парижа 23 марта состоялся концерт хора. Восторженный прием и нескончаемые овации переполненного зала закрепили вполне полную победу С. А. Жарова в мировом центре артистического искусства, и название «Несравненного» хора остается вполне правдивым.

6 и 7 апреля хор С. А. Жарова дает еще два общедоступных концерта здесь, в зале «Трокадеро», перед отъездом в Бельгию, Англию, Голландию и Швейцарию.

В Праге организовался новый Донской хор имени атамана М. И. Платова — под управлением Н. Ф. Кострюкова.

Хор дал уже около сотни концертов (в Австрии, Чехословакии, Румынии), а ныне переезжает на ряд концертов в Польшу. В Румынии хор пользовался очень большим успехом.

Кубанский Войсковой хор под управлением сотника Соколова продолжает петь в Сев. Америке, в Чикаго.

Терский хор продолжает с успехом петь в г. Лионе.

В Париже организовался новый Донской квартет в составе П. В. Спасского, К. П. Михайленкова, С. И. Артемова и П. Г. Прилепского.

Первое публичное выступление квартета, прошедшее с большим успехом, имело место 26 февраля на вечеринке казаков-студентов в Париже. В числе гостей были Донской атаман и члены правления Казачьего союза.

Свежие приятные голоса и стройность исполнения, несомненно, создадут квартету хорошую славу.

11 декабря в Кральево (Сербия) с большим успехом прошел концерт, данный казаками 2-й Линейной сотни 1-го Кубанского полка Кубанской казачьей дивизии.

Перед концертом командир сотни войсковой старшина Гуреев обратился к сербам с приветственной речью, изложив попутно вкратце историю казачества. Концерт состоял из трех

отделений: кубанские песни, закончившиеся гопаком, линейные песни с зурной и тулумбасом, лезгинка.

Из США:

«...Группа донцов живет в Чикаго. Семейные, у которых семьи в России, — не скопили, но живут без долгов, без помощи со стороны и высылают до 100 долларов в месяц семьям. Холостые живут прилично, чистенько одеты, многие имеют небольшие автомобили «форд» и за год откладывают не менее 500 долларов — это простые рабочие с фабрики «Форда», «Городских скотобоен», «Мебельных фабрик», «Газовых и электрических заводов» и др. предприятий, люди без специальности и с терпимым или скверным языком, но уже прошедшие тяжелый период первых двух-трех лет. Люди же с языком и специальностью устраиваются лучше.

Есть в Чикаго 1-й Кубанский хор сотника Соколова. Летом 1926 и летом 1927 года хор переживал ужасно тяжелые дни. Отчасти это ошибка заведующего и регента, а отчасти и то, что большая часть хористов — интеллигенты, на физический труд не способны, вдобавок, за исключением секретаря, все без языка. Результат: неспособные к физическому труду не отпустили способных идти и подзаработать на стороне, и все вкупе влачили полуголодную жизнь на случайных концертах. Зима пришла — появились контракты, хор «оперился», но надолго ли? Лето опять не за горами. Два года опыта что-то должны были бы дать полезного, чтобы теперь «кто-то» и «о чем-то» и «о ком-то» подумал вовремя и серьезно.

Еще пример: казаки (кубанцы и донцы) в Голливуде и Лос-Анджелесе работают для кинематографических фирм — и та же песня, но на другой лад. Скопить не могут: от одной студии в другую, из другой в третью. Постановки русских картин их выручают, джигиты, танцоры — живут, но и только, ибо язык их «кузьмит» на каждом шагу. Их эксплуатируют, не дают ходу, урезывают, стесняют...

Художник С. Попов»

Из США:

«...Свободная Америка свободна для американцев, а нам, пришельцам, сужден здесь жалкий жребий, особенно интеллигентам. Нужно всеми мерами предостеречь этих последних рисковать ехать сюда. Куда угодно, но не в Соединенные Штаты.

Тяжкую, лихую лямку пришлось мне протянуть эти годы. Почти все время, как я приехал, я работаю у одной и той же фирмы, на постройке железобетонных мостов (за четыре с половиной года я провел постройку сорока мостов). Все время, зимой и летом, во всякую погоду, идут работы по самым глухим углам нашего штата Нью-Джерси. Жить приходится часто в лесу, в палатке, или, при удаче, на квартире, на ферме,

вдали от больших городов и селений. Работать нужно с раннего утра до позднего вечера — никогда не менее десяти часов в день. Домой (в палатку или лагерь) возвращаешься усталым, разбитым и измученным до конца — и немедленно ложишься спать. А назавтра та же каторга. Читать, писать, думать в этих условиях немыслимо.

И лишь по воскресеньям я, как и каждый американский рабочий, — человек, а не машина. Каждую субботу, с обеда, я бросаю рабочую одежду, очищаюсь от грязи и лечу за сотни верст куда-нибудь возможно дальше от работ, чтобы проветриться, отдохнуть! При моей теперешней оплате труда я имею возможность держать автомобиль, содержать семью в Чехии и рискнул взять на выплату дом с двумя акрами земли. Выплачу ли этот долг — не знаю, но, во всяком случае, я владелец довольно красивого участка в Блаквуде, около Филадельфии. На днях «Заокеанская станица», о существовании которой я узнал не так давно, будет справлять маевку на моем участке в лесу над рекой. Мне приятно хоть этим оказать им поддержку. Пусть американские дикие лианы, дубы и клены, овраг и река и американцы послушают наши казачьи песни.

Итак, ценою отречения от всего культурного, от книг, людей, идей, ценой тяжкого, убийственного по напряжению физического труда удалось мне подняться до уровня американского рабочего-«специалиста». Пройдет еще немного, и я буду управлять работами и сниму ярмо труда физического и вернусь к культуре.

В общем я не жалуюсь на Америку, но, по совести, не посоветовал бы даже врагу «пытать счастья» в этой стране долларов. Пробивать путь к самостоятельности здесь приходится от самых низов и в одиночку. Русские вообще мало способны к организации, а здесь, в американских условиях, и подавно. Рассчитывать надо только на себя, на свои мускулы и немного на знания, вернее, практику.

Труд физический не так уж страшен, когда в него втянешься, когда улетучится весь жир и мускулы станут упругими. В нем, труде физическом, спасенье от земных соблазнов, в нем забвение жизни былой и неприглядности настоящего, искупление грехов прошлого. Но при труде чрезмерном, как здесь, в Америке, в нем есть и опасность — опасность полного умственного одичания.

Хорошо попасть сюда, в Америку, молодым и сильным (...) Здесь все «наоборот»; весь быт, уклад жизни, людские отношения — приемы работ, техники, экономики, — все совсем иначе, чем там, в Старом Свете.

Человеку средних лет нельзя рисковать ехать сюда, потому что надо пересилить в себе все, что стало привычкой, что казалось непреложным, истинным.

С.Е.»

Из США:

«Уважаемый господин редактор!

С огромным наслаждением и радостью, а часто и с горькой печалью прочел я и перечел от крышки до крышки драгоценную для казачьей души моей книжечку «Вестник Казачьего союза» № 16—17. Примите от меня, старого кубанского казака, глубокую, сердечную, горячую благодарность за присылку Правлению Заокеанской казачьей станицы, в Филадельфии, нескольких книжек «Вестника», из коих одну приобрел я.

Прочел и с трудом удержал рыдания горькие от вестей из Родного Края, из мест, где я учительствовал в 80-х годах прошлого столетия (Некрасовская)... Все остальное: о поездке Донского атамана, о Казачьем союзе во Франции, корреспонденции казаков из стран Северной и Южной Америки и Австралии — (прочитал) с огромным животрепещущим интересом. Гордая радость наполнила душу и сердце казачье, русское — казаки везде, во всех странах земного шара, куда загнала их доля тяжелая, оказались людьми желанными. «You are welcome alwayse» («Добро пожаловать»).

Так и мне, одинокому, старому казаку, сказано учительницей английского языка здесь, в Честере, Пенсильвания, С. А. С. Ш.[1] А в Фабричном удостоверении, между прочим, напечатано: «The machine operator and very abee man« («Способный машинист»).

Добрая американская марка 70-летнему казаку!

Из всех откликов казачьих лишь один, из С. А. С. Ш., произвел на меня неприятное впечатление своими категорическими, неправильными утверждениями и советами.

Вот каковы эти выводы и советы: 1. «Свободная Америка свободна для американцев, а нам, пришельцам, сужден здесь жалкий жребий, особенно интеллигентам. Нужно всеми мерами предостеречь этих последних рисковать ехать сюда. Куда угодно, но не в Соединенные Штаты». 2. «В общем, я не жалуюсь на Америку, но, по совести, не посоветовал бы даже врагу «пытать счастья» в этой стране долларов». 3. «Труд физический не так уж страшен... Но при труде чрезмерном, как здесь, а Америке, в нем есть и опасность — опасность полного умственного одичания». 4. «Хорошо попасть сюда, в Америку, молодым и сильным... Человеку средних лет нельзя рисковать ехать сюда, потому что надо пересилить в себе все, что стало привычкой, что казалось непреложным, истинным».

Написал эти, удручающие для неосведомленных и пугливых, выдержки из письма, в общем, очень интересного — и улыбнулся от забавной мысли: «Семидесятилетнему казаку приходится возражать испуганному, отталкивающему других

[1] Северо-Американские Соединенные Штаты

казаку неведомого мне возраста, патентованному интеллигенту».

«All right! It is very well!» («Ну да хорошо!»)

Постараюсь быть кратким и базироваться на содержании письма С. Е. Но предварительно считаю надобным сказать несколько слов о себе самом. В 1923 г., в Константинополе, когда наступило для русских беженцев несчастное время для самоопределения, т.е. переселения в одну из стран Европы при помощи Лиги Наций, я дерзновенно решил шагнуть в С. А. С. Ш., в страну свобод, чудес техники, богатства, благоустройства, в страну механизированного, интенсивнейшего труда во всех отраслях его, о чем я очень хорошо знал еще в России. Работать и учиться многому. Но я знал также и то, что труд этот оплачивается здесь такой высокой платой, как нигде в Европе. Знал я и то, что по возрасту моему (в это время мне шел 65-й год) мне недоступен будет фабричный труд, для коего предельный возраст здесь 55 лет. «Однако это мы там увидим», — а на первое время я возьмусь за всякую работу, даже и фермерскую, хотя бы за стол и квартиру, — было решение. Друзья и мои знакомые отговаривали, предсказывали, что меня не пропустят по возрасту... Близкие откровенно говорили мне: «Да что вы, Д. С., с ума сошли, что ли? Какая вам Америка? Там нужны молодые, здоровые и сильные, а не старики, как вы. Да ведь вас и не пропустят там, вернут обратно из Нью-Йорка».

Я остался при своем решении. Пропустили. Благополучнейше и счастливо живу, работаю на фабрике по 10 и 11 с половиной часов в сутки вот уже четвертый год и ничуть не одичал, а остался и живу со всеми привычками культурного человека. Три с половиной осени, зимы и весны (с 1 октября по 1 апреля) по три вечера в неделю (с 7 до 9 часов) посещал бесплатные уроки английского языка при высшей школе.

Полторы версты пути от квартиры до школы, уроки, на коих английская речь молодой, но опытной, знающей, умной и доброй учительницы miss Laura V. Dougherty отскакивал от напряженного внимания моего, как горох от стены. Я тщательно записывал все, что она писала на классной доске, а возвратясь на квартиру, переписывал начисто в учебную тетрадь с переводом на русский язык. Спал 4-5 часов. Новые слова заучивал по пути в школу, обратно и в течение 10-часовой работы около 4 машин с двумя приставными станками для клубков шерсти в 3 яруса. Это было самое трудное время из всей моей жизни. И я с радостью вспоминаю теперь, что оно было. За три с половиной сезона я не пропустил ни одного урока, даже в дикую зимнюю пургу или ливень являлся на свое место, когда в класс из 36 человек приходило 5-6 молодых и средних людей. Учительница не один раз говорила классу показывая на меня: «Mr. Deme haves of age 68 years,

but he is very attetive to his obligation about of lessons English language. And you are sarelessness... Iit is no good!» («Несмотря на 68 лет, мистер Дим очень внимателен. А вы устаете... Это нехорошо!»)

Лишь благодаря аккуратности и настойчивости я ныне снова говорю, понимаю, читаю и пишу по-английски. Знал бы и умел далеко лучше, если бы жил эти годы интенсивнейшего труда физического и умственного среди природных американцев и совершенно отказался бы от чтения газеты русской и книг на русском языке. Жить по бедности пришлось среди русских, украинцев, литовцев и поляков — выходцев из России 15—35 лет назад, собственников двух- и трехэтажных домов, работающих на местных заводах и фабриках. От чтения русской газеты и книг на родном языке не мог отказаться, потому что — не мог. Очень я русский человек. В настоящее время чувствую себя превосходно. 27 августа с. г. успешно сдал экзамен на американское гражданство и жду вызова в филадельфийский Окружной суд для присяги и получения «2-х бумаг». И... зову всех казаков в С. А. С. Ш. и никуда больше.

Зарабатываю (сдельно) 3—4 доллара в день. 4 дня в неделю. (Судя по его работе, С. Е. зарабатывает в 3-4 раза больше меня.) Проживаю, не отказывая себе ни в чем, 70-80 ц., до 1 долл. в день. Имею хорошо обставленную теплую комнату, просторную (7 на 7 арш.), высокую и светлую, за 40 долл. в месяц. Хозяйка, культурная американка-ирландка, очень заботливая и добрая, стирает мое белье. До этой квартиры кушанья я готовил себе сам. Живу, как у Господа Бога за дверью: за 5 лет жизни в Честере никто меня не регистрировал, никто не спросил паспорта, никто из властей не заглядывал в мою тихую келью. На улице дети, а на фабрике подростки-девушки называют «Наш Санта-Клаус», хлопцы — «Джордж Вашингтон», взрослые — «Отец», «Hallelujau and Glory» («Хвала и Слава»).

Мои выводы, основанные не только на личных достижениях очень значительных, но и на знании условий жизни интеллигентных русских беженцев в Филадельфии и частью в Нью-Йорке, диаметрально противоположны категориям уважаемого С. Е. (я уважаю вас за энергию, за каторжный труд, за напряженное стремление избавиться от него, за бережливость, за покупку автомобиля и дома с 2,5 акр. земли в живописном уголке счастливой Америки), а именно:

1. «Свободная Америка свободна» не для американцев лишь, а решительно для всех сильных духом и гордых сознанием своих сил: «Я хочу; я могу — так и должен я достигнуть там того, чего я хочу». Это может и должен каждый интеллигент русский. Иначе какой же он интеллигент? Я лично знаю здесь в Филадельфии и в Нью-Йорке, русских интеллигентов

разных возрастов, бывших учителей, юристов, техников, инженеров, военных людей, которые здесь за 5 лет стали специалистами-плотниками, столярами, малярами и т. п. и зарабатывают не менее 8 долл. за 8-часовой рабочий день. Другие работают на фабриках и заводах, получают 30—40 долл. за неделю. В какой другой стране земного шара возможно такое прекрасное вознаграждение за труд, который везде для нас суть каторжный — чужой?

Один близко знакомый юрист, очень слабый, с расшатанными нервами (от раны в гражданской войне) кубанец, оправился быстро в Нью-Йорке на американских харчах, имел легкую работу по охране товарного склада, за что получал 35 долл. в неделю. Уехал в штат Колорадо, где занялся собственным делом — разведением кроликов. Пишет мне: «Я никому не хочу служить, а хочу жить сам и для себя». Это не совсем, конечно, так, ибо ведь кроликов-то кому-то надо продать выгодно, а стало быть, и служить «этому».

Трое интеллигентов купили в шт. Нью-Джерси куриную ферму, на 5 акр. земли с 1500 куриц-несушек за 9750 долларов. Четвертый компаньон, инициатор, генерал, больной человек, управляет ею, намерен расширить дело до 4500 куриц. Это уже большое дело, чрезвычайно выгодное, т. к. яйца имеют прочный сбыт и высокую цену (35—60 ц. за дюжину). Несушки (без петухов обходятся) кладут в год от 200 до 300 яиц. Это выгоднейшее здесь занятие для слабосильных людей.

Здесь нам, интеллигентным русским пришельцам, выброшенным революцией за борт русской жизни, сужден прекрасный жребий стать равноправными гражданами великой во всех отношениях страны через 5 лет жительства в ней, а дальше, при желании, есть полная возможность учиться любой специальности и приобретать дипломы американских колледжей и университетов. Поэтому я советую всем и каждому ехать «не куда угодно», а только в С. А. С. Ш., а интеллигентам, русским в особенности, ибо им-то и нужно пройти суровую американскую трудовую школу, научиться английскому языку и вернуться на Родину, после падения чуждой народу русскому власти коммунистов, с большим опытом, новыми знаниями и американской закалкой, а возможно, что и сотрудниками американского капитала. За этим вот я шагнул сюда и зову других — сильных, средних и слабых.

2. «Пытать счастья в этой стране долларов»... Не пытать, а энергично добывать его, как добывали его мы с вами и тысячи других русских интеллигентов и неинтеллигентов новой эмиграции. Все они при деле, имеют доллары в кармане и в банках. Все прекрасно одеты, обуты, превосходно питаются, живут в хороших, барских, по-российски, жилищах. Разве все это не есть счастье после нищенства и голо-

дания в странах Западной Европы? Десятки из них уже окончили разные специальные высшие научные и практические американские курсы и университеты и имеют соответственную знаниям легкую, интеллигентную работу с перспективами и возможностями, каких ни в какой другой стране земного шара для русских интеллигентов и неинтеллигентов нет! Вы, С. Е., знаете это.

Давно уже пора не употреблять мыслящему человеку презрительную фразу: «С. Америка — страна долларов», т. е. страна грубой наживы, и только. Мне гневно и странно, что русский интеллигент и теперь думает о стране — матери гениев и благодетелей человечества, стране всеобщего просвещения (24 000 000 учащихся в школах всех разрядов; 200 000 долларов ежегодный расход на содержание их и заведывание штатами, городами, обществами и отдельными лицами. В С. А. С. Ш. нет министерства народного просвещения. В Вашингтоне имеются лишь отделы просвещения при министерствах, заведующие специальными школами для нужд центрального правительства, для управления страной, каковы военные, почтовые, полицейские, агрокультурные. Общее образование: низшее, среднее и высшее, — конституцией предоставлено заботам свободного народа и его самуправления. Господи Боже мой! Дворцы-школы по всей стране с богатейшей обстановкой в них. Миллионная армия педагогов, передающих знания 24 000 000 учащихся! 314 библиотек (более 50 000 т. книг в каждой), девятая часть книгохранилищ белой расы. Дух великий, мировой здесь, а не доллары только).

Вот насытиться, заразиться этим творческим духом, энергией, изобретательностью, техникой управления, жаждой знания... чтобы приложить их к созидательному делу на Родине нашей, разоренной мировым хамом — Интернационалом. Я кличу-зову всех казаков и неказаков, русских патриотов только в С. А. С. Штаты! Труд же нам, русским людям, никакой не страшен. А через 5 лет упорного труда и бережливости здесь каждый сможет стать владельцем автомобиля и дома «на выплату», как вы, С. Е. Беда, однако, в том, что двери в сказочную страну нам плотно закрыты. Стоят у них и стучатся 10000000 эмигрантов всех стран земного шара! Проворонили время, когда она, до 1923 года, была еще достаточно широко открыта. Проворонили и многие русские люди.

3. «Труд физический... чрезмерный, как здесь, в Америке... опасность полного умственного одичания». Вы, С. Е., и я лично испытали его здесь, а также многие из тысяч русских интеллигентов-эмигрантов, прибывших сюда в 1923 году, прошли школу «кирки, лопаты и тачки», но все мы уже выкарабкались из ярма негритянской работы, что возможно для всех труженников только здесь, где труд этот оплачивается не

ниже 50 ц. за час. Не одичание, а мозги светлеют от него, и энергия накопляется, чтобы вырваться из ярма его. А накопляется она, потому что С. А. С. Ш. суть страна неограниченных возможностей для всякого человека, который, стиснувши зубы, и сжавши кулаки, скажет: «Я хочу, и я могу!» Все такие «are welcome here» («добро-пожаловавшие») — суть желанные здесь.

4. «Хорошо попасть сюда, в Америку, молодым и сильным... Человеку средних лет нельзя рисковать ехать сюда, потому что надо пересилить в себе все, что казалось непреложным и истинным»... Молодости нам не вернуть, привычки былые, российские вытравлены уже в спасенных русской кровью странах, непреложные истины пересмотрены и сданы в архив памяти. Осталась голая нужда и страстная жажда спастись от нищенского и оскорбительного для самолюбия существования в «дружеских странах». Вы, С. Е., я и тысячи других русских людей смогли это сделать, перебравшись в С. А. С. Ш., и никто из нас не жалеет и думает о возврате лишь в родную нам всем Россию, свободную от большевиков. Вернуться бодрыми, сильными душою и с долларами в карманах. Аминь.

Д. С.»

«КАРЬЕРА КАЗАКА»

В американских газетах появилось сообщение, что английской экспедицией в дебрях Южной Америки встречено индейское племя, вождь которого оказался русским. По его словам, он терский казак.

Этот казак, вместе с партией рабочих, навербованных в Европе, попал в Бразилию. Здесь, в Бразилии, работал на кофейных плантациях. Плата не давала ему возможности даже кормиться. Задолжав плантатору, как неоплатный должник, дошел до чисто рабского состояния.

В конце концов ему удалось, однако, убежать от плантатора. Опасаясь быть пойманным, он двигался, избегая населенных мест, и в глуши тропических лесов встретил племя дикарей. Дикари приняли его в свою среду. И, убедившись в его храбрости, сообразительности и других ценных качествах, выбрали его своим вождем.

«УМЕРШИЕ»

Петр Курносов, донец, умер 14 января от туберкулеза в Париже.

Скориков Николай Евдокимович, есаул Кубанского войс-

ка, ст. Кирпильской, кончил жизнь самоубийством, бросившись в горную реку в г. Брей (Франция).

Соколов Иван Капитонович, подхорунжий ст. Усть-Медведицкой Донского войска, скончался от туберкулеза в убежище для больных и престарелых в с. Шипка, где и похоронен.

Алентьев Прокофий Захарович, полковник, член Иголовской группы Казачьего союза, скончался 15 октября 1927 г. в Которском военном госпитале, в Сербии.

Токарев Степан Афанасьевич, казак ст. Екатерининской, отбывший службу в Иностранном легионе, покончил самоубийством (на романической почве) в г. Сан-Клю.

Фицхелауров Александр Петрович, Донского войска генерал-лейтенант, один из героев гражданской войны, скончался от туберкулеза 5 марта 1928 г. в Париже.

Соцердатов Петр, протоирей, казак ст. Качалинской, скончался в Софии в октябре 1927 г.

Карачичев Ефим Максимович, кубанец, 52 л., убит на работе по сборке снарядов под Верденом.

Копылов Кузьма Иванович, казак Новочеркасской ст., 35 л., умер от столбняка 6 января 1928 г., в г. Ломе (Болгария).

Портнов Б. А., хорунжий Уральского войска, майор китайской службы, военный летчик Нечаевского отряда, трагически погиб в воздушной разведке у фронта Шантунских войск.

Гугняев Василий, покончил самоубийством в Канаде.

Люлин Василий, кубанец, Уманьской ст., умер 15 марта в Ромба от тяжелых ожогов, полученных на заводе.

Епифанов Карп Иванович, хорунжий ст. Усть-Бузулуцкой, умер от старых ран, полученных во время войны.

Даржинов Немгир Мунинович, подхорунжий, казак ст. Чаусской Сальского округа, похоронен на католическом кладбище гор. Красностава в Польше.

Ананьев Николай Константинович, казак ст. Ольгинской, Донского войска, зауряд-врач, студент Софийского университета, 33 л., умер от туберкулеза горла в Александровской больнице 10 апреля с. г. и похоронен на Софийском городском кладбище.

Тюрьморезов Дмитрий Емельянович, генерал-майор, казак Новочеркасской ст., скончался от паралича сердца 2 июля с.г. и похоронен на кладбище № 2, в могиле № 53, ряд 1Х при русском храме-памятнике на Шипке.

Сусь Дмитрий Архипович, казак ст. Екатеринославской, Ейского отдела, похоронен 1 июня в Белграде.

Попов Василий Петрович, казак ст. Кочетовской, 79 л., умер 21 августа в Бухаресте. Болезнь — «тоска по родине».

Каратаев Андрей Иванович, урядник ст. Георгие-Афинской, Кубанского войска, 51 г., в сентябре 1928 г. покончил самоубийством во Франции.

Власов Никита Иванович, подхорунжий ст. Багаевской, Донского войска, 40 л., скончался в г. Крезо 30 сентября 1928 г. после операции аппендицита.

Жиров Александр Фемистоклович, полковник лейб-гвардии Атаманского полка, скончался во Франции от туберкулеза.

Смагин Алексей Алексеевич, донец, Генерального штаба генерал, бывший начальник штаба Донского войска, участник Освободительной войны 1877—1878 гг., скончался в Болгарии, в Софии.

Алферов Иван, кадет Крымского кадетского корпуса, сын станичного атамана Есауловской ст., войска Донского, скончался в 6 ч. утра 24 октября 1928 г. в госпитале Российского общества Красного Креста, в г. Панчево, в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, — о чем с глубокой скорбью извещают родители, братья и сестры покойного и станичники есауловцы.

Кудинов Петр Васильевич, казак ст. Каменнобродской, Кубанского войска, погиб во Франции, на работе 7 января 1929 г.».

Из Сербии:

«Казаки, собирайте свои песни!

...Очень вас прошу оповестить казаков, желающих записать народные казачьи песни, посылать их на мой адрес.

Я с мыслью собирания и систематизации песен вожусь давно, но, конечно, я сам (один) это завершить изданием не могу, ибо я здесь обычный «дневничар» (поденщик) и, ясно, никакими средствами не располагаю. Так хоть материал буду собирать. Пригодится.

А я каждого желающего помочь прошу записать, что помнит, и послать мне, — это не вызовет много ни труда, ни расходов на пересылку.

Ваш Вл. Куртин»

Из Болгарии, из 1-й Кубанской казачьей станицы:

«Землетрясение произошло как раз в тех местах, где расположена наша станица. Села: Папазли, Садово (Пловдивской околии) и города Пловдив, Черпан, Борисовград, Тат-Пасарджик и Хасково. Все эти места страшно пострадали. Много жертв — убитые и раненые, есть и русские. Ранено также два наших казака.

Города и деревни разрушены, погибло много скота. Легкими толчками землетрясение продолжается до сих пор — в сутки 2-4 легких толчка.

Все население вышеуказанных мест живет частью в бараках из досок, частью в палатках, но больше под своими домашними чергами (ряднами). Это стихийное бедствие сильно отразилось и на русских, которые везде ютятся под одеялами

и чувалами, завезенными еще с Лемноса. Конечно, не говорим о столбовых дворянах, и таких «единонеделимцах»[1], которые образовали из себя комиссию и, конечно, первые поустраивали себе бараки и палатки, как первую помощь, полученную от болгарского правительства и русского Красного Креста. Они уже устроились получать хлеб и бесплатные обеды, но казаки, хоть днями толклись возле этой комиссии, ничего не получили. Лишь некоторым удается получить записку на 500 гр. хлеба в сутки на 5-6 дней, а о палатках или материале для бараков и не помышляй! Отвечают: «Вы, казаки, привычны и под открытым небом находиться, вот есть люди интеллигентные, которым необходимо дать, потому что они в дальнейшем будут нужнее вас».

И так поговоришь с ними крупно и уходишь.

Все это так, казак-то не пропадет, но есть казачки и казачата, которые все пищат, потому что как раз все время продолжаются дожди и резкие холодные ветры с примесью снега. Хорошо еще, что весна, тепло подходит, а что будет осенью, зимой — страшно подумать! Погибнешь от холода и голода — ибо все развалено и безработица.

Первое время болгарское правительство удовлетворяло всех пропорционально, но вдруг образовалась «русская лавочка», и теперь болгары говорят: «Идите в свою комиссию». Но, конечно, в комиссии сидят эти все умники, благодаря которым мы изгнаны из своих краев и в настоящее время терпим страшное стихийное бедствие.

В городе Пловдиве наибольшее число казаков станицы — 54 человека. Из них 12 семейных, 9 стариков от 50 до 65 лет, 4 инвалида, 12 женщин, детей — 23. Все терпят страшную нужду. Необходим материал для постройки 4-5 бараков, или же 8-10 палаток, потому что зимовать придется на воздухе, выехать же куда-либо не разрешают, да и не с чем. Болгарское население получает как денежную помощь, так и лесом для бараков, но о нас вообще никто не заботится.

Единственная надежда, что станичники в других странах не останутся глухи к нашей беде и, чем смогут, помогут нам!»

Из Югославии:

«...Начало и зародыш джигитов за границей принадлежат инициативе генерала Павличенко (кубанца), который со своими джигитами с честью выступал в Белграде при короле и королеве, в присутствии представителей всех иностранных держав. Джигиты ген. Павличенко выступали в Юго-

[1] «Единонеделимцы», «неделимцы», «русские казаки» — сторонники государственного устройства России по образцу дореволюционного (в отличие от «самостийников», т е федералистов)

славии, Италии и Австрии (в Вене), везде покорили сердца населения этих держав, и имя «казак» — стало там популярно. Везде и всюду генерала и казаков публика встречала и принимала радушно. При сем прилагаю документы в Югославии, Италии и Австрии и описание последних джигитовок.

Я Вам опишу подробности джигитовок (в этом году) в Субботице, Новом Саде и Сомборе под заглавием

БОЙ КАЗАЧЬЕЙ КОННИЦЫ С ПЕХОТОЙ

(Джигиты ген. Павличенко в С. Х. С.)

Так было поставлено в плакате на сербском языке. Конница — были казаки-джигиты, а пехота, вооруженная пулеметами, были сербские солдаты пехотных полков. В субботу под 8 июня в Новом Саду, 30 июня в Сомборе, 15 июля в Субботице главные улицы были переполнены гуляющей публикой. Вдруг, неожиданно для публики, показалась казачья конница, загремел казачий хор трубачей, играя Кубанский войсковой марш. Как молния пролетели слова: «Казаки... казачий военный оркестр... Ох, как хорошо играют! Чудо...»

Публика стала шпалерами, магазины опустели, торговцы повыскакивали. Полиция сдерживает толпу и дает возможность двигаться казакам вперед. Многие кричат: «Живели козаци!» («Да здравствуют казаки!..») Верьте: я и многие стоявшие казаки в стороне плакали от радости... Казаки двинулись по главной улице, и вся толпа пошла за ними, привлекая к себе еще больше народу. В толпе говорят: «Завтра бой казаков с нашей пехотой, все идемте».

Действительно — ипподром был переполнен. Одна часть ипподрома занималась публикой, а другая войсками гарнизона, которые всегда присутствовали. Ген. Павличенко представлял войскам смотреть бесплатно, и когда комендант предлагал взять с солдат деньги, то на это получал ответ генерала: «Никогда в жизни казак не посмеет взять копейку от сербского солдата». Это было рыцарство со стороны джигитов.

Собравшаяся публика и войска ждут начала. Вдруг — команда: «Смирно!» Появляется командующий первой армией ген. Докич. Трубачи играют Кубанский войсковой марш. Командующий слушает, взяв под козырек. Трубачи кончают. Командующий здоровается с джигитами. Эта минута встречи мысленно всех нас унесла на Родину, и вспомнилось наше хорошее время. А местные жители увидели, как казаки и на чужбине сумели сохранить организацию и дисциплину.

Началась программа. Первым был офицерский и дамский «конкурсник», при участии сербских г. г. офицеров. Но и тут

отлично взяла барьеры, не уступив г. г. офицерам, жена ген. Павличенко. Ей была присуждена 1-я награда, но она отказалась в пользу других. Этот жест дамы понравился публике. 2-е отделение — была джигитовка, которая длилась полтора часа при бесконечных аплодисментах. 3-е отделение — бой конницы с пехотой.

Пехота с двумя пулеметами заняла укрепленную позицию и выждала момент наступления конницы. Конница, не зная, что здесь противник, двигалась без всякой предосторожности. Вдруг раздается залп пехоты. Конница быстро поворачивает налево-кругом в закрытую местность и начинает бой против пехоты в пешем строю. Между казаками и пехотой ведется сильная ружейная пальба. После 10 минут перестрелки в пехоте появились раненые, и цепи ее стали редеть. Еще момент, и конница бросится в атаку.

Раздается команда: «По коням! В атаку!..» Казаки с криком «ура» бросились в атаку через огонь (зажженная пехотой солома, чтобы сделать огневой заслон). Пехота начала отступать, но с ее стороны затрещали пулеметы. Вот тут-то и была картинка боя. От пулеметного огня начали падать раненые казаки и лошади. Конница рубит пехоту. Пехота, ободренная пулеметным подкреплением, бросается в контратаку. Крики раненых... крики «ура»... взрывы бомб, блеск шашек и штыков — дали полную инсценировку боя, и эта картина напомнила всем нам прошлые бои. Долго-долго не умолкала публика и солдаты, без конца аплодируя казакам.

Последними — были казачьи лихие танцы, которые удивили публику своей легкостью. Публика долго не расходилась, все выражали свое удовольствие казакам, и каждый считал своим долгом подойти пожать руку казаку и похлопать коня. А всем нам хотелось в эту минуту забыть дрязги и самим стать джигитами...

Старший урядник Ев. Горбенко»

Из Парагвая — казак Оренбургского войска:

«Пространствовав по Европе почти три года, я в 1923-м году приехал в столицу Аргентины г. Буэнос-Айрес, имея 163 доллара в кармане. Полгода бился во все стороны, зарабатывая на хлеб насущный, а по ночам изучая местный испанский язык. После этого устроился в небольшом имении, в 30-километрах от столицы, управляющим, заключив контракт на два года. Причем я должен был знать две специальности — земледелие и птицеводство. Птицеводством я раньше никогда не занимался, но мне повезло, я хорошо заработал, и, когда через два года собрался уходить, хозяин долго упрашивал остаться, предлагал прибавить жалованье.

Ушел. Уже достаточно зная язык, я снял в Буэнос-Айресе небольшой ресторанчик. Через три месяца разорился, все

труды пропали даром. Только по какому-то случаю осталось в кармане 100 пезо, которых хватило на пропитание и переезд в Парагвай. В столицу Парагвая Асунсион я прибыл в октябре 1926 года с 12 пезами (так в тексте. — В.С.) аргентинскими в кармане. После трех лет мозольного труда, который я начал, имея 163 доллара, осталось неполных пять долларов!

Пришлось опять начинать сначала. После четырех месяцев работы в Асунсионе опять завелись в кармане деньжонки. Познакомился с хорошими людьми, потребовал земли. Министерство назначило меня директором по земледельческой части и 7 февраля послало меня в новоустраиваемую колонию — в трех с половиной днях пути пароходом по р. Парагваю, на север от Асунсиона. Колония называется Сан-Лазаро (Святого Лазаря). Тут до сегодняшнего дня никакого иностранца и сроду не было, только я один среди местного населения.

Сначала было довольно трудновато, но я сумел справиться, и сейчас хорошо. В ноябре 1927 года моя колония была осмотрена двумя лицами, мне незнакомыми, проезжавшими пароходом, а вскоре после их отъезда прочитал в газете о моем назначении полным администратором колонии. Через несколько дней получил об этом декрет от правительства. Ген. Беляев, узнав в министерстве о своем земляке, проезжая мимо пароходом, зашел ко мне проведать и расспросить о моей жизни в этом диком парагвайском Забайкалье, за что складаю большой спасибог и благодарность его превосходительству.

Колония Сан-Лазаро имеет 960 гектаров земли, земля вся под лесом, лес очень хороший на постройку и для продажи. Тысяча полен (80 сантиметров длины) продается тут же за 260 пезо парагвайских. Доставка 1000 полен к порту стоит 140 пезо. рубить можно не только на своем участке, но и где кому нравится. Дрова употребляются на отопление пароходов. В других местах лес тоже надо рубить, чтобы очистить паек[1], но там его приходится жечь, так как никакого сбыта нет.

С западной стороны колонии Сан-Лазаро большая судоходная река, дающая населению заработок и связь со светом, с северной — река Ара-Ана, чуть поменьше, отделяющая Парагвай от Бразилии. В обеих реках вода хорошая, много рыбы. С южной и восточной стороны — суша, дремучие леса, полные всякой дичи. Кому принадлежат все эти богатства природы — не знаю. Знаю, что леса все парагвайские.

В колонии Сан-Лазаро никаких преступлений до этих пор еще не было. Если кто пожелает приехать сюда, буду помогать всячески, чем смогу. Приехавших немедленно помещу под крышу, помогу в пропитании и дам возможность перейти к

[1] Паек — земельный пай, надел, участок, главная плата казаку до революции за военную службу царю.

питанию на свой счет. Пройдем вместе колонию, чтобы выбрать место, где поудобнее и где больше нравится, чтобы всем осесть в одном месте. За вашими участками — мой, так как я пока своего участка не имею. Могу помочь советами при стройке, а также снастями и другими необходимыми надобностями, предоставить желаемые семена. Всякую требующуюся снасть и сельскохозяйственные орудия могу предоставить по цене, существующей в Асунсионе, домашний скот может быть дан на выплату. Деньгами никому помочь не могу — сам без грошей. Советуйтесь между собой — вас там много, я здесь один. Нужно подумать — страна дальняя и совсем другой свет. Будьте уверены, что у меня нет никакого интереса обманывать, абсолютно никакого, а тем более еще своих братьев-казаков! Желание быть со своими у меня очень большое, но нет никакого желания услыхать потом слова: обманул нас, сбил с дороги!

Подобные речи были бы для меня отравляющими.

Моя главная цель была и есть — устроить в колонии русско-казачье поселение. Женщин по возможности берите своих, потому что здешние совсем не годятся для сельскохозяйственной работы.

Скажу вообще о Парагвае следующее: жизнь тут свободная, всякий может заниматься по своей специальности, где кому нравится. Больше всего ценится специальность земледельца. Промышленность тут очень слабая, больших фабрик почти нет. Есть мелкие предприятия, на которых и своим рабочим, и мастеровым не всегда дела хватает. На хороший заработок рассчитывать нельзя. Есть устроившиеся иностранцы, но условия не особенно завидны. Что касается получки земли, это — пожалуйста, земли вдоволь.

Новоприбывший в Асунсион эмигрант помещается со своим семейством в эмигрантском доме бесплатно, пока не найдет себе землю и не уедет на участок. По закону на взрослого дается 12 гектаров (десятин), на семейного — 20. Кроме того, свободное общее пастбище для скота, все это бесплатно. Паек переходит в собственность через пять лет, в течение этого срока колонист должен построить на своем участке домик и иметь не менее трех гектаров разработанной земли. Проезд от Асунсиона до участка бесплатный. Земля почти вся и везде под лесом. Никаких пособий — ни материалом, ни деньгами — правительство не выдает. Со временем можно выхлопотать небольшую позычку от земледельческого банка.

Рек в Парагвае много, вода хорошая, рыбы полно, в лесах всякого рода зверей достаточно, охота свободная, на кожи звериные сбыт есть. С небольшим капиталом, чтобы иметь на первое время, хорошему человеку, настоящему рабочему земледельцу разжиться можно.

Диких племен бояться нечего — где устраивается новая колония, они уходят и больше не беспокоят, а если уметь с ними хорошо обращаться, это — хорошие работники и друзья. Жизнь свободная и спокойная.

Земля в Парагвае везде хорошая, климат жарковатый, так как страна тропическая, спервоначалу маленько трудновато, но иностранцы привыкают в очень короткое время, живут и хорошо разживаются (про это нужно сказать: как кому повезет). Воздух хороший, всегда продувает ветерок, заболеваний нет. Ничем не пугаю, потому что бояться нечего, но и никаких золотых гор не представляю, потому что их здесь нет.

Нужно сказать откровенно, что здесь не Матушка-Россия, не многоводная раздольная Кубань, не цветистый Тихий Дон и не родимая моя Сибирь (я — Челябинского округа, Оренбургского войска)...

Н. А. Чернин»

ГОД 1929-й.
«НА СВОЮ ЗЕМЛЮ!»

...24 мая в Париже, на Rue Daru, в русской церкви был отслужен напутственный молебен для Кубанской станицы, отправляющейся в Южную Америку, в Перу. Из Франции едет 100 человек, которые должны соединиться в Марселе с другой сотней, выезжающей из Сербии. Во главе станицы стоит А. М. Лысенко, много лет бывший атаманом станицы Пашковской на Кубани. Он же является инициатором и организатором переселения.

Дело это тянулось три года, пока не пришло к благополучному концу, и проведено не через Лигу Наций, не через русские организации или войсковых атаманов, а в порядке частной инициативы, на месте — в Перу, уполномоченным «Кубанского Сокола» в Париже. В общих чертах дело представляется в таком виде. Решено принять к поселению в Перу 2000 человек казаков по частям: первый год 200 человек, второй — 400 и т. д. Пункт расселения избран на восточных склонах Анд, на высоте 800—1400 м над уровнем моря, недалеко от железной дороги и около большой реки, шириною в три раза более Кубани.

...Французская часть казаков выезжает из Парижа 29 марта и, соединившись в Марселе с партией из Сербии, садится на пароход 30 мая. Прекрасное впечатление производит организованность поселенцев. Они едут с атаманом во главе, со своим священником, врачом и педагогическим персоналом (бывший директор гимназии) и с готовым хором. Везут Кубанское знамя и иконы.

В состав Кубанской станицы входят казаки всех войск, есть часть и иногородних.

Нельзя не отметить, что организованное движение за океан Кубанской станицы — явление первое в этом роде, явление не только интересное, но и многозначительное. С самых первых наших шагов за границей у казаков определенно и подчеркнуто выявилось стремление к моральному и физическому самосохранению путем организованной борьбы за жизнь. Появились станицы и хутора. Но в условиях европейской жизни, в условиях фабричного труда такие организации мало достигали своей цели. Кроме того, фабричный или батрацкий труд не дает абсолютно никаких возможностей выбиться на путь независимого существования. Перспектива до самой смерти остаться батраком или придатком фабричной машины, увядшие надежды на «весенние походы» заставили казаков искать пути к более прочному самоустройству на основах независимого распоряжения своим трудом. Единственным средством в этом направлении им представляется труд на земле, труд привычный и гарантирующий независимость.

Манили страны Ю. Америки с их богатой природой и бесконечным простором. Было много попыток со стороны и казачьих, и российских групп использовать эти возможности, но, к сожалению, методы, практиковавшиеся группами, не дали желанных результатов. Все хлопоты шли через Лигу Наций, т. е., собственно через Верховный Комиссариат при ней. Ждали «движения воды» 4-5 лет.

Еще четыре года тому назад была послана Лигой Наций комиссия во главе с полковником Проктором и с участием русского агронома г. Брунста — для изучения возможностей устройства эмигрантов в Ю. Америке. Результатом поездки был рапорт Комиссии с оптимистическими выводами. Было устроено и представительство Лиги Наций в Буэнос-Айресе для всей Л. Америки. А затем группам желающих эмигрировать посыпались чрез Верховный Комиссариат от разных предпринимателей предложения явно кабального характера.

После многих лет, хлопот и ожиданий теперь можно определенно сказать, что никаких надежд в этом духе на Лигу Наций возлагать нельзя. Из Аргентины от близкого нам лица, состоявшего в одной из групп и уехавшего впоследствии одиночным порядком, мы имеем сведения, что тамошнее представительство Лиги Наций а б с о л ю т н о ни одного эмигранта в Ю. Америку не устроило.

Мы заручились обещанием руководителей Кубанской станицы держать нас в курсе относительно судьбы этой организации таким образом, чтобы мы могли следить шаг за шагом за ее жизнью, успехами и разочарованиями. Мы полагаем, что

Кубанская станица, составленная из людей, прошедших чрез тяжкие эмигрантские испытания, закаленная в борьбе в условиях европейской толчеи, имеет все шансы на успех...»

Из Сербии:

«Пришлось еще сделать одну продолжительную поездку по рудникам и селам, где живут и работают казаки. Новые впечатления. Все охвачены мыслями и даже сборами в Америку. Америка заслонила политику.

Большой, около 6-7 гектаров, участок земли охвачен кругом речкой Тимокон — с одной и протокой — с другой стороны. Больше десятины богато родившего в этом году огорода, половина участка под кукурузой, остальное — люцерна.

Хозяин инвалид, еще сильный казак. Входим. После обычных радостных приветствий хозяин командует на сербском языке:

— Гла! Скремай бырдзо ручак! Дошли су до души драги гости!

Уже немолодя сербка проворно засуетилась.

— Это что же у вас за женщина? — спрашиваете вы.

— А це и йе вона сама, моя сиринада.

— Ну, для вас бы, пожалуй, еще и помоложе надо бы.

— А хіба мені на ній короля зустрічать іхать, чи що, а для Америки згодиться й ця. Роботу робе як кінь!..

И действительно. Огород разделан и содержится в образцовом порядке, в хате чистота. И все это вдвоем, вот этот сам «американец» и его «сиринада».

— Ну, как и когда едем в Америку? — и разговор с огромным интересом начинается на новую, поглотившую его всецело тему.

В другом месте. Долго искал в беспорядочных и кривых переулках влашского селения двух приятелей, занимающихся столярным делом. И прошел бы мимо какого-то сарая, если бы не услыхал вдруг: «Та ты помалу, гляди, не зріж мою буланжу!» Суббота, и казаки совершают свой туалет, бреются перед праздником, и «клиент» беспокоится, чтобы «мастер» не сбрил ему нечаянно бородку а-ля Буланже.

— Заходьте!..

И опять все то же. Это — черноморская братия.

А вот и линеец[1].

Едва вошли, как после необходимых приветствий и справок о здоровье и поживаньи обязательный вопрос: «Ну как, скоро ли в Америку? Идет ли запись?»

Получив удовлетворительный ответ, хозяин вдруг кричит:

---

[1] Черноморцы — потомки переселенных на Кубань запорожцев, линейцы — потомки донцов

— Эй, Драшца! Носи мне пушку и едан пунени метак (ружье и снаряженный патрон)!

Чернобровая молодая сербка быстро выносит из хаты и то, и другое. Казак прицеливается и — бац! Огромный петух, беспечно и важно гулявший во дворе, падает мертвый.

— Это нам кочет на суп.

— Можно бы и парадайсах и крастовцах (помидоры и огурцы) пообедать, брат.

— Э, что там, в Америке не таких заведем. Драгче! Стремай чорбу на бырдзу руку (готовь суп на скорую руку)!

— Славная, кажется, у тебя вот эта Драшца.

— Да что ж. Прежде, бывало, перед дальним походом казаки коней выглядывали да подбирали, ну а теперь жинками запастись надо.

Казаки заволновались, готовятся. Вот беда, что только плохо читают и мало осведомлены. А писано уже очень много. Те, кто запасается женой-хозяйкой и работницей, — хорошо понимают, что, садясь на девственную землю в местности не окультуренной, там предстоит колоссальный труд, прежде чем дойдешь до благополучия. Некоторые уже 5-6 лет живут невенчанные. То ей, то ему нельзя добыть развода, и условие, что записывать с собою можно только законных членов семьи, — сильно их смущает.

И действительно, кто не знает, что без женщины никакое сельское хозяйство невозможно. Вот в этом теперь же кому надлежит нужно прийти на помощь. Есть, конечно, и фантазеры. Они пишут и, кажется, уже сватают институток и барышень, совершенно не уясняя себе, что ни они сами, ни их жены там совершенно не пригодны. Есть фотографы и другие рыцари свободных художеств из молодежи, маляры, шоферы, мотористы. Они никогда земли не пахали, а их там посадят на нее, и их профессии там не скоро найдут применение.

Смущает всех вопрос о стариках. Что с ними делать. Оставить здесь — пропадут, взять туда — не позволят. Отрадно слышать и такие речи: «Ну а как же наши старые генералы, полковники, да и казаки старые, они для нас когда-то много потрудились. Как же их теперь тут оставить?.. Там мы их всем миром поддержим. Это нам ничего не будет стоить. Да еще, пожалуй, и там без них не обойтись...»

Вопрос о не-казаках, попавших в первую партию, также многих волнует. Не могут казаки забыть их недоброе внимание в бывшей дивизии на работах. Они абсолютно против допущения их в Америку.

Решение Лиги Наций удерживать с каждого переселенца 200 динар также вызывает у казаков большое недоумение. За что же еще и это?

Слабо знают самый порядок записи. Всякий хочет сделать

это лично, непосредственно через начальника штаба походного атамана. Это, конечно, те, кто еще не состоит до сих пор ни в какой станице или она очень далека.

...Много провокаций. Распространяются, например, слухи, что первая партия высаживалась с боем в Перу, что убито 8 казаков, что еще взяты в плен 12, что казаки едут назад».

Из хроники экспедиции:

«Группа ген. Павличенко выехала из Белграда 24 мая 1929 г. и путь до Генуи совершила по железной дороге. Во время следования через Италию итальянские фашисты отнеслись к казакам с большой предупредительностью — угощали папиросами и разными закусками, казаки отвечали песнями и танцами. На вооружение казаков — кинжалы и шашки — фашистская милиция смотрела снисходительно.

В Генуе казаки погрузились на большой итальянский пароход «Оразио», который отплыл 30 мая.

В Марселе ген. Павличенко устроил торжественную встречу обеих групп. Казаки, одетые в черкесски, сойдя с парохода, выстроились развернутым фронтом со стягами и трубачами на правом фланге. Трубачи сыграли встречный марш. Ген. Павличенко произнес речь, в которой указал, что обе группы едут в одно место по одному и тому же делу, и если состав едущих не весь казачий, то это не должно иметь значения. Казаки и не-казаки — все русские люди, у всех — общие интересы, поэтому нетрудно всем сблизиться и объединиться, чтобы предстать в Перу организованными и в образцовом порядке.

По всему видно, что военная выправка кубанских казаков не понравилась парижской группе, которая была одета в самые разнообразные костюмы. «Военщина» пришлась не по нутру штатским «парижанам». Дело было, конечно, не в «военщине» — группа Лысенко не хотела входить в подчинение генералу Павличенко.

Вечером 31 мая «Оразио» покинул Марсель.

С первых же дней совместного путешествия начались нелады. Ген. Павличенко, ссылаясь на приказ Войскового атамана Кубанского войска, считал себя начальником и требовал, чтобы «французская» группа в интересах дела слилась с «югославской». Предлагал ген. Павличенко и другой выход, чисто общественный — слиться обеим группам в одну станицу и сообща произвести выборы нового станичного атамана. Лысенко ни того, ни другого предложения не принял. В пути отношения между группами обострились еще более. Произошло несколько печальных инцидентов. Попытки к примирению ни к чему не привели.

Основная причина всех недоразумений — помимо личных честолюбий — лежала в неправильной постановке всего дела и прежде всего в разнородности групп. Группа ген. Павличен-

ко ехала, как строевая часть, где все делалось по команде и по сигналам. Здесь существовали приказ и исполнение.

Группа Лысенко представляла собой общественную организацию — станицу с выборным атаманом. Здесь все решалось путем голосования. Воинская дисциплина со всеми ее внешними атрибутами (шашки, кинжалы, вставание по сигналам, сбор на зорю) пугала «парижан» и в их представлении никак не вязалась с тем делом, ради которого они поехали в Перу.

Дорогою выяснилось, что прежде, чем сесть на землю, казаки должны стать на работы по прокладке шоссе. «Французская» группа якобы об этом не была осведомлена, поэтому и слышать не хотела ни о каких шоссейных работах.

По прибытии в перуанский порт Кальяо казаков выгрузили и разместили в эмигрантском доме, который оказался совсем не приспособленным для жилья. Попросту — это была спичечная фабрика с не снятыми еще станками.

Эмиграция в Перу не налажена. Страна совершенно не подготовлена к приему больших партий. Нет на это и достаточных денежных средств.

Но интерес к казакам был большой. За 3-4 месяца до приезда вся местная печать много писала о казаках.

Столица Перу — город Лима — находится в 12 километрах от порта Кальяо. Президент республики Август Легиа пожелал немедленно принять новых колонистов. Их в экстренном поезде, составленном из вагонов 1-го класса, доставили в столицу. Казаки, одетые в черкески, имея во главе трубачей, проследовали во дворец, приветствуемые криками толпы: «Виват, казакос!»

Президент республики с балкона своего дворца приветствовал подошедших казаков, а затем пригласил их в приемный зал, где представитель Войскового атамана преподнес президенту шашку, кинжал, черкеску, шапку и пояс от имени Кубанского казачьего войска. Президент выразил благодарность ген. И. Д. Павличенко. Казаки группы, выехавшей из Сербии, были все в форме, выстроены в зале шпалерами, с хором трубачей и значком на правом фланге. Парижская группа, включившая в свой состав много не-казаков, представлялась отдельно и преподнесла президенту подарок особо.

В речи, обращенной к казакам, президент заявил, что он счастлив видеть у себя казаков, сохранивших свои традиции, свою дисциплину, выправку и форму, несмотря на то, что им уже 9 лет пришлось прожить в изгнании, не получая ни от кого из бывших соратников поддержки. Попав теперь в Перу, казаки найдут себе здесь вторую Родину, где им будет оказана со стороны правительства широкая поддержка и предоставлены пути и возможности к быстрому приобретению богатства для заслуженного отдыха в старости.

Президент высказал пожелание, чтобы следующие группы казаков приходили бы с полным сохранением своих обычаев, в казачьей форме и с дисциплиной, без которой он не представляет себе казаков. Он закончил свою речь заявлением, что все средства, ассигнуемые на эмиграцию, будут предоставлены казакам. Для других эмигрантов эта поддержка временно приостанавливается.

От имени казаков говорили концессионер В. Т. Королевич, встретивший их в Кальяо, и ген. Павличенко. Один из министров обратился к генералу с просьбой зачислить его с семьей в состав образующейся казачьей станицы.

Приемом у президента официальная часть не закончилась. Казаков в Кальяо, в эмигрантском доме, который к этому времени был приведен в порядок, навестили все министры и глава перуанской католической церкви архиепископ Лимы. Перед военным министром казаки прошли церемониальным маршем, трубачи играли перуанский гимн. Посещение закончилось казачьими песнями и наурской с кинжалами.

Министр земледелия устроил в честь казаков банкет в своем особняке. Ген. Павличенко с первого дня завоевал всеобщие симпатии. Его всюду приглашали и угощали.

Узнав, что в Европе находится до 30 тыс. казаков Дона, Кубани и Терека, перуанское правительство высказало желание предоставить всем им хорошие земли. Семейным будет выделяться 30 гектаров, одиночкам по 10 гектаров с последующей прирезкой до 30 гектаров, когда холостые поженятся. Заимообразно оказывается помощь на переезд, на постройки, на живой и мертвый инвентарь. Погашается долг постепенно частью урожая, натурой.

В первую очередь предполагается перевезти желающих казаков из Югославии.

И. Г. Акулинин»

Из комментариев:

«...Итак, может быть, мы накануне осуществления большого дела. Может быть, недалека от превращения в действительность мечта многих зарубежных казаков поселиться казакам всех казачьих войск вместе, перевезти свои семьи, заняться привычным сельскохозяйственным трудом, работая не на хозяина, а на себя и свою семью. Образовать на чужбине единое Казачье Войско, установив в нем свои казачьи традиционные порядки, свой казачий уклад жизни. Стать собственниками, обеспечить себе на старость угол и кусок хлеба. Поселившись массой, достигнув благосостояния, казачество легко разрешит само, никому не кланяясь, и тяжелые ныне вопросы о призрении своих стариков, инвалидов, больных.

Дело может быть большое, и, чтобы не провалить его, нужно быть осмотрительными при составлении первых пар-

тий, на которые возлагается задача заложить прочный фундамент. Разведчики уже на месте. Многих сторон вопроса они еще не успели лично выяснить, и поэтому не будем торопиться с выводами и не будем пока принимать окончательных решений. Но первые сведения уже благоприятны, уже ясно хорошее отношение к казакам перуанского правительства, уже имеются указания, что в Перу не будут препятствовать казакам устроить свою жизнь (этот серьезный вопрос требует уточнения и последующего оформления). Земли дается много, помощь предоставляется основательная и на приемлемых условиях, территория более чем достаточна для поселения войска, налицо и многие другие необходимые условия. Остается выяснить свойства почвы, климат, жизненную обстановку. Разведчики это сделают.

А пока имеется уже достаточно данных чтобы теперь же открыть предварительную запись желающих переселиться в Перу — и Казачий Союз приглашает казаков всех войск и уроженцев казачьих краев, где бы они ни жили, желающих переселиться тогда, когда сведения от разведчиков поступят хорошие, посылать в Союз письменные заявления с указанием имени, отчества, фамилии, станицы и войска, возраста, состава семьи за границей (со всеми указанными сведениями о каждом члене семьи), точного адреса.

Давно уже пора развязать чемоданы и подумать о прочном устройстве. Оно необходимо, если нам не суждено скоро вернуться на родину, если же путь домой откроется скоро — из Южной Америки, с деньгами в руках, дорога не дальше, чем из Европы с пустым карманом...

Н. Мельников»

Из хроники экспедиции:

«Приближался срок отправки к месту назначения — на концессию, выбранную для поселения казаков В. Т. Королевичем в долине р. Апуримак. Надо было приступать к сборам, запасаться всем необходимым.

Лысенко заявил В. Т. Королевичу, что его группа категорически отказывается ехать вместе с ген. Павличенко. Мотивы отказа выставлялись разные. Некоторые лица якобы опасались даже за свою жизнь, в том числе и сам Лысенко, по адресу которого еще в пути на пароходе раздавались угрозы со стороны отдельных казаков из группы ген. Павличенко.

Начались уговаривания, просьбы, споры, ссоры. В. Т. Королевич надеялся сначала взять лаской, но потом стал грозить непокорным высылкой на остров, куда перуанское правительство запирает своих революционеров. Ген. Павличенко просил группу Лысенко не компрометировать казаков перед перуанскими властями и не губить большое дело в самом начале. Ничто не действовало. Лысенко был непре-

клонен в своем решении. Выведенный из терпения таким упорством, ген. Павличенко обозвал «французскую» группу большевиками.

Пошли с жалобами и ходатайствами по министерствам. Лысенко настаивал отвести для его группы другое место, отдельно от ген. Павличенко. Перуанское правительство было обескуражено таким оборотом дела и не знало, что предпринять. Правда, президент республики был заранее предупрежден о неладах среди казачьих групп. Об этом ему сообщил капитан парохода «Оразио» и один из сенаторов перуанского совета, случайно ехавший на том же пароходе.

В составе группы Лысенко ехал иеромонах о. Михей. Он испросил аудиенцию у архиепископа, прося его вмешаться в дело расселения казаков.

В министерстве земледелия служил француз г. Шамбард, который имел от перуанского правительства концессию в долине р. Маркопата. Он согласился принять группу Лысенко, предупредив, что его концессия намечена к отплытию только в 1930 году. Контракт группы Лысенко с В. Т. Королевичем был аннулирован — с разрешения перуанского правительства.

В результате всех недоразумений и хлопот обе группы разошлись. Ген. Павличенко со своими казаками отправился на концессию В. Т. Королевича в долину реки Апуримак, а Лысенко со своей парижской группой поехал на концессию г. Шамбарда, в долину реки Маркопата.

В железнодорожном деле в Перу странные обычаи. По воскресеньям поезда не ходят. На некоторых участках поезда идут в сторону. Дойдя до конечной станции, возвращаются обратно. Благодаря этому движение нерегулярное. Эти порядки заставили казаков сидеть в Кальяо лишних три дня.

Партия ген. Павличенко выехала из Лимы по железной дороге утром 4 июля. Поезд отошел под звуки музыки и крики «Виват, казакос». Перед отъездом военный министр вручил ген. Павличенко в торжественной обстановке перуанский штандарт, прося уважать его и хранить, как свой.

Дорога, принадлежащая английской компании, проложена по склонам почти отвесных скал, через расщелины которых бегут пенящиеся бурные речки. Панорама гор все время меняется. Острые шпицы вершин и бездонные пропасти ущелий чередуются с широкими долинами, покрытыми тропической растительностью. Лима лежит на высоте всего 150 метров над уровнем моря. Пройдя 120 километров, поезд взбирается на высоту уже 3000 м. Главный перевал, которого достигает железное полотно, — на высоте 4800 м. Воздух здесь разрежен, дыхание становится трудным. У пассажиров появляется на лице бледность, многие начинают дремать. У более слабых сердце перестает работать, больной впадает в забытье — если не помочь кислородом или уколами, дело может окончиться

смертью. Поэтому медицинская помощь введена здесь законом. Каждый поезд сопровождает врач с соответствующими препаратами и кислородными подушками. Благодаря такой постановке несчастных случаев в пути почти не бывает.

К вечеру того же дня казаки прибыли на конечную станцию английской железной дороги Хуанкайо, совершив 12-часовой переезд через горные перевалы вполне благополучно. Здесь переночевали. Ночь была холодная (высота 3260 м.). Кто не имел теплой одежды — тем пришлось мерзнуть.

На следующий день путь продолжали по узкоколейной железной дороге, а затем, когда железная дорога закончилась, на грузовых автомобилях. Переезд на автомобилях по весьма примитивно построенному горному шоссе продолжался от 6 до 12 часов. Не обошлось без катастрофы. Один грузовик благодаря чрезмерно большому темпераменту пассажиров опрокинулся. По счастью, сидевшие в автомобиле мужчины, женщины и дети отделались ушибами и поломкой некоторых вещей.

К утру 6 июля вся партия собралась в Аякучо — главном городе провинции того же названия. Местный губернатор (префект), городские власти и жители устроили казакам торжественную встречу с обильным угощением. Школьная администрация по случаю приезда казаков закрыла все учебные заведения. На городской площади, после богослужения в соборной церкви, состоялся парад, в котором приняла участие сотня казаков и учеников местного колледжа, со своим оркестром и винтовками. Взаимные чествования продолжались три дня.

11 июля рано утром женщины, дети и весь багаж были перенесены из Аякучо в Кинуа — маленькое селение около 200 дворов на высоте 3200 м. Мужчины весь переход в 34 км проделали пешком.

Дальше с. Кинуа автомобили не ходят. Здесь шоссе заканчивается, и единственный способ передвижения — верхом на муле или пешим порядком. С помощью уездного начальника (губернатора) был сформирован транспорт из мулов, на которых погрузили женщин, детей и вещи. Казаки с непривычки не сумели обращаться с мулами. Было много крику, суеты, слез. Мулы сбрасывали свои ноши и разбегались во все стороны.

Длинный караван двинулся в путь в сопровождении индейцев (пеонов). Предстояло пройти 30 км до небольшого городка Тамбо, на этом переходе дорога представляет собою горную тропу с крутыми скалистыми подъемами (до 30 градусов) и узкими же уступами Мулам приходится часто прыгать с одного уступа на другой или переходить вброд бурные пенящиеся потоки На крутых спусках плохо прикрепленные седла съезжают на гриву животных, багаж расползается. На

пути лежал перевал Апочета высотою в 4200 м. Здесь обычно по ночам идет снег, а днем дождь или град.

Караван добрался до Тамбо глубокою ночью без особых приключений. Тамбо — небольшой городок с 3000 жителей, все индейцы (чолы). Он расположен в глубокой, окруженной со всех сторон горами долине на высоте 3000 м. Жизнь здесь баснословно дешевая.

Впредь до поселения на р. Апуримак казаки должны были обосноваться в Тамбо.

И. Г. Акулинин»

Из коллективного прошения казаков:

«...Мы начали работать на постройке дорог, причем концессионер платил нам от 3 до $3^1/_2$ солей за метр, обещая, что при этих условиях мы сможем зарабатывать 5—6 солей в день и таким образом собрать кое-что для будущих работ в Монтаньи.

В течение первых же дней работы мы увидели невозможность для нас этой работы на высоте около 400 м, мы зарабатывали не по 5—6 солей, а едва чтобы прожить. Индейцы, привыкшие к таким высотам, и те, мы уверены, не могут вырабатывать более одного метра дороги в день. Мы увидели, что работать так невозможно, и просили концессионера отправить нас возможно скорее на земли, предназначенные нам, имея в виду, что прибыли сюда из Европы с целью быть колонистами, а не рабочими на постройке шоссе.

В месяце августе отправилась комиссия в Монтанью с целью выбора земель для нашей колонии, каковые земли и были выбраны на правом берегу Апуримака, против конвента «animpiterique». В месяце октябре туда направилась первая группа из 27 человек, в ноябре — вторая, и так последовательно остальные, всего в общем около 70 человек. Прибывали мы сюда во время, когда начиналась «зима» — период дождей, и это не было время для работ из-за трудностей, которые представляет климат.

К нашему прибытию не были построены ни бараки, не были посланы ни жизненные припасы, ни доктор с медикаментами, отсутствовал также представитель концессионера. Мы работали одни, содержа себя тем малым количеством жизненных припасов, которые мы могли приобрести за каких-нибудь 10-15 солей, которые нам выдавались от положенных на месяц 30 солей на человека, так как остаток удерживался концессионером на расходы по транспорту и за другие долги.

Через две-три недели после нашего прибытия кончились продукты, которые мы взяли с собой, и начались болезни среди нас. И сейчас, когда доктор Александр Рамос, присланный правительством позже, оставил нас из-за отсутствия жизненных припасов и жилища, наше положение, как и понятно,

стало совершенно критическим. Более половины из нас больны, остальные ухаживают за ними, и в таких условиях работать, конечно, невозможно. Наша единственная надежда на правительство — ведь боремся мы не только за себя, но и за благо целой страны.

Помимо всего указанного мы не знаем ни условий нашей колонизации, ни обязанностей, так как это все вопросы, которые концессионер никогда не хотел разъяснить нам. Сейчас хотя и недопустимо, чтобы люди переносили страдания, подобные нашим, мы все же имеем намерение ждать еще известный промежуток времени в надежде на помощь правительства, которому настоящим манифестуем нашу стойкость до конца, как верные сыны этой Республики.

На основании всего изложенного, настоящим приговором уполномачиваем нашего генерала Павличенко, нашего единственного начальника, просить правительство, а если будет нужно, и самого президента республики, о следующем:

1. Освободить нас от указанного концессионера, передав нас в ведение правительства.

2. Если возможно, добиться перевода колонии в новый район, более благоприятный по климату, а также в смысле транспорта.

3. Чтобы правительство издало колонии «Инструкцию», в которой бы были точно указаны все права и обязанности колонистов и вообще условия нашей колонизации.

4. Назначить генерала Павличенко начальником нашей колонии, и мы уверены, что он обеспечит развитие и конечное благополучие колонии. Чтобы в будущем лишь он один имел право говорить от лица колонии, а не отдельные безответственные личности, как это уже имело место до сего времени, каковые личности из частных оснований покидали колонию. Таковым лицам в будущем чтобы не оказывалась помощь со стороны властей и не придавалась вера их словам и жалобам.

5. Просим все прошения и предложения, каковые в ваше имя в будущем будет представлять генерал Павличенко — Верховному Правлению, рассматривать как исходящие от всей колонии, так как настоящим постановлением колония дает ему полномочия самые широкие для того, чтобы он имел возможность привести к наилучшим результатам наши идеалы эмиграции казаков в республику Перу, которая будет для нас Новой Родиной Казаков, потерявших свою прежнюю Родину Россию из-за верности своим вековым традициям и из-за своей жертвенности в защиту Законного порядка.

Следует 73 подписи казаков»

Из хроники экспедиции:

«...Произошла большая перемена между казаками и правительством Перу, теперь уже нет посредника-концессионера.

Перуанское правительство расторгло договор с г. Королевичем и назначило ген. И. Д. Павличенко начальником казачьей колонии. Ген. Павличенко прекратил джигитовку и выехал к группе, поселившейся на р. Апуримак. Подробных сведений от ген. Павличенко еще не поступило.

Г-н Королевич, недовольный отобранием концессии, в письмах, рассылаемых в редакции русских газет, обвиняет казаков в неблагодарности, в лени, нежелании и неумении работать на земле. Казаки группы ген. Павличенко, со своей стороны, пишут, что концессионер хотел закабалить казаков, неаккуратно выплачивал деньги и вообще не сдержал своих обещаний.

При всех этих условиях личная поездка в Перу Кубанского войскового атамана является еще более необходимой, чем раньше. Взносы на эту поездку продолжают поступать, и в Сербии на 1 февраля достигли суммы 4604 динара. Во Франции взносы пока не достигли и 200 франков...

Н. Мельников»

Генерал Павличенко — Войсковым атаманам Донского, Кубанского, Терского и других казачьих Войск:

«...В дороге и в первое время по прибытии все было к нашим услугам. Обласканные и окруженные заботами казаки и я сам в своих донесениях восторженно отзывались о жизни в Перу, называя республику второй родиной. Концессионер Василий Королевич, оставив своим заместителем своего брата Петра Королевича, уехал в Лиму, где и жил все время, якобы с той целью, что его удерживали там дела, связанные с дорогой и с ходатайствами всевозможных льгот и привилегий для казаков. Казалось, что все идет хорошо и нормально. Мы еще не знали ни климатических, ни экономических условий жизни в этих широтах, возлагали все надежды на добросовестность так хорошо принявшего нас концессионера. Благодаря незнанию языка и отдаленности от Лимы, мы многого не знали, что делалось вокруг нас, что для нас готовили. Казаки стали на работу в ожидании экспедиции по осмотру земли. Концессионер В. Королевич, отлично зная климатические условия выбранного им района (как впоследствии выяснилось, умышленно отдаленного — с тем, чтобы увеличить километраж дороги), не организовывал экспедиции, чтобы казаки работали на дороге и чтобы показать отведенные им земли в лучшее время года.

Наконец экспедиция отправилась. Члены экспедиции, попав в район, сказочно богатый красивой тропической природой, сами увидели, с какой быстротой и в каком количестве все произрастает, возвратились из экспедиции очарованные и полные надежд. Земля была выбрана концессионером, но никто не был предупрежден ни о лихорадке, ни о том, что

часть этой земли заливается разливом реки Апуримак, ни о других неожиданностях. В то же время В. Королевич, зная все наперед и учитывая, что дорога строилась им несолидно и что рано или поздно ему придется открывать свои карты и перед правительством, и перед казаками, стремился выбрать как можно больше денег, дабы обеспечить себя в будущем.

Все это делалось под видом устройства и обеспечения колонистов, а в действительности таилось другое. Казаки, работая на дороге, пришли к тому заключению, что эта работа далеко не так выгодна и заманчива, как обещал концессионер, и что гораздо выгоднее скорее сесть на землю. Это желание было передано Королевичам и, конечно, не понравилось им, так как они лишились работников на постройке дороги и должны были затратить значительные суммы на организацию колонии и перевозку казаков и их скарба на Апуримак.

С этого момента начинает выявляться нервность и раздражительность концессионера. С момента прибытия казаков в Перу министерство помощи регулярно и без задержки отпускало 5000 в месяц концессионеру для эмигрантов-казаков, каковую сумму Королевич расходовал на свои нужды и постройку дороги, а все казаки, работавшие на дороге, жили на свои средства. Лишь с момента отправки на землю Королевичем стали производиться расходы на колонизацию. Было приобретено некоторое количество инструмента, выдано отправляющейся первой группе по 30 солей на взрослого члена семьи, законтрактованы мулы, отправлены люди на Апуримак. Что же приготовил Королевич для первого приема казаков? Были ли построены для них помещения? Был ли организован транспорт для питания казаков? Только на словах. Люди, прибыв на Апуримак, были радушно приняты монахами-францисканцами, разместившими казаков в помещении монастыря.

Земля казакам была отведена на другой стороне Апуримака, реки шириною в 200 метров, и ни одной лодки Королевичем не было дано. Здесь казаки собственною инициативою, при помощи тех же монахов, нашли выход из положения в надежде на помощь Королевича, учитывая, что организация и всякое начало трудно. Монахи дали два челна, казаки стали строить плоты. Читающие это донесение, не побывав на месте, не могут себе представить тех героических усилий, которые были проявлены казаками при организации своей жизни на Апуримаке. Но что мог сделать каждый в отдельности, когда уже была подорвана вера в массе и не видно было доброй воли концессионера, тратившего огромные суммы на свои удобства, покупавшего жене бриллианты, меха, роскошный автомобиль.

Концессионер в Лиме, имея большие связи, лгал всем, скрывал от президента всю правду и все, что было ему невы-

годно, покупал деньгами. Все это я узнал и должен был по долгу казака, принявшего на себя массу обязательств — перед своей совестью, атаманами, дорогим моему сердцу казачеством, — бороться с этим злом. Как, какими средствами? Я человек новый, средств нет — но есть воля, энергия и сознание долга перед родным казачеством. Затаив в сердце обиду за нанесенное казачеству оскорбление со стороны концессионера, при широкой помощи и чистосердечном отношении правительства к казакам, я решил организовать джигитовку с целью пропаганды казачьих идей и возможности вырваться из цепких лап концессионеров.

Петр Королевич, как опытный эксплуататор, сидя за столом, говорит Василию Королевичу: «Я чувствую, что хочет генерал Павличенко. Не допускай этой джигитовки. Они, т. е. казаки завоюют симпатии всех слоев населения до президента включительно, и тогда наша педосия (торговля) пропадет».

На это Василий Королевич ответил: «Ну, Петя, я же понимаю, что делать. Это торговля. Генерал с джигитами укрепит симпатии, а я на этом сделаю дело. Деньги генерал Павличенко вернет. Он честный». На этом разговор кончился.

Подготовив лошадей и одев в национальную форму казаков, я отправился в Лиму ко дню национального праздника, оставив своим заместителем полковника Гуреева, поручив ему иметь заботу о казаках, организовать транспорт для подвоза продуктов в Монтанью. Вскоре после моего отъезда Гуреев с семьею выехал в Монтанью со второю группою казаков. Приехав на Апуримак, ему было трудно наладить работы по организации колонии, во-первых, потому, что первая группа казаков, приехавших в Перу, была собрана наспех, из людей, привыкших к фабрикам и заводам, любивших прежде рюмку водки, нежели работу. Во-вторых, со стороны концессионера не было никакой поддержки, да и вообще обстановка была не располагающая к работе.

Казак утром должен приготовить себе пищу, спечь пышек, а затем переправляться на другую сторону Апуримака для работы на своей земле. Приступить к немедленной постройке домов на своих участках не было возможности, так как для этого необходимо было подготовить участок. На приготовление пищи и переезд через Апуримак, отличавшийся очень быстрым течением, уходила половина времени. Семейным казакам было много легче, так как они занимались исключительно мужским трудом и успевали значительно больше. Люди, помещенные в конвенте, не имели достаточно помещений, жили очень скученно. Наступил дождливый период, люди начали болеть болотной лихорадкой. О работе и постройке своими силами домов не могло быть и речи. Правительством был срочно выслан доктор и медикаменты.

В то же время я должен был довести до конца начатое дело, дабы вырваться от концессионера и получить возможность самостоятельно выбрать здоровый район для поселения казаков. Прибыв в Лиму ко дню национального праздника, я, под высоким покровительством президента республики, разослал 800 бесплатных билетов, в присутствии президента, всех министров, дипломатического корпуса, сенаторов, депутатов, представителей печати и чинов армии дал первую джигитовку.

Президент открыл джигитовку, которая началась рубкою лозы (фотографии прилагаю). Джигитовка прошла с большим энтузиазмом у публики и окончилась колоссальным моральным успехом. Президент был в восторге.

В момент номера «вертун» лошадь подхорунжего Синченко падает через голову. В публике испуг. С дамами истерика. Казалось бы, человек должен быть убит, но, к общему удивлению и радости публики, лошадь вскакивает, подхорунжий Синченко уже на ней и как ни в чем не бывало продолжает очередные номера. Президент вздохнул, обернулся к военному министру и сказал: «Esto jeutis» (это наездник) — и пожелал после джигитовки видеть казаков у себя и с ними сняться. По окончании джигитовки президент передал подхорунжему Синченко серебряный кубок, как лучшему наезднику, сказав в присутствии депутатов и сенаторов, что он будет всегда покровителем казаков (все снимки посылаю полковнику Соломахину для распространения в печати).

Укрепив свои позиции, я на третий день был уже у министра земледелия и передал ему доклад, прося его об освобождении казаков от «доброжелателей» братьев Королевич и о переходе казаков под покровительство правительства с правом выбора нового, здорового места для устройства колоний. Несмотря на все попытки Королевичей отстоять свои позиции, им это не удалось, и люди были вырваны из цепких рук строивших личное благополучие на казаках. Та часть казаков, которая раньше работала у Королевичей, убедившись в его несправедливости, отказалась от него. И вот когда пришлось трудно, все пришли ко мне и спросили: «Как быть, что делать?»

Возвратившись из Лимы, я срочно перевез всех казаков из нездорового района в горный район Тамбо, где люди до апреля отдохнут, подкормятся и окрепнут. Для выбора земли и места поселения организовал экспедиции из казаков, которые выберут сами себе землю и отведут место для станицы.

В колонии немедленно организую лесопилку, приступаю к постройке домов, больницы и помещений для казаков, которые будут прибывать впоследствии. До тех пор, пока не соберем урожая и не создадим собственные запасы продовольствия, я воздержусь от дальнейших требований на перевозку

сюда казаков. Когда все будет готово, пусть смело едут. Правда, многие приехавшие со мной уходят работать на фабрики и заводы, но и они вернутся, так как работу найти трудно. Ушедшим я прекращаю выдачу денег на довольствие.

Я делаю все, что могу, и если к вам поступят жалобы против казаков, не верьте никому, ибо они исходят от людей, отделившихся и чем-нибудь недовольных, которые уже самим фактом отделения приносят нам много неприятностей, не желают помочь переселению казаков в Перу. Это люди или слабые, или нечестные. Атаманы должны верить или своему представителю, или приговорам, подписанным всеми казаками станицы.

Всем известно, что люди в последнее время разболтались, что забывают о казачестве, и вообще если кто пообещает больше, то забывают общие интересы и дружбу. Любят поинтриговать, и вообще большинство стремится только к своим личным выгодам. На этой почве могут возникать и споры, и всякие недоразумения, а также и несправедливые информации. Оставили колонию отец и сын Алюминиевы, Подкользин, Бао, Усатов. Обидно, что и некоторые видные казаки ведут двойную политику, но о них я еще не буду сообщать, это вопрос будущего.

К великому огорчению должен сообщить, что приехавший в Перу полковник Донского войска Ковалев стоит всецело на стороне концессионера, потакая ему во всем во вред общему делу казачества. Такое его поведение могу объяснить только тем, что он, сидя в Лиме без работы, пользуется материальной поддержкой Королевича, забывая об интересах общеказачьих. Этот полковник Ковалев не приехал с нашей группой, а зная очень хорошо испанский язык, прибыл самостоятельно в Перу и занимается переводом книг и состоит корреспондентом в некоторых газетах. Есть люди честные, которые думают не только о себе, а о целом казачестве и его благе — эти останутся со мною и будут работать для тех, которые приедут.

Уезжая я дал слово Кубанскому атаману ни при каких условиях не бросать казаков. Несмотря ни на что, я беру на себя тяжелую ответственность за судьбу пошедших за мною людей и, отбрасывая личные выгоды, доведу дело до желанного конца. При поддержке и симпатии местного духовенства и населения мы выберем лучшие террены, пригодные для всяких культур и здоровые климатически, а не выгодные только концессионеру. Как доказательство симпатии населения прилагаю копию телеграммы, подписанную виднейшими жителями провинции, в которой живут казаки, в виде протеста на статью Королевича, направленную против меня и казаков. А также экземпляр договора с правительством о колонизации.

Список всех казаков, оставшихся в колонии и желающих продолжать общее дело, пришлю в следующем донесении. Еще раз обращаюсь через атаманов с просьбою к казакам не разрушать организацию и ехать только на землю, где каждый в течение года будет получать пособие, а люди, рассчитывающие устроиться в городах, заранее обречены на голод и разочарование и немедленно лишаются пайка. Правительственный шеф колонии и Войсковой[1] атаман генерал Павличенко.

Адъютант сотник Черепов.

Представитель атамана в Лиме полковник (подпись неразборчива).

Станичный писарь сотник Ветров».

Из хроники экспедиции:

«РАЗВЕДКА В ПЕРУ ЗАКОНЧЕНА

Кубанская группа ген. И. Д. Павличенко свою «разведку» в Перу закончила. Колонизация не удалась. Приказом группе разведчиков от 18 сентября за № 170, в Лиме, генерал Павличенко объявил группу расформированной.

Подводя в этом приказе итоги, ген. Павличенко указывает следующие главные причины неуспеха: в первый период, когда дело находилось в руках концессионера Королевича, — неудачно выбранный предпринимателем нездоровый район (сильные заболевания среди казаков), отсутствие надлежащей солидной организации, необходимой в таком серьезном деле, недостаточность средств у концессионера или использование их не по прямому назначению, намерение концессионера использовать казачью рабочую силу для постройки шоссе, при расчете его лишь в неопределенном будущем организовать колонию. Во второй период, когда дело взяло в свои руки перуанское правительство, — тоже отсутствие солидной организации дела, недостаточность отпускаемых средств и интриги против казаков со стороны бывшего концессионера, клеветавшего на казаков и тормозившего дело организации колонии в новом месте.

И. Д. Павличенко в свое время дал доверившемся ему казакам слово принять все меры, чтобы в случае неудачи, вывезти всех казаков обратно в Европу. Слово он свое сдержал. Трудно, невыразимо трудно было это сделать. «Принять все меры» — это легко для власть имущего, а для человека без власти и средств, в некультурной стране, отрешенного от заведования делом, когда неразборчивые в средствах противники старались изобразить И. Д. Павличенко перед перуански-

[1] Опечатка. Нужно: «станичный».

ми властями как бунтовщика и большевика, когда не разбиравшиеся в чужих делах люди склонны были этим доносам верить, — бремя, взятое на себя ген. Павличенко, было безмерно тяжелое. Арестовываемый под дулами жандармских винтовок, при раздавшейся уже команде стрелять, под направленным на него дулом револьвера, ген. Павличенко своих позиций не сдал — и победил.

Спасибо казакам, и они не выдали своего главу. В критические моменты они окружали своего генерала и открывали свои груди перед дулом винтовок. И казачки тоже. Выдержка, спайка, взаимная выручка, хладнокровие, дисциплина — все это спасло И. Д. Павличенко, и всю группу.

К счастью, подоспела благодетельная на сей раз революция. Смена властей — перемена отношения к казакам — крушение интриг. Новая власть предложила новые земли, недалеко от столицы, в культурной местности. Но казаки уже потеряли веру. Экономический кризис в стране не внушал надежды, что необходимые для колонизации крупные средства будут действительно даны. Ген. Павличенко добился, чтобы казаки были отпущены с миром.

Его усилия увенчались успехом и в других отношениях. Правительство признало концессионера виновным в неисполнении обязательств в отношении казаков, отобрало концессию и возложило на концессионера обязанность оплатить обратный путь казаков в Европу, выдав из средств казны (за счет концессионера) необходимую сумму. Казаки предъявили иск к Королевичу.

Первая партия их уже прибыла 12 ноября в Европу и через Францию 15-го выехала в Юго-Славию. В Белград проехали: полк. Леонид Овсиевский, вольноопр. Дм. Бибер, инженер Артемий Жеребцов, подъесаул донец Захар Фирсов с женой и дочерью. Остальные 5 человек из первой партии (ес. Борис Бирюков, полк. Тихон Пелепейко — Терск. войско — с женой и полк. Мих. Власенко — неказак — с сыном Юрием) остались во Франции. Последние двое из группы Лысенко, ген. Павличенко помог и им выбраться из Перу. Вторая группа должна прибыть во Францию около 27 ноября, они остались выждать решения суда.

Небольшая группа казаков, по собственному желанию, решила остаться в Южн. Америке, переехав из Перу в другую страну.

Сам ген. Павличенко с группой джигитов в 15 человек решил временно задержаться в Южн. Америке и проехать по ней с джигитовкой, начав с республики Чили.

Маленькая группа — главным образом неказаки — осталась в Перу рабочими на фермах. Из группы Лысенко осталось на месте (из 60) около 20 человек.

Н. М.»

ГОД 1930-й.
«САМ-НА-САМ»

Из Парижа:

«Много раз писали о том, как живут казаки во Франции, в частности в Париже. Почти всегда описывалась жизнь кубанцев, донцов, реже терцев; о казаках других войск почти не попадается корреспонденций. Это, видимо, по той простой причине, что казаков других войск не так уж много в Европе.

Недавно мне пришлось узнать, что в Париже проживает 70-80 человек уральцев, этих по истине страдальцев казачества, которые почти все полегли в борьбе с коммунистами красной Москвы. Познакомился с хуторским атаманом Л. К. Месиновым (уральцы объединены в хутор). Сам атаман одиночным порядком прибыл во Францию из Китая.

Из дальнейших разговоров выяснилось, что уральцы сосредоточены, главным образом, в городе Rucil, в 6-10 км от Парижа. Атаману хутора я дал несколько журналов «Вольное казачество», он меня очень благодарил и просил побывать у них на ужине в день Войскового праздника, чтобы познакомиться ближе с жизнью казаков, а Уральское войско, как известно, празднует день Архистратига Михаила. «Парижские» уральцы праздновали 23 ноября.

Меня, прибывшего в Rucil с некоторым опозданием, радужно встретил хуторской атаман (...). За столом сидел батюшка, служивший молебен, и еще генерал Интов, который в прошлом связан службой с уральцами и теперь часто помогает казакам, чем может.

Когда закончилась, так сказать, «официальная» часть празднества, казаки запели. Песни были спеты мастерски.

Уральцы живут вместе, занимая целый отель, имеют общую кухню, что, конечно, дает возможность питаться по вкусу, по-казачьи, к тому же артельное довольствие обходится много дешевле. Способ артельного довольствия возможен только в том случае, если люди спаяны между собой. Безусловно, такая спайка среди уральцев есть. Это бросается в глаза, как только проведешь в обществе уральцев 2-3 часа.

Благодаря заботам г-на Панченко, которому хутор поручил устройство праздника, стол был сервирован богато, почти «по-буржуазному».

Около 11 часов вечера прибыл командированный Терским казачьим объединением полковник И. А. Морозов, который приветствовал уральцев от имени терцев, проживающих в Париже. В своей короткой, но сильно сказанной речи он указал на тот тернистый путь, которым шло и идет уральское войско во имя своих вольностей и бытовых традиций. Далее указал,

что терцы и уральцы связаны исторически очень близко и что страдания уральцев переживаются терцами не в меньшей мере, чем и другими казаками.

Больно стало за то, что ни донцы, ни кубанцы не нашли возможности прислать человека — приветствовать своих собратьев, затерянных среди большого города...

Занимаются уральцы тем же, чем и другие, т. е.работами на фабриках и заводах. Есть несколько человек семейных. Казачки — больше славянки: польки, чешки, украинки, — но есть одна казачка, прибывшая с Урала вместе с казаками. Ей, конечно, много пришлось пережить трудностей во время отступления. Если, говорит она, для мужчин отступление из родного края было делом нелегким, то какого же женщине?

Но вот ужин кончился, столы убрали, и на эстраде появились музыканты, да еще целых пять человек. Оказывается, что это хуторской оркестр. Едва музыканты успели сыграть два-три аккорда, как в вихре «казачка» понеслись казаки, сверкая лампасами. Я забыл упомянуть, что некоторые были одеты по-казачьи.

...Интерес к казачьей литературе большой, но достают они ее мало.

Было ровно 12 часов ночи, когда я покинул гостеприимных уральцев и последним трамваем уехал в Париж.

Еф. Якименко»

«ОСВЯЩЕНИЕ БУДДИЙСКОГО ХРАМА В БЕЛГРАДЕ

...Многие оставались во время службы на дворе, так как храм не мог вместить в себя всех присутствующих.

Погода в этот торжественный день открытия хурула прекрасная, светит солнце, и, подходя, вы видите черную массу толпящихся людей. Среди них и сербы, и казаки, и русские, и калмыки. Калмыки все подпоясаны согласно обряду, и их дети и женщины кругом напоминают праздники у них в степях, в Сальском округе.

Над дверьми храма — «кюрде», символ, означающий восемь путей избавления от земных страданий для достижения нирваны, по бокам его олени, первые услышавшие проповедь Будды. Вы входите вовнутрь хурула. Прямо против входа большая статуя Будды в стеклянном шкафу, имеющем вид усеченной пирамиды. У ее ног другая статуя, поменьше. По стенам развешаны изображения учеников Будды и других святых — бодисатв.

Тут же стоят несколько столиков со священными предметами, и направо — ложе для священнослужителей, которые, облаченные в шелк, начинают службу, кропя павлиньим

пером храм святою водою, настоянной на шафране. Во время богослужения гости сыпят на пол розданное зерно. Слушая монотонную гортанную молитву, то повышающуюся, то понижающуюся, забываешь о том, что ты в Югославии, а не на Дону, в калмыцкой станице. При благоговейном молчании всех присутствующих бакши заканчивают службу, а хозяева-распорядители приглашают гостей пройти в другие комнаты отведать хлеба и соли.

По выходе из храма в боковую дверь вы попадаете в комнату священнослужителей, дальше комната для культурно-просветительных нужд, школа и библиотека. В помещении храма четыре комнаты и передняя.

Радуется сердце за наших братьев казаков-калмыков, что они имеют такую свою собственность на вечные времена».

Из Франции:

«В двух-двух с половиной часах езды от Парижа, на равнинах Луары, расположен очень хороший городок Монтаржи. Больших фабрик и заводов там, за исключением каучуковой фабрики, нет. Несмотря на это там живут вполне оседло до 150 казаков, кубанцев и донцов. Жизнь казаков в этом городке почти ничем не отличается, как заводских рабочих, от жизни в других фабричных центрах. Так же, как и в других местах, встают в 6 часов утра и до 6 часов вечера проводят время за работой на заводе. Полтора часа на обед, конечно, проходят незаметно, а посему можно и сказать, что бедолага бьется от зари до зари. Есть несколько человек, которые работают у частных предпринимателей, но таких мало, большинство же на фабрике, т. к. последняя считается более верным делом. В среднем каждый казак зарабатывает франков 700. Этой суммы достаточно на жизнь.

Но Монтаржи не похож на другие города, и вот почему. Район этого города славится хорошей землей, и сельское хозяйство здесь стоит на должной высоте. В сезонное время, когда начинается уборка хлеба и кормовой свеклы, казаку, привыкшему к земле-кормилице, трудно удержаться, чтобы не принять участие в уборке хлеба и других сельскохозяйственных продуктов, которыми хлебопашец в этих краях справедливо награждается за свой труд. Тогда казак берет на заводе отпуск и уходит работать «на молотилку». Сезон таких работ продолжается 2-3 месяца.

Мне пришлось разговаривать с одним таким казаком, который за пять лет пребывания во Франции не пропустил ни одного сезона. «Разве можно удержаться, — говорит он, — когда посмотришь на эту золотистую ниву, к тому же и сама работа по сердцу, до души, да и заработаешь за время сезона больше, чем на фабрике».

Оно и верно. Сколько бы казак не работал на фабрике,

он никогда не станет рабочим по своему нутру, по своей психологии. Ведь казак рожден совсем не для того, чтобы тянуть лямку фабрично-заводского рабочего. Вот почему в Монтаржи у казаков бывают моменты, когда они отдыхают душой и телом, и именно в самый разгар сельскохозяйственного сезона...

Еф. Якименко»

Из Африки:

«...Страна Алжир находится, как всем известно, на берегу Средиземного моря. Мой приезд в Африку уже второй — после Египта. В Египте был совсем другой климат. Там было жарче, чем здесь. Летом и здесь жарко, но в зимнее время идут дожди и дуют ветры. Но снега до 7/II не было. Живут здесь, как и в Египте, арабы, евреи и много испанцев. Конечно, есть и французы, как начальство, так и войско.

Евреи, как и всюду, занимаются коммерческим делом, арабы и испанцы обрабатывают землю. Растет здесь много пшеницы, но главное — это виноградарство. Еще растет здесь много масличного дерева, апельсинового, но таких деревьев, как у нас на Дону, не замечено. Испанцы живут сносно, но арабы бедно.

Я служу в роте телефонистов, телеграфистов и радиотелеграфистов. Первые 4 месяца мне было учение. Казаков здесь немного, потому что они больше идут в кавалерию, которая стоит в Тунисе, в городе Сусе. Военной службы здесь почти нету, т. е. винтовку берешь раз в неделю во время стрельбы. Остальное время провожу в классе, учишься, как в школе, с $7^1/_2$ до $9^1/_2$, а после обеда с 1 до 4 часов, после свободен. В 9 часов перекличка, и в 10 ложимся спать. Встаем в $6^1/_2$, завтрак состоит из $^1/_4$ литра кофе. В $10^1/_2$ обед (суп, мясо и еще что-нибудь, когда рис, фасоль, макароны) и $^1/_4$ литра вина. Хлеба дают 1 фунт в день. Ужин в 5 часов. Пища вообще ничего.

Сообщил Г. Алферов»

Из Праги:

«...17 марта в зале «Люцерна» пел хор донских казаков под управлением Жарова. Выступление хора имело обычный успех. Громадный зал и все три боковых яруса были переполнены. Публика много аплодировала, вызывала и вообще время от времени продолжительно бесновалась.

Есть люди и вещи с такой твердо установившейся репутацией и такой общеизвестной славой, что ими легче всего бывает восторгаться и этим самым причислять себя к сонму знатоков и ценителей предмета. К числу таких явлений относится и хор Жарова. Его очень легко и просто похвалить, и наоборот.

Будучи не профессионалом-критиком певческого искусства, я не претендую на особенную авторитетность своего суждения и высказываюсь, во-первых, как рядовой слушатель — и как казак, во-вторых. Я вынес впечатление, что хор больше занимается всякими выкрутасами, неожиданными форте-лями в пении, чем хорошим хоровым пением. Очень уж много всяких мычаний, кваканий, а в одной песне, кажется, даже было слышно лаяние... Хор явно грешит звукоподражаниями.

Для неизбалованных хорошим пением европейцев, может быть, все это и здорово, но для знатоков и ценителей хорового пения, думаю, что нет. И Жаров, увлекаясь такими новшествами, прав постольку, поскольку необходимо ублажить богатых европейцев, которых нужно сломить всякими резкостями.

Сердцу казака хор ничего не говорит. Во всем репертуаре вечера были только две «казачьи» песни, если не считать «Стеньки Разина». Эти две песни были специфически казенные! «За великую Россию сладко смерть принять, за царя и за Россию и т. д.».

Казачьего в «Донском казачьем хоре» — только звание, лампасы да несколько хористов. Называться, конечно, можно, пусть называется, форму тоже позволительно носить, нехудо также в казачьем хоре иметь несколько казаков — против всего этого протестовать нельзя. Жаровский хор носит свое название точно на таком же основании, на каком какой-нибудь племенной жеребец носит имя Гомера. Нельзя претендовать на то, чтобы жаровцы ездили бы по свету и услаждали казаков их песнями, но угостить их хотя тремя, но настоящими казачьими песнями следовало бы.

Потом не могу не сказать пары слов о церковных песнях в исполнении жаровцев. Хотя я и не христианин, но церковное хоровое пение часто слышал, и, признаюсь, оно всегда на меня действовало. Жаровцы же так лихо спели две молитвы, что... стало весело. Не знаю, какое впечатление производит такое «Концентрированное» пение молитв на самих христиан, но меня, буддиста, оно смутило.

Как известно, в эмиграции есть два популярных хора, носящих имя «Казачьих». И вот мне приходилось наблюдать, как некоторые, разбирая пение этих хоров, допускали много субъективного, в зависимости от наличия в том или ином хоре друзей или наоборот.

У меня лично нет таковых ни в одном из этих хоров, и моему сердцу они совершенно одинаково милы, но, положа руку на сердце, должен сказать, что казаку хор Кострюкова («платовцы») ближе, чем хор Жарова. У кострюковцев хоть и немного, но все же больше казачьих песен, чем у жаровцев, да и в самом хоре Кострюкова процент настоящих казаков,

знающих свою песню, несравненно больше. Поэтому морального права называться «Донским казачьим хором» у кострюковцев тоже больше, чем у жаровцев.

С. Балыков»

Из Румынии, 15.VII. 1930 г.:

«Сегодня целый день бродил по Бухаресту, искал работы и к вечеру, усталый, зашел к деду Даниле.

Дед Данила — старый донской казак, видавший виды. Был вахмистром в «действительной», атаманом хуторским и за освобождение казачьих земель первый поднял знамя восстания против оккупантов.

Три сына и два внука — убиты красными в боях. Остатки членов семьи вымерли от голода и тифа. Остался он один и живет теперь «сам-на-сам», как он любит выражаться.

...Живет он на окраине Бухареста в нанимаемой небольшой комнатке, занимаясь выделкой деревянной посуды. Каждую субботу его можно встретить на Большом Базаре или в окрестных деревнях, продающего свои изделия.

И зимой и летом он один и тот же: в казачьей шапке, в сапогах, замкнутый, угрюмый. Его небольшую комнатку украшают медное распятие (память Дона) и карта казачьих земель (обложка журнала «Вольное казачество») в рамке его собственной работы.

— ...Никогда не забуду, как мы с унуком Васюткой под Царицыном на пулеметы в атаку пошли. От нашего полка семнадцать человек в живых только осталось. Васютку семь пуль так и перерезали!.. Конь под ним своих заводов был, золотистый, белоногий, — как змей, взвился на задних ногах и шлепнулся через заднюю луку, убился наповал. А Васютка, когда я подбежал к нему, ишо живой был. Кровь так и хлихатить из него... горячая... молодая... Чего ж? Ему только пятнадцать сравнялось. В глазенках полно слез... губы кровью запекаются... только и сказал: де-душка, я у-ми-рра-ю. На моих руках и скончался.

Дед Данила замолчал. И крупная слеза скатилась на засаленный фартух, растаяв на стамеске.

С. Маргушин»

Из Франции:

«Короткое письмо из Виши уведомило, что в среду, 5 февраля, там, в местном госпитале, умер коренной кубанский казак станицы Тихорецкой, Кавказского отдела, Иван Михайлович Пашков.

Горе переполняет душу. Так рано, в 29 лет, рослый здоровый красавец с пышным казачьим темным усом, с безукоризненно честной душой и молчаливым страданием за родину — умер вдали от семьи, где его так ждали седобородый

отец старик, еще бодрая старушка мать, два взрослых брата, жена...

За долгих десять лет насильственной разлуки его ждала красавица жена, живя все годы у свекра. Это — во время красного владычества — лучшая оценка покойника. Я всех их видел много раз на присланной «оттуда» карточке, много читал их писем и восторгался как цельностью патриархальной семьи, так и характерным внешним казачьим видом — доподлинным, как и встарь.

Когда белая армия была в Крыму, красное командование мобилизовало два года кубанских казаков, рождения 1900 и 1901 годов, и, моря голодом в Казани, после усиленной военной и «политической» муштры, отправило «неспокойных» наших казачат-малолетков в Кронштадт, распылив их по всем родам оружия и фортам крепости так, чтобы и духу казачьего не было слышно.

Но восстал Кронштадт, подожженный загнанными за море степовыми орлятами... Сила сломала непокорных. После трех недель осады — отход в Финляндию по льду, по колено в воде, затем холодный лагерь, голодный паек, торфяные работы у крестьян. И в таких невзгодах молодой казак сохранил полную чистоту своей души, как редко кто в наше тяжкое время. Физические же лишения взяли свое: туберкулез кости сломил крепость духа и унес в могилу так неожиданно молодую казачью душу — крепкую, чистую и благородную.

Чужая земля пусть тебе станет пухом, мой дорогой и верный «Иванэ». Издалека кланяюсь тебе земно, как брат и твой долгий атаман-наставник. Ты второй мой «финляндец», погибший так молодо на чужбине, не дождавшись увидеть свою родину. Как и Дорофеича — тебя я не забуду.

Спи спокойно, мой друг и брат. Мы все под Богом.

Полковник Елисеев»

«23 февраля при трагических обстоятельствах погиб казак ст. Усть-Белокалитвенской, Донского войска, Дмитрий Давыдов. Покойный отслужил пять лет во Франции, в Иностранном легионе, на службе в Африке отличился, имел французские медали. Последние три года он работал на заводах в Прэмон, около г. Сен-Мишель де Морьен. Спокойный, положительный, трезвый, Д. Давыдов пользовался общим уважением как рабочих — не только казаков и вообще русских, но и французов, — так и фабричного начальства, назначившего Давыдова шефом экипа.

В день своей гибели Давыдов, возвращаясь из города на завод, встретил в пути своего знакомого Донца и, по приглашению последнего, зашел с ним в кантину завода Сосаз, переполненную в этот час обеда русскими. Долго не получая от француза-кантинера заказанной порции рыбы, донец по-

просил Давыдова, владевшего французским языком, пойти объясниться с французом. По показанию свидетелей всего происшедшего, кантинер, проведший всю ночь на балу и бывший не в трезвом виде, в ответ на заявление совершенно трезвого Давыдова — замахнулся на него бутылкой и стал бить его по голове. Их развели. Несколько успокоившись, Давыдов пошел на кухню, чтобы объясниться по поводу странного, ничем не вызванного нападения кантинера, но не успел он еще произнести ни одного слова, как кантинер, увидевший Давыдова, выхватил револьвер и произвел в Давыдова пять выстрелов, ни разу, однако, не попав. Давыдов стал уходить от беды, но в тот момент, когда он затворял уже выходную дверь, раздался шестой выстрел, и пуля, пробив дверь, попала прямо в сердце. Смерть была мгновенной.

Родственников у Давыдова во Франции нет. В Росии — мать и четверо детей. 25-го в Прэмоне состоялись торжественные проводы Давыдова. За гробом покойного шла большая толпа во главе с представителями заводской администрации, контрмэры и рабочие русские и французы. Хоронил священник из г. Южин. На гроб были возложены французские медали покойного.

Русские колонии в Сен-Мишель и Прэмоне взволнованы этой трагедией и опасаются, как бы дело не было замято состоятельным убийцей. Донской атаман и Правление Казачьего союза принимают соответствующие меры.

Н. М.»

Из Болгарии — Почетному Старику Общеказачьей станицы в Варне. о. Иллариону Титову:

«Казаки станицы с грустью узнали, что Вы, уважаемый о. Илларион, оставили братскую нам Болгарию и выехали к месту новой службы во Францию. Ничто бы нас не остановило, чтоб проводить Вас всей станицей, по казачьему обычаю, как родного отца, как старого казака и как духовного пастыря, — нужно было лишь Ваше согласие, но Вы не имели на это возможности за недостатком времени. Мы все же горим желанием хоть в этом письме выразить Вам признательность, любовь и уважение, каким Вы пользовались у нас. От души желаем Вам здоровья на новом месте служения. Пусть не оставляет Вас энергия и бодрость духа — черты, составляющие основную сторону Вашего характера.

Там, во Франции, придется часто Вам бывать в казачьей среде, пусть наши родные станичники послушают Ваши бодрые речи о славном былом, о казачестве и Вашей горячей любви к нему. Охотно идем навстречу Вашему желанию и считаем Вас неизменно членом нашей станицы.

Просим нас не забывать.

Станичный атаман Афанасьев»

Из Судана, от «молодого инженера-казака Ю. А. Карпова»:

«Жизнью своей здесь, в Африке, мы довольны. Имеем квартиру из двух комнат, с кухней, ванной, электричеством и полным европейским комфортом.

Работать приходится много, но работа интересная — по осушке и орошению. Самое интересное — это, конечно, поездки. Раньше мне по делам службы приходилось ездить на юг, на границу Гвинеи, а вот недавно ездил на Север, на границы Сахары. Какая разница впечатлений, вы себе представить не можете: от тропической природы — к пустыне!

Климат вполне переносим. Надо считать, 3-4 месяца в году тяжелых. то есть с апреля по июль. Затем начинается период дождей, переносимых легко. А с ноября по март погода чудесная, и ночью даже холодно. Конечно не надо забывать принимать все меры предосторожности, как-то: хину, фильтрованную воду, никогда не выходить без каски — и тогда здесь нет почти никакого риска.

Русские, с которыми приходится здесь встречаться, преимущественно врачи, устроены прилично. Конечно, в Европе имеют немного ложное представление о наших окладах и думают обыкновенно, что мы возвращаемся отсюда миллионерами. Это, конечно, преувеличено. Оклады здесь на государственной службе небольшие, но вполне хватает на жизнь (конечно, уже не беженскую) и даже немного остается.

Казаков не встречал совершенно, что весьма меня удивило, так как все они предприимчивы и работящие и могли бы здесь прилично устроиться».

ГОД 1931-й.
«НА ЧУЖОМ ПИРУ»

Из Чехословакии:

«В Донском казачьем хоре имени атамана Платова, в чешской санатории в г. Праге, умер старый хорист Ефим Николаевич Солдатов.

Солдатов, казак станицы Веренской Всевеликого войска Донского, был представителем того ряда казачества, которое, оставшись верным лучшим заветам казачьей старины, восстало против большевизма, не по приказу, не по зову агитаторов, а по своему народному порыву, всем своим нутром понявши кровавую фальшь коммунизма.

Солдатов на Дону, до службы, занимался сельским хозяйством. Пришла служба — это один из достойнейших взводных урядников, потом вахмистр новочеркасской команды. Европейская война, боевые отличия. Георгиевские кресты на груди...

В гражданскую войну Солдатов — один из многих храбрых, восставших против большевиков. Восстание верхнедонцов... Малограмотный, едва умеющий писать, в 1920 году казак становится «политическим» эмигрантом. Он из тех 90% народной массы казачества, которое, оставив жен и детей на Дону, осталось до конца верным антикоммунистической Белой Идее. Люди эти, с грубыми от казачьего плуга, мозолистыми руками, природным умом и чутьем понявшие, на чьей стороне правда, отвернувшиеся от большевизма. За свои прадедовские заветы и за казачье имя, за Великую Россию пошли они в ряды эмиграции.

В 1923 году в Болгарии на богатырскую силу Солдатова обратил внимание наш русский великан Иван Михайлович Заикин, и Солдатов становится борцом-профессионалом. В 1926 году в Праге, в зале «Люцерн» более 4000 собравшейся публики приветствуют борцов — чемпионов всех стран. Русская колония, и особенно казаки, с нетерпением ожидают решительной схватки своего компатриота. 25 минут борьбы — и донской богатырь Е. Н. Солдатов кладет «на обе лопатки» известного борца в Чехии Фишера. Казаки торжествуют. Солдатов становится предметом похвал чешской и русской прессы в Праге.

В 1927 году Солдатов, мой старый сослуживец по 3-му Донскому Калединско-Назаровскому полку, бросает профессию борца и поступает в Платовский хор. Он был прекрасным хористом. И многие русские и иностранцы помнят, вероятно, по концертам платовского хора, как во время пляски грузный 44-летний Солдатов не выдерживал и, с весом в 120 кило, под несмолкаемый гром аплодисментов публики, лихо отплясывал своего «донского казачка».

Прошло 3 года, и смерть не пощадила и богатырскую силу этого героя-казака.

Е. Н. Солдатов часто получал письма из Сов. России от оставшейся там семьи. «Жена зовет домой, — говорил он мне часто, — сына женила без меня, и я уже дедом стал, внук родился. «И чиво ты шатаишься по етой заграницы». — пишет она мне. А я не могу... не могу склонить свою голову казачью перед этими шарлатанами-комиссарами».

В лице нашего друга Е. Н. Солдатова мы низко склоняемся перед всеми десятками тысяч наших Солдатовых, седобородых казаков, во имя святой правды и бесконечной любви к Родному Краю терпящих до конца тяжелые лишения в эмиграции. Живым честь и слава. Пошли им, Господи, награду — увидеть воскресшими Россию и милые Родимые Края. Ушедшим от нас Солдатовым — бедным, не дождавшимся светлого дня — вечная память.

Невольно вспоминаются грустные и правдивые слова нашей чудной казачьей песни:

Казак, умирая, просил и молил
Насыпать курган ему в головах
Что жил-был казак на чужбине далекой
И помнил про Дон он в чужой стороне.

Н. Кострюков»

Из Бразилии, от донского казака:

«Эмигранты в Бразилии совершенно изолированы и не имеют помощи ниоткуда, а наоборот, здесь все стараются эксплуатировать их. К счастью, что сюда попало очень мало настоящих эмигрантов. Большинство их приехало из Бессарабии, Литвы и Латвии, главным образом, по мотивам уклонения от воинской повинности и страха перед мобилизацией. Все это — в большинстве шкурники. Многие из них прикрываются религиозными мотивами: баптисты, адвентисты (субботники) и друг. Народ малотрудоспособный и неустойчивый. Многие из них приехали сюда с хорошими деньгами, но в конце концов почти все израсходовали на переезды из одного штата в другой и теперь влачат жалкое существование, работая или у местных помещиков, или на фабриках города Сан-Пауло.

Бразилия — это страна мелких паразитов. Здесь все — от человека до животного и даже растения — стараются жить за счет другого, питаясь чужими соками.

В моей жизни, за десять лет пребывания здесь, произошло, как в кинема — масса происшествий. Последние годы я работал в бразильских тропических лесах в роли сначала землемера по обмеру бассейна одной реки. Работал больше года, положил массу труда, перенес много невзгод, а в результате... хозяин почти ничего не заплатил мне. Так здесь случается почти всегда. Здесь сильный буквально пожирает слабого. Здесь единственный справедливый суд — это пуля, он решает все. Часто пострадавший убивает обидчика, а сам уходит в тропические леса. Суд же здесь адвокатский, выигрывает тот, кто больше заплатит.

Затем я поступил работать в качестве инженера по изучению и прокладке железной дороги в тропических лесах — прорубал лес, делал просеки, устанавливал пикеты, т. е. давал направление для дороги. Так я проработал почти три года, буквально отрезанный от всего мира. К нам даже местная почта не доходила.

Теперь я уже живу вблизи железной дороги, в мало-мальски культурном уголке, куда доходит даже заграничная корреспонденция.

В штате С. Пауло имеется порядочное число русских эмигрантов. В городе имеется две русских газеты — «Русская газета», издаваемая врангелевцами Даховым и Успенским. Эта газета знаменита тем, что вводит в заблуждение большинство русских, желающих купить землю и заняться хозяйством. Из-

дается она на средства одного богатого землевладельца, старающегося сбыть землю эмигрантам, так как из местных жителей никто ее не покупает из-за дороговизны, отсутствия и дальности путей сообщения. Назначение этой газеты — служить своему господину. Немало из вновь приезжающих сюда русских «попались» на рекламу этой газеты, купили землю, затратили последние деньги, потом принуждены были бросать хозяйство и искать заработка уже в больших имениях в качестве батраков. Занятие сельским хозяйством дает здесь хороший доход, но это лишь на хороших землях и вблизи жел. дороги, так как дороговизна транспорта поедает весь доход.

Другая газета — «Родина». Начала издавать совсем недавно и более солидна.

Революция здесь закончилась. Власть захвачена представителями крупного землевладения, опирающимися на руководителей армии и флота. По этому поводу сначала среди русских эмигрантов была большая тревога: опасались, что представители «Русской газеты» всплывут на поверхность и захватят в свои руки консульскую власть — в связи с предложением нового правительства русским выбрать свой комитет, которому могут быть переданы консульские права. Тогда большинству русских пришлось бы туго. Но, слава Богу, этого не случилось — газета закрыта, редакторы арестованы.

Наших казаков здесь почти нет. Есть три-четыре семейства, да и те живут внутри страны, заняты хозяйством. Жил в С.-Пауло казак Константиновской станицы Василий Жидков, занимался торговлей и коммивояжерством. Но вот уже два года, как погиб в автомобильной катастрофе.

Ф. Попов»

Из Франции:

«В Париже теперь живет, пожалуй, больше казаков, чем их было с графом Платовым в 1814 году, когда они занимали столицу мира и располагались бивуаком на Елисейских полях. Правда, сейчас они проживают не на Елисейских полях, а по разным Бианкурам, Медонам и другим пригородам, но по праздникам съезжаются в церковь на улице Дарю, где можно встретить знакомых и друзей и покалякать в церковном дворе и на тротуарах около церкви.

— Ну, как дела, — спросил я приятеля-казака, — тяжело ли отозвались на вас кризис и безработица?

— Да как сказать, некоторые пострадали от сокращения работ на фабриках и заводах. Известно, иностранцев в первую голову увольняют, а потом уже берутся за своих. Такое наше положение.

Однако за несколько лет, как живем тут, завязались между нами тесные сношения. Знаем, кто, где и как устроен. Чуть стряслась беда, сейчас напишешь одному-другому станични-

ку-приятелю: нельзя ли, мол, перебиться около тебя, может, работишка какая попадется. Ну, глядишь, и выручают.

Да к тому же казаков всюду берут охотно — к работе мы привычные, смышленый народ, а по сравнению с французами куда исправнее в работе. Ну, и дорожат нами. Чуть нехватка какая, сейчас из Парижа подаешься на сельскохозяйственные работы. А на фермах наших много устроилось — кто хозяином, кто арендатором или метайером. Но большая часть служит и работает по фабрикам и заводам, на рудниках. Труд хоть тяжелее, зато заработки лучше, и прожить можно да и копеечку отложить про черный день тоже можно.

Вот теперь, пишут, опять стали набирать рабочих, где зимой многих рассчитали, или увеличивают число рабочих дней, сокращенных во время кризиса.

...Из расспросов знающих людей пришлось узнать, что во Франции кризис был больше психологический — испугались, как бы и местную промышленность не захватила война мирового кризиса. Поэтому ввоз иностранных рабочих во Францию даже на сельскохозяйственные работы совершенно прекращен. Теперь даже по контрактам невозможно получить визу во Францию.

Разговорились с приятелем на общественные темы. Оказывается, казаки в Париже продолжают интересоваться недавним прошлым, событиями времен революции, гражданской войны, стараются разобраться в них.

В Казачьем клубе происходят доклады, вызывающие оживленные прения. Энергичную работу по устройству докладов и лекций ведет в провинции проф. А. П. Марков. Часто выступает проф. Сватиков С. Г.

Пропаганда самостийников всколыхнула казачью мысль, заставила над многим задуматься. Мой собеседник отрицательно относится к этому направлению.

— Что ж, мы читаем их журнал, а только думаем, что нечего путного из ихнего дела не получится. Несерьезные люди ведут это дело. Конечно, горячие головы верят в самостийников да мало ли чему мы верили за эти 11 лет, что живем за границей. Верили в весенние походы армии, многие из нас поверили в свое время в американские корабли генерала Краснова, которые подвезут нас к нашим станицам и над каждым станичным правлением водрузят американский флаг. Верили в национального вождя великого князя Николая Николаевича, собирали ему в казну, платили и франки, и динары, и левы, и кроны. Эти деньги, говорили нам, пойдут на покупку билетов нам на Родину. А теперь вот и вождя нет, и о билетах ничего не слышно. Теперь вот модные самостийники появились, ну, люди, падкие на моду, в них и уверовали... Ни к чему это. Пошумят, пока деньги дают, да и замолчат.

...В отзывах казаков об атамане ген. А. П. Богаевском сквозило глубокое разочарование.

— Ничего от него не ждем. Знаем, что он есть, а что он делает — никому из нас не известно. Атаман — вроде иконы. Кто молится на нее, а кто держит больше по традиции и по месяцам на нее не взглянет...»

Из Харбина:

«23 апреля (9 мая) войсковые праздники Оренбургского, Семиреченского и Иркутского казачьих Войск.

Оренбуржцев, как более сильного Войска, и отступало на Дальний Восток больше, чем других. Больше их осело и в Харбине.

Семиреков в мирное время всего полк (да и то четырехсотенный), их немного оказалось и за границей. Больше рядом с Войском — в Западном Китае, в Синьцзянской провинции, в районе Кульджи и Чугучака, и лишь небольшая группа оказалась в Шанхае, а в Харбине и того меньше.

Иркутяне стали Войском во время правления адмирала Колчака, а до того были только отдельные станицы да строевая отдельная сотня (дивизион). Но по происхождению они прямые потомки первых землепроходцев, первых насельников Сибири по большому тракту от Москвы через Урал до Тихого океана. Городовые казаки, сохранившие свое казачье имя в течение нескольких столетий, они при первой к тому возможности организовали свое Войско.

В то же время сорганизовалось и Войско Енисейское, чей праздник праздновался 9 (22) мая. Иркутян в Харбине тоже небольшая семья, но все же их больше, чем семиреков. Может быть, немного больше их, иркутян, и в Шанхае.

У оренбуржцев большие станицы и в Шанхае, и в Тяньцзине, а в Харбине даже две. В день праздника служили молебен в трех храмах — в Николаевском соборе, Благовещенской и Алексеевской церквях. В соборе служил архиепископ Мелентий, пел хор оренбуржев.

Из собора — на чашку чая. Тосты немногословные, но яркие, сильные своим содержанием, духом, тоской, печалью, но и твердой верой, призывом. Почтение памяти почивших... Россия, казачество, Войско... Приветы от гостей. Ответы им. Приветствия, присланные почтой...

Станичники перешли к песне. Среди собравшихся много участников хора, организующегося для выступления с казачьей песней, а потому песни вышли особо стройными. И поднесенная одним из станичников-оренбуржев своему станичному атаману ген. Кручинину нагайка стала переходить из рук в руки запевалам песен родных Войск — Донского гимна, «На краю Руси обширной» (уральцы), «Атаманушка» (оренбуржцы), ермаковская «Ревела буря» (сибиряки), «Слава вам, бра-

тья, герои Амура» (амурцы) и др. Гармоника — и в другом зале пляска казачья.

Так скромно и дружно выявляется казачья дума о прошлом, жизнь и быт в настоящем и мечты о будущем...

«Казачий писарь»

«...Общекалмыцкая станица в Париже теперь имеет свою икону — святой образ Будды, присланный из Индии в дар от академика Н. К. Рериха, инициатора создания Международной лиги защиты исторических и духовных ценностей.

Торжественная передача станице святыни состоялась в воскресенье 6 сентября, в зале музея имени Н. К. Рериха в Париже.

Вслед за этим состоялась дружеская беседа, причем за чашкой чая ген. Д. Н. Потоцкий подробно разъяснил станичникам значение исторической и духовной иконы святого образа Будды. Затем объяснения давал секретарь музея д-р Григорий Шклявер, который любезно предоставил нашей станице помещение музея для устройства в нужных случаях в любое время собраний для исполнения религиозных обрядов, чтения лекций и т. д.

В тот же день, там же все собравшиеся подписали благодарственное постановление Н. К. Рериху и сфотографировались, чтобы послать ему на память карточку.

Бакша Д. Нимбушов как старейший представитель калмыцкого буддийского духовенства во Франции благодарил ген. Потоцкого и г. Шклявера.

Станичный атаман Б. Шарапов»

Из Чехословакии:

«...Станица наша организовалась 2 февраля 1930 года. Правление имеет свое местопребывание в главном городе Подкарпатской Руси — в Ужгороде.

Членами-учредителями являются 25 станичников. За истекшие полтора года число станичников удвоилось — теперь их ровно 50. По Войскам делятся следующим образом: 31 донец, 11 кубанцев, 5 терцев, 1 уралец, 1 забайкалец и 1 енисеец.

Живут станичники разбросанно по всей Подкарпатской Руси в Восточной Словакии, занимаясь ремеслом (сапожники), торговлей или службой в казенных учреждениях или частных предприятиях. Повседневные заботы отнимают почти все время, и обычно взаимная связь очень слаба. Однако по письмам и разговорам станичников можно судить, что каждый теперь, состоя в организации, чувствует себя спокойнее, увереннее: если, мол, что случится, так свои поддержат. И действительно, правлению пришлось уже несколько раз оказать поддержку отдельным казакам по устройству на службу или в форме пособия для безработных.

Время от времени происходят события, которые собирают станичников вместе и позволяют обмениваться мыслями. Самым крупным из таких событий был приезд в прошлом году Донского Казачьего хора под управлением С. А. Жарова. В какой бы глуши ни жил станичник, а ухитрялся-таки приехать послушать родную песню. Послушали, потешили свою душу и унесли с собой чувство сладкой боли-тоски по Родине.

Потом, уже в течение настоящего года, собирались два раза на станичный сбор, где было переизбрано правление и решены важнейшие вопросы текущей жизни, и один раз на похороны казака Бондаренко, умершего в ужгородской городской больнице. Во всех этих случаях станичниками проявлено было полное единодушие и безыскусственное чувство взаимной приязни, доверия и готовности к жертвам.

Живя чужой жизнью, казаки со жгучей мучительной тоской ждут: когда же они понадобятся для своего русского дела — освобождения Родины. Поскорее бы привел Господь, пока еще есть силы. Известно, что казак не годится для сидения в окопах — от бездействия ржавеют не только шашки, но и души казачьи.

Чтобы сохранить казачью душу годной для Родины, необходима взаимная казачья связь, «казачья перекличка». Этому служат в первую очередь — казачья песня, джигитовка, лезгинка или казачок, а затем казачий журнал, который поможет узнать или вспомнить как прошлое, так и настоящее казачества. Поэтому наше правление считает своим долгом оказывать содействие как казачьим хорам и труппам, разъезжающим с песней, джигитовкой или танцами по белому свету, так и поддерживать два существующих казачьих журнала и участвовать в них помещением корреспонденций о своей жизни и настроениях...

Всем казакам, сколько их ни есть на белом свете, если они одинаково с нами ждут возможности принять участие в деле освобождения Родины, шлем свой братский казачий привет и просим держать общую связь.

Станичный атаман П. Петров.
Станичный писарь Н. Колоколов»

Из Франции:

«Оповещаем всех братьев-казаков православных, живущих во Франции, что при Братстве преподобного Сергия Радонежского в Париже с августа месяца начинает свое служение походная Церковь-автомобиль.

Церковь предназначается для обслуживания групп русских людей по всем городам и местам Франции, где нет своей церкви. Приезд Церкви-автомобиля не обуславливается никакими непременными расходами со стороны вызывающих. Просим только нас вызывать, и при малейшей своей возможности

мы были бы рады посетить всех русских людей во Франции безвозмездно, живя добровольными пожертвованиями.

При Церкви имеется своя метрическая книга крещальных, венчальных и погребальных записей, склад религиозной литературы по самообразованию христианскому и иконки.

Все земледельческие, фабричные и больничные группы русских, желающих принять нас и помолиться с нами, просим по возможности сейчас же откликнуться — заявить о своем желании принять Церковь. Это заявление ничем не обязывает заявляющих, но необходима нам для учета нужд и определения рейсов автомобиля.

Приезд походной Церкви может всегда сопровождаться лекцией-беседой и показыванием световых картин на библейскую тему.

Заявления, с точным указанием адреса, просим направлять на Сергиевское Подворье:

Братству преп. Сергия, 93, rue de Crimee, Paris (19e), куда также направляются и все пожертвования на эту Церковь и на миссионерское дело Братства.

Староста Братства иеромонах Мефодий.
Священник при церкви иеромонах Иоанн»

Из Харбина:

«Климат Дальнего Востока суров, доходящий до 50 градусов ниже нуля. Так же сурова и окружающая природа. Но и здесь жизнь так же бьет ключом, как и везде, только эту жизнь мало освещают, а потому ее мало знают, а то и совсем не знают обитатели прекрасной Европы и счастливцы Америки.

На Д. Востоке казачья эмиграция велика. Сюда отступило войско Оренбургское, Амурское и Уссурийское под предводительством своих атаманов. Но, в силу многих обстоятельств, эти казаки остались сиротами в одиночестве, без своих атаманов и правительств.

Часть атаманов, как атаман Дутов, были убиты предательскою рукою, а часть, прихватив войсковые суммы, смотались восвояси, оставив на произвол судьбы казачьи массы, и живут в свое удовольствие, транжиря средства, занимаясь разводами и женитьбой, посещая изысканные курорты Дайрена. Есть и такие, которые продают уведенные из Владивостока пароходы... Есть и такие, которые переметнулись к красным, предав казаков.

Правительства этих Войск также не существуют. Те, кто из них прихватили войсковые суммы, живут в свое удовольствие, чуждаясь казачьей массы, а тех, кто пытался обращаться за помощью или советом, выталкивают в шею. Те же, кто оказались без войсковых сумм, живут и голодают.

Так казачья масса была предоставлена сама себе, бродя в

одиночку, что и использовали в своих интересах разные авантюристы. Всем известная авантюра Меркулова на Д. Востоке обошлась дорого казакам. Такие типы, как ген. Шильников, запродали казачью эмиграцию китайскому генералу Чжан-Чжу-чану по пяти долларов за голову и погнали казачью массу на убой...

Поля Китая усеяны могилами, не одна тысяча сложила там свои буйные казачьи головы, а за что и во имя чего? Часть казаков разочаровалась в «вождях» и ушла к красным, а часть крепится в изгнании и уже не верит «вождям», а ждет своего возвращения самостоятельно, живет инстинктом. Печатного слова казачьего здесь нет.

Все же не все и не всегда уж так мрачно здесь. Прилагаемые фотоснимки свидетельствуют о том, что брошенные на произвол судьбы казаки не погибают, а проявляют инициативу, добывая хлеб насущный, и в то же время проявляют чудеса храбрости и мужества.

Достаточно познакомиться с охотой на властелина лесов и хребтов суровой Маньчжурии — тигра, чтобы осознать тот риск, которому подвергаются эти смельчаки-охотники. Мало найти в непроходимых дебрях и убить великана-тигра, но нужно поймать живьем и посадить его в клетку. Посадить для того, чтобы прелестная Европа и счастливая Америка приходили в восторг, рассматривая их в зверинцах.

Кто же эти смельчаки-охотники?

Да те же казаки, ныне уссурийцы, амурцы, забайкальцы и сибиряки, — все они потомки атамана Ермака Тимофеевича и выходцы-переселенцы из Дона, Кубани, Терека и Украины. Вот уссурийцы: Ф.П. Соломахин, Журавель и Макаров. Ф. Соломахин — переселенец из Кубани, станицы Сторожевой.

В 1929 году эти смельчаки поймали живьем и посадили в клетку тигра, которого и продали конторе Кунст и Альберо (немцам) за 1200 иен. А контора перепродала этого тигра в один из зверинцев за 5000 иен, заработав 400% не трудясь и не рискуя жизнью.

В 1930 г. они поймали живьем и посадили в клетку двух тигров, которые сейчас доставлены в Харбин и продаются. Но спекулянты уже дают только 1000 иен за двух, желая заработать 1000%...

П. Ковган»

Из Болгарии:

«...В городе Горно-Ореховице есть чешская сахарная фабрика, славящаяся по размеру выработки и качеству сахара на всю Болгарию. Маленькая Болгария одних сахарных заводов имеет 6, между которыми чешская занимает первое место.

В 1922 году, весною, прибыли мы — четыре хуторца — после 6 месяцев работы в шахтах в Горно-Ореховце, чтобы

поступить на эту фабрику. Здесь работали уже сотни казаков, между которыми был и наш командир бригады генерал Клочков, который и стал за нас хлопотать вместе с нашими станичниками.

Дело оказалось нелегкое, и целый месяц мы просидели, ожидая приема «завтра». Потом махнули на завод рукой и пошли в город Лесковац, что в полутора километрах от Горно-Ореховица. Скоро после нашего прихода сюда — пишут нам (наш бригадный и станичники), чтобы мы непременно пришли и что можно устроиться, но нам уже жаль было бросать места, которыми обеспечились на все лето. Работать приходилось всякую работу.

С осени стал я торговать, и через год, как торговец, женился я на чернобровой болгарке. Вскорости капитал мой кончился, потому торговля пришла в низость, и мы с супружницей поехали на текстильную фабрику. Через 8 месяцев я с семейством вернулся в Лесковац и поступил на сахарную фабрику в Горно-Ореховице. Оказалось, что к этому времени и десятой доли казаков там не осталось. Как птицы перелетные, разбрелись они кто по Болгарии в поисках лучшего места, а кто и из Болгарии выехал во Францию и Россию. Те, кто поехал в Россию, сперва писали, что живут дома, но потом родные их сообщили нам, что все возвращенцы сидят по тюрьмам.

Вот сидим мы здесь и видим, как счастливо и хорошо живут болгары и особенно чехи. Был их праздник — день освобождения. Все радостно поздравляли друг друга, вывесили свои национальные флаги, гуляли, пили за свою свободную республику, за своего президента Масарика, и видно, что у всех на душе радость и праздник. Вот и думается невольно, почему мы — казаки — не можем свободно жить? Почему мы не можем себе так же понастроить фабрики и заводы, ведь всего у нас для этого достаточно. А что касается России, то она нам не только ничего не строит, а даже последние амбары забирает.

А потому дай Бог успеха родному «Вольному Казачеству», чтобы оно дало нам счастье вернуться в Казакию и увидеть там наш национальный сине-малиново-желтый флаг. Чтобы в день освобождения, как чехи, мы радостно праздновали и пели наши древние песни:

Как на вольных-то степях,
Степях-то, равнинушках
Жили-были там, проживали люди вольные,
Все донские, гребенские казаки, яицкие
Собирались они, съезжались во единый круг,
И думали-то они думушку единую

С. Пискунов»

Из Польши:

«5 мая 1931 г. в городской больнице гор. Августова скончалась Матрена Быкова-Копняева, казачка Уральского войс-

ка, и похоронена за счет кружка. На похороны был выписан священник из гор. Сувалок. Покойная Быкова-Копняева проживала в деревне в 40 в. от гор. Августова. Болела она около двух лет и добывала кусок хлеба очень тяжело. На 32-м году своей жизни закончила свой эмигрантский путь. В тяжелых условиях она умерла — ни родных, ни знакомых.

Кружок узнал, что в госпитале лежит казачка больная, то ей было уже легче и веселей, ибо о ней позаботился кружок.

Все это хорошо, дорогие братья, так и должно быть, чтобы помогать друг другу, а потому я обращаюсь к казакам, проживающим в окрестностях гор. Августова, записаться в кружок и помогать по силе возможности в месяц по 1 зл. или 50 гр. Этим мы можем обеспечить свой несчастный случай и взаимно помогать друг другу. Дорогие братья, таких случаев было уже много, что умирали наши братья голодными и холодными.

Не так много лет прошло, как похоронен был Федор Иванович Клочков. Я до сего времени не могу забыть этого. Многие обвиняют меня, будто я бросил его и уехал в Варшаву. Тут много напрасных и несправедливых разговоров. Ведь никто не может знать, когда наступит смерть больного. Случилось так, что я должен был выехать по делам в Варшаву, а тем временем умер Ф. И. Клочков, и на его похоронах никто не присутствовал. Но, вероятно, мало кому известно, что в течение целого года, когда он лежал в больнице, я день и ночь бил пороги госпиталя, в то время как никто другой не заходил к нему, даже проходя мимо госпиталя. Говорят, что никто не знал. Да разве я один должен был знать об этом? Мы все братья и все должны были заботиться, а не обвинять других.

Дорогие братья, вот почему я и обращаюсь к вам с просьбой записываться в кружок и вносить хотя бы по паре грошей, чтобы и еще кого из нас не постигла участь Ф. И. Кружок существует уже больше года и имеет 45 чел. членов. За это время пришлось хоронить уже несколько человек и неоднократно оказывать помощь больным. Покойная Быкова не была членом кружка, а коснулось дело — и к ней он отнесся, как к родной сестре. В Страстную субботу она имела в госпитале священника, который был выписан кружком из Вильны, поисповедовалась и причастилась, а на первый день Пасхи ей от кружка принесли передачу — пасху, яйца, молоко, апельсины и конфеты, всего на пять злотых. И мы рады, что могли доставить радость нашей больной и одинокой сестре-казачке. Любовь друг к другу пусть будет основою всех наших дел и идей.

Желающие записаться в кружок пусть обращаются по адресу: Августов, Рынок, 23, А. К и р ь я н о в».

ГОД 1932-й.
КАЗАЧЬИ ОСТРОВА

«На самой северной точке Югославии, в городе Суботице (Бачке), на венгерской границе, как и всюду и везде, живет мало кому известный хутор казаков. Вот про него-то в своих рождественских номерах от 25, 26 и 27 декабря поместил обширную статью «Югославянский дневник», издающийся в этом городе, под заглавием «Один малый казачий остров в Суботице» (...) Iososokcic, патриот Югославии и искренний друг казаков, написал про них следующее (приводим некоторые выдержки):

«...Сейчас казаки между нами. Пришли они из далеких краев. Отделяет их от родной земли свыше 1000 миль. Пришли они сюда не как беглецы из своих земель, а как организованно сплоченное сильное войско, под командою своих старшин. Казаки здесь, на чужбине, разбросаны во все стороны, но свято соблюдают свои старые традиции.

В Суботице находится 70 казаков — кубанских, донских и терских. Все они без исключения почетные граждане и трудолюбивые работники. Есть между ними и старые, но есть и молодые, представители нового поколения. Все почти побывали в боях и имеют достойные заслуги. Казаки, живя в Югославии, живя в Канаде, всюду верят в воскресение Отечества...

26 человек входит в хутор с атаманом, кубанским казаком Владимиром Беднягиным во главе, другие же организованы в станице. Казаки в большинстве женатые люди и живут патриархальной жизнью, по обычаю здешних сербов и буневцев. Некоторые имеют свое имущество, другие, большинство бедные — работники, поденщики тяжелых работ.

Следует особенно отметить симпатичное отношение к казакам администрации фабрики «Зорка», где все ищущие работы казаки получают работу. Они вот уже годами работают на этой фабрике. Там все они равны с другими иностранцами и рабочими югославянами. Плата их такая, как и других. Получают бесплатные квартиры, отопление, освещение... При фабрике живут только холостые, женатые же — по наемным особым квартирам.

Сейчас казаки собираются на достойное празднование Рождества Христова, как и подобает христианам. Под сенью Рождественских праздников они еще больше тоскуют по Отечеству. Там, далеко на востоке, на Кавказе, Урале, возле Волги и Днепра, или еще дальше, в теплых и холодных краях, живет такой же народ...

Кой-когда какой казак спросит атамана: когда же снимем шляпу, а оденем папахи и пойдем бить большевиков? На что атаман ему ответит: еще не пришла пора!

В казачьем хуторе и станице каждые две недели собирается сход-сбор, где атаманы их оповещают о текущих делах. Среди суботицких казаков слышны разговоры больше на военную тему.

Казаки, с другой стороны, особенно темпераментный и веселый народ. Нет воскресенья, когда они не соберутся в круг казачий и не организуют забаву. Тогда царит веселье, в котором забывается каждодневная тоска. Споют они здесь «Ты Кубань, ты наша Родина», после этого священного гимна переходят на сентиментальные песни «Зажурились черноморці», «Полно вам, казаченьки, горе горевать» и т. д. Настроение переходит в более веселое, и кончается все веселым казачьим танцем, который знаком всему свету».

Так закончил свою статью приятель казаков Ioso Sokcic.

...Выразим «Южнославянскому Дневнику» и автору статьи Ioso Sokcic наше казачье спасибо.

Георгий Алферов»

ГОД 1933-й.

«...КАКОГО ПРЕУСПЕВАНИЯ МОГУТ ДОСТИГНУТЬ РУССКИЕ!..»

«На территории Маньчжурии имеется совершенно особый русский «уезд», особая область, именуемая Трехречьем.

Этот небольшой, но благодатный край почти целиком заселен забайкальскими казаками, ушедшими за рубеж во время отступления армии атамана Семенова.

Всего казаков вместе с детьми и женщинами насчитывается в Трехречье около шести тысяч человек. И живут они, в общем, сравнительно неплохо.

Сохранился прежний казачий уклад. Хутора управляются выборными атаманами. Имеется своя кооперация, своя торговля, позволяющая реализовывать итоги богатейших урожаев.

В 1929 году, в тяжелые времена советско-китайского конфликта, над Трехречьем нависла кровавая туча. Красные банды стали делать набеги. Было вырезано все население нескольких хуторов...

Сейчас положение в Трехречье резко улучшилось.

Область имеет свою полицейскую охрану, состоящую из самих же казаков. Охранники составляют конные отряды, которые надлежаще вооружены и получают прекрасное жалованье. Недавно власти разрешили ввести в области самоуправление, напоминающее то, которое имелось у казаков в Забайкалье...

В настоящее время трехреченцы забыли про набеги хунхузских шаек, взятки и произвол властей. Сейчас взаимоотношения выборных казачьих органов с губернатором и его япон-

ским советником не оставляют желать лучшего. На примере Трехречья, видимо, желают показать, какого преуспевания могут достигнуть русские земледельческие колонии Маньчжурии.

Дао-Ин»

Собрал и сложил в книгу ВЛАДИМИР СИДОРОВ.

П. Н. Донсков

ДОН, КУБАНЬ И ТЕРЕК ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Во славу тех, кто пронес казачью доблесть через кровавые застенки ЧЕКА, колючую проволоку советских и немецких концлагерей, кто встал под знамя второго Казачьего Сполоха и на полях сражений, и в восхождении на Голгофу Лиенца сохранил непреклонную волю к борьбе за казачью вольность.

В память павших собратьев во второй мировой войне и первому от них походному атаману казачьих войск Сергею Васильевичу Павлову — мой труд я посвящаю.

П. Н. ДОНСКОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ О ВТОРОЙ ВОЙНЕ КАЗАЧЕСТВА С БОЛЬШЕВИКАМИ (1941—1945 гг.)[1]

Извечною красотою доблести и славы сияет казачья история на полотне веков, и силой слов не воссоздать ее бессмертный облик. Лишь чувство, сыновнее чувство может проникнуть в седую даль веков своего прошлого и твердо идти по славным путям отцов своих в будущее.

Говоря о недавнем прошлом казачества, я даю отдельные штрихи величественной картины борьбы казачества с большевизмом, которая в свое время будет дана во всей ее полноте на фоне мировой трагедии наших дней.

Еще не время оглашать множество славных казачьих имен, создавших героическую эпопею Второй войны казачества с большевиками.

Сорок лет назад, в первые дни большевистской революции (1917 г.), пожар которой теперь виден на мировом небосклоне, из многопартийного комплекса и всего многоликого конгломерата российских народов, только казачья идея крестила силу своей всечеловеческой правды с чудовищной ложью большевизма.

Бессмертный выстрел Донского атамана Каледина возвестил о грядущей опасности казачеству, России и всему миру. С тех пор на протяжении сорока лет казачество ведет последовательную и непримиримую борьбу с большевизмом.

ПЕРВАЯ ВОЙНА КАЗАЧЕСТВА С БОЛЬШЕВИЗМОМ (1917—1920 гг.) великой кровью закрепила извечные национальные идеалы казачества, выраженные в «Основных Законах Всевеликого войска Донского — Донской Конституции».

Обескровленное в трехлетней борьбе с большевистским

---

[1] Книга П Н Донскова была опубликована в издательстве имени походного атамана Павлова Нью-Йорк, 1960 г

колоссом, казачество легло костьми на бесчисленных полях сражений.

Раздавленное, но не побежденное, оно ушло с родной земли, во главе со своими правительствами, войсковыми кругами, радами, армиями и частью своего народа и понесло казачью правду по всему миру.

Грянули залпы вражеских батарей, рванулись победные снаряды во след отплывающим за море кораблям и отозвались погребальным звоном в душе плененного казачества. Горечь обиды легла на сердце тех, кто готов был до последнего вздоха продолжать борьбу, но оставленный на произвол судьбы, стиснутый Кавказскими горами, морем и Красной Армией, без боевых припасов, продовольствия и высшего командного состава, — принужден был сложить оружие во имя предотвращения бесполезных, теперь уже ничем не оправданных жертв.

Эту горькую чашу Трагедии казачества на берегу Черного моря испил и автор этой книги.

Отшумел Тихий Дон, призадумался, затуманился. Не играет струей искрометной помутневшая мертвая гладь.

Позатихла недавно гремевшая битвами степь, смолк надолго казачьих коней сокрушительный бег, не несет ветерок песни давней удалый разгул. Не сидит на кургане орелик степной.

Налетело на Дон с чуждых стран воронье, набежали двуногие лютые звери и терзают живое народное тело.

Скорбно плачет старушка-казачка над долей сыновней, молодая — глядит безнадежно в суровую даль. Воцарилася в сердце казачьем тоска, сжало разум тупое раздумье, перед взором стоит беспросветное горе, горе побежденного.

Опустились могучие руки в бесцельном труде, и душой завладела злодейка тревога.

Насмеялась судьбина жестоко над вольной волей казачьей, отдала непокорное воинство в красный полон.

В новом мире лжи и всечеловеческого обмана началось восхождение казачества на Голгофу нечеловеческих испытаний.

Сиротливо глядит столица Всевеликого войска Донского гор. Новочеркасск.

Замер в молитвенном молчании Войсковой кафедральный собор. Безмолвна казачья святыня, не гудет могучий колокол, не зовет стать в единый казачий круг думать думу вольную единую, нет, не шлет он призывный набат в приумолкшую степь, не скликает, как прежде, степных он орлов на казачий сполох.

Крепко скованы двери все Божьего Храма, негде мятущей-

ся душе найти успокоение, не изливается благость Всевышнего словами: «Придите ко мне все страждущие и обремененные и аз упокою вы».

Кажется, великое и славное историческое прошлое казачества навсегда растоптано и поругано безбожным воинством красных завоевателей.

И только каменное изваяние воина-богатыря, простирающего в своей могучей длани царскую корону, все так же величаво и непокорно смотрит в далекую, неведомую даль.

Теперь он, одинокий, заклятый врагами, кажется еще выше, еще могучей и непреклонней перед жестоким роком родного края. Короткая, но многоговорящая надпись на его пьедестале: «Казаки — Ермаку» — теперь приобретает символ вечного единства казачества, когда над Доном грозы гремят боевые, когда смерть стала краше и легче, чем злая неволя и плен.

В чертах и облике суровом Ермака жива казачья дума вольная, во взоре ясном — клич: «На славу и на смерть зовущий». Страшно подойти к нему и полюбоваться его величием тому, кто разделяет с ним горечь пленения родной земли, страшно глядеть на него и врагу, победителю, которому он невольно напоминает о величии духа побежденного народа и о превратности бранной удачи победителей.

«Свалить его, растоптать и развеять в пыль так же, как уничтожили всякую историческую рухлядь прошлого России, только мы, большевики, создаем историю, мы строим наш новый мир, и до прошлого нам нет никакого дела» — так думали новые властители на земле донской, и соответственно этому поступали.

Памятник атаману Платову — всадник, мчавшийся на коне с обнаженным клинком, — снят и брошен в кладовые музея. И там, где стоял вихрь-атаман, о котором французский ген. Коленкур сказал, что это он уничтожил большую часть кавалерии Наполеона, это он атаман тех, о ком сказал непобедимый Наполеон: «Дайте мне только одних казаков, и я завоюю весь мир», — теперь поставлена жалкая фигура сифилитического дегенерата Ленина.

Памятник покорителю Кавказа ген. Бакланову — четырехугольный черный обелиск, покрытый буркой и папахой, — уничтожен, и место сравнялось с землей.

Молчаливый психологический поединок между советской властью и символом исторического прошлого казачества — памятником Ермаку продолжался недолго.

В один ненастный осенний день 1921 г. красноармейский отряд заполнил площадь перед собором, где стоит монумент Ермака, созданный знаменитым скульптором Антокольским.

Возле памятника стояла группа военных и гражданских

командиров-коммунистов, руководивших экзекуцией над величественным символом былой казачьей славы.

— Вяжи!

Канат обвился вокруг могучей голени донского богатыря. Двое красноармейцев взобрались на гранитный пьедестал и торопливо обматывали бронзовую талию безмолвного великана. Казалось символичным сопоставление величия исторического прошлого, застывшего навсегда в художественном творении из камня и бронзы, и двух копошившихся живых пигмеев, выполняющих волю тлетворного дыхания безвременья. Зрелище привлекало своей необычностью всех проходивших. Толпа народа все больше и больше сжимала красноармейцев, движимая единым чувством, присущим всякому, не потерявшему нормальный человеческий облик: «Как это назвать?» Варварство, вандализм или еще хуже. Кто они, превращающие в бесформенную груду одно из лучших творений человеческого гения, вдохнувшего в мертвую материю целую историческую эпоху, освященную последовавшими столетиями и утвержденную критерием исторической науки?

Чем вызвал ненависть великий завоеватель Сибирского царства у большевистской революции, да и какое отношение имеет казачья историческая быль к абсурдной доктрине большевизма — строить на развалинах прошлого новый мир?

— Тяни! — раздалась чья-то команда. Длинный ряд красноармейцев нахилился назад, ноги крепко уперлись в камни мостовой, сотни рук напряглись в единое усилие. Тысячи глаз впились в неподвижную статую, стараясь уловить первое колебание, равносильное смерти и разрушению одухотворенной материи памятника. Канат раскрутился, натянулся, как струна. Ермак не дрогнул. Казалось, только вид его стал еще более суровым и величественным, как на картине знаменитого художника, казака Сурикова, изображающей решающую битву Ермака с полчищами татарского хана Кучума, где, как и теперь в живой картине, представлено столкновение двух грандиозных сил, двух миров, двух стихий.

— Раскачивай!

Волной заколебалась линия красноармейцев, и в ритм колебаниям опускался и напрягался канат.

— Качай! — раздраженно, как ударом бича, била по нервам команда экзекуторов.

Удары человеческой волны становились все выше и интенсивнее. Толпа заколебалась от напряжения чувств, и все это людское море, казалось, разбивается о гранитный утес памятника. Нервы всех напрягались, как канат, руки красноармейцев деревенели, ноги подгибались, а мрачная фигура бронзового воина упирается все сильнее и сильнее.

— Отставить!

Волна качнулась еще раз и застыла.

— Послать за тракторами! — командовал старший из штатских.

Мрачное осеннее небо становилось темнее от набегавших со взморья дождевых туч, ветер рвал и метал последние листья оголенных тополей и, подымаясь к золотым куполам собора, только там смирял свой справедливый гнев на несуразность человеческих отношений к своему прошлому.

Тягостно было на душе людей, невольно ставших свидетелями одного из каннибальских актов над историческими памятниками прошлого казачества.

Люди стоически приняли свое обречение, от настоящего им нечего было ожидать ничего доброго, такова извечная судьба побежденных, но, глядя на происходящее, они как-то невольно связывали свое будущее с вопросом: устоит ли дорогой их сердцу бронзовый богатырь-казак или им суждено видеть мертвые осколки, из которых не возродить его былой облик, а значит, никогда не быть казачьей воле на своей, потоптанной врагами земле.

— Тракторы! Тракторы!

Злобно скрежеща гусеницами, как будто негодуя за применение их силы не по назначению, два огромных трактора иноземной марки, раздвигая толпу, приближались к памятнику.

Рядом с канатом стан Ермака обвила железная цепь. Рванулись железные чудовища, еще свирепей заскрежетали железные полотнища гусениц, а Ермак как стоял, так и стоит поныне.

Но каждый раз бесконечная цепь тракторных гусениц напоминает о бесконечной цепи мировых явлений, где каждое ошибочно вставленное звено, где каждая ошибка «великих мира сего» чревата неисчислимыми бедствиями для всего человечества.

Невольно вспоминается автору этих строк — партизану «семилетовцу», как ожидали партизанские отряды донской учащейся молодежи отрядов г. Семилетова, Чернецова, Дудакова, когда под их непобедимое георгиевское знамя станут танки союзников. Несколько десятков танков в сочетании с непревзойденной героикой казачества, и мир не знал бы тех ужасов, которые ему несет коммунизм.

Страшно сознавать свою неволю, но горечь ее смягчается сознанием величайшего подвига казачества, принявшего вызов не только равного ему по численности внутреннего врага — иногороднего населения, но и всей большевистской России, с ее 180-миллионным населением и всех интернациональных сил коммунизма. Когда-нибудь весь мир осознает грядущую для него опасность и, став на путь борьбы с коммунизмом, волей или неволей признает, историческое первоначало этой борьбы, созданное неисчислимой кровью, беспримерной жертвенностью и непревзойденным мужеством и доблестью казачества.

Бесславная попытка уничтожить великую историческую реликвию казачества — памятник Ермаку, стала обнадеживающим признаком в беспросветном бытии плененного казачества.

...Власть, эмблемой которой был серп и молот, шла с танками, пушками и штыками на беззащитное крестьянство, предпочитавшее смерть сталинской коллективизации.

В этом стихийном противлении мог в любое время появиться второй раз в истории предводитель крестьянского восстания Емеля Пугачев, и тогда крестьянская Россия могла бы свергнуть узурпаторов из коммунистического интернационала.

Струсивший ЦК для успокоения крестьянства опубликовывает за подписью Сталина лживую статью «Головокружение от успехов» и 15 марта 1930 г. объявляет о добровольном вступлении в колхозы.

С 1930 и по 1934 г. Лазарь Каганович, уполномоченный ЦК и Совнаркома, под лозунгом «до конца разгромить кулацкий саботаж», проводит одно из самых жесточайших мероприятий по уничтожению казачества на Дону и Кубани. Для окончательного подавления сопротивления коллективизации на Дону, Кубани, Украине и средней Волге был создан большевиками искусственный голод (1932—1933 гг.), степень которого определяется людоедством, голод, унесший 7 миллионов жертв.

13 мая 1935 г. ЦК принял решение создать Особую Комиссию безопасности Политбюро для руководства ликвидацией «врагов народа». В состав комиссии вошли: Сталин, Жданов, Ежов, Шкирятов, Маленков, Вышинский. Был составлен план ликвидации «врагов народа», в котором среди многих категорий населения, подлежащих уничтожению, были прямо относящиеся ко всему казачеству: участники белого движения и всех антисоветских восстаний, начиная с 1918 г., хотя бы они были ранее амнистированы советской властью. К категории «антисоветски настроенных лиц» могли отнести кого угодно, на основании простого доноса в НКВД. Каждой республике и области давалась процентная норма для истребления людей. Счастьем для многих обреченных была перегруженность аппарата НКВД, не справлявшегося с обработкой миллионов людей, предназначенных для ликвидации, что дало возможность бежать массам антибольшевиков из своих родных мест в отдаленные края, в шахты Донбасса, на Урал, в Среднюю Азию. Где только не лежат казачьи кости в фундаменте гигантских строек коммунизма.

Запустели станицы Дона, Кубани и Терека, но страшная психологическая война безоружного казачества с красной тиранией не прекращалась ни на один час и порою переходила в вооруженные схватки. Небольшие отряды казаков многие годы держат в постоянном страхе коммунистических власти-

телей. Появляются, уничтожают коммунистов и вновь исчезают — так действует казачье подполье, не листовками, не шушуканьем, а по-казачьему: клинком и пулей.

В донских «кучугурах», в кубанских «плавнях», в горах Кавказа гремят казачьи выстрелы, возвещают о непреклонной воле казачества.

Торжествуя победу и любуясь величием пролетарской революции, с пением «Интернационала», около стен Ростовской тюрьмы, в которой тогда был заключен ЧК и автор этой книги, идет первомайская демонстрация. Бесчисленные колонны демонстрантов под кровавыми стягами поют призывы к мировой революции.

Нема и беззвучна тюрьма. Давит она тяжестью своих стен на душу заключенных. Но нет в мире силы, которая бы укротила дух казачьей вольности. Неслыханной силой протеста из-за тюремных решеток вырывается могучая мелодия донского гимна «Всколыхнулся, взволновался»... Выстрелы часовых усиливают величие морального дерзновения обреченных. Страшен в схватке тот, кто бессмертием духа попирает смерть. Страшно казачество величием духа и дерзостью своего отчаяния.

С корнем вырывает из родной земли кубанские станицы кровавый диктатор и злобно бросает их в смертельный холод Заполярья. И так же, как на Дону, в последний миг расставанья с родной землей звучит гимн величия прошлого: «Кубань, ты наша Родина»... звучит и уходит в безвестную даль будущего с вечным призывом к всечеловеческой правде и свободе человека.

Много лет потрудилась советская власть над физическим истреблением казачества, много кровавых усилий потратило на уничтожение казачьего духа. Беспощадно истреблялось старшее поколение, в страшные тиски безбожного растления человеческой личности была зажата молодежь.

Край мой родимый, в бездонной кручине,
В скорби безмерной надолго ль застыл?
Иль никогда над тобою отныне
Сокол степной не расправит уж крыл?
Кровь твоя пролита, тело распято,
Кажется, дух твой к кресту пригвожден,
Кажется, нет тебе в жизни возврата,
Летопись вырвет листы твои, Дон

Много лет словно льдинами скованы воды плененного Дона, и когда разметает он снова их силою буйной — ведомо только лишь Богу единому. Темной теменью глядит будущее на его сынов.

Куда идти? Куда направить, к чему приложить силы своей молодости, переборовшие тяготы трехлетней боевой страды на полях битв с большевиками, силы, перенесшие

моральные и физические пытки многолетнего тюремного заключения и ужас ожидания насильственной смерти? Все пути, все дороги к жизни во благо Родины закрыты. Осталось только сыновье чувство к Родине, острота которого теперь особенно ощущалась, а ценность его неизмеримо умножалась, как единственного неотъемлемого достояния человека, всегда стоящего на пороге смерти. Любовь к Родине с юных дней приобщила автора этой книги к великому таинству жертвенности казачества, поднявшегося на борьбу за свою попранную большевизмом вольность. Он ощутил всю силу национального порыва, переходящего в стихию, и понимал проявление этой стихии как результат высшего напряжения духовных сил народа, созданных тысячелетиями. Он видел, как эта стихия не только разрушала огнем и мечом все, что стояло на ее пути, но и созидала то, что было выражено в ней чувствами всего народа. Он осознал, что вот так же и человек, уловив высшее напряжение, порыв всего комплекса своих духовных сил, может овладеть этим неповторяющимся движением своей души, воспользоваться, быть может, однажды дающейся Богом человеку творческой силой, и превратить этот порыв в способность создавать в звуке и слове живые картины человеческого бытия, в способность превращать божественную искру, тлеющую в человеческой душе, в священное пламя, испепеляющее зло, стоящее на пути к освобождению Родины. Он чувствовал, обострившимся чутьем обреченного, что единственной спасающей силой, способной сохранить волю к борьбе, является духовный фанатизм, воинствующий с безбожным материализмом, во имя божественной правды на земле. Но для духовной борьбы необходимо духовное оружие, и вот его-то и нужно выковать предельной силой своего душевного порыва. Выхода нет: или смерть телесная, или смерть духовная, ведущая в царство растления, или последний порыв всех душевных сил к пределу напряжения, переходящему в способность творить... Сила отчаяния или убивает, или творит чудеса. Надо жить, надо бороться с верой в победу и в час, судьбою уготованный, зажечь пламень на жертвеннике во имя отчизны.

Тихо запели души моей струны... музы незримые крылья коснулись руки... стройно в ряды стали строки, скрепленные рифмой... чувства и мысли слились в гармонической форме, и полилась моя песня печали, страданий и слез...

В твоих слезах мои есть слезы,
В твоих стенаниях — мой стон,
Мои утраченные грезы
С тобой, отец плененный Дон...

Крепнет в борьбе духа свободы с мраком насилия творческая мысль безвестного певца казачьей воли. Щедрой рукой

подает ему седая старина краски для начертания картин славных былей казачества...

Дроби волной насилья скалы,
Я твой первоначальный храм,
Твои заветные начала
Из дней былого воссоздам.
К твоей нетлеющей святыне
Потомков взоры прикую,
Духовных сил твоих твердыни
И укреплю, и воспою,
Твою немеркнущую славу
Я разолью в простор времен
И с нею вдаль пойду по праву,
Как верный сын твой, Тихий Дон

Трудно думать затаенную думу о воле человеку, загнанному в подполье, но неизмеримо труднее отображать в художественных творениях далекие перспективы, когда эта воля из мира мечты перейдет в реальную действительность и воплотится в величественное возрождение оплота человеческой свободы, называемое с незапамятных времен Тихим Доном.

Вот она, рукопись, испещренная неровным почерком четверостиший, ставших в стройные ряды, внутренне связанные незримой цепью единства чувств и мыслей, несущие на своих знаменах беспримерную героику прошлого в борьбе за вольность казачью.

Многие и многие тысячи строчек суммировались в кратких названиях произведений. Сколько тут прадедовской славы, шумевшей на весь мир, сколько бессмертной доблести в блеске казачьего клинка запечатлено чудесным даром поэтического слова! Но молчат эти строки, издалека бегущие к нашим дням, вперед к иным, свободным временам. Не звенит, как и песня казачья затихла, многозвучная рифма и размеренный такт не идет в ногу со временем, не гремит многозвучным раскатом, не зовет в бой с врагами народных эмоций застывший порыв. Сколько тут удали молодецкой, сколько тут горя материнского, детских и девичьих слез. И никому это горе безысходное, горе побежденного народа не понять и не изведать.

Свободный мир в погоне за материальным благополучием успокоил свою совесть животным побуждением: «своя рубашка ближе к телу» — и потому, умыв руки в распятии красным Иродом народов России, торгует с красным каннибалом.

Духовная культура, тысячелетиями созидаемая народами Запада, уступает натиску материалистической идеи коммунизма, прикрывая свое отступление цветами современной цивилизации, основанной на достижениях бездушной техники. Великие мужи свободного мира не хотят понять, что, разме-

нивая свои духовные ценности на дешевые продукты советского демпинга, они сами себе копают могилу и вольно или невольно способствуют утверждению коммунистического владычества во всем мире. Когда же наступит отрезвление мирового разума? Нет просвета впереди для порабощенного народа, темнее ночи в убежище гонимого.

Увидит ли свет свободы первое детище моего творчества, переживет ли меня, расскажет ли поколениям о тяжком безвременьи или так же молчать ему, как молчат бесчисленные могилы павших во имя беспредельной казачьей и общечеловеческой свободы?

Тяжек крестный путь казачества, но оно может, подавив неуемную боль многолетних страданий, с гордостью крикнуть на весь мир: казачество не сдало своих моральных высот ни на поле брани, ни в страшной по неравенству сил схватке казачьего духа с демоном зла и растлением божественных начал в человечестве.

Казачество сохранило свой духовный мир, казачество жило своими думами и чаяниями.

Великая вера в свою правду жила в сознании попранного казачества и в кровавых застенках большевизма, живет и в наше время в свободном мире и будет жить во все времена. Нет для казачьей думы пространства и времени, слетается она со всех концов всемирного рассеяния в единый круг и порождает единое казачье чувство беспредельной преданности своей многострадальной отчизне.

И понял большевизм, что не сломить ему всей силой своей марксистской философии казачью идею. Марксистская диалектика сделала ленинские «два шага назад» и стала применять методы заигрывания с национальным казачьим чувством.

Один из иностранных дипломатов, глядя на первомайский парад Красной Армии, спрашивает Сталина — «а где же лучшая кавалерия в мире, где казаки?»

— Будут, — уклончиво ответил «вождь народов».

В 1936 году казачество получает «высочайшую милость» кремлевских владык — право служить в Красной Армии и носить свою национальную форму.

Создаются грандиозные казачьи ансамбли песни и пляски, с целью привлечения казаков на сторону советской власти.

Казачья песня, подстроенная на новый лад, передается по радио по всему СССР и за границу.

Издается роман «Тихий Дон», демонстрируется опера по содержанию этого романа и кинофильм.

Издаются «Краткие записки к казачьей истории». Открываются казачьи музеи в Старочеркасске и Азове.

Но вся эта тактика приручения казачества для целей вооруженной борьбы за мировую коммунистическую революцию терпит позорный крах.

Казачество нутром понимает фальшь всех этих мероприятий, знает из горького опыта, что большевизм в нужный ему момент опять затопчет казачью быль в грязи своей кровавой лжи.

Когда-нибудь историк отвернет одну из забытых страниц начала мировой истории борьбы народов с большевизмом, где с неоспоримой логикой звучит один из лозунгов пролетарской революции, определяющий стратегию Ленина: «Германская машина и русский хлеб победят весь мир». Этот лозунг звал к интервенции через Польшу в экономически и политически дезорганизованную Германию, в результате капитуляции в первой мировой войне, где многочисленная коммунистическая партия была накануне захвата власти. Но ленинский план молниеносного захвата Европы был опрокинут восстанием казачества, превратившегося в трехлетнюю войну (1917—1920 гг.), подорвавшую революционный энтузиазм и материальные силы молодого большевистского государства.

Последовавший через три года прыжок коммунизма в Европу оказался бессильным. Буденновская кавалерия, в результате перехода дивизии, состоявшей из насильственно мобилизованных казаков, на сторону поляков — не выполнила своего назначения, разгрома польской армии.

Германия оказалась недосягаемой. Европа была спасена от завоевания большевиками.

Но пропагандная война СССР против «империалистов всех мастей» не прекратилась и даже приобрела особенно яростные формы по приходе к власти в Германии национал-социализма, 30 января 1933 г., во главе с Гитлером.

23 марта правительство Гитлера получило чрезвычайные полномочия и законодательные функции. После смерти Гинденбурга, 1 августа 1934 г., Гитлеру было присвоено пожизненное звание фюрера и рейхсканцлера, дававшие ему права верховного главнокомандующего вооруженными силами Германии.

Был создан Союз гитлеровской молодежи — полувоенная организация. Рабочие союзы объединились в немецкий трудовой фронт. Создано имперское продовольственное сословие, охватившее все население, занятое в сельском хозяйстве. Созданы вооруженные организации, национал-социалистической партии «СА» — вспомогательные полицейские органы по несению охранной службы в Германии и на оккупированных территориях.

«СС» — отряды, состоявшие из специально подобранных

по физическим качествам членов нацистской партии. Эсэсовцы носили черную форму, с изображением черепа на головном уборе и рукавах. Это была нацистская лейб-гвардия.

Впоследствии были созданы эсэсовские войска, для восстановления нарушенного порядка в армии. Внутри «СС» была специальная служба безопасности рейхсфюрера — «СД». Немедленно по приходе к власти Гитлера появилась тайная государственная полиция — гестапо.

Организовано министерство пропаганды во главе с Геббельсом.

11 марта 1915 г. Гитлер подписал приказ о восстановлении германской армии и о создании военно-воздушных сил. 16 марта этого же года опубликован закон о всеобщей воинской повинности.

Главный штаб германской армии планировал закончить комплектование армии в 36 дивизий в 1943 г.

Морской, воздушный флот и укрепления могли быть созданы только в 1945 г.

В течение десяти лет штаб требовал для Германии мира. Но для Гитлера этот срок был вечностью. Сосредоточив в своих руках высшую военную и политическую власть, он сменил верхушку вермахта (высшего командования), уволил 80 генералов, принадлежавших к наследственной элите, которой, как и буржуазии, не должно было быть места в реорганизованной Германии, согласно теории национал-социализма.

Ведущую роль в определении военной политики и стратегии стали играть ген. Кейтель, Редер, Геринг, Иодль, Рейхенау и др. Кейтель и Иодль были личным штабом Гитлера.

Гитлер не получил никакого военного образования — ефрейтор первой мировой войны, — но он с самой юности страстно изучал великих классиков военного искусства: Клаузевица, Мольтке, Шлиффена, проштудировал все знаменитые военные кампании, особенно походы Фридриха Великого. Он обладал интуицией — основным даром стратега и, став создателем новой германской армии, впервые построил все кампании: в Польше, на Балканах, и Франции — на применении танковых дивизий. Он составил план оккупации Норвегии, знаменитый план «Седана» — кампания во Франции, ему же принадлежит идея применения воздушных десантов в битве у Гента, у мостов на Маасе, Мордрайка, Дортрехта и Роттердама. Он же сам разрабатывал операции внезапного захвата канала Альберта и форта Эбен-Эмаэль в Бельгии.

Неумолимая требовательность, отрицание невозможного в сочетании с бешеным гневом и страшными угрозами позволили Гитлеру выжать из Германии гигантские усилия, подлинные военные, и организационные, и трудовые подвиги. Но впоследствии Гитлер утерял чувство меры возможного, был раздавлен великими событиями и мировыми силами, ко-

торые своими действиями вызвал и сплотил против себя. Неспособный примириться с неуспехом, так же, как и Наполеон, он совершил великие ошибки, приведшие Германию к катастрофе.

Марксистская диалектика, находясь в ловких руках политических жонглеров, способна творить всякие «чудеса» на мировых подмостках коммунизма.

Еще вчера советская печать и радио клеймили всеми проклятиями национал-социализм и его вождя-авантюриста Гитлера, проливали крокодиловые слезы по вождю германских коммунистов Тельману, уничтоженному Гитлером, а вот сегодня, 21.8.1939 г., та же самая печать и то же самое радио извещает о заключении пакта германо-советской дружбы. На следующий день после объявления пакта, Гитлер на совещании высшего командования заявил: «Через несколько недель я протяну руку Сталину на новой, общегерманской границе и мы совместно займемся перераспределением мира. Наша сила в быстроте и суровости. Чингисхан истреблял миллионы женщин и детей, однако история видит в нем только основателя великой империи. Что скажет обо мне расслабленная цивилизация — мне безразлично.»

Тайное соглашение Сталина и Гитлера предусматривало раздел Польши, пользуясь аналогией исторического факта, имевшего место 150 лет назад, когда Польша была разделена между Пруссией и Россией, что послужило их долголетней дружбе.

Прошли рыцарские времена, когда государства еще недавно объявляли войну. Два мировых хищника беззвучно схватили за горло свою жертву.

1 сентября 1939 г. немецкая и 17 сентября советская армия с двух противоположных сторон ринулись на Польшу.

Советские войска шли под лозунгом «подать руку помощи братьям украинцам». В это время народ создал поговорку, явно отражающую истинное намерение своих насильственных правителей: «Мы протянем руку помощи западным собратьям, а ноги они сами вытянут».

В первый же день вторжения немецких войск в Польшу Англия и Франция объявили войну Германии.

Германо-советский пакт, приведший к разделу Польши, стал началом второй мировой войны, о чем свидетельствуют американские историки Хейнес и Гофман, западно-германский историк Ассман, генералы Типпельскрих, Блюментрит и Вествель, в Англии — историки Фуллер и Лиддел Гарт. Бывший премьер Англии, Черчилль, в написанной им 6-томной истории говорит: «СССР проводил политику сговора с Германией за счет Польши. Основой германо-русского сближения

должен был быть четвертый раздел Польши. Такова была непосредственная причина второй мировой войны».

Советский Союз, заключая договор с Германией, был верен ленинской доктрине о использовании противоречий между капиталистическими государствами: силами Германии ослабить Англию и Францию и захватить Европу.

Сталин всемерно экономически помогает Гитлеру. Бакинская нефть по нефтепроводам и поездами с нефтеналивными цистернами непрерывным потоком течет в Германию.

В методах подготовки войны Сталин и Гитлер копируют друг друга.

Сталин, напав на Финляндию, считает войну с ней превентивной (предупредительной). Гитлер, готовясь к войне с СССР, тоже считал эту войну превентивной, так как нападение СССР на Европу считал только вопросом времени, о чем теперь свидетельствуют немецкие генералы: Манштейн, Кейтель, Гудериан, Вестфаль, Типпельскрих и английские писатели Лиддел Гарт и Фуллер.

На Нюрнбергском процессе бывший главнокомандующий сухопутными войсками верхмата, генерал-фельдмаршал Браухич заявил: «Немецкие солдаты всех рангов подготовлялись к обороне и защите родины. Они не помышляли о захватнической войне или о распространении германского господства над всеми народами». В том же духе выступали на суде фельдмаршал Рундштедт, Манштейн, Кессельринг и другие военные представители германского командования.

Личный представитель Чемберлена лорд Галифакс, ведший в 1937 г. переговоры с Гитлером, назвал Германию бастионом Запада против большевизма.

Гитлер, определяя мотивы войны, заявил: «Война против СССР — это борьба двух идеологий, уничтожающий приговор большевизму, который равносилен социальному преступлению».

Американский историк Бард, английские и немецкие историки утверждают, что война Германии и СССР была превентивной. В новой программе Союза коммунистов в Югославии говорится, что советско-германский договор представлял собой «раздел сфер влияния на Востоке».

В подтверждение агрессивной сущности коммунизма, от начала его прихода к власти в бывшей России, казачество может указать на следующие исторические факты. Двенадцать казачьих Войск-Республик, объявивших в 1917—1918 гг. о восстановлении своего исторического суверенитета и старейшего демократического строя во всем мире, были раздавлены в трехлетней войне мощью многомиллионной Красной Армии.

Такому же вторжению подвергались Украина, Белоруссия, Балтийские государства, Финляндия, Польша; через внутрен-

нюю агрессию произошло вторжение в Китай, Северную Корею, Чехословакию, Восточную Германию, Вьетнам и т. д.

В коммунистических университетах СССР готовятся специалисты всех национальностей для порабощения всех народов мира. В закрытых школах НКВД готовят специалистов палачей для истребления всего живого, что противостоит коммунизму во всем мире.

Главной причиной второй мировой войны, конечно, была непрекращающаяся агрессивная политика СССР, стремящаяся путем интервенций и подпольной работы пятых колонн покорить весь мир, что рано или поздно должно было привести к превентивной войне.

Каким бы светом не освещались исторические предпосылки второй мировой войны, всегда будет непреложным фактом: два демона зла XX столетия, один — воспитанный на доктрине мирового пожара, другой — такой же варвар по натуре и стремлениям, общими силами зажгли кровавый факел, превратившийся во всепожирающее пламя второй мировой войны.

В грандиозной битве приняли участие народы 53 государств, более 80% всего населения земного шара. На полях сражений участвовало 110 миллионов солдат, из которых только убитыми было 30 миллионов.

И вот в этом страшном, пожирающем весь мир пламени казачество, на 90% уничтоженное в 25-летнем советском пленении, без союзников, без иностранной помощи, дерзнуло заявить о своем историческом бытии не чужим оружием, а своим, вырванным из рук врага, дать первые выстрелы Второго казачьего сполоха на родной земле.

В апокалипсическом устремлении всего мира к своей моральной гибели, казачество явилось единственным поборником Божией и человеческой правды на земле.

Преданное Иудой от христианства на крестное распятие красным Молохом, оно, с сознанием своей правоты перед Всевышним, не колеблясь, взошло на Голгофу Лиенца, воздвигнув вечно сияющий над миром памятник христианской скорби и величия человеческого духа, поправшего смертию смерть, ради грядущего воскресения.

27.9.1939 г. подписан пакт трех держав: Германии, Италии и Японии.

11.10.1939 г. немцы входят в Румынию.

Началось охлаждение германо-советских отношений. Требования Молотова, приехавшего в Германию, встревожили Гитлера. Молотов изложил желание СССР возобновить войну с Финляндией, с целью захвата всей страны, стремление к экспансии на Балканах и в Дарданеллах. Гитлер видел в этих

планах скрытый маневр, с целью охвата Германии. Безостановочное сосредоточение советских войск в Польше, усиление воздушных сил в западных областях, рост военной промышленности СССР, постановление Верховного Совета об увеличении рабочей недели, и «о всеобщей воинской повинности», подтверждали предположения Гитлера. К тому же он к этому времени проникся убеждением, что Англия, будучи в катастрофическом положении от налетов германской авиации, оказывает ожесточенное сопротивление потому, что имеет тайное соглашение с СССР и держится надеждой на помощь Америки и СССР, а отсюда вытекало заключение: если СССР будет разбит, Англия капитулирует.

Реакция Гитлера на все эти соображения была молниеносной. 18 декабря 1939 г. уже была готова директива о завоевании СССР, известная под именем «план Барбаросса». Гитлер, изучив кампании Карла XII и Наполеона, отлично понимал, что главным препятствием является пространство, ставшее причиной их разгрома. Эти великие полководцы не могли взять в клещи неприятеля, так как они были бессильны против пространства. Следовательно, надо было уничтожить неприятельскую армию прежде, чем она уйдет в необозримые пространства России. Так понимал в свое время эту задачу и шведский король Карл XII, но этот маневр ему не удался вследствие медлительности Левенгаупта, которого донские казаки под командованием ген. Денисова разгромили и не дали ему соединиться с войсками короля до Полтавского боя.

Не удался этот маневр и Наполеону, чему опять-таки были виною донские казаки под командованием атамана Платова, разгромившие лучшую конницу Наполеона и задержавшие продвижение его армии.

Гитлер противопоставил пространству быстроту продвижения танковых армий, предполагая прорвать центр неприятельских армий, предупредить их отступление проникновением в тыл и захватить большевистскую армию по частям.

Но началу войны с СССР предшествовало наступление Германии на западные государства.

9 апреля 1940 г. немецкие армии заняли Данию, морские и воздушные десанты высадились в Норвегии. К 10 июня германские войска нанесли поражение норвежским и англо-французским экспедиционным войскам и оккупировали территорию Норвегии.

10 мая 1940 г. немцы, нарушив нейтралитет, оккупировали Бельгию, взяв воздушными десантами ее неприступную крепость Льежа, форт Эбен-Эмаэль и канал Альберта.

Гитлер еще в январе 1940 г. решил начать наступление на Францию, но этому помешал простой случай. 12 января германский разведывательный самолет, на котором летел офицер, имевший при себе секретные документы и планы наступ-

ления германских войск на Францию, — произвел вынужденную посадку в Бельгии. Французское командование получило эти документы, и план Гитлера был сорван. И только 10 мая началось наступление на Францию.

Для вторжения в Голландию, Бельгию и Францию Германия сосредоточила 116 дивизий, 2600 танков и 3 тысячи самолетов.

Франция, Англия, Бельгия и Голландия противопоставили Германии 115 дивизий, более 3000 танков и 1300 самолетов.

Немецкие танковые соединения в результате ожесточенных боев прорвали англо-французский фронт в месте его стыка, взяли крепость Верден и, обойдя линию французских укреплений «Мажино», вторглись в глубь Франции.

360-тысячная армия англичан была прижата к Ла-Маншу и разгромлена в районе Дюнкерка. Наступление танковых армий на Дюнкерк было приостановлено личным приказом Гитлера (свидетельствуют ген. Рунденштедт и ген. Блюментрит), поэтому англичанам удалось эвакуировать 338 тысяч человек, оставив на берегу 2400 орудий, 700 танков, 130 тысяч автомобилей.

10 июня Италия объявила войну Франции и заняла фронт в Альпах.

Немецкие армии обошли Париж с востока и запада. 12 июня французское правительство объявило Париж «открытым городом». 14 июня немецкие войска без боя вступили в Париж. 16 июня правительство Рейно ушло в отставку. 17 июня маршал Петэн, возглавивший правительство, запросил Германию о перемирии.

22 июня 1942 г. в Компьенском лесу, в том же самом вагоне, в котором в 1918 году Германия подписывала продиктованные ей условия капитуляции, было заключено перемирие между Германией и Францией. По условиям перемирия, все западное побережье Франции было оккупировано немцами. Правительство Петэна, избравшее своей резиденцией город Виши, имело под своей властью только южную Францию и французские колонии в Африке. Французская сухопутная армия и воздушный флот подлежали демобилизации, на территории Франции разрешалось иметь семь дивизий. Военно-морской флот должен был выйти в незанятые немцами порты и там разоружиться. Политика Гитлера по отношению побежденной Франции сводилась к постепенному вовлечению ее в войну на своей стороне.

После поражения Франции и английских экспедиционных армий Гитлер сделал предложение английскому правительству о мире, оказавшееся безрезультатным.

После заключения перемирия между Германией и Францией, 3 июня 1940 г., английская эскадра подошла к североафриканскому порту Орон, где находился французский флот,

и предъявила вице-адмиралу Жансулю ультимативное требование — перевести французские корабли в Англию для интернирования или же затопить их. Французский адмирал отклонил это требование. Англичане открыли огонь и потопили большую часть флота, и только небольшая часть его с боем пробилась в Тулон. Французские корабли, находившиеся в порту Александрия, порту Дакар, в Вест-Индии, были интернированы англичанами и через два года поступили в их распоряжение. Политические руководители Германии не сумели использовать недовольство Франции действиями англичан.

24 июня было заключено перемирие между Францией и Италией.

28 октября 1940 г. Муссолини без ведома Гитлера напал на Грецию, и через два месяца безуспешных операций итальянская армия оказалась в безвыходном положении.

Гитлер, вопреки своему нежеланию преждевременно развязывать войну на Балканах из-за осложнений с Турцией, принужден был выручать неудачливого союзника.

В течение двух недель танковые соединения немцев покорили весь Балканский полуостров. Английские войска, высаженные в Пирее, постигла участь Дюнкерка.

Но эти вынужденные военные действия на Балканах нарушили наступление немцев на СССР, намеченное на 1 апреля и теперь отложенное на 22 июня.

Последствия этой отсрочки в условиях российского бездорожья и сильных морозов были чреваты катастрофическими последствиями для немецких армий под Москвой.

Двадцать лет коммунистическая клика, восседавшая на троне московских царей, возвещала о своей непобедимости в предстоящей борьбе с западным миром.

«Будем бить врага на чужой земле и чужой кровью», — вещал военный нарком Ворошилов.

«Наши самолеты летают быстрее и выше всех».

«Наши бойцы стреляют без промаха, по-ворошиловски».

«Наша военная мощь способна сокрушить всякого агрессора на его же территории».

Двадцать лет идет укрепление военной мощи коммунистического государства для выполнения главной политической доктрины коммунизма: завоевание всего мира.

В 1935 г. ЦК ВКП(б) принял решение создать «Оборонную Комиссию» Политбюро для руководства подготовкой страны к возможной войне с враждебными СССР державами. В состав комиссии вошли: Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович и Орджоникидзе.

В 1935 г. вводятся военные звания для всего начальствующего состава, на плечах офицеров снова появляются погоны

старого русского образца, за которые в гражданскую войну ЧК расстреливала их обладателей.

В военных училищах и академиях готовятся военные и политические кадры.

Социалистическая индустрия, являющаяся краеугольным камнем ленинской программы завоевания мира, многие годы проводилась Сталиным с таким расчетом, чтобы промышленные предприятия можно было в любой момент переключить на производство военной продукции.

В восточных областях ударными темпами строились крупные предприятия тяжелой промышленности, предназначенные для укрепления военной мощи СССР. Создана вторая угольно-металлургическая база: Урало-Кузнецкий комбинат.

Перед войной рост продукции наркоматов военной промышленности был значительно выше темпов роста продукции всей промышленности.

В восточных районах страны: на Урале, в Средней Азии, Казахстане, Сибири и на Дальнем Востоке — была создана продовольственная база, за счет расширения посевных площадей способная в военное время снабжать население и армию питанием, а промышленность сырьем.

С каждым годом увеличивались ассигнования на подготовку к войне.

Культурная революция в СССР предназначалась главным образом для создания многочисленной военной интеллигенции, кадров командного состава вооруженных сил, конструкторов, изобретателей, творцов новой военной техники.

1 сентября 1939 г. Верховным советом СССР был принят закон о всеобщей воинской повинности. Сроки службы некоторых категорий были увеличены с двух до трех лет. Призывной возраст снизился с 21 года до 19 лет, а для окончивших среднюю школу — до 18 лет. Была введена военная подготовка для молодежи допризывного возраста. Увеличился срок пребывания рядового и начальствующего состава в запасе.

В предвоенные годы военно-оборонные общественные организации создали огромную сеть кружков, школ противовоздушной, противохимической и санитарной обороны, группы самозащиты в жилых домах, вузах, на предприятиях и учреждениях, школ медицинских сестер и санитарных дружин.

В 1940 г. были введены генеральские звания для высшего командного и начальствующего состава.

Для укрепления оборонной мощи Президиум Верховного Совета издал 26 июня 1940 г. Указ «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих с предприятий и учреждений.»

Готовясь к войне, коммунистическая партия увеличила свою численность до 3 миллионов 800 тысяч человек.

Советская армия, как и признают теперь советские военные авторитеты, накануне войны имела не меньше танков, самолетов и других видов оружия, чем немецкая армия, но качество вооружения, как показала война, было ниже германского.

С мая 1939 г.началась переброска советских войск к Днепру и Западной Двине из Урала и других глубинных районов. В западных приграничных округах находились лучшие кадровые части, строились пути подъезда, аэродромы и т.д.

Были призваны и проходили подготовку командиры запаса.

Под шумок дружественных отношений оба диктатора — Сталин и Гитлер — готовились к скорой смертельной схватке.

Советское правительство было осведомлено о военных мероприятиях Германии: прибытии Германских войск в Польшу, Румынию, Финляндию.

Правительство США в январе 1941 г. предупредило Советский Союз о готовящемся на него нападении Германии.

Правительство Англии сделало такое же предупреждение 19 января 1941 г.

СССР проводит усиленную военизацию всего населения. Все рабочие, служащие и учащиеся должны были сдавать экзамен на значок ГТО. Организовывается противовоздушная оборона с участием всего населения.

Воздушные тревоги, порою со стрельбой из зенитных орудий, стали обыденным явлением в жизни всех городов.

Мирную тишину г. Ростова разрывают многочисленные выстрелы зениток. Население быстро укрывается в подвалы-убежища. Только один старик рабочий спокойно идет по своему назначению. Из-за угла внезапно появляется санитарный отряд.

— Ложись, дед, на носилки, — командует боевого вида молодая женщина, увешанная всякими медицинскими препаратами.

— Как ложись? — недоуменно спрашивает рабочий.

— Ложись, гражданин, — подтверждают молодые девчата, ухмыляясь недоумению старика.

— Да вы что, обалдели, что ли? Ложиться среди молодых баб на старости лет оно как-то не тово...

— Ложись, говорят тебе. Не видишь, что ли, что ты ранен?

Старик оглядел себя кругом, пощупал ноги — все в порядке.

— Ну, пустите, довольно дурачиться, через вас и на штраф нарвешься.

— Штраф с тебя брать не будут. Ты ведь и так пострадал, можно сказать, зараженный.

— То есть это как зараженный? — совсем оторопел старик.

— Да так, в зараженную зону попал.

— Никуда я сроду не попадал, целый век, можно сказать,

от всяких шлюх сторонился и вот тебе на старости лет в какую-то заразу попал, сраму теперь не оберешься.

— Взять его! — командует старшая.

Молодые девчата рады потешиться. Навалились на старика, за ноги, за руки схватили и уложили на носилки.

— Что вы, дьяволы, делаете? Сроду такого посмешища не переживал. Сгореть со стыда надо, ежели кто встретится.

— Не беспокойся, никто не встретится и видать никто не будет, как мы тебя выкупаем.

— Как так выкупаете?

— А вот так и выкупаем.

— А как же моя бабка?

— Твоя бабка и знать не будет, как мы тебе спину натрем.

— А мыло где возьмете?

— Э, дед, у нас мыла сколько хочешь, без карточек.

— Ну, черт с вами, несите, купать так купать, лишь бы не штрафовали да бабка не знала.

Санитарки принесли деда на пункт ПВО, как пострадавшего от «неприятельских газов», раздели, выкупали, намазали какой-то мазью и переодели в чистое белье.

После окончания тревоги дед победоносно зашагал домой.

— Ведь как-никак, а можно сказать, первый пострадавший от «вражеской бомбардировки», а это вроде как на геройство похоже, ведь как-никак, а в подвал не полез со всеми трусами спасаться.

С такими рассуждениями дед явился домой и рассказал о своей «героике» бабке.

Поглядела бабка на старика и подумала — наверное, от страха дед мой того...

— Да ты не притворяйся, покажи-ка свое белье.

— Белья нет, конфисковали, говорят, оно зараженное.

— Ну, так и есть, уделал, вот оно и зараженное. А еще в герои записался, с фашистом драться собираешься. Сиди-ка ты лучше дома, вояка, а то в следующий раз выкупают тебя девки, да чем черт не шутит, гляди и голого из бани выпустят.

Бабка долго ворчала на старика, а сама втайне думала: жаль, что я не попала с дедом в эту историю. Ведь только подумать надо, какой счастливый случай. Двадцать лет и во сне не видим новое белье, а тут во, на тебе... да и мыло-то подика постой в очереди. Следующий раз, как застреляют, замкну деда в хате и тоже отправлюсь.

— Ты, старик, это самое, по какой же улице шел, когда эта самая беда с тобою приключилась?

— Да по самой главной, Фридриха Энгельса.

— Ага, по Садовой, значит.

Этот и подобные ему случаи породили массу анекдотов среди населения, поверхностно воспринимавшего все меро-

приятия антинародной власти. Люди начинали смелее думать и выражать свои мысли в предчувствии каких-то новых, еще не осмысленных, но неотвратимых событий.

Утром 22 июня 1941 г. радиоприемник улавливает вибрирующие от страха слова Председателя Совнаркома Молотова: «Наглый враг нарушил наши священные границы: сегодня в 5 часов утра немецкие самолеты бомбардировали наши города»...

Речь часто прерывалась, но можно было дальше не слушать. Все было ясно. Долгожданная пора для многих миллионов порабощенного народа наступила. Пусть эта пора не совсем ясная, ибо народ ждал освобождения от своего национального врага, но пусть, это будет, лишь бы не большевики.

Закачается теперь мое убежище на страшных огневых валах войны, доплывет ли оно до спасительного берега, или проглотит его трагическая превратность судьбы накануне освобождения, знает только один Бог, и на него моя надежда. Сегодня мой последний день, когда я взгляну на солнышко, на божий мир, и гробовая крышка моего подземелья закроется надо мной на много, много дней, а может быть, и навсегда...

Началась мобилизация.

Не на родной земле казак, красуясь боевым доспехом, выходит из дверей святого храма. Конь боевой с походным вьюком не ждет у церкви казака. Не подает племянник пику, отец и дед речей не говорят. Некому сказать напутственные слова боевой мудрости. Не красуется молодой воин в кругу родных и близких, гордо вступая на бранный путь своих отцов. Не крестит сына одинокая мать и ладанку с крестом дает, таясь от власти, от народа. Нет благословения матери, и не будет у сына жертвенности в борьбе за чужое дело. Не на борьбу за идеалы безбожья беззвучно благословляет его мать, нет, те, кто духовно встали из могил и далеких ссылок, рукою матери дают ему благословенье на великую и священную месть за замученных отцов, за страдания матерей, за поругание своей отчизны. Мать передала ему единственное сокровище, которое не в силах был вырвать у нее большевизм — любовь к отчизне, принесенную ему из глубины веков праматерью-казачкой, прошедшей великий бранный путь казачества и свято сохранившей честь национальную поныне.

С великой радостью услышал казак гром второй мировой войны, ибо он надеялся, что война принесет освобождение человечеству от угрозы завоевания красной тиранией и даст возможность сбить оковы плененного казачества.

К 22 июня 1941 г. германское командование, согласно плану «Барбаросса», закончило стратегическое развертывание армий в следующем порядке:

Группа «Норвегия» должна наступать на Мурманск и Кандалакшу. Две финские армии продвигаются по обеим сторонам Ладожского озера и соединяются с немецкой группой «Север», которая в составе 16-й и 18-й армий и танковой группы должна захватить Прибалтику и наступать на Ленинград.

На центральном стратегическом направлении действует самая сильная группа «Центр», имеющая в своем составе 4-ю и 9-ю армии, и две танковые группы развертывались на фронте Сувалки — Брест. На южном направлении развертывается группа армий «Юг», включающая 17-ю и 14-ю армии, танковую группу, две румынские армии, венгерский, словацкий и итальянский корпуса. Левый фланг этих армий наносит удар в направлении Киева, правый фланг имеет направление на Одессу.

Наземные войска поддерживает 4-й воздушный флот.

Осуществление стратегического плана сводилось к быстрому продвижению войск в направлении Ленинграда, Москвы и Ростова, разрыву советского фронта на части, окружению и уничтожению советских армий, лишенных единого руководства, захвату важнейших центров и выходу на рубеж Архангельск — Волга — Астрахань.

В составе групп армий находились оперативные команды «СД» (служба безопасности), подчинявшиеся непосредственно рейхсфюреру «СС» и начальнику германской полиции. Их обязанность состояла в обеспечении безопасности и ведении борьбы с разведкой противника. Эти команды подчинялись войсковым начальникам только в вопросах размещения и снабжения.

22 июня 1941 г. на огромном пространстве от Балтийского до Черного моря немецкие армии в составе 190 дивизий (5 миллионов солдат и офицеров), имея 32 тысячи орудий и минометов, 9 тысяч танков и 5 тысяч боевых самолетов, пошли в наступление на СССР.

Немецкие бомбардировщики, уничтожив советскую авиацию, находившуюся на прифронтовых аэродромах, наносили мощные удары по стратегически важным объектам, аэродромам, военным базам и складам.

Танковая армия ген. Гудериана, разгромившая французов и англичан на западном фронте, теперь разрезала на части советскую армию, охватывала ее соединения, вывела из строя основные узлы связи и нарушила управление войсками. Лучшие кадровые советские дивизии были уничтожены, техника оставлена на поле битвы.

За первые десять дней войны немцы отвоевали Литву, Лат-

вию, Западную Белоруссию и часть Западной Украины, с 22 июня по 10 июля продвинулись в глубь советской территории на 500 километров.

Положение коммунистической власти в СССР стало, как и в гражданскую войну, угрожающим.

30 июня 1941 г. решением ЦК коммунистической партии, Президиума Верховного Совета и Советского правительства создается Комитет Государственной Обороны, во главе со Сталиным. 19июля 1941 г. Сталин назначается Народным Комиссаром Обороны, 7 августа — Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР.

3 июля советское радио передает речь Сталина от имени Государственного Комитета Обороны. Дрожащий звук репродукторов по всем просторам необъятной страны отображает трусливую дрожь диктатора, истребившего десятки миллионов подневольного народа и теперь обращающегося к нему с очередной ложью ради спасения своей звериной шкуры.

— Братия и сестры, — елейно начал он, — наша родина в опасности... Советское правительство и партия призывают вас к защите... советская армия отходит в соответствии со стратегическими планами командования... ничего не оставляйте врагу... пусть земля горит под ногами фашистов-завоевателей...

Советские историки после смерти Сталина, отождествлявшего ход второй мировой войны с Отечественной 1812 г. и утверждавшего, что советские войска отступали на основе заранее разработанного плана, — считают это утверждение неправильным. Советские войска были вынуждены отступать в силу сложившейся обстановки.

Указом Президиума Верховного Совета от 16 июля вводится институт военных комиссаров для установления жесточайшей дисциплины в армии. За малейшее нарушение дисциплины — расстрел без суда и следствия и ссылка на каторгу семьи расстрелянного.

Коммунизм создал новую, никогда не виданную тактику ведения войны в тылу противника на своей территории. Советская армия, отступая, оставляла в подполье армию диверсионную.

18 июля 1941 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «Об организации борьбы в тылу вражеских войск»:

«Создать невыносимые условия для германских интервентов, дезорганизовать их тыл, транспорт и воинские части, срывать все их мероприятия, уничтожать захватчиков и их пособников, всемерно помогать созданию конных и пеших партизанских отрядов, диверсионных и истребительных групп, развернуть сеть подпольных организаций на захваченной территории для руководства всеми действиями против фашистских оккупантов. Чтобы придать этой борьбе в тылу герман-

ских войск самый широкий размах и боевую активность, необходимо взяться за организацию этого дела на месте самим руководителям республиканских, областных и районных партийных и советских организаций, которые должны лично возглавить это дело».

Для организации подпольных коммунистических ячеек и руководства партизанским движением и диверсионной борьбой в тылу противника были направлены наиболее стойкие партийные, советские и комсомольские работники.

В районах, находившихся под угрозой захвата немцами, руководителям партийных органов предлагалось немедленно организовать дружины и диверсионные группы.

Для руководства партизанским движением Центральный Комитет коммунистической партии создал комиссию, обязав ее направлять деятельность областных, городских и районных партийных организаций по развертыванию партизанского движения в захваченных врагом районах.

Партийные организации прифронтовых районов с первых дней войны приступили к созданию подпольных партийных организаций и партизанских отрядов.

К 1 октября 1941 г. на территории Украины было создано 23 подпольных обкома, 63 горкома, 564 райкома.

В еще большей пропорции была создана подпольная коммунистическая система ко времени захвата казачьих земель немцами.

27 июня 1942 г. ЦК ВКП (б) утвердил разработанный Центральным штабом партизанского движения оперативный план удара по коммуникациям и узлам противника, выполняя который, партизаны за летне-осенние месяцы произвели более 3 тысяч крушений немецких эшелонов, взорвали 3,5 тысячи железнодорожных и шоссейных мостов, уничтожили около 15 тысяч грузовых и легковых машин, около 1200 танков, 467 самолетов, около 400 орудий и 900 баз и складов с оружием и боеприпасами.

Постановлением Комитета Обороны 30 мая 1942 г. при Ставке Верховного Командования был создан штаб партизанского движения во главе с маршалом Ворошиловым. В июле создан Украинский штаб для осуществления взаимодействия партизанских отрядов на территории, занятой немцами, с советской армией. Организацией и деятельностью советских партизан ведал Центральный Комитет коммунистической партии, а на местах руководили подпольные обкомы. Во всех районах, которым угрожало вторжение немцев, оставлялись партизанские группы, обученные всем методам диверсии, в лесах закладывались партизанские базы продовольствия, оружия, взрывчатых веществ.

Немцы, вступая в какой-либо город, прежде всего искали людей, знающих немецкий язык, для установления контакта

с населением, специалистов по восстановлению разрушенного городского хозяйства (водопровод, электростанция, хлебозаводы и т. д.) и администраторов для ведения общественного порядка. И вот, к их удовольствию, моментально появились молодые смазливые девушки, владеющие немецким языком, которые становились переводчицами у комендантов, и скоро, в силу своей молодости, овладевали душой и телом своих начальников. По их рекомендации назначались бургомистры городов, шефы районов, старосты сел, директоры восстанавливаемых заводов, совхозов и вообще весь административный аппарат нового порядка, диктуемого победителями. В большинстве случаев все эти администраторы были работниками подпольной коммунистической системы. Бороться с этой системой было очень трудно, так как борьбу вели антикоммунисты, возвращавшиеся из ссылок и изгнания, разрозненно, не зная друг друга, не имея зачастую никаких документов и тем более каких-либо связей с завоевателями. Подпольная советская система, ставшая административным аппаратом при немцах, с энтузиазмом перевыполняла всякие хозяйственные мероприятия немцев, с целью озлобления населения: «вот, мол, кушайте теперь фашистские порядки: советская власть милее станет».

Всякий возмущавшийся этой провокацией представлялся комендантам как противодействующий немцам и зачастую попадал под пули гестапо.

Зазнайство гитлеровских партийцев, воспринявших теорию «унтерменша», непонимание обстановки, небывалое в истории войн культурных народов насилие над молодежью, отправляемой в Германию на принудительные работы, — все это усиливало партизанское движение, принявшее грандиозные размеры.

Издевательство над миллионами военнопленных, в большинстве не желавших сражаться за советскую власть, безжалостное истребление их голодом и холодом отвращало от немцев даже тех, кто ожидал их как освободителей от ига коммунизма. Дружелюбие к немцам народов Прибалтики, Украины, казачества и Кавказа, считавших немецкую армию освободительницей от большевизма, скоро сменилось разочарованием, а позже у многих и враждебностью. Политика немецких оккупационных властей не соответствовала национальным надеждам народов и интересам их экономического возрождения. Стремление народов к борьбе за свободу и самостоятельность не было использовано немецким военным и политическим руководством.

15 миллионов советских каторжников и десятки миллионов их родственников и близких тем, кто ранее погиб в ЧК, ГПУ, НКВД, — могли стать одним из решающих факторов в борьбе с коммунистической властью СССР, если бы немец-

кие власти отнеслись с должным уважением к их национальным стремлениям и помогли создать Освободительную Армию на территории России. Но это не произошло потому, что гитлеровская клика, стремящаяся к порабощению народов, не считалась с национальными интересами оккупированных государств, отдавая предпочтение только тем, кто служил ее целям, в том числе и коммунистам, которых Гитлер не преследовал, если они содействовали в проведении нового порядка. Такое отношение к коммунистам нацистских властителей обезоруживало морально и политически бывших узников коммунизма и создавало тяжело преодолимые трудности в созидании казачьих сил.

Немецкий генералитет и офицеры вермахта понимали всю важность воссоздания казачества, как исторического фактора, положившего начало борьбе всего мира с коммунизмом, но они были бессильны против диктатуры Гитлера в решении этого вопроса в начале прихода на казачьи земли.

В первый день войны Германии с СССР, 22 июня 1941 г., Англия выражает солидарность английского народа с народами СССР.

24 июня 1941 г. Белый дом заявляет о поддержке США СССР в борьбе с гитлеровской агрессией.

12 июля 1941 г. между Великобританией и СССР было подписано соглашение о совместных военных действиях против Германии. Были заключены соглашения СССР с правительством Чехословакии и Польши, находившимися в Лондоне.

29 сентября — 1 октября 1941 г. на Московской конференции представители СССР, США, Англии разработали план англо-американских поставок вооружения, оборудования и продовольствия Советскому Союзу.

За все это Сталин заплатил фальшивой монетой — роспуском Коминтерна, окончательно потерявшего влияние на пролетариат Запада.

25 августа 1941 г. Англия и СССР совместно оккупировали Иран. Иранское правительство объявило войну Германии.

Сталин, видя несостоятельность коммунистических идей в борьбе с победоносно наступающим противником, как истый марксистский диалектик, перевернул коммунистическую доктрину вниз головой, нарядился в старую русскую форму генералиссимуса, приказал советской церкви служить о даровании ему победы, ввел национальные ордена: Суворова, Кутузова, Александра Невского, орден Отечественной войны и т.д., словом, война по внешней форме становилась отечественной, как и война с Наполеоном в 1812 г.

Так же и теперь отходили деморализованные части перед противником, не знавшим поражений.

Но тогда казаки вихря-атамана Платова, прикрывая отступление русских армий, одержали первую победу над Наполеоном, разгромив его лучшие, непобедимые части кавалерии, и тем подняли дух русской армии. Во время Бородинского боя лихой налет казаков в тыл французской армии принудил Наполеона в самый решительный момент боя прекратить на 2 часа наступление, что вырвало из рук непобедимого полководца несомненную победу над русской армией. Казаки первые начали наступление под Тарутино на французов (русские части, заблудившись в тумане, не подоспели к бою), разгромили неприятеля, и русская армия двинулась на преследование отходившего неприятеля по всему фронту. Казаки потопили остатки французской армии в Березине и первые вошли во французскую столицу, Париж.

А где же теперь казаки?

Большая часть уничтожена в подвалах ЧК, в концентрационных лагерях Сибири и Заполярья, а половина оставшихся разбежалась в поисках спасения «куда глаза глядят», — в шахты Донбасса, в Среднюю Азию, на Урал, на Кавказ и т. д. Нет казаков, но национальная идея не может быть использована Сталиным полностью, если будут отсутствовать казачьи части. И вот наскоро сколачиваются «казачьи части» из кого попало, только не из казаков. И так же, как в Отечественную войну с Наполеоном, делается попытка для поднятия упавшего духа армии перейти в наступление двумя механизированными и одним кавалерийским корпусом, окончившаяся разгромом фальшивой казачьей конницы.

Есть казаки у Сталина, да не те, что были порождены многовековой историей вольного народа.

Попытки создать искусственным путем казачество делались неоднократно русскими царями в давние времена. Так, например, донские казаки, обессиленные Азовским сидением, нуждались в подкреплении и потому Московский царь разрешил сделать набор вольных охочих людей. В апреле 1646 г. 3307 человек были «отданы Донским атаманам и казакам и всему Донскому Войску». Посланный воевода на Дон царем в 1647 г. пишет: «А некоторые-де, государь, вольные люди по твоему, государеву, указу были на Дону, и те-де, государь, вольные люди все с Дону разъехались».

Попытки искусственно создать казаков делались князем Потемкиным при Екатерине Второй и Аракчеевым при Александре Первом, и все они были обречены на неуспех. Нельзя по приказу власти создавать казака, внутренний мир которого формировался многие века, в отличной от всех народов обстановке.

Помнят красные маршалы никем не превзойденные со

времен древнего полководца Ганнибала кавалерийские рейды казачьих корпусов генералов Мамонтова и Шкуро в тыл Красной Армии, хотелось бы им иметь такую конницу, да идеями Маркса ее не создашь. Душа армии создается историей народа, а не прихотями диктатора. Не могли поднять боевой дух красной конницы в этой войне и герои гражданской войны, маршалы Буденный и Ворошилов, ибо лозунги, с которыми шла Красная Армия в 1918—1920 гг., изжили себя, оказались обманными. Да и большая часть старых командиров-партизан, начиная с Думенко, была расстреляна ЧК (автор книги, сидя в Ростовской тюрьме, видел на стене камеры последнюю роспись Думенко, сделанную им перед тем, как его брали на расстрел). Коммунистические диктаторы убоялись свободы, за которую многие на стороне красных боролись идейно. Сталин, опасаясь соперничества Тухачевского, расстрелял его и многие тысячи высшего и среднего командного состава, что тоже не могло способствовать укреплению духа и организации армии.

Делается «Казачий рейд» в составе 3600 человек в тыл неприятеля, среди немцев распространяется слух о вторжении 100-тысячной казачьей армии.

Кто такие казаки, немцы знают из истории и из недавнего опыта первой мировой войны, но теперь они видят перед собой совсем не то, что их когда-то страшило.

Бродят красные конники по лесной глуши, по непроходимым болотам, а пойти лихой казачьей атакой в открытую, которую всегда страшились армии всех национальностей, боятся.

— Фальшь! — говорит старый фельдфебель, немец, резанувший из автомата по высунувшемуся из-за кустов взводу красных. — Казаки молча да еще и шагом не ходят в бой. Казаки — это вихрь, это молния клинков, а перед нами паршивые партизаны, воины из-за куста. Тьфу, швайн-кавалерия, а не казаки.

В первой мировой войне русская пропаганда широко использовала для поднятия воинского духа армии героический подвиг донского казака Кузьмы Крючкова и его двух станичников, сразивших в кавалерийской схватке 27 немецких драгун. А теперь у советской власти ни героев-казаков, подобных Крючкову, ни конфет для детей, ни папирос для взрослых.

Советский писатель Михаил Шолохов в своем романе «Они сражались за родину» показывает, как укомплектовывались казачьи части из столяров, маляров и тому подобных переплетчиков, но только не из природных казаков.

Непревзойденная во лжи коммунистическая пропаганда бессильна создать подлинный героический облик казака, ибо даже слово «казак» вошло в мировую историю как первоначало отрицания коммунизма

20 сентября 1941 г. немецкие танковые армии окружили

главные силы Красной Армии на юго-западном фронте. Киев был взят. Попало в плен более 600 тысяч красноармейцев, взято 4 тысячи орудий и 800 танков.

11-я немецкая армия нанесла удар войскам южного фронта, форсировала Днепр, вторглась в левобережную Украину, угрожая захватить Крым и Донбасс.

На оккупированной немцами территории к ноябрю 1941 г. находилось до войны 40% всего населения СССР, 40% железных дорог, 38% крупного рогатого скота и 60% свиней. На этой территории до войны производилось 58% стали, 60% алюминия, 84% сахара, выращивалось 38% зерновых хлебов, добывалось 63% чугуна.

Перед отступлением советских армий оборудование важнейших фабрик и заводов вывозилось по железным дорогам за Урал, в Западную Сибирь, Казахстан. Тысячи государственных предприятий, совхозов и колхозов с сельскохозяйственными машинами и скотом эвакуировались в восточные районы СССР.

Пытаясь предотвратить развал армии, заградительные отряды СМЕРШ день и ночь рыскают в поисках дезертиров. Шпиономания доведена до высшей степени психоза. Все за всеми должны следить, каждый должен обнаружить неприятельского шпиона, диверсанта, участвовать в противовоздушной обороне, копать окопы, строить укрепления.

Жизнь измордованного властью населения иногда находила отдушину в юморе, порождаемом несуразностью диктуемых страхом и бестолковостью распоряжений.

Ребятишки, как всегда, являясь авангардом во всяких приключенческих мероприятиях, настропаленные в школе уроками о бдительности, все свободное время посвящают выискиванию «шпионов». Ватага таких разведчиков идет через Донской мост г. Ростова и, поравнявшись с гражданином не совсем обычной наружности, начинает его подозрительно «нащупывать». Вид у старика какой-то уж очень интеллигентный. На лице никакого загара нет, усы, как у Горького, такие теперь в Советском Союзе никто не носит. На одни очки надеты другие, какая-то особенная шляпа и какие-то рыболовные принадлежности.

— Должно, диверсант, — шепчет мальчишка на ухо старшему отряда.

— Я тоже так думаю. Поглядим, что будет дальше.

Старик, перейдя Дон, уселся на берегу неглубокого заливчика, образовавшегося от весеннего разлива, а теперь превратившегося в большую лужу, не спеша раскурил сигару и стал настраивать большую снасть.

— Чуешь, табак-то не нашенский, должно, заграничный.

Ребятишки, усевшись рядом, жадно вдыхают аромат сигареты.

Старик привстал, размахнул удилищем, леска взвилась, катушка закрутилась, грузило шлепнулось на поверхности лужи.

— Де-е-ед!

Молчание.

— А-а-а дед! Ты чего же тут снасть закидываешь, тут нетокма рыбы, а и лягушек-то никогда не бывает, нашел, где удить.

Старик и глазом не моргнув, наблюдает за поплавком.

— Да он глухой, наверное...

— Какой там глухой, глаза отводит, притворяется, знаем мы таких артистов.

— Дед, а где отхватил такое удилище с катушкой?

Старик невозмутимо попыхивает дымком сигареты.

— Я таких удилищ нигде не видал, факт, заграничная.

— Ребята, да у него и насадка-то на удочке не нашенская, не червячная, какая-то жестяная рыбешка.

— Глаза отводит, а сам все туда, к Таганрогу зыркает.

— Какая тут ловля, это он нас заподозрил в слежке и хочет от нас отмолчаться.

Старик быстро дернул удилище и стал крутить катушку. Леска натягивалась и плохо поддавалась.

— Никак клюнуло...

— Под носом у тебя клюнуло...

Скоро на поверхности показался улов — старая рваная галоша. Ребятишки неистовствовали от восторга.

— Тяни, дед, тяни, а то сорвется и будешь в очереди стоять за ней в торгсине.

Пока подозреваемый в государственной измене гражданин выпутывал рыболовную снасть из рваной и грязной галоши, один из мальчуганов привел милиционера.

— Ваш паспорт, гражданин.

Старик не спеша покопался в трех карманах и из четвертого извлек паспорт.

— Сколько вам лет?

— Семьдесят восемь.

— В народном ополчении состоите?

— А как же, непременно состою.

— В ПВО дежурите?

— По ночам с крыши университета не слезаю.

— Вражеские самолеты от своих отличаете?

— А как же, непременно отличаю.

— По каким приметам?

— Приметы всем из практики известные. Как стреляет из пушки — немецкий самолет. Как самолет идет факелом вниз — советский ястребок...

— Ну, довольно! Скажи, как против авиабомб ведете защиту.

— Как появляются неприятельские самолеты, надеваю

брезентовые рукавицы и, как только бомба окажется на крыше, буду, согласно инструкции противовоздушной обороны, хватать ее и сбрасывать с крыши университета на улицу.

— А какое отношение вы имеете к университету?

— Я — профессор.

— Что преподаете?

— Психологию.

— Ну, вот, человек вы ученый, а такими пустяками занимаетесь, ловите в луже старые галоши...

— Нет, уважаемый товарищ, это совсем не пустяки. Это изучение на практике психической болезни, теперь весьма распространенной, так называемой шпиономании. Как видите, ею больны не только взрослые, а даже и дети, как, например, и эти, вас сюда приведшие...

Немецкая группа армий «Север» в первые две недели войны захватила Прибалтику и проникла в глубь территории на 500 километров.

В конце июня началась эвакуация Ленинграда. Во второй половине августа немецкие и финские войска прорвались на ближние подступы к Ленинграду — заняли Павловск, Пушкин, Гатчину, Урицк, Стрельну, Новый Петергоф.

29 августа немцы прорвались через Мгу на Шлиссельбург и вышли к Неве. Ленинград был почти окружен. Связь поддерживалась только по Ладожскому озеру и по воздуху.

29 июня 1941 г. немецкая армия вторглась в советское Заполярье, но продвижение ее, в результате сильного сопротивления советских войск, поддержанных действием военных кораблей и авиации, — было незначительно.

Фронт на мурманском направлении стабилизировался. Наступление немцев остановилось на рубеже Свирь, на Карельском перешейке — на линии старой границы с Финляндией.

В это время немецкая армия «Центр», ставившая целью захват Москвы, оттеснила советскую армию севернее Москвы, к каналу Москва — Волга, к Красной Поляне, Крюкову и южнее Москвы — к Кашире. На некоторых направлениях немцы находились в 25—30 км от Москвы. Но, как пишет американский ген. Бредли, командовавший американскими войсками в Европе, а с 1949 г. возглавляющий генеральный штаб США: «У ворот Москвы, когда германские армии, казалось, должны были восторжествовать, суровая русская зима неожиданно парализовала германскую военную машину».

Гитлеровский план молниеносной войны не был рассчитан на ведение зимней кампании, и потому германская армия, не имевшая зимнего обмундирования, оказалась в катастрофическом положении.

Морозная стихия не один раз способствовала победе красных. Во время первой войны казачества с большевиками (1917—1920 гг.) вышел из строя помороженный за одну ночь лучший казачий корпус ген. Мамонтова, замерз залив Сиваш при наступлении русских на Крым; крепко сковал мороз Финский залив при наступлении советских армий на Финляндию.

Вооружение и снаряжение германской армии не отвечали условиям ведения войны в России зимой. Зима остановила немецкие армии, а гитлеровская человеконенавистническая политика, погубившая в лагерях военнопленных миллионы добровольно сдавшихся антибольшевиков, теперь дала свои гибельные последствия для Германии — советские армии больше не сдавались, а переходили в контрнаступление. Одной из причин поражения победоносного шествия немцев на Москву было сокращение летней кампании по вине Муссолини, ввязавшегося в войну с Грецией и тем отдалившего начало немецкого наступления более чем на месяц.

Армии Гудериана, Рейнгарда и Гепнерая, раздавившие в 16 дней Польшу, в один месяц Францию, являвшиеся элитой, которую по тактическим нововведения можно было сравнить с македонской фалангой и римским легионом в момент их появления, — это орудие победы, сочетавшее в себе боевую мощь и скорость, было уничтожено неистовым желанием Гитлера взять Москву, не считаясь с морозами. Гитлер своей самонадеянностью и презрением к человеческому страданию разрушил основу военного механизма, что повело к упадку германской армии.

В конце декабря был смещен с командования ген. Браухич и отстранен от командования знаменитый танковый ген. Гудериан, но это не изменило создавшегося положения.

По утверждению фельдмаршала Кессельринга, «немецкая авиация могла действительно решить исход войны, если бы наступление немецкой сухопутной армии не застряло под Москвою сначала в болотах осени, а затем в снегах русской зимы».

На южном фронте 17-я и 16-я армии 20 октября перешли в наступление и соединились на севере Донецкого бассейна с первой танковой армией, 6-я армия вышла в районе Харькова к Северному Донцу.

1-я танковая армия 20 октября овладела районом Таганрога и севернее его по реке Миус. Осенняя распутица лишила армию возможности двигаться вперед. Это дало возможность советскому командованию подтянуть свежие силы с Кавказа.

20 ноября 1-я танковая армия с огромными усилиями временно овладела Ростовом, но уже 29 ноября принуждена была, под давлением Красной Армии, отойти за реку Миус на зимние позиции.

В это время на мировом фронте войны выступила Япония.

8 декабря 1941 г. японский флот в составе 6 авианосцев, 2 линкоров, 2 тяжелых крейсеров, 1 легкого крейсера 9 эсминцев и 9 подводных лодок, с 360 самолетами на борту авианосцев, — неожиданно напал на американский флот, сосредоточенный в Пирл-Харборе. За 1 час и 50 минут были потоплены 5 американских линкоров, 3 линкора получили тяжелые повреждения. Всего было потеряно американцами 19 военных кораблей и большая часть авиации, базировавшейся на острове. 10 декабря японские бомбардировщики атаковали английскую эскадру и потопили два английских линкора.

После нападения Японии на США расширились границы второй мировой войны и увеличилось число ее участников.

8 декабря 1941 г. США и Англия объявили войну Японии. 11 декабря США объявили войну Германии и Италии, которые в то же время объявили войну США.

Болгария, Словакия, Хорватия объявили войну Англии и США. Венгрия и Румыния, находившиеся в войне с Англией, объявили войну США. Правительство Манчжоу-Го объявило войну Англии и США.

11 декабря 1941 г. был подписан новый военный пакт держав «оси» — Германии, Италии и Японии.

Войну державам оси объявили Австралия, Новая Зеландия, Канада, Южно-Африканский Союз, Коста-Рика, Никарагуа, Сальвадор, Гондурас, Гаити, Доминиканская Республика, Куба, Панама, Гватемала, Индонезия.

Китай объявил войну Японии.

Война охватила почти всю Европу, Азию, Африку, бассейн Атлантического и Великого океана.

Поражение американского флота в Тихом океане сильно изменило соотношение морских сил в сторону японцев.

2 января 1942 г. американо-филиппинские базы на Филиппинских островах были захвачены японцами.

В течение первых пяти месяцев войны США потеряли все свои военно-морские базы и военно-воздушные базы в западной части Тихого океана и были отрезаны от восточного побережья Китая, что затруднило доставку вооружения войскам Чан Кай-ши.

Одновременно с захватом Филиппинских островов, 25 декабря 1941 г., японцы овладели военно-морской базой Англии в Южно-Китайском море Гонконгом.

С 7—21 декабря 1941 г. японцы оккупировали Таиланд. 21 января 1942 г. японцы вторглись на территорию Бирмы, разгромили английские войска и одну из армий Чан Кай-ши и в течение менее пяти месяцев оккупировали всю Бирму.

7 декабря 1941 г. японцы начали наступление в Британской Малайе.

10 декабря японская авиация потопила в Южно-Китайском море английский линейный корабль «Принс Оф Уэльс» и линейный крейсер «Рипалс».

К концу января 1942 г. японцы заняли весь Маллакский полуостров и подошли к проливу, отделяющему остров Сингапур. В течение 9—11 февраля японцы восстановили дамбу через пролив и повели наступление на английскую крепость Сингапур и к 15 февраля принудили гарнизон крепости, 70 тысяч человек, сдаться. Японцы не только овладели важнейшей английской военной базой и портом, но и Сингапурским проливом, одним из важнейших морских мировых путей, связывающем Южную и Восточную Азию с Европой, Америкой и Австралией: Борнео, Целебес, Бали, Тимор и Суматра.

27—28 февраля японцы полностью уничтожили американско-азиатский и голландский флот и 7 марта оккупировали остров Яву. Все важнейшие острова Индонезии с их богатейшими запасами стратегического сырья перешли во владение японцев. За год войны, 1941—1942, японские вооруженные силы уничтожили почти весь флот союзников, почти полностью уничтожили военно-воздушные силы, а сухопутные войска разгромили и взяли в плен. Япония захватила Гавайские острова, все военно-морские и военно-воздушные базы союзников в западной части Тихого океана, овладела всеми запасами стратегического сырья в зоне Южных морей, находившихся до войны под контролем Англии, Голландии и США.

Япония захватила огромную территорию 3 миллиона 800 тысяч кв. километров с населением в 150 миллионов человек, не считая захваченных территорий Китая.

Опыт войны на Тихом океане показал, что при современных средствах вооружения линкоры и тяжелые крейсеры утратили свое доминирующее значение, оказавшись уязвимыми для атак с воздуха.

В мае 1942 г. в Коралловом море развернулось большое сражение между флотами США и Японии, в котором надводные корабли не обменялись ни одним выстрелом, действовала только авиация. Потери противников были одинаковы, но японская эскадра была вынуждена отступить.

В начале июня 1942 г. в бою у острова Мидуэй Япония потерпела поражение, потеряв четыре авианосца, крейсер и много самолетов. Соотношение сил на Тихом океане изменилось в пользу противников Японии.

Немецкий военно-морской флот в начале войны по водоизмещению уступал английскому в 7 раз, французскому — в 3 раза. Британская империя, имевшая владения во всех частях

земного шара, располагала для ведения войны на море большим военным потенциалом (высокий уровень промышленности, богатые ископаемые, способность народа выдвинуть из своей среды организаторов, деятелей науки, квалифицированных рабочих и специалистов, неограниченность источников стратегического сырья и продовольствия).

Для того, чтобы вынудить Англию к миру, немцы стали наносить удары по ее морским путям на всех океанах, по портам вывоза и ввоза. Для выполнения этой задачи немцы имели подводные лодки, быстроходные боевые корабли всех классов с большим радиусом действия, хорошо вооруженные вспомогательные крейсеры и скоростные транспортные суда для подвоза снабжения боевым кораблям. Наиболее эффективную деятельность на морских коммуникациях Англии и Франции проявляли немецкие подводные лодки. Вступая в войну, немцы имели только 57 подводных лодок, которые до конца 1939 г. потопили большое количество судов противника (504 тысячи тонн груза). В начале военных действий немецкие подводные лодки потопили английский авианосец «Корейджес» вместе с находившимися на нем 50 самолетами. Немецкая подводная лодка проникла в главную военно-морскую базу Скапа-Флоу и торпедировала линкор «Ройал-Оук», затонувший с командой в 786 человек. В этот период немецкие подводные лодки потопили несколько эсминцев, повредили один линкор и 2 крейсера англичан. Для рассредоточения английских сил на море немцы выслали в различные районы Атлантического океана свои броненосцы: «Адмирал граф Шпее», «Дойчланд», линкоры «Гнейзенау», «Шарнгорст». Эти корабли потопили много транспортных судов и заставили англичан создать 9 групп, предназначенных для уничтожения рейдирующих немецких кораблей. За второй год войны немцы построили 200 подводных лодок, но возросшая за это время английская авиация оттеснила немецкие подводные лодки от берегов Европы в открытый океан. Самым существенным недостатком немецкого флота было отсутствие морской авиации. В борьбе с англичанами на коммуникациях противника принимали участие и тяжелые крейсеры: «Адмирал Хиппер», «Принц Ойген» и линкор «Бисмарк», потопленный англичанами 27 мая 1941 г.

С вступлением в войну США для немецких лодок открылось новое поле деятельности — Атлантическое побережье Америки и Карибское море, где они имели большой успех, так как американцы еще не успели наладить систему конвоев. Но с половины 1942 г. американская защита против подводных лодок усилилась и немецкий адмирал Дениц вывел большую часть своего подводного флота в центральную часть Атлантики, в район между Ньюфаундлендом и Англией,

находившийся вне радиуса действия английской и американской авиации.

За 1942 г. немцы построили 280 подводных лодок и потопили торговый флот противника — 6,3 миллиона тонн. Базы немецкого подводного флота были по всему побережью Европы (от мыса Нордкап до франко-испанской границы и располагали железобетонными укрытиями толщиною в несколько метров, в которых находились и доки для ремонта).

Частые взаимные нападения на конвои приводили к беспрерывным боям по всему побережью.

В сентябре 1940 г. итальянцы, в составе 8 пехотных дивизий, под командованием маршала Грациана, начали наступление с территории Ливии на Египет.

9 декабря 1940 г. англичане перешли в контрнаступление и, почти полностью уничтожив итальянскую армию, 16 декабря заняли Эс-Салум, 21 января сильнейшую крепость Ливии Бардия и через несколько дней вступили в Киренаику, овладели Бенгази. Итальянцы потеряли 130 тысяч человек и почти всю территорию Ливии.

Итальянский морской флот понес большие потери, не имея успеха ни в одном сражении с англичанами.

Чтобы предотвратить военную катастрофу своего союзника, Германия послала в северную Африку экспедиционный корпус в составе 2 дивизий, под командованием ген. Роммеля. Для поддержки этого корпуса с воздуха в Сицилию был переброшен 10-й воздушный корпус.

31 марта 1941 г. Роммель перешел в наступление и, сломив отчаянное сопротивление англичан, 4 апреля взял город и порт Бенгази. Преодолев трехсоткилометровое безводное пространство пустыни и долгую песчаную бурю, Роммель в районе Эль-Мекили взял в плен 6 генералов и 2 тысячи солдат. Англичане, чтобы не быть отрезанными, оставили Киренаику.

9 апреля Роммель взял Бардию и перешел Египетскую границу, но у него не хватило сил взять крепость Тобрук, так как многие подразделения обеих танковых дивизий не могли переправиться в Африку вследствие усиленного действия английского флота, топившего итало-немецкие транспорты.

В ноябре 1941 г. англичане перешли в наступление и принудили дивизии Роммеля отступить, оставив Дерпу, Бенгази, и выйти из Киренаики.

16 декабря, после двухмесячного перерыва, прибыло в Триполи несколько танковых рот и артиллерийских батарей.

29 января 1942 Роммель перешел в наступление и, пройдя всю пустыню с юга на север, сквозь песчаную бурю и ливни,

захватил аэродром Бенина и вступил в Бенгази, захватив много солдат и офицеров южно-африканской бригады. Продолжая преследовать противника по пескам Киренаики, Роммель дошел до Эль-Газалы, но овладеть Тобруком с ходу не мог, не хватило сил и горючего. Наступила длительная передышка: обе стороны обессилели.

26 мая войска Роммеля перешли в наступление и в результате непрерывных упорных боев 21 июня взял Тобрук. Комендант крепости ген. Клопнер с несколькими генералами и 33 тысячи солдат сдались в плен. Дорога в Египет была свободной, и Роммель продвинулся далеко в глубь его территории до Эль-Аламейна. Но дальнейшее наступление, с целью выхода к Александрии и Суэцу, окончилось неудачей и положение воюющих сторон в северной Африке стабилизировалось.

В мае 1942 г. началось новое наступление немецких армий. Десятки тысяч голодных людей строят возле всех городов заградительные укрепления, на улицах воздвигаются баррикады. Изнуренные голодом и холодом люди не спят ночью от страшных налетов немецкой авиации. Ревут заводские и паровозные гудки, небо пронизывают десятки огромных прожекторных лучей. Темная ночь становится светлым днем от освещения висящих в воздухе огромных шаров, сброшенных неприятельскими штурмовиками. Первый силуэт самолета, светящийся фосфорическим светом в лучах прожекторов, является сигналом для канонады зенитной артиллерии. Басовито ухают тяжелые зенитки, автоматными очередями вторят скорострельные зенитные установки, небо прошивают светящимися пунктирами четырехдульные пулеметы. Звенят тонким комариным звоном тысячи тысяч мелких осколков, глухо шлепают о крыши домов, срезают листву деревьев, изрешечивают все живое и мертвое, что попадает на их смертоносном пути. Страшный, демонический свист разрезает напряженный от гула воздух, невидимый вулкан, сотрясаемый небывалым громом, изрыгает кроваво-красные каскады огня и зловещие облака дыма. Ужас, внушаемый «воробьиной» ночью, когда небо от беспрерывных молний кажется горящим, когда страшные силы природы, подавляя высокомерие человека и напоминая ему о всемогуществе творца вселенной, щадят его — этот ужас бледнеет перед ужасом злобных сил современной войны. Многоэтажные железобетонные здания, способные выдержать сильные вулканические сотрясения, рушатся, как карточные домики, от удара авиационных бомб, воздушная волна завершает разрушение. Дни, месяцы, годы идет огневой смерч, разрушая многовековую материальную культуру человечества на большей части земного шара.

А жить надо — это значит, несмотря ни на что, идти в первую очередь за куском хлеба, получаемого по карточке, и радоваться, забывая об ужасах воздушных бомбежек, что ты сегодня еще не умрешь от голода. В эти страшные по своей психологической оголенности дни видна без всяких пропагандных прикрас забота советской власти о человеке. Всем ясно, что дни Ростова сочтены. Минируются склады амуниции и продовольствия. Желтые струйки растительного масла, смешиваясь с красными ручейками шампанского вина, стекают в Дон.

— Дайте хоть картошки, — кричат женщины часовому, охраняющему продовольственный склад.

— За расхищение народного имущества расстрел, — отвечает часовой.

— Наши мужья на фронте, фронт отступает, кто же нас кормить будет?

— Это не мое дело.

— Немцам добро оставляете да сжигаете, а нам с детьми подыхать...

— Бери, бабы, что на него смотреть.

— Не подходи, стрелять буду...

— Стреляй, все равно...

Выстрел часового вырывает из толпы отчаявшихся людей не первую и не последнюю жертву, ради сохранения незыблемости социалистической законности, не слыханной по своей жестокости даже в давние времена в рабовладельческих странах. Там, где довлеет мертвящая догма материализма над духовным миром человека, там он расценивается только как бездушный материал для построения коммунизма. Затерянный в поле колосс ржи стал ценнее человека, ссылаемого на медленную и мучительную смерть в лагеря Заполярья по закону о расхищении социалистического имущества. Разве может убитая часовым женщина и ее погибшие от голода дети увеличить многомиллионное число жертв коммунизма или пробудить совесть ее палачей, намеревающихся поставить гильотину на вершинах всего мира. Жестокость римского императора Нерона, любовавшегося светом факелов, в которых горели христиане, многократно превзойдена НКВД, освещающего пути своего бегства огненной полосой горевших поездов с политическими заключенными.

Между Новочеркасском и Ростовом, на станции Кизетеринка, энкаведисты, боясь немецкого окружения, подожгли поезд с политическими узниками. Дикие вопли заживо сжигаемых людей покрываются трескотней автоматов. Но вот откуда-то ворвались незнакомые звуки крупнокалиберного пулемета.

— Немцы!.. — Энкаведисты, трусливо пригнувшись к земле, спасаются бегством. Немецкие солдаты прикладами

сбивают запоры горящих вагонов. Полуобгоревшая женщина выскакивает из вагона.

— Я, донская казачка, врач Богачева, приветствую вас, освободителей от власти красных извергов.

Как последняя иллюстрация бессилия советской авиации, пытающейся прикрыть бегство отступающих армий через Дон, идет воздушный бой тридцати советских «ястребков» с тремя немецкими «мессершмиттами». Словно мухи роятся «ястребки» вокруг намеченной жертвы. Трескотня пулеметных очередей, почти поглощаемая расстоянием, на миг покрывается более мощным звуком «мессершмитта», и почти одновременно один из «ястребков» огненным факелом падает вниз. Кружится рой металлических мух, проявляя чудеса ловкости и совершенства летного искусства, но каждый раз сказывается преимущество немецкой авиатехники. Опять отчетливо пукает немецкая пушка, и новый падающий факел, а за ним еще и еще утверждают победное торжество техники неприятеля. Три «мессершмитта», как на параде, ровняя линию строя, не торопясь берут курс на свои аэродромы. Бешено бьют вдогон зенитки-автоматы. Белые дымки разрывов догоняют, обволакивают уходящие самолеты, а они, как птица от плохого стрелка, невредимо скрываются в невидимом пространстве.

Действительность показала несовершенство военной техники и неподготовленность командного состава во всех подразделениях советской армии.

На одну из зенитных установок приезжает комиссар для выражения благодарности за меткую стрельбу зенитчиков.

— Товарищи, от имени командования приношу благодарность за меткую стрельбу по фашистским налетчикам. На командном пункте засечено попадание вашей установкой в неприятельский самолет. В знак вашего отличия в бою и преданность коммунистической партии награждаю вас бараньей тушею. Подкрепляйте ваши силы и бейте фашиста также метко, как сбили самолет.

Комиссар уехал. Бойцы, польщенные вниманием начальства, налегли на баранину и закончили ее в один присест.

— Теперь, братва, после такого комиссарского обеда и прикурить по уставу полагается.

Еще не докурили папиросы, как часовой предупредил:

— Ребята, опять комиссар мчится.

— Должно другого барана везет...

— Ну, как мой баран — целый, еще не съели?

— Съели целиком и полностью за ваше здоровье, товарищ комиссар.

— Сволочи, так вашу... Самолет-то сбитый, оказался нашим. Вредители, враги народа, отдам всех под суд!

— Это ошибка, товарищ комиссар. Мы никаких самолетов — ни чужих, ни своих — не сбивали.

— Так за что же вы барана съели?

— За вашу благодарность.

— Ну, черт с вами, больше барана не получите.

Комиссар запылил по дороге, а зенитчики стали обсуждать создавшееся положение.

— Ребята, — говорит командир батареи, молодой казак, — подрывать надо. Он этого барана нам не простит, пришьет саботаж, и будет нам всем «хана».

Вся батарея сбежала.

Так быль слагалась в анекдоты, а анекдоты превращались в быль. Персонажи этой анекдотической были позже были в моем отряде, а комиссар, как засланный диверсант, оказался в качестве помощника начальника полиции, которого опознали казачата-зенитчики и довели до моего сведения.

Главная стратегическая цель германского командования в летнем наступлении 1942 г. заключалась в том, чтобы разгромить войска советской армии к югу от Орла, захватить богатейшие в экономическом отношении территории Донбасса, Дона, Кубани и перейти в наступление на Кавказ для захвата нефтяных районов и путей через Кавказ для занятия Ирана. Для прикрытия северного фланга и тыла группы, наступавшей на Кавказ, выйти к Волге в районе Сталинграда и взять Сталинград — крупный политический и хозяйственный центр, важнейший узел путей сообщения, связывающий Кавказ с центральными районами СССР, с Средней Азией и Уралом. Сталинград имел огромное стратегическое значение, так как стоит на самой большой водотранспортной магистрали, по грузоподъемности заменяющей 10 железнодорожных линий. Волгу пересекают 12 железных дорог. Учитывая все это, немцы стремились, не считаясь с трудностями достижения столь отдаленной цели, во что бы то ни стало овладеть Сталинградом.

Для наступления немецкое командование подготовило 5 немецких, одну румынскую, одну итальянскую и одну венгерскую армии, составляющие группу армий «Юг». Эта группа была разделена на две части: группа «А» должна выйти к нижнему течению Дона и часть ее продолжать наступление на Кавказ, группа «В» должна действовать на участке Воронеж — Новая Калитва и, продвигаясь в междуречье Дона и Волги, достичь Сталинграда.

Группой «А» командовал фельдмаршал Лист, группой «В» — фельдмаршал Бок, позже смененный фельдмаршалом Вейхсом. Ставка Гитлера была перенесена из восточной Пруссии в Винницу.

Наступление германских армий южного фронта было начато 8 мая 1942 г. на Керченском полуострове, где было взято 150 тысяч пленных, 1133 орудия, 255 танков и 323 самолета. После 8-месячной блокады 1 июля взят Севастополь, где было захвачено немцами 100 тысяч пленных, 622 орудия, 26 танков и 141 самолет.

Немцы, развивая наступление, 15 июля завладели Богучаром, форсировали реку Калитва и вышли в большую излучину Дона в районе Боковская и Ново-Александровск. Заняли Морозовскую, Миллерово — Кантемировка. В июле 1942 г. 4-я танковая армия, стремительно продвигаясь вперед, к концу месяца вышла в район Калача на Дону, где встретила упорное сопротивление противника. Наступавшие одновременно — 6-я армия, 2-я венгерская и 8-я итальянская армии вышли в это время к Дону. 1-я танковая армия повернула на юг и к концу месяца подошла к Дону между Новочеркасском и Цимлянской. 17-я армия достигла Ростова и, соединившись с 1-й танковой армией, форсировала Дон.

56-я советская армия, прижатая немцами к Дону у Ростова, бросила все свое снаряжение и при помощи азовской флотилии, 50 транспортов, барж, катеров, через ростовский и ольгинский мосты панически бежала на левый берег реки. 28 июля, при сильной поддержке авиации, немцы взяли Азов. Быстро продвигаясь на юг, немецкие войска 8 августа заняли Майкоп с его разрушенными нефтяными промыслами. 9 августа Ейск, 10-го Белореченскую, 12 августа Ахтари, 18 августа ст. Неберджаевскую, 24 августа Темрюк.

22 августа начался артиллерийский обстрел Новороссийска. 31 августа, заняв порт Анапа, немцы вышли на побережье Черного моря и отрезали советские войска на Таманском полуострове. В ночь на 2 сентября овладели Новороссийском и подошли к Туапсе и Каспийскому морю. Овладев Пятигорском, одна группа горно-егерских войск поднялась на Эльбрус и на высоте 5629 метров водрузила немецкий флаг. Но это был только символический акт. Наступательный порыв немецкой армии подходил к концу.

Командующий группой армий фельдмаршал Лист, заявивший о невозможности достижения, с имеющимися в его распоряжении силами, поставленных Гитлером целей, был смещен, и на его место назначен ген.-полковник фон Клейст. Но эта мера не принесла никаких изменений. Немцы уже не имели сил завладеть имевшими большое стратегическое значение нефтяными промыслами Грозного и преодолеть кавказские перевалы.

Территории Кубани и Терека — казачьи земли — были полностью освобождены от двадцатилетней оккупации Красной Армии.

Передовые немецкие части подошли к Краснодару утром 9 августа 1942 года со стороны кожевенного завода. Слышались взрывы на комбинате Главмаргарина, заводе Седина, нефтеперегонном заводе и электрической станции. Большевики, отступая, разрушили промышленные предприятия города.

На улице Буденного появилась передовая немецкая танковая колонна.

Другая немецкая колонна, дойдя до вокзала, свернула к окраине города — Дубинке и Карсунским озерам. Загрохотал взрыв, подорвавший мост через Кубань. У Дубинки началась пулеметная и ружейная перестрелка. Немцы установили у кожевенного завода дальнобойную артиллерию и начали обстрел района Карсунских озер.

Немецкие инженерные части восстанавливают взорванный советскими саперами железнодорожный мост через Кубань. Попытка поднять фермы, упавшие в реку, не не имели успеха, поэтому немцы разобрали несколько больших зданий в городе, сняли с них двутавровые балки и сделали новые мостовые фермы.

В освобожденной от большевиков столице Кубанского Войска стал властвовать немецкий комендант города ген. Фрейтаг. Бургомистром города назначен Воронцов (в прошлом адвокат), заместителем бургомистра Ляшевский.

Через несколько дней явились бетрибс-фюреры для освоения промышленности города. Их, как правило, встречали советские специалисты, оставленные НКВД для подпольной работы в тылу, через которых укомплектовывался штат завода.

Настало время частной инициативы, и в городе моментально появилось множество мелких торговых и всякого рода частных предприятий.

В центре Краснодара, на Красной улице, открылся магазин косметических и парфюмерных товаров, под названием «Камелия», обслуживаемый молодыми нарядными женщинами, говорящими на немецком языке. Коммерческим директором акционерного общества «Камелия» был не кто иной, как уполномоченный крайкома коммунистической партии и штаба партизанского движения юга. Он руководил партизанскими отрядами, действовавшими в окрестностях Краснодара, подпольными партийными организациями города и всей степной полосы. Такая маскировка центра коммунистических организаций давала возможность их связным, в виде покупателей и коммивояжеров, осуществлять задания партизанского штаба. Немецкие офицеры, покупающие парфюмерию по весьма дешевым ценам, были в очаровании от красивых продавщиц, а работники гестапо, ничего не подозревая, покупали подарки для своего шефа полковника Кристмана. В подпольном большевистском центре работал свой «паспортный стол», подделывавший паспорта с отметками на регистрации и

бирже труда. На заводах, под руководством советских специалистов, шла по виду напряженная работа, при особом усердии всех работающих, но в конечном счете не дающая нужных результатов. Большевики применяли метод «тихой войны», по своим результатам не уступающий открытой партизанской войне. На заводах, где немцы ремонтировали танки, бронетранспортеры и другие автомашины, подпольщики инженеры и рабочие делали капитальный ремонт с таким расчетом, чтобы важнейшие части выдерживали испытание при приемке в цеху, а в боевых условиях быстро выходили из строя.

В подвалах Главмаргарина работала подпольная радиостанция, передававшая распоряжения главного партизанского командования, ставившего перед партизанами главную задачу: в решающий момент закрыть горные проходы к Черному морю для частей немецкой армии, стремящейся в Баку, Туапсе, Сочи — к границам Турции.

На дорогах Смоленская — Георгие — Афипская, Ново-Дмитриевская — Северская партизаны, спустившись с горы Ламбина, взрывают мосты, каменную арку через глубокое ущелье и железную дорогу с воинскими немецкими поездами между Ильской — Северской, минируют шоссейную дорогу. Ими свершаются диверсии на железной дороге Белореченская — Туапсе и шоссе Майкоп — Туапсе, на линиях Ильская — Крымская, Крымская — Тимашевка, Крымская — Тамань. Но вся партизанская деятельность на Кубани и Тереке, несмотря на благоприятные возможности горного рельефа, не может ни в какой степени сравниться с размахом партизанского движения на Украине и Белоруссии, а причиной тому является стихийное противодействие казачества.

Трудно было кубанскому казачеству собрать остатки своих сил после кровавых репрессий советской власти, не было возможности в столь короткое время поставить в Краснодаре свое казачье управление, некому было взять на себя обязанности походного атамана Кубани.

17 июля на реке Чир начался оборонительный этап Сталинградской битвы.

Строительство укрепленного рубежа на подступах к Сталинграду началось осенью 1941 г., когда немцы заняли Донбасс. В феврале 1942 г. было закончено строительство внешнего оборонительного пояса реки Иловли, севернее Сталинграда, по левому берегу Дона, по реке Мышкова и до Волги. Между этим рубежом и Сталинградом строились еще два оборонительных рубежа и укрепления непосредственно вокруг города. Общая протяженность оборонительных рубежей составляла 2700 километров. На дальние подступы к Ста-

линграду были подтянуты резервы Красной Армии: 64-я и 62-я армии, развернувшиеся на фронте: Клетская — Суровикино — Курмоярская.

Главные направления сражений немецких армий с советскими на территории Дона в основном были те же, что и во время первой войны казачества с большевиками — гражданской войны. Топила казачья конница красных в Дону у Ростова, Ольгинской, Нижне-Чирской, у железнодорожного моста через Дон, возле хутора Рычкова, на Донце — теперь на этих рубежах немцы громили советские армии. Самые упорные бои во время гражданской войны были между Нижне-Чирской и Царицыном (Сталинградом). Повторилось и теперь то же самое положение. С одной стороны был «Красный Верден» — Сталинград, а с другой — бывший казачий оплот — Нижне-Чирская.

— Вы свою артиллерию поставьте, где когда-то стояли наши донские батареи, вон там, на Рычковской горе. Оттуда, как на ладони, видать все Задонье, — советовал старый казак немцам. — А насчет переправы через Дон тоже вам посоветую. Наводить понтонные мосты надо там, где мы устанавливали. Берега и лесок скрывают от пулеметного обстрела. Река у берегов глубокая, не надо делать лишних настилов. Ваши танки в нашей местности все одно что наша конница. Главное препятствие при атаках крутые балки, через них не перескочишь ни на коне, ни на танке, вот их-то и надо умело обойти. Кто не знает их расположения, тот будет приперт, как к стенке, и разгромлен, как это случилось в нашей войне с красными. Эти самые балки-то посерьезнее всяких противотанковых рвов, тянутся на много верст. Мост железнодорожный через Дон красные взрывали при отступлении на Царицын в том же самом месте, как и теперь. Могу указать, как его справляли и в каком месте деревянные сваи били. Пока ваши инженеры будут по картам справляться да глубину промерять, а у меня все тут в голове готово. Ваша армия, гляжу, не такая поворотливая, как наша казачья, расторопности у вас не хватает. Мы бы с такими силами, как ваши, давно красных за бузан загнали. Да если бы и теперь собрать казаков, по всему белому свету рассеянных, в одну кучу, так тоже бы, при случае, дали красным духу. И вы не промахнетесь, если поможете нам собрать свои силы. Вот у вас танки, самолеты и тому подобная техника, а мы, можно сказать, голыми руками Царицын брали, чужим ведь оружием воевали, своего не было, только что отобьем у врага, то и наше, да и воевали-то со всей Россией почти один на один. Зря вы ушли тогда из-под Ростова, трошки бы нам подмогли и от большевизма бы и духу не осталось, забыли бы о нем и думать, а вот теперь через него весь мир кровь проливает. Под Калачом тогда сильно упорствовали красные, и, гляжу, теперь то же самое

будет. Там тоже место знакомое, исхоженное в войну и вдоль, и поперек. Вы мне только по карте называйте места, а остальное я все укажу, как и куда двигаться. Насчет местности под Царицыном тоже не сумлевайтесь, берите казаков в разведчики, и все будет, как полагается быть, сделано. Сажайте казаков на танки, они вас научат, как ходить по тылам неприятеля. Ежели места в танках не окажется, сядут снаружи, нам ведь в атаку ходить не привыкать.

Такие добровольные военные советники были при всех больших и малых штабах действующих частей немецкой армии. Ничего подобного немцы нигде не встречали, такой сноровкой и широтой военных познаний не обладал в своей массе ни один народ. И это неудивительно. Только народ-воин мог дерзнуть на единоборство с красными ордами большевизма в 1917 г. и мог продолжать ее и без оружия, морально на протяжении десятков лет.

4-я танковая армия немцев, имевшая своей задачей наносить главный удар восточнее железной дороги Сальск — Сталинград, 1 августа начала наступление с плацдарма в районе Цимлянская, 2 августа овладела Котельниковом, 3-го вышла на реку Аксай и осуществила прорыв до высот севернее станции Абганерово. К 20 августа танковый корпус вышел восточнее станции Тундутово. Тем временем 6-я армия наступала в районе большой излучины Дона. Никто не знает, в какой раз теперь разыгрывалась битва народов в исторических местах между Волгой и Доном, являющихся воротами для наступления на юг, где и поныне сохранился так называемый «татарский вал», возведенный в XIII веке против набегов татар, простирающийся от центральной части Сталинграда до Дона у Мышкова, в тех местах, где теперь проходит канал Волго-Дон.

25 июля 14-й танковый корпус 6-й армии в наступлении на калач встретил сильное сопротивление советской армии, перешедшей в контрнаступление, и только 10 августа 6-я армия одержала на этом участке полную победу, захватив много пленных. 21 августа 6-я армия форсировала Дон на обе стороны от Вертячего, и в этот же день 14-й танковый корпус вышел у Рынок к Волге севернее Сталинграда. 2 сентября обе армии, 6-я и 4-я танковые, соединились у Яблочной для дальнейшего наступления объединенными силами.

3 сентября 51-й армейский корпус начал наступление на Сталинград, и в тот же день 48-й танковый корпус 4-й армии вышел к западной окраине города у Воропоново.

14 сентября 6-я армия заняла господствующий над всем морем Мамаев Курган. 15 сентября обе армии соединились у реки Царица.

Территория Дона была полностью освобождена от двадцатилетней оккупации Красной Армией.

Итак, немцы второй раз появились на донской земле. В первый раз они заняли Ростов в 1918 г., где посланец от восставшего против большевиков Всевеликого войска Донского спросил их: «Зачем вы пришли на Дон?»

Кто же спросит их теперь, когда большая часть казачества истреблена, часть, как и во времена нашествия татар ушла с Дона и высматривала из убежищ, как, бывало, из камышей, в надежде на освобождение, а все призывные возрасты были взяты в Красную Армию.

Стихла артиллерийская канонада. Где-то вдали немецкие «штукасы» бомбят бегущие части советской армии.

В щемящей тишине слышатся командные выкрики на чужом языке. Выхожу навстречу и говорю на немецком языке заранее приготовленную речь. В ответ слышу угрожающий окрик на чужом языке, дуло автомата уперлось в мою грудь. Пытаюсь еще раз объяснить, кто я такой, но также безрезультатно. Мне указывают на группу забранных из домов мужчин и присоединяют к ней. Группа, по мере продвижения к концу города, превращается в большую колонну. Откуда-то из бахчевых зарослей послышались пулеметные очереди, пули засвистали над колонной. Конвоиры приказали всем лечь, сами показав пример. Куда нас ведут, что с нами будет — никто не знал и не смог спросить, не зная чужого языка. Город окончился, ведут дальше. Невольно стала закрадываться страшная догадка: «наверное, на расстрел».

Но вот колонну догоняет немецкая бронированная машина, из которой выходит пожилой офицер и командой на немецком языке останавливает колонну. Я вырываюся из рядов и становлюсь перед офицером навытяжку.

— Что вы хотите? — спрашивает он.

— Я — донской казак, ожидавший вашего прихода, и теперь приветствую вас, как освободителей казачьей земли, насильственно порабощенной коммунистической властью в 1920 г.

— Вы офицер? — спрашивает немец.

— Да, я донской офицер.

— Прошу вас сесть в мой автомобиль и показывать дороги на советские аэродромы, расположенные в окрестности города. Вот их расположение на карте.

Карта мне была не нужна. Я давным-давно, думая заветную думу об освобождении, исходил все пути, все дороги, которые могут быть использованы для продвижения воинских частей, при обстановке полного разрушения мостов. Расположение аэродромов мне было известно и без карты, да по ней

я ничего и не рассмотрел бы, так велико было мое душевное волнение в час долгожданного освобождения.

Вездеходная гусеничная машина идет напрямик по указанному мною направлению. На пути стоит степной курган, высоко возвышаясь над равниной.

— Что это? — спрашивает офицер.

— Это один из курганов в сторожевой цепи, идущей по всей степной равнине Дона. Когда-то это была граница между Европой и Азией, через которую прорывались многие народы и племена, идущие по пути переселения из Азии в Европу. Этот курган называется именем татарского хана Батыя, внука Чингисхана, покорившего всю Азию, Китай и большую часть Европы. Здесь ваши войска, помогая Донской Армии в борьбе с большевиками, в 1918 г. разгромили красных матросов.

— Тогда мы помогали казакам, а теперь вы, казаки, поможете нам в борьбе против общего врага.

Офицер приказал шоферу взять направление на курган. Полковник и его адъютант, вынув бинокли, всматривались в уходящую в даль цепь сторожевых курганов, рисуя перед своим взором далекую быль народов, по пути которых они теперь шли, повинуясь каким-то неведомым человеком законам истории. Немцы думали свои думы, а меня обуяла моя, казачья дума... Думушка давно задуманная, когда я в дни моих скитаний приходил на этот курган и невольно проникался уважением к памятнику, охранявшему далекую и славную быль вольных степных народов, когда я обращал к нему мои чувства, вылитые в строки моего, еще никому не ведомого стихотворения:

О чем ты расскажешь, курган мне могильный?
О буйных далекого прошлого днях?
О славе, что здесь протекала обильно,
О битвенных громах, тревожных огнях?
Расскажешь о том, что давно позабыто,
Что былью седой, как ковыль, поросло,
Что дымкой столетий надежно покрыто,
Что время с собой навсегда унесло?
Мне дороги сказы далекого мифа
И слава, рожденная давним мечом,
Быть может, близки мне стремления скифа,
Я рад тебя слушать, но речь не о том.
Хотел бы с твой отдаленной вершины
Взглянуть я на дали донской старины,
Услышать от ветра степного былины,
Как песне, внимать звуку вольной волны.
Увидеть нежданно столб дыма тревожный,
Разжечь моим жаром призывный костер,
Разбить, что так долго порвать невозможно,
Поднять буйным кличем застывший простор

Как много раз ты шла, седая старина, за вольным кличем своих сынов. Как часто буйный клич казачьего сполоха звал на смертный бой за честь отцов, за волю вольную, за край родной. И вот теперь, когда падают цепи плененного Дона, пусть искра творчества, горевшая в моей душе во тьме бес-

просветной неволи, зажжет призывный костер Второго Казачьего Сполоха.

Немцы опустили бинокли, а я еще смотрел в синеющую даль родной земли.

— О, я вас понимаю. Вам хочется иметь крылья и лететь над этим простором! О, мы знаем казаков! Когда-нибудь я об этом напишу, — дружески говорит старый чужеземный офицер.

— Я тоже пишу, я — певец моей плененной родины, молчавший много, много лет, и вот теперь мою песню услышит родная земля.

— Это хорошо, что вы пишите, это много поможет нам в борьбе против общего врага. Осмотрим аэродромы, и я вас представлю кому нужно.

Через день ко мне на квартиру приехали три немецких офицера.

— Мы хотели бы ближе познакомиться с вами и посмотреть ваши литературные произведения, — сказал один из них, — не удивляйтесь, что я говоря по-русски. В молодости я получил высшее образование в России. Мы хотим по вашим произведениям ознакомиться с настроением людей вашей категории, это поможет нам правильно строить наши отношения с народом, освобожденным от большевиков.

Немалого труда, забот и смертельной тревоги стоило сохранение произведений, за единую строчку которых грозила мучительная смерть в подвалах НКВД.

И вот теперь волею судьбы чужестранцы присутствуют при открытии просмоленного ящика, в котором труды многих лет неведомого певца казачества, труд, которого не касался ничей взгляд, ни одно слово которого не было произнесено вслух. Развернута полуистлевшая обертка, перед глазами кипа толстых тетрадей, исписанных химическим карандашом.

Немец, говорящий по-русски, открывает верхнюю тетрадь, всматривается, читает, перелистывает.

— «Куда едешь?» — русская былина (поэма), — читает он и переводит по-немецки своим начальникам.

— Много времени надо читать поэму, я читаю только случайные четырехстишия:

Кто сказал, что неведомы чувства былине?
Я сама их порыва порою страшусь.
Не ходить бы мне лучше по русской равнине,
Не видать бы мне слез твоих, матушка-Русь.

Как в короткой прелюдии содержится вся суть музыкального произведения, так в этих строчках я понял тон и содержание вашей былины. Теперь посмотрю на один из за-

ключительных аккордов вашего творения, и мне будет понятно.

Русь распял, осквернивши в душе все святое.
Бросил в рабство идею свободы труда.
Но пойдет в времена о великом разбое,
Не замолкнет былинный мой сказ никогда.

Да, это хороший памятник Сталину. Не удивляйтесь, что я кажусь знатоком русской поэзии. Я знаю всех классиков русской литературы, когда-то увлекался ими. Теперь быстро посмотрим дальше.

«Тихий Дон» — поэма.

Сквозь дальний мрак столетий бранных
Хотел бы мыслью я скользнуть,
К истоку дней твоих туманных
Устами жадными прильнуть...

Как хорошо сказано. Недаром говорят, что иногда по одному четырехстишию судят о духовной культуре народа.

Играй же, Дон, волной кристальной,
Пусть звонче плеск седой волны,
Ты, твой народ многострадальный,
Твоею радостью полны.

Ваша непоколебимая вера в освобождение сбылась. Казачество может и должно взять свое национальное право.

Откладывается еще одна тетрадь.

— «Степан Разин» — драматическая поэма для театра.

— Вы знаете, кто это? — спрашиваю я немца.

— О, как же не знать! Стеньку Разина поет не только вся Россия, а и вся Европа. Знаю наперед, как вы его нарисовали. Посмотрю только конец...

Столетья уходят, как волжские воды,
А в песне на стрежне пирует Степан,
Над Волгой, над Русью, в часы непогоды
Стоит он, бессмертный бунтарь-великан.

Лучше и красивее сказать нельзя. Когда казачество будет ставить памятник Разину, я не сомневаюсь, что эти слова будут красоваться на его пьедестале.

Посмотрим дальше...

«Ермак — покоритель Сибири» — драматическая поэма для театра.

Так и должно быть. Без Ермака не может быть исторической литературы донского казачества. Большая вещь. Читаю немного и наугад.

Могучие скалы седого Урала
Над царством Сибирским возносят мой трон.
По всей по Руси моя слава промчала,
Ее отдаю тебе, батюшка-Дон.
Нет, царственным блеском сибирской короны
Придонского сокола не ослепишь.
Милей мне струи искрометные Дона,
И волны его не заменит Иртыш.

Немец что-то объяснил начальникам, те благосклонно кивали головами и с видимым уважением смотрели поблекшие страницы моих тайных творений.

— Быстро дальше...

«Азовское сидение» — драматизированная поэма для театра.

Вольное братство тернистой тропою
К славе всемирной, не горбясь, пошло
И, как орел, перед силой любою
Не опустило покорно крыло.
Кто не поймет все величье стремлений,
Этот века побеждающий дух?
Кто из потомков не склонит колени?
К прошлому Дона останется глух?

Да, любовь к родине и национальное самосознание у вас выражены предельно. Вот так и мы любим свою Германию, и это дает нам непобедимые силы в борьбе за ее величие и благополучие нашего народа. Дальше я читать не буду, все понятно, только посмотрю.

«Донская лирика» — 600 стихотворений. И еще поэмы...

Сколько же времени, труда, страданий и мук творчества положено вами на создание вашей национальной литературы! Конечно, годы и годы. Мы знаем вашего писателя Краснова, издавшего на немецком языке свои романы. Знаем его знаменитое «От двуглавого орла к красному знамени» и много других произведений, но в их содержании нет призыва к борьбе за казачество, за Дон. Они интересны только как хорошо написанные прозаические произведения, характеризующие аристократическую интеллигенцию России в прошлом. Краснов живет в Берлине много лет и занимается только писанием книг. Теперь он пишет письма на Дон. Вы с ним скоро познакомитесь. Сегодня вы нам представили такие документы, которых никто нам не предъявлял из всей интеллигенции занятых нами территорий. Мы не будем удивлены, что никто и ничего подобного нам не в состоянии предъявить. Произведения, созданные под смертельной угрозой многих лет, являются примером непревзойденной стойкости духа, присущей казачеству, сыном которого вы являетесь. Я сделаю доклад своему начальству, и оно сделает из него свои выводы по отношению казачества и лично к вам. Сейчас мы вам оставим документ, который вам поможет найти нас. Мы должны следовать дальше, а вы обращайтесь к нашим, указанным в этом документе, и действуйте на страх врагам.

Старший офицер подписал документ, взял под козырек, пожелал хорошего успеха.

Немецкая армия без остановок двигалась на Кавказ. Много я читал всяких комендантских вывесок, много раз обращался, показывая данный немцами документ, содержание которого мне не было известно, так как он, по-видимому был написан условным шифром, всюду ко мне почтительно отно-

сились офицеры, но везде был один и тот ответ: «Мы здесь временно, уходим сегодня дальше. Обращайтесь к постоянной комендатуре вашего города».

Немецкая армия выполняла свои боевые задания, советская власть бежала, немецкая власть еще не появлялась, и народ на какое-то время сам был себе хозяин и действовал бесконтрольно под влиянием сложившейся обстановки.

Донская территория вследствие отсутствия лесов и гор была наименее применима для действия партизанских отрядов, оставляемых советами в тылу неприятеля. Но все же мало-мальски глухой уголок, при помощи иногороднего населения, навсегда оставшегося враждебным казачеству, даже несмотря на то, что при атамане Каледине Войсковой круг предложил им иногородним, стать в казачьи боевые ряды на равных с казаками, — использовался для партизанской борьбы. Одним из таких мест был во втором донском казачьем округе песчаный массив, по своему почвенному составу пригодный для выращивания виноградника, не уступающего по качеству винограда французской Шампани. Эта будущая донская Шампань — так определила ученая комиссия значение той маленькой донской «Сахары», осталась и поныне не обработанной, за исключением малой части на окраинах, использованной для бахчей и опытных посадок клещевины.

Рельеф этой пустыни — песчаные дюны, «кучугуры», как их называют казаки, и совершенная безлюдность во все времена года давали возможность скрываться здесь казакам-партизанам в течении нескольких лет гражданской войны, наводившим страх на партийные органы всего округа.

В этих же местах, по отступлении советской армии, были оставлены красные партизаны во главе с известным всему населению чекистом Сашкой Поповым. Много казачьих семей осиротил этот зверь, пользуясь законами советских джунглей, много кровавых слез народа выпил этот свирепый хищник. Теперь его заданием было — через агентуру из иногородних следить за действиями казаков для будущей расправы над ними и наблюдать за движением немецких частей, шедших по старому казачьему шляху на Сталинград.

Казаки, судя по поведению иногородних, чувствовали что-то неладное. На что-то и на кого-то надеялись их исконные внутренние враги иногородние. Охотничье чутье подсказывало — что-то недоброе затаилось в «кучугурах». Темными ночами стали ходить казачьи дозоры вдоль и поперек пустыни и выследили: два десятка чекистских головорезов обосновались в песках с радиопередатчиком и боевыми припасами.

Тишина и покой в маленькой песчаной пустыне. Кучугуры надежно скрывают от всех проезжих дорог, население сюда не

ходит, для скота нет пастбищ. Но Сашка-чекист не верит этому покою, в этой тишине он чувствует затаенную ненависть, как чувствовал, когда был всесильным владыкой этих мест, и теперь эта ненависть может стихийно превратиться в народную месть. Недаром он не спит по ночам и всегда лежит в сторонке от землянки, не доверяя бдительности часового. Партизаны его отряда не здешних мест и потому не знают, на каком вулкане они находятся. Предутренняя прохлада и мягкая теплота еще не остывшего от дневного жара песка успокаивают тревожные мысли, и кажется ему, что лежит он на песке черноморского курорта НКВД, отдыхает после перевыполнения плана по уничтожению «врагов народа» и набирается сил для новых подвигов на своем кровавом поприще. Весело пожил, нечего сказать. И вспоминается ему лихое веселье, когда он в 1921 году, в Нижне-Чирской, в отделении ЧК, плясал на досках, положенных сверх пытаемых казаков. Так, говорит история, татары пировали на телах русских князей, так пируем мы при свете факелов из живых людей. Как хорошо держать в смертельном страхе людей и отправлять их по очереди в «штаб Духонина», но вот зачем оживают они и встают, как эти ночные призраки...

Га-га-га — рванули ручные гранаты, подняв над землею песчаный смерч.

— Ура-а-а! — ожили призраки.

Сашка нажал на спуск автомата. Несколько призраков исчезло.

В образовавшуюся брешь он стал уходить что есть мочи от этого страшного сна наяву.

Короткие очереди, отдельные выстрелы, и бой у землянки закончен.

— Уходит, уходит, — стучит в висках у чекиста ужас возмездия.

— Скорее, скорее, — шумит под ногами песок.

— Не уйдешь! — все явственнее выговаривает топот погони.

— Не уйдешь, братьев убил, сынов убил. Бог дал мне силы перебороть 12 лет концлагерей для отмщения тебе, извергу рода человеческого.

Перекосилась вся фигура чекиста от звериной злобы, отчаяния и напряжения, косо идет последняя очередь из опустошенного диска.

Казачий конь сбил на всем ходу и втоптал в песок, а железные тройчатки вил пронзили насквозь аспида и змия.

Никто не захотел предать земле убитого чекистского зверя.

— Не будем осквернять казачью землю, пусть карги растаскивают эту большевистскую падаль, — сказал старый казак, исполнивший священную месть.

Так — «око за око, зуб за зуб» — расплачивалось казаче-

ство со своими палачами, намеревавшимися продолжать свою кровавую деятельность. И не установи немцы свои порядки, покровительствующие коммунистам, не было бы той сложной обстановки, в которой казачеству пришлось собирать свои силы.

НКВД предвидело, что казачество в станицах быстро расправится с их партизанщиной, не имеющей поддержки населения, а потому «лесными дебрями», где обычно были становища партизан, в казачьих землях стали города, имеющие не казачье население, как Ростов, Батайск, с их первостепенным стратегическим значением, где были созданы тысячи обученных диверсантов всех специальностей, организованно заполнивших аппарат администрации нового порядка, вводимого немцами через своих нацистских комендантов.

Брошенное советской властью на произвол судьбы население без всяких продовольственных запасов теперь принуждено рыскать в поисках питания, дабы не умереть с голоду. На железнодорожных станциях скопилось большое количество заготовленных для партийной верхушки жировых, мясных и иных продуктов, которое с разрешения немцев брали все и кто сколько мог. Закрытые распределители, предназначенные только для партийцев, где была одежда и обувь, по качеству недоступные населению, — брались теперь штурмом. Слетают замки, двери настежь. Ленинский лозунг: «грабь награбленное» — теперь приобрел свое настоящее значение. С железной дороги тянут доски, кровельное железо и всякие строительные материалы для починки разрушенных бомбежками жилищ, начинают строить новые, кто по воле правителей был лишен своего угла. Закатывают во дворы обозные повозки, собирают разбросанную упряжь, ловят брошенных обозниками лошадей при катастрофической переправе через Дон. Тяга к собственности, подавляемая варварскими мероприятиями власти на протяжении 20 лет, теперь полностью обнаруживает себя в условиях полной свободы действий.

Но вот власть победителей начинает напоминать о себе. На улицах расклеены приказы о сдаче оружия под угрозой смертной казни в случае обнаружения такового. Приказы подписаны местным комендантом.

Народ поговаривает, что в городе есть уже бургомистр, неизвестно как назначенный немцами, и что в бургомистерстве те же заправилы, что и были при советской власти.

Иду сначала к коменданту, исходя из соображений, что у немецкой власти не должно быть приближенных коммунистов. В комендантской первой самой важной инстанцией является переводчица, без опроса которой никто не может проникнуть к коменданту.

Красивая молодая женщина свысока осмотрела меня снизу доверху и, коварно поведя глазами, спросила: «Так это вы самый г-н Донсков?»

— Да, — оглядывая ее снизу доверху, ответил я. Взгляды наши скрестились, поединок начался.

— Что вы хотите?

— То, что вы не хотите, — ответил я, понимая, что эту преграду мне сейчас не преодолеть. Если она меня и пропустит к коменданту, то будет делать наедине с ним пересказ моих слов по-своему.

— Я это не совсем понимаю, — кокетливо улыбнулась переводчица.

— Что бы вы, Тамара, понимали все, что вам надо понять, я вам скажу коротко и ясно. Я знал вас раньше, чем вы постарались по партийному заданию узнать — кто я, определить мою внешность, никогда меня не видав воочию. Вы — дочь красного партизана, жена коммуниста летчика и сама партийка. Теперь вы подделались к коменданту, как знающая немецкий язык и как дочь немки, не сказав о вашем отце и своей партийности. Для дополнения моей характеристики скажу вам, что ваша партийная настороженность ко мне для вас и вам подобных необходима. Помните, как бы вы организованно не приходили в власти, околпачивая немцев, казачество сотрет всю коммунистическую нечисть со своей земли.

Демонический взгляд Тамары потускнел, стройная фигура женщины, не знавшей преград в достижении чувственных целей, как-то осунулась и окаменела.

— К коменданту я найду другие пути, не через вас. Из моего разговора сделайте выводы и пока не поздно прекратите вашу преступную игру.

Я пошел. Тамара стояла все в той же окаменевшей позе. Выйдя из комендантской и разобравшись в впечатлениях, я представил себе картину создавшегося положения.

Тамара была преподавательницей немецкого языка, и я, заранее собирая сведения о партийцах, знал ее характеристику, она же меня не знала и никогда не видела, а теперь по кем-то переданным приметам опознает меня. Значит большевистская разведка видела меня, ездившего с немцами, по-видимому, представляла высокий ранг этих офицеров и определила меня как опасного врага, доступ которому к местным немецким властям должен быть прегражден.

Коммунисты опять приходят к власти организованно, с поддельными документами, а мы, гонимые, сосланные при советах, начинаем вести одиночную борьбу, не имея на руках ничего и никаких связей с немцами. Единственная моя надежда в этой неравной борьбе — это мои произведения, которые не подделаешь и не сделаешь за годы. Может быть, мне поможет и документ, выданный немецкими офицерами, а

главное — должна мне помочь сила моего характера, не сломленная ни тюрьмой, ни многолетней угрозой расстрела НКВД при обнаружении моих произведений. Сегодня перчатки врагу брошены. Тамара, конечно, передаст по назначению сказанное мною, и враг полностью определит мое назначение.

— Ну, ничего, казаки на чужой земле «гиком города брали», а на своей земле, невзирая ни на что, казак должен вести себя как полноправный хозяин.

Иду к бургомистру. В бургомистерстве, выросшем по мановению какого-то тайного жезла, много всяких отделов, стучат машинки, многочисленный служебный аппарат ведет слаженную работу. Видно, что сидят не новички, пришедшие из ссылок, а советский актив. У коменданта надо проходить через фильтр переводчиц, а к бургомистру попасть не легче — надо заслужить благосклонность секретарши, которая, исходя из каких-то соображений, может вас пропустить или нет.

— Бургомистр очень занят. Он не может принимать всех без разбора. Кто вы такой и по какому особо важному делу?

— Дело у меня особой важности, в предварительном контроле я не нуждаюсь. Если вы меня не пропустите, то я пройду сам, без вашего доклада.

Иду мимо нее, она вскакивает и преграждает путь.

— Вы хотите, по-видимому, ближе со мной познакомиться? Пойдите и передайте бургомистру, что он обязан немедленно принять г-на Донскова.

При упоминании фамилии переводчица как-то нехотя помягчела и быстро шмыгнула в кабинет бургомистра. Я, не ожидая результата, последовал за ней. При моем входе поднялся с кресла коренастый господин лет 50, в движениях которого еще была заметна давняя военная выправка.

— Я к бургомистру.

— Прошу садиться.

— Я пришел с вами познакомиться, г-н бургомистр, и выяснить непонятную для меня структуру новой власти и ее национально-политическое назначение.

— Ну, какая тут структура, немцы назначили меня бургомистром, и я создал аппарат бургомистерства. Никаких национальных политических целей мы не преследуем. Наше дело наладить хозяйственную жизнь населения и помогать немцам в построении нового порядка.

— Есть у вас коммунисты в аппарате?

— Видите, как сказать, может быть, и есть, а может быть, и нет, как на это смотреть.

— Да так смотреть, по-казачьему.

— А почему по-казачьему?

— Потому что сидите вы на казачьей земле.

— Я тоже казак, — как-то безразлично процедил сквозь зубы бургомистр.

— А как же во мне вы не почувствовали казака и не встретили по-казачьему, хотя ваша секретарша, конечно, назвала мою фамилию.

— Ну, извините за неприветливость моего характера, познакомимся ближе. Я — в прошлом казачий офицер первой мировой войны, из учителей. В советское время учительствовал, а теперь волей-неволей бургомистр.

— Я тоже казачий офицер из студентов. После гражданской войны был арестован ЧК, три недели ожидал расстрела и отбывал пять лет тюремного заключения. Скитаясь по белу свету, временно учительствовал. А вы были репрессированы советской властью?

— Нет.

— Каким образом вам удалось избегнуть репрессий?

— Да так вот как-то, повезло.

— В какой армии были во время гражданской войны?

— И в казачьей и в Красной, вот потому-то и повезло.

— Тогда повезло и теперь повезло. Это в теории вероятностей как будто не предусмотрено, и вам, конечно, трудно дать математическое объяснение таким случайностям, а мне трудно воспринять недоказанное, как аксиому, а потому перейдем к доказательствам на практике. Вы, говорите, казак, и я казак, так давайте дадим коммунистам по-казачьему. Я имею поручение от высшего немецкого командования выявить всех коммунистов в этом районе, являющемся стратегическим центром большого значения, и в случае их саботажа или открытых выступлений расправиться с ними по законам военного времени. Вы, как бургомистр-казак, должны мне в этом помочь, это вам зачтется в будущем за вашу добровольную лояльность к советской власти. Я говорю вам все напрямую, так как досконально знаю советскую действительность, в которой казачий офицер мог быть не репрессирован только в том случае, если он служил осведомителем для НКВД, или, как исключение держали его до поры до времени как большого специалиста. Так вот, или будем делать по-казачьему, или будем воевать.

— Это ультиматум?

— Если хотите, да.

— Я вам отвечу немного позже, — глядя на часы, сказал бургомистр, — а сейчас я должен быть у коменданта.

«И там осведомишься у Тамары, каковы мои взаимоотношения с комендантом», — подумал я.

— Надеюсь, г-н бургомистр, что вы поставите коменданта в известность о моем посещении вас и нашем разговоре.

Дома, рассматривая карту района, где значились многочисленные совхозы, всякого рода коммунальные хозяйства и многочисленный состав железнодорожных учреждений узла,

который по пропуску товарного состава стоял на втором месте в СССР, где в управлении, как и при советской власти, сидели коммунисты, — я приходил к нерадостным выводам. Тысячи железнодорожников и все население района не казаки, и надеяться на их содействие в борьбе с коммунистическим засильем нельзя. Надо было уходить из этих проклятых мест в казачьи станицы, откуда коммунисты бежали, боясь расправы, а с коммунистическим активом, участвовавшим в раскулачивании, казаки расправились, как только советская власть бежала от немцев, или искать здесь скрывавшихся среди неказачьего населения казаков и организовывать их на борьбу с новым коммунистическим засильем. Как хорошо бы теперь быть в своей станице, но она еще не освобождена. В душе снова начало появляться тягостное ощущение, еще не совсем рассеянное сознанием освобождения от советской власти. Это ощущение усиливалось сведениями о жесточайшем отношении немцев к военнопленным. И вот наступила пора воочию убедиться в этом зверстве, несовместимом с культурой современного Запада.

В конце города экстренно построен огромный пересыльный лагерь для военнопленных. Жуткое зрелище представляли тысячи изможденных голодом людей, порою едва прикрытых рубищем советского обмундирования. Чье сердце не содрогнется при виде этих несчастных собратьев тех, кто испытал те же муки и зверские жестокости в советских концентрационных лагерях. Какая ирония судьбы! Люди, ненавидящие советскую власть, погубившую в ссылках миллионы людей, бросившие оружие и перешедшие на сторону чужеземных завоевателей, видя в них меньшее зло для своего народа, чем коммунизм, поверившие немецким листовкам, обещавшим свободу и неприкосновенность каждого сдавшегося в плен — теперь обречены не только на смерть физическую, но и смерть духовную, ибо где же правда Божия на земле, если христианский народ — немцы — уподобился безбожному образу коммунизма.

Тысячи плачущих женщин, принесших свой последний кусок хлеба для умирающих пленных, в которых каждая из них видит мужа, брата, сына, несущих такую же безбожную кару где-то на бесконечных пространствах, попираемых новым врагом — немцами. Летят куски черного хлеба через колючую ограду лагеря. Обезумевшие от голода люди, не слыша крика часовых, не внимая страху смерти, бросаются подбирать милостыню. Немецкие часовые косят прикладами живую массу ничему не внимающих людей. Но больше немцев в проявлении зверства отличаются военнопленные, перешедшие на сторону немцев и теперь исполняющие роль внутренних надзирателей, и в особенности один из них с типичной рожей энкаведиста. Когда смотришь на такое зре-

лище, где человеческое несчастье усугубляется ничем не оправданным зверством человека к тем, кто также создан по образу и подобию Бога, чувство возмущения и негодования доходит до высшего предела напряжения.

— Подойди сюда, земляк, — говорю я молодому надзирателю, вытирающему кровь со своей палки о траву.

— А что тебе надо? — грубо отвечает он.

— Что же ты, не угадываешь, что ли? Иди, закурим.

Протягиваю ему папиросы, принесенные мною для военнопленных.

— Закуривай, а потом поговорим...

Один миг — и палка, очутившись в моих руках, по-казачьему рубанула наискось морду энкаведиста.

Тах, тах, тах — рубанула палка теперь уже по чем попало, пока не изломалась на куски.

— Так, так, так его, — вторила ударам многотысячная толпа женщин.

— Убить, убить его, зверя, надо! Бей, бей его!..

Кипящая справедливым гневом толпа надвигалась на проволоку.

Немцы часовые заклацали затворами.

— Хальт! Хальт! Хальт! — предупреждающе кричали они.

Выбежавший из комендантской фельдфебель приказал мне идти за ним.

— Пропал человек, за правду пропал, — вздыхает многоголосая масса взволнованных и огорченных людей.

— Кто вы такой? — сурово спрашивает по-русски старый немецкий офицер, комендант лагеря.

— Я — донской казак, до глубины души возмущен тем, что вы, культурнейший народ Европы, проявляете дикое варварство по отношению военнопленных. Я говорю вам прямо в глаза о трагических для вас последствиях совершаемого вами преступления. Судьба казачества связана с вами. Мы с вами невольные попутчики в истории борьбы с большевиками. Ваше поражение в войне есть гибель для нас, поэтому казаки обязаны отвращать вас от гибельных путей, на которые вы стали, истребляя миллионы людей, ненавидящих коммунизм в не меньшей степени, чем вы. Весть о подобных зверствах, безусловно, стала известной всем красноармейцам, и больше пленных у вас не будет. Вы своими аморальными действиями возмущаете всех, кто ждал вас, как освободителей, и вот один из ваших союзников стоит перед вами и обличает вас в неслыханном преступлении, разве только равном злодеяниям Сталина. Кто я есть — вот мой документ. — Комендант взглянул на шифры документа и как-то подтянулся, как будто перед ним стоял равный ему по рангу.

— Я — старый немецкий офицер, воспитанный на рыцарских традициях, на принципах гуманного отношения к по-

бежденному противнику. Наше отношение к русским пленным в первую мировую войну вам известно. Нас никто не мог упрекнуть в том, в чем теперь вы упрекаете, и ваш упрек относится к военному командованию в настоящее время. Вермахт подчинен политическому руководству партии национал-социалистов во главе с фюрером Адольфом Гитлером. Среди нас, офицеров, есть также партийцы, которые следят за выполнением политической программы партии в отношении населения оккупированных нами стран и военнопленных. Я не должен много говорить об этом. Это небезопасно. Вы меня должны понять. О казачестве мы имеем полное представление еще по первой войне. Казачество достойно себя показало в борьбе с большевиками, будучи оставленным всем миром на съедение коммунизму. Я думаю, что ваша пора пришла предъявить нашему правительству право на ваше самостоятельное существование. В этом я желаю вам успеха.

Иду и рассуждаю сам с собой: «Предъявлять право может только сильный, ибо основной постулат права, к сожалению, всегда был и есть: сила — есть право.

Какое право я могу предъявить бургомистру, когда у него уже целый административный аппарат, налаженный коммунистическим подпольем, а у меня никого нет».

Как будто в ответ на мои мысли навстречу идет фигура, в которой, несмотря на рабочее облачение «непревзойденного советского покроя» — штаны из мешка и пиджак из той же непревзойденной по качеству материи, — все же видна стройная и могучая осанка казака-атаманца. Усы, настоящие казачьи усы окончательно утвердили мое предположение.

— Здорово, атаманец!

Подозрительно скосившись на меня, он прошел мимо, а потом, как будто что-то передумав, обернулся ко мне и спросил:

— А ты откуда знаешь, что я атаманец?

— Казак казака, брат, видит издалека.

— Да это-то оно, парняша, вроде как и так. А ты сам-то кто же будешь?

— А ты приглядись к моей хвизиономии.

— Да навроде, как на нашу смахиваить, только вот усы маловатые.

— Усы — дело поправимое, може, и чубы скоро отпустим.

— Недюже отпустишь. Сидят эти антихристы опять у власти.

— Так вот, станичник, чтобы красных антихристов нам подарканить, надо всем казакам, тут проживающим, объединиться в круг. Есть тут казаки?

— Мало не мало, а с полсотни наберется.

— Пойдем-ка ко мне и погутарим, как нам быть, а там, може, и задишканим Ермака.

С этого дня казачий круг стал шириться и готовиться к схватке с местными коммунистами, имеющими вооружение из тайных складов, специально оставленных советскими властями для коммунистического подполья. Казаки вооружались оружием, брошенным при отступлении советской армии, у каждого была винтовка с патронами, а у некоторых и клинки.

— Теперь, станичники, добывай лошадей.

— Лошади-то есть, да их полиция новоиспеченной области отбирает. Сам бургомистр-то, говорят, казак, а, сукин сын, и глядеть на казаков не желает, просим паспорта на лошадей — не дает.

— Ничего, немного погодя мы ему рога собьем.

Так в напряженной борьбе с новой большевистской властью, находящейся под покровительством немецкой комендатуры, создавался один из первых вооруженных отрядов на Дону.

Казаки, много лет скрываясь от преследования власти среди городского иногороднего населения, знали местных коммунистов, теперь опять устроившихся в учреждениях бургомистерства.

Все до тонкости учитывали руководители подпольной большевистской работы и на пост бургомистра подсунули казака, чтобы легче втереть очки немцам. Слух об организации казаков не только дошел до ушей коммунистов, но и распространился среди населения, в глазах которого, после того, как я отлупил палкой надзирателя, избивавшего военнопленных, мой авторитет поднялся над всей местной властью.

Сведения о коммунистах стали поступать не только от казаков, но и от иногороднего населения, преследовавшегося советской властью. «Книга бытия» о коммунистах все более распухала от их характеристик. Но в то же время борьба с ними принимала уже открытые формы. Одного казака по распоряжению бургомистра посадили в полицию по обвинению в порче кавказского нефтепровода, идущего недалеко от города Б-ка. Этот случай нарушил тактику моих действий. Я хотел сначала пробиться к немецкому командованию в Ростове, а потом уже иметь дело с комендантом и бургомистром, а приходится опять делать наступление на местную власть без всякой поддержки извне.

Теперь бургомистр имеет еще более важный и самоуверенный вид. За ним не кто-нибудь, а портрет самого, не знающего никаких преград, фюрера, Адольфа Гитлера.

На мятущемся фоне демоническая фигура человека, сеющего бурю. Все приподнято в этой фигуре: волосы, подбородок, вздернутые плечи, взгляд, рыскающий по поднебесью, и страшно бросающаяся в глаза жестокость во всех чертах ока-

меневшего лица. Да, Только такой злой гений мог, не считаясь ни с чем, идти на мировые высоты власти. Место Сталина занято равноценным ему по всем категориям антиморали Гитлером, и бургомистр снова на своем административном посту.

— Вы опять ко мне? — тоном почти открытого недружелюбия спрашивает он и на минуту как будто весь целиком погружается в лежащие перед ним дела.

Взгляды двух казаков приготовились к схватке и вдруг засверкали и скрестились, как клинки.

— За что посадили казака в тюрьму?

— За преступление.

— Какое?

— Нефтепровод прострелил.

— Все то ложь! Большевики, отступая, испортили нефтепровод, и тысячи жителей растаскивают ведрами керосин, оставшийся на дне нефтепровода, а казак остался один за всех в ответе, да еще перед кем. Кто вел дознание?

— Помощник начальника полиции.

— Кто назначал его в полицию?

— Я.

— Кто давал ему рекомендацию на поступление в полицию?

— За все и всех отвечаю я.

— Да, за все и всех ответишь ты! Ответишь и за этого политрука, теперешнего помощника начальника полиции. Вот тебе мой казачий ультиматум: немедленно выпустить из тюрьмы казака и представить его мне. Немедленно отдай распоряжение зарегистрироваться у меня всем коммунистам, состоящим в подведомственных тебе учреждениях. Всем казакам выдать паспорта на лошадей. Если это не будет исполнено, новый портрет на сталинском месте тебя не спасет. Тебе надо подорвать мой авторитет перед казаками и показать мое бессилие перед твоей властью, так знай, с твоей коммунистической сворой я справлюсь. Начнем пробовать казачьи клинки на твоей голове, и никакие жалобы немцам тебя не спасут. Я думаю, что все понятно. Опомнись и выполняй приказ по чести, иначе будет поздно каяться.

— Этот ультиматум я должен представить на рассмотрение немецкого коменданта. Он здесь хозяин, а мы только выполняем точно его распоряжения.

— Идем к коменданту, и я сам передам ему мой ультиматум тебе. Говорить будем без переводчицы коменданта.

В это время в кабинет бургомистра ворвалась женщина, самоуверенная по виду и манерам, и тоном, не допускающим возражений заявила:

— Г-н бургомистр, пора вам заканчивать аудиенцию, у меня тут более важные дела...

— Разговор наш окончен, — заявил мне бургомистр, отвернувшись от меня в сторону женщины.

— Разговор наш не окончен! Идем к коменданту.

— Некогда бургомистру терять время на частные разговоры. Тут вот у меня важный вопрос относительно продовольственных карточек для населения.

— Почему, бургомистр, эта особа оставлена на службе в том же учреждении, как и при советах?

— До этого вам нет дела, — вызывающе подвинулась ко мне партийка, о которой казаки дали мне все подробные сведения.

— Прикажи, бургомистр, ей выйти, с ней у меня будет разговор позже...

— Не могу. Она на службе...

— У кого на службе?

— У немцев, — быстро вставила партийка.

— Марш отсюда! — теряя самообладание, крикнул я, не узнав свой голос.

— Вы мне не командир!

В короткое мгновение в моих руках очутилась винтовка, стоящая в углу, недалеко от бургомистра, клацнул затвор, партийка от страха чуть не сорвала двери с петель и моментально исчезла из смежной комнаты. Канцеляристы приподнялись на своих местах, видимо, на всякий случай, приготовились также к бегству. Только одна посетительница, с типичным немецким лицом, не испытывая страха, а даже как будто намереваясь улыбаться, подошла ко мне.

— Я вас понимаю. Вот так и я не могу нигде добиться правды. Я урожденная немка, мой муж русский офицер, сосланный при большевиках. Возьмите меня переводчицей, и нам вместе будет легче вести борьбу с ними, — показывая на кабинет бургомистра, вполголоса сказала она.

— Идемте со мной.

Бургомистр нервно перебирал какие-то бумаги, не глядя на вошедших. — Вот нам и переводчица. Быстро к коменданту!

Бургомистр удивленно поглядывал на винтовку, как будто он первый раз в жизни видал это оружие, теперь явно обращенное в его сторону.

— Не бойся, я ее поставлю на место. Для тебя у меня есть другое оружие.

Приветливо улыбаясь бургомистру и вопросительно посмотрев на меня, встретила нас переводчица Тамара.

— Вы к коменданту?

— Да к коменданту и без ваших услуг.

— Вы все вместе? — обратилась она к бургомистру.

Взгляды наши встретились, бургомистр молчал.

— Вместе, — за всех ответил я, — переводить будет настоящая немка, вот эта госпожа, также имеющая неотложное дело, касающееся этой комендатуры.

Как доложила Тамара о нас коменданту — известно только ей одной.

Чистопробный нацист по своим убеждениям, давно усвоивший на практике теорию фюрера об унтерменшах, смягчавший свою презрительность только по отношению беспрекословных исполнителей возвеличивания третьего рейха, был удивлен чистейшей немецкой литературной речью вошедшей с нами немки, объяснявшей ему личную и общественную трагедию людей, видевших в немцах освободителей от узурпаторской власти большевиков и теперь преследуемых теми же большевиками, захватившими власть в административном аппарате, организуемом немцами.

— Сегодня я могла пробиться к вам только с помощью казачьего офицера, который вам более подробно изложит сказанное мною.

Презрительный взгляд коменданта вопросительно остановился на мне и, смягчившись, перешел на бургомистра.

— Вы, г-н бургомистр, с ними по одному и тому же вопрос?

— Да, вопрос один и тот же, но я рассматриваю его по-иному, чем они.

Комендант уперся взглядом в меня.

— Что вы хотите сказать?

— Я — казак и буду говорить по-казачьему. Мы ожидали вас, как освободителей, но, по-видимому, ошиблись в своих предположениях. Ваша система управления в занятых вашей армией местах ничем не отличается от коммунизма. Отсюда мы, народ, делаем вывод, что партия национал-социализма отличается от коммунистической только по названию. Вы оставили всю коммунистическую хозяйственную систему, оставили на местах коммунистических руководителей, считая их незаменимыми специалистами. Но вы забыли, что все они работают не по вашим указаниям, а по распоряжению коммунистической власти из Москвы. Они умышленно перевыполняют ваши требования о поставке продуктов для вашей армии и Германии, и вы считаете этот факт для себя благоприятным, забывая, как все это отразится на психологии населения, дети и братья которого находятся в Красной Армии и также ожидали от вас освобождения, что они доказали, сдаваясь в плен сотнями тысяч. Несомненно до них дойдут сведения о новых порядках, во всем подобных коммунистическим, и тогда вы будете иметь дело не с красноармейцами, а с национально мыслящими солдатами, и никакими танками их гнев не остановить, а возмущенное и обиженное население

отвернется от вас. Не забывайте, что эту бескрайнюю и многомиллионную страну на одном штыке держать бесконечно нельзя, не хватит сил ни у каких завоевателей, если они не будут считаться с национальными и религиозными чувствами народа. Теперь же вы топчете национальное чувство казачества, предоставляя свои силы коммунистам для расправы над нами. Вы находитесь на территории народа, завоеванного большевиками и теперь, в силу сложившихся исторических событий, освобожденного. Вы скажете, что вы освободители, на это мы, казаки, ответим: Германия была бы под властью большевизма, уже 25 лет назад, если бы казачество в трехлетней войне не ослабило СССР. Ленинские орды ворвались бы в Европу через Польшу, в Германию и дальше. Мы, казаки, теперь, желаете вы или нет, собираем свои распыленные большевиками силы и скоро скажем вам, как сказали наши старшие братья в 1918 г.: «Вы на земле Всевеликого войска Донского, и мы не позволим нашим кровным врагам, коммунистам, владеть нашей землей через ваше содействие. И прежде всего это коснется вашего ставленника здесь, вот этого г-на бургомистра. Он — казак, но казак красный, который будет отвечать перед казачеством за измену, а о всем, что здесь делается, будет доведено до ваших высших властей через вот этот адрес. — При этом я подал ему свой немецкий шифрованный документ.

Немец, заметно нетерпеливо слушавший мою речь, взглянув на документ, соизволил осведомиться, что же я предлагаю.

— Я предлагаю немедленно зарегистрироваться у меня всем коммунистам на территории комендатуры. Я требую немедленного удаления всех коммунистов из подведомственных вам учреждений и наказания их за злодеяния, ими совершенные во времена раскулачивания и ссылок, расстрела на месте всех опознанных энкаведистов.

— Вы хотите слишком много. Наш фюрер приказал не преследовать коммунистов, если они верно служат нам, и наказывать только тех, кто пойман с поличным в преступлении против нас. А что вы скажете, г-н бургомистр?

— В моем бургомистерском аппарате есть коммунисты, но они лояльны по отношению нового порядка, вводимого в России немецкими властями. Мой административный аппарат беспрекословно выполняет все наши распоряжения. Требования г-на Д-ова противоречат нашим политическим установкам и мешают нашей работе.

— Что вы на это скажете?

— Да, их коммунистической работе я мешаю и буду мешать. Первое на чем я настаиваю — это регистрация всех коммунистов. Если это не будет выполнено, я обращусь в те инстанции, о которых я вас, г-н комендант, поставил в известность через мой документ.

— Хорошо, я вам разрешаю произвести регистрацию коммунистов, но не разрешаю производить над ними репрессии.

— Прошу вас отдать распоряжение г-ну бургомистру немедленно отвести мне помещение в бургомистерстве по моему указанию и дать мне право пользоваться средствами транспорта, находящегося в ведении всех учреждений бургомистерства.

— Г-н бургомистр, предоставьте в распоряжение г-на Дова все необходимое для его работы. Надеюсь, что вы, господа, хорошо договоритесь о совместной работе и мне не придется еще раз выслушивать такие неприятные вещи, как сегодня. Теперь я хочу поговорить с моей соотечественницей.

Выйдя от коменданта, бургомистр молча выслушал мои распоряжения.

— Завтра помещение для меня должно быть готовым и все коммунисты бургомистерства обязаны придти первыми ко мне на регистрацию.

Эта маленькая победа у коменданта, имеющая скорее моральное, чем административное значение, отозвалась многократным эхом среди населения. Теперь был официальный центр, куда можно было дать сведения о замаскировавшихся коммунистах.

— Вон, вон, посмотрите, красный партизан с 1917 года, — показывая в окно, говорит один из моих посетителей.

— Выходите из комнаты и смотрите, когда я буду его вести. Если это он, кивните мне головой.

На улице догоняю медведеобразного человека, из лап которого трудно было вырваться, когда он был у власти.

— Стой, гражданин!

— Как, почему?

— Иди за мной!

— Зачем?

— Узнаешь после.

Злобно посмотрев на меня и на мою руку, опущенную в карман, красный партизан, зная по опыту, что значит рука в кармане, молча пошел рядом со мной.

— Немного вперед, в эту дверь. Садись и поговорим по душам. С какого года в коммунистической партии?

— Не знаю, ничего не знаю...

— Фамилию тоже не знаешь?

— Калугин Никита Федотович.

Партийный стаж.

В ответ молчание.

— Красный партизан? Какие ордена имеешь?

Опять молчание.

— Вижу, память у тебя от страха и злобы отбило. Ну, ладно, я тебе помогу, Никитич. Вот смотри на эту коммунис-

тическую «библию», — показываю ему на книгу изрядной толщины.

— Откроем по алфавиту начальную букву твоей фамилии. На, читай, не твоя ли это партийная образина описана вот тут.

Вся фигура красного партизана как будто набычилась, уставившись в очертания знакомых букв, составляющих его фамилию, возраст, партийный стаж, получение орденов и опознавательные приметы.

«Разрисован, как на картине, во всех подробностях, деваться некуда», — сама за себя говорила налившаяся кровью и без того красная физиономия сталинского человекоубийцы.

— Похож?

— Ну, что ж, так оно и есть, я самый, деваться некуда.

— Деваться тебе есть куда, если ты перестанешь партизанить.

— Я теперь политикой не занимаюсь.

— А вот я тебя хочу назначить политруком.

Партизан удивленно уставился глазами в переплет моей книги, как будто пытаясь понять ее истинное назначение.

— Это как же так?

— А вот так. Ты пойдешь, Никитич, к своим партийным товарищам по всем местам их конспирации и проведешь с ними политбеседу на такую тему: ...что если будет проявлен хоть один акт саботажа или нападения на кого-либо из борющихся с коммунистами, все вы, вместе с вашими семьями, будете немедленно расстреляны. К вам и вашим родичам будет применена мера, применявшаяся вами к противокоммунистам. Вот в этой коммунистической библии обрисованы все партийцы этого района. Чтобы ты уверовал полностью в ее содержание, назови мне фамилию какого-либо коммуниста и сам посмотришь на его физиономию.

— Егоров Иван Фомич.

Перелистав несколько страниц, показываю.

— На, читай.

Видно было по шлепающим губам партизана, что нечленораздельные звуки его чтения полностью соответствовали внешним чертам и партийному содержанию названной им фамилии.

— Точно обрисовано?

— Здорово! — даже повеселев по поводу того, что он не один значится в этой страшной книге, ответил партизан.

— Все понял?

— Все до точности.

— Так вот, иди и знай, что за все содеянное коммунистами после моего предупреждения ты со своей семьей будешь первым ответчиком.

Эта противокоммунистическая профилактика, как показа-

ли последующие события, возымела чрезвычайно благоприятные последствия. Ни одного акта саботажа, даже на железной дороге, не было совершено до самого отступления.

— Смотрите, к вам придет человек высокого роста, по выправке похожий на старого офицера, это коммунист. Он сейчас тут вертится и разговаривает с казаками, вроде как хочет помочь бороться с большевиками, — предупредил меня один из казаков, неофициально дежуривший возле моего отделения. И действительно, через несколько минут человек высокого роста попросил разрешения войти.

— Разрешите представиться, — копируя выправку старого офицера, отчеканил он.

— Да.

— Я — офицер, ротмистр корниловского полка, считаю своим долгом представиться вам и предложить свои услуги для борьбы с большевиками. Казаки и белая армия были единым целым и теперь должны объединять свои силы для продолжения этой борьбы.

— Прошу садиться. Вы участник ледяного похода?

— Так точно. Имел и орден этого похода.

— Где родились?

— В Харькове.

— Где получили военное образование?

— В Елизаветинском кавалерийском училище.

— Как вы намерены помогать казакам в борьбе с большевиками?

— Я надеюсь, что вы меня включите в состав вашего отряда, где я буду полезен как кавалерийский офицер, или позволите мне создать свой отряд из добровольцев неказаков, бежавших из Красной Армии.

— Имеете вы документы, подтверждающие ваш офицерский чин?

— Так точно. Вот копия с моего документа, засвидетельствованная г-ном комендантом.

«Чистая работа», — подумал я, разглядывая немецкий документ.

— С вашим предложением об организации добровольного отряда я согласен. Представьте мне своих помощников, как только они у вас объявятся. Документ ваш я временно оставлю у себя, а вы получите соответствующую документацию, как только приступите к организации отряда. Прошу вас докладывать мне о ходе вашей работы, когда найдете нужным. Желаю вам успеха.

В моих руках документ первостепенной важности. Но рассматривая его, я не могу понять: как мог немец комендант выдать такую фальш на руки коммунисту?

В этом мне помог разобраться предупредивший меня о приходе этого «офицера» казак, знающий всю подноготную бывших и теперешних коммунистических властей.

— Это работа Тамары. Она так обработала коменданта, что он оставляет ей незаполненные бланки с его подписью, а она стряпает документы для коммунистов. Оседлала проклятая баба немца и едет на нем, куда хочет. Много беды она нам натворит.

— Ничего, Николай, на этом документе и комендант себе шею сломает, а с Тамарой мы сами управимся.

— Трудно с ними управляться. Вот вы выгнали коммунистку, что ведает продовольственными карточками, эту, что хотели из винтовки угостить, а на ее месте сидит другой коммунист. Надо всех разом прихлопнуть, да не затягивать с этим потому, что их силы с каждым днем увеличиваются. Немецкая армия так быстро шла на Кавказ, что никто из отступавших советчиков не успел убежать, а так как коменданты дали им потачку, то они организуются, как хотят, никто им не мешает.

— Это ты верно говоришь, Николай. Даже заведующий отделом образования, коммунист с 1905 г. и тот хочет возвращаться сюда, там, говорит, свои ребята у власти. Вот оно как делается. Ждали немцев, как светлое Христово Воскресение, думали, что большевики исчезнут, как от лица огня, а они себе смотрят на нас чертом и опять готовятся распинать казачество.

— Говорят, что бургомистр добивается у коменданта, чтобы он приказал обезоружить наш отряд, а вместо нашего отряда помощник начальника полиции организует свой вспомогательный отряд.

— Пойди-ка его позови.

Положение моего казачьего отряда, никем не снабжаемого и не оплачиваемого, находящегося в полулегальных отношениях с комендатурой, становилось с каждым днем тяжелее. Что делать? Пойти по-казачьему в атаку и порубить новую власть, начиная с бургомистра, или продолжать вести борьбу в немецких сферах?

Как будто в унисон моим невеселым думам, за дверью послышался плач женщины.

— В чем дело? Войдите сюда. Успокойтесь.

Немолодая женщина, прерывая слова частыми всхлипываниями, стала рассказывать о своем горе.

— Муж мой, белый офицер, был сослан советами в концлагерь, отсидел десять лет, и мы с ним жили на Украйне, подальше от своих мест. На днях мы возвратились в свой дом, а сегодня ночью моего мужа арестовал помощник начальника полиции, обвиняя его в том, что он красный партизан, засланный советами. Я нигде не могу узнать, где мой муж и что

с ним. Мне посоветовали обратиться к вам. Так и сказали, что только у казаков можно найти правду, а все тут кругом советчики. Опять в родном доме настигло нас НКВД.

Женщина неутешно заплакала.

— Прошу вас успокойтесь. Я даю вам слово, муж ваш будет найден немедленно.

В дверь постучали.

— Войдите.

Женщина, взглянув на вошедшего, заплакала навзрыд.

— Вы, кажется хотели меня видеть? — развязно спросил вошедший, взглядом опытного чекиста определяя создавшуюся ситуацию.

— Вы узнаете эту женщину?

— Знаком с ней не был, — с явным цинизмом ответил он.

— А вы узнаете этого господина?

— Это он арестовал моего мужа, он... он...

— Кто вам дал право применять практику НКВД над людьми, пострадавшими от советской власти?

— Я имею право арестовывать всех, кто подозревается в саботаже против нового порядка, устанавливаемого немецкой властью.

— В чем же его вина?

— Он — белый офицер, а все бывшие в белой армии — враги немцев.

— Ловко ты насобачился применять чекистскую юриспруденцию. При советах он был тебе враг и теперь оказался врагом. Да ты сам-то кто?

— Кто я, тебе не надо знать, а кто ты, я знаю: белобандит! — Глазами он, кажется, уже отдал команду расстрелять меня, а рука не успела выхватить пистолет, как уже два пистолетных дула стали на линии его лба.

— Клади пистолет на стол.

Незаметно подошедший Николай ловко вывернул руку чекисту и подал мне его пистолет советской марки ТТ.

— Николай, конвоируй его в тюрьму. А вы, мадам, идемте со мной. Извините за причиненные вам волнения, но ничего не поделаешь, борьба есть борьба.

У дверей тюрьмы стоял часовой, по наружному облику весьма сходный с нашим арестантом, видно, одного поля ягода.

— Снимай с поста часового, — скомандовал я энкаведисту.

Но еще не успел он открыть рот, как Николай, в подтверждение моей команды, ткнул его в спину дулом пистолета.

Часовой, видя, в каком положении его начальник, беспрекословно открыл дверь. — Сдай винтовку и можешь быть свободен.

Большая камера тюрьмы битком набита заключенными.

Советчики и тут были верны своим методам издевательства над своими жертвами.

— Кто из вас вчера был арестован ночью вот этим мерзавцем?

— Я.

— Вы белый офицер?

— Да.

— Вы свободны. Идите, вас ожидает жена. Есть казаки среди вас?

— Есть, — ответил человек с бритой головой, на которой только недоставало оселедца, чтобы без ошибки сказать, что это потомок славных запорожцев, а ныне кубанский казак.

— Кубанец?

— Так точно. С двумя сынами. Недавно возвратился из ссылки.

— Кто арестовал вас?

— А вот этот же самый. Он нас, как НКВД, заставлял подписать признание, что мы диверсанты, засланные красными. Сказал он нам и тому офицеру, что вы отпустили: сегодня ночью нас возьмет гестапо на расстрел.

— Вы свободны.

— Мы все тут невиновные.

— Это все советчики работают!

— Отпустите нас всех!

— Это правда, что они говорят. Все это работа энкаведистов для обозления народа. Ждали, мол, свободы, вот и дождались. Плохо было при советской власти, теперь хлебайте тех же щей.

— По просьбе вот этого старого казака отпускаю вас всех с условием, что каждый из вас принесет мне сведения о находящихся где-либо коммунистах. Как найти меня, спросите у любого казака. Все вы свободны, а за вас всех будет отсиживать ваш недавний «благодетель».

При этом Николай дал такой подзатыльник энкаведисту, что тот отлетел в угол камеры, а бабы начали молотить его чем попало.

Тюрьма заперта. Николай на часах.

Не слышно громов войны, фронт где-то под Сталинградом, но все кругом напоминает недавний разгром Красной Армии при переправе через Дон. Вся дорога от Б-ка до Ростова усеяна снаряжением рассеянных красных частей. Отливая на солнце медной желтизной, лежат кучи снарядов полевых орудий, белеют полосы пулеметных лент, и полуразбитых ящиков высыпались патроны. Десятки фурманок застряли в непролазной грязи донской поймы. Куда ни глянь, везде огромные воронки от немецких авиационных бомб, а между

ними изломанные, исковерканные остатки артиллерийских батарей и обозов. Ничего не пощадил огненный смерч: ни бездушный металл, ни человека, ни животных. Но никого эта картина не трогает. Многие тысячи людей спешат из голодного города в далекие станицы на поиски продуктов питания. Почти перед каждым катится самодельная двухколеска-тележка. Всякого рода иной транспорт не доступен населению.

Немцы, вслед за движением своей армии, восстанавливают железную дорогу, сдвигают рельсы на всех путях, устанавливают по европейскому стандарту. Их вагоны не могут идти по нашим рельсам.

Вот и воинский поезд. Что за диво? На открытых платформах стоят пушки и ящики с артиллерийскими снарядами, а на пушках восседают бабы, самые настоящие советские бабы, с мешками, тележками и со всяким багажом, предназначенным для обмена на продукты.

Вот это да! К воинскому поезду советчики не подпускают прохожих на выстрел, а у немцев неприятельские бабы едут верхом на орудиях.

Это, конечно, объясняется воинским превосходством немецкой армии. Хорошие воины немцы, это они разбили когда-то непобедимых римлян в Тевтобургском лесу, но они всегда были плохими политиками. Вот и теперь население городов в ужасе от репрессий, проводимых ими в случае убийства их солдата и тем более офицера. За каждого убитого немца расстреливаются все жители квартала, где произошло убийство. Но убивают-то немцев не жители, а оставленные советами диверсанты для озлобления населения против абсурдных репрессий немцев. Рассказывали такой трагический случай, до какой-то степени открывший глаза немцам на совершаемое ими преступление.

В одном из кварталов Ростова, в большом дворе собрали жителей для расстрела. Всех построили против глухой каменной стены. Раздалась предварительная команда офицера, солдаты взяли на прицел. В этот миг из рядов смертников вышла наперед девочка и звенящим от страшного нервного напряжения голосом, скомандовала: хальт! и быстро подбежала к офицеру.

— Мой папа казачий офицер, расстрелянный большевиками. Мы с мамой ожидали вас, как освободителей. За что вы нас с мамой убиваете? — девочка, едва договорив, опустилась на колени и зарыдала.

Офицер скомандовал отставить, подошел к девочке, поднял ее с колен и спросил: где твоя мама?

Из рядов вышла мать девочки и на немецком языке объяснила офицеру истинные причины едва не свершившейся трагедии.

— Народ и советская власть не одно и то же. Все здесь

находящиеся — жертвы большевистской провокации. Энкавэдисты убивают ваших солдат для того, чтобы вызвать с вашей стороны репрессии по отношению населения и затем в своей пропаганде представлять вас красноармейцам как извергов, истребляющих их семьи.

Офицер приласкал девочку, пожал руку матери и отпустил на свободу всех предназначенных к репрессии.

На главной улице Ростова, перед входом в сад имени Горького, много лет стояла бронзовая фигура Ленина с поднятой вверх рукой. Теперь «благодарное» население свободно выразило свои долго сдерживаемые чувства к вождю международного пролетариата. Возле пьедестала валялась голова с вдавленным носом, случайно или преднамеренно символизируя сифилитичность Ленина. Туловище свалено на землю и так исполосовано, как будто над ним провели экзекуцию с применением методов, им самим санкционированных для врагов коммунизма. Глядя на поверженное изваяние, можно было безошибочно предположить, что то же самое было бы теперь и с самим Лениным, теория которого привела к такой рабовладельческой практике над закабаленным народом, которой могли бы позавидовать самые лютые фараоны. Не оставлен без внимания населением и памятник Кирову на Богатяновском проспекте, ему воздали тоже ленинскую почесть. Но больше всех досталось коммунистическому мессии — Карлу Марксу. Голова скульптур украшала вход в общественную уборную парка. От туловища же не осталось и подобия, так оно было исковеркано бомбардировкой народного гнева. Огромные гипсовые бюсты Сталина, стоявшие во многих учреждениях, разбиты и раскромсаны на мелкие куски.

Расправа над материалистическим обликом вождей есть символический намек истории на обреченность коммунизма, как противоестественного явления в социальной и духовной жизни народов.

А вот в развалинах лежащий красавец-город, стоявший в дореволюционной России по коммерческим оборотам на втором месте после Петрограда, Ростов-на-Дону — символика, обличающая варварские способы ведения войны культурными народами XX века... И одним немцам бросить этот упрек было бы несправедливо, ибо советы и тут превосходят всех по аморали, бомбардируя оставленные ими города с брошенным ими на милость победителя населением.

Второй раз за 25 лет немцы занимают Ростов. Те же каски, та же форма, та же военная выправка, только вместо обозных фурманок, запряженных короткими бочкообразными движутся военные машины всех категорий современной техники. Вот идет и пехота. Чок, чок, чок, отчеканивают шаг подковки низких сапог пехотинцев. Строгий прямоугольник колонны не нарушается ритмическим движением рук, линия касок не-

подвижна, как неподвижны лица марширующих воинов. Суровость и непреклонность в исполнении приказа ясно выражена на этой многоликой, но единой по своему внутреннему содержанию живой человеческой машине.

Но вот над мерной поступью батальона, поражая слух наблюдающей публики, раздается чистейшая русская команда: ать, два, три... и также неожиданно четвертый такт команды покрывается голосом запевалы: «Расцветали яблони и груши, поплыли туманы над рекой»...

— Кто это? — недоумевает публика.

И как бы в ответ на это, рассеивая всякие сомнения, две сотни молодых голосов сказали слова привета любимой девушке: «выходила на берег Катюша, на высокий на берег крутой»... быть может, ищет она теперь среди них того, для которого она бережет свою любовь...

— Наши, наши! — Несут эти слова чистейший восторг изуверившегося во всем народа.

— Говорят, что это украинцы.

— Кто бы они ни были: украинцы, русские, белорусы или кто другой из сотни народов России — благослови их Бог на подвиг ратный, во имя освобождения родины от ига большевизма. Чужой мундир не опозорит их, ибо это есть акт крайней жертвенности, во имя спасения братьев, гибнувших в лагерях военнопленных. Нет у них ни территории, ни власти, ни средств, они стихийно, будучи в плену у иностранного завоевателя, исполняют свой долг. Это не ландскнехты, не наемники, они ничего и ни от кого не получают, они, бывшие военнопленные, проявляют свое национальное чувство, а потом подымут свое национальное знамя.

«Пусть он землю бережет родную, — утверждая свое национальное устремление, гремят сотни молодых голосов, — а любовь Катюша сбережет».

Так хочет ответить многотысячная публика, огромными колоннами идущая за ними. Шаг становится еще напряженнее и отчетливее, повинуясь чувству, навеянному общечеловеческой лирикой этой песни, не загрязненной ложью советской пропаганды и потому создающей чистейший эмоциональный порыв, охвативший всех — кто ее слушал и кто исполнял. Вот она, моральная сила народа, единственно способная опрокинуть большевизм. Эту истину надо всеми мерами объяснять немцам. Как это кстати, когда моя миссия к немецкому генералу заключается именно в этом.

Главная прифронтовая комендатура армии южного фронта помещалась в одном из уцелевших от бомбардировки зданий, на главной улице города. Возле здания была масса людей, пришедших со всякими просьбами и жалобами на случайные или преднамеренные инциденты, вызванные немецкими частями и солдатами. Часовой пропускал в здание только по

одному человеку, стараясь держать очередной порядок. Трудно пробраться через такое скопление людей, до тонкости изучивших все законы и беззаконие советских очередей. Вот какая-то женщина, возмущенным тоном, на ломанном немецком языке поясняет часовому о важности ее дела и просит пропустить ее вне очереди. Публика гневно покрикивает на просящую. Часовой, неумолимо соблюдая порядок, сначала просит ее отойти, а потом сам отводит ее в сторону, оставив дверь свободной. Улучив этот момент, я скользнул мимо часового.

— Стой! — заорал на меня первоочередной мужчина.

— Держи! — заревела многоголосая толпа.

— Хальт! — командно гаркнул часовой и, клацнув затвором, бросился за мной вслед.

На мое счастье, в это время по коридору второго этажа шел офицер.

Вытянувшись перед ним в струнку, я отрапортовал на немецком языке:

— Господин офицер, прошу извинить за вынужденное нарушение порядка, вызванное крайней необходимостью, о которой я хотел доложить г-ну генералу. Я донской казак, вот мой документ.

Офицер внимательно выслушал мою взволнованную речь, еще внимательнее всмотрелся в документ и попросил обождать. Через некоторое время он возвратился и предложил мне следовать за ним.

— Прошу садиться. Это ваш документ? — спрашивает меня старый генерал гвардейского склада, добродушное лицо которого и мягкий тон невольно вызывали к нему расположение.

— Да, это мой документ, выданный офицерами вам известного учреждения, в то время, когда я представил им свои многолетние писательские труды, созданные в подполье, в надежде на освобождение плененного казачества. Вот копии моих трудов, прошу их рассмотреть и предоставить мне возможность издать их, как показатель настроения казачества, не сдавшего своих моральных позиций, несмотря на зверское истязание большевиками в течение двадцати лет.

— Я хорошо знаю литературу всех народов, но примеры многолетнего творчества в подполье мне неизвестны. Вы являетесь, быть может, первым основоположником такого рода героической литературы. Видимо, недаром судьба вручила это первенство казаку. Я не сомневаюсь, что ваши труды принесут колоссальную пользу для казачества, и я с удовольствием с ними ознакомлюсь, как подучусь русскому языку, буду декламировать что-либо из ваших стихотворений и охотно помогу вам в их напечатании. Что вы мне хотели еще сказать?

— Волею судьбы ваш народ изгнал Красную Армию с тер-

ритории Дона, но ваши политические органы оставили ту же советскую систему управления во главе с коммунистами, считая, что эта система вам выгоднее для получения продовольствия для вашей страны и армии, а коммунисты имеют больший опыт в этой системе, чем люди, ранее ими преследуемые. Мы, казаки, вместе с вашей армией сражавшиеся против большевиков в 1918 году, ожидали вас, как освободителей, а вы утверждаете во власти наших заклятых врагов коммунистов, и нам ничего не остается делать, как без вашего согласия и участия расправиться с ними за все их злодеяния в прошлом и настоящем. Я принужден многократно повторять историческую истину, умышленно или по недомыслию замалчиваемую вершителями народных судеб, о значении казачества в борьбе с общим для всех народов врагом — большевиками. Если бы казачество, проявив сверхмужество и величайшую самоотверженность, не обессилило Красную Армию в трехлетней гражданской войне (1917—1920 гг.), Германия и с нею вся Европа, а может быть, и весь мир уже были бы под пятой коммунистических диктаторов. Если казачество не будет признано вами как полноправный союзник в этой войне с большевиками, то войну вам не выиграть, ибо на казачество смотрит вся невидимая вами противобольшевистская Россия, и от наших взаимоотношений с вами зависит ее национальное умонастроение: быть с вами или против вас. Без участия российских национальных сил вам большевиков не победить. Они негодяи, но в то же время они политичнее вас. На свои, окрашенные ими народной кровью, знамена они цепляют национальные лозунги, суворовские ордена, а вы своим отрицанием национальных чаяний народов бросаете их в объятия большевиков. В 1918 г. Донское правительство спросило вас: «Зачем вы пришли на нашу землю? Кто вы — враги или друзья?» Тогда вы оказались друзьями. История повторяется, вы и теперь должны быть друзьями казачества — таков единственный логический вывод истории.

Неподвижный взгляд генерала, как будто устремленный в даль истории во время моего доклада, теперь остановился на мне. По долгой паузе молчания я почувствовал, что нелегко генералу решать не решенное свыше.

— Я имею представление о донском казачестве и о его борьбе с коммунистическими армиями. Историческая перспектива казачества мне ясна. Народ, проявивший себя так высоко в военной истории и борьбе за свое национальное существование, не может исчезнуть из среды свободных народов. Я уверен, что несмотря ни на какие политические препятствия и дипломатические неясности с нашей стороны, казаки будут союзниками в борьбе с общим врагом. Надо только время и терпение. Наш первый, вынужденный этап сотрудничества с коммунистами в восстановлении хозяйства

оккупированных областей — явление недолговременное, имеющее цель привлечения их на нашу сторону, но как только будут установлены враждебные акты, немедленно они будут изолированы и наказаны в соответствии с их преступлениями. Я лично считаю себя другом казачества и помогу вам в борьбе с коммунистами и за восстановление казачьего суверенитета. Что вы от меня сегодня требуете?

— Право на организацию и вооружение казачьих отрядов на территории донской земли. Ваша жандармерия не должна вмешиваться в наши конфликты с коммунистами. Казаки должны пользоваться правом прямых связей с вами или вашими органами, вне зависимости от местных комендантов, находящихся в большинстве случаев в плену у переводчиц, являющихся агентами НКВД, специально оставленными для работы в ваших учреждениях. Первая моя задача — выбить коммунистов из учреждений Б-ска и его района, являющегося важнейшим железнодорожным и стратегическим центром на южном фронте. Последующая задача — выбить коммунистов из Ростова, где они у вас, как и всюду, стоят во главе учреждений города.

— Я вас вполне понимаю. Вам в помощь будет послан офицер особых поручений, который будет находиться при комендатуре, а вы дайте ему переводчицу.

— Г-н генерал, я обязан поставить вас в известность и о том, что принудительная отправка казачьей молодежи на работы в Германию оскорбляет достоинство казачества и не способствует дружескому отношению к вам. Покорнейше прошу, г-н генерал, принять меры для освобождения казачьего населения от всех обязанностей, связанных с принудительными мерами. Казаки, видя в вас союзников, сами сделают все возможное для ускорения победы над общим врагом.

— Все от меня зависящее будет сделано для освобождения казачества от трудовой повинности. Я признаю, что принудительный акт по отношению молодежи не имеет морального основания, но он вынужден тяжестью борьбы Германии с противником, количественно ее превосходящим. Чтобы вам в дальнейшем не было необходимости делать по-казачьему налет на нашу комендатуру, как это пришлось нам делать сегодня, — генерал при этом добродушно улыбался, — вам будет послан соответствующий документ. Я буду рад вас видеть, когда вы найдете нужным, и во всем содействовать вам. Желаю вам успеха.

Казак и конь казачий — нераздельные части героического облика не превзойденного никем в мире по быстроте и лихости степного рыцаря, пришедшего из далей Дикого Поля к недавним дням второй мировой войны.

Нераздельна и донская земля со своим лучшим творением — донскими скакунами, гордостью и красой ковыльных степей.

Да и кто же может не позавидовать этой красе?

Донской конь пронес непобедимого Суворова через непроходимые высоты Альп, через «Чертов мост», огонь всех битв, к вершинам мировой славы.

На всех царских парадах император Николай Второй неизменно красовался на золотистом дончаке, с белой звездой на лбу, белой проточиной между ноздрей и белыми чулочками на задних ногах.

Красавец по сложению, смирный по нраву и буйный, как ветер, в беге — нет тебе равного на целом свете!

Из боя он вынесет хозяина, его взрастившего, сам падет от надрыва сил в неукротимом беге, но казака врагу не выдаст. Не надо понукать его в погоне за врагом: сам отстоит воинскую честь своего хозяина, сам и привезет на родимый Тихий Дон и радостно заржет у ворот двора, где вырастила и выходила его хозяйская рука.

Страшную трагедию в 1920 году у берегов Черного моря пережили с казачеством вместе и донские лошади. Не одна из них бросалась с крутого берега в море, вслед за уплывающими кораблями, увозившими казаков за море, в чуждые страны. А сколько их было оставлено в горах Кавказа, где единственным питанием для них были сухие, прошлогодние листья. Сколько их легло костьми по всем путям гражданской войны — не скажет никто.

Не было им счету на приволье донских степей, а пришло лихолетье, по пальцам их легко пересчитать по разоренным советской властью станицам.

Знала цену донской лошади царская власть, вспомнила о ней и советская власть, разрабатывая планы завоевания всего мира. Недаром нарком обороны Ворошилов, в молодости не ездивший и на водовозной кляче, решил подражать императору и также принимал парады, сидя на белоногом дончаке.

Красный кавалерийский маршал Буденный, знавший на опыте быстроту налета донской конницы, стал руководить восстановлением донского коневодства на территории Сальских степей, где оно находилось и в дореволюционное время. Одним из инициаторов и руководителей этого мероприятия был ученый зоотехник г. Копылов, донской казак, учившийся в начальной школе с Буденным, оставшийся на берегу Черного моря при эвакуации казачества за границу и выкупленный из плена своим сверстником.

Казак по виду, по натуре и по духу, он всю силу своей привязанности и любовь к донской лошади воплотил в неустанную заботу по восстановлению ее породы.

Появился новый тип донской лошади от скрещивания ее с английской породой. Ко времени второй мировой войны многотысячные табуны паслись под надзором специалистов по уходу за донской лошадью, донских калмыков.

Отступая от немцев, советы эвакуировали донские табуны через астраханские степи, для переправы через Волгу.

Много лет неустанного труда отдал Копылов своему любимому делу, много лет хранил он в своей душе заветную тайну, что растил он дончаков не для советской власти, и вот теперь настало время, когда он мог, рискуя своей жизнью и преданных ему калмыков, возвратить казачеству его законное достояние.

Стали в круг казаки-калмыки, а посередине, вздыбив гнедого жеребца, Копылов бросил короткую команду, втайне давно ожидаемую табунщиками:

— Поворачивай табуны домой и без остановки, по бездорожью, марш!

Степь понятна калмыкам без карт и без компаса. Тьма ночная не выдаст врагу, а ковыль-трава заглушит многотысячный топот копыт.

И мчатся, как будто ожившие орды хазарских и скифских племен, во тьме полуночи. Ни рек, ни ручьев, ни дорог, ни тропинок — такова астраханская и донская прерии, от сотворения мира не знавшие плуга.

Застрекотали кузнечики гимн восходящему солнцу, а в небе, как коршун кружась над добычей, зарокотал самолет.

— Погоня, — глядя в бинокль на красные звезды «ястребка», — сказал Копылов.

«Ястребок», сделав разворот, зашел наперед табунам.

— Та-та-та, — предупреждающе заговорил пулемет.

— Поворачивай назад, иначе стреляю, — расшифровал намерения советского летчика Копылов.

Конная масса, инстинктивно ощутив преграду на пути к родным местам, ускорила бег.

Пулемет заговорил по-боевому, свистнули пули двух очередей.

Лошадь переднего всадника поднялась на дыбы, рванулась вперед и со всего размаха ударилась о землю.

Калмык, бывалый наездник, пролетел над головой лошади, перевернулся в воздухе и стал на ноги как ни в чем не бывало. Вскочив на заводную лошадь, он помчался в сторону самолета.

Самолет, развернувшись вторично, дал еще две очереди по передним калмыкам.

В ответ со стороны одиночно дакнула винтовка. Самолет дал в ту сторону очередь. Винтовка ответила. Поединок всадника с самолетом продолжался, а табуны мчались вперед и вперед. Очереди самолета и винтовочные выстрелы чередова-

лись несколько раз, пока на одиночный выстрел не последовало ответа и «ястребок», делая короткие круги, пошел на снижение. Вот он, как большая стрекоза, опускается на землю и, покачивая крыльями, будто летит над травой, а вслед за ним, как сокол, завидя добычу, несется наездник лихой. Еще одна очередь с приземлившегося самолета, один взмах казачьего клинка и — поединок закончен. Сокол степной заклевал в поединке советского ястреба.

А табуны все мчатся вперед без помехи. На всем бездорожном пространстве Задонья нет ни большевистских, ни немецких армий.

Немцы узкой полосой пошли на Кавказ и под прямым углом, вдоль Дона на Сталинград, и все пространство, заключенное между сторонами этого угла, не занято никем.

Пришли донские табуны на землю, их породившую, пришли с ними казаки в свои законные владения и вольно дышат свободой после многолетнего плена, а что будет дальше, не скажет никто.

Основой коммунистической морали является ленинская формула: «Все морально, что служит победному торжеству коммунизма во всем мире».

Эта формула породила непревзойденные по аморальности методы достижения целей, поставленных коммунистической партией. Ложь, обман, провокация, кровавый террор стали постоянным политическим оружием в борьбе со всем свободным миром.

Главным тактическим приемом коммунистической стратегии всегда был способ взрыва изнутри, при помощи засылаемых агентов, организующих «пятые колонны» для подрывной деятельности и захвата власти.

Осуществляя на практике один из своих коммунистических постулатов: через национальные революции к коммунизму, — Ленин создал серию советских республик, национальных по форме и коммунистических по содержанию, входящих с состав СССР. Делалась скрытая попытка растерзанный физически и территориально Дон тоже объявить советской республикой, но для этого не нашлось даже возглавителей. Казачьи руководители, стоявшие на стороне советской власти во время гражданской войны, вроде офицера Миронова, были уничтожены ЧК, как воевавшие за народную власть, но не за диктатуру коммунистической партии. Эта попытка потерпела неудачу и потому, что не могла найти отклик в казачьей среде. Казачество предпочло национальное содержание, созданное веками.

Коммунистические вожаки понимали, что на три четверти уничтоженное казачество духовно не сломлено и создавать из

него национальные воинские части нельзя, дабы не повторить печальный опыт, имевший место на польском фронте, когда казачьи части перешли на сторону поляков. Они, конечно, уйдут к немцам в отмщение за все, над ними содеянное.

Предвидя организацию казачества против советской власти, по занятии территории Дона немцами, НКВД разработало свои планы противодействия. Немцы, мол, несомненно, имеют виды на казаков и для руководства казачеством непременно поставят ген. Краснова, ориентировавшегося на них во время гражданской войны, живущего теперь в Германии под покровительством властей, следовательно, на него-то и надо взять прицел. И вот через линию советского фронта на реке Миус, возле г. Таганрога, огражденную от неприятеля минированными полями, где каждая пядь земли пристрелена пулеметами, минометами и артиллерией, охраняемую с тыла заградительными отрядами СМЕРШ, каким-то «чудом» пробирается к немцам перебежчик, по внешности очень схожий с типом попа расстриги. Такая образина не могла быть незамеченной не только на фронте и прифронтовой полосе, но даже и на всей территории Советского Союза, охваченного шпиономанией. Для каждого знающего советскую действительность, было бы ясно, что «чудом» совершенная перебежка не что иное, как ловкость рук НКВД, для немцев же перебежчик являлся находкой, так как он объявил себя представителем подпольной казачьей организации, ожидающей немцев и способной поднять казачье восстание против советской власти. Для установления же его личности он просил отправить его к генералу Краснову, которому он подробно доложит о возможностях восстания казачества. Просьба эта была немцами исполнена. Офицер немецкой разведки Кубош доставил его в предместье Берлина, Далевиц, где он представился генералу Краснову как донской казак Александр Сюсюкин, в прошлом писарь областного правления. Внешность его теперь имела благопристойный вид на взгляд европейца, так как немцы его приодели, но опытный взгляд подсоветского человека сразу определил бы, что его бородка подстрижена на манер главы ЧК Дзержинского, служившая опознавательным признаком для сотрудников НКВД. Много и красноречиво рассказал он генералу всяких былей и небылиц о подсоветском казачестве, но очень мало говорил о своей подпольной организации, возглавляемой войсковым старшиной Духопельниковым.

В готовность казачества продолжать борьбу с коммунизмом генерал верил беспрекословно, а все другое для него было покрыто мраком неизвестности. Он знал на опыте атамана Каледина и на своем лично, что казаки не признают никаких призывов, пока сами не подымутся стихийно. Да и каким авторитетом мог пользоваться Духопельников, к тому

же и не бывший на Дону во время гражданской войны. Никаких заверений ген. Краснов Сюсюкину не дал, так как все само собою выяснится, как только немцы займут территорию Дона. Немецкому офицеру Кубошу, в ведении которого находился Сюсюкин, ген. Краснов передал для размножения и распространения на Дону письмо к казакам (воззвание).

Совет генерала Краснова, выяснить положение казачества на месте, немцы приняли к сведению и исполнению, как только заняли Ростов и Новочеркасск.

Сюсюкинская практика скоро началась сказываться в деле организации казачества на борьбу с большевиками. Первый выигрышный пункт его программы, которым он ловко пользовался для поднятия своего авторитета в глазах немцев, блестяще подтверждался тем фактом, что казаки в станицах при посещении их немецким офицером Кубошем и Сюсюкиным всюду высказывали готовность к борьбе с большевиками и приветствовали немцев как освободителей.

Но вот начал развертываться главный акт энкаведистской пьесы. Сюсюкин представляет оф. Кубошу представителей подпольной казачьей организации: по Ростову — г. Одноралова, по Новочеркасску — г. Духопельникова.

В Новочеркасске собирается казачий сбор, где Сюсюкин заявляет, что он с согласия г. Краснова и немецкого командования, показывая на Кубоша, приступает к созданию казачьего штаба для организации казачьей армии. Возглавителем штаба предлагает Духопельникова, как ранее руководившего подпольной организацией и командировавшего его, Сюсюкина, через фронт к Краснову.

Бывшие на собрании как-то неохотно реагировали на зажигательную речь Сюсюкина. Чувствовалось что-то неладное.

Но вот неожиданно для всех, в том числе и для Сюсюкина, выступил другой оратор, говоривший медленной, чеканной речью о необходимости возглавить стихийное казачье стремление к борьбе и что он имеет договоренность с командованием фронта, через ген. Фредерича, об организации штаба войска Донского.

Казаки бурно зарукоплескали. Послышались многочисленные возгласы.

— Быть Павлову атаманом.

— Павлова Сергея Васильевича...

— Новочеркасская станица в 1918 г. после смерти атамана Каледина избрала атамана Назарова, а теперь эта станица избирает походного атамана Павлова, — делает заключение старый казак, бывший член Войскового Круга.

Этот неожиданный поворот дела, которым руководил Кубош, смутил его и озадачил. Приказывать казакам он не мог, но если его подшефные — Сюсюкин и Духопельников — не войдут в Казачий штаб, для него, как офицера разведки,

это будет большим конфузом, тем более что он с Сюсюкиным больше месяца разъезжал по станицам. Поэтому он обратился с просьбой к присутствующим и Павлову принять их в штаб как рекомендованных им. Собрание и Павлов ответили молчанием, что было принято как вынужденное согласие.

Так в сентябре 1942 г. создался штаб войска Донского. Один — казачий избранник, начальник штаба, Сергей Васильевич Павлов, начальник военного отдела — Платон Михайлович Духопельников, начальник политического отдела — Александр Сюсюкин.

По рекомендации и настоянию Сюсюкина и Кубоша, представителем штаба по Ростову стал не казак, учитель пения Василий Максимович Одноралов.

Составилась политическая комбинация, именуемая штабом войска Донского, доселе войском Донским не ведомая.

Трудно, в болезнях и муках начиналось возрождение плененного Дона в период второй мировой войны.

Идейное оформление государственной и боевой силы казачества, его духовное приобщение к национальным и религиозным заветам казачьей старины, как и в былые годы, было проведено в великий день Покрова, Войсковой праздник казачества, на Монастырском Урочище, на историческом месте поминовения всех казаков, погибших во все времена за вольную волю казачью, за други своя.

Много таит в себе былой казачьей славы Монастырское Урочище, в прошлом Монастырский городок — центр донского казачества.

Молча хранит былое полуразрушенный фундамент уничтоженного большевиками памятника-часовни, еле шепчут о давнем прошлом ряды пирамидальных тополей-раин, а под высоким яром донская струя несет за море давние казачьи думы.

Много рыцарей казачьей вольности и славы погребено в этом месте успокоения. Здесь же покоятся и кости славных защитников Азова.

С незапамятных времен чтит все казачество праздник Покрова Пресвятой Богородицы и считает этот великий день Войсковым праздником казачества.

Эта национальная и религиозная традиция, попранная большевистским насилием, после тридцатилетнего забвения с былой силой влечет к себе возрождающееся казачество. Стихийно, с сознанием былого достоинства идет оно на совершение своего национального обряда.

Мчатся иностранные автомобили, влекомые интересом к стихийному созданию сил казачества, мчатся впереди их лихие конники, и кажется, мчится то вольность казачья, вырвавшись из многолетнего красного полона.

И, пока эта вольность казачья сидит на коне с клинком в руках, она не позволит никому прикоснуться к святыням своего прошлого.

И древний дед, и малый правнук в казачьей форме идут с этой мыслью, несут это чувство. Урядник старший — старый дед, урядник младший — малый внук.

— Садись, урядник, подвезу, — кричит казак с обгоняющей подводы.

— Нет, дядя, — отвечает пятилетний урядник, — сам дойду.

Не мальчик малый говорит эти слова, говорит все молодое поколение казачества, идущее со своим дедом-стариной. Оно находило свои пути в прошлом, оно найдет свои пути в будущем, как бы ни было темно впереди, оно праздновало и будет праздновать праздники своих побед и своего возрождения вопреки всем своим врагам.

Стала во единый круг многотысячная масса и замерла при звуках речи походного атамана Павлова.

По старому казачьему обыкновению, атаман читал перед панихидой грамоту царя и великого князя Михаила Федоровича от 2 декабря 1641 г.

Чеканные слова царской грамоты, свидетельствующие о непревзойденной славе казачества при защите Азова, уходят в далекую, бескрайнюю степь и клятвой к новой славе стучат в восторженных сердцах.

Не войсковой хор величием траурного напева наполняет придонские просторы, нет, поют все, чей голос превозмог порыв печали, чье чувство вышло из потока слез.

Вечная память всем павшим за вольность казачью, за други своя!

Не орудийным салютом отдается покоящимся воинская честь, а торжественным молчанием и клятвой верности былому.

От Дона до Терека, к границам Кубани,
От волн Уссуры до Уральских высот
Над вашей могилой не встанут курганы,
Но вас не забудет наш вольный народ.

Так слагались четверостишия траурного казачьего гимна у пока еще никому не ведомого певца казачьих былей, склонившего голову перед величием момента истории Донского Войска.

Не парадными рядами стоят войска у разрушенного пьедестала былой славы, а редкие ряды старейших казаков, георгиевских кавалеров, сохранивших под страхом смерти свои воинские отличия. Не воинская сила казачьего парада стоит за ними, нет, стоит за ними непобедимая боевая мощь казачьего духа.

Не полки мощным взмахом клинков отдают воинскую почесть усопшим братьям, а только одна полусотня.

Мало нас, но велика наша сила устремления к своему прошлому — так говорят суровые лица старых воинов, так блеском искрометных струй вещает Тихий Дон, так повествует степь далеким эхом в этот великий праздник возрождения казачества.

Выбросил Старочеркасск — древняя казачья станица — большевистскую нечисть — портреты предателей казачества Подтелкова и Кривошлыкова из старого Войскового Собора, превращенного большевиками в музей, принарядился старый город казачьей вольности и по древнему обычаю предлагает дорогим гостям поминальную хлеб-соль.

Приветливо распахнуты двери старой казачьей школы, казачки с почетом встречают старых казаков.

Не беда, если нет, как бывало, нарядного блеска парадной посуды, нет пышных ковровых скатертей, нет разнообразных яств, не отдает богатой стариною поминальный стол, не заморскими винами полны заздравные бокалы, но есть здесь то, чего давно не было за траурной трапезой, есть великая надежда на возрождение казачества. Об этом говорит атаман Павлов, об этом, возрождая думы павших за волю казачью в Первом Казачьем Всполохе, впервые во всеуслышание говорит певец казачьей воли, создавая картину Второго Казачьего Всполоха:

Подернулась мутью стремнина донская,
Струи отряхнулись от долгого сна,
И, гребни седые в просторы метая,
Пошла урагану навстречу волна.
Над степью широкой, над степью бескрайней
Гроза разразилася бранным огнем,
И в отблеске молний стоит на кургане,
Кто даль попирал вековую конем.
Из пепла встаешь ты, отец наш родимый,
Всю кровь твою высушил красный полон.
На жертвенных камнях тебя возродим мы,
На жизнь и на смерть с тобой, батюшка-Дон!
Сыны твои держат клинки наготове,
Их думушка волею вольною полна.
Так пенься же славой и в звуке, и в слове
Былое неси нам, донская волна.

Это первое стихотворение в эпоху Второго Казачьего Сполоха стало краеугольным камнем его национальной идеологии.

В крепком братском рукопожатии навсегда запечатлелся союз походного атамана Сергея Васильевича Павлова и первого донского поэта-писателя в эпоху возрождения Дона Петра Николаевича Донскова. Впервые прозвучали слова казачьей клятвы: на славу и на смерть! Слова, взятые из бессмертной песни о донском богатыре Ермаке.

— Героический облик вашего народа знаком нам из истории, но мы ничего не знали о вашей национальной литературе. Мы знаем вашего писателя ген. Краснова, но у него нет

того, что вы так коротко, но так сильно сказали о чаяниях вашего народа. Желаю вам успеха на вашем писательском поприще, — сказал немецкий полковник Левених, представлявший на празднике немецкое командование, крепко пожимая руку автора.

— Желаю вам, г-да казаки, нашей общей победы над большевиками и воссоздания вашего прекрасного Тихого Дона. Пью за ваш успех и ваше здоровье!

Полковник Левених и сопровождавшие его офицеры уехали, пир казачий стал вольнее и шумнее.

И вот, как бы разрезая бегущие волны шумного веселья, выходит на стрежень голос запевалы:

«Ай да на речушке то было, на Камышинке...»

«На Камышинке», — повторяет откуда-то вспорхнувший голос подголоска и как будто взлетает и несет в поднебесную высь: «На восходе то было солнца красного...»

«Становились они, братцы, во единый круг», — подхватывают десятки голосов, будто слетевшихся со всех сторон донских просторов.

«А-ай-да», — гремел на затихающем фоне голосов запевала.

«А-ай-да», — откликался эхом в поднебесье подголосок.

«Думать думушку», — легким степным ветерком вздохнули все голоса.

«Э-э-эй думушку», — повторило где-то эхо подголоска.

«Да еди-иную», — утверждающе давал тон запевала.

«Да единую», — всей мощью голосов подтверждал весь хор.

И вставала за этими голосами старая казачья быль. Эх, сколько раз вы думали, казаченьки, думушку единую, когда судьба грозила волюшке казачьей! А сколько раз вы становились в Круг Единый, когда над родиной смыкался вражий круг. И вот теперь, за ранней зорькой возрожденья Дона кто знает, что скрывает даль?

И если бы теперь бессмертный художник Суриков пожелал создать художественное полотно подобное картине «Бой Ермака с татарами на Иртыше», он вновь увидел бы здесь тех же, кто снова возрождает клич: «На славу и на смерть зовущий».

— Пусть казаки свободно попируют впервые за двадцать с лишним лет, а нам пировать нет времени. Пойдемте поговорим о наших войсковых делах, — сказал Сергей Васильевич, взяв меня под руку и направляясь в канцелярию школы.

Орлиный взор атамана остановился на мне, глаза приветливо встретились, руки еще раз сомкнулись в пожатии.

— Я знал, что в этот великий праздник мы встретимся, иначе не могло быть. Я слыхал о вас многое от казаков, я знаю о вас, как о писателе, от немцев. Сегодня короткие

строки вашего стихотворения полностью очертили ваш облик казака-патриота. Вы единственное явление в казачьей и, не сомневаюсь, в общероссийской действительности. Вы совершили непревзойденный подвиг, создавая казачью литературу в страшных условиях советского подполья. Можно быть героем на миг, иногда даже ради спасения самого себя, но ваша многолетняя героика во имя возрождения Дона — это больше, чем мужество, это — сверхмужество. Как хорошо, что эпоха возрождения Дона нашла своего художника, и, Бог даст, ваш труд не останется в забвении времени, как ушло многое и многое из героической борьбы казачества в прошлом. Теперь я скажу о себе. Я — донской казак Екатерининской станицы, окончил Николаевское военное училище, где была отдельная казачья сотня. Во время первой мировой войны окончил школу летчиков. В первой войне казачества с большевиками летал на самолете к восставшим верхнедонцам. За море отступить не удалось. В советское время всеми неправдами окончил институт — инженер-строитель. А теперь снова вольный казак и думаю, что мы с вами на «жертвенных камнях», как сказали вы в вашем стихотворении, положим основу возрождения Дона.

— Вот она, единая судьба казачья. Вы, Сергей Васильевич, летали к восставшим верхнедонцам с вестью о помощи, а мы, партизанские отряды имени «ген. Семилетова, Чернецова и Дудакова», прорвав фронт красных, шли на помощь к ним. Двадцать лет скрывались и выглядывали из советских дебрей, как, бывало, выглядывали казаки из камышей, следя за своим врагом. И вот наше время пришло. Слава Богу, что теперь мы можем открыто глянуть на страшный путь, пройденный казачеством в красном пленении. Судьба нас пощадила, и наша жизнь должна быть отдана на продолжение борьбы собратьев, павших во имя свободы Дона.

Немцы еще, по-видимому, не отдают себе отчета в том, что наши просторы по реке Танаису-Дону были границей между Азией и Европой, где решалась судьба всех народов во времена их переселения из Азии. Пространство между Волгой и Доном определяло стратегию завоевателей в далеком прошлом, определяет ее в не меньшей степени и в настоящее время. Немцы сделают непоправимую ошибку, если не признают нашу казачью самостоятельность и не дадут нам возможности собрать наши силы на защиту от большевиков. То, что они делают с пленными, не предвещает им победы. Техника есть техника, а победителем всегда был и при всех условиях останется человек.

— Да, наша святая обязанность приложить все усилия для освобождения казаков из немецкого плена и создать из них армию.

Немцы едва ли выиграют войну. Они слишком самонаде-

янны и, будучи ослеплены своими успехами, не видят, что дошли до предела своих возможностей.

Вот карта фронта. На западе немецкие войска укрепились на побережье Атлантического океана от мыса Нордкап до Бискайского залива. Ими оккупированы: Норвегия, Дания, Голландия, Бельгия, Франция и Люксембург.

Линия фронта на востоке идет от окраин Ленинграда и до берегов Волги и Дона.

На южном фронте, в Африке, немецкие и итальянские войска находятся на расстоянии 50 километров от Нила.

Немцами занят весь Балканский полуостров.

Факторы пространства и времени на таком огромном фронте рано или поздно скажут свое решающее слово. И если Гитлер вовремя не прислушается к этому слову, как это сделал Александр Македонский в своих победных походах, то судьба его будет судьбой шведского короля Карла, разгромленного под Полтавой, или судьбой Наполеона. Фактору времени нанес непоправимый вред Муссолини, неожиданно для Гитлера напавший на Грецию, что послужило причиной отсрочки наступления на СССР с 15 апреля на 20 июня, вызвавший катастрофический провал их летней кампании. Немцы завязли по всему фронту в непроходимой осенней грязи, а лютая зима вывела из строя их лучшие армии. В факторе пространства Гитлер, вопреки здравым расчетам тактики и стратегии, ведет войну на два фронта, что в истории войн почти никогда не давало победы. Кроме того, из восточного фронта он создал также два фронта. Южная армия разделилась и часть ее пошла на Сталинград, а вторая часть, под прямым углом на Кавказ.

Битва за Сталинград, начатая 17 июня на реке Чир, не предвещает победы немцам. Они уже вынуждены были повернуть 4-ю танковую армию с Кавказского фронта на Сталинград, что ослабило их войска на Кавказе, и они не могут перевалить через горный хребет. Пространство между линиями направлений фронта на Сталинград и Кавказ осталось незаполненным и, при малейшей неустойке, может стать «ахиллесовой пятой» для ныне непобедимой немецкой армии. Все это бездорожное, малонаселенное пространство может быть легко захвачено красными, как более приспособленными для ведения войны в таких условиях.

Но мы, даже будучи обреченными в этой войне, должны дать бой большевикам на родной земле своими силами, как бы малы они ни были, дабы не было пробела в истории борьбы казачества с большевиками.

Наш фронт в случае отступления немцев мне представляется в таком виде:

Я защищаю подступы к Новочеркасску, полковник Журавлев по Дону, а вы — Ростов — Батайск и, на сколько хватит

сил, южнее. Ваш участок фронта наиболее ответственен, так как большевики при первой же неудаче немцев постараются отрезать их кавказскую армию у Батайска — Ростова, разрушив мосты на десятикилометровом пространстве непроходимой поймы Дона. Вот так я представляю будущее, а теперь поговорим о настоящем. С вами буду совершенно откровенен. Временный штаб войска Донского больше, чем случаен по своему составу, созданному под давлением приехавшего из Берлина капитана Кубоша, несомненно, офицера немецкой разведки, привезшего с собой Сюсюкина, якобы перешедшего линию фронта для установления контакта с ген. Красновым на предмет организации восстания казачества. Я удивляюсь содержанию письма-воззвания ген. Краснова, напечатанного во многих экземплярах и привезенного из Берлина капитаном Кубошем, а теперь распространяемого Сюсюкиным.

Ген. Краснов предлагает беспрекословно подчиняться немцам и не оказывать противодействия их хозяйственной структуре, т. е. той же колхозно-коммунальной системе, в которой на место коммунистических руководителей сели гитлеровские партийцы. Как же может восстать казачество, почти уничтоженное советской властью и вновь закабаленное национально и хозяйственно немцами? В письмах даже не указана отдаленная перспектива восстановления самостоятельности Дона. Если немцы относятся к казачеству благосклонно, как пишет он, что мы не видим пока в действительности, то почему же он сам не едет на Дон, где всюду говорят о нем, справедливо считая, что он, будучи немецкой ориентации с 1918 г., непременно придет с немцами и поможет казачеству в воссоздании своей самостоятельности, выраженной в Донской Конституции, созданной в период, когда он был атаманом Всевеликого войска Донского. Его письма разрушают долгожданные надежды казачества. Как вы на это смотрите?

— У меня такое же мнение о листовках ген. Краснова, отсиживающегося в Берлине в самый ответственный период возрождения Дона. А вот и второй, еще более недостойный пример. Ходят упорные слухи о приезде из-за границы миллионера Парамонова. Я имею достоверные сведения, что Парамонов обращался к немцам с требованием возвратить ранее ему принадлежавшие шахты в Донецком бассейне, на что получил знаменательный ответ: «Прежде чем владеть шахтами, их надо завоевать».

В этом ответе есть аналогия, выраженная в решении Войскового Круга, признавшего все недра земли исконной и неотъемлемой собственностью всего Войска, в то время истекавшего кровью в неравной борьбе с большевистским государством. Казаки должны были знать, что они борются за родную землю, принадлежащую каждому из них в равной мере. Так решил народ, и так должно быть впредь. Парамонов

должен был оказать помощь возрождающемуся казачеству из своих миллионов, вывезенных за спиною донской армии, стать в ее ряды теперь, а не требовать от немцев, а в последствии и от казачьего правительства кровное достояние казачества.

Претендентов на казачье добро было всегда много в прошлом, да и теперь немцы, не гнушаясь в выборе своих ставленников, хотят творить через них нашу историю, ради своих завоевательных целей. На все подобного рода попытки, от кого бы они ни исходили, мы можем дать отпор, продиктованный нашей историей: произволу царского самодержавия со времен Петра Первого был положен конец решениями Войскового Круга, и никто казачью историю не повернет вспять.

— Я так и полагал, что в этом принципиальном казачьем вопросе мы с вами единомышленники, как и все казачество, выразившее свою волю в Донской Конституции.

Продолжу характеристику состава штаба войска Донского, который при его начертании непременно должен быть поставлен в кавычки, как явление, не соответствующее своему названию. Не стану от вас скрывать, что Сюсюкин и также и рекомендованный им капитану Кубошу Духопельников являются многолетними сотрудниками ЧК-НКВД. С ними в компании приехал в Новочеркасск и Одноралов, бывший преподаватель пения в Донской семинарии. С какой стати он попал в эту компанию, мне неизвестно, но рекомендован он мне и капитану Кубошу энкаведистом Сюсюкиным. По совету Сюсюкина Кубош предложил назначить Одноралова представителем от штаба в г. Ростов. Вот эту, навязанную мне немецко-энкаведистскую комбинацию надо распутать и освободиться от энкаведистов, ставших агентурой немецкой разведки. Сложность создавшегося положения усугубляется еще и тем, что в самом нашем стольном городе Новочеркасске гражданская власть находится в руках немецких ставленников, неказаков, косо посматривающих на организацию казачества. В немецкой разведке сидит какой-то армянин Урумянц, открыто противодействующий казачеству. Проникновение в станицы затруднено гебитс-комиссарами. Мною приглашен на должность начальника штаба полковник генерального штаба В. Г. Попов, человек порядочный, но, к сожалению, не проявляющий должной энергии в такое судьбоносное для казачества время. Я надеюсь, что вы мне поможете в создании настоящего Донского Войскового штаба, членом которого с сегодняшнего дня прошу вас считать себя. Как у вас дела на месте вашего пребывания?

Я коротко объяснил атаману обстановку и характер моей борьбы, ранее мною изложенные в этой книге.

— Мой отряд состоит из стариков и молодежи, убежавшей

из Красной Армии. Все вооружены десятизарядными винтовками Дегтярева. У всех верховые лошади и у каждого по паре коней в фурманке, предназначенных на всякий случай для казачьих семей. Плохо только с седлами. Коня легче достать, чем казачье седло. Клинки достанем, имею сведения, где брошен железнодорожный состав с кавалерийским снаряжением. Пройдет не более трех недель, как я разгромлю всю коммунистическую систему, руководимую Ростовским обкомом, скрывающимся в районе станции Верблюд и совхозе «Гигант», а потом, по договоренности с ген. Киттелем, начну разгром коммунистического подполья в Ростове.

— Слыхал от казаков, а теперь и от вас, что вы у себя в столь важном районе во всех смыслах — полный хозяин, а вот по Ростову это сделать некому. Одноралов не казак, на фронте никогда не был, ссылку не прошел, закалки боевой у него нет, и, конечно, борьбу вести он не может. Для того чтобы облегчить вам борьбу с коммунистическим подпольем по Ростову, я предлагаю вам официально числиться заместителем представителя от штаба, являясь политическим руководителем Ростовского представительства. Через представительство вам будет легче входить в официальные взаимоотношения с бургомистерством Ростова и полицией и подчинить их казачеству. Словом, вам придется действовать на два фронта. Ваша работа по Батайску и Ростову является временной. В дальнейшем вы будете руководить всей политической и пропагандной работой штаба.

Мы должны предъявить немцам требование о восстановлении суверенитета Дона, выразив это в нашей декларации, которую прошу вас написать, и в день освящения Войскового знамени передадим ее представителю немецкого командования. Если позволят обстоятельства, созовем Войсковой Круг, и да будет он державным хозяином возрожденного Дона.

Не может собраться с силами бывшая столица войска Донского г. Новочеркасск, ставший по воле красных варваров городом вдов и сирот казачьих. Не украшен город кустами сирени, цветами белых акаций и зеленью бульваров. Не встречает тенистой прохладою вас Александровский сад, не манит Краснокутская роща под свою бархатисто-зеленую сень. Нет, ушло безвозвратно былое, не оставив свой след в пустырях с оголенными пнями, с бурьяном, будяком, крапивой.

Снесены без следа и казачьи святыни — Троицкая и Никольская церкви. В одряхлевших зданиях женского монастыря и Александровской церкви засолка кож и склады. С куполов Войскового Кафедрального Собора сняты кресты и содрана позолоченная бронза. От колокольни до притвора проломлена огромная брешь для снятия колоколов, теперь грубо заколо-

ченная досками. Сняты наружные иконы: Донской Божией Матери и Иисуса Христа. В соборе вместо кадильных благовоний кислая вонь склада продуктов. Красавец-город, претерпевший дикое хозяйничанье большевиков, превращен в мертвый остов, для оживления которого за 23 года не забито ни одного гвоздя.

Не посовестились и новые правители города, немецкие ставленники, унижать казачье имя во вторую эпоху возрождения казачества. Что им, этим Ивановым, Юхненко и тому подобным проходимцам до казачеств. Эти люди без родины, их приказчичья порода готова служить всякому, от кого можно получить подачку. Вчера служили Сталину, сегодня угрожают именем Гитлера.

Казачеству, собирающему свои силы на борьбу с большевиками, пришлось бороться на многих внутренних фронтах. Надо было бороться и с деморализующим влиянием писем ген. Краснова, зовущего на борьбу с большевиками ради безоговорочного подчинения и служения немцам.

Сюсюкин, привезший эти письма из Берлина, усердно распространяет их, так как они своим содержанием помогают большевистской пропаганде, именующей немцев как завоевателей-колонизаторов. И потому надо было зажатое двумя враждебными силами и загнанное в тупик казачье самосознание направить на истинный исторический путь. И так же, как атаман Каледин в 1917 году, когда казачество тоже стояло на распутье, атаман Павлов едет в станицы.

Немцы полностью приняли от большевизма в наследство самую усовершенствованную систему ограбления крестьянства — колхозную систему. Разница была только в том, что на место партийцев коммунистов сели партийцы нацисты. Для выполнения колхозных заданий нужны были те же колхозные советские специалисты. От немецких хозяйственных комендантов зависела не только колхозная администрация, но и власть в хуторах и станицах.

Крепко сидит на атаманском месте бутырлыновским хам. В станице Богаевской не каждый рискнет бороться с тем «специалистом». Дочка его ходит в наложницах у коменданта, и всякий, дерзнувший противиться нарушению нового правопорядка, угодит в немецкое НКВД — гестапо.

Что этому правителю до походного атамана, требующего дать лошадей для казачьей армии? Он точно выполняет директивы немцев, а атаман призывает к их нарушению. Кто же прав в глазах завоевателей? Конечно, творящий их волю, а действия походного атамана — какая-то партизанщина.

Так думает этот хам, да не так думают казаки, восхищенно глядя на казачью группу во главе с походным атаманом, гарцующую на чистокровных дончаках.

— Вот это наше, родное, казачье... Значит, еще не все про-

пало. Есть походный атаман, будет и своя войсковая власть, надо браться за оружие.

— Братцы, земля, испокон веков кровью казачьей политая, наша, труд наш и добро наше. Не для служения кому-то зову я вас... За Тихий Дон, за вольную волю казачью пусть прогремит везде наш стародавний клич: «По коням!»

И откликаются на зов атамана, рвутся на свободу задавленные враждебными силами чувства казачьи. Смелеют казаки, трусливо поджимают хвост комендантские псы.

А отряд атаманский, как давняя легенда о славе и воле казачьей, от кургана к кургану бросает в просторы прадедовский клич: «По коням!»

И если бы не звериная ненависть гитлеровского нацизма ко всякому проявлению национальной свободы, шумели бы опять волной прибойной и Дон, и Терек, и Кубань.

И если не судил нам Бог победу, ушло бы все казачество до едина с земли своих отцов, но вольную волю свою никому бы оно не оставило.

После Войскового праздника Ростовское представительство штаба войска Донского приступило к исполнению своих обязанностей. В его состав вошли: представитель В. М. Одноралов, рекомендованный Сюсюкиным капитану Кубошу, назначенный походным атаманом на должность интенданта представительства В. А. Беляевсков, на должность адъютанта — партизан «семилетовец« Б. И. Абраменков. Занял и я свой пост по назначению походного атамана для одновременной работы по Ростову и Батайску.

Через местную газету, возглавляемую, по назначению немцев, В. И. Поповым, была объявлена регистрация казаков и казачек.

Обстановка, в которой стало работать представительство, была типичной для того времени, т. е. такой же, как в Новочеркасске, Батайске и других городах. Представители «нового порядка» назначенные и опекаемые немцами, враждебно относились ко всяким мероприятиям представителей казачества. Казаки, направляемые представительством на службу в полицию города, неизменно, под всякими предлогами, получали отказ, 1700 полицейских Ростова и их начальники были в ведении бургомистра города Н. П. Тикерпу, немецкого происхождения и потому особо надежного немецкого ставленника. Политическое лицо полиции, этой довольно внушительной полувоенной силы, никому не было известно.

Всякие требования отпустить казакам оставленное в городе красными обмундирование Тикерпу оставлял без ответа.

Установившиеся отношения между казаками и ростовской властью характеризовались следующим инцидентом.

— Позвольте мне поговорить по телефону, — спрашиваю я секретаршу Тикерпу.

Разнаряженная и расфуфыренная придворная градоначальника, сделав кислую мину, нехотя отвечает:

— Все телефонные переговоры ведутся с разрешения бургомистра, а он сейчас очень занят.

— Мне его разрешение не требуется, — отвечаю я высокопоставленной даме и подхожу к телефону.

Секретарша, сбитая с ее неприступной для других позиции, опрометью бросается в кабинет своего шефа и через минуту угрожающим тоном, но на всякий случай озираясь на открытую дверь кабинета, объявляет:

— Бургомистр требует вас к себе.

— Требовать он может вас, а меня он подождет, — ответил я, продолжая говорить по телефону.

Но как только смолк телефонный разговор, в дверях кабинета появился бургомистр в величественной позе высокого по рангу немецкого партийца чиновника.

— Вы, кажется, ко мне?

— Нет, я к вашему телефону.

— Кажется, у вас произошел неприятный инцидент с моей секретаршей?

— Для вас и для нее это инцидент, а для меня это характеристика ваших отношений к представителям казачества. Извольте объяснить вашим служащим, что они находятся на земле войска Донского и потому обязаны отдавать должное в обращении с казачьими офицерами и представителями казачества. Вы должны все, начиная с вас, г-н Тикерпу, усвоить, что на нашей земле вы явление случайное, обусловленное только пребыванием иностранцев, временно оккупировавших Дон. Ваши функции только местного значения, ничего с нашей национальной казачьей политикой не имеющие общего. Мы наблюдаем за вашими враждебными действиями, за вашим расточительством всякого добра, принадлежащего казачеству, и в свое время предъявим вам счет за все вами содеянное.

— Так мы же служим немцам!

— А вы уверены, что весь ваш бургомистерский аппарат служит только немцам?

— Я думаю, да.

— Вы отвечаете за благонадежность начальника полиции и его помощников?

— Да... да, — запинаясь отвечал бургомистр.

— Вы отвечаете за благонадежность вашего канцелярского аппарата?

— А как же, да... да, отвечаю.

— Вы помните, еще раз повторяю, что отвечаете за все не только перед немцами, но ответите и перед казаками. С

нынешнего дня все требования казачьего представительства должны быть вами неукоснительно выполняемы. Эта дама, проявившая некорректность, должна быть немедленно уволена.

— Что же это, приказ?

— Да, приказ представителя войска Донского.

К трудностям работы вовне прибавились осложнения внутри представительства. Возглавляющий представительство В. М. Одноралов обратился ко мне со странным предложением: включить в состав представительства офицера армянина на том основании, что, как офицер «волчьей» сотни ген. Шкуро во время гражданской войны, может быть полезен в нашей работе. Для меня было ясно, что через жену Одноралова, армянку по национальности, начинается проникновение чуждого казачеству элемента.

— Нет, Василий Максимович, этому не бывать. Казак может поведать свои тайны, хранимые многие годы, только казаку. Присутствие в казачьей штабе армянина никогда и ничем не может быть оправдано.

— Ну, а вы все-таки познакомьтесь с ним. Он непременно хочет поговорить с вами.

— Пусть приходит, но только не отнимает много времени.

Много тайн открывали люди, приходившие в казачье святилище. Вот передо мной стоит измученный тяготами советской жизни, сгорбленный вечными опасениями за свою участь, седовласый человек.

— Посмотрите на меня в молодости, — говорит он, протягивая фотографию, еле уцелевшую от сырости тайников, хранивших ее от ока НКВД.

Стройный красавец гренадер, во всей красе своего офицерского мундира, смело смотрит в неизвестную даль жизни. И вот во что обратила житейская превратность этого красавца. На глазах изможденного старика слезы.

— Пришел к вам, казакам, поведать свою заветную тайну, только здесь я могу облегчить мою печаль, только здесь я могу надеяться на помощь...

Из тьмы двадцатилетнего плена, из хаоса, созданного войной, тянулись все обездоленные жизнью к светлому маяку свободы, зажженному казачеством. Всем нужна была духовная и материальная пища.

— Не богато вы живете, г-да офицеры, — говорит старый казак, воинскую осанку которого не сгорбили тяготы советской неволи.

— Знаю, знаю, как трудно воссоздавать казачье дело. Вот вам мой подарок, а то, гляжу, у вас в канцелярии такая же бедность, как и везде.

Старик подает спичечный коробок, наполненный перьями, уже изрядно бывшими в употреблении.

— Чем богат, тем и рад. Это все, что я могу дать на старости лет для казачества. Все живое и неживое ограбила и уничтожила советская власть. От двадцати человек нашего рода остался только я один. Все близкие и дальние родственники сосланы в Соловки, царство им небесное, все погибли от голода, холода и каторжного труда. Только меня Бог миловал по старости лет. Как-никак, а девяностый годок наступает, но коли в чем понадоблюсь, рад служить родной земле.

— А вот и мой вам подарок, — говорит второй, такой же древний старик, подавая книги, изданные Донским правительством в 1919 г.: «Былые картины Тихого Дона» ген. Краснова, «Донская география профессора Богачева».

На смену старикам входит молодая красавица казачка. Вот она... как драгоценный камень, каждая грань которого сверкает своеобразной красотой, воспринятой извне, создающей то прекрасное, где гармония линий и форм поглощает отдельные черты и порождает неподражаемый источник вечной красоты: так и казачка, воспринявшая все лучшее от восточных и западных народов, порою блещет красой непревзойденной, неприравнимой ни к какой красе, характерной для одной национальности. Нет, эта живая краса и краше, и чище и ближе пониманию, ибо эта краса родных полей.

— Вот моя родословная, — показывает она семейный альбом нескольких поколений донских офицеров. — Все мои родные, за исключением матери, расстреляны советской властью.

— Верю и сочувствую вам, но моя обязанность сказать вам и другую правду, скрытую вами от представителя казачества. Не знаю в чем, в манере, жестах, интонации, в завитках вашей прически, или в блеске затейливой формы ваших серег, или просто по интуиции, мне видится ваша связь в прошлом с теми, кто заполнял командные посты в НКВД.

Минутная жизнерадостность, навеянная радушием оказанного ей приема, сменилась бесконечной грустью, слезы потоком хлынули из ее прекрасных глаз.

— Не принимайте, прошу вас, мои слова за обиду, моя обязанность предотвратить проникновение в казачью среду тех, чьи руки в крови ваших родных.

— Я плачу не от обиды, нет, мои слезы полны горечи, испитой мной от тех, о ком вы напомнили мне. Вы не ошиблись. Вот моя исповедь. Энкаведист сделал мне ультимативное предложение: если я выйду за него замуж, то мой отец и мать не будут преследоваться НКВД, если же я ему откажу, мои родители будут расстреляны, как контрреволюционеры. Что мне оставалось делать? Жалость к родителям превозмогла отвращение к энкаведисту, и я вышла за него замуж. Четыре

месяца моего замужества были для меня непередаваемым кошмаром. Его взаимоотношения со мной, как и со всеми людьми, где властвовало НКВД, были отравлены садизмом. Надругавшись над моей красотой и молодостью, он расстрелял моего отца и всех наших родных и, понося меня неистовой бранью, вручил мне развод.

Я знаю, что печальная история моей молодости есть только малый штрих в страшной картине кощунственного надругательства коммунистов над святая святых порабощенного народа. Я не обижена на вас за ваш вопрос, это ускорило признание, которое я должна была сделать немного позже. Страшно и больно было сразу открывать наболевшие раны. Теперь мне легче. Ваша способность проникнуть в сокровенную тайну, где враг оставил свой кровавый след, меня не удивляет. Я слыхала, что вы писатель. Вам больше дано, чем обыкновенным смертным в познании человеческих душ. Слава Богу, что судьба привела вас в святилище возрождающегося казачества...

Как в калейдоскопе проходят люди, связанные единой цепью мучений и страданий в рабовладельческом государстве — СССР.

— Всю жизнь гнали, как последнего раба, ущемляли совесть, унижали человеческое достоинство, стращали смертным страхом и щадили только потому, что имел ученые труды, — говорит профессор археологии Михаил Александрович Миллер, когда-то производивший раскопки скифского городища «Саркел», возле станицы Цымлянской.

— Вот моя родословная, посмотрите на эту пергаментную грамоту, скрепленную сургучной печатью и собственноручной подписью царицы Екатерины Второй. Этой грамотой Екатерина Великая жалует моего прадеда-немца земельным наделом за заслуги перед Россией и по его просьбе зачисляет в донские казаки. С тех пор Миллеры честно служат войску Донскому, считая себя донскими казаками. На нашей земле построена станция Миллерово, названная в честь нашей фамилии. Теперь я, как и мои предки, готов служить казачеству...

Прекрасные черты только что прошедших перед глазами людей, создающие величественную картину духовного противления казачества насилию большевизма, сменяются чертами отвратительной лжи, подлости и лицемерия, служителей коммунизма, надевших личину лояльности к казачеству. Молодая бойкая особа, с выражением на лице и манерами советской активистки, для которой все возможно, входя, вступила со мной в «перестрелку».

— Вы должны меня принять в ваше учреждение машинисткой.

— Время, когда мы были всегда должны и обязаны выполнять чьи-то директивы, прошло.

— Я донская казачка и поэтому должна иметь место в казачьем учреждении.

— По какой специальности?

— Я машинистка.

— Такая специальность нам не нужна. Возьмете другую работу?

— Нет. Я буду работать только машинисткой.

— Где вы научились работать на машинке?

— В учреждении.

— В каком?

— А вам не все равно?

— Вы работали машинисткой в милиции, и потому места вам в казачьем учреждении не будет.

— Откуда вы это знаете?

— От работавших с вами.

— Все казаками называетесь, а казачке работу не хотите дать. Ну что ж, хоть и работала в милиции, а теперь буду работать на вас.

— А еще кому?

Вместо ответа «активистка» замахала руками и поскорее улетучилась, нарвавшись на неожиданное для нее препятствие, а ее атаку продолжил новый посетитель.

— Я партизан «семилетовского отряда» времен гражданской войны. Знаю, что вы собираете бывших партизан, и поэтому пришел к вам получить место в вашем штабе.

— Какой сотни партизан?

— Третьей.

— Взвода?

— Второго.

Адъютант представительства, тоже, как и я бывший «семилетовец», вопросительно посмотрел на меня. Это значило, что пришел явный провокатор, намеревающийся попасть в соприкосновение со штабом, как и «машинистка».

— Прошу вас пересесть к столу адъютанта, специалиста по партизанским вопросам.

После недолго длившегося опроса, адъютант и «партизан» удалились в неизвестном направлении.

— Позвольте представиться — партизан-чернецовец. Дополнительные сведения будут представлены по вашему требованию, а теперь срочное донесение, — понизив голос до шепота, продолжает, — за дверью очередной ваш посетитель, армянин, именующий себя офицером, служил со мной на одном заводе. Я — бухгалтер, он — секретарь заводской коммунистической организации... Разрешите пока уйти.

Передо мной физиономия, сходная с советским наркомом внешней торговли Анастасом Микояном. Тот же наглый взгляд и развязная речь.

— Я к вам по рекомендации Василия Максимовича Одно-

ралова, хорошо меня знающего как кубанского казака-офицера, служившего в «волчьей» сотне ген. Шкуро. Теперь хочу послужить Дону и надеюсь быть полезным у вас в штабе.

— Вопрос о увеличении штата представительства должен быть согласован с походным атаманом. Прошу вас представить письменно вашу биографию и, если можно, сохранившиеся у вас документы...

Теперь мое первоначальное предположение о проникновении в штаб армянина для использования своего положения в коммерческих целях совершенно отпадало.

По просьбе и рекомендации Одноралова в штаб должен был проникнуть коммунист, несомненно, с заданием партии. Неожиданно обнаруживается новое звено коммунистической цепи, закручивающееся вокруг штаба: энкаведист Сюсюкин вводит в Войсковой штаб энкаведиста Духопельникова и Одноралова, а Одноралов пытается ввести в представительство штаба тоже коммуниста армянина, а там, может быть, и еще кого-нибудь, подобного этому. Да, вижу, что можно ожидать еще много плохого. Начата борьба на втором фронте, и слава Богу, что я имею здесь опору. Интендант Беляевсков и адъютант Абраменков — казаки настоящие: они не подведут.

В начале революции большевики объявили «войну дворцам и мир хижинам». Завоевав дворцы, коммунисты, ничтоже сумняшеся, вселились в царские и буржуйские покои, а из хижин не один десяток миллионов сослали в концлагеря. Взявшись на обломках старого мира построить «новый мир», они скоро убедились в том, что легче присвоить себе все ценности старого мира, подведя под это воровство соответствующие пункты Марксовой диалектики. Ограбив материально все народы, ими покоренные, они принялись за грабеж их культурных и духовных ценностей.

Слова великого русского поэта А. С. Пушкина: «и на обломках самовластья напишут наши имена» — полностью отнесли к себе. Всю сокровищницу русской литературы нагло приспособили для своих пропагандных целей покорения мира.

Бесстыдно ограбили военную сокровищницу бывшей России, нацепив национальные погоны, ордена великих полководцев: Суворова, Кутузова, Александра Невского...

Исковеркали историю России и вырвали из нее все необходимое для своего оправдания (Петр Первый, Иван IV).

Нанеся обескровленному казачеству трехлетней неравной борьбой военное поражение, они не только пленили казачество, но взяли в плен и его историю. Донские казаки Степан Разин и Емельян Пугачев, вожди самых больших в мире крес-

тьянских восстаний, были насильно притянуты в историческую галерею предшественников большевизма.

Богатейший песенный фольклор, собранный на протяжении 50 лет неустанной работы донским казаком композитором Листопадовым, записавшим более 1200 донских казачьих песен, также присвоен большевиками, напечатавшими пятитомник «Песен донских казаков» только после смерти автора.Когда в 1938 г. Музгиз предложил Листопадову издать его пятитомник в более упрощенном виде, чем печатавшийся в 1911 году, то автор заявил, что предлагавшаяся ему форма обеднит его обработку, лишит ее индивидуальности, которая в сборнике 1911 г. содействовала сохранению подлинного народного характера песни. Не стало автора, и Музгиз мог распорядиться его наследием по своему усмотрению. Образцами такого «усмотрения» коммунистов являются две советские песни, вставленные в пятитомник Листопадова: «Из-за леса» и «Ой шли плотнички».

В чеканный напев старинной казачьей полковой песни «Из-за леса» вставили слова о Буденном. В старинную казачью песню о Степане Разине вставили слова о советских плотниках.

Казачество, отразившее многовековую историю в песнях, по количеству и художественности не уступающих ни одному народу, не могло создавать советских произведений, ибо они были вне его истории. Богато развитая и устойчивая традиция многоголосного казачьего пения создалась, укрепилась и совершенствовалась в условиях исторических особенностей донского казачества. Донские песни, пройдя через века, удержали стиль своеобразной полифонии, представляющей собою свободное движение различных голосов, не связанных требованиями узаконенной музыкальной теории (гармонии, контрапункта),

Яркая самобытность и высокая развитость многоголосной донской песни казаков-некрасовцев, покинувших Дон в начале XVIII века, при Петре Первом, дает многостороннее представление о типических формах донской песенной культуры, сложившейся еще в XVII столетии.

Мог ли донской композитор Листопадов, положивший всю свою трудовую жизнь на дело воссоздания в письменной форме лучшего духовного достояния казачества — донской песни, в ярчайшей форме отображающей историю казачества, быть солидарен с советской властью в том, что некрасовцы, обманутые пропагандой, по возвращении на родину вскоре были раскулачены и сосланы в Заполярье, как и большая часть донского и кубанского казачества? Конечно, нет. С этим отрицанием у меня невольно ассоциируется такая картина.

В 1935 г. в Ростове, будучи в музыкальном магазине, я был

страшно поражен, неожиданно увидев донского казака в полной его форме. Что это? Наваждение, провокация или театральное представление? Пятнадцать лет нельзя было вслух произнести слово «казак», а за форму казачью, не только так демонстративно афишируемую, но даже за тайно хранимую, высылка на север была бы обеспечена каждому, а тут вот какое-то чудо. Искоса разглядываю этого смельчака, дерзнувшего воскресить в памяти плененного казачества его былую красу. Нет ничего театрального, все сшито по старинной форме. Ярко алеют лампасы на синем раструбе казачьих брюк, скрываясь в черном блеске голенищ. И подбор, и каблук, и вся форма сапога — все, как надо быть. Гимнастерка перетянута в талии узким ремешком с кавказским серебряным под чернь набором. Смелый казачий взгляд, казалось, не воспринимал окружающее. Не было в нем ни удивления, ни тревоги, которую он вселял в окружающих. Твердой походкой вышел он из магазина. Чувствовалось, что этот человек знает свой особенный путь и идет по нему, не оглядываясь.

— Кто это? — спрашивает публика продавщицу магазина.

— Это знаменитый композитор, донской казак Листопадов, преподаватель Новочеркасского музыкального института.

Ассоциируясь с этой картиной, всплыла картина из моего далекого детства. В 1904 году к нам в станицу приехала комиссия во главе с Листопадовым записывать старинные казачьи песни. Собрали на взъезжую квартиру казаков-песенников, а мы, орава ребятишек, глазели во все щели забора на невиданное зрелище.

— Ну, заводи, братцы, эту самую, штоб ни конца, ни краю не было.

— Что же это за песня без конца без края? — спрашивает Листопадов.

— Есть такая, ваше благородие, — отвечает, приосанившись, старый дед Сазон, участник турецкой войны, герой Карса.

— Эта самая песня без конца и краю у нас прозывается «гвоздик». Выехал казак на быках из своего хутора и завел: «гво-е-е-о-ай-е...»

Голос старого шутника и лучшего подголоска звенел, переливался серебром, то уходил куда-то в бесконечность донского поля, то опять возвращался к тому же месту, то будто погонял быков, на которых едет воображаемый песенник, то скрипел, как не мазанная дегтем ось арбы, то почти прерывался в полусонной дремоте и вдруг, на что-то наткнувшись, внезапно оборвал: «здик».

— Вот это и есть хорошая песня про гвоздик. Ее поет казак всю дорогу, пока быки не остановятся.

— Гво-ео-о-здик, — заорала вся ребятишечья ватага.

Казак-сиделец, охранявший въезжую от непрошенных гос-

тей, мешающих работе Листопадова, вооружившись чьим-то костылем, пошел в атаку на орущую орду ребятишек, вспорхнувшую, как стая воробьев, и рассыпавшуюся по чужим заборам.

— Я вас, азиаты!

— Гвоздик, гвоздик, гвоздик, — дразнят ребятишки сидельца, как будто прибивая на нем навсегда оставшееся прозвище.

С тех пор прошло почти сорок лет, а имя Листопадова опять ожило в моей памяти, когда Дон второй раз вступил на путь своего возрождения и встала необходимость собирания казачьих культурных ценностей. Старые казаки, хранившие под спудом книги, принесли их в дар первому писателю этой эпохи. Список книг уже отметил: «Былые картины Тихого Дона» ген. Краснова, «География Дона», «Хрестоматия Дона», «История донских казаков» Броневского, «История донских казаков» Попова.

Две казачки, инженеры по образованию, заняты в библиотеках поисками литературы всех времен о казачестве. Дано задание найти произведения донского писателя Крюкова, поэта Туроверова (старшего), юбилейное издание Отечественной войны 1812 г., где казаки изображены как подлинные народные герои.

Все это духовные ценности прошлого, а вот где же живой воссоздатель казачьей истории, выраженной донскими песнями, где композитор Листопадов, казак Екатерининской станицы, станичник походного атамана Павлова? Поиски его не увенчались успехом. Вольно или невольно он эвакуировался из Ростова.

Вспомнился еще один казачий талант — баянист Зайцев, сталинский лауреат. Виртуозность исполнения им его импровизации «Поезд» была неподражаемой. В нарастающей экспрессии звуков мчащегося поезда мне явственно отражалась лихая казачья атака с бешенным темпом перестука многих тысяч подков, звоном клинков, захлебывающимся храпом лошадей, воем снарядов и раскатным эхом орудийных залпов. Талант несомненный. Где он?

— Застрелен агентом НКВД через окно своей квартиры, как не пожелавший отступать с красными, — рапортует казак, наводивший о нем справки.

— Такова была бы и участь Листопадова. Вот истинная причина его эвакуации.

Трудно на развалинах воссоздавать прошлое казачества.

— Вот, поглядите, как оборвал, проклятый, мне пуговицы, иш какие иверени живьем выдрал. Ну, да и я его отмолотил за мое почтение. У него такие латки на морде остались, —

весь взъерошенный, как петух после поединка, докладывал старый вахмистр, служивший когда-то в Калединском полку.

— С кем же это ты, Захар Леонтьевич сражался?

— С кем же, как не с ними, проклятыми. Куда ни глянь, везде в учреждениях сидят и по улицам ходят, как ни в чем не бывало. Как говорится: по кобелю кинь палкой, а по коммунисту попадешь. Только вот и кидать не по ком, всех собак голодом уморили, да и людям не лучше, а вот они по-прежнему из тайных распределителей снабжаются. Гляжу это я, на базаре ходит пузатый черт, знаю его как облупленного, красный партизан с начала революции. Подбери, говорю, пузо да стань по-военному. Рапортуй, куда девал орден Ленина? А он мне в ответ:

— А тебе какое дело, что ты мне за начальство!

— Идем, говорю, за мной в штаб, там объяснишь, сколько вас таких есть по Ростову.

— Никуда не пойду.

— Нет, пойдешь! — Беру его за руку.

— Не пойду!

Тогда я долго не думая, хряпнул его по уху. Ну и пошла свалка. Он-то, черт тушистый, здоровый, помоложе меня, но казачьей ухватки-то не имеет, все хочет по-медвежьему схватить и сломать, а я его то слева, то справа, рубану и рубану по морде. Обступила нас толпа. Слышу, народ-то на моей стороне, а вступаться каждый опасается: уйдут, мол, немцы из города, как в первый раз, а тогда начнется расправа, недаром большевистская агентура, вроде этого пузатого, ходит и за всем наблюдает. Не знаю, чем бы кончилась наша рукопашная, если бы не вступила в бой казачья артиллерия. Только это он схватил меня за очередную пуговицу, сзади его мигом очутилась молодая стройная казачка и со всего размаха хряпнула глиняным кувшином по голове, аж осколки, как от снаряда, по сторонам засвистели. Схватился красный вояка за голову и опустился на колени.

— Бей его, черта красного! — заревела толпа, кое-кто уже ткнул его ногами.

— Стой, ребята, у нас лежачего не бьют, — говорю. А вот она и полиция. Окружили меня.

— Ты что, — говорят, — головы гражданам кувшинами разбиваешь? Человека убил?

— Не человека, а коммуниста, — отвечаю я. Словом, людей разогнали, а меня и пострадавшего доставили к начальнику полиции.

Глянул я на этого начальника и оторопел. Ну, думаю, тут мне и крышка. Не чужие пересказы, сам видал его в форме командира НКВД и даже помню — с двумя шпалами.

— Ты что это среди бела дня на людей нападение делаешь?

— Какое там нападение, по пьянке у нас с ним вышло недоразумение.

— Хорошее недоразумение, голову разбил человеку, на операцию отправили, может быть, и не выживет.

«Слава Богу, что его тут нет, пропал бы ни за грош, — думаю я, — надо выкручиваться из этого волчьего капкана».

— Да еще и коммунистом его обзывал, — продолжает начальник.

— Насчет коммунизма-то мы с ним одинаковые думки имеем. Мы с ним старые вояки. Он красный партизан, а я — буденовец.

— А за что же ты его горшком по голове трахнул?

— Это не моя вина. Это кто-то из толпы ударил. Наверно, он, отступая, перевернул у торговки горшки с молоком, она его и угостила со злости.

— Ну, больше ты со своими не дерись, а то попадешь куда Макар телят не гонял. Понял?

— Как не понять, все понял до точности.

Так мало-помалу в штабе накоплялись сведения о коммунистах в городской полиции и других учреждениях.

По достоверным доказательствам, начальник полиции и его помощник были работниками НКВД, а следовательно, и весь руководящий аппарат полиции был в руках коммунистов. В результате представления ген. Киттелем неоспоримых фактов о составе полиции было получено от него согласие дать кандидата на пост начальника полиции города Ростова по усмотрению штаба.

— Ну, вот, в ваше отсутствие и кандидат на начальника полиции нашелся, — ставит меня в известность возглавитель представительства г. Одноралов, — да еще какой кандидат! Кубанский полковник, кадровый царский офицер. В доказательство свой семейный фотографический альбом представил. Такой бравый офицер, в кубанской черкесске, с кинжалом, имеет награды за германскую войну. Словом, лучшего кандидата и желать не надо.

— Я вижу, Василий Максимович, что на вас произвели впечатление его фотографии, а вот каково ваше впечатление от его живой, теперешней личности?

— Первое и последующие впечатления прекрасны. Это человек, обладающий всеми достоинствами. Вы сами убедитесь в этом, он будет у вас через полчаса.

Все эти полчаса я старался разобраться во внутреннем облике разрисованного г. Однораловым кандидата. Невольно ассоциировались два аналогичных явления: семейный офицерский альбом и подобный альбом у этого кубанского полковника. У Т... альбом сохранился потому, что ее временный муж, энкаведист, знал всю подноготную ее семьи. Можно думать, что и у полковника он сохранился как ненужная вещь для уличения его в контрреволюции. Значит, он был для НКВД своим человеком, и этот альбом мог быть способом за-

влечения в ловушку легковерных людей из казачьей среды. Больше чем странно, что белый офицер, как правило, если не расстрелянный ЧЕКА, то всю жизнь менявший свое место жительства, находившийся каждую минуту под страхом расстрела, хранил при себе большой семейный альбом. Психология жизни затравленного советской властью человека мне не менее чем кому-либо известна. До альбомов ли было, когда люди ради спасения разлучались с семьями, когда в семье боялися произнести слово при детях о своем прошлом потому, что НКВД, не считаясь ни с какой человеческой моралью, допрашивало и детей о родителях. Редкий счастливец мог иметь теперь какую-нибудь полуистлевшую фотографию, да и то хранившуюся у кого-либо из дальних родственников или знакомых, находящихся за тридевять земель от места его рождения. Нет, тут что-то есть. Есть какая-то связь с появлением офицера-армянина...

Ровно через полчаса представился мне рекомендованный г. Однораловым кубанский полковник Устинов.

Говорят, что профессия накладывает свой отпечаток на лицо человека. Советская эпоха несомненно наложила свою печать на каждого из нас, разделив на две категории. Неволя, страх за свою жизнь и судьбу близких, жестокая борьба с нуждой из-за куска хлеба — все это нашло свое отображение на внешности и психологическом состоянии всех людей, отвергших безбожную тираническую систему коммунизма, Замкнутость, сдержанность и неугасимый огонек надежды на лучшее будущее человечества после падения коммунизма.

Иное было начертано на облике хозяев советской действительности: «Для нас все возможно по отношению людей вне партии».

Самоуверенность погонщика рабов считалась достоинством каждого партийца, так же, как звериная хватка энкаведиста.

К какой же категории принадлежит кандидат на начальника полиции?

«Бери от жизни все, что можно», — говорили сами за себя его развязные движенья. Бегающий, что-то ищущий взгляд и волчий огонек упершихся во что-то глаз. Да и штатский костюм на нем сидит, как будто сшит не по плечу, а костюм не из плохих... Да, это человек, несомненно носивший военный мундир до недавних дней, как-то неловко чувствует себя в непривычном для него наряде. Видно, что небрежно повязанный галстук — случайная принадлежность, предназначенная только для специального визита.

— Да, вы мало изменились за два с лишним десятка лет, — говорю я, глядя на его фотографии. — Как же вам удалось так сохранить себя от влияния времени?

— Да так вот, как-то судьба благоволила. Удачно скрыл

свое прошлое, пристроился работать бухгалтером, менял места жительства и работы. А теперь хочу поработать со своими против большевиков.

— Вас удовлетворяет пост начальника полиции?

— Не совсем. Я, как офицер, предпочел бы работать в казачьем штабе.

— Для работы в штабе вы должны представить нескольких поручителей, знающих вас по работе в советское время и по гражданской войне на стороне белых.

— Неужели недостаточно моего альбома?

— Ваш альбом характеризует вас до революции, а мы должны знать ваше прошлое до настоящего дня.

— О моем участии на стороне белых может засвидетельствовать кубанский офицер, служивший в «волчьей» сотне ген. Шкуро.

— Какого отдела Кубани этот офицер?

— Он — приписной кубанский казак.

— К какой национальности принадлежал прежде?

— Армянин.

— Можете назвать еще кого-нибудь?

— Здесь нет, а с Кубани могу привезти соответствующую рекомендацию. Там меня знает теперешний возглавитель Кубани полковник Белый.

— Хорошо, в следующий раз вы придете с документами.

Сегодня у нас тайное заседание. Присутствуют: интендант представительства, полковник Беляевсков и адъютант, сотник Абраменков. Я делаю краткий обзор создавшегося положения в Войсковом штабе и его Ростовском представительстве.

— Походный Атаман С. В. Павлов в окружении чекистов А. Сюсюкина и П. Духопельникова. Помогать атаману в Новочеркасске некому. Его выезды в станицы затрудняются хозяйственными комиссарами, завладевшими всем колхозным имуществом. Есть добровольцы казаки, но нет обмундирования, продовольствия, лошадей, оружия. Казачество вновь в плену колхозной системы, охраняемой новыми хозяевами, немцами. На моем первом фронте идет жестокая схватка. Во главе коммунистов, захвативших власть через покровительство коменданта-немца, обольщенного переводчицей-партийкой, стоит донской офицер, большевик. Я посадил в тюрьму помощника начальника полиции, политрука, специально засланного для подпольной работы, опознанного двумя казаками, служившими в зенитной батарее, посадил его без ведома и разрешения немцев и приказал казакам расстрелять его, если в моем отсутствии будет кем-либо предпринята попытка его освободить.

Что происходит здесь у нас, в Ростове. Возглавитель

представительства В. М. Одноралов, назначенный немцем капитаном Кубошем, настаивает на включении в штат представительства коммуниста-армянина, якобы офицера, служившего у генерала Шкуро. Тот же Одноралов предлагает кандидатуру на пост начальника полиции г. Ростова кубанского полковника Устинова, рекомендованного коммунистом-армянином. Сам Устинов предпочитает работать в казачьем штабе. Если Устинова рекомендует коммунист, то и он несомненно тоже коммунист, в чем после опроса его мною я не сомневаюсь. Значит здесь, как и в Войсковом штабе, в Новочеркасске, делается попытка создать в представительстве коммунистическую группу, которая в конечном счете, должна взять организацию казачества в свои руки. Не сомневаюсь, что и Белый, возглавитель Кубани, по словам Устинова, состоящий с ним в дружбе, имеет связь с сюсюкинско-духопельниковской группой. А вот с какой стати один из этих чекистов рекомендует Одноралова, а других чекистов рекомендует Одноралов, для меня совершенно непонятно. Глупость ли это с его стороны, недалекость или подлость? Скоро будет разгромлена вся коммунистическая система в Батайске и его районе, что даст возможность обнаружить все связи с коммунистической группой Ростова, и тогда нам работать здесь будет легче, а пока нужно срочно заняться выяснением личности полковника Устинова.

— Я с тобою вполне согласен. Анализ положения казачьих дел ты дал точный. Мы имеем дело с матерыми чекистами, заброшенными на подрывную работу в казачестве. О Платоне Духопельникове я имею точные сведения от человека мне близкого, сидевшего в Новочеркасской тюрьме и видевшего там Духопельникова в форме НКВД, приходившего по каким-то служебным делам О его деятельности знают очень многие и многие. Этот негодяй большой пьяница, в одной из попоек проболтался своим собутыльникам, что он имеет чекистскую кличку «Диск». Сведения о Сюсюкине утверждают десятки людей, бывших у него на допросе, как следователя НКВД, но боятся доносить немцам, видя, что он и подобные ему опять стоят у власти. А что Одноралов благоволит армянам — это неудивительно: у него жена армянка. Ко мне уже много раз подкатывались армяне со всякими коммерческими комбинациями, на которые нужна документация представительства. Одного из этих спекулянтов, самого назойливого, я направил к тебе, а ты его выгнал. Коммунисты хотят использовать казачий штаб в своих политических целях, армяне в спекулятивных, а проводником для тех и других является все тот же Одноралов, — говорит полковник В. А. Беляевсков.

— И что он болтается под ногами, этот «музыкант» Одноралов. В советское время услаждал музыкой коммунистов и теперь коммунистическую музыку налаживает у нас. Не казак,

не воевал с большевиками, не репрессирован советской властью, связался с этой сюсюкинской бандой, теперь армяне, Устинов, а там еще какая-нибудь гадость, — возмущался адъютант Абраменков.

— Твое предвидение может оказаться верным. Жена Одноралова настойчиво просила меня познакомиться с известным армянским писателем. Тут тоже, несомненно, кроется какая-то цель.

Через несколько дней после этого совещания полковник Беляевсков напал на след деятельности кубанского полковника Устинова в советское время. Казачья офицерская семья, состоящая из вдов, расстрелянных большевиками офицеров, рассказала о том, что Устинов видный коммунист, командовавший красной дивизией и делавший расправы над кубанцами в то время, когда «железный» нарком, Лазарь Моисеевич Каганович с звериной жестокостью уничтожал казачество на Дону и Кубани. С большим трудом г. Беляевскову удалось убедить казачек рассказать правду об Устинове. Они знали, что Устинов ходит в казачье представительство, и думали, что все возглавители казачества такие же, как и он, коммунисты, а потому решили молчать, чтобы еще раз не навлечь на себя беду.

— Если мы к ним пойдем втроем, не постесняются они повторить, что рассказали тебе?

— Думаю, что нет.

— Тогда идем.

Увидя трех офицеров, говоривших своим, казачьим языком, казачки, знавшие коммуниста Устинова, уже более смело и во всех подробностях нарисовали нам картину его чекистской деятельности.

Тяжелая политическая обстановка в начальный период созидания казачьих сил, созданная установкой Гитлера не преследовать коммунистов, верно служивших его режиму, зазнайство победителей, аморальное поведение гитлеровских комендантов, в большинстве подпадавших под влияние подосланных к ним переводчиц комсомолок, беспринципность немецких разведывательных органов, не гнушавшихся услугами бывших энкаведистов, работавших по меньшей мере для тех и других, а в большинстве случаев работавших по заданию НКВД, — усложнялась еще и тем, что, как всегда, в смутное время появлялись самозванцы, в форму которых облекались также агенты НКВД.

В одной из самых больших станиц на Дону, Аксайской, появился «Войсковой Атаман» Евстратов, объявивший о себе через многочисленные листовки, распространяемые среди казачества. Что это за атаман, можно судить по его поведению

и разговору со мною, когда я приехал для ликвидации этой авантюры.

Вхожу в комнату атаманского присутствия. Светловолосый сухощавый господин, в офицерском френче и погонах, весело любезничает с какой-то дамой, по виду такого же безответственного поведения, как и он сам. Мое появление и моя казачья форма были замечены едва уловимым взглядом, но не удостоены вниманием этой высокопоставленной персоны. Веселая беседа продолжалась так же, как если бы на моем месте был неживой предмет в казачьей или не казачьей форме. Минуты ожидания перешли из первоначальной неловкости в раздражение, а потом и в негодование. Беседа же продолжается во все более повышенном и чувственном тоне. Терпение мое лопнуло и оборвало очередную «атаманскую» пошлость.

— Долго ты еще будешь болтать, атаман?

«Атаман» слегка приподнялся, опять опустился и мгновенно подскочил, как будто на его мягком кресле оказалось острие шила.

Веселая особа, огорошенная таким не весьма лестным обращением к всесильному атаману, боязливо скользнула взглядом по краешку моих погон, еле видных из-под плаща, и торопливо улетучилась за дверь. От атаманской веселости не осталось и намека. Он выжидательно молчал.

— Что же ты, казаче, так приветствуешь казака в тягчайший период собирания наших сил? Так-то ты думаешь атаманить над конскими казаками? Кто ты такой?

— Я донской офицер, бывший в эмиграции и пришедший с немцами на Дон.

— Где находился в эмиграции?

— В Греции.

— В качестве кого состоял при немцах?

— Доброволец.

— В какой части?

— Я не был в немецкой части... так... за ними шел следом...

— Далековато было идти. А на каком основании ты объявляешь себя Донским атаманом?

— Ну, что же, надо же быть кому-нибудь Войсковым атаманом. Кроме себя я другого атамана не вижу.

— Плохо ты смотрел кругом. Сколько у тебя войска?

— Пока маловато, но, думаю, на мои воззвания казаки откликнутся.

— Так вот, Евстратов, я с тобой говорю на «ты» потому, что сразу увидел, кто ты есть. В эмиграции ты не был. Ты — неказачий офицер, советский, может быть. Никто тебя не только Войсковым, но и станичным атаманом не выбирал. Ты притворяешься, что не слыхал о Походном атамане Павлове, находясь в тридцати километрах от Новочеркасска. Немед-

ленно прекращай свою атаманскую самозванщину и отправляйся на объяснение к атаману Павлову. Все казачьи пути должны вести к столице нашего Войска — Новочеркасску. От неожиданности моего налета ты, видимо, изрядно струсил и потому даже не спросил, кто я.

— Я вас видел с атаманом Павловым на Войсковом празднике.

— Ну, раз ты меня видел, значит, и фамилию знаешь. К тому же и тебя припоминаю. Ты был в советской командирской шинели, с пуговицами — серп и молот, что тебя изобличает как красного командира. Немедленно явись к Походному атаману со свидетелями, подтверждающими твою личность в советское время. Станица должна иметь выборного станичного атамана. Я знаю о тебе больше, чем ты полагаешь. Понятно?

Развенчанный атаман отвечал молчанием. Мое грубое обращение к нему с первых слов объяснялось не только его поведением, но и сведениями о нем от казаков, видевших его после гражданской войны в милицейской форме, с перевязанной рукой, что наводило на мысль о том, что это было одно из звеньев подпольного коммунистического окружения Войскового штаба.

Но уничтожать врага на месте мы не имели ни права, ни возможностей, будучи связаны в своих действиях немецкими властями, нам оставалось только сбивать их с занятых позиций и ставить на их место казаков.

Второй самозванец объявил себя Донским атаманом в городе Азове, где еще сохранились валы Азовской крепости, овеянные бессмертной славой казачества, разгромившего в 1548 г. 300-тысячную турецкую армию и тем предотвратившего вторжение могущественнейшей в те времена Турецкой империи в Россию и далее в Европу. Непобедимый Азов вошел в казачью историю, заполнив одну из лучших ее страниц, но столицей войска Донского он никогда не был. Азовский самозванец, решивший использовать былую славу этого города, объявил его своей атаманской ставкой и так же, как и аксайский, стал печатать свои объявления. Его демарш к ген. Киттелю окончился тем, что ему было предложено явиться ко мне, как старшему казачьему начальнику в этих местах. Явился этот самозванец ко мне в то время, когда происходил казачий сбор моего отряда, обсуждавший подробный план захвата всех коммунистов по Батайску и его району. Видно было, как смутился этот «атаман», глядя на внушительную по тому времени массу казаков в полном вооружении.

— Я подъесаул Пятницков.

— Это вы самый Походный атаман со столицей Войска в Азове?

— Сознаю, что мною была допущена ошибка, вредная для

организации всего казачеств. Я думал, что никого, кроме меня, организаторов казачества нет, а теперь вижу по вашему сбору, что это совсем не так, и потому готов подчиниться вашим указаниям.

— Немедленно отправляйтесь с рапортом к Походному атаману Павлову в Новочеркасск и о ходе вашей дальнейшей деятельности сообщайте мне, как вашему ближайшему начальнику.

Близилось время, когда советская власть праздновала день Октябрьской революции. Наблюдательный глаз мог заметить особенно приподнятое настроение подозреваемых в подрывной работе в пользу большевиков. Несомненно, где-то они соберутся для чествования своего праздника. К вечеру под 7 ноября казаки-разведчики, наблюдавшие за подозреваемыми, донесли, что все «ответственные» собрались в одном из многочисленных отделений совхозов. Темной ночью казаки вместе с двумя офицерами немецкой разведки пробрались к зданию, где происходило сборище, и могли наблюдать за ходом октябрьского торжества коммунистов, находившихся под опекой немецкого коменданта и якобы верно служивших немцам, что подтверждалось перевыполнением всех заданий и обязанностей на них возложенных. Одним из главных ораторов был бургомистр Батайска.

— Наша доблестная Красная Армия накануне перехода в наступление под Сталинградом и по всему фронту. Поможем нашей родной коммунистической партии разгромить ненавистных оккупантов, немцев, и истребить остатки контрреволюционного казачества, организующегося на борьбу с нами...

Вторым оратором был офицер «корниловец», приходивший ко мне с фальшивыми документами, выданными ему переводчицей коменданта. Много еще говорилось трафаретных речей, из которых немецкая разведка могла окончательно убедиться в достоверности всех казачьих донесений о колоссальной коммунистической организации, имевшей склады оружия, способной дезорганизовать хозяйственную систему одного из самых важнейших районов Дона и выступить в любой момент с оружием в руках, по партийному указанию свыше. Появившиеся на другой день листовки-воззвания Ростовского обкома, напечатанные, как было установлено, в батайской типографии, являлись иллюстрацией к картине, теперь уже лично виденной немецкими офицерами.

— Больше терпеть нельзя, — говорю я офицеру специального назначения, посланному в помощь мне ген. Киттелем.

— Судя по оживлению, царившему на подпольном праздновании Октября, можно верить их словам, что красные перейдут в наступление под Сталинградом, что подтверждает

и народная молва, всегда верно передающая известия быстрее, чем радио. Ваша южная армия далеко на Кавказе. Вся железная дорога на Кавказ контролируется вами только формально. В любой момент она может быть выведена из строя служащими на ней коммунистами, и будет парализован главный железнодорожный узел Батайск, стоявший на втором месте по пропуску железнодорожных составов по всему СССР. Первое вооруженное выступление в тылу, возможно поддержанное советскими парашютистами, будет против нас, казаков. Если вам все наши советы безразличны, то мы, казаки, сами перейдем в наступление, и пусть ваша жандармерия не вмешивается, не защищает коммунистов. Могут быть напрасные жертвы с вашей и нашей стороны. План нашего наступления разработан во всех подробностях. Коммунисты будут одновременно захвачены всюду. Тайные склады оружия будут также молниеносно захвачены казаками.

— Вы правы. Наши политические органы слишком много переоценивают услуги коммунистов, лояльных нашей политике. Во всех случаях это приводит к плохим последствиям для нас. Всеми силами я постараюся поддержать выполнение вашего плана. Я вас уверяю, что через неделю вы получите разрешение на ваше открытое выступление с оружием в руках. Постараюсь, чтобы вы имели достаточное количество крытых автомобилей, грузовиков для транспортировки коммунистов. Против немцев, бывших недостаточно бдительными или по каким-либо причинам благосклонно относившимся к коммунистам, будут приняты соответствующие меры.

— Вот, кстати, вам может пригодиться этот документ для наведения порядка в комендантской среде. Этот ложный документ выдан за подписью коменданта, удостоверяющего личность офицера-корниловца, в самом деле являющегося коммунистом, присутствовавшим на октябрьском сборище коммунистов. Сделан этот документ, конечно, без ведома коменданта, его переводчицей, имеющей незаполненные бланки его комендатуры, заранее подписанные им и доверенные Тамаре, ослепившей его своей развратной красотой. Политическая физиономия Тамары ясна, но вот ее помощница, также противодействующая просьбам казачества к коменданту, должна быть выяснена. Казакам необходимы седла, имеющиеся на складе одной из железнодорожных станций, но все мои требования и просьбы, вижу, задерживаются переводчицей. В разговоре со мной она назвала себя полячкой, пришедшей с немцами из Польши. Я убежден, что это советчица. Прошу вас присутствовать при моем разговоре с ней, и вы убедитесь, что это тоже агент большевиков.

— Хорошо. Вы идите к коменданту, а я приду вслед за вами со своей переводчицей.

В комендатуре началось повторение предыдущих разговоров. Я требую от переводчицы результата моей просьбы о седлах, а она отвечает отказом, ссылаясь на начальство. В пререкательствах со мною она не заметила вошедшего офицера и его переводчицу.

— Я вам уже отвечала и прошу мне больше подобных вопросов не задавать.

— Я вам предлагаю отвечать на все вопросы представителя казаков, — приказательно, подчеркивая каждое слово, сказал подошедший к нам офицер, — отвечайте по-русски, я имею свою переводчицу.

— Я полька, родилась и получила образование в Польше.

— Получив образование в Польше, вы должны знать польскую литературу. Дайте характеристику пана Заглобы из романа «Потоп» знаменитого польского писателя Сенкевича. Забыли? Тогда дайте характеристику Збышко из романа того же писателя «Меченосцы»...

Красноречивое молчание было ответом на мои вопросы.

— Все понятно, — сделал вывод офицер.

— Передайте коменданту: седла для казаков должны быть.

«Без коня казак не воин», — говорит старая казачья пословица. Конь друг и гордость казака. Ничто так не радует его взор, как красота донской лошади.

Тесно сомкнулся казачий круг, а посредине круга молодой бравый казак держит под уздцы золотистую трехлетку, кобылицу чистых донских кровей. От кончиков настороженных ушей до белых «чулочков», все точно выточенные части ее молодого тела, казалось, созданного только из нервов и мускулов, были пронизаны тонкой паутиной кровеносных сосудов. В глазах — огонь, в ноздрях раздутых — пыл неукротимый, а вся она и легче и быстрее ветра в чистом поле.

— Зоренка!

— В золотую пору осени, в золотых лучах восходящего солнца, видимо, родилась эта красавица донская.

— Подарок вам от нас всех, — взяв под козырек, рапортует молодой казак, сдерживая левой рукой желание кобылицы стать на дыбки. Лошадь как будто чувствовала общее настроение и хотела по-своему салютовать торжественности момента, решающего ее судьбу.

Казак, забыв, что он держит под козырек, забыв устав и, кажется, забыв и самого себя, с такой любовью смотрел на золотистую красавицу, как будто перед ним стояла его первая человеческая любовь, и если эта любовь теперь уйдет, это будет для него незабываемым горем на всю жизнь.

— Полюбил?

— Так точно!

— Полюбил, так бери от меня в подарок, холь и береги. Она не выдаст тебя в атаке на врага за честь и славу Дона.

— Покорно благодарю!

— Садись!

Мгновение, и Зорька, взметнувшись на дыбы, вырвалась из живого круга людей и ветром понесла своего молодого хозяина, показывая ему на скаку задор и силу своей молодости, не знающей ни в чем ни границ, ни предела.

Старые казаки любовно смотрели вслед несущейся молодости и вспоминали свою юность, когда любые преграды на пути также брались с разбега, а жизнь казалась такой же радостной, как радовались эти два молодых существа, слившиеся в один, несущийся вдаль, силуэт.

— А вот вам и другой подарок. Такой же золотистый и в белых чулочках, только постарше и спокойнее, а по резвости и черт ему не брат. Этот зря не поскачет, но и вперед не пустит никого.

— Вот она житейская философия: мчится молодость вперед, не рассуждая и не глядя, все видеть должен зрелый возраст впереди, не допускать, чтоб враг тебя опередил. Спасибо, братцы, за подарки, а если кому приглянулся и этот золотистый, бери его в подарок.

— Нет, нет! И так все наши кони — ваш подарок.

— Спасибо, братцы, за такого красавца коня. Сейчас мы с ним отправимся в поход на Ростов. Надо посмотреть, что там делается на нашем втором фронте.

Много людей идет по дороге между Ростовом и Батайском, и каждый из них по-своему реагирует при виде казака.

— Гляньте, гляньте!

— Казак в полной форме донской!

— да и конь-то под ним золотистый, донской!

— Да и сам-то казак по фамилии тоже Донской!

Далеко слышатся возгласы людей, пострадавших от советской власти, видящих в облике казака рыцаря чести свободы народной.

Поводит ушами золотистый, пофыркивает от удовольствия и свысока посматривает на своих доброжелателей. Но вот уши его поднялись по-заячьи, чаще стали перебирать передние ноги. Сзади все явственней доносится переборчатый цокот подков. Натянул повода, чуть присел золотистый на задние ноги. Малейший толчок, и понесет он седока так же, как Зорька, и не догнать его ни другу, ни врагу.

— Подожди, мой друг, сегодня сдержим наш порыв, а завтра не уйдет от нас никто...

Два серых рысака равняются со мной и быстро проносят тачанку с двумя седоками.

— Пересаживайтесь к нам, у нас поудобней, да и ехать по пути, — прогнусавил заведующий мельницей — коммунист,

снабжающий продовольствием подпольную коммунистическую организацию.

Ответа не последовало. Рысаки наддали сильнее, видимо, хозяевам не по нутру была близость казака.

Поводья опущены, а золотистый не рвется в догон, как будто понимает все. Много дум вызывает десятикилометровое поймище Дона. Только узкая дамба со многими мостами, порою более километра длиной, соединяет Батайск со станицей Заречная, а дальше мост через Дон. Это ворота на Кавказ, и кто владеет ключом от этих ворот, может владеть и Кавказом. Но если враг займет это место, Кавказ станет ловушкой, из которой нет выхода. Вот там, у Гниловской, синеет обрыв, где когда-то была крепость, да и Ростов был крепостью святого Дмитрия, а дальше все по той же высокой стороне Дона, Аксай, Новочеркасск — все это давняя граница Европы с Азией... До революции народная пословица говорила: «Границы России на арчаке казачьего седла», а теперь большевики и немцы стерли все границы, у казака же не осталось ни седла, ни арчака. Темна дорога дальняя к казачьей воле, и нет просвета впереди. И вот, будто отклик на тяжкие думы казачьи, звучащий печалью и радостью речитатив:

— Да дорогой ты наш, конечек донской, ты наш золотистый-золотой. Сколько лет не слышали мы топот подков твоих звонких, не встречали семьею тебя у ворот, дай поглажу тебя, мой родимый. Унесла нашу волюшку злая судьбина, бурьяном поросли все пути, все дороги, замели-то метели казачий наш шлях. Пусть же алым огнем загорятся лампасы, засверкает прадедовской славой казачий клинок! Послужи Дону Тихому верно, сынок!

Плачет слезами горя и радости старая казачка. Остановился конь и голову склонил. Сыновний привет на устах казака.

— Три сыночка сложили головушки в битве за вольность казачью, а старик лег костьми в Соловках. Без угла, без приюта я маюсь по свету и молюсь каждодневно Всевышнему Богу: ты обруши свой гнев справедливый на твоих и на наших врагов-супостатов. Тяжко, сыночек, бродить одинокой по свету, но о смерти и помысла нет, все хочу увидать светлый день воскресения Дона...

Вот она, живая быль плененного Дона. Живое слово этой были пойдет молвой во времена.

Играет ветер низовой с донской волною и гребни белопенные бросает в берега. Над Доном мост, распластанный высоко, к воде склонил одно крыло. Гонимые страхом полного разгрома, большевики не пощадили лучшие достижения техники прошлого, не превзойденной ими, подорвали донской мост, построенный американцами задолго до революции. Десять лет болтали советы о построении моста через Дон, и вот теперь на этом месте за три месяца выросли могучие фермы

двух железных мостов для транспорта и железной дороги. К мосту подводится насыпь, сровнявшая высокий спуск Таганрогского проспекта, настланная из развалин лучшего здания Ростова — гостиницы «Дон», разрушенной немецкой бомбардировкой. Тысячи людей, в жалких отрепьях советской формы, ничем не отличающихся по внешнему виду от заключенных советских концлагерей, копошатся в развалинах зданий, готовя материал для мостовой насыпи. Страшное зрелище, вызывающее аналогию звериной жестокости к человеку двух, еще никогда не виданных миром, диктаторов, владеющих чудовищными средствами истребления своих и чужих народов, стоящих на пути их завоеваний. Видно, как руки военнопленных перестают работать, как выпрямляются их согбенные спины, как все глаза направляются в сторону одинокого всадника на золотистом коне. Сколько чувств родится в их измученной душе...

— Казак! Казак! Казак!

Много верных и ложных представлений связано у каждого с этим историческим словом, но у всех есть одно неоспоримое, общее мнение: «казаки искони борются за свободу народную».

«На коне он своем и в своей неизменной он форме, а мы-то вот сами сняли эмблему России — двуглавый орел и напялили волей-неволей чужую звезду, за нее и в бою, и в плену ни за что ни про что умирай. А казак знает путь свой всегда, коль сложил свою буйную, знает за что. Окружен он врагами всегда. Мы ему не друзья, а он немцам не друг. Не смотри, что сегодня один он, где один — там и все, такова уж казачья ухватка. Гикнет ныне один, и назавтра пойдут вслед полки за полками».

Защелкали затворы винтовок немецкой охраны. Снова машут покорно лопатки и кирки, расчищая дорогу врагам-победителям.

— Стой, казак!

Грозный окрик немецкого жандарма прервал мои невеселые думы, навеянные безнадежной тоской военнопленных.

Стальная каска, железная бляха на железной цепи, могучая фигура и без стального панциря напоминает железного рыцаря тевтонского ордена средневековых времен. Многозарядный автомат кажется ненужной игрушкой в его могучих руках. Я не меньше бы удивился при встрече его закованным в латы прадедом, как удивился его окрику на чистом русском языке. Не дав мне опомниться, он продолжал наступление.

— Ты что же это, казак, едешь прямо на немецкого жандарма, стоящего на посту, как в чистом поле на врага?

— Кабы ехал мимо, так и не узнал бы кто стоит посредине проспекта в казачьем городе.

— Знаю, знаю я вашего брата казака. Ты его чуть царап-

нешь, а он тебя на пику посадит. Не обижайся. Это делает вам честь. А говорю я с тобой на «ты» по дружбе, люблю казаков и радуюсь, что ты опять, казак, на своем чистокровном дончаке. Вот только седло-то у тебя, наверное, от Платова досталось, сто лет ему, не меньше, а надо бы тебе черкасское седельце, с серебряной отделкой на луке, клинок дамасский должен быть с турецкою насечкой, тогда была бы полная картина донского казака...

— Вижу, что ты знаток истории казачьей, а потому я коротко скажу в ответ: не диво было бы, как прежде, кликнуть клич — «по коням», и тысячекрылою птицей взметнулись на коней полки. А вот теперь нет ни коней, ни полков, ни клинков. Трудно нам выходить из советского плена, а будет ли легче дорога из вашего плена, пока ничего не видать.

— Терпи, казак, — атаманом будешь, держи свое знамя высоко, у нас не все тебе враги!

Немец взял под козырек. Улыбка сменилась суровой строгостью военного ритуала.

— Благодарю.

Колонна немецких машин, остановленная для проверки документов, прервала наш дружеский разговор, надолго оставивший след в моей памяти.

Долго будет стоять передо мной незабываемый облик старой казачки, не смолкнет ее былинный сказ, достойный передаче поколеньям.

— Эх, думы вы, думы казачьи, только родной вам по крови и духу вам откликнется, с вами разделит и радость и горе.

— Да, соколик мой ясный, вижу все твои думы казачьи, — говорит седой как лунь старик, древний, но стройный, точно тополь серебристый, — дай дополнить их правдой моей. Истребили враги наше все поколенье, с корнем вырвали давний наш род. Волей Божьей остался один одинокий, не пригодный для каторги дед. Не согнули старинушку долгие годы неволи, и теперь вот иду поклониться святыням казачьим и сказать о всем правду, что вижу вокруг. Низовой я, родился, где Дон наш встречается с морем, где плодится несметное множество рыбы донской, где осетр и севрюга идут косяками, где стерлядок ватаги не счесть, перечесть, позолотой червонной играет сазан на заре.

Завладели богатством тем красные воины. Ни себе, ни людям, за границу все валом валили, и теперь вот картина все та же. Те же красные власти сидят в заповедниках Дона, и богатства все наши идут мимо нас.

Осквернили словами святыни на небе, затоптали святое святых на земле, запленили живое и мертвое все над землею и в водах и недрах земных супостаты, антихристы красные и

теперь перекрасились только для виду, а нутро-то осталось все то же. Пригрозил костылем, пожалел, что берданочки нет под руками, и пошел я искать на врагов наших давних управу. Посылай казаков, выбьем доразу всех супостатов. Тайники все к несметным богатствам открою, сам за всем присмотрю, чтобы все целиком шло на пользу Всевеликому войску Донскому...

Вот она, донская старина, нет для нее ничего выше, чем служение своему войску, т. е. своей родине, своей земле. И вот, на страшном, но величественном фоне трагедии казачества, где малые слова былинного эпоса старой казачки породят многие тысячи страниц, говорящих о страшной участи казачества в эпоху коммунизма, где воинский дух столетнего казака являет бессмертие казачества — кладут позорные пятна тайные и явные предатели.

Редко бывает обманчивым первое впечатление от незнакомого человека, еще реже ошибается обострившееся за годы преследования советской власти чутье распознавать врага.

Серая шевелюра, серый костюм, серые глаза, крадущиеся движения очередного посетителя — все впечатление в целом формируется словами: серый в сером — серый волк. Создавшееся впечатление вызывает сухой, официальный тон.

— Я вас слушаю.

— Я донской казак, — говорит посетитель вполголоса и на самых низких нотах.

— Казак? А говорите не по-казачьему.

Серый как-то всем туловищем оглянулся назад и, видя, что никого позади нет, стал продолжать немного громче:

— Я донской казак станицы Мигулинской. Доманов Тимофей Иванович.

— Почему вы произносите имя донского казака, пугливо оглядываясь по сторонам?

— Да так, как-то все еще не твердо...

— А кто же будет утверждать наше историческое имя, как не мы сами?

— Да оно-то так... я ведь тоже офицер...

— Тогда тем более непростительно ваше поведение. Не шептать, оглядываясь по сторонам, а рубить надо словом. На вас, офицерах и интеллигенции, волей судьбы оставшихся в живых, лежит особая обязанность в деле возрождения Дона. Бог миловал нас не для того, чтобы мы, будучи свободными, уклонились от исполнения своего национального долга, во имя которого пали тысячи тысяч наших собратьев. Ныне идет молчаливая, но страшная схватка между собирающим свои силы казачеством и огромным коммунистическим подпольным аппаратом, служащим для видимости немцам и находящимся под покровительством Гитлера, привлекающего на свою сторону коммунистов, не считаясь с оскорбленным достоинством народов, освобожденных от власти советов, и по-

тому казачье слово должно быть острей казачьего клинка на поле битвы, ибо идет битва психологическая, от исхода которой зависит: быть или не быть казачеству исторически признанным в эту страшную эпоху, когда многомиллионные государства рушатся как карточные домики в течение десятков дней. Если нам, призывающим остатки казачества под знамя Второго Казачьего Сполоха, и не удастся утвердиться на родной земле, то все же наш сыновний долг перед отчизной будет выполнен и будущие поколения не пошлют сыновнего упрека нам. Скоро мы будем освящать наше Войсковое знамя у памятника нашему прадеду Ермаку, и я надеюсь, что вы, как казак и офицер, займете подобающее вам место в борьбе за свободу Дона под водительством походного атамана Сергея Васильевича Павлова.

— Благодарю за казачье наставление и прошу направить меня в распоряжение походного атамана.

Препроводительная подписана, посетитель ушел, оставив неясное впечатление о себе, о своих намерениях, вызвав какое-то неприятное ощущение, подобное тому, как испытываешь, глядя на хищника, идущего тайными тропами к намеченной жертве.

— Заведующий рыбным хозяйством Дона, — непринужденно улыбаясь с высоты своего «министерского» поста, рапортует очередной посетитель.

— Кто вас водрузил на этот высокий пост?

— Немецкая комендатура.

— А как вы попали на глаза комендатуре?

— Сам пришел, как специалист.

— Где специализировался?

— Окончил Рыбный институт.

— Сколько коммунистов назначил в заповедники Дона?

— Думаю, что там коммунистов нет.

— Вы друзья с полковником Кочконоговым?

— Да.

— Давно?

— Много лет.

— А почему полковник Кочконогов, расхаживающий в полной форме по Ростову, не соизволит явиться в представительство штаба?

— Да он ходит в форме, но почему не приходит к вам, не знаю.

— Дорогу в кабаки знаете, вместе пьянствуете, дискредитируете донскую офицерскую форму и думаете, что все вам пройдет безнаказанно? Тебе-то это под стать, ты не казак и не утверждай, если пришел ко мне на регистрацию. Все о вас всех, кто поставлен немцами, известно.

— Я, правда, не казак, но служил в Белой армии...

— Отступал с белыми?

— Нет, заболел тифом...

— Все вы «тифозные» врете. Ты и весь твой теперешний аппарат — бывшие «очуровцы», в большинстве партийцы, оставленные для захвата в свои руки хозяйственного руководства при немцах. Твой приятель Кочконогов такой же, как ты. Если я ошибаюсь, пусть он придет и докажет, что это не так. К походному атаману он, как атаман Семикаракоровской станицы, не соизволил пожаловать.

Завтра командирую казачьего офицера для проверки всех работающих в заповедниках по твоему ведомству, а ты «министр», намотай на ус, что заповедники принадлежат казакам, а не немцам и коммунистам и плохо будет таким, как ты и Кочконогов, пытающимся использовать доверие немцев и противопоставлять себя казачеству.

— Немцы требуют одно, казаки — другое...

— Коммунисты требуют третье, и ты, бедный, запутался в трех осинах и не знаешь, на какой тебе висеть придется. Заяви немцам, что ты уволен казачьим штабом, и представь им на твое место казака, мною посланного, а ты останешься его заместителем. Все.

Давно надо всех этих немецких «доброжелателей» отправить за колючую проволоку, на место тех, кто безвинно томится в лагерях военнопленных. Сегодня же надо, на основании договоренности с генералом Киттелем, получить документ на освобождение казаков, военнопленных в лагере станицы Александровской.

Немецкий полковник, ведающий лагерями военнопленных, заполняя документ, остающийся в его отделе вместо 130 казаков, отпускаемых на свободу, спрашивает:

— Ручаетесь ли вы, что среди 130 казаков нет коммунистов?

— Среди казаков коммунисты редкое исключение, и если они будут обнаружены, казаки сами расправятся с ними своим судом. Большевики, подозревая в виновности одного, расстреливали сто невиновных, мы так поступать не можем. Я даю поручительство за всех и отвечаю за их поведение в дальнейшем.

Первые военнопленные казаки, освобожденные на родной земле, были отпущены по домам на две недели с обязанностью явиться в распоряжение походного атамана.

Срок, назначенный немецким офицером особых поручений, для получения разрешения на вооруженное выступление казачьего отряда, подходил к концу. Часовая стрелка приближалась к двенадцати. Через пятнадцать минут, будет или не будет согласия немцев, разгром коммунистов казаками осуществится. Это так же неотвратимо, как неизбежен ход времени.

К кому из нас, вот такой же темной ночью, не подкрадывался «черный ворон» НКВД. Кто из нас не испытывал в момент ареста беспомощность казачьей семьи перед звериной пастью кровавого террора большевизма. Сегодня будет расплата, но это не будет расплата над безоружным противником, нет, у каждого коммуниста есть оружие...

— Приготовиться к выступлению. При малейшем вооруженном сопротивлении стрелять на месте. Все захваченные документы немедленно представлять мне. Арестованных конвоировать в указанное место.

Отряд окаменел в ожидании последней команды. Последняя минута, казалось, рушила надежды на добрые отношения с немцами. Казачья гордость задета за живое, и море теперь казаку по колено.

— Справа по три-и-и...

В ответ на первые слова команды в настороженную тишину вкрался полузаглушенный звук автомобильных моторов. Десятки огромных силуэтов крытых немецких грузовиков застыли в ожидании приказания казачьих начальников.

— Разрешение высших властей получено. Транспорт в вашем распоряжении. Место отправки груза известно всем шоферам. По окончании операции встреча у коменданта, — коротко вполголоса отрапортовал немецкий офицер и так же, как незаметно появился, исчез во тьме на своем «опеле».

— По коням!

В первый раз, выполняя казачью команду, иноземные тяжеловозы двинулись в указанном им направлении.

Плохо спится в эту ночь бургомистру Батайска. Мешается сон с явью в уставшей голове. Неотвязно преследует его нерешенный вопрос о времени ликвидации казачьего отряда. Сил у него недостаточно, но тут мешает всему это самое «но». Истребить казачий отряд раньше времени — значит обнаружить наличие больших законспирированных и тем самым поставить под удар выполнение главной задачи. А задача эта, может быть, одна из важнейших во всей войне с немцами: разрушить все пути отступления немецкой армии с Кавказа. Надо терпеливо ожидать, пока Красная Армия перейдет в наступление под Сталинградом. Но как будешь ждать, когда казачья рука протягивается к твоему горлу. Не будь этого проклятого казачьего отряда, с этим фанатиком поэтом, к которому не подъедешь ни с деньгами, ни с водкой, ни с бабой — все было бы отлично. Немцы — идиоты, разведка у них ни к черту, а казаки — дело иное. Сам казак, знаю их хватку. Не успеешь сам нагрянуть врасплох, тебя заарканят. Что делать? Как выиграть время? А тут еще этот атаманец со своими дурацкими усами. Только забудешься, а эти самые усы так тебя щекочут, как будто будят от сна. Казалось, какая

же диковина усы. Вот и вождь народов носит усы, правда, обкорнал их не знаю по какой моде.

— Как обкорнал? — спрашивает Сталин. И в самом деле, усы вождя вдруг вытянулись и лихо закрутились. От страха бургомистр отвернулся в другую сторону, а тут тебе другой вождь с моржовыми усами.

— Как с моржовыми? — спрашивает Гитлер.

И впрямь, усы вытянулись, закрутились и стали атаманскими.

— Вот проклятые усы! Куда от них денешься? И сам ведь когда-то носил подобное украшение. Под носом что-то защекотало. Попробовал по прежней привычке, указательным пальцем, а усы сами обкрутились вокруг него.

Но вот тяжелые удары в дверь отогнали сонную одурь и въявь ворвался страшный окрик:

— Открывай!

Инстинкт и разум подсказали, чей это окрик, но все же, толкаемый последней надеждой, бургомистр спросил:

— Кто?

— Казаки, — отвечал приглушенный бас атаманца.

Медленно опустился пистолет бургомистра. Сопротивление бесполезно.

Резко звякнул дверной запор. С винтовками наперевес вошли три казака.

— Сдать оружие! — командовал усатый атаманец.

— Вот пистолет, там винтовка.

— Одевайся!

— Казаки, куда поведете мужа? — подавляя дрожь в голосе, спросила жена бургомистра.

— Туда, куда он хотел нас заправить, — повысив тон, отвечал атаманец, готовясь к словесному бою с казачкой.

Но нет, не налетела она степной орлицей, защищая родное гнездо, не стала между мужем и его врагами. Нет, ей родней был отцовский завет: быть казачкой до гроба. Не со злобой сказала, а с горьким упреком отцу ее детей:

— Что искал, то и нашел.

— Сдать оружие! — сотни раз повторилась казачья команда во тьме этой роковой для коммунистов ночи.

С рассветом сотня немецких грузовиков, охраняемых казаками, увозила с Дону коммунистическую нечисть. Спинной хребет коммунистической системы на Дону, во время оккупации немцев, был сломан. Коммунисты Ростова и Новочеркасска потеряли свою материальную и вооруженную базу и стали подвергаться аресту, на основании показаний членов разгромленной казаками коммунистической организации г. Батайска.

Финал первого вооруженного казачьего выступления во Втором Казачьем Сполохе происходил в здании коменданта г. Батайска, покровительствовавшего большевикам.

Почти одновременно в комендатуру вошли мы с офицером особых поручений и три больших чина немецкого политического отдела в сопровождении жандармов.

После коротких и почти враждебных по тону приветствий комендант был поставлен в известность офицером особых поручений о последних событиях, касавшихся подведомственных ему учреждений.

— Я уже осведомлен, что вся административная система моего района нарушена. Я теперь не могу отвечать за выполнение требований правительства и армии. Меня не поставили в известность об аресте многих сотрудников моего административного аппарата. Я знаю, кто подготовил и руководил этой революцией, но не знаю, кто дал на это разрешение, противоречащее указаниям фюрера относительно коммунистов, лояльно относящихся к нашей партии и перешедших к нам на службу.

— Об этом знают органы, к компетенции которых относятся устранения политических ошибок, а может быть, и преступлений, подобных совершенным вами в вашей деятельности. Вы должны были знать последний приказ фюрера от 6 сентября 1942 г. и боевые инструкции ставки по борьбе с партизанами на Востоке.

— Никаких ошибок мной допущено не было. Все действия казачьего офицера незаконны, и он должен нести за них ответственность. — Комендант, забывая правила вежливости, тыкал в моем направлении указательным пальцем.

— Вы подписывали коммунистам документы о принадлежности их к офицерским чинам Белой армии? — тыча документами в направлении коменданта, спрашивал офицер особых поручений.

— Нет! — почти заорал комендант.

— Читайте!

Комендант чуть не вырвал из рук подававшего документы, еще раз забывая приличие, глаза его впились в содержание написанного, а на лице его, дотоле выражавшем гневную уверенность, выразилась растерянность.

— Не может быть! Я не подписывал!

— Признаете вашу подпись или хотите экспертизу?

— Да, подпись, несомненно, моя, но как она сюда попала?

— Я вам объясню для вас необъяснимое явление. Вы подписывали заранее незаполненные бланки и передавали их в ведение своей красавице переводчице, а каковы последствия ваших взаимоотношений с ней, теперь видите на фактах. Вот они, десятки подобных документов с вашей подписью, отобранных у коммунистов, праздновавших коммунистический праздник Октября, о чем вы, конечно, тоже не ведаете.

Комендант, словно ударенный поленом по затылку, опустил голову.

— Взять! — словно затвором лязгнула команда старшего офицера. Дула жандармских автоматов взяли на прицел коменданта.

— А вас, — обратился ко мне старший начальник, — приветствую и благодарю за отличную борьбу с коммунистами. Командование признает за вами гражданское и военное право возглавления во всех районах вашего действия. Мы удовлетворены тем, что важнейший стратегический пункт нашей армии находится под охраной донцов.

Тяжесть и сложность обстановки, в которой пришлось руководителям казачества вести борьбу с подпольной коммунистической системой при немцах, теперь подтверждается опубликованием советских военных архивов, относящихся к тому времени. В тяжелый период для советских армий, когда немцы стремительно шли на Сталинград, Сталин принужден был издать приказ об усилении действий партизан, особенно на юго-восточных коммуникациях противника, ведущих к Сталинграду.

5 сентября 1942 г. Верховный Главнокомандующий Сталин писал: «Основные задачи партизанских действий: разрушение тыла противника, уничтожение его штабов и других военных учреждений, разрушение железных дорог и мостов, поджог и взрыв складов и казарм, уничтожение живой силы противника, захват в плен или уничтожение представителей немецкой власти... Решение основных задач требует от всех партизанских отрядов развертывания боевых партизанских операций, а также диверсионной, террористической и разведывательной работы в тылу врага».

В сентябре 1942 г. в Кремле состоялось совещание командиров крупнейших партизанских отрядов, сыгравшее огромную роль в деле обобщения опыта борьбы в тылу немцев и улучшения руководства партизанским движением. Было констатировано, что руководимое Центральным Комитетом партии, ЦК компартий союзных республик, подпольными обкомами и райкомами партии на местах, партизанское движение выросло в грозную силу для врага. В Белоруссии, на Украине и Северном Кавказе и т. д. партизаны создавали невыносимые условия для врага и его оккупационной администрации.

В состав Северного Кавказа входили Дон, Кубань и Терек, где была особенно усилена подпольная коммунистическая система, накоплявшая свои силы и захватывавшая узловые точки для решительного разгрома всего немецкого тыла, приуроченного к моменту наступления советских армий.

Как велика была роль казачества в отражении этого коммунистического наступления, можно судить по тому, что в важнейшем стратегическом центре всего Юго-Востока, в стыке

двух фронтов: Сталинградского и Кавказского, в центре железнодорожных и водных путей, не было совершено ни одного террористического акта со стороны красных партизан и всей террористической подпольной системы красных за все время и до последней минуты перед отходом казачества на Запад.

В то время, когда на всей территории Дона казачество, собирая свои силы, вело упорную борьбу с внутренним врагом — коммунистическим подпольем, немецкие армии вели ожесточенную борьбу за овладение Сталинградом.

13 сентября немецкое командование, сосредоточив на непосредственных подступах к Сталинграду пять пехотных, три танковых и одну моторизованную дивизию, начало штурм города. Началась «крепостная война», перешедшая из просторов донских степей на изрезанные оврагами приволжские высоты с перелесками, балками и дальше в фабричный район Сталинграда., расположенный на неровной местности, застроенный зданиями из железа, бетона и камня. Крупные военные операции, где пространство определялось километрами, перешли в сражения, протяженность которых исчислялась метрами, а карта генерального штаба заменилась планом города. Беспримерная по своему упорству и напряженности борьба за город продолжалась до 2 февраля 1943 г. На территориях заводов «Красный Октябрь» и «Баррикады» велась ожесточеннейшая схватка за каждый цех, за каждую стену, а в городе за каждый дом, подвал, железнодорожную насыпь, водонапорную башню, за каждую кучу развалин. Солдаты наступающей германской армии и обороняющиеся солдаты советской армии совершали чудеса героических подвигов.

Общие результаты двухмесячного наступления 6-й немецкой армии на Сталинград, с оперативной точки зрения, были незначительными, а потери в живой силе и технике не соразмерны с достигнутыми успехами. В начале ноября советские войска, получив подкрепление, перешли в контратаку. Перспективы окончательного захвата Сталинграда уменьшались, а Гитлер, зная о готовящемся наступлении советских войск, не имея за фронтом, протяженностью в 1400 километров, боеспособных оперативных резервов, отдавал распоряжения о продолжении наступления с «нарастающей силой». Он не хотел понять, что силы немецких армий достигли предельного перенапряжения, достигнув отдаленных от Германии пределов на 2500 и более километров. Огромные расстояния, отсутствие шоссейных дорог, небольшое количество железных дорог — все это создавало почти неразрешимую проблему снабжения армий. Горючего везде и всегда не хватало. Но Гитлер не внимал никаким аргументам высших военачальников, указывая на громадные запасы нефти Кавказа. Снабже-

ние армии облегчалось тем, что, в районе между Доном и Кавказом, немцы захватили полтора миллиона тонн зерна и большое количество скота.

Сведения о готовящемся зимнем наступлении Красной Армии, оснащенной американской техникой, вызывали тревогу высшего командования за участок фронта от Сталинграда до стыка с группой армий «Центр», защищаемый ненадежными армиями венгров, итальянцев и румын. Гитлер отверг предложение штаба отвести войска Сталинградского фронта на запад, что укоротило бы опасный левый фланг и дало возможность высвободить много дивизий для создания в тылу необходимого резерва. Жертвой Гитлера за невыполнение плана взятия Сталинграда стал начальник генерального штаба сухопутной армии генерал-полковник Гальдер, вместо которого был назначен ген. Цейцлер.

«Немецкий солдат останется там, куда ступит его нога» — таков был ответ Гитлера на предложение командования оставить Сталинград ради спасения армии.

Духовная сила казачества, зиждущаяся на великой вере во Всевышнего Творца, всегда творила чудеса стоицизма и самопожертвования в борьбе за свое историческое бытие с могущественными государствами магометанского мира и особенно величественно сказалась во время «Азовского сидения».

Создав первый в истории народов социальный строй, равного которому нет и поныне, казачество было ненавидимо всеми правителями тоталитарных государств и потому всегда находилось во враждебном окружении, надеясь только на Божию помощь да на свои малые по числу, но великие по крепкостоятельству силы. С благословением церковных пастырей шло оно на воинские подвиги и, возвращаясь из похода, всегда вносило свою великую лепту на Божии храмы.

Донская «Зимовая станица» (посольство), прежде чем представиться Московскому царю, всегда шла в Донской монастырь в Москве поклониться иконе Пресвятой Богородицы, преподнесенной казаками князю Димитрию перед Куликовской битвой с татарами в 1380 г.

Трудами старых казаков строились монастыри и церкви. Создался высокоморальный обычай завещать церкви золотые кресты и медали, получаемые казаками за воинскую доблесть.

Советская власть разграбила монастырское и церковное добро, осквернила храмы, создав в них учреждения морального разврата и человеконенавистничества. Для искоренения религии в народе коммунистическая клика приняла тот же метод, как и в борьбе с политическими врагами — взрыв изнутри. Руками ЧЕКА-ГПУ создается «обновленческая цер-

ковь, противопоставленная истинной церкви Христовой, во главе с Патриархом Тихоном.

Обезоруженное казачество ведет стоическую религиозную войну с армиями большевистского атеизма. Насильно вторгнувшихся служителей «обновленной церкви» казаки выводят «под руки» из храмов, за что идут на ссылку в концлагеря. Тройная цепь чекистских штыков сомкнута вокруг группы арестованных казаков. Этап проходит возле станичной церкви. «На молитву, шапки долой!» — раздается неизвестно кем поданная команда. Обнаженные головы воинов, три года назад, во время первого казачьего восстания на Дону, молившихся на том месте о даровании победы над безбожными ордами коммунизма, теперь с тою же молитвой обращаются к Всевышнему Творцу. Многотысячная толпа провожающих осеняет себя крестным знаменем. В эти минуты чувства молящихся выше страха смерти и истязаний, а мы, обреченные не ощущаем боль прикосновения чекистского штыка. Когда нашу группу привезли на пароходе в Ростов и конвоировали возле Собора, все мы обнажили головы без всякой команды. Перед нами сияли светом Христова Воскресения обновившиеся кресты Собора. Это чудесное явление не могло быть делом рук человеческих потому, что против Собора находилось здание ЧК.

Множество обновленных икон в церквах и домах верующих — явление не объясненное наукой и понимаемое народом как чудесное явление, знаменующее о временном торжестве зла на порабощенной большевиками земле.

Двадцать лет без перерыва идут в Заполярье нескончаемые этапы казачества. Крестным знаменем провожают Дон, Терек и Кубань своих сынов на Голгофу коммунизма.

Можно ли забыть предательское лицо Иуды, представшего передо мной в виде старого священнослужителя, кощунственно осквернившего мою заупокойную молитву и возмутившего до глубины души мою тоскующую душу, когда он, отслужив панихиду в десятый день кончины моей матери, в притворе Ростовского собора, вместо утешения сказал: «Приятно видеть в церкви интеллигентного человека. А где вы работаете?» Служитель дьявола исполнял свои чекистские обязанности в облачении священнослужителя. Сколько доверчивых людей попало в сети таких служителей сатаны! Но весь сатанинский облик обновленческой церкви обнаружил себя в открытом выступлении в защиту Сталина и коммунистической безбожной власти, находившихся в смертельной опасности во время войны с немцами, о чем свидетельствуют моления в церквах о здравии Сталину и нижеизлагаемый документ:

«Обращение Собора преосвященных архиереев Православной Церкви к Советскому правительству.

Глубоко тронутые отношением нашего всенародного

Вождя, Главы Советского правительства И. В. Сталина к нуждам Русской Православной Церкви и к скромным трудам нас, ее смиренных служителей, приносим правительству нашу общесоборную искреннюю благодарность и радостное уверение, что, ободренные этим сочувствием, мы приумножим нашу работу в общенародном подвиге за спасение родины. Небесный же глава церкви да благословит труды правительства своим зиждительным благословением...»

Следуют подписи и дата: Москва, 8 сентября 1943 г. А в то время благословляемый церковью вождь народа Сталин высылает в лагеря смерти калмыцкий народ, народы Кавказа и ведет кровавую расправу над миллионами людей, находившихся на оккупированной немцами земле, инкриминируя им измену родине.

В первые же дни освобождения немцами казачьих земель от власти большевизма вышла на свет Божий Церковь катакомбная, как во времена первохристианства, преследовавшаяся безбожной властью, уничтожившей десятки тысяч истинных священнослужителей, надругавшаяся над «святая святых» народа. Нет внешнего благолепия во временно созданных храмах, но зато в них есть необычайный молитвенный подъем и душевный восторг молящихся, душа которых очищена страданиями многих тяжких лет гонения и смертью миллионов братьев во Христе, умученных палачами коммунизма и похороненных без христианского погребения. В первый раз произносятся с амвона слова вечной им памяти. Совершается богослужение не в церквах, а там, где представляется возможным, по-походному, и это соответствует состоянию казачества, поднявшегося во второй поход против большевизма. Принимает таинство крещения некрещеная молодежь, венчаются люди, много лет жившие в гражданском браке.

Свергнуты идолы коммунистического мракобесия. Духовные начала в душе народа остались неприкосновенными.

В Ростовское представительство был принят на должность военного инструктора старый полковник Василий Александрович Елкин. Инструктировать ему было почти некого, поэтому он как «вольноопределяющийся» ходил во все отделения представительства и глазом человека, превышавшего всех нас по жизненному опыту, видел все, что делается в представительстве.

— Вот гляжу я на людей, приходящих в представительство для регистрации, с просьбами и всякими иными целями и вижу, сколько же тут советской сволочи, пытающейся проникнуть через все щели для того, чтобы развалить организацию казачества. Слыхал я, как художественно вас обкладывала отборной бранью рябая машинистка, бомбой вылетевшая

после разговора с вами. И, скажу я вам, здорово вы отделяете «козлов» от «баранов», интуиция на этот счет у вас блестящая. Только у человека, всю жизнь прожившего под страхом смерти, может выработаться такое чутье распознавать врага. Мне это очень и очень понятно. И когда я думаю, что если бы на вашем месте сидел кто-то иной, не прошедший страшную науку советской жизни, то мне ясно представляется, что было бы в этом учреждении. Во-первых, всем бы здесь руководили большевики, во главе с секретарем ячейки армянином-офицером, во-вторых, и в лучшем случае, представительство превратилось бы спекулятивный орган нахичеванских армян.

Я человек прямой и на все вещи смотрю здраво, поэтому, думаю, вы на меня не будете в обиде.

— Если бы я вас, Василий Александрович, не оценил по достоинству и не имел к вам уважения, то причислил бы к категории людей, вами охарактеризованных, на что имел некоторое основание.

— Чем же я, дорогой мой, проштрафился?

— Вы не сказали мне, что одно время, в начале советской власти, служили в военкомате.

— Но ведь это же поразительно, вам и это известно!

— Это нормально. Казаки обязаны знать, кто ими руководит. Вынужденная служба красным не ставится в упрек никому, ибо это служба подневольных людей, во имя спасения жизни семьи и близких от ужаса концлагерей.

— Вы правильно поступили со мной. Я не грешен перед казачеством. Не моя вина, что меня оставили у моря, да разве меня одного? Весь кавалерийский корпус ген. Мамонтова, краса Доской армии и большая часть кубанской кавалерии были брошены командованием на берегу Черного моря на расправу красным. Часть казаков и офицеров, ради спасения жизни, пошли в буденновскую армию, отправлявшуюся на польский фронт, а мне предложили, как академику, обучать советских офицеров, потом нужды во мне не стало, отправили в военкомат на канцелярскую должность, а потом и совсем исключили за ненадобностью и старостью. Вся жизнь прошла под страхом. Спасибо, дорогой, что пожалел старика. Не сказал сразу все, побоялся: оттолкнут свои, и тогда идти некуда. От врагов легче переживать все, а обида от своих — моральная смерть. Люди исковерканы страшной неправдой нашей эпохи. Мы — современники катастроф многих империй, многих свободных идей и свидетели звериной жестокости диктаторов, использовавших народное стремление к свободе для прихода к власти и затем превративших крестьян в колхозных рабов, а рабочих в заводских роботов, подгоняемых стахановским кнутом. Коммунистическая власть истребила своих явных врагов в подвалах ЧК, а потенциальных — в лагерях смерти. В борьбе за власть Сталин истребил и всю ленинскую

гвардию, истребил несколько тысяч командного состава, генералитет и после финляндской войны — всех военнопленных. Четверть населения физически истреблена властью и половина населения — родственники пострадавших, потенциальные враги коммунизма. Немцы об этом знали, но не пошли навстречу тем, кто желал видеть в них освободителей, кто мог бы своими руками уничтожить власть узурпаторов, а уничтожали в своих лагерях всех без разбора.

Какую правду народу оставили противники коммунизма, какие добрые семена посеяли для будущего? Генералы заставили царя отречься от престола, а Керенский отрекся от генералов и вступил в непримиримую вражду с казачеством из-за попытки арестовать выборного атамана генерала Каледина. Власть валялась на улице. Тщетно призывал атаман Каледин на московском совещании деятелей России встать на защиту права и порядка против интернациональных сил большевизма. При вооруженном наступлении на Зимний дворец бежал в костюме сестры милосердия Керенский, оставив в жертву красным юношей юнкеров, последних защитников чести и славы России. Белое движение своей непревзойденной героикой на полях сражений с красными заполнило пробел в истории борьбы русского народа с коммунизмом, но после смерти лучшего сына казачества и России ген. Корнилова стало безыдейным, не разрешившим ни одного национального вопроса народов, населяющих Россию, ни земельной, ни социальной проблемы. Лозунг «Единая, Неделимая Россия» был холостым выстрелом по большевикам, шедшим не за разделение России, а за ее покорение и через нее овладение всем миром. Этот лозунг скорее был направлен против тех, кто побратски принял на своей территории белых вождей, дал возможность организоваться Белой Армии. Вместо благодарности Деникин оставил о себе в казачестве недобрую память повешением без суда и решения кубанского правительства члена Кубанской Рады, священника Калабухова, невзирая на предупреждение Донского Войскового Круга о чреватых последствиях такого позорного поступка и попирания казачьих прав. Кубанское казачество ответило на этот произвол Деникина уходом с фронта, что привело к гибели казачества и Белой Армии. Этот недобрый пример своевластия и беззакония может найти подражателей в будущем, при создании единого фронта освобождения России.

Вот, дорогой мой, страшная правда смутного времени. Во всем этом хаосе и тьме безвременья единственным светочем было казачество, создавшее много столетий назад идею свободы, равенства и братства, утвердившую ее в своих государственных конституциях, писанных кровью трехлетней войны с большевиками, и в несравненно сложных условиях собирающее свои силы теперь на продолжение этой борьбы.

Большевики идут не только открытым фронтом против казачества, но и применяют свой испытанный способ «взрыва изнутри».

Немцы пытаются всеми способами овладеть казачеством через своих ставленников — акция капитана Кубоша с Сюсюкиным и Духопельниковым.

С другой стороны, гестапо, через своего представителя, СС обер-фюрера Блюмберга, распространяющего газету «Казачий вестник», издаваемую в Праге, пробует еще один вариант овладения казаками через послушных им «казакийцев», испытывая на казаках действие мифической «казакии». Будут подобные попытки применяться еще не один раз.

Трудно бороться сразу на нескольких фронтах, имея только единственное оружие — веру в бессмертие казачьей идеи; и только служат утешением слова гениального полководца Наполеона: «Есть две силы в мире: дух и меч. В конечном счете побеждает дух». Непобедимость же казачьего духа доказана мировой славой казачества, ее испытал на себе и Наполеон.

Я бесконечно рад, что этот дух свободного казачества нашел теперь свое выражение в вас с атаманом Павловым. Вижу, дорогой мой, как ты рубишь врагов казачества налево и направо, руби так и дальше, не сходи с казачьего пути. Бог недаром наградил тебя даром творчества. Мы, старики, обязаны передать вам свой жизненный опыт. Всех атаманов и казаков, достойно хранивших святые заветы казачества, постигла трагическая участь. Погибли на своем посту атаман Каледин, атаман Назаров, атаман Волошинов, Митрофан Богаевский, Чернецов и многое множество лучших сынов Дона. Вы с Сергеем Васильевичем идете по этому славному и жертвенному пути, и я, старый казак, молю Бога сохранить вас от страшной участи погибших атаманов.

Слезы старика, говорившего суровую правду, как будто для отчета перед историей старшего поколения казачества, растрогали меня до глубины души.

— Спасибо, дорогой Василий Александрович, за отеческий совет и наставление. Эта горькая историческая правда, свидетелями которой мы были, умножила наш опыт. У нас не будет колебаний в решении вопросов, связанных с судьбою казачества. Не пришли к нам на Дон «Алексеев, Корнилов», не диктует законы теперь нам «Деникин» извне. Есть у Дона заветы о воле свои вековечные. Ваше напутствие напоминает мне слова благословения моего родного дяди, члена Войскового Круга, перед отправкой нас, партизан-семилетовцев, чернецовцев и дудаковцев, на фронт в самый критический период защиты Дона: «Благословляю тебя, мой дорогой, на бой за Тихий Дон, а может быть, и на смерть, ради нашей казачьей правды. Едва ли ты вернешься, это удел большинства. Смело

смотри смерти в глаза, по-казачьему, недаром наш род носит имя Дона».

И впервые тогда, как-то безотчетно, вырвались из глубины души слова старого казачьего клича: «На славу и на смерть!»

Этот клич нашего прадеда Ермака стал кличем Второго Казачьего Сполоха.

Обезлюдела Кубань, обессилела от кровавых ран, нанесенных сталинским палачом Лазарем Кагановичем. Пришельцы из других краев, советские активисты, заполнили опустевшие казачьи курени.

Терек, официально неупоминаемый в кампании Кагановича по разгрому «кубанского саботажа», т. е. кампании по уничтожению казачества, подвергался такому же кровавому террору, как Кубань и Дон. Часть горского населения Терека играла такую же подсобную роль в уничтожении властью казачества, как и часть иногороднего населения на Дону и Кубани.

Общая история Дона, Кубани и Терека в прошлом, общая борьба с большевиками в 1917—1920 гг., общая трагическая судьба в годы советского пленения, создали одинаковый характер их состояния и по приходе немцев. Та же картина разрушения казачьего, веками установленного, быта и народного хозяйства. Та же система подпольной коммунистической партизанщины, засевшей в аппарате управления, учрежденного немцами. Только к тайной партизанщине прибавилось и партизанщина явная, так как предгорья Кавказа на Кубани и горы на Тереке этому способствовали.

Все нефтяные промыслы Майкопа, Грозного были разрушены частями отступавшей Красной Армии за горный перевал. Многочисленные немецкие специалисты, обследовавшие экономику этих казачьих земель, не могли восстановить разрушения за столь короткий срок их пребывания, а специалисты НКВД, им помогавшие, тормозили всеми способами это восстановление.

Советской власти не стало, казалось, все должно было идти по-старому, по-казачьему, так ожидали, а не получилось на деле. Новая власть пронемецкая мало отличалась от советской. Опять казак без права на землю и возвращения своей собственности, без права решать свои станичные и Войсковые дела. И так же, как на Дону, началась жестокая борьба казачества с внутренним врагом, временно сменившим партийный коммунистический билет на гитлеровскую свастику.

Трудно было немцам вести борьбу с партизанами в лесах Украины и Белоруссии, но еще труднее была эта борьба в лесистых горах Кавказа. У перевала через горный хребет красные сосредоточили все свои силы, и не будь с немецкими час-

тями терцев, они не могли бы даже ориентироваться в этом сложнейшем рельефе гор, лесов, бездорожья и партизанских засад. Но малые силы терцев не могли самостоятельно противостоять партизанским армиям красных, и потому казаки с горечью в сердце видели, как немецкая армия, дошедшая до предела своих физических возможностей, не могла взять горный перевал, а позиционная война в этих местах была губительной и безнадежной. В такой обстановке, длившейся не более полутора месяцев до отступления немцев, терцы не могли собрать свои, разбросанные в отдаленных местах силы и тем более воссоздать свою государственную самостоятельность. Казачество, всегда стихийно созидавшее свои силы и выдвигавшее своих возглавителей, и теперь выдвинуло на пост своего водителя героя первой мировой и гражданской войны, полковника Кулакова, двенадцать лет просидевшего в подполье, лишившегося в борьбе с большевиками обеих ног, но молодецки стоявшего на ногах-протезах и с горделивой радостью смотревшего на молодое казачье поколение, надежду отцов своих, павших за казачью волю.

Много славных казачьих имен, героически отстаивавших родную землю, хранится в памяти автора книги, ибо еще не пришло время сказать о них во всеуслышание.

В столице Кубани, Екатеринодаре — Краснодаре главным представителем кубанского казачества считается начальник полиции города, советский полковник Белый, назначенный капитаном немецкой полиции Клейстом, родственником командующего армией на Кавказе генерала Клейста. С Белым находятся в связи полковник Тарасенко, есаул Новиков, но старые казаки-кубанцы им не доверяют и их сторонятся. Есть там кубанский полковник генерального штаба, бывший атаман одного из отделов, находившихся в концлагерях Заполярья много лет и теперь возвратившийся на Кубань, но его Белый, как и всех репрессированных советской властью, держит от себя подальше. Много казаков ведет разрозненную борьбу с коммунистами, но объединить их некому.

Такой обзор положения на Тереке и Кубани давали все побывавшие в этих местах, то же самое доложил и кубанский офицер, посланный мною на Кубань для разведки состояния казачьих дел, выявления личности полковника Устинова и характера его связей с Белым.

Сведения о пол. Устинове, добытые на Кубани, точно совпали с показаниями офицерской семьи в Ростове. Казаки опознали в нем командира карательных отрядов, уничтожавших кубанское казачество.

Было доложено и о намерении Белого организовать Союз Дона и Кубани.

Надо было готовиться к контратаке против очередной коммунистической диверсии на штаб походного атамана.

«Глаза — зеркало души человеческой», — говорит многовековая народная мудрость. И вот сегодня однораловское зеркало, обычно ускользающее от взора собеседника, направлено прямо вниз. Очевидно, готовится какое-то новое политическое блудовство, или новая политическая глупость.

— Сейчас наше представительство переживает особо важный период, — начал Одноралов, не подымая глаз из-под стола, как будто там была шпаргарлка, во которой он читал.

— Полковник Устинов привез полномочия от возглавителя Кубани, полковника Белого, на предмет создания Союза Дона и Кубани. Полковник Белый на этот счет обращается прямо ко мне, и я считаю этот факт, может быть, даже историческим. Я думаю, что и вам бы, Петр Николаевич, следовало признать этот высокий акт объединения двух казачьих войск и присоединиться к работе этого союза.

— Почему полковник Белый обратился к вам, а не к походному атаману Павлову?

— Я думаю, что у него есть для этого веские соображения. По-видимому, он считает меня большим авторитетом, нежели Сергей Васильевич. У полковника Белого большие связи с генералом Клейстом, командующим южной армией, и атаман Павлов должен будет уйти в отставку под давлением немецкого командования. Долго не думайте, картина ясная, и перспективы для вас большие. Интенданта Беляевскова и адъютанта Абраменкова, конечно, придется удалить. Решайте сейчас же, и по рукам...

—Да, картина для меня ясная, и перспективы для действия большие. Зовите полковника Устинова на совещание по этому вопросу сегодня в три часа дня.

— Ну, вот и прекрасно. Пойду известить Устинова.

Через несколько минут ко мне вошел интендант Беляевсков.

— Ты знаешь, Василий Арсентьевич, о Союзе Дона и Кубани?

— Нет, ничего не знаю.

— Ну, как же, тебя ждет служебное повышение, а ты ничего не знаешь! Одноралов будет в союзе представлять Дон, Белый — Кубань, ты назначаешься войсковым интендантом, а Сергея Васильевича и меня побоку...

— Как это Сергея Васильевича и тебя побоку? Какой-то Одноралов, пришедший на Дон с отцом на «белые хлебы», никогда не державший казачьего оружия в руках, будет представлять Дон, а я, чистокровный донской казак, пойду ему в подчинение? А тебя и Сергея Васильевича, лучших донских казаков, побоку? Еще, чуть не вчера, партийцев-коммунистов услаждал музыкой, лакействовал перед ними, а сегодня казаков побоку? Я ему такого побоку дам, что он из представительства на мостовую боком выкатится!

— Спасибо, дорогой мой станичник, а теперь слушай, что затевает Одноралов.

Я коротко передал разговор с Одноралovым.

— Одноралов-то, черт с ним, это тип, хорошо изученный коммунистами, и они его используют для своих диверсионных целей в казачьей среде. Картина наступления на организующуюся верхушку казачества становится все более ясной. По решению ЦК коммунистической партии были оставлены во всех местах, занимаемых немцами, диверсионные организации, а «русскую Вандею», как назвал Ленин казачьи земли, удостоили особым вниманием. Агентов квалифицированных у нас оставлено больше, чем где-нибудь, среди них есть имевшие когда-либо касательство к казачеству. Им дано задание возглавить казачество, организующееся на борьбу с большевиками, и в конечном счете всякими предательскими и диверсионными актами его уничтожить. Постепенно фигуры их выясняются. На Дону — Сюсюкин и Духопельников, Евстратов (атаман Аксайской станицы), полковник Кочконогов (атаман станицы Семикаракоровской) по сведениям, имеющимся у походного атамана, расстреливающий казаков, возвратившихся из советских лагерей, и так далее.

У них тайная связь через тех, кто стоит над ними, с «казачьей» диверсионной группой на Кубани: полковник Белый, полковник Тарасенко, полковник Головко, полковник Дьяченко и другие.

Наступление коммунистической группы, возглавляемой Духопельниковым, и Сюсюкиным, на казачью группу атамана Павлова не дало ожидаемых результатов. Они не смогли стать во главе казачества или вырвать водительство из рук атамана Павлова, не сумели умалить его авторитет, и вот теперь подтягиваются подкрепления на их фронте и готовится наступление с другой стороны. Пользуясь беспринципностью Одноралова, они пытаются создать прокоммунистический Союз Дона и Кубани, изолировать и удалить атамана Павлова, а дальше найдутся и коммунистические представители Терека. Казачья вершина, таким образом, будет в руках коммунистов.

Сегодня мы разгромим этот замысел. Полковник Устинов будет арестован, доказательств о его принадлежности к коммунистической партии достаточно.

— А если Одноралов будет мешать аресту Устинова?

— Тогда ты арестуешь своего «приятеля», а я буду отвечать за его арест перед кем надлежит быть. К тому же ты должен знать, что армянин-офицер, заводской секретарь ячейки уже арестован.

— Словом, разгром коммунистов в казачьих верхах, как вижу, начат. А об Одноралове не беспокойся, сомну и обезоружу в один момент, и не пикнет.

— Итак, Василий Арсентьевич, в три часа прошу вас с адъютантом на совещание по вопросу организации Союза Дона и Кубани.

Ровно в три часа в комнату, предназначенную для совещания, вошли, самодовольно улыбаясь, уверенные в успехе своего начинания, будущие возглавители Союза Дона и Кубани, полковник Устинов и господин Одноралов, а вслед за ними интендант Беляевсков и адъютант Абраменков. Одноралов, недоверчиво покосившись на последних, как на непрошенных гостей, открыл собрание.

— Господа, совещание, по вопросу создания Союза Дона и Кубани, считаю открытым. Слово предоставляю представителю Кубани, полковнику Устинову.

Кряжистая фигура докладчика немного приподнялась на стуле, в знак приветствия, на переносице резко сдвинулись рубцы морщин, лицо приняло хищное выражение. Матерый хищник приготовился к поглощению своей, уже почти попавшей в его ловушку, добычи. Рука моя как-то невольно потянулась к карману и ощутила рябь рукоятки «нагана» так, как будто прикоснулась к шерсти сидящего передо мной хищника.

— Господа! — как будто пережевывая что-то неприятное, начал Устинов. — Мы должны, мы обязаны перед лицом надвигающейся опасности, соединиться в одно целое для отпора нашему общему врагу. С этой целью я послан кубанским атаманом, полковником Белым, как его представитель, на Дон для заключения Союза Дона и Кубани. Мы, кубанцы, считаем вас, находящихся в Ростове, самой сильной группой возглавителей донского казачества и потому предлагаем вам на равных правах создать союз, который в дальнейшем объединит все казачество. Я не буду многословен, так как Василий Максимович, наверное, поставил вас в известность о сути дела, а после ваших высказываний приступим к детализации союзных взаимоотношений.

— Кто и когда избрал полковника Белого Кубанским атаманом? — спрашивает адъютант Абраменков.

— Он назначен немецким командованием.

— Казачьи атаманы во все времена выбирались казаками, а не назначались иностранными державами. Русское правительство, со времен Петра Первого ввело институт наказных атаманов, но они не были казачьими атаманами. В революцию 1917 г. казаки восстановили свои суверенные права вольных выборов Войсковых атаманов. Кто же дал право Белому нарушать казачий правопорядок? — спрашиваю я.

— Теперь право наше есть сила германской армии, ставленником которой является атаман Белый, и нарушать это право никто не в состоянии. У вас, в донском казачестве, будет такой же порядок.

— У нас, в донском казачестве, походный атаман избран, и его избрание утверждается не немцами, а казаками, взявшими оружие на защиту Дона.

— У вас также есть ставленники немецкого командования: полковник Духопельников, есаул Сюсюкин и вот находящийся здесь полковник Одноралов. Из них и должен быть поставлен Донской атаман. Всякие комбинации, исходящие не от немцев, заранее обречены на неудачу. Поэтому вам возможен выбор атамана только из указанных мною кандидатов, а мы, кубанцы, хотим видеть представителем от Дона в Доно-Кубанском Союзе полковника Одноралова.

— Значит ваш лозунг: долой атамана Павлова? — спрашивает адъютант.

— Да, это неотвратимо.

— Вы, Василий Макарович, тоже воспринимаете этот лозунг?

— Ну, я что же... я готов на все ради пользы родному казачеству... Я готов возглавить союз, чтобы прекратить всякие интриги и распри.

— А ты какой станицы будешь, господин Одноралов? — еле сдерживая гнев, спрашивает интендант Беляевсков.

— Василий Максимович дал согласие, и всякие вопросы не по существу неуместны, — диктаторским тоном заявил Устинов.

— Тогда я дам тебе вопрос по существу. Сколько ты лет состоишь в коммунистической партии?

Устинов, как будто ударенный мною в физиономию, одной рукой повел по лицу, а другой уперся в кресло.

— Молчишь? Забыл, что ты, так же, как и Одноралов, не казак, а присвоивший казачье звание. Забыл, что с 1917 года состоишь в коммунистической партии? Молчишь?

Я чувствовал, как по мере нарастания моего гнева на мне шевелится по-звериному шевелюра, а рукоятка «нагана» врезается в судорожно сжатые пальцы.

— Забыл, как ты, командуя карательными отрядами, расстреливал кубанских казаков, не щадя ни женщин, ни детей, ни стариков? Для повторения этого нужен тебе коммунистический союз Дона и Кубани! Сдай оружие! — Адъютант молча обезоружил коммуниста.

— Господа, как же так? — беспомощно развел руками Одноралов.

— А вот так, Василий Максимович, ваш патрон, энкаведист Сюсюкин и ваш протеже коммунист армянин тоже арестованы. Будем надеяться, что на этом ваша связь с коммунистами будет прервана и больше не возобновится, иначе будут сделаны казаками соответствующие выводы.

Так закончилась очередная коммунистическая диверсия в Ростовском представительстве Войскового штаба.

Не набатным звоном начат Второй Казачий Сполох, вторая война казачества с большевиками.

Не раздался на Войсковом кругу казачий клич: «По коням!».

Не заклубилась степная пыль из-под копыт, не засверкала казачья лава огнем прадедовских клинков.

Не поднялись на битву все разом 13 Казачьих Войск. Тихо в атаманском дворце. Не стоят перед Войсковым атаманом окружные атаманы, украшая дворец серебром генеральских погон. Не гордится дворец грозным строем насек атаманов станичных. Золотым перначом не украшена власть атамана. Не сбирается Круг Войсковой, наш Державный Хозяин Казачьей Земли.

Нет у казачества ни территории, ни армии, ни оружия, ни денег. Остались только одни развалины от государственного построения, и на этих камнях-развалинах надо возрождать Тихий Дон.

Лишь казачья стихия, ломая преграды, поднимает на гребень волны атамана.

И гудет теперь казачий набат по-иному, не на колокольнях восставших станиц, а в сердцах казачества, разбросанного по всем просторам полоненной большевиками российской земли, отдается призывом мести в сердцах казачьей молодежи, стоявшей поневоле в рядах Красной Армии.

Беден атаманский дворец. Вместе с последним Наказным атаманом ушел из него парадный блеск придворных ритуалов, и водворилась исконная казачья простота, воспринятая Первым атаманом возрожденного Дона А. М. Калединым и перешедшая к Первому атаману Второго Казачьего Сполоха С. В. Павлову.

— Сергей Васильевич!

Атаман подымает отягченную думами голову, встает и приветливо подает руку.

— Позвольте отдать рапорт.

— Садитесь и рассказывайте. У вас там столько событий, что ни в каком рапорте не уложатся.

Лицо атамана, помрачневшее от тяготы, возложенной на него одним из ответственнейших этапов казачьей истории, как-то просветлело. Суровость взора сменилась дружеским приветом.

— План разгрома коммунистов, говоря же их языком, выполнен досрочно и на все сто!

Теперь ликвидация коммунистического подполья Ростова обеспечена. Связи обнаружены. Есть доказательства, что в Ростове советами оставлено 5 тысяч энкаведистов разных специальностей, занявших узловые точки в хозяйственной и административной системе города. Вместе с Батайской организацией это целая дивизия хорошо вооруженных головорезов,

в случае наступления красных, могла парализовать весь тыл южного фронта немцев. Теперь эта угроза предотвращена.

Ни одного выстрела, ни единой жертвы с той и другой стороны. Пусть немецкие нацисты, вне нашей донской земли, устраивают свои взаимоотношения с коммунистами, нам до этого дела нет, но если их возвратят на Дон, пощады им не будет.

В Ростове арестован кубанский полковник Устинов, командовавший карательными отрядами на Кубани, теперь пытавшийся при помощи Одноралова создать Союз Дона и Кубани, пользуясь связями «возглавителя» Кубани советского полковника Белого с генералом Клейстом, командующим кавказской армией. Арестован армянин, именовавший себя кубанским офицером, оказавшийся секретарем коммунистической ячейки на заводе, где работал бухгалтером мой родственник, партизан-черноцовец. Армянин также, по рекомендации Одноралова, должен был войти в штат представительства и Союза. Меня по отношению к вам они хотели поставить в роль Брута при свержении Цезаря.

При аресте Устинова и армянина взято советское оружие. Словом, одноралovский квартет разогнан до окончания концерта.

— Одноралов просто смешон. Он цепляется всеми способами за какую-то эфемерную власть, совершенно не разбираясь ни в обстановке, ни в людях. В нашей трагедии это комический элемент. Советчики считают его подходящим проводником для проникновения в казачий штаб, а он, сам не сознавая, играет роль провокатора. При помощи его появляются на казачьей сцене коммунисты Устинов и армянин, а вы накидываете на них казачий аркан. И так как человек он не по летам активный, то доставит вам такое удовольствие еще не один раз. К нашим штабным делам он не касается и в дальнейшем касаться не будет, его роль маленькая и к тому же потешная, — сделал заключение атаман и, улыбаясь, продолжил: — А что он еще какого-нибудь зверя приманит под ваш прицел, я в этом не сомневаюсь.

— Он все подговаривает меня познакомиться с армянским писателем, отпущенным из тюрьмы немцами под его поручительство. Конечно, этот армянин коммунист, как и всякий советский писатель.

— Ну, вот видите, мои предположения верны, и я хочу для продолжения этого прокоммунистического водевиля откомандировать к нему его приятелей Сюсюкина и Духопельникова и буду очень рад, если финал этого акта доставит вам очередное удовольствие.

— Не отказываюсь от этого удовольствия. Все равно рано или поздно, а схватка с ними неизбежна.

— Больше терпеть их провокации в столице Дона нельзя.

Наша нужда в интеллигенции заставляет нас мириться со многими недостатками людей, проявляющих активность в воссоздании казачества. Казачья интеллигенция, созданная советами, как, например, несколько инженеров в Ростове и Новочеркасске, предпочитает служить у немцев: там им несравненно выгоднее.

Был у меня Т. И. Доманов, назначил я его представителем штаба по г. Шахты, а кто он в прошлом, что думает теперь, сказать трудно — замкнутая, настороженная и загадочная фигура.

— А как вы находите, Сергей Васильевич, к какой категории относится вот эта газета?

— Казакийская?

— Да.

— Прочитал и скажу вам свое мнение о ней. Не время заниматься бумажной археологией, когда Родина в огне. Надо идти защищать казачью землю, а не лаять из чужой подворотни. Казаки, ценою многих жертв, прорываются через заградительные отряды СМЕРШ, через линию фронтового огня, через колючую проволоку немецких лагерей и идут на родную землю для защиты своего исторического имени, а почему же господа «казакийцы», пользуясь привилегированным положением у немецких политических органов, не идут защищать свою «Казакию». В Первом Казачьем Сполохе (1918 г.), поднятом против власти большевизма, казачество воссоздало свой исторический суверенитет, выразив его в Донской конституции, освященной жертвенной кровью в трехлетней борьбе с СССР.

Теперь, когда казачество подымает знамя Второго Казачьего Сполоха, история не простит тем, кто не внял зову Тихого Дона, кто жертвенной кровью на родной земле не утверждал чаяния своего народа.

Бог привел нас думать думу о судьбе казачества в тяжкое для всего мира время, когда в страшной стихии мировых событий рушатся в течение коротких дней, как карточные домики, целые государства, уничтожаются целые народы, по велению диктаторов с той и другой стороны. Что нас ждет в апофеозе этой войны? При победе Западной коалиции в союзе с СССР — уничтожение. При победе немцев — неизвестность. Гитлеровская доктрина о превосходстве германской расы ставит все народы в подчинение немцам. У нас остается одна надежда на то, что военная необходимость и непревзойденная воинская доблесть казачества могут заставить немцев сделать исключение из этой доктрины, признать нашу самостоятельность и установить союзные отношения в этой войне. А мы, что бы нас не ожидало, должны исполнить свой долг перед Родиной.

Меня радует, что вы блестяще выполнили большую часть

нашего плана по разгрому красной партизанщины на Дону. Этот факт несомненно благотворно отразится на решении вопроса о признании немцами суверенитета казачества, а главное, в случае отступления казаков с Терека и Кубани, предотвращена опасность быть отрезанными и оставленными на расправу НКВД. Эта чекистская банда имела возможность взорвать мосты, начиная от Ростова, и вывести из строя всю железную дорогу, идущую на Кавказ.

Мне трудно выразить вам благодарность, ибо мы отдаем себя на жертвенное служение Дону не ради почести, чинов и материальных вожделений. Я считаю, что акт разгрома коммунистов и получение вами права политического контроля над казачьими районами есть важнейший фактор из всего, что мы до сих пор сделали нашими малыми силами. Теперь мы в состоянии политически противостоять давлению на нас капитана Кубоша и освободиться от его ставленников.

В настоящее время мы имеем территорию, нами контролируемую, не меньшую, чем в начале восстания казачества в 1918 г., то есть: Черкасский округ, Ростовский, Сальский, Азов, Шахты, имеем связи с другими округами, и потому нам, по примеру прошлого, следует заявить немцам о своей самостоятельности, освободиться от их политической опеки. Теперь мы имеем основания для упразднения штаба войска Донского, созданного офицерам германской разведки капитаном Кубошем. Его ставленники: Духопельников и Сюсюкин, имеющие энкаведистское прошлое, достаточно скомпрометировали себя и в настоящем. Эти негодяи не сочли нужным присутствовать на Войсковом празднике Покрова, и, вместо отдания вечной памяти своим собратьям, они пьянствовали до такой степени, что Сюсюкин валялся без сознания на улицах Новочеркасска. Сегодня я пишу приказ о реорганизации штаба войска Донского в штаб походного атамана Дона. Сюсюкина и Духопельникова исключаю и направляю в ведение Одноралова, и пусть эта компания апеллирует к своему покровителю. Вас прошу принять обязанности помощника походного атамана. В Вашем ведении будут находиться отделы: политический, пропаганды и иностранных дел.

Что вы на это скажете?

— Во исполнение ваших решений и вашего поручения, позвольте мне передать вам проект Казачьей Декларации.

Атаман углубился в чтение Декларации, а мысли мои ушли далеко вперед, к тем временам, когда история запечатлеет на своих страницах дерзновенную быль казачества во второй мировой войне.

— Сегодня, 15 ноября 1942 г., мы ставим наши подписи на историческом документе, скрепляющем первую и вторую эпоху возрождения казачества, — сделал заключение походный атаман.

Гитлеровская система колониального порабощения не позволяла организацию государственного законодательного органа обычным для казачества образом, то есть созыва Войскового Круга. Немцы-нацисты, гордые своими мнимыми победами, не хотели государственного воссоздания казачества, и потому оно принуждено было организовывать свои силы путем стихийного создания военных частей.

В столице Дона — Новочеркасске — появляется конный казачий полк.

Немецкий генерал Фридерич спрашивает походного атамана Павлова:

— Что это за кавалерия?

— Казаки, — отвечает атаман.

— Откуда они взяли лошадей?

— Из станиц.

— А как могли они взять лошадей без ведома немецких хозяйственных комендантов?

— Казаки создали всемирно известную донскую лошадь и от права собственности на нее не откажутся ни при каких условиях.

— А кто будет снабжать полк продовольствием и фуражом?

— Станицы.

— И опять без ведома и разрешения хозяйственных комиссаров?

— Казаки, после отхода с Дона советской армии, с которой они были в состоянии войны с 1917 года, теперь считают себя хозяевами Дона. С немцами казаки были в дружественных и союзных отношениях в начале первой войны казачества с большевиками. Эти взаимоотношения казаки считают нерушимыми и в настоящее время и собирают свои силы для продолжения совместной борьбы с СССР.

Немецкий генерал развел руками, будучи поставлен в тупик таким необычным для покоренных народов заявлением.

Картина этой казачьей конницы представляла достойное внимания истории зрелище. Как будто вернулись времена Пугачева. Впереди ехали казаки, внешность которых определялась только некоторыми признаками казачьей формы. На одном была папаха, на другом — фуражка, на третьем — дедовский мундир, на четвертом — только штаны с лампасами, на пятом — казачий пояс, на некоторых только казачьи «чирики», а большинство не имело признака национального одеяния или казачьих воинских доспехов.

— Куда идет полк? — продолжает спрашивать генерал.

— Сегодня у памятника донского богатыря, прадеда донского казачества — Ермака, полк будет освящать свое знамя и приносить клятву верности исконным заветам, выраженным в Донской государственной конституции, в Основных Законах, созданных Войсковым Кругом войска Донского.

— Я не могу ни разрешить, ни запретить созидание вашей государственности, но я обязан известить свое высшее начальство о происходящем, во избежание конфликтов с нашими хозяйственными комиссарами, которые далеки от понимания ваших национальных стремлений. До сих пор мы, немцы, ставили всех перед совершившимся фактом, а теперь впервые встречаемся с аналогичным фактом по отношению нас, и, правду сказать, я вам сочувствую и, по мере моих возможностей, буду вам способствовать.

— Покорно благодарю, господин генерал, за ваше желание оказать помощь казачеству в восстановлении его законных прав и прошу вас одновременно с вашим рапортом переслать вашему правительству Декларацию Донского казачества, для вручения которой прошу пожаловать в атаманский дворец, так как подача Декларации казачества германскому правительству имеет для нас историческое значение.

У дворца, сверкнув старинными клинками, почетный караул отдал воинский ритуал атаману и немецкому генералу.

— Какой бравый вид, какая выправка! И когда же успели эти юноши воспринять все особенности воинского вида, присущего только казакам. А какие чудесные клинки, а чубы! Да, у вас, господин атаман, несомненно будет молниеносно создана великолепная армия.

— Это, господин генерал, четвертое поколение казачества становится на славный боевой путь своих дедов и отцов, павших в первой войне казачества с большевиками за свободу Дона. Вот это наш атаманский дворец, исторические реликвии которого разграблены и уничтожены большевиками, но стены его хранят память о многих исторических фактах, связанных с историей многих государств. Вот портрет атамана Платова, разгромившего конницу Наполеона и тем умножившего мировую воинскую славу казачества. Он основал столицу войска Донского, г. Новочеркасск и заложил фундамент этого дворца. Осмеливаюсь вам напомнить, что донские казаки под водительством атамана Платова боролись за свободу Германии в 1807—1813 гг., донские полки находились в армии Валленштейна во время тридцатилетней войны.

В этом дворце в наше время прозвучал смертный выстрел Донского атамана Каледина, возвестивший всему человечеству о грядущей для него опасности порабощения коммунизмом. Над этим дворцом было поднято Войсковое знамя Первого Казачьего Сполоха, первой войны казачества с большевиками, ставшей первоначалом грядущей борьбы всего свободного мира с коммунизмом. Здесь представители вашего императора Вильгельма (1918 г.), майоры германской армии — фон Кокенхаузен, фон Стефани и фон Шлейниц — на запрос, как будет реагировать правительство Всевеликого войска Донского, если чехословаки откроют против немцев, полу-

чили заверение атамана Краснова в том, что казачество не позволит сделать Дон ареной войны и будет строго блюсти нейтралитет. Это заверение было подтверждено письмом атамана Краснова императору Германии, Вильгельму Второму, с просьбой признать право Всевеликого войска Донского на самостоятельное существование его в прежних географических и этнографических размерах. Дипломатические отношения Дона и Германии не получили своего завершения, вследствие капитуляции Германии перед союзниками.

В этом дворце Донское правительство принимало заверения послов держав Согласия о помощи Дону и Добровольческой армии в их героической борьбе с большевиками всеми силами и средствами, не исключая и войск. Несостоятельность этих обещаний способствовала победе Красной Армии над малочисленными казачьими армиями, не имевшими собственного военного снаряжения и средств его производства. Непонимание или нежелание западного мира понять большевизм, как смертельную опасность для всего человечества, привели к неисчислимым жертвам и страданиям плененного красными варварами казачества, а в будущем приведут к порабощению всех, кто забывает о большевистской доктрине завоевания всего мира. Ныне история второй раз привела германскую армию на Дон, и мы, казаки, по примеру наших старших братьев, снова обращаемся к германскому правительству для восстановления наших дружественных отношений и продолжения на союзных началах борьбы с большевиками. Ваше дружеское отношение к казачеству, господин генерал, позволяет нам просить вас принять на себя миссию посланника войска Донского и вручить вашему правительству нашу Декларацию.

— Я буду рад помочь доблестному казачеству в борьбе за свою самостоятельность и готов принять на себя любые обязанности по ходатайству перед германским правительством.

— Покорнейше благодарю вас, господин генерал, и прошу прослушать вручаемую вам для передачи германскому правительству Декларацию войска Донского.

г. Новочеркасск
15 ноября 1942 г.

ДЕКЛАРАЦИЯ ВОЙСКА ДОНСКОГО

Всевеликое войско Донское в 1918 г. восстановило свой исторический суверенитет, нарушенный царем Петром Первым в 1709 г., выразило свою государственность в Донской конституции и три года защищало свою исконную территорию от нашествия советской армии (1918—1920 гг.).

Германия признала де-факто существование Донской рес-

публики, имевшей территорию, избранный всем народом Законодательный Орган — Войсковой Круг, Войсковое правительство, армию и финансы.

Германская армия, во взаимодействии с Донской армией, сражалась с большевиками на границах Дона, тем самым утверждая его суверенитет.

Ныне войско Донское объявляет о восстановлении своей самостоятельности и воссоздает свою государственность, руководствуясь Основными Законами Всевеликого войска Донского.

Донское войско просит германское правительство признать суверенитет Дона и вступить в союзные отношения с Донской республикой для борьбы с большевиками.

Настоящая Декларация, исходящая от Дона, несомненно будет поддержана всеми Казачьими Войсками и утверждена в будущем Войсковыми Кругами и Радой.

Первыми и неотложными мероприятиями германского правительства, способствующими установлению союзных отношений, должны быть:

1. Немедленно освободить из лагерей военнопленных казаков всех Войск и направить их в штаб походного атамана.

2. Отпустить в распоряжение походного атамана всех казаков, находящихся в германской армии.

3. Не производить на территории Казачьих Земель принудительный набор молодежи для отправки в Германию.

4. Отозвать хозяйственных комиссаров с территории Казачьих Земель и производить снабжение германской армии за счет продовольственных ресурсов казачества только на договорных началах.

5. Отозвать комендантов из Управления донскими конными табунами, являющимися неприкосновенной собственностью войска Донского.

Донской походный атаман ставит германское правительство в известность:

1. Воссоздаваемая Казачья Армия имеет свою историческую форму, прежние знаки военного различия.

2. Донское войско имеет свой национальный флаг: синяя, желтая и красная продольные полосы.

3. Донской герб — олень, пронзенный стрелой.

До времени созыва Войскового Круга и создания Войскового правительства возглавителем Донского войска является походный атаман.

При сем прилагается карта территории Дона, изданная Донским правительством в 1918 г., и копия Основных Законов Всевеликого войска Донского, принятых Большим Войсковым Кругом Всевеликого войска Донского 15 сентября 1918 года.

Часть общая, раздел 1-й. — Глава 1-я.

1. Всевеликое войско Донское есть самостоятельное Государство, основанное на началах народоправства.

2. Верховная и законодательная власть в пределах войска Донского принадлежит Войсковому Кругу.

3. Высшая исполнительная власть во Всевеликом войске Донском принадлежит Донскому атаману.

4. Судебная власть во Всевеликом войске Донском принадлежит судебным Установлениям и лицам, осуществляющим ее именем закона.

В книге печатается только один раздел Донской конституции.

Германский генерал Фридерич добросовестно исполнил миссию, принятую от казачества, и Казачья Декларация, поддержанная героической борьбой Дона, Кубани и Терека на фронтах войны с большевиками и политической косностью нацизма, — стала впоследствии основным документом при решении германского правительства о признании суверенитета и союзных прав казачества.

Немцы в первый период своего победоносного шествия не имели намерения давать национальную самостоятельность покоренным народам, они шли, как завоеватели. В их планы входило только использование в качестве вспомогательной силы народы, ранее воевавшие с большевиками: казаки, кавказцы, украинцы.

Игнорируя казачество, находящееся в эмиграции, они не имели у себя надежных кадров, способных организовать казачьи части из военнопленных казаков.

Ярким примером неумелого подхода с их стороны к вопросу организации казачьих частей было назначение советского полковника армянина Саркасьяна на пост организатора казачества. Большевистская агентура воспользовалась такой безответственной вакханалией в деле организации казачества, и первая же попытка немцев организовать школу казачьих офицеров окончилась тем, что весь состав этой школы, с оружием в руках, ушел к красным. Оказалось, что все юнкера школы были советскими командирами. Сами казаки в организуемых частях не были в состоянии направить дело, так как не имели своих природных командиров, ранее уничтоженных ЧК.

Немцы, учитывая эти уроки, стали создавать небольшие казачьи части, под командованием своих офицеров и унтерофицеров, но комплектовали их из кого попало. Это самоуправство и безответственность немцев перед казачьей историей много вредило казачьему имени, так как иногда подобного рода отряды выполняли немецкие задания, считавшиеся позорными для их армии.

В смутное время 1612 г. казачество, изгнавшее поляков с русской земли, позорилось всякими бродячими шайками грабителей, именовавших себя казаками. Теперь повторялось это позорное явление, никакого отношения к казакам не имеющее.

Казаки, находившиеся в немецких формированиях, все это видели и понимали, что надо быть не пособниками немцев, а создавать свое войско и на своей территории, а потому при первом удобном случае бежали отовсюду на Дон, Кубань и Терек и становились под свои национальные знамена. Служба даже в таких отрядах, как под командованием полковника Шведова, проследовавшего с немецкой армией через Ростов на Кавказ, не достигала национальных целей, так как распыляла и без того малые казачьи силы на службе у случайного попутчика казачьей истории.

Немцы, видя свое бессилие в руководстве над казаками, должны были примириться со стихийной организацией казачества, идущей помимо их воли и руководства, и волей-неволей признать де-факто существование штаба походного атамана Павлова.

В половине ноября 1942 г. главное командование сухопутных сил и ставка Гитлера передислоцировались из Винницы в Восточную Пруссию.

На основании разведывательных данных картина наступления советской армии становилась ясной.

Удар предназначался на участке, занимаемом румынскими войсками. Не было известно только время наступления.

Гитлер по-прежнему и еще с большей яростью отвергал предложения начальника штаба об оставлении Сталинграда, что дало бы возможность иметь резервы и предотвратить прорывы советских армий. Весь генеральный штаб и командующий группой армий «Б» одинаково оценивали обстановку и, предвидя надвигающуюся катастрофу, были бессильны ее предупредить, так как от решений одного Гитлера зависела судьба армии и Германии. Он продолжал еще с большим гневом отдавать приказания продолжать бои в Сталинграде. Уничтожались последние резервы ОКВ, шестая армия несла напрасные потери. Удары немецкой авиации и дальнобойная артиллерия не могли предотвратить наступления, не имея превосходства в воздухе.

Утром 19 ноября 1942 года началась мощная артиллерийская бомбардировка всего румынского фронта северо-западнее Сталинграда.

И вот, под ураганный огонь артиллерии, под прикрытием снежной метели, в 20-градусный мороз, ринулись на румын огромные массы советской пехоты и танков.

Советская армия имела повсюду огромное превосходство в численности, что частично признают и советские историки.

К двум часам дня войска 21-й и 5-й танковой советских армий прорвали на Юго-Западном фронте оборону румын на всю тактическую глубину, и танковые части устремились на юг.

К исходу дня советские танки и пехота продвинулись на 25 километров, а к 22 ноября вышли на рубеж Боковская — Чернышевская и закрепились на реке Чир.

26-й танковый советский корпус перерезал железную дорогу Сталинград — Лихая, овладел Суровикино и Калачом.

4-й танковый корпус соединился с частями механизированного корпуса Сталинградского фронта, замкнув кольцо окружения. В районе Распопинской попали в окружение два румынских корпуса и 23 ноября капитулировали.

Войска фронта разгромили 3-ю румынскую армию.

20 ноября 1942 г., после сильной артиллерийской подготовки, перешли в наступление войска ударной группы Сталинградского фронта, 51-я и 57-я армии прорвали фронт. В прорыв устремились 4-я и 13-я механизированные и кавалерийские корпуса, продвигаясь в северо-западном направлении, и, разгромив 1-ю, 2-ю и 18-ю пехотные румынские дивизии, к полудню 23 ноября вышли в район Карповки, где, соединившись с частями Юго-Западного фронта, завершили окружение немецких войск под Сталинградом.

Войска Донского фронта, в составе 65-й и 24-й армий, нанесли поражение немцам в районе Клетская.

Стратегическая операция трех советских фронтов окончилась окружением 6-й и некоторых частей 4-й немецких армий общей численностью в 330 тысяч человек.

Советские армии продолжали наступать на юг, в направлении Батайск — Ростов, с целью отрезать от основного фронта немецкую армию на Кавказе.

Немецкие генералы штаба армии «Юг» осматривают укрепления, господствующие на стыке главных стратегических направлений, где немецкие армии, разделившись на две части, шли в наступление по расходящимся под прямым углом направлениях на Сталинград и Кавказ, а теперь, по-видимому, должны сойтись при отступлении, если их не постигнет катастрофа, вследствие огромного расстояния между ними и оголенности их флангов.

— Сколько сегодня работает на фортификационных работах? — спрашивает старший генерал.

— Двенадцать тысяч.

— Кто ими управляет?

— Казаки.

— Кто их довольствует? — продолжает спрашивать генерал, глядя на дымящиеся полевые кухни и горы печеного хлеба.

— Казаки.

— Да, да, вижу, все организовано образцово. Это невиданное дело в практике наших взаимоотношений с завоеванными нами народами.

— Господин генерал, мы, казаки, не считаем себя завоеванными, мы защищаем свою землю, свою государственную самостоятельность всеми доступными нам средствами.

— Да, да, извините, я оговорился или неточно выразился. Мы, безусловно, должны считать казаков союзниками, и я не сомневаюсь, что ваши союзные права будут утверждены нашим правительством. Мы только на казачьей земле почувствовали себя спокойно. У вас нет красных партизан, они боятся казаков, и наши тылы могут спокойно работать. А это что за кавалерия? — показал генерал на показавшуюся вдали кавалерийскую группу.

— Это казаки.

Группа приближалась. Видно было, как командир отделился от взвода и в нарастающем карьере шел прямо на нас. Золотистая, белоноздрая кобылица птицей распласталась в воздухе, набирая предельную быстроту своего неукротимого бега.

— Зорька! — невольно вырвался у меня восторженный возглас.

— Какая красавица, какой чудесный всадник! — восторгался генерал.

А Зорька уже не мчалась, а летела.

— Позвольте, что это он, — засуетился генерал, приседая по-кавалерийски, как будто он сам готовился к прыжку, — что же это он, противотанковый ров хочет взять? Это невозможно! Дайте ему сигнал отставить! Пропадет лошадь и он сам! — все больше волновался генерал.

— Возьмет препятствие, — спокойно ответил я, внутренне волнуясь не меньше генерала за всадника и лошадь, но отступать было нельзя. Надо при всяком случае показывать немцам наше национальное «я», как порождение вековой истории. Да разве можно остановить казака в его порыве, созданном обоюдной любовью человека и животного. Человек беспредельно верил своей любимице, а она инстинктом животного безошибочно определяла свои предельные возможности и побеждала все преграды на пути. Ни на одну тысячную секунды не замедлила она свой бег перед последней чертой препятствия. Земля ли была под ее копытами, бездна или только лишь воздух, знала и видела только она одна да ее хозяин.

— Так только птицы летают, — замахал генерал руками над головой, — лошади так не прыгают! Это бесподобно, это только для казачьей лошади возможно. Теперь я еще раз убе-

дился воочию, что донская лошадь недаром считается лучшей кавалерийской лошадью в мире. Да, да, да! — обращался он к своей свите.

Вот Зорька сбавила свой бешенный аллюр и, став на дыбки, остановилась как вкопанная возле генеральской группы.

— Командир первого взвода, старший урядник «Х», — четко отрапортовал молодой казак.

Генералы взяли под козырек.

— Разрешите отдать рапорт? — обратился ко мне урядник. Но восторженный генерал, забыв о всяких воинских субординациях, ласково трепал шею красавицы, отливающую полосками золотистого бархата, и без конца повторял:

— Какая красавица, какая умница... Зоренька! Помни, красавица, твоей красоте дает оценку старый германский кавалерист времен династии Гогенцоллернов. Давно служишь в казачьей кавалерии? — спрашивает генерал молодого казака.

— Три месяца, господин генерал.

— Где раньше служил?

— Был призван против моей воли в советскую армию. Бежал в немецкую армию, из немецкой бежал к своим защищать свою родину, Тихий Дон.

Генерал задумался, а потом продолжал спрашивать.

— А те, — показал он на казачий взвод, — тоже бежали из Красной Армии?

— Так точно, господин генерал, все теперь служат, как и я, родине.

— Все ли молодые казаки так легко берут трудные препятствия?

— Так точно, господин генерал. Если желаете проверить, с разрешения нашего командира, мы вас атакуем через этот противотанковый ров.

— Спасибо, я этому верю и не хочу больше испытывать свои и ваши нервы. Я очень боялся за тебя и твою красавицу. Очень жалею, что твой прыжок не снят на кинофильме. В дальнейшем я дам указания нашей пропаганде делать фильмы казачьих атак. Я очень люблю казачьи атаки. Видел их и принимал на себя в прошлой мировой войне. О, мы, немцы, очень хорошо знаем, что такое казаки на поле боя! Благодарю за ваш большой труд в нашем общем деле и желаю вам успеха в защите вашей родины. Хайль!

Начальник штаба сухопутной армии, по получении Гитлером радиограммы о наступлении советских армий, предложил отступить из Сталинграда, повернуть 6-ю армию фронтом на запад и атаковать советские войска, прорвавшие румынский фронт. Этот маневр ликвидировал бы угрозу 6-й армии и поставил бы под удар прорвавшиеся советские части. Но Гитлер,

потеряв от гнева самообладание, ударяя кулаком по столу, кричал: «Я не оставлю Волгу, я не уйду с Волги!»

Когда к исходу третьего дня грандиозного зимнего сражения стало неизбежным окружение 6-й армии движущимися навстречу друг другу советскими армиями, которые должны сомкнуться в том месте, где находится штаб 6-й армии, командующий армией просил Гитлера дать разрешение передвинуть штаб, но просьба осталась без ответа.

Получив 22 ноября радиограмму об окружении 6-й армии, Гитлер приказал занять оборону, командующему и его штабу остаться в Сталинграде и впредь именовать войска 6-й армии, окруженной в Сталинграде, войсками крепости «Сталинград».

Так, одним росчерком пера, район окружения 6-й армии, не имеющей крепостных укреплений, ни запасов продовольствия, ни горючего, ни боеприпасов и предметов снабжения, стал в воображении Гитлера «крепостью».

Командующий 6-й армией и командующий группой армий тщетно пытались доказывать, что Сталинград не крепость, что для поддержания боеспособности 6-й армии следовало ежедневно доставлять на самолетах 500 тонн предметов снабжения, что по состоянию воздушного флота невозможно. Деблокировать армию без ее участия невозможно. Оставить ее в Сталинграде — значит потерять огромную армию и тем самым сломать хребет всему восточному фронту. На все попытки получить разрешение на прорыв и соединение с главными немецкими силами Гитлер неизменно отвечал: «Шестая армия останется там, где она находится».

Все усилия военачальников спасти армию остались безрезультатными.

Гитлер согласился только на создание новой группы войск, получившей название «Дон», которая в составе 4-й танковой армии и 3-й и 4-й румынских армий, под командованием ген. Манштейна, должна была деблокировать 6-ю армию.

Генерал Манштейн написал Гитлеру, что 6-я армия должна одновременно с наступлением 4-й армии двигаться ей навстречу, но Гитлер опять остался непреклонным.

Пока велась подготовка прорыва окружения 6-й армии, снабжение этой армии ухудшалось с каждым днем, так как основной фронт отодвигался все дальше, аэродромы удалялись. Использовавшиеся вначале воздушные базы, расположенные в Тацинской, Морозовской, Тормасине и Богоявленской, 24 декабря, после крушения фронта на реке Чир, должны были переместиться на Зверево, Шахты, Каменск-Шахтинский, Новочеркасск, Мечетинская, Сальск. В последний период использовались аэродромы: Артемовск, Горловка, Макеевка, Сталино.

Страдающая от холода и голода 6-я армия, но еще не по-

терявшая боеспособность, с нетерпением ожидала наступления армии ген. Манштейна.

Наступление началось 12 декабря из района Котельниково. 4-я танковая армия к 21 декабря была в 45 км от Сталинграда, но, обессиленная непрерывными боями с превосходящими силами советских армий, не имея резервов и достаточного снабжения, 23 декабря окончательно прекратила наступление. Наступил последний момент, когда еще можно было спасти 6-ю армию, если бы она получила приказ вырваться из окружения. Фельдмаршал фон Манштейн и начальник штаба предприняли последние отчаянные попытки убедить Гитлера отдать приказ, но Гитлер был по-прежнему непреклонен.

Советские войска атаковали и разгромили итальянскую армию, группа армий «Дон» откатывалась назад, 4-я танковая армия не могла удержать рубеж, занятый 21 декабря. Расстояние между 6-й и 4-й армиями увеличилось до ста километров.

С половины декабря стала надвигаться другая катастрофа, подобная сталинградской. В результате успешного наступления советских армий западнее и южнее Сталинграда и провала наступления 4-й танковой армии возникла угроза всему Кавказскому фронту. Было совершенно ясно, что советские войска, продолжая наступление, вскоре достигнут Ростова и тогда вся группа немецких армий на Кавказе окажется в окружении.

Трудно бороться со сном молодому казаку в глухую пору ночи. Ни жестокий мороз, ни резкий ветер, ни режущий лицо снег не мешают сну. Да и кого сторожить в такую стужу? Фронт далеко, красные партизаны на Дону разгромлены. Да, в шестнадцать лет — сон милей родного брата и сильнее всякого неприятеля. Но есть кое-что и посильнее сна. Может быть, и задремал бы, да вдруг нагрянет отец, и тогда порка неминучая. Недаром он часто повторяет: «Ты теперь, можно сказать, казак, как полагается быть по закону. В старое время казак в шестнадцать лет получал земельный пай. Вот прогоним красных и все наши права казачьи восстановятся».

— Ну, как, сынок? Все в порядке? — вынырнул из темноты отец.

— Так точно, все в порядке.

— Пойду коням сенца подброшу.

Отец ушел, а часовой опять начал клевать носом, поддаваясь сладкой дремоте. Но вот в затуманенное сознание проник какой-то новый звук. Где-то вдали послышался скрежещущий звук железа и через секунду затих. Вот ветерок принес обрывки неясного шума мотора, и опять все тихо. Потом такое же звуковое сочетание повторилось более отчетливо.

— Слышишь, отец, кто-то там на машинах едет.

Стали слушать. Прерывистые звуки приближались и будто раздвигались по фронту.

— Кто бы это мог быть? Немцы ездят только по дорогам, а тут, как на фронте, машины идут цепью.

Железный лязг становился яснее.

— Танки, батя!

— Буди ребят, а я побегу седлать лошадей.

Через минуту заспанные одногодки часового стремглав бежали к лошадям.

— Отводите лошадей в балочку и ждите, а я останусь разведать неприятеля. Если услышите стрельбу, скачите прямо в комендатуру и доложите о подходе неприятельских танков. Валентин, возьми и моего коня.

Шесть казачат, держа лошадей в поводу, беззвучно скрылись в ночной темноте.

Танковая цепь, скрежеща гусеницами, брала поселок в железные клещи. Между танками шли грузовики с пехотой.

— Куда ты заехал, в Бога, креста мать... Ослеп, что ли?

Кто-то бил прикладом в дверь крайней хаты.

— Выходи, так вашу мать! Немцы тут есть?

— Не знаю, — отвечал робкий женский голос.

— Не знаешь, старая курва! А казаки есть?

— Днем никого не было, а теперь не знаю.

— Не знаешь! Все вы такие, изменники родины, мать вашу перетак!

«Все ясно. Красные прорвали немецкий фронт и неожиданно подкатили к Батайску. Скорее уходить», — согнутая фигура старого разведчика еще больше пригнулась к земле и неслышно исчезла в настороженной дали.

— Кто идет?

— Отец.

Советский танковый рейд, предназначавшийся для внезапного разгрома немецких аэродромов, взрыва мостов между Ростовом и Батайском, с целью отрезать отходящие немецкие армии с Кавказа, — был обнаружен казаками.

Известие о советских танках, находящихся в 8 километрах от важнейшего стратегического железнодорожного и политического, и административного центра на южном фронте, привело немцев в смятение. По административным точкам были разбросаны только малочисленные комендантские команды, не имеющие армейского и противотанкового оружия. Воинские резервы отсутствовали не только здесь, но и на фронте.

— Что делать? — вопрошающе смотрит на меня комендант г. Батайска.

— Дать бой.

— Танкам?

— Да.

— Это невозможно! У нас нет ни артиллерии, ни противотанковых средств.

— Задержать пока станет светло и начнет действовать ваша авиация. Советский танковый рейд уже обречен на неудачу.

— Почему?

— Он потерял свой главный шанс — внезапность налета. Вступив в бой с нами, он окончательно проиграет свою азартную игру. Он будет выполнять пока только одну из своих задач. Красным необходимо взять прежде всего крайний аэродром, который должен стать их базой снабжения бензином. Внезапность появления танков объясняется тем, что они быстрым ходом прошли очень большое расстояние, но, оторвавшись от своих баз, они не имеют в достаточной степени запас горючего. Поэтому все наши силы должны быть сосредоточены у аэродрома. Дайте соответствующие сведения командованию авиации и предупредите, что казаки в конном строю пойдут в атаку. У красных кавалерии нет.

Немец как-то испуганно посмотрел на меня и нерешительно спросил:

— В атаку на танки?

— Танки мы остановим.

— Чем?

— У нас есть две противотанковые пушки и к ним по десятку снарядов.

— Не могу вас останавливать, будем действовать.

Лихорадочно заработали радиоаппараты и телефоны связи, помчались мотоциклисты.

Коротко отдавались приказания в штабе казачьего отряда.

— Полиции занять левый фланг перед аэродромом. Первая конная сотня на правом фланге расположится в лощине за курганом. В центре спешенная конная сотня. Коноводы за корпусами аэродрома. Здесь же, на позиции спешенной сотни, станет противотанковая двухорудийная батарея. Сигнал атаки — синяя ракета. Штаб возле батареи. Все понятно?

— Так точно.

— По коням!

За это время разведчики противника дошли до аэродрома, ничего подозрительного не обнаружив. Путь был свободен. Рейд может быть продолжен, успех выполнения задания обеспечен внезапностью вторжения.

Тихо залегла казачья пехота. Противотанковая батарея стала за небольшим возвышением.

Справа, на кургане, появился смутный силуэт всадника и через секунду исчез, словно ночной призрак. маленький отряд истребителей танков, вооруженный противотанковыми кулаками и бутылками с горючей жидкостью, выдвинулся далеко вперед и залег.

Вот в напряженную тишину врезался железный лязг тан-

ковых цепей. Танки шли вперед, соблюдая боевой порядок. Впереди шли два разведчика и четыре танка самого большого размера, по-видимому, последний выпуск... В линию с ними рассыпалась пехота. Будучи уверены в отсутствии противника, советчики все же соблюдали образцовый боевой порядок. Чувствовалось, что рейдовая группа состояла из отборных боевых кадров.

Вот что-то на мгновенье мелькнуло возле первых двух танков и почти одновременно что-то ахнуло раз и два. Два огромных пламени рванулись ввысь.

— Танки подорвали! — торжествующе отрапортовал молодой командир противотанковой казачьей батареи. — Теперь очередь за нами.

Почти одновременный взрыв двух танков ошеломляюще подействовал на красных танкистов.

Танки остановились, пехота бросилась на землю. Внезапность танкового рейда потерпела полное поражение. Красные растерялись перед неожиданностью сопротивления неизвестного по численности противника. Наступила жуткая боевая пауза. В звенящей тишине догорали подбитые танки. В предутреннем свете становились отчетливей очертания железных чудовищ. Позади четверки показались еще восемь таких же силуэтов.

— Стягивают силы для атаки. Как приблизятся на самую короткую дистанцию, будем бить прямой наводкой по передним. Оба орудия будут стрелять по одной цели. Так вернее. Опять стали. Ожидают лучшую видимость. Боятся опять напороться на наших истребителей. Молодцы, ребята, все карты красным перепутали. Главное — дали нам возможность выиграть время. Ага, пустили вперед пехоту для охраны танков. Теперь нашим истребителям придется плохо, надо будет их выручать, — высказывал вслух свои впечатления о ходе боя командир батареи.

Танки, выждав полагаемый интервал, пошли за пехотой. Расстояние между вражеской цепью пехоты и маленьким отрядом казаков-истребителей катастрофически сокращалось.

— Та-та-та-та, — предупреждающе заговорила первая очередь казачьего автомата.

— Тр-р-р-р-р-р-р, — затрещал весь строй красных автоматов. Танки, ускорив ход, поравнялись с цепью пехоты.

— По крайнему правому танку, прямой наводкой... Ого-о-нь!

— Тах-тах, — ахнули орудия.

— Ах-ах, — как эхо отозвались два разрыва перед крайним танком.

— Стал! Подбили! — радостно объявил самый младший артиллерист и, забыв о дисциплине, начал весело притопывать ногами.

Огонь вражеских автоматов на минуту смолк, а потом возобновился с удвоенной силой.

— Танки опережают пехоту, подавят ребят!

— По левому крайнему танку прямой наводкой... Ого-о-нь! — Танк остановился, из него выскочило несколько человек экипажа, по-видимому, для осмотра повреждения. Но через минуту-две он двинулся, нагоняя передних.

— Попадание без повреждения. Второй раз ему так не повезет!

— По левому крайнему танку прямой наводкой... Огонь!

Танк остановился, и никто из него больше не выскочил.

— Подбили вместе с экипажем!

— У-у-ух-ух-ух, — по всему фронту заухали танковые орудия, начавшие обстрел наших позиций, а пехота пошла в наступление, делая перебежки и залегая для прикрытия огнем перебегающих.

Трескотне красных автоматов стали отвечать залпы казачьей пехоты, вооруженной десятизарядными винтовками советского образца. Не имея ответного огня с нашего правого фланга, пехота неприятеля двумя цепями пошла в обход, не видя расположенную в лощине за курганом казачью конницу.

Расстояние уменьшилось, отряд истребителей танков резал неприятеля из автоматов почти в упор. надо было их спасать. Зашипев, взвилась сигнальная ракета. Казачьи цепи поднялись во весь рост. Из-за кургана, в первых лучах восходящего солнца, в первый раз на казачьей земле, после двадцатилетнего пленения, снова засверкали казачьи клинки.

— Прямой наводкой по пехоте. Огонь! Огонь! Огонь!

Маленькая казачья батарея начала дуэль с десятками неприятельских танковых пушек.

В артиллерийском гуле и взрывах снарядов не слышно было, как над полем боя появились немецкие «штукасы».

— Ви-и-и-и-и, — послышался наводящий ужас вой пикирующего бомбардировщика. Короткий, режущий воздух, свист и страшный взрыв между силуэтами восьмерки танков. Еще не развеялся дым от первого взрыва, а уже второй «штукас» пикировал на ту же цель, а по его следу шел третий, четвертый...

— Ура-а-а-а, — понеслось по всему казачьему фронту.

— Ура-а-а, — стали во весь рост казаки-истребители.

У-у-у-у, — еще сильнее завыли «штукасы» в небе, пикируя над танками по три в ряд.

— Руби! — дает последнюю команду командир сотни.

А над второй цепью красных вьются коршуном «мессершмитты», поливая свинцом крупнокалиберных пулеметов.

Остатки разгромленной пехоты убегают под прикрытием уцелевших танков, а танки уходят в поселок для маскировки от продолжающих бомбардировку самолетов.

Конная сотня взяла в плен 22 советских гвардейца, из допроса которых выяснилось назначение рейдовой группы, со-

стоящей из 20 танков и двух батальонов пехоты, состоящей из младших командиров, так как рейд имел назначение исключительной важности для советской стратегии. В случае неудачного исхода рейда танкам приказано окопаться и ожидать подхода подкреплений. Армия ген. Паулюса под Сталинградом окружена. Советские войска движутся вперед, не встречая сопротивления. Рейд начался из района Котельниково, не встретив в пути никаких препятствий. Так первая казачья победа на родной земле, небольшая по масштабам военных действий, но имеющая колоссальное значение для отступающих немецких армий и еще большее принципиальное значение для казачества, была омрачена известием о полном разгроме немецких армий под Сталинградом.

— Что это за люди? Это какие-то босяки из повести Горького «На дне»! Водкой от них разит, как из кабака. В казачьей форме, а морды настоящих энкаведистов!

— Подожди, — спрашиваю я у жены, — о ком ты говоришь и где эти люди?

— У нас в доме.

— А как же ты их впустила?

— Сказали, что они из штаба атамана Павлова и что приехали к тебе по казачьим делам. Пустила их в дом потому, что ты должен возвратиться с минуты на минуту. Если бы тебя дома не было, то спустила бы на них собак. Кутька и так уже цапнул одного из них за шинель и все время не отходит от меня, все порывается заглянуть в зал. Собака всегда узнает злых людей.

— Они не назвали своих фамилий?

— Нет. У одного из них бородавка, как у чекиста Дзержинского. Оба высокого роста.

— Это два типа, о которых я тебе рассказывал.

— А, это те самые негодяи, чекисты!

— Держи себя спокойно, не подавай вида, что имеешь о них представление, попробуй сыграть роль приветливой хозяйки, накрой на стол и поставь пару бутылок водки.

— Один из них куда-то вышел, а другой, мерзавец, вперся на мою кровать прямо с грязными сапогами, даже грязь потекла по кружевному покрывалу. Иди, вот сам увидишь.

Дочь члена Войскового Круга, сестра полковника генерального штаба, жена привыкла в воинской этике казачества и, тем более, офицерства, и потому ее возмущение видом и поведением чекистских головорезов было для меня более чем понятно.

Тихо открываю дверь. На белоснежном кружевном покрывале лежит навзничь огромная фигура Духопельникова. Здоровенная голова, как у каменного истукана, монгольский раз-

рез глаз, надутая отвисшая губа, как у старой лошади, изо рта, словно из выпускного клапана в паровом котле, вырывается свистящее дыхание и правильно чередующееся пшиканье. Все черты одутловатого лица явно выражают все низменные инстинкты этого человека. И вот на этом страшилище казачья форма с полковничьими погонами. Красный лампас, как кровяная струя, спускается в грязный сапог, свисавший на пол. Сколько крови пролито этим чекистским страшилищем!..Омерзение дошло до предела и я прервал его сон.

— Платон Михайлович!

Рот «истукана» удивленно открылся во всю ширь, глаза вытаращились, голова приподнялась.

— Э-э-это я, Петр Николаевич, извини, заснул немного от усталости. Все ездим, все мотаемся с Сюсюкиным по казачьим делам, а вот и он едет.

В открытую дверь высунулся клин рыжеватой бородки, ехидно смеющиеся глаза пробежали по всей обстановке комнаты и, не задерживаясь на Духопельникове, остановились на мне.

— Здравия желаем, Петр Николаевич! Извини за непрошенный визит. Давно собираемся поговорить с тобой по душам, да все времени не было. Все вот казакуем с Платоном Михайловичем, да толку мало, а всему помеха, скажем тебе откровенно, Сергей Васильевич. С ним кашу не сваришь... Молчит, как баклан, слово из него не вытянешь, сопит, а делает по-своему. Ну, какой я заменитель атамана по политической части, когда я не знаю, что он и как делает. Или вот, скажем, Платон Михайлович, помощник по военной части, а какими военными делами он ведает?

— Да никакими, — протягивая руку к бутылке с водкой, тоном абсолютного безразличия заявил Духопельников.

— Давай-ка, Саша, сначала выпьем за успех нашего дела, а потом будем рассуждать, как нам быть.

Пока «гости» приносили очередное воздаяние Бахусу и клинообразная бородка Сюсюкина опускалась и подымалась от каждого проглатывания рюмки водки, мысли мои убежали на два десятка лет назад.

Вот такой же верзила, с выправкой гвардейского офицера и с такой же бородкой «а-ля Дзержинский» допрашивал меня в Дон-Чека, и, после пятилетнего сидения в тюрьме, через несколько лет, опять арестовал точно такой же по виду следователь ГПУ. Это были в прошлом царские офицеры, пошедшие с первых дней революции на службу советской власти. И вот теперь, глядя на этих предателей в казачьей среде, я как-то невольно сделал сопоставление, в какой-то мере смягчающее, ущемленное предательством, казачье самолюбие.

Да, были предатели в казачестве, как, например, Войско-

вой старшина Голубов, Войсковой старшина Миронов, сотник Кривошлыков, во времена первой войны с большевиками, пусть даже было их не три, а тридцать, пусть будет их в этой войне не два, как эти сидящие передо мной мерзавцы, а двадцать и больше, но что значат единицы этих казачьих предателей в сравнении с грандиозным, никогда не виданным в истории России предательством почти всего офицерского корпуса, насчитывавшего сотни тысяч офицеров, присягавших на верность Государю и, во главе с командующим Русской армией, перешедших на службу большевистскому правительству, расстрелявшему императора Николая Второго с семьей. Будущая история Свободной России не может скрыть это преступление, а большевики в своей истории освещают этот факт, как превосходство их идеологии над безыдейностью гнилой русской интеллигенции.

— Ну, вот, — крякнул «каменный истукан», — можно сказать, идейно подкрепились, а потому можно и приступать к делу.

— Вот что, дорогой Петр Николаевич, — начал дипломатический подход Сюсюкин, теребя кончик своей бородки.

«Как бы я оттаскал за эту бороду этого негодяя, — думал я, — но обстановка заставляла вести пока дипломатическую борьбу, а дальше будет видно».

— Плохо наше казачье дело, — продолжал Сюсюкин, — так дальше быть не должно. В атаманском дворце у нас сидит не атаман, а так, ни то ни се. Связей у него с высшими немецкими органами нет, ну и толку не будет. Сам ведь ты знаешь, что я переходил через советский и немецкий фронт, был у ген. Краснова, представлялся Гиммлеру и привезен на Дон офицером немецкой разведки — это же не фунт изюма. Правда, со мной произошел конфуз. Посадили меня немцы в тюрьму, по доносу старой ведьмы, княжны Голициной, будто я ей пальцы в ГПУ выкручивал, ну да ей и следовало выкручивать. На черта нам нужны князья, с какой бы стороны на них не посмотреть. Ну что ж, посидел две недели, пока дело не дошло до капитана Кубоша, и опять, как видишь, цел и невредим. Правду сказать, я теперь больше всех имею оснований для атаманства, но все же считаю, что самым подходящим кандидатом для Войскового или походного атамана является Платон Михайлович.

В это время «каменный идол» как-то не по-человеческому крякнул, по-видимому, воспринимая преподносимое ему атаманство как совершившийся факт.

— И вот мы думали, Петр Николаевич, предложить тебе составить с нами коалицию, и тогда наше дело будет в шляпе. Мы знаем тебе цену, но и нам цена не малая. Мы можем теперь арестовывать кого найдем нужным. На это у нас имеются документы от соответствующих немецких органов...

Видя, что я покачал головой, Сюсюкин продолжил еще более повышенным тоном, с явными нотками угрозы:

— Что? Не веришь? Вот, на, посмотри, — подал он мне документы немецкой разведки.

— Ну что же тут нового? Я и до этого знал, что вы работаете в немецкой разведке и доносите немцам о том, что делается в казачестве, конечно, окрашивая сведения в нужный для вас цвет. Вот только не знаю, кто из вас старше чином по этой работе.

— Ну, конечно, Платон Михайлович. Покажи, Платоша, твой документ.

«Истукан», как будто его не касалось происходящее, медленно вытащил бумажку из бокового кармана, еще медленнее развернул ее и подал мне.

— Кого же вы арестовывали, имея эти документы? Казаков или коммунистов?

— Мы можем арестовывать и тех и других, — еще более угрожающе ответил Сюсюкин, и бородка его поднялась кверху.

— Так вы что, явились ко мне с ультиматумом?

— Да как сказать...

— Чье задание выполняете?

— Мы сами по себе...

— Продолжаете свою прежнюю работу? Опять пальцы выкручивать? — привстал я, не замечая, как рука моя потянулась к чекистской бороде.

— Постой, постой! — отодвинулся от стола Сюсюкин.

— А ты, проклятый «Диск», опять руководишь чекистской бандой?

— Что ты, что ты, Петр Николаевич, мы никого не арестовывали и к тебе приехали, как я сказал, с предложением...

— На черта мне ваше предложение. Как вы могли, мерзавцы, подумать, что я Сергея Васильевича, честного казака и и достойного атамана, поменяю на вас, чекистов, якобы раскаявшихся в своем прошлом? О вас давно веревка плачет, и вы ее дождетесь! Если вы хотите каяться, то вот вам работа. Сегодня ночью идет отряд для поимки коммунистов Ростовского обкома партии, скрывающихся в совхозе «Гигант», на станции Верблюд, езжайте с этим отрядом и арестовывайте коммунистов.

Каменная фигура стала еще неподвижней, чекистская борода опустилась книзу. В ответ ни звука.

— Что, не по нутру? Хозяев своих боитесь обидеть? Вы ко мне приехали с ультиматумом, так получайте мой ультиматум. Если вы опять появитесь в Новочеркасске и будете подрывать работу походного атамана Павлова я приеду и расправлюсь с вами там. Если я на вас нападу в Ростове — будет то же самое. Сегодня я не хочу о вас руки марать в моем доме, но если вы попадетесь еще раз на моей территории, будете расстреляны

казаками и никакое немецкое гестапо, ни НКВД вас не спасет. Поняли?

— Так точно! — вдруг оживился «каменный истукан», пытаясь стать навытяжку.

— А как же наши документы? — примирительным тоном спросил Сюсюкин.

— Объясните своим хозяевам, за что я отобрал у вас документы. Они, наверное, вас поблагодарят за ваше поведение. А теперь забирайте, мерзавцы, ваше барахло и вон из моего дома. Моим патрулям будет отдан приказ, при обнаружении вас где-либо в прифронтовой полосе, расстрелять на месте. Марш!

Схватив в охапку шапки и шинели, два предателя неслышно, как духи зла, исчезли во тьме морозной ночи.

«Плохо или нет, что я отпустил их, когда они были в моих руках?» — задавал я сам себе вопрос.

— Ну, черт с ними, теперь мне не до них, когда рушится весь немецкий фронт.

Катастрофа немецких армий под Сталинградом дала возможность советскому командованию приступить к выполнению плана разгрома Северо-Кавказской группировки немецких войск. На Закавказском фронте, с целью сковать силы этой группировки, советские армии нанесли немцам несколько ударов на Нальчикском, Моздокском и Туапсинском направлениях. Группа немецких армий «А» была ослаблена переброской из ее состава двух дивизий из 1-й танковой армии и трех авиационных групп из района Белореченская, Майкоп, Армавир. Резервов армия не имела. Немецкая армия, насчитывавшая 530 самолетов, по количеству уступала советской. Замысел Ставки верховного советского командования заключался в том, чтобы наступлением 5-й ударной и 2-й гвардейской армий вдоль нижнего Дона и выдвижением их в район Ростова отрезать пути отхода всей Северо-Кавказской группировке немецких войск. Одновременно силами 51-й и 28-й армий наносились удары вдоль железной дороги Котельниково — Сальск — Тихорецк. Черноморская группа двигалась на Краснодар. Оба фронта должны были развить удар на Ростов. Немецкое командование, учитывая угрозу окружения армий, стало отводить первую танковую армию из района Моздок, Нальчик, Прохладный в общем направлении на Ставрополь. Для обеспечения советских армий, двигавшихся на Ростов, войска Юго-Западного фронта повели наступление на Ворошиловград, Беловодск, Красный Сулин.

Горские народы и казаки Терека и Кубани, ожидавшие освобождения от ига советской власти и потому содействовавшие немецкой армии в ее продвижении по Кавказу, теперь,

при ее отходе, стали эвакуироваться из своих родных краев. Нескончаемый поток беженцев многих десятков национальностей скатывался с гор и предгорий Кавказа, по осенней распутице полз по равнинам Кубани, увязая в снегах на придонских полях, из последних сил рвался к Ростову. Словно опять вернулись времена переселения народов из Азии в Европу, ранее уходивших от татарских орд, а теперь спасавшихся от красных Чингисханов.

Живая лента, сотканная из множества людей, повозок, лошадей, простиравшаяся на десятки километров, расцвечена алыми, малиновыми, желтыми и красными цветами кубанок, башлыков, черкесок, бурок и других одеяний. Но никому не надо теперь узнавать, кто какой национальности. Все они теперь говорят на одном противобольшевистском языке, все они чувствуют единую ненависть к красным поработителям и единое стремление вырваться из большевистского «котла». Казаки и горцы, в жертвенном противлении большевизму, стали братьями по духу и вере в свою национальную свободу. Давно прошли лермонтовские времена, когда создавалась казачья колыбельная песня: «Злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал». Гарцует черкес на золотистом дончаке, ставшем его гордостью. Пусть вихрем носит его донской скакун в боях с большевиками во имя свободы всех народов.

Широко открывают ворота казачьи дворы, приветливо встречают казачьи курени сынов Кавказа и братьев с Терека и Кубани. Не встревожит их ночной покой предательский выстрел красного партизана. С корнем вырвана в донских станицах красная нечисть. А с восточной стороны Дона станицами, хуторами, группами уходят от красных донцы, перемежаясь с вереницами кибиток донских и астраханских калмыков, и также спешат вырваться из окружения через узкий проход у Ростова, где под Батайском стоят танки советского рейда, сдерживаемые казаками. А позади уже гигантские ножницы советских армий разрезали территорию Дона на две части, по линии Котельниково — Морозовская. Еще один нажим советских армий, и вся эта масса, издревле свободолюбивых народов, останется в советском «котле» на растерзание красным хищникам.

Каждая, отступающая от красных, станица, хутор, группа является вооруженным отрядом со своим обозом, продовольствием и запасными лошадьми.

От верхнего Дона и до его низовьев уходят донцы, кто как может от танковых клиньев красных, вырываются от смыкающихся цепей советской пехоты, уходят от кровавой расправы, ссылок в неизвестность, в чужие, неведомые казачеству дали. Каждая станица, каждый хутор дали все, что могли дать, для противления своему заклятому врагу — большевикам.

Донецкий рубеж в давние времена и в первой войне казачества с большевиками имел большое стратегическое значение, которое не потерял и во второй мировой войне.

Ископаемые богатства Донбасса имели колоссальное значение в дореволюционной России и в советское время, к этим богатствам не остался равнодушным и Гитлер, считая занятие этой территории одной из главных целей на Южном фронте.

История прошлых сражений показывала, что тот, кто не мог удержаться на позициях донецкого кряжа, был обречен на поражение.

Измотанные непрерывными боями после поражения под Сталинградом, немецкие части спокойно отдыхают за сторожевой цепью казаков-синегорцев под командой полковника Ж-ва.

С возвышенной стороны Донца, из-за каменных заборов, метко бьют казачьи снайперы по вражеским дозорам. Ложатся и не встают цепи красной пехоты под огнем пулеметов, за которыми сидят пулеметчики гражданской войны, еще двадцать с лишним лет назад пристрелявшиеся к каждой неровности с детства исхоженного рельефа теперь занятой советскими войсками местности.

И вот теперь, когда перо автора касается минувших дней Второй войны казачества с большевиками, перед ним встают партизанские были 1918—1919 гг., когда в его руке было не перо, освещающее казачью историю, а винтовка, когда пишущий эти строки, убеленный сединою, был молодым воином, идущим в боевых рядах партизан-семилетовцев, в немецких касках, с георгиевскими крестами в психическую атаку на красных, переправившихся через Донец и разгромленных партизанами под Пасху 1919 г.

Четверть века прошло с тех пор, мало кто остался из героической молодежи, шедшей под георгиевскими знаменами на славу и на смерть во имя Тихого Дона, но по тем же тропам, где ходили мы, охраняя донецкий рубеж, идет новое поколение, с тем же чувством национального долга, с той же верой в великую правду отцов своих. Опять Синегорская балка скрывает отряды восставших, опять на Сычевой горе наблюдательный пункт артиллерии, только нет на противоположной стороне Донца ветряка, сбитого донской артиллерией, и ведут артиллерийскую дуэль с Советами не казачьи, а немецкие пушки, да и фронта казачьего нет — это только казачий форпост. Все зависит теперь от немецкого фронта. Опять боевая линия идет через хутора Верхний и Нижний Ольховчик, где семилетовцы и чернецовцы переправлялись под огнем красных через Донец, когда шли на прорыв фронта для соединения с восставшими верхнедонцами.

Смотрит с наблюдательного пункта командир «Синегорского полка» на станицу Екатерининскую, родную станицу

походного атамана Павлова, и разные думы теснятся у него в голове. «Порадовать атамана, взять набегом станицу... а что же не взять-то: брали раньше, возьмем и теперь, но есть ли в этом смысл? Разгромит ее советская артиллерия, а удержать все равно не придется. Немцы отступают по всему фронту, наверное, до самого Днепра». Вспомнились и слова походного атамана: «Береги казаков. Если мы их не пожалеем, жалеть их некому».

На севере советские армии уже обошли нас. Надо улучить время и вырваться из этого донецкого «котла».

Не академики создавали основу казачьей армии во второй мировой войне, а вот такие бывшие вахмистры, как командир «Синегорского полка», окончившие жизненную академию. Двадцать лет враждебного отношения к советской власти выработали житейский критерий, способный распознавать замысел врага, всю его тактику и стратегию. Сидение в советских концентрационных лагерях с учеными всех категорий приобщило к высокой культуре мысли и духа.

Разгромлены румынские, итальянские и венгерские армии. Рухнул фронт на Донце.

Много раз смыкалось вражеское кольцо, но синегорцы шли на прорыв и не только выходили сами из окружения, но выводили и немецкие части.

Горе было партизанским скопищам, пытавшимся преградить им путь.

— Где проходил донской «Синегорский полк», там трава не росла, — говорили в немецких штабах.

— Глянь, как идет наметом, дьявол, аж бурку ветер в стороны относит!

— Не то черкес, не то осетин, черт их разберет!

— Ослеп, что ли, не видишь — папаха донская.

— Начальник конных заводов! Копылов!

Буланый жеребец разметал комья снега, сделал последний взмах передними ногами, присел на задние и остановился как вкопанный.

— Вот с такими удальцами Бакланов Кавказ покорил.

— Где ваш начальник?

— Во дворе коней смотрит.

— А кони-то добрые?

— Да не хуже ваших будут, а один даже получше вашего жеребца будет.

Копылов покосился на балагуривших с ним молодых казаков и поехал во двор.

— Привет казачеству!

— А-а, Георгий Игнатьевич, давно тебя ожидал, послал к тебе нарочного...

— Проклятые немцы, как собаки на сене: ни себе, ни людям. Доводят до последнего, а на что надеются? Каждая баба знает, что потерпели разгром под Сталинградом...

— Постой, постой, не все сразу...

— Ну, ладно, давай скорей водки, замерз...

— Сначала пойдем на конюшню.

— Какого там лешего я не видал. У меня своих конюшен больше, чем надо.

— Пойдем, не проводи время, а пока водку приготовят.

— Ну, ладно, водку можно пить и в конюшне.

Вошли в конюшню. Гнедой красавец нехотя поднял свою, как выточенную резцом, голову от кучи овса и недружелюбно скосился на нас.

— Сокол! Да это же лучший жеребец во всех наших табунах. Как он попал к тебе? Откуда ты его взял?

— Откуда бы не взял, это теперь не твое дело. Ты вот скажи лучше, кому он теперь принадлежит?

— Ясно кому. Раз он у тебя на конюшне, значит — твой.

— Конечно, мой. Проворонил ты этого красавца, а казаки отбили у хохлов, бывших буденовцев, и подарили мне.

— Ну и владей им на здоровье.

— Не буду я владеть этим животным, не имеющим цены. Он принадлежит Войску, а я только буду его хранить. У меня ему будет лучше, чем в табунах, которым придется идти без корма по снежным полям, быть может, многие сотни километров.

— Да, это верно. Вот я к тебе и заехал за помощью. Надо угонять от красных табуны, а сил у меня не хватает.

— Пойдем в курень. Жеребца твоего накормят.

— Дураки немцы не понимают, что гнать гоном да еще через Дон четыре тысячи лошадей — это посложнее, чем отступление армии. Вот я и ездил в Ростов объяснять командованию создавшееся положение и получил всю документацию на отход и снабжение фуражом табунов. Главная беда в том, что нельзя самостоятельно действовать. Давно бы вывел табуны в безопасное место, но прокормить их нечем. Куда ни ступи, везде немецко-колхозная система. Раньше пользовались этой системой Советы, выкачивали все из крестьянства на мировую революцию, а теперь немцы — на свои завоевательные цели.

— Раздевайся и, милости прошу, пей и ешь, сколько твоей душе угодно.

— Выпьем за здоровье Сергея Васильевича и наше с тобой.

— Люблю я вас обоих. Он — атаман войска Донского, а ты — атаман духа казачьего, и на тебе лежит колоссальная обязанность дать отчет перед историей за нас всех и за нашу эпоху.

— Спасибо, дорогой. Пей на здоровье.

— Знаю, что ты не пьешь. Ну да я и за тебя во здравие всех нас выпью.

— Будь здоров!

— Не пьешь ты и хорошо делаешь. Пусть хоть одна всегда светлая голова будет в нашем Войске.

— Пей на здоровье.

— Поневоле будешь пить. «Слава-то казачья, а жизнь-то собачья». Эта давняя поговорка и к нашему времени относится. Каждый день у меня сражения с немцем-комендантом над моими табунами. Он считает, что наши дончаки теперь принадлежат Германии, как военная добыча. Черта с два имели бы они эту добычу, не уведи я с калмыками табуны от красных. Каждый черт тебя в свою веру тянет. Красные заставляли молиться, как Богу, Сталину, а эти Гитлеру.

Копылов выругался, а затем, улыбаясь, представил в лицах свой разговор с комендантом.

— Ты, — говорит комиссар, — должен мне отвечать на приветствие так же, как я: хайль Гитлер!

— Пошел ты, говорю, к такой-то матери со своим Гитлером, плюгавый черт!

— Что он мне говорит? — спрашивает комендант переводчика.

Переводчик что-то говорит по-немецки и переводит слова коменданта.

— О, да! Я так и знал, что херр Копылов хороший человек, и я об этом непременно напишу своей матушке.

— Зачем мне сдалась его матушка!

— Это я немного смягчил перевод ваших слов, вот оно и получилось, что вы вроде бы похвалили матушку и Гитлера, — говорит переводчик.

— Ты смотри, а то вот я смягчу тебя плетью, тогда твои переводы станут точнее.

— Я очень рад, что херр Копылов помогает нам осваивать этих диких лошадей, — продолжает немец.

— Ты ему скажи, — говорю переводчику, — что я хером никогда не был, и лошадей осваивать не собираюсь. Пусть он сам этим занимается.

Опять что-то переводчик говорит, а черт его знает что. Только немец продолжает переть чепуху.

— О, я непременно вместе с вами буду увеличивать приплод лошадей.

— Что ты ему переводишь, сукин сын! Скажи немцу, что если он жеребячьей породы, то пусть один этим занимается.

— Вас за это наградит фюрер! — торжественно объявляет комендант.

— А тебя пусть за такие дела наградит твоя собственная жена.

Опять переводчик несет какую-то околесную.

— Ну, будет дурить, переводи точно.

— Лошади наши, казачьи, и никому мы их осваивать не позволим.

— Лошади принадлежат германскому вермахту.

— Врешь, шваб!

— Лошади принадлежат Германии!

— Лошади принадлежат Дону!

— Я не позволю так говорить! — хлопает комендант по кобуре пистолета. — Я буду стрелять!

— Попробуй! — полуобнажив шашку, отвечаю я.

В это время входит жена, вооруженная бутылками шнапса, и бой заканчивается временным перемирием. Такие схватки идут каждый день и когда-нибудь окончатся тем, что я отрублю ему голову, и тогда настанет конец нашему вынужденному сосуществованию.

Копылов выпил еще рюмку и глубоко задумался. И я ощутил, что мысль и взор его ушли куда-то в глубокую даль времени, быть может, к началу начал казачества. Как будто тени далекого прошлого пробежали по его лицу, и вот передо мною, давний облик того, кто прошел через огонь бесконечных битв за вольную волю казачью и сохранил свои черты до наших дней. Вот она, живая иллюстрация к моей поэме «Тихий Дон». Тихо, в унисон с создавшимся настроением, в первый раз ожила в звуках моего голоса дотоле никем не слыханная поэма...

Долго идем мы тропою нехоженой
С Дикого Поля до наших времен.
Сколько удалых голов там положено!
Знает один только батюшка-Дон.
. . . . . .

— Вот за это Сергей Васильевич и все мы любим тебя, нашего певца казачьей волюшки вольной.

О тебе Сергей Васильевич чрезвычайно высокого мнения. Он, как культурнейший из всей казачьей интеллигенции, понимает твое значение в воссоздании былого Дона и художественном отображении героики наших дней, а может быть, и ожидающей нас очередной трагедии казачества. В период возрождения Дона нужны люди с творческой энергией, с железной волей и готовностью жертвовать всем во имя Дона.

За это все я тебя и люблю. Дай я тебя обниму, и надо мне ехать.

— Спасибо, дорогой, за доброе отношение к безвестному певцу казачьей вольности и славы.

— Дай мне казаков для дозоров на пути отхода табунов. В теперешней фронтовой чехарде, не видя ничего впереди, немудрено попасть в лапы красным.

— Все готово.

— Прощай!

Разом, как одним крылом птицы, взмахнули на седла, на-

тянули повода, поднялись на стременах и пошли донцы размашистым наметом спасать свое национальное сокровище, гордость донских степей — донские табуны.

Не гремят орудийные залпы на востоке, ничто не противостоит движению советских армий по донской земле. Тихая обреченность витает над столицей Донского войска, Новочеркасском. Кончилась суматоха отхода станиц и хуторов. Все эвакуирующиеся казаки ушли за реку Миус и движутся дальше, согласно указанию немецкого командования, за Днепр, в район Кривого Рога и Кировограда. Опустел и атаманский дворец, и казалось бы естественным, что пора отходить и походному атаману вслед за казаками, но у него есть иные заботы более высокого порядка: он стоит теперь перед лицом ответственнейшего момента в истории казачества.

Когда я в первый раз подымался на ступени атаманского дворца, на карауле стоял юный казак, типичный чернецовец, партизан 1918 г., даже обмотки на ногах напоминали далекую и славную партизанскую быль. Теперь же стоят на карауле два казака — шашки наголо. Папахи, чубы, выправка — это казаки молодой донской армии 1918 г. Поглядел бы на них атаман Каледин, порадовался отеческой радостью и сказал бы: «Не даром положил свою жизнь на жертвенник свободы Тихого Дона».

В Первом Казачьем Сполохе охраняли атаманский дворец деды и отцы, теперь на их месте стоят сыны и внуки. Что заставило их с честью пройти через годы многолетнего пленения и теперь гордо и смело смотреть в глаза вновь надвигающейся катастрофе, новой трагедии казачества?

Вера в бессмертие казачества и верность Тихому Дону — этот ответ написан на лице каждого из них.

В холодном блеске обнаженных клинков отражается непреклонная воля казачества, приведшая его к мировой славе, которая приведет и к победному торжеству над большевизмом.

Начальник караула Георгий Морозов отдает рапорт командиру конвойской сотни походного атамана. Вот она, особая казачья статность и выучка, созданная не солдатской муштрой, а бытом народа-воина, где каждый испокон веков, чуть выйдя из пеленок, садился на коня, где стремление к воинскому подвигу было выше и сильнее, чем иные жизненные цели.

Тихо в атаманском дворце. Нет штабной суеты перед внезапным отступлением армии и суматохи эвакуирующегося государственного аппарата, здесь властвует калединская воля, сознающая свою обреченность и гордо идущая ей навстречу.

На атаманском столе карта с обозначением линий мирового и советского фронта, а на ней, как капля, затерянная в бушующем океане, маленький двойной штрих — позиции донского фронта.

Адъютант прерывает мысли наклонившегося над картой атамана докладом о моем приходе. Невысокая фигура атамана, как будто стряхнув с себя тяжесть надвинувшихся событий, выпрямилась и стала еще более стройной. Всегда сосредоточенный на какой-то мысли взор еще более углубился; не часто появляющаяся улыбка, видимо, давно не озаряла его потемневшее лицо.

Много чести приносит казаку звание походного атамана, этого удостаиваются немногие, нелегко нести во все времена эту тяжелую обязанность перед Войском и тем более теперь, когда всякое колебание было бы святотатством перед бессмертным подвигом атаманов: Каледина и Назарова.

— Дай Бог, чтобы вы всегда приносили добрые вести. Второй раз порадовали меня победами на вашем фронте, которые в совокупности имеют первостепенное значение в истории Второй войны казачества с большевиками. Представляю себе картину катастрофы, если бы вами не было уничтожено коммунистическое партизанское подполье, которое, соединившись с танковым рейдом и парашютными десантами, ожидаемыми и теперь немцами с часу на час, разгромило бы все немецкие аэродромы, уничтожило коммуникации, дезорганизовало тыл, и отступающая с Кавказа 17-я немецкая армия, теперь разорванная на две части, могла бы потерпеть еще большую катастрофу. Но особенно катастрофическим могло быть положение горцев и казаков, отступающих с Кавказа, Терека и Кубани. Вся эта масса была бы захвачена красными не дойдя до Ростова, или, в лучшем случае, повернув обратно, отошла с немецкой армией на Таманский полуостров и переправилась в Крым, оставив лошадей и имущество. Крым один раз уже был ловушкой для Белой армии, и трагедия там может повториться еще раз. Как высоко оценивают значение вашего отряда немцы, я убедился дважды, требуя откомандирования вас в Новочеркасск на помощь мне, выставляя мотивы, что помощь ваша мне необходима не только в военном отношении, но и гражданском, для поднятия престижа столицы Дона, где надо изгнать неказачью власть города, навести порядок в политических органах, где сидят большевистские агенты или враждебно настроенные к казачеству люди. На всей территории Дона и при штабе походного атамана нет ни одной казачьей газеты. Всю эту неотложную и ответственную работу я могу поручить только вам. Против этой аргументации немцы выставляют свои доводы, что они не могут нарушить систему управления важнейшего стратегического пункта, перед которым с восточной стороны стоят советские

танки, а с южной — строятся противотанковые укрепления против советской Кавказской армии.

Получено от высшего германского командования разрешение на создание казачьей армии. Слишком поздно немцы исправляют свои ошибки. Мы не можем теперь создавать армию, не имея ни вооружения, ни баз снабжения, ни возможности эвакуировать все казачьи семьи в глубокий тыл и обеспечить их существование. Идет стихийный исход казачества со своих земель, и приостановить этот процесс самосохранения мы не имеем морального права ради того, чтобы только временно заполнить пустоту, образовавшуюся в результате разгрома 6-й немецкой армии под Сталинградом. Армии никогда в прифронтовой полосе не создаются, да и сами они отводят разбитые румынские, итальянские и венгерские части в глубокий тыл. Довольно немцам и того, что казаки на своих землях уничтожили красную партизанщину и обеспечили им спокойный тыл, чего не было ни на какой иной территории.

Одновременно с катастрофой под Сталинградом союзники высадились в Северной Африке. Армия Роммеля, не имея подкреплений, отступает, и участь ее, вероятно, будет такой же, как армии Паулюса под Сталинградом. Все это результат безумной гитлеровской стратегии. Но самой непростительной из многочисленных его ошибок было объявление войны Америке, в результате чего теперь советские армии имеют возможность вести наступление.

В войне на морях также наступил перелом в пользу союзников. Англичане стали применять радарные установки, обнаруживающие местонахождение немецких подводных лодок, и стали успешно бороться с ними. Надводные большие корабли в этой войне потеряли свое былое значение благодаря действию авиации.

Японцы исчерпали свою наступательную силу.

Эта обстановка вынудила немцев признать за нами право самостоятельного формирования казачьей армии без немецкого командного состава, иначе мы мало бы отличались от «восточных формирований», где все подчинено команде немецкого фельдфебеля.

То, что мы, казаки, получили первые право на создание своей армии, имеет под собой историческое обоснование, так как мы всем своим народом провели уже одну войну с большевиками и теперь, не спрашивая согласия немцев, начали объединение своих сил и подняли свое национальное знамя.

Много прошло станиц и хуторов через Новочеркасск, все вооружены советским оружием (имена их еще не время упоминать), а офицеров для этой будущей донской армии нет. Не прислал ген. Краснов нам казачьих офицеров из-за границы и сам не пришел.

Историю ВТОРОЙ ВОЙНЫ КАЗАЧЕСТВА с большевиками творят казаки плененного Дона, Кубани и Терека без помощи извне — так обязан записать в Летописи Казачества историк нашей эпохи.

Никто из заграничного казачества не стал рядом с нами на защиту исторического бытия казачества на родной земле, не поддержал нас морально, не кликнул наш стародавний клич за границей «на славу и на смерть зовущий». Едва ли даже кто наблюдает за военной обстановкой, в которой мы теперь находимся.

Новочеркасск, Ростов, Батайск одиноко стоят в зияющей пустоте разорванного немецкого фронта. Если немцы не успеют произвести перегруппировку своих разбитых армий и выиграть время для укрепления фронта на реке Миус, все пути отхода в глубоком тылу будут нам отрезаны. Уйти нам теперь, пока еще не поздно, не приняв боя с врагом на подступах к столице Дона, значит, опозорить казачью историю.

Ваше положение еще опаснее. Вы находитесь на стыке фронтов, и вам будет чрезвычайно трудно вырваться из этого стратегического узла, и потому не осложняйте ваш отход попыткой соединиться со мной. Сойдемся у Днепра, в районе Запорожья. При отходе арестуйте самозваного окружного атамана в Таганроге полковника Стефанова, пьяницу и негодяя, отбирающего лошадей у казаков и оставляющего их семьи на расправу красным.

О Доманове за все время ни слуху ни духу, но это не столь важно. Меня беспокоит судьба «Синегорского полка». Как-то он вырвется из фронтового донецкого «котла».

Что вы скажете в заключение нашего последнего разговора на Дону?

— Когда-нибудь любознательный взгляд казачьего историка будет стараться проникнуть сквозь даль времен к нашим дням, в поисках начала второй трагедии казачества, будет пытаться разгадать думы и чувства тех, кто поднял знамя Второй войны казачества с большевиками. Ответ найдет он в неоспоримой логике исторического казачьего мышления, утвержденного веками и отображенного в нашей последней беседе на Дону, которая переживет и нас.

Много раз казачество стояло на исторических перепутьях, грозивших смертью, но никогда не сходило со своего исторического пути доблести, славы и чести.

Стоит и теперь казачество, как древнерусский богатырь в картине художника Васнецова, и читает надписи на придорожных камнях:

«Налево пойдешь — смерть в ЧК».

«Направо пойдешь — союзники СССР выдадут для расправы ЧК».

«Прямо пойдешь — немцы: смерть на поле брани под казачьим знаменем».

Такова картина исторического бытия казачества в начале Второго Казачьего Сполоха.

Сознавая свою обреченность, Ермак дал сражение на Иртыше несметным полчищам татар, дав клич: «На славу и на смерть», дошедший и до наших дней.

Видели свое обречение и защитники Азова, осажденные сильнейшей армией во всем мире, но не убоялись могущества Турецкой империи, шли на смерть и побеждали во имя тех же идеалов.

С той же обреченностью вступало восставшее казачество в единоборство с красным колоссом в 1917—1920 гг., но боролось до последних сил, пока не истекло кровью на поле трехлетней битвы.

Теперь перед нами стоит та же обреченность, но мы не сойдем с пути отцов своих, что бы ни уготовило нам Провидение в пожарищах и руинах второй мировой войны. На знамени нашем священные слова Конституции Возрожденного Дона, а чувства наши говорят:

На славу и на смерть готовы
Мы, Дона верные сыны,
И как ни хмурь, судьба, ты брови,
Поем мы песни старины!

В начале января 1943 г. началась операция советских армий по ликвидации находящейся в окружении 6-й армии. К этому времени внешний фронт советских войск проходил по линии Новая Калитва, Марковка, Миллерово, Морозовск, Зимовники — на расстоянии 170—200 км от места окружения немецкой армии, территория которой была всюду доступна советской артиллерии. Армия, не имея резервов, стояла вся в первой линии обороны. Запасы продовольствия, горючего и боеприпасов были на исходе. Авиация была не в состоянии полностью снабжать армию.

8 января 1943 г. советское командование, через ген. Рокоссовского, предъявило ультиматум о сдаче. Генерал Паулюс, по приказу Гитлера, отклонил этот ультиматум.

Утром 10 января, после усиленной воздушной и артиллерийской бомбардировки, войска 65-й, 21-й и 24-й армий повели наступление, нанося главные удары со стороны запада и северо-запада, и к исходу 13 января вышли на реку Россошку. Вспомогательные удары со стороны северо-восточного и южного сектора фронта наносили войска 66, 57, 64 и 62-й армий, прорвав оборону немцев на реке Червленая.

Немецкие войска, отходя к Сталинграду, оказали упорное сопротивление в течение 4 дней на линии: Большая Россошка, Гончера, Воропоново.

23 января советские армии имели на всех фронтах успехи, вынудившие командующего 6-й немецкой армией 24 января доложить ОКХ: «Дальнейшая оборона бессмысленна. Катастрофа неизбежна. Для спасения оставшихся в живых людей прошу дать разрешение на капитуляцию. Паулюс».

Гитлер снова отклонил капитуляцию, и это стоило жизни более чем 100 тысячам людей, убитых и умерших от невыносимых лишений с 24 января по 2 февраля.

25 января, после сокрушительных ударов артиллерии, советские войска заняли западную часть Сталинграда. 26 января 21-я и 62-я армии соединились в районе Мамаева кургана и расчленили 6-ю немецкую армию на две части: Южная — в центральной части города, а Северная — в районе Тракторного завода и завода «Баррикады».

31 января было окончательно сломлено сопротивление Южной группы, во главе с командующим 6-й армией ген.-фельдмаршалом Паулюсом. 2 февраля прекратила сопротивление и северная группа армии.

Так закончилась героическая эпопея армии, до последнего сражавшейся без надежды на победу, без надежды вырваться из железного кольца окружения.

Этот героизм, проявленный немцами на казачьей земле, вызывал у казачества уважение к немецкому народу, смягчал ненормальность во взаимоотношениях, носивших неопределенный политический характер, как следствие завоевательной политики Гитлера.

Пленение армии Паулюса под Сталинградом — самое тяжелое поражение, какое понесло прусско-немецкое войско со времен Иены, Ауэрштадта и мрачного 1806 г., ставшее поворотным пунктом в ходе второй войны.

Не пожалела советская власть для своего утверждения многие миллионы погибших за колючей проволокой концлагерей и застенках Чека, не жалеет она и теперь ни войска, ни населения ради своего спасения от военного разгрома. Все население превращено в сплошной концлагерь. При 20-30-градусных морозах голодные и полураздетые люди строили окопы, строили укрепления по всему Югу России. Черные пунктиры окопов перерезают сотни раз все пространство от Ростова и до укреплений Сталинграда.

В землянке одного из таких окопных укреплений расположился штаб передовой советской гвардейской части, наступающей в направлении Новочеркасска.

Начальник штаба дает задание молодому лейтенанту:

— Возьмите два моторизованных взвода первой роты и сделайте разведку, если будет необходимость, даже разведку боем в район станицы Мелиховской и, если обстановка по-

зволит, до Новочеркасска. Будьте настороже, возможна схватка с казаками.

— Разъясните им на примере наш лозунг: «За Сталина, за Родину», — делал напутствие политрук.

Четыре грузовика, в сопровождении танкетки, двинулись в указанном направлении.

Снежная равнина, неясные очертания станицы и последнее слово из напутствия политрука всколыхнули из глубины детских лет страшные воспоминания первых лет его, исковерканной судьбою, жизни. Все милое и дорогое, что можно запечатлеть в четыре года, осталось в этой станице, и стоит над ней страшным призраком темная ночь, когда злые люди с винтовками взяли его доброго, ласкового отца, а мать и его выгнали из дома на улицу, на холод, голод и скитание по чужим углам. Скоро мать, не выдержав тяжесть переживаемого, ушла в иной мир, а он остался беспризорным. Страшное по своему трагизму слово «беспризорный» может понять только свидетель эпохи зверства коммунизма над беззащитным народом. Многие тысячи детей, оставшихся сиротами по воле коммунистического террора и голода, брошенные «народной» властью на истязания голода и холода, ютятся в грязных трущобах, в канализационных трубах, на чердаках и подвалах, едва прикрытые рубищем нищенского одеяния. Содрогается душа народная от жалости к этим маленьким, беспомощным существам, не будучи в состоянии помочь им материально, ибо само население обессилено от невзгод, обрушившихся на него приходом власти диктатуры коммунизма. Дичают маленькие существа, лишенные материнской ласки, нежные чувства детской души сменяются инстинктом сопротивления тем, кто уничтожил их родителей, лишил крова, ласки родителей и превратил их лучшую пору жизни в кромешный ад. Начинается страшная психологическая борьба между преступной властью и жертвами ее преступления. Ни облавы и репрессии милиции, ни насильственное водворение в приюты не могут в течение ряда лет сломить это сопротивление. Со временем беспристрастная история этих черных лет человечества и мировая совесть должны положить венок печали и сострадания на воздвигнутый им памятник в назидание потомству на вечные времена.

Годы юности прошли под давлением марксистского пресса на человеческую душу, штамповавшего из нее послушного робота коммунизма. И вот он теперь советский лейтенант, воля которого подчинена только одному лозунгу: «За Родину, за Сталина». Этот лозунг символизирует величайшую ложь коммунизма. Что имеет общего с Родиной каждого бойца советской армии кавказский разбойник Сосо-Сталин, Берия и Каганович — три столпа власти в СССР?

Родина моя там, где мать мне пела в колыбели· «Спи, мла-

денец мой прекрасный... богатырь ты будешь с виду и казак душой»... Теперь душа моя проснулась и отряхнула всю тяжесть чуждых лет. Мелеховская... да, так мне говорила мать, так учил отец, когда мне было три года... Стараясь не забыть это дорогое мне слово, я ассоциировал его с фамилией главного героя «Тихого Дона» Шолохова, Григорием Мелеховым. Вот она моя родина — Тихий Дон, и не подымется рука моя на тех, кто стал теперь на его защиту.

— Рра-ра-ра-ра-рах, — рванули ручные гранаты под грузовиками. Взметнулись над плетнями казачьи папахи, и возле грузовика стояла цепь с винтовками наперевес.

— Сдать оружие! — скомандовал высокий, стройный казак, подняв правую руку с наганом вверх.

В ответ с какого-то грузовика рванула автоматная очередь. Рука казачьего командира беспомощно опустилась, алая струйка крови побежала по алому лампасу.

— Прекратить огонь! — скомандовал красный командир.

— Не стреляй, братцы, — продолжал он, идя навстречу казачьей цепи, — я тоже казак.

И, обращаясь к своим солдатам:

— Родина у нас у всех одна, без Сталина, без Берии, без Кагановича! Так, товарищи?

— Так, так, так, товарищ командир!

— Эту великую правду я вам, казаки, докажу. Садитесь со мной на машину несколько человек, и мы возьмем в плен весь коммунистический штаб нашей части. Если я говорю неправду, вы расстреляете всех моих солдат, оставшихся вам в залог.

И, обращаясь к своим солдатам:

— Вы верите моему слову, товарищи?

— Верим, верим, товарищ командир!

— И я тебе верю, — подошел к нему казачий командир с окровавленной рукой. И братский поцелуй запечатлел казачью дружбу, никогда и ничем нерушимую.

— Санитары, перевязать рану командира.

Советские санитары перевязывали руку своему недавнему врагу.

— Сколько казаков взять с собой? — спрашивает казачий командир.

— Пять твоих и пять моих для маскировки. Веришь им?

— Верю.

— Садись! — командует советский командир.

Грузовик подходит к передовому советскому посту.

— Пропуск!

— Мушка!

— Пленных везете, товарищ лейтенант?

— Да.

Машина беспрепятственно подкатывает к штабной землянке. Два казака-командира с ходу врываются в штаб.

— За Родину! — бросает истинный народный клич казак — советский лейтенант. Два выстрела, сразившие штабных коммунистов, подтверждают его клич. Но предательский выстрел из-за железной печки срезал казака насмерть. Еще раз казачья кровь оросила донскую землю. Двумя выстрелами уложил казачий командир убийцу его собрата.

Мчится грузовик, уходит от погони, спасая прах казака, жертвенной смертью доказавшего нерушимость братских казачьих уз в страшную эпоху разрушения человеческой морали.

Стали в казачий круг солдаты, отдали последний христианский долг своему командиру и пошли по его пути вместе с казаками.

Ласково смотрит величавая фигура Ермака, как будто оживились суровые черты донского богатыря при виде своих праправнуков, пришедших тяжелой стезей к его монументу для утверждения заветов седой казачьей старины, для освящения Войскового Знамени Второго Казачьего Сполоха — Второй войны казачества с большевиками.

Здесь, на этой площади у Войскового Кафедрального Собора и памятника Ермаку — «святое святых казачества».

Здесь приносил клятву верности казачеству первый вольный Донской атаман Каледин и, склонив голову перед величием прошлого, слушал грамоту Войскового Круга, его избравшего: «По праву древней обыкновенности избрания Войсковых атаманов, нарушенному волею Петра Первого в лето 1709-е и ныне восстановленному, избрали мы тебя нашим Войсковым атаманом. Подтверждая сею грамотою нашу волю, вручаем тебе знаки атаманской власти и поручаем управление Войском Донским в полном единении с членами Войскового правительства, избранными также вольными голосами Войскового Круга...»

Здесь же, в самые траурные дни Дона, в печальном перезвоне малых колоколов Войскового Собора слушал атаман Каледин скорбное стенание родной земли, провожая к месту вечного успокоения молодых орлят донского племени, донских партизан, положивших свою юную жизнь на алтарь возрождения Дона.

Здесь Войсковой Круг принимал первый парад молодой Донской армии.

Здесь, под георгиевским знаменем, стояли железным строем в немецких касках с белыми георгиевскими крестами донские партизаны-семилетовцы в одной линии с чернецовцами, принимая благословение от старейшего казака, Донского митрополита Гермогена, предрекшего победу над красными на Донце, под Пасху в 1919 году. А в небе, делая мертвые

петли, парили донские орлы-летчики, отдавая боевой салют своим братьям по крови, по духу и борьбе.

Где вы теперь, донские богатыри, ставшие наперекор ходу мировой истории ради вольности Дона? Сколько вас полегло в неравной схватке с красными ордами, сколько положило свои кости в ледяных пустынях Заполярья — знает только один Бог.

Ни самолетов, ни орудий, ни касок, ни славного прадедовского оружия, ни седел, ни обмундирования — нет теперь ничего у восставшего казачества. Без коня, на коне без седла, без клинка и без пики дедовской... Не заломлена лихо папаха, не горят ясной зорькой лампасы — все истлело во вражьем плену, обескровилось в красном полоне.

«Не беда, коль потеряно все было в схватке неравной. Тот велик есть народ, кто из бездны паденья дерзает подняться к вершинам величия славы былой!»

Так говорит смелый взгляд молодого казака, держащего древко Войскового Знамени раненой рукой, через бинт которого алеет первая жертвенная кровь, оросившая родную землю во имя ее свободы.

Четвертое поколение становится на дедовский путь борьбы с коммунизмом.

Степной курган, хранящий в великом молчании былую казачью славу, словно могучий пьедестал, горделиво поднял на свою вершину живое изваяние долгожданных рыцарей свободы. Словно вылитый из золотой бронзы, замер в стремительном порыве белоногий, белоноздрый дончак. Только взгляд его несется вдаль, туда, где витает орлиный взор его хозяина, над которым колышется знамя Второго Казачьего Сполоха.

Седой старик, напоминающий своим видом своего старшего собрата, говорившего от казачества мудрые слова напутствия атаману Каледину, передает приговор восставшего казачества походному атаману:

«Мы, донцы, поднявшие знамя Второй войны казачества с большевиками, освященное кровью молодого поколения на родной земле, волей нашей и силою нашего оружия утверждаем власть нашего походного атамана Сергея Васильевича Павлова

Веди нас, атаман, на славу и на смерть, во имя чести и свободы Тихого Дона, во имя Божьей и человеческой правды на земле».

Не гудят торжественным звоном колокола Войскового Собора, не открыты двери святого храма, осквернённого большевиками, не сонм духовенства освящает трехцветное знамя войска Донского. Простые слова казака священника, испившего всю чашу горечи плененного Дона, сильнее внешнего проявления торжества обряда.

— Именем Всевышнего Творца благословляю вас, сыны Тихого Дона, на служение, ради правды Божией, на защиту родной земли от врагов Божиих, от врагов человеческих...

И снова слышит Донская Земля бессмертные слова своего войскового гимна, смолкнувшего на берегу Черного моря, последней грани казачьей трагедии 1917—1920 гг. «Всколыхнулся, взволновался».

Выше подымается священное знамя Второго Казачьего Сполоха.

4 февраля 1943 г. казачий отряд, остановивший танковый рейд красных под Батайском, был заменен частями СС и стал отходить через Дон.

«Быть может, бьет казачий конь последний раз подковой по зеркальным покровам твоим. Быть может, ты опять надолго скован, Тихий Дон, холодным дыханием злобной судьбы. Где-то остановит бег казачий конь: заржет победно у родных ворот иль склонит голову прощально над безымянною могилой казака?

Вот он и гребень гниловской. С этой горы смотрел я на тебя, плененный Дон, с оковами на сердце и с думой вольною, как ныне. Те думы долгих лет я уношу с собою на чужбину. Чужбины даль и годы лихолетья не умалят моих сыновних чувств к тебе, родимый Дон. Святую правду о сынах твоих я сохраню и воспою».

Еще не улеглись чувства, которыми сильна казачья дума вольная, как передо мною замаячила на дороге фигура, в общих очертаниях сходная с интендантом Ростовского представительства.

— Неужели это ты, Василий Арсентьевич?

— Да, как видишь.

— Что ты тут делаешь?

— Жду на дороге, кто бы подвез меня до Таганрога.

— А где же транспорт представительства? Где Одноралов, тоже стоит на дороге?

— Нет, он уехал на грузовике, бросив всех сотрудников представительства.

— Вот это нам, казакам, наука, как допускать к казачьим делам не казаков.

— Он не только бросил всех, но и половину денег, предназначенных для эвакуации сотрудников, оставил себе.

— Это двойное преступление. Попадет он нам по пути, и мы приведем его в должный порядок. Где твоя семья?

— В Таганроге. Ты, пожалуйста, возьми меня с семьей.

— Садись со мной в автомобиль.

— В Таганроге призовем к порядку таганрогского «окружного атамана». — К счастью для самозваного атамана, учреж-

дение его оказалось необитаемым, а сам он неизвестно где пребывал после очередной попойки. Из Таганрога мы взяли направление на Мариуполь. Город был забит немецкими штабами. Отовсюду слышалось какое-то особенно чеканное «Хайль Гитлер!». Всюду был разговор о фюрере, и даже показывали дом, в котором он находился. Конечно, все понимали, что его приезд вызван чрезвычайно опасным положением на фронте.

— Чья это машина? — спрашивает шофера голос, связанный с каким-то неприятным воспоминанием.

— Спросите у командира, — отвечает шофер.

В крытый кузов машины заглядывает а-ля гитлеровская физиономия бургомистра Ростова Н. Тикерпу.

— Что угодно?

— А-а-ах, это вы, господин Донсков!

— Как видите.

— А я думал, что это машина чья-то...

— Что, машин вам не хватает? Не все присвоенное добро вывезли из Ростова?

— Да, — как будто не расслышав мой вопрос, продолжает он, — одна из моих машин, вместе с багажом, провалилась на льду моря, остальные еле выбрались на берег. Сам я едва спасся.

— Напрасно спасались.

— То-о есть как?

— Да так. Все бы одним претендентом на казачье добро было бы меньше, и вам было бы спокойнее, а то придется в конце концов иметь дело с казачьей плетью, а может быть, и хуже.

— Вы мне сказали, господин Донсков, угрозу немецкой власти, о чем я, как фолкс-дейч, должен поставить в известность начальство.

— Доложите хоть самому Гитлеру, говорят, что он здесь, но прежде зарубите себе на носу, что на Донской земле всяким проходимцам, вроде вас, больше не бывать. Казачество не допустит такого издевательства.

Машина тронулась.

— Фу, как ты его обрубил, еще пожалуется, черт, немцам, и как бы не было нам неприятностей, — встревоженно говорил В. А. Беляевсков.

— Не для того мы подавали Донскую Декларацию немецкому правительству и создаем казачью армию, чтобы каждый паршивый сатрап немцев узурпировал наше право.

— Да ведь он не только бургомистр, но в гестапо работает, и за нами может быть послана погоня.

— Пусть хоть у черта приказчиком служит. Защищать национальное и политическое право Дона — моя обязанность по службе в штабе походного атамана.

Советские армии Юго-Западного и Южного фронтов силами 5-й танковой и 5-й ударной армий и 3 января заняли Цымлу и 8 января вышли на линию Тацинская — река Кагальник, а 2-я гвардейская армия, сломив упорное сопротивление 4-й немецкой танковой армии, выдвинулась в район нижнего течения реки Маныч. 51-я и 28-я армии 22 января овладели Сальском и, продвинувшись на запад, установили связь с конно-механизированной группой Закавказского фронта.

На Ворошиловградском направлении советские войска, развивая удар вдоль реки Калитвы, к 1 января вышли на реку Северский Донец и Айдар.

К 24 января советские войска Южного и Закавказского фронтов вышли на рубеж: Северский Донец, нижнее течение Дона и Маныча, Белая Глина, Армавир, станица Лабинская. 31 января заняты Тихорецк и Майкоп.

Советское командование завершало выполнение своего стратегического плана: отрезать наступлением на Батайск и Азов пути отхода немецким войскам, действовавшим между Главным Кавказским хребтом и Доном, на Ростов. Черноморская группа войск должна была прорваться на Крымскую и отрезать пути отхода немецкой 17-й армии на Таманский полуостров.

К 4 февраля 1943 г. 51-я и 28-я армии Южного фронта вышли на рубеж в 25 километрах от Батайска, а конно-механизированная группа Северо-Кавказского фронта, 44-я и 58-я советские армии — на рубеж Батайск — Ейск, в результате чего пути отхода немецкой группе армии «А» на территорию Дона были отрезаны. Первая немецкая танковая армия оказалась разрезанной на две части: 5 дивизий отошли к Ростову, а остальные дивизии были отведены к Краснодару и включены в состав 17-й армии. Итак, прямой стратегический угол, полгода назад определявший направление движения победных немецких армий у Батайска на Кавказ и Сталинград, теперь превратился в последний их бастион перед Ростовом.

6 февраля советские армии взяли Батайск и Ейск.

Немцы отступают через Кубань по мостам, наведенным у Стефановки, Яблоновки, у Горячего Ключа и на пароме у Кэса. Партизаны взрывают железную дорогу и выводят из строя шоссе Краснодар — Кавказская и пытаются взорвать мосты.

12 февраля немцы оставляют Краснодар, но упорно обороняют станицы Ахтырскую, Абинскую и Крымскую для того, чтобы выиграть время, необходимое для построения полевых укреплений, отделяющих Тамань от Кубани. Линия укреплений имела форму латинской буквы С, левым флангом упиралась в приазовские плавни, а правым — подходила к Черному морю. Укрепления этой «Голубой линии», как назы-

вали ее немцы, тянулись на 30 — 40 километров, с глубиной укреплений 5 — 6 километров. Передний край укреплений усиливался рядами проволочных заграждений и минными полями. Эти позиции на Кубанском предмостном укреплении имели для немцев большое стратегическое значение, так как могли стать исходным пунктом для нового наступления. Значение их увеличивалось еще тем, что они преграждали вход черноморскому советскому флоту в Азовское море и не допускали высадку советских войск в Крыму.

6-я и 1-я гвардейские армии Юго-Западного советского фронта повели наступление в направлении Мариуполя, имея оперативную цель выйти к побережью Азовского моря и отрезать немецкие войска у Ростова и в Донецком бассейне.

9 февраля начался отход немецких войск с нижнего течения Северского Донца на реку Миус.

Советские войска Южного фронта в это время форсировали Дон в районе Богаевской и повели наступление на Новочеркасск. 2-я гвардейская армия, не встречая сопротивления немцев, поспешно отходивших по всему фронту, беспрепятственно подвигалась к Новочеркасску.

Замерла столица Дона в ожидании своих недавних поработителей. Убежали гражданские власти города, выслужившиеся перед немцами ради удовлетворения своих материальных целей и игнорировавшие национальное право казачества. Также бежало и бургомистерство из Ростова, не дав ни одного человека на защиту Дона, но бежало с надеждой на возвращение и утверждение немцами права владеть донской землею, как своей вотчиной.

Повторился печальный факт, имевший место во время гражданской войны: на многотысячном пространстве фронта не прозвучал ни один национальный выстрел в сторону большевиков.

И только верные сыны Дона, Кубани, Терека с той же непреклонной волей вступили во Вторую войну со своим заклятым врагом — большевиками. Одни мы остались на защиту родной земли, не с иностранным оружием, а со своим, отбитым у врага. Нет на нашей земле доблестных корниловцев, ставших с нами плечо к плечу с первоначала борьбы с большевиками в 1917—1918 гг., не придут герои дроздовцы на помощь в решительный час битвы за Новочеркасск, как пришли в 1918 году. Но казак, сознавая свое одиночество и то, что немцы не несли с собой освобождение народам, не выронил из рук оружия. При всех обстоятельствах в прошлом, настоящем и будущем большевизм есть всегда враг номер один.

Одна из причин трагедии миллионов добровольно сдавшихся российских солдат заключалась в том, что они не до-

росли еще до казачьего понимания общечеловеческой свободы, порождающей великую жертвенность, и оказывали только пассивное сопротивление большевикам. Не был проявлен в это время национальный дух, о котором так хорошо сказал русский поэт А. Блок: «Родиться русским слишком мало, им надо быть, им надо стать».

Неприятельские цепи очерчивают смыкающееся кольцо окружения Новочеркасска. Прошлой ночью советские части перерезали железную дорогу между Новочеркасском и Ростовом, но были отброшены казачьим отрядом.

Немногие казачьи сотни на окраинах города напряженно ожидают сигнала для атаки наступавших советских гвардейцев. Во время казачьего восстания против советской власти в 1918 г. красные занимали Новочеркасск, а казаки наступали там, где теперь идут красные. Переменились места, а историческая суть осталась одна и та же. И тогда и теперь казачество было одиноким и почти безоружным на своей территории, оставленной немцами, и тогда и теперь дает неравный бой своими силами, дабы не сказала история, что донцы убоялись врага.

Тихо, как будто застыв в прерванном движении, стоит атаманская группа на командном пригорке. Лишь золотистый дончак порою нетерпеливо бьет копытом и мерит глазом даль вторично плененного Дона, куда устремлен орлиный взор его хозяина, символизирующего великую дерзновенность казачества, во имя утверждения своего исторического бытия, идущего наперекор победоносной стихии второй мировой войны, стирающей государства и народы на своем всесокрушающем пути. Суровая складка озабоченности легла между сжатых бровей, волнующие чувства или молитва коснулись на секунду задрожавших губ, резче стали восточные черты на лице атамана. Думы, облетевшие в эти минуты далекое прошлое казачества, остановились на одном волнующем вопросе: «Выдержит ли в такой ответственный момент истории экзамен казачья молодежь, четвертое казачье поколение?»

И вот, как бы в ответ на эти думы, как доброе предзнаменование, всплывает в памяти светлое воспоминание одного из множества героических эпизодов боя с красными на этом же самом месте в 1918 году.

Броневой автомобиль красных резал огнем своих пулеметов казачью конницу, отражая ее атаку во фланг красногвардейской пехоты. Артиллерии у казаков не было, и броневик действовал безнаказанно. И вот казачья сотня, под командованием есаула М. Н. Сафронова, пошла в атаку на броневик. Отдельные очереди пулеметов слились в огневую ленту выстрелов. Редела, но неудержимо мчалась сотня навстречу огню пулеметов. Стала извилистой, неровной казачья лава. Вырвались вперед десяток казаков с командиром. Струсили

пулеметчики, глядя на сверкающие клинки, несущие верную смерть, хотели дать тягу, но колесо броневика завязло в глубокой борозде пахоты. Сплошная струя смертельного свинца как будто поперхнулась и затихла. Клинки блеснули над башнями броневика.

Вспомнилось атаману и то, как на этом железном коне ходил он впереди казачьих полков на красную пехоту и косил ее ряды пулеметным огнем. Как бы хорошо иметь в этом бою хотя бы один такой броневик против отборных частей советской гвардии, вооруженной автоматами.

Взгляд атамана переходит на маленькую танкетку, тихо вздрагивающую от работы моторов, как будто от нетерпения в ожидании боя, на чубатые головы молодых казаков, не только сохранивших духовную суть своих отцов, но не потерявших и во сне их давний облик. Чубатые головы над танкеткой, над конями, не склоняются в тяжелом раздумье перед смертным боем, нет, их волю к борьбе и победе не сломить ничем, ибо они дети народа, подымавшегося на вершины мировой военной славы, народа, осмелившегося вступить в единоборство с интернациональной силой, положившего первоначало истории борьбы с коммунизмом. С ними не смеет скрестить клинки советская бутафорная кавалерия. Казачьи бинокли напрасно ищут на линии фронта силуэты конников. Если бы казаки в этой войне были на стороне красных, то никакая сила не остановила бы их стремление ринуться в прорыв фронта на освобождение донской земли и ее столицы. Советская кавалерия не смеет показаться на Дону, где каждая казачка осмеет этих «переплетчиков» в казачьей форме.

На казачьи земли наступают отборные гвардейские армии, вооруженные автоматическим оружием, и кавалерийская атака на них невозможна с точки зрения военной науки.

— Время настало. Благослови, Боже! Слуша-а-ай команду!

— Пики к бою, шашки вон! — понеслась из улицы в улицу, из переулка в переулок, от взвода к взводу старая казачья команда, когда-то приводившая в трепет маршалов кавалерии в войска Наполеона.

Сотни раз отразился солнечный луч на взметнувшихся в едином взмахе казачьих клинках. Сильнее зарычал мотор танкетки. Единственный железный конь, слегка поднявшись на дыбы, продвинулся вперед.

— В атаку! — взлетел кверху атаманский клинок для сигнала.

Сотни клинков повторили взлет атаманского клинка.

— Марш! — сделал взмах клинок атамана.

— У-ра-а-а-а!

— Ура-а-а-а, — повторил по-своему железный конь и помчался вперед, срезая вражьи цепи огнем очередей.

— Тах, тах, тах, — послала ураганный беглый огонь в ко-

лонны неприятеля противотанковая пушка с новочеркасской горы. Десятки снарядов, опережая атакующий, рвали дальние цепи советской гвардии.

Вылетела на простор, развернулась на скаку казачья лава, смяла, раздавила передние ряды красных автоматчиков. Мечут молнии казачьи клинки, вонзаются в ряды бегущих казачьи пики.

— Казаки!!! — понеслось по рядам врага страшное наименование лучшей конницы в мире, приводившей в страх и трепет неприятеля на поле боя во все времена. Казалось всем, что за этой, страшной своей безумной отвагой, конницей идет какая-то несметная, непобедимая стихия. Все смешалось, все побежало.

Разгром лучших передовых частей 2-й гвардейской армии красных и 360 пленных были наградой донцам за их неустрашимый подвиг во славу Тихого Дона и в память павших на этом поле отцов и старших братьев в 1918 г.

— Это невозможно, — говорил впоследствии походному атаману друг казачества, полковник Левених, — будучи почти в окружении, идти в кавалерийскую атаку против вооруженной современным оружием пехоты, сбить ее клинками и пиками — это непостижимо! Пиками! А что же я удивляюсь? Ведь видел же я картину, как казаки чуть не захватили в плен Наполеона на виду у его армии. Спасло его только то, что они посчитали его за простого офицера и предпочли ему взятие французских батарей, иначе не видать бы Наполеону Москвы. Германские офицеры знают казачью историю и, видя теперь вас на своей стороне, несомненно поддержат ваше требование о признании суверенитета казачества.

Много превратностей судьбы испытало казачество на своем долгом историческом пути.

Народ-воин устоял в страшном потоке переселения народов из Азии в Европу, сохранил свое национальное достоинство и христианскую веру во времена татарского владычества над всей Азией и почти всей Европой и в Куликовской битве выступил на стороне русского князя Дмитрия Донского.

Жестоко мстили татары за участие донского казачества в Куликовской битве. Все Придонье было разорено ордами татарских ханов: Мамая, Тохтамыша, Тамерлана, и казаки принуждены были надолго, более чем на столетие, оставить свою землю.

Шли времена. Вера, язык и общность борьбы с магометанским миром сблизили казачество с Русью, но на всякие попытки московских царей узурпировать казачью вольность казачество отвечало восстаниями, порою потрясавшими царские троны.

В одном из таких восстаний под предводительством атамана

Булавина, при царе Петре Первом, часть донских казаков с атаманом Некрасовым ушла в Турцию, где живут и поныне, сохранив свою веру, быт и все национальные черты казачества.

В 1775 г. царица Екатерина разгромила Запорожскую Сечь. Пять тысяч запорожцев с кошевым атаманом Андреем Ляхом ушли в Турцию и основали Сечь Задунайскую.

В 1920 г., после трехлетней войны казачества с СССР, произошел великий исход донских, кубанских, терских, астраханских и сибирских казаков со своих земель в западные страны.

В 1943 г. начался второй великий исход казачества, во Второй войне с большевиками.

Золотым позументом блеснули казачьи папахи, на молитву склонились чубатые головы юных донцов, покрестились они на казачью святыню, на Донской Кафедральный Собор, поклонилось казачество прадеду в ноги. Дали выстрел-салют они батюшке Тихому Дону и пошли сохранять свою волю казачью в неведомых далях.

Снова спорить с судьбою остался один на Дону богатырь наш Ермак, охранять от врагов освященные жертвенной кровью и славой казачьей были.

Какие думы владеют стихией исхода казачества с родных земель, какие чувства зовут:

Под свободные знамена
Добровольческих полков
От Кубани и до Дона
Шли отряды казаков.

За что казаки-артиллеристы расстреливают советские танки под Батайском:

За поруганную церковь,
За расстрелянных отцов.

Косят красные цепи кубанские казаки из пулеметов на кубанском предмостном укреплении:

За погибших в 33-м
Всех кубанцев и донцов.

Идут донцы в атаку на советскую гвардию под Новочеркасском:

За сожженный край родимый,
За станицы, хутора.

Бросает противотанковую гранату молодой казак под советский танк в бою у Матвеева Кургана и сам погибает под гусеницами танка:

За детей и женщин слезы
Отомстить пришла пора.

Эти думы и чувства сливаются в едино в песне, автором и композитором которой является сам, вторично восставший на борьбу за свою вольность, казачий народ.

От кургана к кургану, от столба до столба телеграфного, шаг за шагом, оставляли родные места пешие сотни 1-го Донского полка. Невдалеке белеет снеговая шапка Матвеева Кургана, стоящего на границе Донской республики, Всевеликого войска Донского. Трудно молодым расставаться с отчизной, еще труднее старшим сознавать неизбежность второго пленения Дона. Когда же ты не будешь поливаться кровью сынов и слезами дочерей твоих, родная земля?

— Господин полковник, надо бы, по казачьему обычаю, в последний раз помолиться на земле отцов своих. Бог знает, надолго ли мы покидаем ее, — обращается к командиру полка старый вахмистр, и суровые черты этого воина, вступившего на боевой путь третьей войны, смягчаются грустью и покорностью перед предопределением божиим в судьбе каждого народа и человека.

— Ну, что же, сделаем короткий привал минут на десять, — отвечает безразличным тоном войсковой старшина Рыковский и как-то мешковато, нехотя слезает с коня, нисколько не отражает величия национального и морального состояния людей, добровольно взявшихся за оружие, во имя чести и славы поруганной большевиками родины, и кажется он каким-то чужим и лишним.

— По-о-олк, стой! — командует бравый вахмистр и обращается к казакам с короткой речью: — Верные сыны Тихого Дона, мы проходим последние пяди нашей донской земли. Никто, кроме Всевышнего, не знает, как далек и труден наш путь на чужбине. По стародавнему обычаю наших славных предков помолимся последний раз на родной земле и возьмем от нее по щепотке в ладанку с материнским благословением, и пусть к этому благословению прибавится благословение матери-родины. На молитву, шапки долой!

Склоняются головы и осеняются крестным знамением. В минутную молитвенную тишину врывается зловещая трель пулеметов, а еще через минуту показывается с неприятельской стороны, идущий полным наметом, казачий разъезд, прикрывающий отход пехоты.

— Господин полковник, красные танки на полном ходу идут вслед за нами. Через несколько минут они будут здесь.

— Вахмистр, отводите полк, а я с конными попытаюсь нагнать немцев и обратиться к ним за помощью.

— Господин полковник, никаких немецких войск поблизости нет, да они и не успели бы оказать нам помощь, слишком поздно.

— Ну, я все-таки попробую...

— Господин полковник, вы не имеете права оставлять полк перед боем.

— Я назначаю тебя моим временным заместителем, веди полк.

Времени для споров не было, да они, как понял вахмистр, были бы бесполезны. Трус никогда не может быть героем.

— Ну и черт с ним с таким зас... командиром, будет только гадить в бою, и вслед не стану глядеть беглецу. Бог даст, вернемся на Дон и такому подлецу на майдане всыплем плетей полностью, как полагается быть, за такое срамное поведение, не достойное имени казака.

— Танки, танки, танки!

— Первая сотня, принять триста шагов вправо. Третья сотня, триста шагов влево. Вторая сотня на месте. В цепь!

Из-за гребня показались, идущие полным ходом, четыре танка неприятеля.

— Охотники на танков, двести шагов вперед!

Четыре маленькие группы охотников, вооруженных противотанковыми кулаками, ручными гранатами и бутылками с воспламеняющейся жидкостью, выдвинулись вперед и залегли на линиях движения танков.

— Огонь по танкам, повзводно, пли!

Винтовочные залпы и очереди ручных пулеметов сбили не ожидавшую сопротивления пехоту, сидевшую на танках. Солдаты шарахнулись в снег, а танки, не меняя скорости, продолжали наступление.

Железные чудовища не только подавляют сопротивление человека огнем пушек и пулеметов, но подавляют его и психологически, внушая бесполезность борьбы с ними. И только тот, кто силой воли побеждает страх перед ними, осознает их уязвимость. Танк может разить огнем только с определенного от него расстояния, и потому вокруг него создается незащищенное пространство, подобное ахиллесовой пяте. Человек, осмелившийся приблизиться к танку на расстояние броска противотанкового кулака, ручной бомбы или бутылки с горючей жидкостью, выводит его из строя. Но такая сверхчеловеческая смелость присуща только очень немногим.

Обычно танки, при упорном сопротивлении неприятеля, не отрываются от своей пехоты, но тут, видя перед собой ничтожного по количеству и не вооруженного противотанковыми пушками противника, пренебрегли этой осторожностью.

— Это не немцы, — говорит командир передового танкового отряда, — солдаты не имеют формы, а вот шапки у них одинаковые, высокие, с красным верхом. Кто же это?

— Казаки, — не отрываясь от бинокля, отвечает наводчик орудия.

Ага! Прибавить скорость.

Без выстрела раздавить эту жалкую кучку людей, осмелившихся противостоять советской танковой армии — таково явное намерение командования.

Пехота идет вслед за танками.

— Огонь по пехоте!

Как будто становятся на дыбы и вскакивают на последнюю горку железные чудовища, дробя бегущими цепями и превращая в прах все на своем пути. Кто остановит эту злобную, неистовствующую мощь, созданную человеческим гением на горе и уничтожение себе подобных? Кто первый противопоставит этой всесокрушающей силе безумство человеческой отваги, о ком скажут в летописи Тихого Дона: «Смертию смерть поправ»?

О, сколько ты порождала, донская земля, богатырей духа, создавших бессмертную славу казачества! Несть им числа от века и поныне. И вот он, один из юного поколения этих богатырей, став во весь рост перед железным великаном и ощутил на себе его дыхание смерти.

— За слезы матерей, за расстрелянных отцов, за Дон родной!

Связка гранат взметнулась над головой молодого героя, и потрясающий землю взрыв танка стал посмертной наградой верному сыну Тихого Дона.

Триста человек, потрясенные до глубины души бессмертным подвигом младшего от них, как один человек, ринулись на остальные танки. Десятки гранат, бутылок с горючей жидкостью превратили все танки в погребальные факелы над растерзанным телом юноши, смертию смерть поправшего.

А в небе, как будто отдавая последний салют павшему, зарокотал немецкий самолет и, очертив белый круг, ушел на запад.

Казачья цепь, не уступившая врагу ни шага, одухотворенная подвигом павшего, без колебаний принимала свое обречение. Остались считанные минуты, и железные цепи танковой армии не оставят и следа от этой горсти заживо погребенных людей. Правый фланг уже обходит моторизованная колонна пехоты.

«Некому и нечем подать весть о гибели пехоты Первого Донского полка, — думает старый вахмистр. — Атаман Павлов где-то позади и может быть в таком же положении. Продержаться бы до ночи и тогда можно в темноте ускользнуть от неприятеля, но до темноты еще не менее двух часов. Помоги, Господи, покрой ты нас Святым Твоим Покровом, Пресвятая Богородица».

Пехота, оставив автомобили, рассыпалась в цепь и охватывала фланг.

— Огонь по пехоте!

Неприятель, видимо не желая еще терять танки, открыл огонь из орудий.

В казачьей цепи появились раненые и убитые. Патроны на исходе. Напрасно бинокль командира пронизывает горизонт, тщетно надеясь на какое-то чудо, но в глубине души еще таится неясная надежда на спасение

Но вот за неприятельской пехотой на кургане появляется смутный силуэт всадника. Крутится колесико бинокля, напрягается зрение, ясней выступают очертания.

— Братцы, атаман Павлов в тылу неприятеля!

Как искра, пробежала по цепи эта весть и подняла всех до единого на ноги.

— Дах-дах-дах, — ответила знакомым звуком казачья противотанковая пушка.

— Да-да-да-да, — откликнулся пулемет вырвавшейся из-за бугра казачьей танкетки.

— Ура-а-а-а! — подтвердили сотни клинков казачьей лавы, врубившейся в пехоту неприятеля.

— Первый Донской полк, в штыки, ура!

И будто громовым эхом отразилась эта команда в небе. Эскадрилья немецких бомбардировщиков шла на выручку своих новых боевых друзей.

Не посрамили казачью славу донцы во Второй войне с большевиками на родной земле, не отдали ее врагу и в последнем бою на границе Дона.

В то время, когда под Матвеевым Курганом заканчивалась героическая эпопея казачества на родной земле, начатая на Донце, под Батайском и Новочеркасском, в его тылу развернулись и приняли официальные формы подпольные силы НКВД.

Под покровительством командующего Южным фронтом, генерала Клейста, организовывается Казачий Штаб, во главе с полковником Духопельниковым и кубанским полковником Белым. Официальная миссия полковника Духопельникова и полковника Белого заключается в организации отходящего на запад казачества в воинские части и направление их в ведение немецкого командования в Млаву. Неофициальная сторона деятельности этих самозваных возглавителей казачества состояла по указанию НКВД, в разложении, дискриминации и дезориентации казачества. Казачья семья, попадавшая на территорию Таганрога, Мариуполя, Бердянска, Херсона, раскулачивалась. Лошади и подводы реквизировались (безвозмездно), глава семьи направлялся в ведение штаба, а семья оставалась без средств передвижения на расправу наступающим красным армиям.

На этой территории оказался и возглавитель Ростовского представительства В. М. Одноралов, перешедший опять на службу к своим прежним покровителям: Духопельникову и Сюсюкину и получивший назначение представительствовать от их штаба в Кривом Роге.

Самозваный атаман таганрогского округа Стефанов, старый алкоголик, потерявший человеческое достоинство, бес-

прекословно подчинявшийся своей переводчице-комсомолке, ставленнице НКВД, также примкнул к штабу Духопельникова и Белого.

Для усиления деятельности этого штаба появился, выплывший из коммунистического подполья, есаул Шаров.

Генерал Клейст доволен деятельностью этих «энергичных» людей и их нетребовательностью в национальном казачьем вопросе в отличие от походного атамана Павлова, настаивающего перед германским правительством на признании национального суверенитета казачества.

«Мчатся тучи, вьются тучи в беспредельной высоте», воет зверем страшная стихия природы, несущая непостижимые миллиарды хлопьев снега, и поневоле выплывает картина пушкинской кибитки с обессилевшей тройкой в борьбе с разбушевавшейся природой. Трудно победить необъятное пространство снежной пустыни не только бегом лихой тройки, но и быстротой железной машины. Не доросла еще техника до своего триумфа над природой. Рухнули все расчеты Гитлера, считавшего себя при наступлении на СССР в ином положении, чем Карл XII и Наполеон. Техника не справилась с пространством, где всесильно царствовала русская зима. Человек, приспособленный с детства к ее условиям, оказался сильнее машины.

Снежные завалы сровняли все неровности рельефа, замаскировали все непроходимые препятствия, и железные колонны танковых армий не могут развернуть свою всесокрушающую силу. Потерялось качественное превосходство немецкой армии, стал брать количественный перевес живой силы советских армий, обходивших по непроходимым дорогам главные стратегические сосредоточения немцев. Дороги запружены бездействующей немецкой техникой, а по мало проезжим путям ползут отступающие обозы и группы беженцев. По одному из таких путей, растирая снежное месиво, ползет и мой грузовик от Мариуполя в направлении на Большой Токмак. Наберет машина лошадиную скорость, спускаясь с горки, закачается на буераках и снова движется, как на быках, вот, вот станет.

Станет когда-нибудь и вся страшная машина войны, водрузится на боевых знаменах мир, и радость жизни возвратится к миллионам страждущих людей, и только мы, не знавшие покоя и радости на родной земле, не будем иметь их на чужбине, вдали от порабощенной родины. И хочется уйти в небытие, в туманящей сознание дремоте забыться от этих мрачных дум. Но грозный окрик многих людей выводит из полузабытья, а ставшая передо мной действительность кажется продолжением тяжелого сна или кадром из какого-то приключенческого фильма.

Толпа людей тесным кольцом сжала машину, десятки винтовок вскинуты на прицел в нашу сторону.

«Красные? — обдала жаром первая мысль от этого впечатления. — Нет, язык незнакомый, и форма иная. Кто же они?»

Многообразные черты этой массы людей как-то мгновенно слились в один общий облик, напомнивший мне одного из школьных товарищей, которого по сходству в обличии, вспыльчивости и жестокости характера определили при изучении народностей сходным с типом мадьяр и навсегда оставили за ним эту кличку. Да, это несомненно были мадьяры из разбитых и морально разложившихся частей венгерской армии.

Психология человека во время войны иная, измеряется иными категориями, чем в мирное время. Сознание национальной или личной самозащиты порождает состояние, когда рука тянется к оружию, не считаясь с последствиями, а если к тому же еще задета казачья гордость, тогда казак врагов не считает.

Ближайший из ревущей толпы мадьяр, вскочивший с пистолетом в руках в машину, получил удар рукояткой в переносицу и кубарем вылетел из кузова, к удивлению смолкшей толпы. Звериный рев смолк, как от удара бича укротителя. Перед мадьярами, выпрыгнув из машины и сбросив плащ, стоит казачий офицер. Со злобным любопытством смотрят многие десятки морально опустившихся людей на человека, дерзнувшего воспротивиться их разнузданному своеволию. Опусти глаза, и какой-то зверь бросится, а за ним и вся стая, ослабей воля, и кто-то из этой банды даст первый выстрел, а за ним сотни пуль изрешетят ставшего наперекор их низменным страстям.

— Кто командир?

В ответ ни звука.

— Кто старший?

Несколько голов повертываются в сторону стоявшего посередине высокого пожилого мадьяра.

— Ты старший? — показываю на него наганом.

— Я не могу им приказывать.

— Тогда переводи, что я им буду приказывать.

— Яволь! — ответил мадьярский офицер, видимо обрадованный хотя бы минутным восстановлением дисциплины в этой одичавшей орде, потерявшей воинское достоинство и честь солдата.

— Я — командир казачьей части, расположенной вот в том селе, что впереди в двух километрах. Приказываю вам восстановить воинский порядок и дисциплину. Все нарушающие впредь приказы вашего командира будут расстреляны казаками. Кто такие казаки, вам объяснит ваш командир. Прошу вас, господин офицер, построить колонну и двигаться в желаемом вами направлении.

Командир сбросил с плеч вторую шинель, блеснули давно не видевшие свет погоны, в команде зазвучали железные нотки приказа. Колонна начала строиться. Машина тронулась. На минуту опять послышались какие-то митинговые выкрики, по-видимому, решался выбор направления, и колонна, проламывая снег по пояс, взяла направление на село, стоящее в стороне от дороги.

Решили быть подальше от казаков. Решение вполне исторически обоснованное. Недаром же казаки наголову разбили венгерскую кавалерию в начале войны России с Наполеоном, считавшуюся лучшей легкой конницей в его армии. И потому неудивительно, что теперь венграм казалось легче ломать снежную целину, чем встречаться с казаками.

— Здорово ты их укротил, — сделал заключение полковник Беляевсков, вкладывая пистолет в кобуру.

12 февраля советские войска Юго-Западного фронта повели наступление с целью захватить переправы через Днепр у Днепропетровска и Запорожья. К исходу 17 февраля советские армии продвинулись на рубеж: Змиев, Красноград, Новомосковск, Синельниково, Красноармейское, Краматорск, Славянск и в дальнейшем почти прорвались к Днепру между Запорожьем и Днепропетровском.

— Слышна стрельба из пулеметов и противотанковых орудий. Немецкие части спешно отходят в направлении Запорожья, — ночью докладывает дежурный.

— Немедленно приготовиться к отходу.

— А может быть, подождать бы, — советуют старые казаки, — может, стрельба прекратится и утречком двинемся дальше.

— Один раз судьба спасла нас от неожиданного налета советских танков под Батайском, и второй раз не будем ее испытывать. Судя по звукам и световым отражениям боя, это тоже танковый рейд красных, идущий от Синельниково, с целью прорваться на Запорожье и прижать немцев к Днепру. Наша задача теперь: напрямик, по проселочной дороге успеть добраться до Днепра и переправиться через лед. Я останусь здесь еще с полчаса, чтобы убедиться в вашей безопасности. и постараюсь, вклинившись между немецкими машинами, переправиться через Днепр по плотине Днепрогэса. Жаль бросать нашу единственную машину.

Через десять минут село замерло в ожидании результата приближающегося боя. А за селом было видно, как противотанковая артиллерия немцев, развертываясь на полном ходу, становилась на позиции для обстрела наступающих советских танков. Мой грузовик, невольно очутившийся на линии обороны, как будто испугавшись создавшегося положения, внезапно остановился.

— В чем дело?

Шоферы, получившие огромную практику на советских машинах, больше находившихся в починке, чем в езде, быстро определили причину остановки. Сработался передаточный валик, запасного не было. Шоферы думают о том, что делать, а звуки боя все приближаются.

— Пойти в село надо, там в МТС, наверное, найдется какой-нибудь запасной или старый валик. Другого выхода нет. Один из нас пойдет с вами, а остальные останутся для разборки машины.

— Идем, Опряткин, — говорю ординарцу и одному из шоферов.

Невдалеке бой, а в селе еще больше чувствуется тишина, характерная для всякого места, покинутого властью и настороженного в ожидании чего-то неизвестного. И странным кажется, что какие-то голоса осмеливаются ее нарушить. Идем в этом направлении. У большого двора, обнесенного высокой огорожей, стоит кучка вооруженных людей в разношерстном одеянии, характерном для украинской полиции.

— Что там за митинг?

— Господин офицер, там идет митинг по вопросу: идти или отступать всей районной полиции с немцами или организоваться в партизанский отряд и действовать против немцев. Мы вот тут все раскулаченные, бывшие ссыльные, ожидаем еще своих и будем отходить с немцами, а там, на митинге, берут вверх коммунисты, специально оставленные НКВД для работы в тылу и проникшие в полицию.

— Все понятно. Надо их сейчас же разоружить и отправить в тыл.

— Не с кем, господин офицер, да и поздно. Слышите, какая пальба, красные вот-вот будут тут.

— Вы стойте здесь и никого не пускайте со двора. Разоружим мы.

— Господин офицер, вас только трое, а там не меньше ста.

— Это только кажется, что нас немного, за казаками всегда стоит многое множество. Если услышите стрельбу, дайте два-три залпа по окнам здания.

— Господин офицер...

— Слушай команду. К бою готовсь!

Полицейские взяли винтовки на руку. Поставлены на взвод автоматы, отстегнута кобура нагана, взведен курок кольта.

Входим в здание. Вот она, живая смесь страстей, одежд, оружия и лиц, готова взорваться от зажигательных слов оратора, типичного советского комиссара.

— На основании высказывания товарищей предлагаю на голосование следующую резолюцию: организовать советский партизанский отряд для действия в тылу немцев. Всех, кто не

присоединится к этому отряду, считать изменниками родины и немедленно расстрелять. Кто за эту резолюцию, поднять руки!

Еще не успели подняться руки голосующих, как весь ход митинга, дошедший до своего завершения, был нарушен и уничтожен только одним словом:

— Я против!

Все разом, как по команде, повернули головы в сторону говорившего.

Комиссар одной рукой оперся на пистолет, лежавший на столе, кожаная тужурка, как будто от гнева, сбугрилась на спине, но голова не повернулась в ту сторону, куда смотрели все.

— Кто? — пренебрежительно спросил он.

— Я!

— Кто ты? — повертываясь и подымая пистолет со стола, переспрашивает комиссар, еще не совсем веря тому, что перед ним стоит смертельный враг советской власти, стоит донской казак.

— Сдать оружие!

Секундную паузу, решающую для победы той или иной стороны, разрывают два выстрела из толпы вверх, как сигнал к неподчинению приказу.

— Клади оружие на пол!

Дуло моего пистолета стало на уровень с головой комиссара, два винтовочных залпа снаружи изрешетили окна здания.

Толпа закачалась из стороны в сторону, и как-то присела в ожидании новых залпов.

— Клади оружие!

Застучали бросаемые на пол винтовки. Сопротивление сломлено.

— Сосланные и раскулаченные, с оружием отойди в мою сторону!

Десятка три полицейских, спасенных от комиссарской расправы, с винтовками на изготовку стали возле меня.

— Выходите во двор и принимайте арестованных.

Обезоруженные партизаны вышли по одному во двор и построились в колонну.

— Гнать их этапом, как гоняли вас энкаведисты в лагеря Заполярья.

— Есть, господин офицер, — берет под козырек старший конвоя, — будут доставлены по назначению.

Колонна двинулась на Запорожье, а мы приступили к выполнению нашей цели. Шофер нашел на складе МТС два передаточных валика и отправился к нашему автомобилю, а мы с казаком, по указанию старого украинского деда, нашли пару запряженных лошадей, припрятанных полицейскими

для своих партизанских действий. Прибыв к своей машине с этой добычей и переложив на нее имущество, взяли направление на Запорожье. Два шофера, несмотря на опасность быть застигнуты красными, остались с машиной и продолжали ее ремонт.

— Не приказывайте нам бросать машину. В случае неминучей опасности убежим от красных с немцами.

Невдалеке от Запорожья нас стала нагонять тачанка, запряженная парой великолепных лошадей.

«Гнедой и золотистый, мои дончаки», — сначала обрадовала, а потом, при виде сидевших на тачанке немцев, обожгла тревожная мысль.

— Немцы забрали наше национальное сокровище, и я, казак, должен с этим примириться? Нет, этому не бывать! Кто бы там на них ни ехал, остановлю и отберу.

Идут два красавца размашистой рысью, яснее вырисовываются их формы, и слава Богу, что сходство их, по мере приближения, расходилось с моими дончаками. Один из множества конфликтов во взаимоотношениях казачества с немцами сегодня миновал и сменился радостью появления моей машины, исправленной под огнем наступающего врага.

— Бросайте лошадей, все в порядке, больше ломаться не будет.

— А кому же отдать лошадей?

— А вот там, за углом, сидят два пеших кавказца.

— Позовите их.

Два старых кавказца, несмотря на трудности и лишения эвакуации, не потерявшие свою гордую осанку и воинский вид, подошли к нам.

— Что изволите, господин офицер?

— Лошадей имеете?

— Никак нет.

— Вы отвечаете так, как будто служили в армии.

— Так точно, служили в первой мировой войне в «Дикой дивизии», вместе с казаками ходили в атаку на немцев, а теперь уходим с немцами от большевиков. Во время гражданской войны были у ген. Корнилова и тоже вместе с казаками били большевиков.

— Вот вам подарок от казаков. Берите эту пару лошадей.

— Покорнейше благодарим.

— Садитесь и спешите на переправу.

Справившись в комендатуре о переправе моего отряда через Днепр, вклинились в колонну немецких машин, идущих через плотину Днепрогэса.

Вот оно, одно из величайших гидротехнических сооружений в мире, построенное на костях порабощенных коммунизмом людей. С огромной высоты этого гигантского памятника миллионам умученных россиян, символа рабства, насилия и

бесчеловечности, виден остров Хортица (бывшая Запорожская Сечь), символ воли и свободы народа и человека. И чувствуешь, как этот, еле видный, серый островок вызывает ощущение, подобное тому, когда хочется снять шапку перед национальной святыней народа.

Теперь не пенятся бурной пеной пороги, скован могучий Днепр железной перепоной, а воля казачья все так же бурлит, как бурлила когда-то, и не одна казачья шапка обнажит чело потомков-запорожцев, идущих теперь через земли своих предков, где встает героический облик Тараса Бульбы. На героике казачества, воссозданной бессмертным гением Гоголя, воспитывалось не одно поколение казачества. Как нам недостает произведений о бессмертной героике казачества, покрытой забвением времени. О нас, казаках, писали больше иностранцы, чем русская история и литература и мы сами.

Фельдмаршал фон Манштейн, сосредоточив в районе северо-западнее Сталино 5 танковых дивизий 4-й армии и несколько дивизий у Днепропетровска, перешел в наступление и овладел Харьковом. Наступление советских частей на Запорожье прекратилось.

Надо было навести справки о местонахождении походного атамана.

В Запорожье находилась та же самая комендатура, что была в Ростове.В поисках этой комендатуры иду по главной улице города, читая всякого рода немецкие указатели.

— Херр Донсков!

Из остановившейся возле меня немецкой машины выходит ген. Киттель.

— Я здесь. Что вы желаете? Теперь я говорю по-русски немного больше и читаю ваши стихотворения. Приходите ко мне после полчаса. За углом моя комендатура.

— Благодарю, г-н генерал. С вашего разрешения, буду у вас через полчаса.

В комендатуре мое радостное настроение от встречи с генералом неожиданно сменяется страшной неприятностью и раздражением. Майор, помощник ген. Киттеля, объявляет мне распоряжение командующего Южным фронтом о направлении всех казаков на Херсон, в распоряжение штаба Белого — Духопельникова. Ближайшим пунктом этого штаба является Кривой рог, а представителем В. М. Одноралов. Мы со своим отрядом также должны следовать в этом направлении.

Как удары по голове воспринимались произнесенные майором ненавистные фамилии. Влияние ген. Клейста использовано чекистами в отношении казачества полностью. Атаман Павлов зажат советским наступлением куда-то в глухой угол

Днепра, а эти негодяи уже перерезали пути нашего движения и заняли территорию нашей деятельности по организации казачьей армии.

— Нет, этого не будет, и мой отряд, и все донское казачество подчиняется только распоряжениям походного атамана Павлова, избранного казачеством на Дону, и отменить это не смеет никто. Если мой отряд, против моей воли, будет отправлен на Херсон, то по пути я разгромлю представительство Одноралова в Кривом Роге и вступлю в бой с энкаведистами Белым и Духопельниковым в Херсоне. Распоряжение ген. Клейста приведет не к консолидации казачьих сил, а к междоусобной войне...

В это время вошел ген. Киттель и, видя меня взволнованным, строго спросил майора о сути дела. Майор стал объяснять.

— Что вы желаете? — как всегда, с доброжелательной улыбкой спрашивает меня генерал.

— Мое желание, господин генерал, есть желание всего донского казачества, чтобы в наши казачьи дела не вмешивался никто. Кто и почему посмел отстранить походного атамана Павлова и заменить его Белым и Духопельниковым?

— Что все это значит? — сурово спрашивает генерал майора.

Тот повторяет содержание приказа, подписанного ген. Клейстом.

Приветливое лицо старого генерала, всегда корректного даже с иностранцами, находившимися в его ведении, стало неузнаваемым от гнева.

— Не генерал Клейст, а я был на Дону, и я знаю только одного атамана Павлова, как знаю казачьего поэта Донскова. На подведомственной мне территории не будет никаких Белых и Духопельниковых. Выбросьте этот приказ в сорный ящик.

Я очень рад, — продолжал генерал, обращаясь ко мне, — что вы защитили своего старшего начальника. Это делает вам честь. Где теперь находится атаман Павлов?

— Атаман Павлов, как и я, имел направление на Запорожье, но был оттеснен наступлением советских армий и теперь вблизи Днепра, южнее Запорожья. Точное местопребывание его мне неизвестно.

— Я извещу вас о прибытии вашего атамана в Запорожье. Штаб его временно будет находиться здесь.

— Покорнейше благодарю, господин генерал.

Дальше всей силой своего гнева генерал обрушился на растерявшегося майора, еле успевавшего вставлять в его окрики свое виноватое «яволь».

Для меня было ясно, что начинается война не только

между казачьими штабами, но и сражение между немецкими генералами. И незадолгим мои выводы подтвердились жестокой действительностью, чуть не стоившей мне жизни.

Атаман Павлов в Запорожье. В приемной его квартиры меня встречает молодая девушка, черты лица которой явно свидетельствуют о ее родственном отношении к атаману.

— Казачка?

— Да.

— Настоящая?

— Да, — с улыбкой подтверждает молодая казачка.

И в этой утверждающей улыбке, казалось мне, сама краса степная из былей давних принесла привет и ласку казаку. И не слова ее служили утверждением, а тот огонь, что скрыт под сенью дрогнувших ресниц, огонь, в часы казачьего сполоха, над линией сторожевых курганов зажигающий костер. Игра изменчивой улыбки присуща всякой юной красоте, но Дону, нет, ты не изменишь никогда. Ты за него на жертвенник положишь и молодость, и красоту твою. Сгорят они в огне мучений и терзаний, но свет их правдой и величием святого долга пред отчизной засветится красой иною в твоих чертах, когда заплещет вольною волною наш возрожденный Тихий Дон.

Пробежали без слов эти мысли, оборвалось раздумье коротким вопросом:

— Вы к папе?

— Да, доложите, пожалуйста, о приходе...

— Знаю, знаю, садитесь, пожалуйста...

— Ну, слава Богу, — приветливо протянул руки походный атаман, — теперь наши пути сошлись и, надеюсь, больше не разойдутся никогда.

— На славу и на смерть!

— Да, так должно быть! Спасибо вам за вовремя оказанное сопротивление приказу генерала Клейста. Теперь мы имеем еще раз подтвержденное разрешение от немецкого командования на создание казачьей армии. Наш штаб прикомандирован к штабу генерала Кайпера, назначенного ведать делами организации казачества. Скоро наш штаб перейдет в Кировоград (бывший Елизаветоград). Поставим представителей штаба в Запорожье, Орехово, Пологе, Никополе и других городах. Немедленно выеду в Кривой Рог и прикажу Одноралову работать от нашего штаба или самоликвидироваться.

Не дали нам немцы возможность организованно вывести казачество с Дона, Кубани и Терека, и потому часть его принуждена была поступить в немецкие части, полевую жандармерию, кто куда мог, и вот теперь перед нами трудная задача: вытребовать все это у германского командования для направ-

ления в казачьи части. Наше казачье «царство на колесах» должно выделить из своего состава, превышающего всякие призывные нормы, необходимые контингенты для формирования армии. Все призывные возрасты казачьего населения, всеми способами спасавшегося от преследования советской власти и потому рассеянного по всей территории СССР, мобилизованы в Красную Армию, откуда мы должны призвать их в свою Казачью Армию. Единственным способом общения с ними является пропаганда через фронт и печать. Немецкая пропаганда, как вы знаете, не заслуживает доброго слова. В ней отсутствует национальный элемент всех народов, ими покоренных Казаки должны знать, что они, перейдя фронт, будут в ведении своего национального казачьего штаба, а не за проволокой лагерей военнопленных, где погибли миллионы людей, враждебно относившихся к большевикам. Для этого в нашем штабе должен быть организован мощный отдел пропаганды, находящийся в вашем ведении. Работы в штабе чрезмерно много, а руководителей слишком мало. Надо немедленно послать наших представителей для освобождения казаков из немецких лагерей военнопленных.

Работа наша чрезвычайно осложняется тем, что у нас в тылу действует пятая колонна, возглавляемая Духопельниковым, Сюсюкиным и Белым. Столкновение наше с ними неизбежно, и от этого зависит дальнейший ход казачьей истории нашего времени. Но подыскание способов ликвидации этой преступной организации дело очень сложное и сопряженное с большим риском. Мы имеем дело с бандитами, имеющими достаточное число пособников и действующими под покровительством такой важной персоны, как командующий Южным фронтом. Посмотрим, как будут развиваться события, и в зависимости от этого действовать в этом направлении.

Генералу Клейсту, командующему Южным фронтом, в функции которого входила организация казаков в районе Херсона и отправка их в Млаву, было безразлично, кто возглавляет казачество, ему нужны были послушные исполнители, а не национально мыслящие возглавители казачества, созидающие свои силы для утверждения государственного суверенитета казачества. Он сам убедился воочию в неисчерпаемых природных богатствах Кубани и Дона и понимал, что экономические вожделения Германии могут легко быть достижимы после победы через таких верных сатрапов, как полковник Белый и Духопельников, а от такого типа людей нельзя требовать высокой морали, и потому на все, что делают эти «представители» казачества, смотрел сквозь пальцы. А смотреть было на что.

На одном из домов захолустья Херсона висит покосившаяся, как от перепоя, вывеска: «Войсковой казачий штаб». Во дворе стоит, накренившись набок, трехколесная тачанка, а рядом с ней, схилившись наперед, застыла в немощном забытьи доведенная до предела истощения казачья лошадь.

В дежурной штаба, свалившись на скамейку от перегрузки самогоном, храпит безмятежным храпом хорунжий Семилетов. На столе, в изрядно потрепанной папке с задранными краями, хранятся дела штаба. По этой многозначащей оболочке можно легко представить, в каком порядке находится «штабная» канцелярия.

Все вкривь, все вкось, все должно идти под откос — таков стиль работы сего учреждения, назначение которого свалить под откос все дела казачьи и все казачество. Вот он и сам, начальник, идет то вкривь, то вкось, не глядя наперед, не видя окружающее. Серокаменная голова с белою щетиной, синие мешки под глазами, обрюзгшие щеки, отвалившаяся губа, мокрые остекленевшие глаза.

— Платон Михайлович! — окликает это ходячее чучело осанистый вахмистр, ставший навытяжку, но не решающийся взять под козырек для отдания чести столь непристойной персоне в форме полковника.

— Фу, черт, испугал!

Опухшие веки приподнялись, глаза уставились в одну точку, словно не «полковник», а баран смотрел на новые ворота.

— Это ты, вахмистр «С».

— Так точно. Вахмистр «С» явился к вам для службы казачеству.

— А-а, это мы сейчас... службу подыщем. Отведи вот эту клячу на базар и поменяй на самогон.

— Я не могу срамить свою казачью форму, бесчестить имя казака. Я пришел служить, а не добывать самогон.

— Не можешь? Что не можешь, пить самогон? Дурак, приходи завтра.

Завтра вахмистр «С» не пришел. Не пришел бы старый вояка, ловивший красного партизана на ростовском базаре, и в первый раз, да надо было воочию убедиться в продолжении провокационной работы Духопельникова и его компании. Через несколько дней он на докладе у походного атамана Павлова.

Бегут казаки из лагеря Духопельникова — Белого, чувствуя недоброе и видя неподобающее поведение начальства. Чаша казачьего терпения переполнялась.

В апреле 1943 г. состоялось совещание штаба походного атамана Павлова, на котором присутствовали представители штаба: полковник Попов В. Г. — представитель в Пологе, До-

манов Т. И. — представитель в Орехово. Представитель по Кривому Рогу — Одноралов В. М. приглашен не был, как перебежчик из одного лагеря в другой. На совещании был поставлен вопрос о ликвидации самозваного штаба Духопельникова — Белого. Необходимость пресечения этой провокационной организации, разлагающей казачество и подрывающей его исторический авторитет, была признана всеми. Походный атаман докладывал:

— Ход операции по ликвидации авантюры Духопельникова — Белого я представляю следующим образом: возглавляющий операцию произведет ревизию работы этих самозванцев, сделает выводы об их устранении и поставит на их место кубанского полковника генерала штаба Бедакова, бывшего атамана о2д0ного из отделов Кубани, что будет благоприятно воспринято кубанцами, являющимися там в большинстве. Сам полковник Бедаков провести эту операцию не сможет, так как, отсидев 12 лет в советских концлагерях, не обладает нужной волевой энергией, способной сломить сопротивление этих бандитов. Тут необходимы непреклонная воля, дерзновение, интеллект, стоящий на голову выше многих и многих, и эрудиция, способная противостоять напору командующего Южным фронтом немецких армий, генерала Клейста.

— Тут думать долго нечего, — говорит Т. И. Доманов, — всеми названными качествами обладает только один Петр Николаевич, ему и карты в руки.

— Что вы скажете, Петр Николаевич?

— Благодарю за комплимент. Я не намеревался предлагать кого-то, ибо и лютому недругу не посоветовал бы идти в эту западню, но, зная ваше тайное намерение, я отвечаю вам, Тимофей Иванович, той же любезностью, то есть предлагаю вашу кандидатуру. Если вы и не обладаете названными Сергеем Васильевичем качествами, то имеете другие преимущества, весьма сходные с талантами Духопельникова и Сюсюкина, что вам поможет дружески разрешить с ними стоящий перед нами вопрос. В случае неудачи вам легко ретироваться: «ворон ворону глаз не выклюет», — говорит пословица.

— Нет, Петр Николаевич, я с вами не согласен, — предупреждая возражения Доманова, заявил атаман, — нам нужна не разведка и не компромисс, а полный разгром противника. Взвешивая все «за» и «против» в проведении этой операции, я пришел к твердому убеждению, что это возможно поручить только вам. Если вы откажетесь, то мы покажем свое бессилие, чреватое тяжелыми последствиями для хода истории казачества, для нашего штаба и всех нас в будущем. Ехать к ним мне самому нельзя потому, что может быть нанесен ущерб атаманскому авторитету.

Я отдаю себе полный отчет в создавшемся положении. Мы ведем борьбу с опытными энкаведистами, которые пустят в

ход испытанное коммунистическое оружие: ложь, клевету, провокацию, убийство из-за угла, отравление... Едущий для их разгрома может иметь с собой не более десятка человек, а они располагают многими сотнями людей, которые по своему неведению выполнят их провокационный приказ, подтвержденный генералом Клейстом. Кроме того, они работают в гестапо и поэтому могут устроить провокацию в этом направлении. Словом, они вооружены до зубов со стороны Советов и немцев. Связи Духопельникова и генерала Клейста неразрывны в силу неограниченного влияния одной особы на помощника генерала Клейста, говорящего по-русски. Поэтому никакие наши национальные доводы на него не подействуют, и его жандармерия всегда придет на помощь этим провокаторам. Генерала Клейста надо бить только связями его с коммунистами, это единственное его уязвимое место.

— Вот тут-то вам действительно карты в руки, — убеждал атаман, — потому, что в борьбе с пятыми большевистскими колоннами на Дону вы проявили себя как наибольший авторитет среди нас всех, и с этим немцы, несомненно будут считаться в предстоящей схватке. Вы в неказачьем городе, свергнув большевистских ставленников, казачью власть установили, что мы не смогли сделать в нашей столице Новочеркасске. История вознаградит вас за ваш подвиг во имя чести казачества и предоставит вашему перу картины, достойные для воспроизведения в назидание поколениям. Ваше слово.

— В борьбе обретешь ты право свое — таков древний афоризм, наиболее близко стоящий к казачьей истории. Совещание окончено.

— Сколько казаков вы хотите взять с собою? — спрашивает атаман.

— Возьму из своего отряда человек пять-шесть.

— Маршрут такой: до Кривого Рога по железной дороге, там возьмете у представителя грузовик и на нем с конвоем — до Херсона. Через час будут готовы командировочные документы, заверенные генералом Кайпером.

— Вот, Сергей Васильевич, возьмите эти документы выданные полковником Белым коммунисту Устинову, как представителю Кубани на Дону. Если понадобится помощь, пустите их в действие.

— Все наши силы и средства будут пущены в действие для победы на внутреннем фронте казачества. С Богом!

Сильна интуиция любящей женщины, неотразима логика ее суждений.

— Неужели никому, коме меня, тебя не жаль? Почему посылают тебя, еще не совсем оправившегося после болезни, прямо в пасть к красным чудовищам? Почему нас, всю жизнь

гонимых советской властью, подвергают новым испытаниям? Я не огорчала тебя слезами, когда ты шел в бой, так же как не плакала твоя мать, благословляя тебя на участие в первом восстании на Дону в 1918 г., и радовалась радостью нашей победы. Но в этот раз твоя подруга жизни должна еще раз повторить: почему ты обязан безоружный идти в звериное логово и укрощать их только силой твоей жертвенности во имя Дона? Кто пойдет, жертвуя собой, выручать тебя из когтей красных зверей? От казачества все скроют старшие, одни умыв руки, как Пилат, а другие будут радоваться, как Доманов, и только казачата, тебя сопровождающие лягут костьми за тебя, но все это будет напрасной жертвой.

— Ты права. Все это знаю, вижу все, и не надеюсь я ни на кого, а только на судьбу свою. Ее предчувствие меня ни разу не обмануло. Спокоен я, и будь спокойна ты. Все будет хорошо, и возвращусь я не «на щите, а под щитом». Все мы, стоящие на вершине казачьей власти, рано или поздно предстанем перед лицом истории, и жалок будет тот, в ком совесть не чиста. Я рад, что меня будет сопровождать молодежь, она будет потом всю жизнь рассказывать о делах старших. Посмотри, как мчится вон один из них на золотистой красавице.

— Зоренька! — воскликнула жена.

Золотистая мгновенно оборвала свой бешенный бег, раздва, стала на дыбки, как бы приветствуя своих покровителей.

— Как же ты расстанешься с Зоренькой?

— Отец ее любит не меньше чем я, он за ней и присмотрит.

— Эх, Зоренька, Зоренька! — как-то печально потрепала по шее золотистую красавицу жена.

Поезд набирает скорость.

— Прощай, Запорожье, а то, может быть, и не увидимся больше, — бросает шутку молодой казак.

— А с Галькой ты распрощался?

— А как же, все как полагается быть по уставу.

— Дюже плакала?

— Да так же, как и твоя Марусенька.

Поезд, как загнанная лошадь, тяжело отдувается на остановках.

— Глянь, ребята, сколько тут всяких Галей, а ты, Мишка, по одной расплакался.

А в ответ ему, покрывая неистовое шипение паровоза, тончайший лирический тенор несет в пространство грусть разлуки.

— Э-э-эх ты, Галя, — зовет свою любимую голос запевалы.

— Галя молодая, — подхватывают, усиливают и несут куда-то далеко, далеко призыв юности и безмятежной радости к счастью шесть молодых голосов.

— Наши, наши! — замахали узорными платками девчата.

— Эх, пойдем-ка, Галя, с нами, казаками, — манят задорные казачьи голоса.

— Мы полюбим Галю, Галю молодую...

— Я поеду с вами, с вами казаками, — отвечает чернобровая красавица, а за нею весь девичий хоровод повторяет:

— Мы поедем с вами, с вами, казаками.

И все смешавшись, девичьи и мужские голоса:

— Мы поедем с вами, с вами, казаками, мы поедем с вами, вами хоть куда...

Проясняются угрюмые лица немецких солдат, ревет помолодому старый паровоз, вспоминая о своем прошлом, не пыхтит тяжело, а молча мчит в никому не известную даль жизни.

В Кривом Роге привели в должный вид полковника Бедакова. На нем еще были «чоботы», в которых он пришел из советской ссылки. Вся одежда его была в стиле этой каторжной обуви. Немецкое обмундирование хотя и не к лицу было старому кубанскому казаку, сроднившемуся с кавказской черкеской и бешметом, но иных возможностей не было. Он както неловко озирался на серебряные погоны с двумя полосками, как будто не совсем доверяя их назначению. За двадцать лет советского плена и каторги не мудрено отвыкнуть от самого себя, а не только от погон.

Предоставленная в мое распоряжение грузовая машина готова к рейду. В кузове расположились мои казаки и полковник Бедаков, в кабине — шофер и я. Шофер дает сигнал к отправке.

— Подождите, возьмите меня с собою до Херсона! — запыхавшись от бега, взмолился кубанский есаул Новиков.

Знал я, к какой моральной категории относится этот субъект, но слаба бывает человеческая натура, когда ее о чем-нибудь умоляют.

— Садитесь.

Весенний теплый ветерок высушил степные дороги, и кати по ним, куда хочешь, не связывают твое направление асфальтовые и шоссейные дороги. Не обзавелась ими советская власть, обгоняя Запад. Босому по бездорожью легче участвовать в мировом состязании на первенство народного благосостояния.

Когда-то по этим равнинам шли татарские орды в набеги на Дон, на окраины России, а с Дона казаки отвечали набегами на Крым. И будто эти мысли вызвали видения далекого прошлого. Вдали показалась движущаяся масса конницы, по мере приближения вытянувшаяся в колонну, идущую навстречу нам по параллельной дороге.

— Полк?

— Больше.

— Бригада?

— Больше, дивизия.

— Чья?

— Конная буденная, — шутит молодой казак.

— Шутки-то, брат, шутки, а кони-то донские.

И в самом деле, легкость очертания каждой лошади, каждой части ее контура и общая картина всей лошадиной массы имели поразительное сходство с донскими лошадями.

— Может быть, и в самом деле красные?

Но вот угол зрения выпрямился, контуры стали вполне ясными.

— Венгры! Венгерская дивизия. Это лучшие кавалерийские лошади в Европе, уступающие только донским, более крупным и сильным по сложению. Даже татарские ханы признавали, что их знаменитые лошади уступают этим замечательным лошадям. А венгерских воинов они считали очень жестоким и храбрым противником. В войсках Наполеона они считались лучшей легкой кавалерией, которую разгромила лучшая в мире кавалерия — донские казаки.

— А вон и птичья авиация!

Треугольник за треугольником идут в небе стаи журавлей и казарок.

— А вон, глянь сюда, дудаки ходят.

— Вот гуси, так гуси!

— Разрешите пальнуть по дудакам.

— Птица так же, как и мы, любит свою родину, тянется к ней из последних сил, и убивать ее, ради забавы, не следует.

— А песню сыграть можно?

— Пойте. Поете вы хорошо. Пойте всегда во всех случаях жизни и в горе, и в радости.

Словно птицы в небе, неумолкаемо гомонила молодежь, пели песни, и даже кто-то умудрился попробовать выбивать чечетку. А старики кубанцы, полковник и есаул, под гомон молодежи, тихо беседовали о своих кубанских делах.

— Вы что же, господин полковник, как и я, пассажир до Херсона?

— Нет, я командирован походным атаманом.

— А там, в Херсоне, другой казачий штаб, во главе с Белым и Духопельниковым.

— Для ликвидации этого штаба мы и командированы.

— А кто же будет снимать их с поста?

— Помощник походного атамана Павлова П.Н. Донсков. Самозваный штаб в Херсоне будет упразднен, место его займет отделение штаба походного атамана, и я, как представитель, возглавляю это отделение.

— Гм... А как же полковник Белый?

— Он советский полковник, коммунист, и это не делает чести казакам, если они имеют такого возглавителя. В то

время, когда большая часть кубанского казачества была растерзана красными, во главе с Кагановичем, он проходил коммунистический стаж, стыд и позор.

— Но, может быть, теперь он изменился?

— Честный человек не станет добиваться власти, если он дискредитирован в глазах казачества своим пребыванием в коммунистической партии. Вы говорите: может быть, он изменился. Вспомните старую пословицу: «Скажите, кто ваши друзья, и я скажу, кто вы таков». Почему у него тесная дружба с Духопельниковым, определенным чекистом? Что общее их связывает? Почему у него вражда к атаману Павлову?

— Может быть, это просто борьба за власть?

— Бороться за власть значит бороться за восстановление казачьего национального права, и потому борьба должна быть с немцами, а не со своими братьями казаками. Атаман Павлов подал немецкому правительству Казачью Декларацию еще на Дону, освятил ее кровью павших на родной земле за казачью волю, за казачье право, и теперь он собирает казачью армию, а не вспомогательные отряды для немцев. Духопельников и Белый не ставят никаких национальных целей, они превращают казаков в прислужников немцев и даже одним этим фактом деморализуют казачество. Атаман Павлов же считает участие казачества в этой войне как Вторую войну казачества с большевиками, являющуюся продолжением гражданской войны за воссоздание казачьего правопорядка, изложенного в казачьих конституциях, и в этом он глубоко исторически прав.

— А как же вы, кубанец, поступили в распоряжение Донского атамана?

— Штаб казачьих войск должен быть один, и возглавлять его должен походный атаман от старшего войска, каковым является войско Донское.

— Но атаман Павлов еще сравнительно молодой и чин у него малый.

— Дело не в чинах. Казаки во все времена с чинами и положением не считались при выборе атамана. Выбиралась умная голова казачья, а не декоративная мишура. Так было и во время гражданской войны. Разве вы не знаете, что зачастую командовали младшие офицеры, способные командовать, а старшие по чину офицеры были у них в подчинении? К тому же теперь с чинами такая неразбериха, которую и разбирать некому, да и не следует. Все наше чиновное прошлое является достоянием истории, а теперь настало время действия, и каждый должен показать себя, на что он способен, а не на что претендует. Человек украшает место, а не место и не погоны украшают человека. Атаман Павлов образованный человек, глубоко понимающий свое назначение в эпоху возрождения казачества, и в расцвете своих сил.

— Ну, вот и Херсон. Я дорогу к штабу знаю. Езжайте вот так... Тут недалеко. Вон там квартира Духопельникова. Да, кажется, вот он и сам идет.

Поравнявшись с Духопельниковым, машина остановилась.

— А-а, Петр Николаевич! К нам?

— Да, к вам.

— Отвести на квартиру?

— Спасибо, квартиру я имею.

— Ну, устраивайся и приходи к нам вечерком, погуляем.

— Спасибо. Сегодня не знаю, а завтра погуляем.

— Приходи, приходи, кутнем.

— А я к вам с полковником Белым в гости, Платон Михайлович, — уже не скрывая цели своего путешествия, заявил есаул Новиков.

— А-а, старый приятель, пойдем погуляем.

— Одного поля ягода, — проворчал старый полковник, может быть, только теперь начиная сознавать, что он преждевременно выболтал цель вашего приезда.

После долгого блуждания, так как не хотелось спрашивать у Духопельникова, нашли квартиру полковника В. А. Беляевскова, с которым наши пути разошлись под Запорожьем.

Полковник Бедаков и мои казаки расположились в соседнем доме, а я остался у своего станичника полковника Беляевскова.

— Ты, конечно, спросишь, зачем я пожаловал?

— Догадываюсь.

— Приехал пожаловать за «добрые» дела Духопельникова и Белого.

— Ну, уж, брат, дела так дела!

— Значит, верно, что доносили о них атаману?

— Что же от них можно ожидать хорошего. Ты же их сам знаешь. Как были негодяи, провокаторы, так и продолжают свою деятельность.

— А что же думает генерал Клейст?

— Эти авантюристы играют на его тщеславных вожделениях, уверяя, что они приведут в его подчинение все казачество теперь, а в случае победы немцев перед ним открываются заманчивые перспективы использования богатейших казачьих земель для процветания великой Германии. Словом, дурят старого генерала, а сами делают свое провокаторское дело.

— Штаб походного атамана Павлова так же констатирует создавшееся положение, связывающее свободу его действий, и пришел к выводу, что рано или поздно придется разрубить этот узел большевистских и немецких устремлений, и вот теперь на мою долю выпала обязанность провести эту операцию.

— Это тебе делает честь, да и прямо надо сказать, больше и некому было бы взять на себя эту обязанность. Они боятся

и считаются политически только с тобой. Прямо они против тебя не выступят, но от них нужно ожидать всякой провокационной диверсии. Они могут спровоцировать против тебя и самого генерала Клейста, находящегося под влиянием своего майора, в свою очередь, подчиненного одной даме, играющей одну из главных ролей в их провокаторской среде.

Разговор на тему моего приезда продолжался и во время ужина, после чего стали укладываться спать. Но еще не успел сон побороть дневные впечатления, как раздался сильный стук в наружную дверь дома.

— На всякий случай оденься, — торопливо подошел к моей кровати Василий Арсентьевич, — от этой банды все можно ожидать, а я пойду посмотрю в окно.

Стук нарастает.

— Немецкие жандармы. Много их. Открывать?

— Открывай.

Один пистолет я положил перед собой на столе, другой, сам не знаю по каким соображениям, на подоконнике.

Застучали подковки немецких сапог, и повелительный голос отчетливо произнес мою фамилию.

— Входите.

Немецкие жандармы, во главе с офицером, заполнили комнату. Автоматы направлены во все стороны.

— Ваша фамилия господин Донсков? — вздернув вильгельмовские усы кверху, спрашивает жандармский офицер.

— Да.

— Вы казачий офицер, приехавший из Запорожья от атамана Павлова?

— Да.

— По распоряжению генерала Клейста вы арестованы. Сдайте оружие.

— Я вам не враг и капитулировать не собираюсь. Возьмите сами, — указал я на пистолет.

— Следуйте за мной.

Жандармы сомкнули кольцо, автоматы коснулись моей шинели.

— Господин гауптман, я должен сопровождать моего гостя. Здесь произошло явное недоразумение. Я удивлен приказом генерала Клейста.

— Кто вы такой?

— Я — донской казак, полковник Беляевсков.

— Относительно вас у меня нет никаких распоряжений, и потому вы не можете ехать с арестованным.

— Тогда я пойду пешком вслед за вами.

— Хорошо, если вы так хотите, я возьму вас с собой на моем автомобиле.

Вот он и «черный ворон», только окраска и форма другая, а направила тебя та же чекистская рука, как и в Советах. Эх

ты, судьба казачья! Видно, не раз над тобою витал черный ворон, если и в песне поется: «Ты не вейся, черный ворон... я казак еще живой». Да, я казак еще живой, еще посмотрим, кто кого. Видно, большой почет оказал командующий Южным фронтом Клейст посланнику Донского атамана, устроив ему эскорт из 12 жандармов.

Трясется «ворон» на многолетних ухабах советского шоссе, а мысли ползут тоже по советским ухабам. Там — произвол диктатора и приверженных ему генеральских вельмож.

Опять сомкнулось кольцо автоматов и дула коснулись шинели. Ведут по высоким ступеням в загородный дворец одного из будущих правителей дважды покоренной партийными варварами России.

По команде остановились посредине большого зала. Офицер отдал рапорт генералу, стоявшему в позе ментора, приготовившегося к экзекуции. Короткая команда, и кольцо автоматов разомкнулось. Лицо экзекутора отразило быструю смену его настроений. Озлобленность на террориста, дерзнувшего, судя по доносу, вторгнуться на подведомственную ему территорию с целью схватить и расстрелять его ставленников Духопельникова и Белого, сменилась растерянностью и недоумением. Где же этот террорист, которого он представлял каким-то чудовищем, наподобие того, как представляла немецкая пропаганда казаков варварами, грызущими живых детей, во время первой мировой войны. Перед ним стоял человек небольшого роста, с мягкими чертами лица и открытым взором, смело говорящим: мне скрывать нечего.

— Это вы офицер штаба полковника Павлова?

— Да, господин генерал.

— К кому и зачем вы сюда приехали?

— Господин генерал, пока я нахожусь под стражей, я не стану отвечать ни на один ваш вопрос. Прикажите страже удалиться.

— Как вы смеете так дерзко говорить со мной, германским генералом!

— Вы мне не начальник, и я вам не подчиненный!

Жандармы, никогда не слыхавшие ничего подобного, округлили глаза от страха, что присутствуют при разговоре, унижающем авторитет их генерала.

— Вег (вон)! — заорал генерал неизвестно на кого: на меня или на жандармов. И так как окрик не являлся командой, то все остались на месте, а генерал опустил голову и молчал. — Уведите стражу, — приказал он жандармскому офицеру. — К кому и зачем вы сюда приехали?

— К вам, по поручению походного атамана Павлова.

— Так ли это?

— Прошу, господин генерал, ознакомиться с содержанием моих документов.

По мере углубления в содержание читаемых документов лицо генерала морщилось, а усы щетинились.

— А почему тут подписан и генерал Кайпер? Какое он имеет отношение к штабу атамана Павлова?

— Генерал Кайпер назначен германским командованием ведать вопросами организации казачьей армии и оказывать содействие штабу походного атамана.

— Ведаю казачьими делами от германского командования только я один, — загремел на весь зал рассвирепевший генерал. — Как он смеет вмешиваться в мои дела?

Мои верительные грамоты полетели по столу.

— Вы приехали сюда расстрелять полковников Духопельникова и Белого, мне это известно. Я прикажу вас расстрелять за нарушение законов военного времени, — все больше багровел генерал.

— Я вам не подсуден, господин генерал, и не подвластен. За террор, учиненный надо мной, вы ответите перед германским правительством.

— А кому же вы подвластны? — мешая гнев с язвительностью, медленно, с остановкой на каждом слоге, спрашивает генерал.

— Только своему походному атаману.

— Какому?

— Походный атаман у казачества только один — полковник Павлов.

— Кто его сделал атаманом?

— У казаков атаманов не делают, а избирают.

— Ваша дерзость германскому генералу не останется без последствий.

— Я вам, господин генерал, не подчинен. Я — посланник походного атамана, и ваша клевета на меня и самочинный акт моего ареста не останутся и для вас без последствий.

— Вот ваш атаман, — показал он на высунувшегося из боковой двери Духопельникова.

— Это энкаведист, его кличка «Диск». Проклятый гробокопатель казачества!

Майор из штаба генерала, выступавший в качестве переводчика, преградил мне дорогу к Диску.

— Вот, вот, теперь я вполне убежден, что вы действительно приехали расстрелять полковника Духопельникова и полковника Белого.

— Если бы я приехал их расстрелять, то они были бы уже расстреляны. Эти негодяи и подлые трусы побоялись встретиться со мной и разрешить наши дела по-казачьему. Они предпочли наклеветать на меня и спрятаться за вашей спиной. Отойдите, господин генерал, от наших казачьих дел. Со мной приехало только шесть казаков, на сборном пункте у вас несколько сот. Пусть казаки сами решат, кто из нас прав.

— Как вы? — оглянулся генерал в сторону Духопельникова и, видя бегство своего союзника с поля сражения, перешел в еще более яростное наступление. — Я прикажу вас расстрелять немедленно, сейчас же.

— За произвол по отношению посланника походного атамана, за незаконный расстрел, за связь с коммунистами вы так же будете расстреляны вашими высшими политическими органами. Об этом позаботятся и ваши германские генералы Кайпер и Киттель.

— Генерал Киттель? А откуда он вам известен?

— По совместной борьбе с коммунистами на Дону, в то время когда вы покровительствовали коммунистам на Кубани.

Я видел, как от каждой моей фразы голова генерала, как от ударов по лицу, отталкивалась назад. Он задумался и, по-видимому, искал новую аргументацию для продолжения наступления.

— Ввести их, — кому-то скомандовал он.

Шесть молодых казаков, отбивая шаг, как на параде, не глядя на окружающих их жандармов, без команды взяли равнение в мою сторону.

— Это ваши люди?

— Да, господин генерал, это мои казаки.

— Что это за форма?

— Донская казачья форма.

— А почему они так недисциплинированны?

— Это образцовые казаки.

— Они не пожелали отвечать на мои вопросы. Как это называется?

— Это называется достоинством донского казака, оберегающего авторитет своего непосредственного начальника. В этом случае они не нарушили дисциплину, а вы, господин генерал, нарушили правила субординации, одинаковые для всех армий. Вы не имели права допрашивать их без разрешения их непосредственного начальника, коим, в данном случае, являюсь я, тем более что вы не следственный орган, а они не преступники. Я горжусь этими молодыми казаками, защитившими честь донского казака.

Казачата, как будто подтверждая мой ответ, еще больше подтянулись, казалось, стали еще стройнее, а гордый взгляд их стал еще смелее.

Генерал не ожидал такого удара неоспоримым фактом его антиморального поступка. Последовала длительная пауза, подобная тому, как наступает вынужденная тишина, когда противник расстрелял все свои снаряды и наступление его захлестнулось.

— Отведите их, — тихо приказал он офицеру.

Казачат увели.

— Вы хотите поехать в Берлин? — меняя грубый тон на более дружелюбный, обратился ко мне генерал.

— Несомненно.

— А для чего бы вы туда поехали?

— Чтобы доложить кому следует, кем вы себя окружили.

— Я вам предлагаю службу, а вы мне отвечаете диверсией. Я всех казачьих офицеров отправляю в Берлин на отдых, вот и вам предлагаю.

— Покорно благодарю, господин генерал, но воспользоваться вашим предложением не могу, пока не выполню приказ походного атамана об устранении от казачьих дел Духопельникова и Белого.

— Значит, будем продолжать воевать?

— Как вам угодно, господин генерал. Приказ атамана я должен выполнить при всяких обстоятельствах.

— А сколько у полковника Павлова офицеров и казаков?

— Без разрешения атамана я не могу отвечать на подобные вопросы.

— У нас открылась офицерская школа в Млаве, а у вас при штабе школы нет.

— Офицерская школа в Млаве готовит офицеров для казачьей дивизии, под командованием генерала фон Панвица, в которой все командиры — немцы и офицеры штаба тоже немцы, что атаман Павлов не допускает в казачьей армии. Немцы могут быть инструкторами, но не командирами. Через месяц при штабе походного атамана открывается офицерская школа с преподавательским составом из немецких и бывших советских академиков. Будет открыта и школа танкистов.

— Я предлагаю закончить наше сражение миром. Оставайтесь у нас и работайте с полковником Духопельниковым и полковником Белым.

— Если вы, господин генерал, хотели нанести оскорбление, предлагая донскому казаку сотрудничать с врагами казачества, то это не делает вам чести.

— Тогда я вас все-таки расстреляю! — взорвался, как склад со снарядами, окончательно потерпевший поражение генерал.

— Моя подпись стоит рядом с подписью походного атамана на Казачьей Декларации, на основании которой теперь германское правительство разрешило атаману Павлову организовывать казачью армию, и потому, господин генерал, ваши незаконные репрессии против меня будут иметь не менее роковые последствия для вас.

— Взять его! — командует генерал.

Опять сомкнулось кольцо жандармских автоматов. В вестибюле, в другом автоматном кольце стояли мои казаки. Тут же ожидал полковник В. А. Беляевсков, которого не допустили на допрос. Он, демонстративно отстранив жандармов, вошел в круг и взял под козырек.

— Отдаю тебе, нашему казачьему соколу, честь. Слышал, как ты обил крылья этому старому ворону генералу, так и надо, пусть не лезут в наши казачьи дела. Горжусь тобою, мой дорогой станичник!

Два казачьих офицера и молодые казаки в кругу немецких жандармов, в гордом сознании исполняемого национального долга, отдавали честь родному Дону.

Опять «черный ворон» везет меня и казачат моих в неизвестную темень ночи, может быть, туда, куда он возит в последний раз.

Видно, одинаково черна совесть у всех полицейских органов тоталитарного режима. Только ночью кружит «черный ворон» над обреченной жертвой. Выбросил и нас он из своих когтей до рассвета за решетки какой-то подсобной тюрьмы. Для меня — одиночка, через коридор, напротив — общая камера для казаков.

Тюремные заведения, полученные немцами в наследство от большевиков, сохранили свой внешний и внутренний облик. Поломанная железная кровать и рваный матрац — единственная мебель, украшающая эту обитель для неверующих в коммунизм и нацизм.

Сколько нерадостных дум заключенных таят эти мрачные стены, сколько горя унесли отсюда узники в земное небытие. Оставила и моя молодость в советской тюрьме пять лучших своих лет.

Проклятый шваб! Он думает сломать мою волю, повернуть мое сознание и сделать из меня покорного «унтерменша». Сколько миллионов подсоветских людей, бросив оружие, шло к вам навстречу, зная, что им угрожало сталинское возмездие, как и над военнопленными в финляндской войне, расстрелянными НКВД, считая вас освободителями, и что же вы с ними сделали? На их костях вы вырастили ненависть к вам, как иностранным поработителям, и теперь братья погибших, забыв о внутреннем враге, идут на вас в штыки. Наше моральное оправдание за общение с вами — святая обязанность спасти своих собратьев из гитлеровских лагерей смерти. Гитлеровские выродки из среды старого генералитета, наподобие генерала Клейста, породили партизанское движение в тылу армии. Мы, казаки, становимся необходимыми для подавления этого движения, использованного коммунистами в своих целях, потому что немцам война в тылу, в лесах и бездорожье не под силу. И будь Россия не большевистская, а национальная, казачья армия с огнем и мечом гуляла бы теперь по немецким тылам. Вынес казак советскую каторгу, вынесет и ваши пытки, но волей иль неволей вы будете должны признать казачью самостоятельность, ибо казачество — совесть

народная всего 200-миллионного населения России, не запятнанная общением с коммунизмом. И на чьей стороне будет этот символ народной воли — там и правда. Сталин, для своего оправдания перед подымающимся национальным движением, принужден искусственно создавать казачество, принудит и вас история воздать казачеству должное. Ни кандалы стальные, ни решетки тюремные не удержат полет казачьей воли.

— Сижу за решеткой в темнице сырой, — отвечает на вольную думу казачью тоскующий голос молодого казака.

— Мой грустный товарищ, махая крылом, — усиливает тоску второй голос.

— Как будто задумал со мной он одно... — общую думу о воле передает третий голос.

— Манит меня взглядом и криком своим и вымолвить хочет: давай улетим, — не в силах сдержать порыв своих чувств, рвутся молодые голоса туда, где синеют родные края, несут они чувство и думу казачью к просторам плененной казачьей земли.

В обеденное время в мою камеру, вместе с часовым, вошел Николай со свертками в руках.

— Выдали немецкий паек. Михаил сбежал. Не велят разговаривать с вами, — скороговоркой отрапортовал он и сейчас же вышел с часовым.

Известие о бегстве одного из моих казаков подало надежду, что о нашем аресте станет известно походному атаману и тогда будет введен в действие генеральский резерв. Начнется междоусобная война немецких удельных князей за право владеть и княжить над казаками. Эти мысли не коснулись благородной личности генерала Киттеля, искренно расположенного к казачеству, хорошо известному ему из военной истории и практики первой мировой войны. Он, старый генерал, воспитанный на идеалах и доблести рыцарских времен, глубоко уважал степное рыцарство, единственно осмелившееся вступить в борьбу с колоссальным большевистским государством. Ну, что будет, а воевать нам не привыкать.

Едва ночные крылья коснулись земли, как «черный ворон» снова доставил меня в гнездо хищников генерала Клейста.

В том же зале и в той же позе стоял мой злобный инквизитор, уставив взгляд в мою сторону.

— Ну, что, передумал?

— Да, много передумал.

— Именно?

— Думал я о том, как вы помогаете большевикам создавать партизан, как способствуете Сталину одержать победу над вами...

— Что-о-о? Вы не смеете касаться нашей высшей полити-

ки! Я спрашиваю вас в последний раз: принимаете вы мое предложение служить у меня или нет?

— Мы создаем казачью армию не для службы кому-нибудь, а для продолжения нашей войны с большевиками.

— Вы будете создавать армию с полковником Духопельниковым и полковником Белым?

— Нет!

— Тогда я обвиню вас в терроре над ними и вы будете расстреляны.

— Я обвиняю вас, господин генерал, в соучастии с коммунистами по подрывной деятельности против германских вооруженных сил и дискредитации казачества.

— Что-о-о! — чуть не подпрыгнув от гнева, заорал генерал и как будто потерял дар речи.

— Таких офицеров надо расстреливать, — подоспел на выручку генералу быстро вошедший кубанский лже-атаман Белый.

— Таких советских комиссаров, как ты, мы, казаки, будем расстреливать!

— Чт-о-о? Каких комиссаров? — снижая гневный тон, спрашивает генерал.

— Таких, как Белый! Это он послал к нам в Ростов своего представителя, коммуниста Устинова, командовавшего советскими карательными отрядами. Устинов арестован немецким командованием, а его документ, подписанный Белым, находится у походного атамана Павлова и будет пущен в действие, как только один из моих убежавших казаков доложит о моем аресте.

— Что все это значит? — сгибаясь от тяжести обвинений, спрашивает неизвестно кого генерал.

— Спросите свидетеля, — подсказывает растерявшемуся генералу Белый.

Из-за спины Белого нерешительно показывается есаул Новиков, открывает рот, как задыхающаяся рыба, и что-то пытается сказать.

— Пошел вон, негодяй!

Новиков согнулся как от пинка в неподходящее место и опять скрылся за спиной Белого.

— Вот, вот, еще свидетель, — показывает Белый на сидящего в стороне полковника Бедакова, хватаясь за последнюю возможность подтвердить свою провокацию.

— Подтвердите, полковник Бедаков, что Донсков приехал нас расстрелять, — шипяще приказывает Белый.

— Я не прибавлю ни одного слова к ранее сказанному мною.

Старик, под тяжестью произвола, о котором он даже не мог подумать, зная генералов немецкой армии как людей высокой морали, носителей офицерской этики, осунулся, как от

тяжелой болезни. Впечатления, сходные с пережитыми за 12 лет советской каторги, сломили старого казака. Он безучастно смотрел на все происходящее.Белый, проиграв генеральное сражение, не знал, как ему ретироваться.

— Платон Михайлович, — крикнул он куда-то за кулисы генеральской сцены, — иди же, подтверди хоть ты.

Но Духопельников, непревзойденный мастер всякой провокации, проводимой тихой сапой, совершенно терялся в словесной перепалке и, зная эту слабость, отсиживался в тылу.

Генерал Клейст, исчерпав все свои резервы, опять прикрыл свое отступление дымовой завесой.

— Расстреляем! Расстреляем! — пускал он последние артиллерийские снаряды уже по недоступной для него цели.

Белый, воспользовавшись этим прикрытием, поспешно отступил в направлении ставки Духопельникова.

— Взять его! — бешено, остервенело загалопировал генерал, как будто готовясь к кавалерийской атаке.

— Только что легли мы спать, как нас оцепили немецкие жандармы. Я успел выскочить во двор и перемахнуть через забор в соседний двор. Видел, как всех ребят посадили в крытый автомобиль с решетками. Вторая такая же машина подошла к квартире полковника Беляевскова, и оттуда вышел П. Н., окруженный жандармами. Хотелось полоснуть по жандармам из автомата. Кабы ребят врасплох не забрали, не дали бы мы им Петра Николаевича. Куда, думаю, бежать? По железной дороге — поймают. Пошел на шоссе. Прицепился на немецкий грузовик, а потом на другой, на третий, так на перекладных и добрался до вас, — рассказывает прибежавший из Херсона казак. — Теперь пойду рассказать жене П. Н., а вы мне приготовьте коня. Поеду доложить походному атаману.

— Куда?

— В Запорожье.

— Его там теперь нет. Штаб переехал в Кировоград.

Через час жена П. Н. входила в штаб генерала Киттеля, в Запорожье, а казак, вскочив, как на коня, на проходивший поезд, мчался в Кировоград.

Адъютант приветливо открыл дверь кабинета и просил войти. Генерал Киттель встал из-за стола и пошел навстречу женщине, носившей фамилию, занявшую почетное место в его памяти о пребывании на Дону.

— Я имею большую честь быть знакомым с вами. Я восхищен сверхмужеством и дерзновенностью вашего мужа, творившего во имя свободы родины в страшных условиях советской России. Я поражен вашей самоотверженностью, проявленной в спасении мужа на протяжении многих более

чем жутких лет. Это пример, достойный известной всему миру казачьей героики. Я готов всегда это свидетельствовать перед всеми и моим народом.

— Мой муж арестован вашим генералом Клейстом.

— Как он смел?

Генерал поднялся во весь свой огромный рост, правая рука его согнулась, как будто для нанесения удара нанесшему оскорбление его, только что произнесенным, словам.

— Ваш муж будет освобожден, в этом порукой вам будет моя честь. Сейчас же будет послана радиограмма генералу Клейсту. В течении трех дней я поставлю вас в известность об освобождении вашего мужа.

Прошло три долгих, мучительных дня, бесследно похоронивших надежду, внушенную разговором с генералом Киттелем.

На четвертый день жена узника опять в штабе генерала. Минуты ожидания приема кажутся еще более длинными и томительными, а звуки шагов как будто предвещают несчастье, на глаза опускается слезный туман.

— Вы госпожа Донскова?

— Да.

— Не удивляйтесь, что я, германский офицер, говорю по-русски. Не удивляйтесь и тому, что я вам обязан доложить. Генерал Киттель каждый день бомбардирует радиограммами генерала Клейста, но, к сожалению, ответа до сих пор нет. По просьбе генерала Киттеля высшая правительственная инстанция вмешалась в дело генерала Клейста и вашего мужа, и я, в качестве офицера особого назначения, немедленно выезжаю в Херсон для прекращения произвола генерала. Не скрою от вас, что ваш муж находится в очень опасных руках. Прошу вас быть спокойной. Скоро увидитесь с мужем. Всего хорошего, я должен спешить.

— Он в опасных руках... да, я знаю, в чьих руках мой муж, и, может быть, попытка вырвать его из лап энкаведистов будет слишком запоздалой. Там знают, что делают, и медлить не будут.

Женщина, подавленная горем, потеряла представление о пространстве и времени и не заметила, что она стоит на днепровской плотине.

— Вот она, страшная своими превратностями, неправда жизни. Вот оно подавляющее неискушенный человеческий разум иностранца, величие Днепростроя, вещающее о славе строителей «нового мира», а там, внизу, вечно протестующий шум водопада против кровавого насилия над миллионами рабов коммунизма. Двадцать лет бурлящий омут советской жизни тянул нас ко дну, как отверженцев режима. Как часто стояли мы над страшным жизненным обрывом, как стоим и ныне... а может быть, теперь стою только я одна .. может

быть, уже его столкнула рука предателя в кровавый водоворот жесточайшей эпохи, и к миллионам жертв прибавилась еще одна... и стонать мне с этими волнами остаток моей одинокой жизни... О, сколько женских слез сливалось в ручьи безымянные и стекало в Тихий Дон. Нет казачки, не оплакивавшей пленение своего народа, красными варварами двадцатого века. Господи, помоги мне... слышу, слышу его слова, воскрешающие угасшую надежду жизни... вижу его руку, подающую помощь тонущему в житейских волнах...

Если скажешь, что в смерти ты ищешь забвенье,
Что разбит на земле твоих чувств идеал,
Не сгибай пред невзгодами жизни колени,
Жизнь — борьба, а не светлый, чарующий бал
Если силы твои накануне паденья,
Если путы безумной тоски не порвать,
Если тонешь ты в бурном житейском волненье,
Я готов тебе помощи руку подать
Я с тобой моей силою рад поделиться,
Передать мою волю к труду и борьбе,
Лишь открой моих песен безмолвных страницы,
И беззвучно слова все расскажут тебе
Что рожден человек для свободы и света,
Не исчерпать ему блага жизни до дна,
Что, быть может, в стихии страданий поэта
Все мученья твои — только капля одна

Да, я должна жить, я должна быть достойной своего отца, члена Войскового Круга, положившего жизнь за казачью правду. Я должна быть достойной своего брата, полковника генерального штаба, сложившего голову за славу и честь казачью.

Я должна быть достойной своего мужа, одного из первых партизан на Дону с 1917 года, не сложившего свое идейное оружие в борьбе с большевиками и по сей день. Я должна сказать о его дерзновенном творчестве во имя славы Дона в советских застенках, пусть его творения будут нерукотворным памятником, что бы ему судьба не уготовила.

Мечется старый казачий полковник Василий Арсентьевич Беляевсков, бьет гневным кулаком в двери командующего Южным фронтом генерала Клейста, но всюду в ответ холодное молчание жандармских автоматов.

Зорко охраняют все входы к генералу Клейсту не только одни жандармы. Еще зорче следят за путями к нему те, кто создал провокацию против посланника походного атамана Павлова.

— Напрасно вы кружитесь тут, Василий Арсентьевич, — поучительным тоном говорит, внезапно откуда-то вынырнувшая жена Духопельникова, идейная вдохновительница провокации, владеющая чувствами и помыслами немецкого майора, помощника генерала Клейста. — Ваш приятель уже зарыт на

кладбище, а вы все стараетесь о его освобождении, — продолжает она.

— Не может быть! Что вы говорите? Это было бы чудовищно!

— А это не чудовищно убивать моего мужа и полковника Белого?

— Но ведь он же их не убивал, они его убили!

— Они бы не убили, так он бы их убил.

— Хороша мораль, нечего сказать. Если бы он хотел их убивать, то они бы лежали на его месте. Он встретил Платона Михайловича, когда ехал, и не убил же его.

— Он хотел их убить обоих сразу.

— Хотел, хотел... Откуда вы знаете, что он хотел?

— Гм...

— Нет, убивать своего казака ни за что есть преступление перед казачеством и христианской моралью.

— Ну, не мы же убили, а немцы.

— Убивали вы, только руками немцев. И верьте, госпожа Духопельникова, это убийство не пройдет даром. Убит ведь не кто-нибудь, а донской поэт, писатель возрождения Дона. О нас с вами забудут, «мы черви земные», а о нем скажет во весь голос будущее поколение и заклеймит позором убийц его и род их весь. Кому нужна его смерть?

— Казакам!

— Вы лжете, госпожа Духопельникова, казачество не может убивать певца своей воли и славы! Смерть его нужна большевикам. Они больше чем кто-нибудь знают на практике силу творческого слова. Главное оружие в их борьбе и победах — пропаганда. Сталин недаром окружил себя плеядой писателей — «инженеров душ», призванных для перековки сознания всего мира, и НКВД прежде всего направляет свой удар на тех, кто на этом фронте дерзает поднять против них свое творческое оружие.

— Так это же немцы убили.

— Это — вторая цель, в которую бьет НКВД. Свалить все на немцев, дискредитировать их в глазах казачества, на этом будет построена их пропаганда:«вот, мол, глядите, как немцы расправляются с казаками, а вы их считаете освободителями и союзниками».

— Ну, что же, что прошло, то назад не воротишь, мертвые не возвращаются, — веселым речитативом ответила покорительница вражеских сердец.

— Хорошее веселье...

— Пойдемте-ка лучше к нам на тризну и выпьем за упокой вашего неудачливого поэта.

— Как хотите, «уважаемая», но это кощунство, и говорить мне с вами больше не о чем.

— Ну, тогда они с вами будут говорить!

— Что это, угроза?

— Как хотите понимайте, но вы можете иметь в нашем штабе должность интенданта.

— Благодарю покорно, я не из таких, кому навязывают «на цыгана мать».

— Никто вам ничего не навязывает, а должность войскового интенданта предлагается.

— Да вы-то какое отношение имеете к штабу?

— Самое непосредственное.

— Ну, извините, я еще не дожил до такого срама, чтобы у нас бабы казачьими делами правили.

— Это было когда-то, а теперь равноправие.

— Хорошее равноправие, когда штабом руководит политрук в юбке.

— Не хотите, не надо, обойдемся и без вас. В следующий раз встретимся здесь же.

Соблазнительница повернула за угол, а возмущенный ее наглостью полковник Беляевсков продолжал высказывать вслух свое негодование:

— Везде сует нос, везде ее работа. Брешет, проклятая, Петр Николаевич жив. Я сам слыхал, как он припер к стенке генерала Клейста, и он не пойдет на такое самоуправство, как расстрел, побоится последствий. Это несомненно только желание этих служителей НКВД, но подождите, этот «покойничек» еще выйдет вам боком, в этом я уверен.

Опять проклятый «ворон» перед окнами моей тюрьмы. Меняются решетки заключения, меняется стража, меняются впечатления, а думы заключенного остаются все те же, тюрьма остается тюрьмой. Только на этот раз привезли не к парадному подъезду генерала, а к какому-то другому зданию, охраняемому полевой жандармерией. Длинный коридор со множеством боковых дверей, в последней комнате за столом пожилой полковник с неподвижными чертами лица. Пытливый взор, привыкший сразу определять психологическую категорию стоящего перед ним, теперь остановился на мне.

— Ваша фамилия господин Донсков?

— Когда окончатся издевательства надо мной? Если и вы верите клевете, возведенной на меня генералом Клейстом, то ваши разведывательные органы не стоят ровным счетом ничего. Не я преступник, а генерал Клейст, и я обвиняю его в соучастии с агентами НКВД по преследованию меня и разложению казачества по заданию советской разведки. Я ему об этом заявил и теперь заявляю вам, даже не зная, кто вы, потому что это моя обязанность. Я должен выполнить приказ походного атамана: Духопельников и Белый должны быть отстранены от казачьей деятельности.

— Очень хорошо! Мы знаем, какой разгром вы сделали коммунистам на Дону, и потому нам понятно, что вы преследуете их агентуру и теперь, а они преследуют вас. Прошу вас сесть и успокоиться. Произвол, Учиненный над вами генералом Клейстом, нами установлен и пресечен. В скором времени он будет совершенно отстранен от касательства к казачеству.

Мы имеем достаточно доказательств о принадлежности Духопельникова и Сюсюкина к НКВД, но, чтобы не подорвать авторитет генерала Клейста, оставляем их под его ответственность на полицейской службе и постараемся нашим надзором обезвредить их действия. В силу своих обязанностей я должен поставить вам еще один неприятный для меня и для вас вопрос. У нас много доносов на вашего атамана Павлова. Прошу вас сказать со всей вашей ответственностью: вы верите полковнику Павлову?

— Да! Полковник Павлов честнейший человек и достойнейший из казаков на пост походного атамана.

— Этого достаточно. Прошу вас подписать вот этот документ.

Полковник встал и дружески протянул руку.

— Вы свободны и можете продолжать вашу деятельность по вашему усмотрению. Вас и ваших казаков автомобиль доставит в расположение казачьих частей. Желаю вам успеха.

Мы на свободе. Теперь «ворон» для нас только как транспортное средство, а два жандарма, сидящие с нами внутри его, были, вероятно, его постоянным приложением.

Проехали город и продолжаем ехать и ехать. Казачата начинают вопросительно посматривать друг на друга. Они сомневаются в честности слова немецкого офицера, да и как было не сомневаться после столь недостойного поведения генерала Клейста. Не расстрел ли?

Старший жандарм заметил их явное беспокойство и обратился ко мне с успокоительными словами.

— Скоро приедем и они будут свободны.

Село Музыковка. «Ворон» остановился, решетчатая дверь позади нас, мы на свободе. Жандармский офицер отдал нам честь и пожелал успеха.

— Куда идти?

Случайность послала нам на встречу командира полка, С. Л. Попова. Высокий, стройный, всегда чопорно подтянутый, он ехал на высоком гнедом коне.

— А-а, Петр Николаевич, ко мне на квартиру.

— Благодарю покорно, но должен вам, Сергей Львович, сказать прямо, что если вы единодушны с Духопельниковым, то принять ваше гостеприимство не могу.

— Да что вы, Петр Николаевич, что может быть у меня общего с этими прохвостами. Мы здесь все понимаем, что

они будут выброшены казачеством, как только оно организует свои силы. А генерал Клейст для нас явление постороннее, и нам с ним детей не крестить. Пожалуйте ко мне.

Весть о том, что я жив и невредим и уже получил заверение командира полка и многих офицеров об их лояльности к походному атаману Павлову, быстро долетела до Духопельникова и Белого, и они, распустив слух, что едут на прием к Гитлеру, ретировались в Млаву, где, по неведению, что творит, бывший член Кубанской рады преподнес Белому, как походному атаману, войсковую булаву. На этом акте закончилась роль Белого и Духопельникова в их авантюрной игре. Казачье наступление на немецко-чекистский произвол, начатое на Дону, закончилось разгромом генерала Клейста и его сподвижников. Генерал Клейст был отстранен от ведения казачьими делами. Поручившись своим генеральским авторитетом за благонадежность своих сатрапов Духопельникова и Белого, он оставил их на полицейской службе.

Штаб походного атамана Павлова стал возглавителем всего казачества. Кубанцы и терцы стихийно примкнули к своим старшим собратьям. Кубанские и терские офицеры стали представителями штаба.

— Донской походный атаман Сергей Васильевич Павлов, во исполнение Казачьей Декларации, санкционированной немецким правительством, принял на себя обязанности и звание походного атамана Казачьих Войск.

Картина Второго Казачьего Сполоха отразилась в общеказачьем гимне, написанном автором этой книги:

Полыхают пожаром казачьи станицы,
Ветер пепел несет по родимым полям.
Есть, за что нам с кровавой коммуною биться,
Есть, чем будет порадовать родину нам...

СОДЕРЖАНИЕ

П. Н. Краснов

ВЕНОК НА МОГИЛУ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИЙСКОЙ АРМИИ

3

«КРЕСТНАЯ НОША»

Составил В. Сидоров

43

П. Н. Донсков

ДОН, КУБАНЬ И ТЕРЕК ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

309

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

Том 2

Редактор
В. Третьякова

Художественный редактор
И. Марев

Технический редактор
Г. Шитоева

Корректор
А. Мишина

Компьютерная верстка
А. Мынко

ЛР № 030129 от 02.10.91 г.
Подписано в печать 20.09.96 г.
Уч.-изд. л. 36,25. Цена 26 000 р.
Цена для членов клуба 23 100 р.

Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

Книги издательства «ТЕРРА» можно заказать по адресу:
109033, Москва, а/я 66.

ТАЙНЫ И ИСТОРИИ

в романах, повестях и документах

С возрождением казачества в наше время вновь возрос интерес к этой теме. Извечной красотой доблести и славы сияет история казачества.

Во вторую книгу сборника «Трагедия казачества» вошли воспоминания бывшего атамана войска Донского П. Краснова, письма сотен казаков, собранные В. Сидоровым, в которых прослеживается народная трагедия 20–30-х годов, и историческая повесть П. Донскова о попытках организованной борьбы казаков против Советской власти, за казачью вольность, а также о судьбах казаков, оказавшихся на занятых немцами территориях во время второй мировой войны.